THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 13

Minsk
2012

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 13

Мінск
2012

УДК 930.25(476)(058)

У трынаццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталогіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДІДАС

Рэдакцыйная калегія:
Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА,
Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА, В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ,
У. К. КОРШУК, В. А. КОСМАЧ, У. П. КРУК, М. В. ЛАРЫН (Расія),
І. Б. МАЦЯШ (Украіна), В. Л. НАСЕВІЧ, Ю. У. НЕСЦЯРОВІЧ,
В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДІДАС, 2012

АРТЫКУЛЫ

В. И. Адамушко,
директор
Департамента по архивам и делопроизводству
Министерства юстиции Республики Беларусь,
кандидат исторических наук;

Н. В. Бебенин,
консультант отдела
организационно-методической работы
Департамента по архивам и делопроизводству
Министерства юстиции Республики Беларусь,
судья Верховного Суда Республики Беларусь в отставке;
e-mail: belkom@archives.gov.by

О ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ»

Вступивший в силу Закон Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» от 25 ноября 2011 г. (далее — Закон) является новым Законом в сфере архивного дела и делопроизводства.

В связи с этим полагаем необходимым осветить в настоящей статье его основные новшества по сравнению с ранее действовавшим Законом «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» от 6 октября 1994 г.

Принимая во внимание предмет правового регулирования Закона, сформулировано его новое название — «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь».

В Законе систематизированы законодательные акты и сняты противоречия по правовому регулированию в сфере архивного дела, уточнен состав органов архивного дела и делопроизводства. В частности, к их числу отнесены республиканский орган государственного управления в сфере архивного дела и делопроизводства, которым сегодня является Министерство юстиции Республики Беларусь, а также структурные подразделения по архивам и делопроизводству областных (Минского городского) исполнительных комитетов.

В Законе значительно доработан терминологический словарь, используемый в сфере архивного дела.

Так, в статью 2 Закона включены такие новые термины, как «особо ценный документ» и «уникальный документ», поскольку они применяются в сфере архивного дела и их определения необходимы для понимания нормативных предписаний законодательства об архивном деле.

Также значительно переработаны определения таких терминов, как «архивное дело», «архив», «архивный документ», «документ Национального архивного фонда», «документы по личному составу», «источники комплекто-

вания государственных архивов», «пользователь архивных документов». Внесенные изменения вызваны необходимостью конкретизации нормативных предписаний, приведения их в соответствие с законодательством, упорядочением использования отдельных словосочетаний.

В то же время исключены такие термины и их понятия, как «частный архив», «тайный архив», «технотронный документ», «документальный памятник», «Государственная архивная служба Республики Беларусь», «информационный ресурс», ввиду их неприменения на практике либо наличия их определений в других специальных законах Республики Беларусь.

В сферу действия Закона включены отношения, связанные с деятельностью постоянно проживающих на территории Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства по организации накопления, хранения, учета и использования документов Национального архивного фонда, а также отношения, связанные с деятельностью представительств иностранных организаций по обеспечению накопления, хранения, учета и использования документов по личному составу работников этих представительств.

В Законе актуализированы нормативные предписания, касающиеся способов пополнения Национального архивного фонда, в том числе порядка составления списков источников комплектования государственных архивов. Так, дополнительно предусматривается, что Национальный архивный фонд может пополняться также путем международного и внутригосударственного документообмена и иными способами, не противоречащими законодательству.

Нормативные предписания, касающиеся определения архивных документов, относящихся к государственной и негосударственной частям Национального архивного фонда, актуализированы с учетом существующей системы государственных органов и иных организаций, приведены в соответствие с законодательством.

Так, перечень документов государственных организаций, относящихся к государственной части Национального архивного фонда, пополнен документами ряда вышестоящих государственных органов (например, документами Национального собрания Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь и др.). Наименования государственных органов и иных организаций соответствуют действующей терминологии.

Кроме того, к государственной части Национального архивного фонда отнесены копии информационных ресурсов постоянного хранения, подлежащие передаче на хранение в государственные архивы.

Уточнен порядок включения документов в состав Национального архивного фонда, а именно документы включаются в состав Национального архивного фонда по решению государственных архивных учреждений на осно-

вании экспертизы ценности документов. В отношении индивидуальных предпринимателей уточняется порядок проведения экспертизы ценности документов без создания экспертных комиссий. Расширен также перечень случаев подписания собственником документов охранного обязательства: при включении документов, образовавшихся на протяжении жизни гражданина, его семьи, рода, в состав Национального архивного фонда, а также при передаче новому собственнику права собственности на документы Национального архивного фонда. Для сравнения Законом «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» предусматривалось подписание охранного обязательства лишь в случае передачи новому собственнику права собственности на документы Национального архивного фонда.

Законом определены следующие виды архивов:

государственные архивы (республиканские, областные (г. Минска) и зональные архивы);

территориальные (городские или районные) архивы местных исполнительных и распорядительных органов;

архивы государственных органов, иных организаций.

При этом в Законе предусмотрена возможность создания организациями объединенных архивов.

В целях обеспечения сохранности документов Национального архивного фонда в Законе предусмотрено не право, а обязанность государственных органов, иных организаций по созданию архивов для обеспечения накопления, хранения, учета и использования образовавшихся в процессе их деятельности документов Национального архивного фонда.

Претерпел изменение подход к установлению гарантий сохранности документов Национального архивного фонда. Принимая во внимание существующие особенности в деятельности общественных организаций, индивидуальных предпринимателей (прежде всего имеется в виду штат работников), в Законе содержится общая норма об обязанности руководителей государственных органов, иных организаций, индивидуальных предпринимателей в соответствии с законодательством создавать условия для приема, хранения, учета и использования документов. В развитие этого положения Закона республиканским органом государственного управления в сфере архивного дела и делопроизводства будут разрабатываться конкретные требования к различным органам, организациям, индивидуальным предпринимателям по обеспечению архивов помещениями, оборудованием и специалистами.

В Законе разграничены виды архивов, определен их статус и порядок создания, уточнено право собственности на документы этих архивов, установлены категории документов и режимы их хранения с учетом иных актов законодательства и сложившейся практики.

Так, Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности)

субъектов хозяйствования» установлена передача архивных документов ликвидируемых субъектов хозяйствования в территориальные (городские или районные) архивы местных исполнительных и распорядительных органов. Поскольку указанные архивы не наделены статусом государственного архива, имеют свои узкие функции и задачи, в Законе территориальные (городские или районные) архивы выведены из числа государственных архивов.

В Закон также внесены нормы, обусловленные необходимостью устранения некоторых пробелов Закона «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь», которые затрагивают права и законные интересы наших граждан. В частности, на практике зачастую имели место случаи невозврата временно изъятых документов Национального архивного фонда или возврата их не в полном объеме. Чтобы избежать подобного, Закон содержит положение, согласно которому основания временного изъятия документов и порядок их возврата будут определяться законодательными актами. В целях исключения на практике случаев неудовлетворительного физического состояния страховых копий особо ценных и уникальных документов в Законе закрепляется обязанность собственников страховых копий обеспечить их сохранность, чего не было в Законе «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь».

В Законе также нашел отражение такой актуальный для граждан Республики Беларусь вопрос, как сохранность документов по личному составу в случае ликвидации организаций, прекращения деятельности индивидуальных предпринимателей. Согласно его нормам в этих случаях указанные документы передаются в архив вышестоящей организации, архив учредителя, участника, а если таковых нет — в территориальный архив. В случае прекращения деятельности представительств иностранных организаций документы по личному составу передаются в территориальный архив.

Законом предписывается ведение Государственного фондового каталога Национального архивного фонда (вместо Свода Национального архивного фонда), что соответствует сложившейся практике.

Определен порядок пользования документами Национального архивного фонда с учетом требований законодательства о государственных секретах, а также зарубежного опыта правового регулирования.

Так, предусматривается, что доступ к архивным документам ограничивается, если есть основания считать, что это повлечет разглашение государственных секретов, коммерческой и иной охраняемой законом тайны, может нанести вред сохранности архивных документов (в этом случае выдаются копии архивных документов), нарушает права и законные интересы граждан или повлечет иное нарушение законодательства.

Также устанавливается срок, на который может быть ограничен доступ к архивным документам, содержащим сведения, относящиеся к личной тайне граждан, — 75 лет со дня создания таких документов.

Содействовать развитию материально-технической базы государственных и территориальных архивов призвана реализация нормы Закона, предусматривающей возмещение собственником документов негосударственной части Национального архивного фонда расходов на их хранение. Размер платы за хранение документов и порядок пользования ими будут определяться договором хранения. Вместе с тем политическим и военным деятелям, деятелям науки, искусства, культуры и иных сфер государственной и общественной жизни предоставляется возможность безвозмездно хранить в государственных архивах свои документы, имеющие значимость для общества и государства.

В рамках реализации положений Закона обеспечено приведение в соответствие с ним актов законодательства — Указов Президента Республики Беларусь, Законов Республики Беларусь, постановлений Правительства, нормативных правовых актов республиканских органов государственного управления, а также решений местных исполнительных и распорядительных органов.

Так, к примеру, в настоящее время разработаны и приняты Указ Президента Республики Беларусь «О признании утратившими силу некоторых указов и отдельных положений указов Президента Республики Беларусь по вопросам архивного дела», Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые Законы Республики Беларусь по вопросам архивного дела», постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении системы государственных архивных учреждений Республики Беларусь», «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам архивного дела и делопроизводства», а также целый ряд постановлений и приказов Министерства юстиции Республики Беларусь по вопросам архивного дела и делопроизводства.

В заключение полагаем необходимым отметить следующее.

В Законе учтены современные тенденции развития общества, его реализация будет содействовать совершенствованию архивного дела и делопроизводства и самое главное — отвечать интересам граждан нашей страны, а также интересам иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающим на территории Республики Беларусь.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 17.04.2012

Т. И. Седляревич,
начальник отдела
организационно-методической работы
Департамента по архивам и делопроизводству
Министерства юстиции Республики Беларусь

90 ЛЕТ ИСТОРИИ АРХИВНЫХ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Архивы были и остаются для человечества постоянным источником познания и проверки истины. Архивоведение в XXI в. является самостоятельной, касающейся всех и каждого, сферой практической и научной деятельности, занимающей принципиально важное место в системе современных научных дисциплин и в общественной жизни.

Государственные архивы Республики Беларусь сегодня — это не только ценнейшее наследие истории и культуры государства, народа, общества, но и важнейший информационный ресурс государства. Роль архивов в сохранении национального культурно-исторического богатства нашей страны поистине уникальна.

В 2012 г. органы архивного дела и делопроизводства и система государственных архивных учреждений Республики Беларусь отметили свое 90-летие. На протяжении всего этого времени они неукоснительно осуществляли политику государства в сфере архивного дела и делопроизводства, которая направлена на обеспечение потребителей ретроспективной информацией, необходимой для решения задач политического, экономического и культурного развития страны, стабильного и устойчивого развития общества.

Начало централизованного руководства государственными архивами в нашей стране относится к июню 1922 г., когда был создан Центральный архив (далее — Центрархив) при Академическом центре Наркомпроса БССР (с 17 июля 1922 г. — при Инспекториате научных и художественных учреждений Наркомпроса БССР, с 4 августа 1922 г. — при Центральном Исполнительном Комитете БССР (далее — ЦИК БССР)). 4 августа 1922 г. Президиум ЦИК БССР рассмотрел вопрос о положении архивного дела в республике и принял постановление «Об архиве», согласно которому категорически запрещалась продажа архивных материалов, утверждался штат работников «Архива Белоруссии» из 5 человек.

12 сентября того же года Президиумом ЦИК БССР было утверждено «Положение о Центральном архиве Социалистической Советской Республики Белоруссии», где указывалось, что Управлением Центрархива издаются положения и правила, определяющие порядок действий его филиалов, а также инструкции по архивному делу научного и технического характера. В положении говорилось: «Все дела и переписка правительственных учреждений бывшей Российской империи и других бывших государственных образований на территории Белоруссии поступают в Единый государственный

архивный фонд Белоруссии за период времени, особо определяемый Центрархивом для каждого ведомства по соглашению с ним; дела, не утратившие значения для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, не поступая в ведение Единого государственного архивного фонда Белоруссии» [1].

Уездные отделения Центрархива Белоруссии находились в ведении уездных исполкомов, подчиняясь директивам Центрархива. Согласно положению Центрархив являлся единым архивным учреждением, сосредоточившим функции республиканского архива и административного органа, осуществлявшего руководство всей архивной службой, в том числе и через уездные отделения.

В этот период началась работа по подготовке ряда методических инструкций и пособий по архивному делу. Инструкция «О порядке передачи дел в Государственный архивный фонд Белоруссии и его уездные отделы архивных дел и бумаг и о порядке уничтожения их», утвержденная в декабре 1922 г., представляла собой по сути первые правила работы государственных и ведомственных архивов республики. В инструкции в частности говорилось: «Каждое сдаваемое в Центрархив дело должно быть сформировано и иметь папку, обложку и т. п. и опись всем находящимся в нем бумагам с обозначением в особой графе описи числа писанных листов в деле (белые листы должны быть удалены). В конце описи, в той же графе под чертой, выставляется числами итог числа листов во всем деле. Каждое дело, или если архивный материал соединен в связки, то и последние должны снабжаться (разборчиво) названием сдающего учреждения и его части, наименованием сдаваемого материала, шифром и порядковым номером делопроизводства и сдаточной описи и крайними хронологическими датами его, т. е. датой начала его производства и датой окончания производства. Наименования учреждений и материалов должны быть указаны с соблюдением официальной номенклатуры без всяких сокращений и произвольных изменений в названиях. Все это утверждается подписью в описи управделами или подписью лиц, ответственных за ведение текущих архивов» [2]. В марте—апреле 1923 г. Центрархив разработал и разослал на места анкету об обследовании в уездах архивов как ликвидированных, так и действующих учреждений, руководство по приему, размещению и составлению описей архивных материалов и другие методические разработки.

В конце 1922 — начале 1923 г. при президиумах уездных исполкомов начали создаваться органы управления архивным делом на местах — архивные отделы, а при них по российскому образцу — «уездные архивные филиалы» как хранилища документов. Уездные архивные отделы просуществовали более года и были ликвидированы в связи с крупными административно-территориальными преобразованиями — в соответствии с постановлением 2-й сессии ЦИК БССР от 17 июля 1924 г. уездно-волостное административно-

территориальное деление в республике было ликвидировано и заменено делением на округа, районы и укрупненные сельские Советы. При каждом окружном исполнительном комитете, согласно положению об окружных съездах Советов и их исполкомах, создавалось отделение Центрархива БССР. При районных исполкомах отделы не образовывались, а наблюдение за сохранностью архивов в районе возлагалось на секретаря общей канцелярии райисполкома, ведавшего делопроизводством. Отделения Центрархива БССР при окрисполкомах — окружные архивы — стали едиными архивными учреждениями в округах, контролировавшими организацию делопроизводства и архивного дела во всех учреждениях и концентрировавшими в своих хранилищах архивные фонды округа.

Значительным событием в истории архивного строительства в Беларуси стала 1-я Всебелорусская конференция архивных работников, проходившая в Минске 12—15 мая 1924 г. Инициатором созыва конференции был Центрархив БССР. В ней приняли участие представители Инбелкульта, ряда архивов, Белгосуниверситета, советских органов, общественных организаций. Участники конференции подвели итоги деятельности по созданию Единого государственного архивного фонда БССР, обсудили основные вопросы организации архивного дела. Конференция архивных работников положила в основу научной организации Единого государственного архивного фонда БССР принцип историзма, деления архивных фондов по историческим эпохам. Губернские архивные фонды досоветского периода предлагалось сосредоточить в Минске, Могилеве и Витебске, а в окружных архивах (отделах) — материалы учреждений и организаций, находившихся на территории данного округа.

Деятельность архивных учреждений Беларуси позволила в 1924—1925 гг. в основном закончить концентрацию документальных материалов дооктябрьского периода уездных и волостных учреждений, церквей и помещичьих имений, а также упраздненных губернских, уездных и волостных советских учреждений и организаций. Таким образом, к концу 1925 г. в государственных хранилищах Центрархива БССР и его окружных отделениях хранилось около 1,3 тыс. фондов, свыше 15 тыс. книг и комплектов газет.

В целях качественного улучшения работы архивной службы в 1927 г. были приняты «Положение о Едином государственном архивном фонде БССР» (28 мая 1927 г.) и «Положение о Центральном архивном управлении БССР и его органах» (8 декабря 1927 г.). В первом из них констатировалось: «Единый государственный архивный фонд БССР хранится: а) в Центральном архиве Октябрьской революции БССР, б) в Минском, Витебском и Могилевском исторических архивах, в) в окружных архивах и г) в государственных, общественных, профессиональных, кооперативных и других учреждениях, организациях и предприятиях в течение срока, указанного в ст. 4.

3. Заведование Единым государственным архивным фондом БССР возлагается на Центральное архивное управление БССР» [3]. Таким образом, была организационно закреплена созданная сеть государственных архивов. Центрархив прекратил свою деятельность как собственно Центральный архив и как руководящая республиканская структура. Архивное дело в Беларуси возглавило Центральное архивное управление БССР (далее — ЦАУ БССР), деятельность которого не была непосредственно связана с работой с документами в архивах. Как и ликвидированный Центрархив, ЦАУ находилось в непосредственном ведении ЦИК БССР. В «Положении о Центральном архивном управлении БССР и его органах» определялись обязанности ЦАУ БССР:

«а) общее управление и заведование всем архивным делом БССР;

б) разработка вопросов о концентрации архивных материалов в хранилищах Центрального архивного управления;

в) издание справочников-указателей по архивам, архивных материалов, книг и брошюр по архивному вопросу;

г) разработка мероприятий по сохранению архивных материалов в учреждениях, организациях и предприятиях до передачи их в Единый государственный архивный фонд БССР» [4].

Дальнейшие структурные и функциональные преобразования в системе Государственной архивной службы нашли отражение в новом «Положении об архивном управлении БССР», утвержденном 15 октября 1930 г. на заседании Президиума ЦИК республики, в соответствии с которым на ЦАУ БССР, подчиненное непосредственно Президиуму ЦИК БССР, было возложено заведование Государственным архивным фондом и руководство архивным делом БССР. Местные Советы были обязаны осуществлять контроль за состоянием архивного дела в городах и районах, организовывать подготовку и сдачу на хранение документальных материалов в госархивы.

Очередные изменения организационной структуры архивов Беларуси произошли после проведенных административно-территориальных преобразований второй половины 30-х годов XX века. В связи с образованием областей в 1938 г. Президиум ЦИК БССР 5 июля 1938 г. принял постановление «О реорганизации архивных органов в связи с образованием областей в БССР», согласно которому при Минском, Могилевском, Гомельском, Витебском и Полесском областных исполнительных комитетах создавались областные архивные управления. Центральный архив Октябрьской революции был реорганизован в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Могилевский исторический архив был преобразован в Центральный исторический архив, сконцентрировав все архивные материалы, имеющие республиканское значение (до 1917 г.). В Мозыре решено было создать Полесский областной архив.

В сентябре 1938 г. ЦАУ БССР и Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, Центральный исторический, Минский, Витебский, Гомельский областные архивы были переданы в ведение НКВД БССР. В августе 1939 г. ЦАУ БССР преобразовано в архивный отдел НКВД БССР, областные архивные управления — в архивные отделения УНКВД областей.

С воссоединением Западной Беларуси с БССР сеть госархивов республики увеличилась почти в два раза. 11 февраля 1940 г. в соответствии с постановлением СНК БССР «Об организации архивного дела в Барановичской, Пинской, Вилейской, Брестской и Белостокской областях БССР» были созданы архивные отделения при областных управлениях НКВД и областные архивы. Гродненский архив был реорганизован в филиал Центрального исторического архива БССР. В нем хранились в основном документы учреждений бывшей Гродненской губернии.

Предполагалось, что присоединение к БССР западнобелорусских областей повлечет за собой последнее изменение сети госархивов республики, за которым последует относительно долгая стабилизация работы Государственной архивной службы. Накануне войны, 29 марта 1941 г. Совнарком СССР утвердил «Положение о Государственном архивном фонде СССР», которое законодательно закрепило систему управления архивным делом, сложившуюся с передачей в 1938 г. архивных учреждений в ведение НКВД. В соответствии с ним создавался единый союзный Государственный архивный фонд, который хранился в центральных, республиканских и местных архивах.

К началу Великой Отечественной войны в республике действовали 3 центральных и 10 областных госархивов, в которых на постоянном хранении находилось около 7,5 млн дел. Кроме того, в ведомственных архивах хранилось примерно 7 млн дел и около 6 млн дел — в районных госархивах с переменным составом документов. Накануне войны в республике наряду с госархивами функционировали архивы Компартии Беларуси, Академии наук и некоторых других организаций и ведомств, постоянно хранивших документы. Согласно штатному расписанию на 1941 г. в архивных учреждениях Беларуси значилось более 300 сотрудников.

Великая Отечественная война нанесла непоправимый урон документальному наследию белорусского народа, хранившемуся в государственных и ведомственных архивах, рукописных отделах и отделах письменных источников крупнейших белорусских библиотек и музеев. В результате немецкой оккупации 1941—1944 гг. государственные архивы Беларуси потеряли около 3,7 млн дел. Почти полностью погибли фонды госархивов Барановичской и Вилейской областей, множество фондов ЦАОР БССР, ЦГИА БССР, госархива Могилевской области. Почти все документы за 1930—1941 гг., находившиеся к началу нападения Германии на Советский Союз в учреждениях и организациях, были уничтожены. Пострадали все здания госархивов, были

повреждены или превращены в россыпь десятки тысяч единиц хранения, утрачен научно-справочный аппарат к большинству архивных фондов. С началом войны фактически перестало функционировать архивное управление НКВД БССР, успев лишь преобразоваться в отдел госархивов. 75,3 тыс. дел было эвакуировано в восточные области СССР. Часть документов была вывезена оккупационными властями за пределы БССР. После войны около 1 млн дел удалось отыскать и вернуть обратно. Поиски исчезнувших архивных документов продолжались не только в ходе войны и в первые послевоенные годы — они продолжаются и сегодня.

Восстановление Государственной архивной службы, сохранение документального наследия, финансовое, материальное и кадровое обеспечение работы госархивов в первые послевоенные годы регламентировались постановлениями СНК БССР и приказами НКВД БССР 1942—1944 гг. В постановлении СНК БССР «Об обеспечении сохранности документальных материалов государственных и ведомственных архивов по освобождении районов БССР от немецко-фашистских захватчиков» от 1 июля 1944 г. в частности говорилось:

«3. Запретить уничтожение каких бы то ни было материалов (общих, секретных, технических и т. п.) Государственного архивного фонда как в архивах, так и в процессе текущего делопроизводства учреждений, организаций и предприятий без разрешения Архивного отдела НКВД БССР.

4. Обязать Архивный отдел НКВД БССР развернуть работу по приведению в полный порядок документальных материалов и научно-справочных библиотек государственных архивов на территории, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков, и принять срочные меры по спасению документов, поврежденных в результате хозяйничанья оккупантов» [5].

В августе 1947 г. было удовлетворено ходатайство МВД и Ученого совета Института истории АН БССР о концентрации всех дореволюционных фондов Минской, Витебской, Могилевской и Белорусской губерний в Центральном государственном историческом архиве. Его предполагалось перевести из Могилева в Минск. Всего в конце 50-х гг. в структуру Государственной архивной службы республики входили 4 центральных архива, 6 областных архивов с двумя филиалами в Молодечно и Пинске, 8 городских архивов и 161 районный архив. В этот период определяющим для развития архивного дела Беларуси явилось совместное постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 31 марта 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств БССР». Постановление подвергло критике МВД БССР за недостаточное осуществление руководства архивным делом, обозначило задачи перед архивами в части приобретения ими необходимых средств для реставрации документов, обеспечения работы читальных залов путем публикации описей,

обзоров несекретных архивных фондов, справочников, путеводителей. В постановлении говорилось:

«В неудовлетворительном состоянии находится работа по публикации архивных документов. Медленно ведется подготовка к изданию сборников документов по советскому периоду, в частности по индустриализации, коллективизации и культурному строительству республики.

Большим тормозом в деле широкого научного использования архивных и печатных материалов является слабое внедрение в работу архивов, библиотек и научных учреждений современной техники воспроизведения документов при помощи микрофотокопирования и чтения микрофильмов» [6].

В результате выполнения решений указанного постановления в 1957—1959 гг. были созданы республиканские хранилища микрофотодокументов и лаборатория по реставрации и микрофотокопированию важнейших документальных материалов, а также аналогичные лаборатории в ЦГИА БССР и его филиале, в ряде областных архивов. В госархивах стало возможным вести реставрацию, картонирование и ремонт документов. В этот период происходит становление международной деятельности белорусских архивистов. В 1956 г. Архивное управление МВД БССР вступает в Международный совет архивов, действовавший с 1948 г.

Значимые перемены в организационной структуре архивных учреждений Беларуси имели место в 1960 г., когда Архивное управление республики было выведено из подчинения МВД и преобразовано в Архивное управление при Совете Министров, архивные отделы областных управлений внутренних дел — в архивные отделы при исполкомах областных Советов депутатов трудящихся. Согласно постановлению Совета Министров БССР «Об утверждении сети государственных архивов БССР» от 5 октября 1960 г. сеть государственных архивов составляли пять центральных архивов: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (г. Минск), Центральный государственный архив фонофотокинодокументов БССР (г. Минск), Центральный государственный архив литературы и искусства БССР (г. Минск), Центральный государственный исторический архив БССР (г. Могилев), Центральный государственный исторический архив БССР (г. Гродно), шесть областных госархивов и два их филиала в г. Пинске и г. Молодечно, городские и районные госархивы. В 1963 г. в существовавшую структуру архивной службы были внесены изменения путем ликвидации городских и районных архивов и создания на их базе ряда филиалов областных госархивов с постоянным составом.

В условиях начавшейся в конце 50-х — начале 60-х гг. демократизации советского общества неизменно возрастала роль архивов, расширялись их функции прежде всего в области обеспечения всех заинтересованных потребителей ретроспективной информацией. Существовавшая нормативно-правовая база, регулировавшая работу архивных учреждений и носившая узкове-

домственный характер, перестала соответствовать реалиям. Необходимы были новые правила, которые бы обобщили весь опыт работы государственных архивов за предыдущие десятилетия. Ими явились «Основные правила работы государственных архивов СССР», изданные в 1962 г. и отменявшие действие 35 нормативных документов за 1938—1958 гг. В правилах излагалась методика работ, выполнявшихся госархивами.

В начале 70-х гг. произошли существенные изменения в области управления архивным делом в республике. В 1972 г. было принято постановление Совета Министров БССР «О преобразовании Архивного управления при Совете Министров БССР в Главное архивное управления при Совете Министров БССР». Как отмечалось в постановлении правительства, это решение было обусловлено «расшырэннем сеткі, павелічэннем аб`ёму работы архіўных устаноў і з мэтай далейшага паляпшэння архіўнай справы ў рэспубліцы» [7]. Фактически же функции Главного архивного управления при Совете Министров БССР (далее — ГАУ БССР) не изменились. Преобразованный орган вплоть до 1980 г. продолжал руководствоваться «Положением об Архивном управлении при Совете Министров БССР», принятом 3 марта 1962 г., в котором определялись его основные задачи:

«а) обеспечение сохранности документальных материалов Государственного архивного фонда СССР, хранящихся в государственных архивах республики;

б) разработка вопросов организации, теории и техники архивного дела;

в) организация выявления документальных материалов Государственного архивного фонда СССР и всестороннего использования их в интересах развития народного хозяйства, науки и культуры республики;

г) изучение, обобщение и распространение передового опыта работы архивных учреждений в области архивного дела, археографии и документальной части текущего делопроизводства» [8]. В ведении ГАУ БССР находились документальные материалы Государственного архивного фонда СССР, хранившиеся в госархивах республики. Осуществляло оно также контроль и за документами, находившимися в министерствах и ведомствах.

С начала 80-х гг. принимались различные решения организационного характера, целью которых являлось совершенствование деятельности органов управления архивным делом и госархивов. 28 июля 1980 г. Совет Министров республики принял постановление № 280 «Об утверждении Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров Белорусской ССР, а также сети центральных государственных архивов Белорусской ССР», в котором был официально зафиксирован союзно-республиканский статус Главного архивного управления при Совете Министров Белорусской ССР (далее — Главархива БССР) — подчиненность как белорусскому правительству, так и Главному архивному управлению при Совете Министров СССР. Ряд функций государственной архивной службы был изложен в новой, более подроб-

ной редакции. Прежде всего это относилось к обеспечению сохранности документов, организационной работе, контролю за деятельностью ведомственных архивов и организацией документов в делопроизводстве. В течение 1982 г. были разработаны и утверждены новые положения об отделах Главархива БССР, центральных государственных архивах.

Значительные изменения в организации архивного дела Беларуси произошли после объявления 27 июля 1990 г. Декларации о суверенитете республики. В их числе — принятие на хранение в установленном порядке в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 1991 г. «О передаче имущества КПБ—КПСС в собственность республики и административно-территориальных образований (коммунальную собственность)» архивных фондов и текущих архивов КПБ всех уровней. В Единый государственный архивный фонд поступило более 3 млн единиц хранения бывшего архивного фонда КПБ—КПСС, и его общее количество достигло 12 млн дел.

С учетом происшедших изменений в системе Государственной архивной службы и ее значимости постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 октября 1992 г. Главархив БССР был преобразован в Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (далее — Белкомархив). 21 мая 1993 г. было утверждено Положение о нем. Согласно постановлению на Белкомархив была возложена охрана прав и интересов Республики Беларусь в области архивного дела и геральдической службы, организации делопроизводства в министерствах и ведомствах республики, на предприятиях, в учреждениях и в организациях независимо от форм собственности и хозяйственной деятельности. Сеть республиканских государственных архивных учреждений составили: Национальный архив Республики Беларусь, Белорусский научно-исследовательский центр документоведения и архивного дела, Белорусский государственный архив, Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов, Белорусский государственный исторический архив, Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства, Белорусский государственный архив научно-технической документации, Центральная лаборатория микрофотокопирования и реставрации документов Национального архивного фонда.

В 1994 г. произошло еще одно важное событие в истории Государственной архивной службы нашей страны — 6 октября 1994 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь». Закон был разработан и принят на основе Конституции Республики Беларусь и других законодательных актов и включал 10 глав в составе 42 статей. Он был направлен, в первую очередь, на обеспечение сохранности и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, закреплял наличие двух его составных частей — государственной и негосударственной, регулировал широкий доступ к архивным

документам, устанавливал право собственности на архивные документы и архивные фонды, выстраивал стройную систему государственного управления архивным делом в Республике Беларусь. До начала 1990-х гг. деятельность архивных органов и учреждений Республики Беларусь регулировалась в основном нормативными правовыми актами бывшего Главархива СССР. После принятия Закона о НАФ положение существенно изменилось. Указом Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. было утверждено Положение о Национальном архивном фонде Республики Беларусь, а также сети государственных архивных учреждений Республики Беларусь. Таким образом, была создана отечественная законодательная база по архивному делу и делопроизводству.

В 2006 г. Белкомархив, после последовавших после 1992 г. ряда преобразований, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 05.05.2006 № 289, был преобразован в Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее — Департамент). Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. № 986 было утверждено «Положение о Департаменте по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь», где определялось, что «Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь с правами юридического лица… является структурным подразделением центрального аппарата Министерства юстиции Республики Беларусь…, осуществляющим специальные функции в сфере архивного дела и делопроизводства в Республике Беларусь» [9]. В Положении также отмечалось, что Департамент выполняет возложенные на него задачи как непосредственно, так и через систему архивных органов и учреждений.

Сегодня органы архивного дела и делопроизводства и система государственных архивных учреждений Республики Беларусь — это республиканский орган государственного управления в сфере архивного дела и делопроизводства, структурные подразделения по архивам и делопроизводству областных (Минского городского) исполнительных комитетов, 10 республиканских архивных учреждений и 25 областных и зональных государственных архивов. Ежегодно на постоянное хранение принимается около 100 тыс. дел. Национальный архивный фонд Республики Беларусь на сегодняшний день насчитывает более 12 млн 200 тыс. единиц хранения документов за XIV—XXI вв.

25 ноября 2011 г. принят и 18 декабря 2011 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь», в котором учтены современные тенденции развития общества. Реализация закона будет содействовать совершенствованию архивного дела и делопроизводства и самое главное — отвечать интересам граждан нашей страны,

а также интересам иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь.

В числе главных задач органов архивного дела и делопроизводства и системы государственных архивных учреждений Республики Беларусь на современном этапе — формирование Национального архивного фонда — информационного ресурса страны и его сохранность, обеспечение государства и его социально-политических институтов ретроспективной информацией, защита законных прав и интересов каждого человека. И практика показывает, что качество работы государственных архивных учреждений соответствует возложенным на них задачам.

Литература

1. Архивное дело в БССР (1918—1968). — Минск, 1972. — С. 19.
2. Там же. — С. 24.
3. Там же. — С. 41.
4. Там же. — С. 43.
5. Там же. — С. 94.
6. Там же. — С. 100.
7. Архіўная справа на Беларусі ў дакументах і матэрыялах (1921—1995 гг.). — Мінск, 1996. — С. 56.
8. Архивное дело в БССР (1918—1968). — Минск, 1972. — С. 111.
9. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2006. — № 30. — 5/22728.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 02.05.2012

Э. М. Савицкий,
главный научный сотрудник
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
доктор исторических наук;
e-mail: secretar@belniidad.by

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

(80-е годы XX — начало XXI в.)

Согласно Конституции Республики Беларусь местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах.

Система представительных и распорядительных органов, институты непосредственной демократии призваны решать повседневные проблемы граждан, проживающих на соответствующей территории, обеспечивать их волеизъявление в важнейших вопросах жизнедеятельности местного сообщества. Не может быть каких-либо участков или вопросов местной жизни, которые находились бы вне функций и компетенции органов местного управления и самоуправления.

В их ведении не только оказание широкого круга общественных услуг (образование, здравоохранение, охрана общественного порядка и окружающей среды, планирование населенных пунктов, регулирование землепользования и т. д.), но и ряд экономических функций. Они помимо участия в решении вопросов планирования, бюджетно-финансовой работы и цен, непосредственно руководят промышленностью, градостроительством и архитектурой, сельским хозяйством, транспортом и связью, торговлей, общественным питанием, бытовым обслуживанием и др.

Все это определяет бесспорную значимость документальных материалов местных государственных органов и органов территориального общественного самоуправления для отечественной истории. В их фондах отложилась информация, которую исследователь в республиканских архивах не выявит. Здесь наиболее полно отражены повседневная жизнедеятельность, региональные явления, «маленькие» события конкретного города, поселка, деревни, каждый из которых имеет свое, неповторимое «лицо». Здесь конкретный человек в повседневной жизнедеятельности от рождения и во все периоды жизни, его повседневный быт, убеждения, поступки, поведение на рабочем месте, в быту, семье.

Отметим также, что местные государственные органы охватывают в своей совокупности фактически всех граждан республики, решают 80% всех обращений, заявлений и жалоб, с которыми они обращаются к властям [1, 176].

В соответствии с исторически сложившейся практикой национального архивоведения и архивного дела, законодательством в государственных архивах до последнего времени на базе документов Советов и исполнительных комитетов создаются объединенные архивные фонды. Обретение страной государственного суверенитета, формирование и реформирование системы органов управления, динамически меняющаяся социально-политическая ситуация определили необходимость новых подходов.

С принятием Конституции Республики Беларусь 1994 г., закрепившей принцип разделения властей, у нас создана новая система местных органов власти. Правовой статус Советов и исполнительных комитетов изменился. С этого времени — они две обособленные организационно друг от друга системы местного управления и самоуправления. Так, исполнительные комитеты входят в систему органов исполнительной власти и являются органами местного управления, Советы депутатов — это представительные государственные органы и основное звено системы местного самоуправления. Это значит, на базе объединенных фондов должны быть созданы самостоятельные фонды Советов депутатов и фонды исполнительных и распорядительных органов.

Отсутствие исследований по историко-архивным аспектам правовой базы деятельности органов представительной и исполнительной власти обусловили и другие недостатки в комплектовании государственных архивов их документами. В качестве примера можно сослаться на организацию приема на государственное хранение фондов самых многочисленных органов местного управления — комитетов, главных управлений, управлений и других исполнительных комитетов и местных администраций. Как показывает анализ текстов краткого справочника «Государственные архивы Республики Беларусь (1994—1997)» [2] по состоянию на 1 января 1998 г. в ряд архивов не поступили от ½ до ⅓ фондов этих органов. Перечни же основных структурных подразделений исполнительных и распорядительных органов содержатся в правовых актах начиная с 1937 г.

В первые годы после обретения Белорусской ССР государственного суверенитета правовая основа органов местной власти была довольно противоречивой. Она базировалась на законах, унаследованных от СССР, и законах БССР как составной части Союза. До 1994 г. Советы формировались и руководствовались в своей деятельности нормами Конституции БССР 1978 г. (с изменениями и дополнениями) [3] и принятыми на ее основе в конце 1970-х—1980-х годах правовых актов: Закон БССР «Об областном Совете народных депутатов Белорусской ССР» от 13 ноября 1980 г. № 622-X [4][*], Закон БССР «О городском, районном в городе Совете народных депутатов Белорусской ССР» от 14 декабря 1979 г. № 3353-IX [5][*], Закон БССР «О рай-

онном Совете народных депутатов Белорусской ССР» от 14 декабря 1979 г. № 3352-IX [6]*, Закон БССР «О поселковом сельском Совете народных депутатов Белорусской ССР» от 14 декабря 1979 г. № 3354-IX [7]*, Указ Президиума Верховного Совета БССР «О внесении изменений и дополнений в Положение о постоянных комиссиях областных, районных, городских, сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР» от 9 апреля 1981 г. № 991-X [8], Указ Президиума Верховного Совета БССР «О внесении изменений и дополнений в Законы Белорусской ССР о местных Советах народных депутатов Белорусской ССР» от 23 августа 1982 г. № 2266-X [9]*, Указ Президиума Верховного Совета БССР «Об отделах и управлениях исполнительных комитетов областных, районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов Белорусской ССР» от 11 декабря 1984 г. № 4060-X [10], Указ Президиума Верховного Совета БССР «О внесении изменений и дополнений в Законы Белорусской ССР о местных Советах народных депутатов Белорусской ССР» от 26 июня 1985 г. № 197-X [11]*, Указы Президиума Верховного Совета Белорусской ССР «О внесении изменений в Законы Белорусской ССР «Об областном Совете народных депутатов Белорусской ССР» и «О районном Совете народных депутатов Белорусской ССР» от 7 апреля 1986 г. № 748-XI [12]*, Закон БССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР» от 27 октября 1989 г. № 2917-XI [13], Закон БССР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР» от 27 октября 1989 г. № 2921-X [14]*, Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» от 9 апреля 1990 г. [15].

В соответствии с советскими конституциями местные Советы и их исполнительные органы являлись местными органами государственной власти и управления и функционировали в качестве составной части единого механизма государственного управления.

Впервые систему местных органов власти в соответствии с административно-территориальным делением утвердила вторая Конституция Белорусской ССР 1927 г. Образовывались окружные, городские, местечковые и сельские Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В VII—X главах Основного Закона определены порядок формирования, структура, задачи, компетенция местных органов власти и управления.

Конституция главными задачами местных органов государственной власти определяла: осуществление всех постановлений высших над ними органов власти; решение вопросов местного значения и проведение необходимых мероприятий по руководству и контролю за хозяйственным, адми-

---

* Признан утратившим силу Законом Республики Беларусь «О признании утратившим силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь по вопросам местного управления и самоуправления в Республике Беларусь» от 27 октября 2000 г. № 446-З // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 2000. № 33. Ст. 467.

нистративным и культурным строительством; составление и утверждение местных бюджетов; объединение советской деятельности в границах данной территории, а также руководство деятельностью всех подчиненных им на данной территории органов власти; обеспечение в границах данной территории революционной законности и защиту государственного строя и общественной безопасности.

Конституция 1937 г. объявила Советы депутатов трудящихся (ранее Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) политической основой БССР. Конституция закрепила административно-территориальное деление республики в составе округов, районов, городов, местечек, поселков, сел. В 1938 г. вместо округов было образовано 5 областей: Витебская, Гомельская, Минская, Могилевская и Полесская.

В соответствии со статьей 54 местные Советы «руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливают местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, содействуют усилению обороноспособности страны, обеспечивают соблюдение законов и охрану прав граждан». Исполнительными и распорядительными органами местных Советов являлись избираемые ими исполнительные комитеты. Они осуществляли руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории на основе решений соответствующих Советов депутатов трудящихся и вышестоящих государственных органов. Исполкомы были непосредственно подотчетны как Совету, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся. В исполнительных комитетах Советами создавались отделы и управления, которые в своей деятельности подчинялись как Совету и его исполкому, так и соответствующему Народному комиссариату БССР [16].

В последующие 40 лет действия Конституции 1937 г. в стране произошли глубокие изменения социально-экономического и политического порядка. Существенно обновилось и законодательство, регулирующее различные сферы жизнедеятельности. Только за 1959—1974 гг. Верховный Совет Белорусской ССР принял 226 правовых актов. В их числе Закон о бюджетных правах Белорусской ССР и местных Советов, Закон «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления Белорусской ССР», Закон о сельском поселковом Совете депутатов трудящихся и другие.

Президиум Верховного Совета Белорусской ССР начиная с конца 60-х годов ежегодно принимал специальные постановления по вопросам деятельности местных Советов. Были расширены полномочия Советов всех уровней. Им было предоставлено право направлять финансовые средства за счет сверхплановых накоплений предприятий на жилищное строительство, социальную сферу, благоустройство населенных мест. Изменялись также адми-

нистративно-территориальное устройство, организация выборов в Советы и др. [17].

Конституция 1978 г. закрепляла прежнюю систему и принципы функционирования местных Советов (которые стали называться «Советы народных депутатов»), их структуру и компетенцию, избирательное право, основы правового статуса народных депутатов. Сохранялся прежний порядок выдвижения кандидатов в депутаты организациями КПСС, профессиональными союзами, комсомолом, кооперативными и другими общественными организациями, трудовыми коллективами, а также собраниями военнослужащих по воинским частям (статья 89).

Советы по определению Основного Закона Белорусской ССР 1978 г. — это органы государственной власти в областях, районах, городах, районах в городах, поселках, сельских населенных пунктах. Местные Советы решали все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживавших на территории Совета, проводили в жизнь решения вышестоящих государственных органов, руководили деятельностью нижестоящих Советов, участвовали в обсуждении вопросов республиканского и общесоюзного значения. Они руководили на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством, подчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями, утверждали планы экономического и социального развития, местный бюджет, обеспечивали соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан и т. д. Решения местных Советов были обязательными для исполнения всеми расположенными на их территории предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами.

Верховный Совет, местные Советы народных депутатов составляли единую систему органов государственной власти (статья 78 Конституции Белорусской ССР 1978 г.). Единство системы местных Советов обеспечивалось общностью правовых начал, принципов образования и деятельности, задач, которые они призваны решать в интересах населения, социального и экономического развития соответствующей территории. Закреплялась также общая компетенция местных Советов, а также особенности компетенции Советов на всех территориальных уровнях.

В последующие годы Конституция 1978 г. постоянно обновлялась, в нее вносились существенные изменения и дополнения.

Так, ряд новых конституционных норм, повышающих правовой статус Советов, определяющих их новые функции, приоритетные направления развития в условиях «перестройки» и экономических реформ, введен в октябре 1989 г. Законом «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР».

Законом предусматривались избрание председателей Советов и образование президиумов областных, районных и городских (городов областного подчинения) Советов, ликвидация исполкомов поселковых и сельских Советов, продление полномочий Советов всех уровней до пяти лет. Местные Советы должны осуществлять свою деятельность в тесной связи с органами общественного территориального самоуправления, общественными организациями и трудовыми коллективами, выносить наиболее важные вопросы местного значения на обсуждение граждан или ставить их на референдумы, вовлекать граждан в работу постоянных комиссий и других подотчетных Советам органов, направлять работу местных добровольных обществ и развивать общественную самодеятельность населения.

Изменена также система конституционных принципов, регулирующих порядок формирования Советов. Выборы впервые становились альтернативными, конкурентными. Число кандидатов не ограничивалось, в избирательные бюллетени могло быть включено любое число кандидатов. Численность депутатского корпуса Советов областного территориального уровня Законом «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР» от 27 октября 1989 г. № 29921-XII устанавливалась от 150 до 300 человек. В пределах этой нормы число депутатов устанавливалось Советом.

В соответствии с Законом от 27 октября 1989 г. Президиум Верховного Совета БССР постановлением от 7 марта 1990 г. № 3175-XI утвердил «Временное положение о председателях и президиумах местных Советов народных депутатов Белорусской ССР» [18].

Новому этапу реформирования органов местного управления и самоуправления положил начало Закон БССР «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Белорусской ССР» от 20 февраля 1991 г. № 617-XII [19].

Закон определял систему и экономическую базу местного самоуправления, закреплял основы правового положения местных органов государственной власти и управления, органов территориального общественного самоуправления, различных форм непосредственной демократии.

Закон сохранял преемственность главных черт статуса Советов, которые содержались в Конституции БССР 1978 г. и принятых на ее основе правовых актах. Так, согласно статье 5 Закона сельские, поселковые, районные в городах, городские, районные, областные Советы составляют единую систему местных Советов Белорусской ССР. Единство системы местных Советов обеспечивается общностью правовых начал, принципов образования и деятельности, а также задач, которые они призваны решать в интересах населения, социального и экономического развития соответствующей территории.

Советы народных депутатов являлись представительными органами и органом государственной власти на территории соответствующих административно-территориальных единиц и основным звеном местного самоуправле-

ния, обеспечивающим на своей территории согласованную деятельность органов территориального общественного самоуправления. Местные Советы являлись юридическими лицами.

Совет в своей деятельности исходил из интересов граждан, проживающих на его территории, и общегосударственных интересов, участвовал в обсуждении вопросов республиканского значения, затрагивающих интересы подведомственной территории, вносил по ним свои предложения, которые были обязательны к рассмотрению вышестоящими органами. Совет был вправе самостоятельно решать любые вопросы, отнесенные к его ведению законодательством страны. Он координировал деятельность всей системы местного самоуправления, руководил государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством на территории области, обеспечивал сбалансированное ее развитие, заботился о сохранении, приумножении и рациональном использовании природных ресурсов, коммунальной собственности, охране окружающей среды, обеспечивал соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав и законных интересов граждан, выполнение законодательства о воинской обязанности.

Совет назначал на должность и освобождал от должности руководителей организаций, относящихся к коммунальной собственности, а также вносил мотивированные предложения в соответствующие органы об освобождении от должности руководителей других организаций, находящихся на его территории.

В пределах своей компетенции Совет был независим. Он был подотчетен в своей деятельности гражданам, проживающим на его территории, и ответственен перед ними. Решения Совета, его исполнительного комитета, принятые в пределах своей компетенции, были обязательные для нижестоящих Советов, их исполнительных и распорядительных органов.

Совет осуществлял свою деятельность через сессии, президиум, постоянные и временные комиссии, исполнительный комитет и другие органы, а также путем реализации народными депутатами своих полномочий. Основной формой деятельности Совета являлась сессия.

Вместе с тем в Законе есть ряд новых норм, которые представляют значительный шаг вперед в повышении статуса Советов, полномочий и функций по сравнению с тем, что было закреплено в предшествующем законодательстве.

Так, впервые вводится понятие «самоуправление», которое определяется как «форма организации и деятельности граждан для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые ими государственные и общественные органы всех социальных, экономических, политических и культурных вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей развития административно-территориальных единиц на основе законов, собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств».

Система местного самоуправления включает местные Советы народных депутатов и органы территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские комитеты и другие органы). Местное самоуправление осуществляется также путем проведения местных референдумов, собраний (сходов) граждан и через иные формы непосредственной демократии.

Статья 3-я регламентировала, что местное самоуправление осуществляется на следующих основных принципах:

народовластия;

законности, социальной справедливости, гуманизма;

разделения функций представительной, исполнительной и судебной властей;

единства и целостности системы местного самоуправления;

самостоятельности и независимости местных Советов народных депутатов, других органов местного самоуправления в пределах своих полномочий в решении вопросов местной жизни;

выборности Советов, других органов местного самоуправления, их подотчетности населению;

гласности и учета общественного мнения, постоянного информирования населения о принимаемых решениях по важнейшим вопросам и результатах их выполнения;

сочетания местных и общегосударственных интересов, участия органов местного самоуправления в решении вышестоящими органами вопросов, затрагивающих интересы населения соответствующей территории;

ответственность за законность и обоснованность принимаемых решений.

Впервые в законодательном плане было установлено три территориальных уровня местных Советов — первичный, базовый и областной.

К первичному территориальному уровню отнесены сельские, поселковые, городские (без районного деления), районные в городах Советы; к базовому территориальному уровню — городские (с районным делением), районные Советы; к областному территориальному уровню — областные Советы. Правами областного Совета наделялся и Минский городской Совет.

В новом Законе большое внимание уделено разграничению и конкретизации полномочий местных Советов. Так, в нем закреплена общая компетенция, осуществляемая на всех территориальных уровнях, а также особенности компетенции каждого уровня.

По закону о местном самоуправлении и местном хозяйстве местные Советы народных депутатов получили право самостоятельно образовывать свои органы, определять их полномочия, устанавливать структуры, штаты и расходы в соответствии с законодательством. К таким органам относились,

прежде всего, президиумы, постоянные и временные комиссии, исполнительные комитеты.

Первоначальный текст Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве в период до 5 января 2008 г. претерпел двадцать изменений и дополнений[*]. Основные из них связаны с принятием Конституции Республики Беларусь в редакции 1994 г.

---

[*] Изменения и дополнения:

Закон Республики Беларусь от 11 июня 1993 г. № 2369-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1993 г., № 26, ст. 317) <V19302369>;

Закон Республики Беларусь от 17 июня 1993 г. № 2424-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1993 г. № 26, ст. 324) <V19302424>;

Закон Республики Беларусь от 10 декабря 1993 г. № 2634-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1994 г. № 3, ст. 24) <V19302634>;

Закон Республики Беларусь от 24 февраля 1994 г. № 2804-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1994 г. № 11, ст. 150) <V19402804>;

Закон Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. № 2912-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1994 г. № 14, ст. 188) <V19402912>;

Закон Республики Беларусь от 6 октября 1994 г. № 3275-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1994 г. № 29, ст. 511) <V19403275>;

Закон Республики Беларусь от 9 февраля 1995 г. № 3275-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1995 г. № 15-16, ст. 167) <V19503572>;

Закон Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. № 3729-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1995 г. № 22-23, ст. 306) <V19503729>;

Закон Республики Беларусь от 22 февраля 1996 г. № 96-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1996 г. № 7, ст. 85) <V19600096>;

Закон Республики Беларусь от 12 мая 1997 г. № 32-З (Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, 1997 г., № 15, ст. 261) <H19700032>;

Закон Республики Беларусь от 28 декабря 1998 г. № 221-З (Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, 1999 г., № 3, ст. 34) <H19800221>;

Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 362-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., № 8, 2/137) — новая редакция <H10000362>;

Закон Республики Беларусь от 16 июня 2000 г. № 399-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., № 59, 2/174) <H10000399>;

Закон Республики Беларусь от 9 октября 2000 г. № 428-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., № 100, 2/203) <H10000428>;

Закон Республики Беларусь от 16 мая 2001 г. № 22-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001 г., № 50, 2/765) <H10100022>;

Закон Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 263-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 4, 2/1012) <H10400263>;

Закон Республики Беларусь от 1 ноября 2004 г. № 340-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 189, 2/1089) <H10400340>;

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2007 г. № 212-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007 г., № 118, 2/1309) <H10700212>;

Конституция внесла существенные изменения в правовой статус Советов, в содержание и характер их взаимоотношений с исполнительными и распорядительными органами. Провозгласив принцип разделения властей, установив основные полномочия местных Советов и указав на наличие вертикали исполнительной власти, новая Конституция определила и основные направления реформирования власти на местах [20]. Местные Советы депутатов уже не характеризуются как органы государственной власти. Местные Советы — это представительные органы местного самоуправления. Если по ранее действовавшей Конституции местные Советы рассматривали и решали все вопросы государственного, хозяйственного, социально-культурного строительства на своей территории, то статья 120 Конституции 1994 г. определила круг вопросов, которые могут решать исключительно местные Советы:

«утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении;

установление в соответствии с законом местных налогов и сборов;

определение в пределах, закрепленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью;

назначение местных референдумов» [21].

После принятия Конституции в соответствии с Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Республике Беларусь» от 6 октября 1994 г. № 3275-XII [22] в действовавшее законодательство был внесен ряд изменений и дополнений:

1. наименование Закона изложено в следующей редакции «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»;

2. новым стало название депутатов Советов. Вместо «Советы народных депутатов» — «Советы депутатов»;

3. закреплено положение, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В преамбуле Закона и ряде статей слова «государственной власти и управления» заменены на «управления и самоуправления»;

4. Закон дополнен статьей 2^1, согласно которой «местное управление — это форма организации и деятельности местных исполнительных и распорядительных органов для решения вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории. Единая система «Местных органов управления на территории Республики Беларусь состоит из областных, районных, городских, поселковых и сельских исполнительных и распорядительных органов»;

Закон Республики Беларусь от 18 мая 2007 г. № 233-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007 г., № 132, 2/1330) <H10700233>;

Закон Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 317-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г., № 14, 2/1414) <H10800317>.

5. упразднены сельские, поселковые, городские (городов районного подчинения), районные в городах Советы депутатов, т. е. Советы первичного территориального уровня, и установлены два территориальных уровня местных Советов: базовый и областной. К базовому территориальному уровню отнесены городские (городов областного подчинения) и районные Советы, а к областному — областные Советы депутатов. Минский городской Совет наделен правами базового и областного Советов;

6. на территории сельсоветов, поселков, городов районного подчинения образуется местная администрация с правами юридического лица. На территории районов в городе местная администрация может образовываться по решению соответствующего городского исполнительного комитета.

В состав местной администрации входят ее руководитель, заместитель (заместители) руководителя и другие должностные лица. Председатель местной администрации и его заместитель (заместители) назначаются председателем вышестоящего исполнительного и распорядительного органа. Другие должностные лица местной администрации назначаются руководителем местной администрации;

7. упразднены президиумы местных Советов;

8. согласно прежней редакции Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве исполнительный комитет образовывался соответствующим Советом и являлся исполнительным и распорядительным органом Совета. В соответствии с Законом от 6 октября 1994 г. исполнительные комитеты базового и областного уровней являются исполнительными и распорядительными органами на территории области, города, района.

Исполнительный комитет подотчетен и подконтролен вышестоящему исполнительному и распорядительному органу, а также подотчетен соответствующему местному Совету депутатов по вопросам, отнесенным к компетенции Совета;

9. вновь введенной статьей 14^1 предусматривается, что председатель областного исполнительного комитета назначается на должность Президентом Республики Беларусь и утверждается областным Советом депутатов. Председатель районного, городского исполнительного комитета назначается председателем областного исполнительного комитета и утверждается соответствующим районным, городским Советом. В случае, если соответствующий Совет не утвердил кандидатуру на должность председателя исполнительного комитета, в том же порядке вносится другая кандидатура. Решение Президента Республики Беларусь, председателя вышестоящего исполнительного комитета о назначении председателя исполнительного комитета в случае повторного отказа местного Совета утверждать кандидатуру на должность председателя исполнительного комитета является окончательным.

В своей деятельности председатель исполнительного комитета подотчетен и подконтролен вышестоящему исполнительному и распорядительному

органу, а по вопросам, связанным с деятельностью Совета депутатов, подотчетен соответствующему местному Совету;

10. Законом от 6 октября 1994 г. в новой редакции изложены статья 8 «Сессия местного Совета народных депутатов» и статья 11 «Председатель местного Совета народных депутатов» и др.

Закон от 6 октября 1994 г. претерпел новую редакцию в Законе Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 9 февраля 1995 г. № 3572-XII [23]. Этим документом были восстановлены, в частности, прежняя единая система местных Советов депутатов, президиумы и др.

Вопросы дальнейшего развития местного управления и самоуправления нашли воплощение в Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. № 108-З [24]. Этот закон является вторым законом в сфере местного управления и самоуправления, принятым после приобретения нашей страной суверенитета и независимости в 1991 г. С принятием этого закона упрощено и систематизировано законодательство, создана достаточно полная и адекватная сегодняшним реалиям законодательная база, которая позволяет органам местного управления и самоуправления функционировать более эффективно.

Отменено 27 прежних законодательных актов и отдельных положений, которые действовали с 1984 г. Впервые в Законе комплексно урегулированы общественные отношения в сфере местного управления и самоуправления, детально разделены полномочия и ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Изменена и структура действующего Закона. Сделан акцент на роли именно местного самоуправления. Новый акт дает возможность и дальше развивать процесс укрепления местной власти в целях повышения эффективности ее работы с населением. Он предоставил местным органам все необходимые полномочия, чтобы решать необходимые вопросы на местном уровне, а не обращаться по каждому поводу за помощью в вышестоящие инстанции.

В Законе компетенция органов местного управления и самоуправления дополняется рядом соответствующих полномочий: законодательно закреплено укоренение принципа «одно окно», упрощены административные процедуры, уделено внимание дальнейшему усовершенствованию работы с гражданами и юридическими лицами.

Для оперативного принятия решения в Законе закреплена норма о возможности нового способа принятия решения исполнительным и распорядительным органом. Так, решения исполнительных комитетов по отдельным вопросам, не терпящим отлагательства, могут приниматься с письменного разрешения председателя путем опроса и визирования членами исполкомов проектов соответствующих решений.

В Законе уточнены, систематизированы вопросы деятельности исполнительных и распорядительных органов всех уровней. Более детально урегулированы и разграничены вопросы компетенции руководителей исполкомов различных территориальных уровней в различных сферах деятельности как между собой, так и компетенцией исполкомов — их коллегиальных органов.

Статья 60 Закона определяет защиту прав органов местного управления и самоуправления. Решения Советов, исполнительных и распорядительных органов, принимаемые в пределах полномочий, установленных законодательством Республики Беларусь, обязательны для исполнения всеми расположенными на подведомственной территории органами территориального общественного самоуправления, предприятиями, организациями, учреждениями, объединениями и гражданами. За невыполнение этих решений должностные лица указанных предприятий, организаций, учреждений, объединений и граждане несут ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

За невыполнение решений Советов, исполнительных комитетов, местных администраций, принятых в пределах их компетенции, руководители государственных предприятий, организаций, учреждений и объединений, расположенных на подведомственной им территории и не принадлежащих к коммунальной собственности соответствующей административно-территориальной единицы, могут отстраняться от должности исполнительными комитетами и Советами областного и базового территориальных уровней с внесением в соответствующий орган предложений об освобождении этих руководителей от занимаемых должностей.

Предприятия, организации, учреждения и объединения, расположенные на подведомственной территории, должностные лица и граждане несут перед органами местного управления и Советами ответственность, в том числе имущественную, возмещая в полном объеме убытки, причиненные их решениями, действиями или бездействием интересам населения, местному хозяйству, окружающей среде, нанесенные в результате невыполнения решений органов местного управления и Советов.

В случае нарушения должностными лицами исполнительных комитетов и местных администраций законодательства Республики Беларусь, невыполнения решений вышестоящих государственных органов, принятых в пределах их компетенции, они могут быть освобождены от должности председателем соответствующего или вышестоящего исполнительного комитета, а также Президентом Республики Беларусь.

Советы, другие органы местного самоуправления, исполнительные комитеты и местные администрации несут ответственность за законность своих решений.

Убытки, причиненные предприятиям, организациям, учреждениям, объединениям и гражданам в результате неправомерных решений, действий или бездействия Советов, других органов местного самоуправления, исполни-

тельных комитетов, местных администраций, их должностных лиц, возмещаются ими в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Имущественные и иные споры с участием органов местного управления и самоуправления рассматриваются общими и хозяйственными судами.

Указом Президента Республики Беларусь «О проведении реформы органов местного управления и самоуправления» от 19 сентября 1995 г. № 383 [25] были упразднены районные в городах Советы и их органы. На территории районов в городах образованы администрации с правами юридического лица, которые являются местными органами управления. По состоянию на 1 января 2011 г. таких органов на территории Республики Беларусь насчитывается 24.

Во многих актах регулируются вопросы внутренней организационной структуры органов местного управления и самоуправления. Так, перечень основных отделов и управлений исполкомов областных, районных и городских Советов содержится в тексте Конституции БССР 1937 г. В последствии эти вопросы регламентировались в других актах, принимаемых в соответствии с Основным Законом. Например, Президиум Верховного Совета БССР в соответствии со статьей 138 Конституции 1978 г. Указом от 11 декабря 1984 г. № 4060-X утвердил «Перечень отделов и управлений исполнительных комитетов областных, районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов Белорусской ССР» [26]. Другой пример. 11 июля 1991 г. «Примерный перечень отделов, управлений и других органов исполнительных комитетов областных, районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов Белорусской ССР» утвержден на заседании Президиума Совета Министров БССР [27].

С введением в стране института президентства состав структурных подразделений устанавливается с учетом Примерных и Типовых структур областных, Минского городского, городских и районных исполкомов, утверждаемых указами Президента Республики Беларусь.

Важнейшие из них:

«Примерная структура областного, Минского городского, городского (городов областного подчинения), районного исполнительных комитетов» (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 27 февраля 1995 г. № 89) [28]*;

* Изменения и дополнения: Указ Президента Республики Беларусь «О внесении изменений в Указы Президента Республики Беларусь от 27 февраля 1995 г. № 89 и от 27 ноября 1995 г. № 481», от 21 мая 1996 г. № 176 (Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. 1996. № 15. Ст. 358); Указ Президента Республики Беларусь «О внесении изменений в Примерную структуру областного, Минского городского, городского (городов областного подчинения), районного исполнительных комитетов» от 24 октября 1996 г. № 439 (Собрание указов

«Примерная структура областного, Минского городского, городского (городов областного подчинения), районного исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах» (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2001 г. № 723) [29]* ;

«Типовая структура областного, Минского городского, городского (городов областного подчинения), районного исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 631) [30];

«Типовая структура областного, Минского городского, городского (городов областного подчинения), районного исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах» (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 23.10.2006 № 631, в ред. Указов Президента Республики Беларусь от 11.12.2009 № 622, от 11.03.2010 № 149, от 22.02.2011 № 66) [31];

Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах местного управления и самоуправления» от 22 февраля 2011 г. № 66.

Изученные материалы свидетельствуют, что исполнительные и распорядительные органы реформировали свои структурные подразделения, руководствуясь Примерными и Типовыми структурами без сколько-нибудь существенных отклонений.

Разновидностью нормативных правовых актов являются решения, которые принимают местные Советы, исполнительные комитеты и местные администрации. Эти документы принимаются с целью регулирования вопросов местного значения и имеют обязательную силу на соответствующей территории.

Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. 1996. № 30. Ст. 784).

* Изменения и дополнения: Указ Президента Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 7 декабря 2001 г. № 723» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 142. 1/4223); Указ Президента Республики Беларусь «О совершенствовании деятельности государственной службы занятости населения» от 30 января 2003 г. № 50 (там же. 2003. № 15. 1/4369); Указ Президента Республики Беларусь «О внесении изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 7 декабря 2001 г. № 723» от 8 апреля 2003 г. № 144 (там же. 2003. № 43. 1/4518); Указ Президента Республики Беларусь «О совершенствовании деятельности землеустроительной и геодезической службы Республики Беларусь» от 2 сентября 2003 г. № 370 (там же. 2003. № 100. 1/4879); Указ Президента Республики Беларусь «О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы в Республике Беларусь» от 20 февраля 2004 г. № 111 (там же. 2004. № 35. 1/5358); Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по совершенствованию работы органов, регистрирующих акты гражданского состояния» от 12 июня 2006 г. № 385 (там же. 2006. № 92. 1/7668).

К настоящему времени правовую базу, регламентирующую местное управление и самоуправление в Беларуси, составляют Конституция Республики Беларусь, Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», 80 других законов, отдельными нормами которых решаются те или иные вопросы органов местной власти, более 50 указов Президента Республики Беларусь, 2 декрета Президента Республики Беларусь, более 50 постановлений Совета Министров Республики Беларусь, более 30 решений Конституционного Суда Республики Беларусь, более 3500 решений Советов, исполнительных комитетов и местных администраций и др. [32].

Литература и источники

1. Антонова, Н. Б., Захарова, Л. М., Вечер, Л. С. Государственные институты: Курс лекций. 2-е издание. — Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. — 220 с.
2. Государственные архивы Республики Беларусь (1944—1997): Краткий справочник / авт.-сост. А. Н. Михальченко, С. В. Жумарь, Л. Н. Александрова и др. — Минск: БелНИИДАД, 2000. — 476 с.
3. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. С изменениями и дополнениями, принятыми на двенадцатой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва. — Минск: Беларусь. 1979. — 63 с.
4. Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР (далее — СЗ БССР). — 1980. — № 32. — Ст. 654.
5. Там же. — 1979. — № 35. — Ст. 163.
6. Там же. — Ст. 612.
7. Там же. — Ст. 614.
8. Там же. — 1981. — № 11. — Ст. 200.
9. Там же. — 1982. — № 24. — Ст. 466.
10. Там же. — 1984. — № 35. — Ст. 514.
11. Там же. — 1985. — № 19. — Ст. 271.
12. Там же. — 1986. — № 12. — Ст. 150.
13. Там же. — 1989. — № 31. — Ст. 314.
14. Там же. — Ст. 317.
15. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 16. — Ст. 267.
16. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. — Минск: Партиздат ЦК КП(б)Б., 1937. — 54 с.
17. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. — Мінск: Амалфея, 2007. — С. 267—268.
18. СЗ БССР. — 1990. — № 8. — Ст. 102.
19. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1991. — № 11. — Ст. 122.
20. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 968. — Оп. 1. — Д. 3348. — Л. 143.
21. Конституция нашей державы (1919, 1927, 1937, 1978, 1994). — Мінск: Маст. літ., 2011. — 294 с.
22. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1994. — № 30. — Ст. 511.

23. Там же. — 1995. — № 15—16. — Ст. 167.
24. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 17. — 2/1660.
25. Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. — 1995. — № 27. — Ст. 656.
26. СЗ БССР. — 1984. — № 35. — Ст. 514.
27. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 7. — Оп. 10. — Д. 2473. — Л. 87—92, 154—155.
28. Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. — 1995. — № 6. — Ст. 133.
29. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2001. — № 117. — 1/3287.
30. Там же. — 2006. — № 179. — 1/8024.
31. Там же. — 2011. — № 25. — 1/12365.
32. Крысь, Е. Г. Правовое обеспечение деятельности органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь // Юридический журнал. — № 4. — 2008. — С. 33.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.04.2012

Л. М. Захарова,
доцент Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
кандидат исторических наук,
тел.: 2674774, 6103367.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ВЫСШИХ КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Действенный финансовый контроль — необходимое условие сильной власти, гарантия успешного государственного управления и развития общества. Система государственного контроля за расходованием бюджетных средств, включающая созданные для этого специальные органы, существует практически во всех странах: в Германии, Франции, России, Украине — Счетные палаты, в США — Главный аудиторский офис Конгресса, в Великобритании — Национальный аудиторский офис, в Швеции — Национальное аудиторское бюро, в Японии — Контрольно-ревизионное управление, в Китае — Министерство государственного контроля и Государственное контрольно-ревизионное управление. Контрольным органам разных стран гарантирована правовая независимость как от политического и иного воздействия, так и от системы управления. Во многих странах они имеют очень широкие полномочия, вплоть до получения документов, имеющих гриф «секретно» и касающихся вопросов национальной безопасности и обороны.

В Республике Беларусь высшим органом финансового контроля является Комитет государственного контроля (далее КГК), созданный путем преобразования Службы контроля Президента Республики Беларусь и упразднения Контрольной палаты Республики Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 5 декабря 1996 г. № 510. С созданием КГК были ликвидированы параллелизм и дублирование в работе двух высших государственных контрольных органов в стране.

В структуру центрального аппарата КГК входят два департамента — финансовых расследований и финансового мониторинга. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что Комитет государственного контроля в настоящее время — это сложная система взаимоувязанных между собой направлений: гражданской части с контрольными функциями, финансовой милиции и еще совсем молодой финансовой разведки. Глава государства подчеркнул, что «финансовая разведка создана в Комитете госконтроля, чтобы логически замкнуть всю цепочку отдельных функций КГК».

Основными задачами КГК являются:

защита интересов государства от противоправных посягательств в экономической сфере, обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь;

осуществление государственного контроля за эффективным и рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности;

проведение комплексных мероприятий по выявлению системных нарушений законодательства и отрицательных тенденций в экономике и социальной сфере;

выявление неиспользуемых резервов повышения эффективности экономической деятельности, развития реального сектора экономики;

предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в экономической сфере;

принятие эффективных мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности.

Серьезное внимание к организации эффективной деятельности системы финансового контроля обусловлено, прежде всего, тем, что выделяемые средства республиканского и местных бюджетов на развитие реального сектора экономики, решение социальных задач не всегда используются по назначению. Кроме того, увеличение бюджетных, в том числе инвестиционных проектов и программ, требует более строгого контроля над их расходованием и исполнением. Также следует признать, что необходимо оказывать самое серьезное противодействие и таким негативным явлениям, как коррупция, отмывание «грязных денег», нарушение налогового, бюджетного законодательства субъектами хозяйствования и т. д.

Интернациональный характер этих проблем обусловил создание ряда международных неправительственных организаций, объединяющих высшие органы финансового контроля различных стран. В настоящее время это: Международная организация высших контрольных органов (ИНТОСАИ), Ревизионный Совет ООН, Европейская организация высших контрольных органов (ЕВРОСАИ), Азиатская организация высших контрольных органов (АЗОСАИ), Европейская организация региональных органов внешнего контроля государственных финансов (ЕВРОРАИ), Совет руководителей высших органов финансового контроля государств — участников СНГ и другие. В рамках этих организаций осуществляется обмен знаниями и опытом, координация действий государств в борьбе с коррупцией и отмыванием «грязных денег», оказывается содействие профессиональному и техническому сотрудничеству входящих в организацию региональных структур, внедрению унифицированных технологий проведения контроля и т. д.

Одной из самых влиятельных и многочисленных по составу международных неполитических неправительственных организаций является

ИНТОСАИ, созданная в 1953 г. качестве постоянного института для обмена идеями и опытом в сфере внешнего аудита между высшими органами финансового контроля государств мира. Организация имеет консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН. В настоящее время в нее входят высшие контрольные органы 189 стран в качестве полноправных членов и 4 в качестве наблюдателей. КГК Республики Беларусь был принят в состав ИНТОСАИ 22 октября 2001 г. на XVII конгрессе в Сеуле. Членство в этой организации способствует укреплению международного авторитета нашей страны, позволяет КГК получать информационные и методические материалы, оперативно обмениваться информацией с контрольными органами других стран, использовать их опыт, применять в своей работе международные стандарты финансового контроля, что позволяет повысить эффективность проверок, особенно во внешнеэкономической деятельности.

ИНТОСАИ содействует развитию сотрудничества между высшими контрольными органами, обмену информацией, проведению исследований в сфере контроля государственных финансов, а также унификации стандартов и терминологии в области финансового контроля. В этих целях организуются семинары, конференции, стажировки, выпускаются свои периодические издания, каждые три года проводится конгресс. В период работы конгрессов осуществляются деловые контакты с представителями контрольных органов разных стран. На конгрессах обсуждаются разнообразные актуальные вопросы и проблемы. Так, на XIX конгрессе ИНТОСАИ, состоявшемся 5—10 ноября 2007 г. в Мексике, были обсуждены вопросы, касающиеся государственного долга, управления им, отчетности и аудита, оценки систем эффективности, основанной на общепринятых показателях. В перерывах между заседаниями белорусская делегация контактировала с руководителями делегаций высших контрольных органов КНР, Вьетнама, Албании, Польши, Литвы, Венесуэлы, Эстонии. На следующем XX конгрессе (ноябрь 2010 г., ЮАР) были обсуждены такие вопросы, как «Ценность и польза от высших органов финансового контроля», «Экологический аудит и устойчивое развитие».

КГК с марта 2002 г. стал членом ЕВРОСАИ, в которую входит 49 государств. Основной целью этой организации является содействие развитию сотрудничества между высшими органами финансового контроля — членами организации, обмену информацией и документацией, осуществление координации исследований в области государственного финансового контроля, содействие созданию университетских кафедр по этой дисциплине, а также обеспечение унификации терминологии в области финансового контроля.

Основная форма взаимодействия членов указанной организации — конгресс, который проводится один раз в три года. На конгрессах вырабатываются общие подходы к организации контрольной деятельности, обсуждаются важнейшие вопросы, направленные на повышение действенности работы контролирующих органов, устанавливаются деловые контакты между члена-

ми международных организаций. В частности, на VII конгрессе Европейской организации высших органов финансового контроля, который проходил 2—5 июня 2008 г. в Кракове, обсуждалась проблема создания системы управления качеством контроля в рамках высших органов финансового контроля, контроль реализации социальных программ (в сфере образования, профессиональной интеграции инвалидов).

Кроме того, в рамках трехстороннего соглашения Беларуси, Польши и Украины были рассмотрены контрольные мероприятия по защите от загрязнений вод бассейна реки Буг и подписан совместный отчет по итогам проведенной проверки состояния природного комплекса водосборной площади трансграничного водотока Буга.

Под эгидой ЕВРОСАИ проводятся международные конференции, по итогам которых принимаются Рекомендации для государств-участников. Республика Беларусь является активным участником таких форумов. Так, в 2006 г. в Киеве состоялась международная конференция «Роль высших органов финансового контроля (ВОФК) в борьбе с коррупцией и мошенничеством», в которой приняли участие делегации ВОФК 25 стран Европы и СНГ. Было обсуждено 62 доклада, в том числе и белорусской делегации, — о деятельности контрольных органов в борьбе с коррупцией и мошенничеством в своих странах.

Большое значение имеют также проводимые ЕВРОСАИ обучающие программы. Так, с 2004 по 2007 г. осуществлялась Долгосрочная программа регионального обучения, которая, например, включала семинары по созданию и разработке программ, по методике обучения, по аудиту, по аудиту государственного долга, по аудиту эффективности службы государственных доходов, по аудиту качества, в которых участвовали и белорусские специалисты.

С. Степашин, передавая свои полномочия Президента ЕВРОСАИ на VI конгрессе (2005 г.) в Бонне Президенту Федеральной счетной палаты Германии Дитеру Энгельсу, отметил, что созданная 15 лет назад на волне интеграционных процессов в Европе ЕВРОСАИ стала эффективным инструментом международного сотрудничества, достигнут прогресс на таком важном направлении, как контроль над расходами по защите окружающей среды. Совместные проверки в сфере международных перевозок отходов, охраны водных ресурсов стали зримым результатом растущего взаимодействия европейских стран и их контрольных органов. Было положено начало общеевропейскому сотрудничеству контрольных органов в области аудита использования средств на внедрение информационных технологий. Произошло существенное продвижение в сфере обучения и переподготовки кадров.

КГК Республики Беларусь также является полноправным и активным членом Совета руководителей высших органов финансового контроля государств — участников СНГ (далее Совет), созданного в ноябре 2000 г. В авгус-

те 2005 г. на заседании Глав государств СНГ было утверждено Положение о Межгосударственном совете руководителей высших органов финансового контроля государств — участников СНГ. Таким образом, Совет признан органом межгосударственного сотрудничества. Основной формой его деятельности являются ежегодные сессии. Председательство в Совете осуществляется поочередно каждым государством-членом в лице руководителя высшего органа финансового контроля на основе принципа ротации на срок не более одного года.

Основные цели деятельности Совета состоят в организационном обеспечении сотрудничества между его членами, а также координации их взаимодействия и обмена опытом.

На ежегодных сессиях Советом выработан ряд таких важных документов, как Декларация об общих принципах деятельности высших органов финансового контроля государств — участников СНГ, Декларация об основах независимости высших органов финансового контроля государств — участников СНГ, утверждены Рекомендации международного семинара высших органов финансового контроля государств — участников СНГ и другие. Согласно Декларации об общих принципах деятельность высших органов финансового контроля государств — участников СНГ должна строиться на принципах законности, независимости, объективности, компетентности, оперативности, доказательности, гласности, соблюдения профессиональной этики и других.

5—6 сентября 2006 г. в г. Минске состоялась VII сессия Совета руководителей ВОФК — участников СНГ, в которой приняли участие представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Украины. Приветствуя делегатов, Глава государства Республики Беларусь А. Г. Лукашенко выразил уверенность в том, что результаты сессии не только послужат укреплению сотрудничества в сфере финансового контроля, но и станут важным вкладом в строительство общего экономического и правового пространства. А профессиональное взаимодействие ВОФК будет способствовать экономическому процветанию государств и служить делу укрепления дружеских отношений между государствами — участниками СНГ.

По итогам заседаний VII сессии Советом руководителей ВОФК СНГ приняты резолюции: «О взаимодействии высших органов финансового контроля государств — участников содружества независимых государств с правоохранительными органами и другими контролирующими органами в ходе осуществления контрольных мероприятий», «О роли высших органов финансового контроля в совершенствовании национального законодательства государств — участников Содружества Независимых Государств», «О примерном перечне показателей оценки контрольных мероприятий высших органов финансового контроля государств — участников СНГ».

IX сессия Совета руководителей ВОФК государств — участников СНГ (30 сентября — 1 октября 2009 г. в Душанбе) была посвящена обсуждению роли высших органов финансового контроля в преодолении последствий глобального финансово-экономического кризиса. По итогам совещания было принято решение о создании постоянно действующего секретариата Совета.

Ежегодные встречи руководителей ВОФК государств — участников СНГ, обмен опытом и его использование в национальной практике, безусловно, способствуют повышению эффективности контрольной деятельности.

Одно из направлений деятельности органов финансового контроля является анализ работы Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России. Согласно договоренностям 1 января 2010 г. вступил в силу единый таможенный тариф, а с 1 июля 2010 г. — Таможенный кодекс. Таможенный союз — единая таможенная территория, в пределах которой во взаимной торговле действует единый таможенный тариф, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, кроме специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. В отличие от зоны свободной торговли в Таможенном союзе предусмотрена единая таможенно-тарифная и торговая политика в отношении стран, не входящих в Таможенный союз.

Сложные и важные задачи, стоящие перед Таможенным союзом, невозможность в настоящее время в полной мере прогнозировать дальнейшее развитие этой организации вынуждают проведение глубокого анализа всех положительных и отрицательных аспектов реализации договора о Таможенном союзе, определения того, что он дает трем странам, насколько осуществляется создание единого экономического пространства. Эта задача возложена на контрольные органы стран — участниц договора. С целью ее реализации в течение 4 месяцев 2010 г. (августа, сентября, октября и ноября) проведены совместные контрольные мероприятия КГК Республики Беларусь, Счетного комитета Казахстана и Счетной палаты Российской Федерации.

Следует отметить, что начиная с 2000 г. активно используется двустороннее сотрудничество КГК Республики Беларусь с органами финансового контроля зарубежных стран. Целью такого сотрудничества является обмен опытом работы и проведение параллельных контрольных мероприятий сторонами. В частности, были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве с Государственным контролем Литовской Республики, Счетной палатой Украины, Счетной палатой Российской Федерации, Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан, Государственным контрольно-ревизионным направлением КНР, Высшей палатой контроля Польши, Контрольной палатой Национального собрания Армении, Советом по аудиту Республики Корея, Государственной аудиторской службой Социалистической Республики Вьетнам.

Кроме того, на основе принципов ИНТОСАИ и ЕВРОСАИ подписаны Меморандумы о сотрудничестве с Главным контрольным управлением Пре-

зидента Российской Федерации (апрель 2003 г.), с Министерством контроля КНР (сентябрь 2006 г.).

26 мая 2009 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между КГК Республики Беларусь и Государственным контролем Латвийской Республики о сотрудничестве по следующим основным направлениям:

обмен опытом с целью совершенствования методологии внешнего государственного контроля;

профессиональное обучение и повышение квалификации кадров;

обмен информационно-справочными материалами о своей деятельности;

организация совместных исследовательских проектов параллельных контрольных мероприятий в соответствии с согласованной программой;

проведение взаимных консультаций, семинаров и конференций по основным проблемам внешнего государственного контроля;

осуществление обмена делегациями в целях изучения опыта в области внешнего государственного контроля.

Подобные соглашения позволяют обмениваться информационными и методическими материалами, осуществлять совместные проверки, организовывать международные научно-практические конференции, семинары и рабочие встречи по наиболее актуальным аспектам контрольной работы. Такие мероприятия, в которых принимали участие и сотрудники КГК, проводились в Москве, Суздале, Киеве, Бишкеке, Астане, Минске и других городах. Основное внимание на них уделялось рассмотрению вопросов повышения действенности финансового контроля на основе использования новых информационных технологий; взаимодействия ВОФК с государственными органами законодательной и исполнительной власти; практической деятельности по осуществлению государственного контроля за эффективным использованием бюджетных средств и государственной собственности, методологическому обеспечению контрольной деятельности высших органов финансового контроля и других.

Одним из аспектов сотрудничества между КГК и ВОФК других государств является проведение контрольных мероприятий по оценке эффективности работы приграничных служб. Так, 25 мая 2009 г. в Москве состоялась встреча руководителей высших органов финансового контроля Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Польша, Литовской Республики (руководитель высшего органа финансового контроля Литвы участвовала в обсуждении в режиме «телефонной конференции»), по итогам которой был подписан Меморандум. В этом документе анализировались результаты параллельного контрольного мероприятия по оценке эффективности деятельности государственных органов в пунктах пропуска на границах между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Литовской Республикой и Республикой Польша при перемещении товаров и транспортных средств. В

целом деятельность государственных органов в пунктах пропуска на границах между странами оценена достаточно высоко. Вместе с тем руководители ВОФК были солидарны в том, что практическая реализация рекомендаций, выработанных по результатам параллельной проверки, будет способствовать повышению эффективности работы системы пограничных и таможенных служб.

Следует отметить, что сферой деятельности КГК также является выработка и реализация системы мер по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путем, повышению прозрачности финансовых потоков в экономике республики. Для этой цели Указом Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 г. № 408 в КГК образован Департамент финансового мониторинга (ДФМ) с правами юридического лица. ДФМ является членом соответствующих международных организаций, таких, как Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) и Группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт». Однако эта проблема требует специального освещения.

Таким образом, практика деятельности КГК свидетельствует, что он активно развивает международное сотрудничество с высшими органами финансового контроля зарубежных стран. Став полноправным членом международных организаций финансового контроля, КГК доказал свое стремление к сотрудничеству, обмену информацией, профессиональным опытом и методическими разработками в области финансового контроля, а также использование в практической деятельности международных стандартов.

Литература

1. Бурдашкин, Д. А. Перспективы взаимоотношений органов финансового контроля Республики Беларусь с международными организациями с целью ограничения теневой экономики // Расширение Европейского союза и Республика Беларусь на новой границе: Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 18—19 мая 2004 г.: В 2-х ч. — Минск: БГЭУ, 2004. — Ч. 1. — С. 174—176.
2. Закон Республики Беларусь «О Комитете государственного контроля и его территориальных органах» от 1 июля 2010 г. № 142-З. [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал Республики Беларусь — Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь.
3. Зеленцов, А. Б. Контроль за деятельностью исполнительной власти в зарубежных странах / А. Б. Зеленцов. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. — 189 с.
4. Указ Президента Республики Беларусь «Об образовании Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь» от 14 сентября 2003 г. № 408 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2003. — № 105. — 1/4933.
5. Есин, С. О. Государственный финансовый контроль в Республике Беларусь (теоретические аспекты): Монография / С. О. Есин. — Минск: Акад. Упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. — 171 с.

6. Есин, С. О. Организация системы финансового контроля в Республике Беларусь // Проблемы управления. — 2004. — № 2 (11). — С. 55.
7. Государственный финансовый контроль: Учебник для вузов / С. В. Степашин, Н. С. Столяров, С. О. Шохин, В. А. Жуков. — СПб.: Издат. Дом «Питер», 2004. — 555 с.
8. Тарасов, А. М. Президентский контроль / А. М. Тарасов. — СПб.: Юрид. Центр пресс, 2004. — 642 с.
9. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2005. — Режим доступа: Официальный сайт КГК http://www.kgk.gov.by/sotr/; Официальный сайт ИНТОСАИ http://www.intosai.org; hhttp://www.kgk.gov.by/sotr/; Официальный сайт ЕВРОСАИ http://www.eurosai.org; ttp://telegraf.by/in_belarus/23654.html; http://udf.by/society/1148-belorusskie-finansovye-razvedchiki-ne-xodyat-v.html; http://econews.by/?p=667; http://telegraf.by/in_belarus/23654.html; http://house.gov.by/index.php/,1,20868,1,,0,0,0.html; http://www.belmarket.by/ru/55/190/4210/; http://udf.by/society/1148-belorusskie-finansovye-razvedchiki-ne-xodyat-v.htm

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.04.2012

А. А. Войтович,
ассистент кафедры гуманитарных наук,
философии и права
Полесского государственного университета;
e-mail: sanichcinas@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь как суверенное государство имеет собственную систему образования и воспитания и гарантирует каждому своему гражданину возможность развития личности, получения образования, соответствующего ее требованиям и способностям, активное приобщение к культурно-историческому наследию белорусского народа, других национальных общностей республики. Беларусь обеспечивает приоритетное развитие образования, соответствующие социально-экономические условия функционирования этой сферы, права граждан на получение общих и профессиональных знаний, усвоение общекультурных ценностей, защиту интеллектуальной собственности, таланта и образованности.

Осуществляемые социально-экономические преобразования в Республике Беларусь обусловливают необходимость системного анализа и глубокого осмысления опыта развития образовательной сферы в стране, а также роли, места и значения образования в развитии человека и общества.

На постсоветском пространстве ряд аспектов в обозначенной проблематике затронут в исследованиях М. А. Андарало, В. П. Грицкевича, С. Б. Кауна, С. Н. Ходина, Т. И. Шамовой [1—4]. Указанными авторами рассмотрены общемировые тенденции развития образовательной сферы, осуществлены попытки определения особенностей развития регионального образования. При этом представляется целесообразным отметить отсутствие крупных монографических исследований, обобщающих практику развития системы высшего образования в Республике Беларусь в период 1991—2010 гг. с опорой на необходимое изучение существующих нормативных актов, что должно являться важной методологической основой для серьезных научных обобщений.

Правовые источники о высшем образовании основываются на Конституции Республики Беларусь и состоят из актов Президента Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-XII «Об образовании» [5], Закона Республики Беларусь от 11 июля 2007 г. № 252-З «О высшем образовании» [6], актов Министерства образования и иных ведомств.

Организационной основой реализации государственной политики в сфере высшего образования являются программы развития высшего образования, утверждаемые Правительством Республики Беларусь.

Государственное управление в сфере высшего образования осуществляют Президент Республики Беларусь, Совет Министров, республиканские органы государственного управления и местные исполнительные и распорядительные органы в пределах своих полномочий.

Нормативное и методическое управление системой высшего образования осуществляется Министерством образования Республики Беларусь независимо от формы собственности и ведомственной подчиненности вуза. Главными задачами Министерства образования являются:

— разработка и проведение государственной политики, осуществление государственного контроля в области образования;

— обеспечение функционирования и развития национальной системы образования Республики Беларусь;

— координация деятельности других республиканских органов государственного управления, управлений образования областных и Минского городского исполнительных комитетов в сфере образования, а также координация деятельности различных учреждений, организаций, предприятий по вопросам, связанным с системой образования.

Сложившаяся к настоящему времени система высшего образования прошла в своем развитии ряд этапов.

Осуществление реформы высшей школы началось с принятия Закона Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-XII «Об образовании»*.

---

* Изменения и дополнения:

Закон Республики Беларусь от 22 марта 1995 г. № 3682-XII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1995 г., № 18, ст. 200) <V19503682>;

Закон Республики Беларусь от 3 мая 1996 г. № 440-XIII (Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1996 г., № 21, ст. 380) <V19600440>;

Закон Республики Беларусь от 9 ноября 1999 г. № 307-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., № 89, 2/82) <H19900307>;

Закон Республики Беларусь от 19 марта 2002 г. № 95-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 37, 2/844) — новая редакция <H10200095>;

Закон Республики Беларусь от 4 августа 2004 г. № 311-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 123, 2/1060) <H10400311>;

Закон Республики Беларусь от 14 июня 2005 г. № 27-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 104, 2/1124) <H10500027>;

Закон Республики Беларусь от 12 июня 2006 г. № 123-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., № 92, 2/1220) <H10600123>;

Ее проведение планировалось провести в три этапа. На первом этапе должна была сформироваться новая структура системы высшего образования, на втором — произойти отработка вариантов реформируемых и внедряемых новых структур. Третий этап, завершение которого планировалось приблизительно на 2010 г., должен был стать этапом законодательного закрепления произошедших перемен и проведения национального высшего образования в соответствие с признанными международными аналогами и стандартами.

Наиболее ценными правовыми источниками, разработанными на основе Закона «Об образовании», являются примерные Положения, инструкции и методические указания о высшем учебном заведении, многоуровневой системе подготовки специалистов, о проведении аттестации и аккредитации вузов, о курсовых работах, экзаменах и зачетах, порядке присуждения академических степеней, целевой контрактной подготовке, порядке разработки и регистрации учебных планов и др. Важным элементом нормативной и структурно-содержательной базы высшего образования стала система стандартов, которые являются базой для определения содержания и сроков подготовки специалистов высшей квалификации, системы контроля качества, аттестации и аккредитации учебных заведений, статуса выдаваемых дипломов и их эквивалентности за пределами Республики Беларусь.

Одновременно разрабатывались и вводились в действие акты, регулировавшие основные направления взаимодействия негосударственных вузов с государственными структурами управления и формировавшими требования, предъявляемые к ним для получения государственного разрешения (лицензии) и государственного признания (аккредитации).

В 1997 г. Правительством было принято постановление «О порядке организации и регулировании деятельности негосударственных учебных заведений», во исполнение которого Министерство образования усовершенствовало действующую нормативную базу. С этой целью был разработан и утвержден ряд документов, регламентирующих деятельность негосударственных вузов: Положение о порядке выдачи и отмены субъектам хозяйствования лицензии на организацию учебных заведений; Положение об инспектировании, аттестации и аккредитации негосударственных учебных заведений; Инструкция о порядке изготовления, хранения, учета, заполнения, списания и выдачи документов специального образца об образовании выпускникам негосударственных учебных заведений.

Закон Республики Беларусь от 20 октября 2006 г. № 168-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., № 179, 2/1265) <H10600168>;

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2007 г. № 219-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007 г., № 118, 2/1316) <H10700219>.

В названных актах были конкретизированы требования, предъявляемые к негосударственным учебным заведениям. В частности, с этого времени лицензии на ведение образовательной деятельности по программам высшего образования выдаются только Министерством образования на основании заключения экспертной комиссии.

В результате осуществленных преобразований к концу 90-х гг. была создана новая нормативная база, ориентированная на современные мировые тенденции в области образования, осуществлен переход к университетскому типу высшего образования, на многоуровневую систему подготовки специалистов, разработаны и внедрены новые перечни специальности вузов и т. д.

Вместе с тем конкретные реалии развития высшей школы, накопленный положительный опыт, выявившиеся негативные моменты потребовали внесения определенных коррективов в принципы и динамику реформирования высшего образования в республике.

В этих целях Министерством образования была разработана Концепция развития высшего образования в Республике Беларусь, принятая постановлением Совета Министров Республики Беларусь 27 октября 1998 г. № 1637. В Концепции была дана оценка состояния высшей школы, определены цели и задачи ее развития, конкретизированы принципы совершенствования содержания обучения, намечены мероприятия по материально-техническому и организационно-кадровому обеспечению ее реализации. Определялись основные направления развития высшего образования:

— совершенствование структуры высшей школы;

— регионализация высшего образования;

— совершенствование структуры подготовки специалистов;

— совершенствование порядка приема;

— развитие форм обучения;

— совершенствование организации учебного процесса;

— развитие научно-исследовательской деятельности;

— решение проблем обеспечения высшей школы научно-педагогическими кадрами;

— расширение международной деятельности;

— обновление законодательной базы.

В данном документе были определены этапы реформирования системы высшего образования Республики Беларусь и их содержание [7]. Первый этап — программно-организационный (1999—2000) — должен был обеспечить правовое пространство для осуществления дальнейших преобразований. На втором этапе — организационно-внедренческом (2001—2005) — предусматривалось перевести систему высшего образования на новые формы организации работы и содержания образования. Третий этап — коррекционно-завершающий (2005—2010) был нацелен на мониторинг и обобщение резуль-

татов, внесение необходимых изменений и дополнений в программу реформирования.

Целесообразно отметить нормативные акты, определяющие содержание структурно-организационных изменений, которые направлены на совершенствование структуры высшего образования в нашей стране. Начиная с 2001 г. в Республике Беларусь был принят целый ряд документов по переходу на двухступенчатую систему высшего образования: «Положение о подготовке специалистов с высшим образованием» (принято постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 мая 2001 г. № 758 [8]); «Положение о ступенях высшего образования» (принято постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 октября 2002 г. № 1419 [9]); «Концепция внедрения двухступенчатой системы подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь» (принята постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 мая 2004 г. № 605 [10]); «Программа перехода на дифференцированные сроки подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь» (принята постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 755 [11]). Однако в ходе подготовки нормативного, правового, учебно-методического обеспечения первоначальный замысел претерпел значительные изменения. В январе 2005 г., когда Президентом Республики Беларусь был отозван из Национального собрания для доработки проект Закона «О высшем образовании», начался отход от унификации образовательной системы с Европой. При этом одним из главных аргументов против европейской схемы диверсификации высшего образования является процесс трудовой эмиграция белорусских специалистов с высшим образованием в зарубежные страны.

Новым этапом в развитии системы высшего образования в нашей стране стал Закон Республики Беларусь от 11 июля 2007 г. № 252-З «О высшем образовании». Система высшего образования в Республике Беларусь включает:

— высшие учебные заведения и другие организации, обеспечивающие функционирование и развитие системы высшего образования;

— республиканские органы государственного управления и местные исполнительные и распорядительные органы, иные государственные органы и другие организации, в подчинении которых находятся высшие учебные заведения, в пределах их полномочий в сфере высшего образования;

— участников образовательного процесса;

— образовательные стандарты высшего образования, разработанные на их основе учебные планы и учебные программы.

Стратегическими целями реформирования системы высшего образования в Республике Беларусь выступают:

— повышение качества высшего образования в условиях его массовости;

— формирование профессиональной мобильности специалистов, способствующей адаптации выпускников вуза к постоянно изменяющимся условиям проф. деятельности;

— воспитание духовно, интеллектуально и физически развитой личности, способной активно участвовать в экономической и социально-культурной жизни общества.

Основными направлениями развития высшей школы являются разработка и внедрение в образовательный процесс вузов:

— структурно-организационных изменений;

— содержательно-технологических инноваций;

— создание ресурсного обеспечения подготовки специалистов [6].

На основании этого закона в последующий период был принят целый ряд нормативно-правовых актов по вопросам высшего образования.

Так, в 2008 г. было утверждено более 15 постановлений Совета Министров Республики Беларусь по вопросам высшего образования, не считая изменений и дополнений в действующие Указы Президента, а также нормативных документов Министерства образования.

Ряд источников раскрывают процессы интеграции высшей школы Беларуси в международное образовательное пространство. Ключевым направлением нашего международного сотрудничества в области высшего образования является создание единого образовательного пространства Союза Беларуси и России, СНГ. Для этого создаются следующие условия:

— общность принципов государственной политики в области образования;

— согласованность образовательных стандартов и программ;

— единство требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров;

— равенство прав граждан на получение образования в образовательных учреждениях СНГ.

Сотрудничеству России и Беларуси в сфере образования способствует и сформированная договорно-правовая база. Между обеими странами в сфере образования на правительственном, ведомственном, вузовском и других уровнях уже заключено более 300 договоров о сотрудничестве. По Указу Президента Республики Беларусь от 7 февраля 2006 г. № 80 «О правилах приема в высшие и средние специальные учебные заведения» граждане Российской Федерации получили право участвовать в конкурсе на получение высшего образования за счет средств республиканского бюджета [12]. В правила приема в вузы в обеих странах ежегодно включаются нормы, обеспечивающие равный доступ к высшему образованию, магистратуре, докторантуре граждан Российской Федерации и Республики Беларусь [14].

Наша страна является участницей Конвенции о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в странах Европейского региона от 1979 г., принятой в Париже [16].

В 1997 г. в Лиссабоне на заседании Европейского совета была подписана Конвенция о признании квалификаций высшего образования в Европе и сформулирована новая «Стратегическая задача на грядущее десятилетие: построение наиболее конкурентоспособной и динамичной наукоемкой экономической системы мира, способной к устойчивому экономическому росту, увеличению числа рабочих мест и социальной сплоченности». Конвенция вступила в силу только в 1999 г., после того как первые пять стран официально приняли на себя обязательства по ее выполнению. Беларусь также присоединилась к Конвенции в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 5 (процесс взаимного признания регулируется в отношениях 30 европейских стран) [17].

В 1998 г. состоялась встреча четырех министров образования (Франции, Германии, Италии и Великобритании) в Сорбонском университете (Париж), в результате которой 25 мая 1998 г. была подписана Совместная декларация по гармонизации европейской системы высшего образования. В документе подчеркивалась необходимость создания и укрепления интеллектуальных, культурных, социальных и технических основ сотрудничества в сфере образования между странами континента. В ходе этой встречи также было высказано предложение о необходимости «создания системы образования с двумя основными циклами, дипломным и последипломным, которая соответствовала бы международным эквивалентам и требованию большей сопоставимости» [16, с. 38]. Эта идея нашла отражение и в Декларации о Европейском регионе высшего образования, подписанной в Болонье 19 июня 1999 г. Она предполагала достижение к концу первого десятилетия XXI ст. следующих целей: создание системы сопоставимых академических степеней (в частности, за счет введения приложений к диплому); переход на двухуровневую систему подготовки; введение системы кредитов (учебных зачетных единиц) на основе европейской модели; устранение препятствий на пути мобильности студентов; развитие европейского сотрудничества в разработке критериев и методов оценки работы, создании программ и кооперации учебных заведений; участие преподавателей, научных работников в общеевропейских исследованиях и обучении [18, с. 16].

Болонский комитет, в состав которого входят представители экспертного сообщества и ряда общественных организаций, разработал план действий (дорожную карту) по включению Беларуси в Европейское пространство высшего образования. Среди условий приема Беларуси в число стран, подписавших Болонскую декларацию, являются законодательное закрепление перехода к европейским подходам к архитектуре высшего образования, признание квалификаций бакалавра—магистра—доктора. Далее следует закрепить в

законе реальную автономию вузов и гарантии академических свобод для персонала и студентов. Актуально законодательное обеспечение гарантий получения высшего образования на любом из государственных языков, создание белорусскоязычных потоков в вузах. На следующем этапе следует ожидать завершения реформирования системы академических степеней и квалификаций, системы контроля качества.

Учреждения образования Республики Беларусь активно сотрудничают с международными организациями: ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ООНПРООН, Европейским союзом, Советом Европы, Европейскими центрами профессионального образования и др.

Принятые правовые акты являются ярким свидетельством процесса практического реформирования белорусской высшей школы. Они закрепляют основные принципы государственной политики в сфере образования Республики Беларусь и направлены на улучшение качества образования, отвечающего запросам личности, общества и государства, обеспечение социальной справедливости в получении образования всех уровней, повышение конкурентоспособности национальной системы высшего образования, развитие академической мобильности, обеспечение трудоустройства молодых специалистов на рынке труда, укрепление международного сотрудничества в области обеспечения качества высшего образования и расширение возможности его получения.

Литература

1. Андарало, М. А. Сравнительный анализ концептуально-программных документов, определяющих развитие педагогического образования Беларуси, России, Украины / М. А. Андарало // Выш. школа. — 2010. — № 2. — С. 26—29.
2. Грицкевич, В. П., Каун, С. Б., Ходин, С. Н. Теория и история источниковедения / В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин. — Минск: БГУ, 2000. — 108 с.
3. Ходзін, С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (спроба гісторыка-генетычнага і кампаратыўнага вывучэння) / С. М. Ходзін. — Мінск: БДУ, 1999. — 194 с.
4. Шамова, Т. И. Управление образовательными системами / Т. И. Шамова, П. И. Третьяков, Я. П. Капустин. — М.: Владос, 2002. — 320 с.
5. Закон Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-XII «Об образовании». Режим доступа: http://www.spravka-jurist.com/base/part-vz/tx_wszntu.htm. — Дата доступа: 11.03.2012.
6. Закон Республики Беларусь от 11 июля 2007 г. № 252-З «О высшем образовании». Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/ zakb0026.htm. — Дата доступа: 12.03.2012.
7. Приказ Министерства образования Республики Беларусь от 15 марта 1999 г. № 123 «Об утверждении Программы реализации Концепции развития высшего образования в Республике Беларусь». Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org348/basic/text0525.htm. — Дата доступа : 11.03.2012.
8. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2001. — 11 июня. — 5/6062.

9. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2002. — 17 октября. — 5/11303.
10. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2004. — 31 мая. — 5/14301.
11. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2005. — 11 июля. — 5/16244.
12. Указ Президента Республики Беларусь от 7 февраля 2006 г. № 80 «О правилах приема в высшие и средние специальные учебные заведения». Режим доступа: http://www.pravo.by/ webnpa/text.asp?RN=p30600080. — Дата доступа: 15.03.2012.
13. Высшее профессиональное образование (2004/05 уч. год) // Совет по сотрудничеству в области образования государств — участников СНГ. — Минск, 16.06.2005. Режим доступа: http://www.cis.unibel.by/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=157. — Дата доступа: 11.03.2012.
14. Хрусталев, Б. М. Гармонизированная стратегия действий государств — участников союзного государства по актуальным вопросам в области образования и подготовки кадров высшей квалификации // Информационный бюллетень Парламентского собрания Союза Беларуси и России. — Минск, 2007. — № 2 (30). Режим доступа: http://www.belrus.ru/inform/bulletin/2-30/article.shtml?7-2.shtml. — Дата доступа: 12.02.2012.
16. Рудова, Л. В. ЮНЕСКО—СЕПЕС и Совет Европы — взаимодействие в области признания в высшем образовании / Л. В. Рудова // Высшая школа: проблемы и перспективы: Материалы VI междунар. науч. -метод. конф., Минск, 23—24 ноября 2004 г. — Минск: РИВШ, 2004. — С. 38—39.
17. Указ Президента Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 5 «О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе». Режим доступа: http://www.spravka-jurist.com/base/part-hz/tx_ssslve.htm. — Дата доступа: 15.03.2012; Совместная декларация по гармонизации европейской системы высшего образования // Высшее образование сегодня. — 2002. — №3. — С. 38.
18. Пионова, Р. С. Педагогика высшей школы: Учеб. пособие / Р. С. Пионова. — Минск: Университетское, 2007. — 256 с.
19. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) — Минск : Амалфея, 2005. — 48 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 01.03.2012

В. Н. Сидорцов,
профессор кафедры источниковедения
исторического факультета БГУ,
доктор исторических наук;
e-mail: hist@bsu.by

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КАФЕДРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ (1992—2001 гг.)

Кафедра источниковедения как организационный центр научной и преподавательской работы на демократической основе организовалась в 1992 г. В условиях государственной независимости Беларуси определилась потребность в собственной подготовке высококвалифицированных специалистов в различных областях исторического знания. Ранее предпринимались попытки формирования таких кадров, в частности действовали краткосрочные архивные и музейные курсы с участием видных ученых-архивистов и историков материальной культуры, в том числе В. И. Пичеты, М. В. Довнар-Запольского, В. Ю. Ластовского. Но только с 1 сентября 1992 г. было открыто стационарное отделение архивоведения и музееведения с дневной и заочной формами обучения. А в 2001 г. вместо музееведческого подразделения, отошедшего в ведение образовавшейся кафедры этнологии, музеелогии и истории искусства, открылось отделение по специальности «документоведение и информационное обеспечение управления».

Становление отделения архивоведения и музееведения пришлось на время перестройки образования, когда внедрялись новые подходы к системе обучения, происходил творческий поиск его организационных форм. Спустя пять лет было выпущено 20 первых отечественных специалистов для архивоведческой и музееведческой организационно-управленческой и информационно-фондовой работы в государственных и ведомственных архивах и музеях республики. Достигнутое стало возможным благодаря талантливым ученым и педагогам, включавшимся в работу кафедры.

Кафедра источниковедения и музееведения была создана по решению ректората БГУ от 27 июня 1992 г. Возглавил кафедру доктор исторических наук, профессор В. Н. Сидорцов. До этого назначения он был профессором кафедры истории советского общества, которой заведовал кандидат исторических наук, доцент И. А. Литвиновский, и вел учебные курсы по истории советского общества и историографии. Членами новой кафедры стали преподаватель Е. Н. Балыкина (зам. заведующего по информатике, работавшая ранее младшим научным сотрудником факультета радиофизики и электроники БГУ), кандидат исторических наук, доцент Ю. И. Драгун (выполнял учебную нагрузку по кафедре истории СССР досоветского периода — ныне истории России), кандидат исторических наук, доцент А. Г. Кохановский (сконцентрировал внимание на работе по кафедре истории Беларуси). Лаборантом

кафедры была определена выпускница факультета радиофизики и электроники О. Ф. Зирко.

Основная нагрузка по организации работы кафедры выпала на долю В. Н. Сидорцова и Е. Н. Балыкиной. Составляли учебные планы и программы по новым специальностям и учебным дисциплинам, подбирали кадры специалистов для проведения занятий, изыскивали все возможности для материально-технического обеспечения учебного процесса. Руководство факультета предоставило свободу действий в своих начинаниях. Опирались на поддержку и помощь коллег исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и, прежде всего, профессора Л. И. Бородкина, кафедр Российского государственного гуманитарного университета, первого проректора БГУ профессора П. Д. Кухарчика, ныне ректора БГПУ им. М. Танка, председателя Государственного комитета по архивам и делопроизводству доцента А. Н. Михальченко, зав. отделом Белорусского государственного музея искусств профессора Н. Ф. Высоцкой, зав. кафедрой экономической информатики БГУ ИР доцента В. Н. Комличенко и др. Особое внимание уделялось организации обучения студентов факультета исторической информатике. Кафедра стала штаб-квартирой Белорусской ветви стран СНГ Ассоциации «История и компьютер» — БАГіК (председатель Совета В. Н. Сидорцов, секретарь Е. Н. Балыкина).

Еще ранее В. Н. Сидорцов и Е. Н. Балыкина по приглашению Министерства образования СССР приняли участие в заседании коллегии министерства, где В. Н. Сидорцов выступил с речью о необходимости создания Белорусского центра по компьютеризации преподавания в вузах БССР. Было принято решение создать такой центр (ответственный В. Н. Сидорцов) в числе шести центров, запланированных на территории СССР, и выделить на его нужды 5 млн. рублей и класс компьютеров IBM-286. Однако незамедлительно последовавший распад СССР «похоронил» это решение, и лишь благодаря «своему» Министерству образования все же удалось добиться открытия в БГУ первой на постсоветском пространстве специализации студентов по исторической информатике. В. Н. Сидорцов вспоминает, с каким уважением он был принят профессором П. Д. Кухарчиком, распорядившимся выделить денежные средства на приобретение первой IBM-286, и как с В. Н. Комличенко мы «бегали» в поисках ее покупки и придирчиво осматривали предлагаемые экземпляры. Вскоре мы могли приобрести целый класс таких машин, подаренных нам голландцами (они уже перевооружались на IBM-386), но из-за позиции, занятой в этом вопросе тогдашним ректором БГУ (зачем, дескать, столько компьютеров историкам, если в них остро нуждаются математики и другие), получилось так, что IBM-ки «уплыли» в Барнаул.

По мере продвижения обучения кафедра пополнялась новыми сотрудниками:

— по специальности историко-архивоведение — кандидатом исторических наук, доцентом К. И. Козаком (с 1995 г., куратор специальности), кандидатом исторических наук, доцентом М. Ф. Шумейко (с 1995 г.);

— по специальности музееведение — кандидатом исторических наук, доцентом А. А. Гужаловским (с 1993 г., куратор специальности), кандидатом исторических наук, доцентом Л. М. Хухлындиной (1993—1996 гг.), доктором искусствоведения, профессором Н. Ф. Высоцкой (с 1995 г.), кандидатом исторических наук, преподавателем О. В. Горбачевой (с 1996 г.), старшим преподавателем А. И. Кушниром (с 1996 г.);

— по специальностям история, историко-архивоведение, музееведение — кандидатом исторических наук, доцентом С. Н. Ходиным (с 1995 г.), кандидатом исторических наук, преподавателем О. М. Шутовой (с 1997 г.), преподавателем С. Б. Кауном (с 1997 г.), старшим преподавателем Е. Э. Поповой (с 1999 г.), кандидатом исторических наук, доцентом О. Л. Липницкой и Л. В. Берейшик (с 2000 г.) и др.

Создание кафедры в условиях информационной революции позволило развернуть кипучую деятельность в различных направлениях.

Набирались опыта в области исторической информатики: осваивали и адаптировали к нуждам кафедры стандартные программные обеспечения, на их основе создавали собственные средства, в частности электронные кроссворды по истории, совершенствовали методику обучения информатике, разрабатывали специальные учебные курсы. Большим стимулом в этой области деятельности было посещение кафедры президентом Международной ассоциации «История и компьютер» (History and computing) профессором Гёттингенского университета (ФРГ) М. Таллером, а также наши творческие поездки и участие в международных конференциях: IX АНС в 1994 г. в Неймегене (Голландия), X АНС в 1995 г. в Монреале (Канада), XI АНС в 1996 г. в Москве (Россия). Наши познания в области исторической информатики и круг интересов значительно расширились в результате поездок в 1995 г. и 1996 г. в Великобританию, дважды организованных за счет АНС.

Приобщались к психоистории: через О. М. Шутову связались с тогдашним президентом Международной психоисторической ассоциации профессором Лонг-Айлендского университета (Нью-Йорк) Дж. Атласом и пригласили его в Минск. С большим неподдельным интересом слушали его лекцию о причинах Второй мировой войны с позиции психоистории. Аудитория № 45, где читалась лекция, была «забита» студентами и преподавателями, они толпились и на площадке у открытой двери в аудиторию. О. М. Шутова, смущаясь, переводила его речь на русский язык. А затем по предложению того же Дж. Атласа было организовано дистанционное совместное с американскими студентами изучение в системе Интернет курса истории «Земля и ее люди». В качестве учебной литературы использовались подаренные Дж. Атласом 10 книг на английском языке, стоимостью 100 долларов каждая. К сожалению,

ограниченные возможности, предоставляемые нам в использовании Интернет-сети БГУ (по принципу «остаточного финансирования»), не позволили развернуть этот вид обучения. Его эффективность терялась из-за того, что часы для связи с американцами предоставлялись в неудобное время суток, а время передачи информации при тех скоростях неимоверно растягивалось (во вторник — прием, а в четверг — передача).

В ходе этой работы была создана и успешно функционировала Белорусская психоисторическая ассоциация (президент В. Н. Сидорцов, вице-президент О. М. Шутова). В ее рамках проведен научный семинар «Историческая информатика и психоистория» (1996). В конечном итоге Дж. Атлас признал, что компьютер — средство не только типа «зубной щетки», как он замечал, но и обеспечивающее получение более точных результатов психоисторических исследований.

При кафедре действовали студенческая научно-исследовательская лаборатория (СНИЛ) «История и компьютер» и объединение студентов «Друзья архивов».

Увлеченно работали над созданием оригинальных материалов по истории искусства. «Заразительным» для нас стал пример разработанного и подаренного нам московской фирмой «Кардис & Медиа» уникального и вызывающего повышенный интерес у обучающихся и обучаемых мультимедийного издания CD «Москвоведение». Его огромный по объему текстовый, образный и оригинальный тестовый материал позволял проводить интегрированные уроки школьников и занятия студентов по истории—информатике, истории—географии, истории—литературе и истории—культуре в целом. Наши попытки «взломать» CD и наполнить его своим, белорусским материалом, не увенчались успехом, его можно было только дополнять новыми данными. Однако этот пример стимулировал нас к созданию собственной компьютерной программы по истории искусства — «Шедевры искусства Беларуси XII—XVIII веков».

Такое достижение стало возможным благодаря нашему сотрудничеству с Н. Ф. Высоцкой. Тесное общение с ней убедило нас в целесообразности выдвижения ее кандидатуры на соискание Государственной премии Республики Беларусь.

Тщательно готовили к публикации и издавали материалы, связанные с проведением международных научных конференций, монографии, сборники творческих работ и особенно пособия по открываемым учебным курсам. Среди них: материалы «Методологические проблемы исторической науки» (1993) [1]; учебно-методические пособия для лабораторных занятий «Историческая информатика. Вводный курс» и «Историческая информатика. Базовый курс» (1994 г., разработчики Е. Н. Балыкина, О. Л. Липницкая, Т. С. Петрушина, В. Н. Сидорцов) [2]; одобренная Министерством образования и науки Республики Беларусь учебная программа для студентов высших учебных заведе-

ний Беларуси «Методология истории» (1995 г., составители А. Н. Нечухрин, В. Н. Сидорцов, О. М. Шутова); «Современная мировая историческая наука: информационно-аналитический обзор: материалы XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции Ассоциации *History and Computing*, Монреаль, август—сентябрь 1995 г.» (1996 г., коллектив составителей) [4]; «Новые информационные технологии в образовании» (1996) [5]; учебное пособие «Методология истории» (1996 г., коллектив авторов) [6]. В печати нашли освещение материалы первого Белорусско-французского научного семинара «Архивы XXI века».

Многопрофильность кафедры, увлечение ее сотрудников разработкой новых направлений в исторической науке создавали ту среду, в которой только и мог зародиться междисциплинарный подход в нашем историческом познании. Было положено начало осмыслению этого явления: в опубликованных в 2001 г. избранных научных трудах БГУ появилась статья В. Н. Сидорцова «Междисциплинарность в исторических исследованиях» [7], а через год на эту же тему состоялся форум студентов исторических факультетов БГУ и Гродненского госуниверситета с использованием компьютерной платформы для дистанционного обучения. С тех пор форум вошел в рабочие планы занятий пятикурсников по методологии истории.

Главным достижением в деятельности кафедры стала подготовка и защита первых кандидатских диссертации по необычной для нас методологии истории. Их счет в апреле 1997 г., за семь месяцев до окончания срока аспирантуры, открыла О. М. Шутова — защитой диссертации по американской психоистории. В том же году появилась ее монография «Психоистория: школа и методы» [8]. Позже успешно защитились С. А. Кизима по системному подходу в историческом исследовании и Д. С. Самохвалов по исследованию групповых фантазий (2000), а также А. В. Курьянович по германской истории повседневности (2002).

В 1997 г. кафедра отмечала свой первый юбилей — пятилетие. Он был ознаменован первым выпуском отечественных историков-архивистов и музееведов [9]. А. Н. Михальченко выделил средства для проведения праздничного ужина в честь первых отечественных выпускников-архивистов. Итоги и перспективы работы были подведены и обозначены на заседании, которое состоялось в присутствии зам. декана факультета Ю. Л. Казакова. Констатировалось, что кафедра источниковедения и музееведения как историко-методологический центр в республике, средоточие научно-исследовательской и учебно-методической работы фактически на всех отделениях факультета состоялась.

Наиболее примечательными акциями в последующее пятилетие были:

— опубликование в 1998 г. коллективного учебного пособия «Историческая информатика: информатика для исторических специальностей» (его задержка была вызвана принятым решением о запрещении деятельности

Сороса в Республике Беларусь), а также целого ряда других пособий, в т. ч. по архивоведению Беларуси (1998), истории и организации делопроизводства (1999), источниковедению (1999, 2000), истории культуры Беларуси (2001) [10, с. 11];

— проведение в 1998 г. совместно с АИК и Московским городским объединением архивов V конференции Ассоциации «История и компьютер» [11];

— проведение в 1999 г. международной научно-практической конференции «Французская рэвалюцыя і лёсы свету» и опубликование ее материалов [12];

— выход в свет монографий О. М. Шутовой «На пути к Истории Людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века)» (1999), В. Н. Сидорцова «Методология исторического исследования (механизм творчества историка)», ставшей основой его дальнейших разработок в этом направлении (2000), О. В. Горбачевой «Паўстанне 1830—1831 гадоў на Беларусі» (2001), А. А. Гужаловского «Нараджэнне беларускага музея» (2001) и «Музей Беларусі. 1918—1941» (2002) [10, с. 11];

— опубликование в 2000 г. совместно с РИВШ материалов в 2-х т. и проведение в феврале 2001 г. международной научной конференции «Теоретико-методологические проблемы исторического познания» [13];

— опубликование в 2002 г. совместно с РИВШ книги «Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы», допущенной Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для системы повышения квалификации работников образования» (коллектив авторов) [14].

Рупором кафедральных дел стал периодический сборник «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны». Его первый номер с вводной статьей «Кафедра источниковедения: 10 лет творчества» вышел в 2002 г. Работа кафедры освещалась и в западных изданиях: О. М. Шутовой *Post-Soviet Belarus: Childhood, Family and Identity* // The Journal of Psychohistory. Vol 27 # 1 Summer, 1999. P. 8—18; В. Н. Сидорцова *Zur Frage nach dem Stand der belarussischen Historiografie. Probleme. Theorien. Genres* // Internationale Schulbuchforschung. Vol 23 (2001, № 1). S. 43—54; К. И. Козака *Franzosen in den Verbänden der Wehrmacht* // Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowietunion und der Völkermord an den Juden. Herausgegeben von Wolf Kaiser. Berlin, 2002. S. 160—165; и др. [10].

Пришло время реорганизации кафедры. В связи с открытием на факультете отделения документоведения и перегрузкой кафедры из ее состава выделилась группа сотрудников, составивших ядро кафедры этнологии, музеелогии и истории искусства, созданной в качестве организационного и научно-методического центра отделения музееведения. Обновленную кафедру как

кафедру источниковедения возглавил декан факультета С. Н. Ходин. Однако это уже, хотя и преемственная, но новая история.

Литература

1. Метадалагічныя праблемы гістарычнай навукі: зб. артыкулаў па матэрыялах міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 29 верасня — 1 кастрычніка 1992 г.). — Мінск: БДУ—БГЧ, 1993. — 122 с.
2. Историческая информатика. Вводный курс. Учебно-методическое пособие для лабораторных занятий по историческим специальностям высших учебных заведений. — Минск: БГУ, 1994. — 62 с.; Историческая информатика. Базовый курс (Базы данных). Учебно-методическое пособие для лабораторных занятий по историческим специальностям высших учебных заведений. — Минск: БГУ, 1994. — 64 с.
3. Метадалогія гісторыі. Праграма па аднайменнаму курсу для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь па спецыяльнасці Г.05.0100 — «Гісторыя». — Мінск: БДУ, 1995. — 22 с.
4. Современная историческая наука: информ.-аналит. обзор. — Минск: НТООО «ТетраСистемс», 1996. — 196 с.
5. Новые информационные технологии в образовании. Труды второй международной конференции. Т. III. Историческая информатика. — Минск: БелНИИДАД, 1996. — 98 с.
6. Методология истории: учебное пособие для студентов вузов. — Минск: НТООО «ТетраСистемс», 1996. — 240 с.
7. Сидорцов, В. Н. Междисциплинарность в исторических исследованиях / Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Т. 2. / В. Н. Сидорцов. — Минск: БДУ, 2001. — С. 19—27.
8. Шутова, О. М. Психоистория: школа и методы / О. М. Шутова. — Минск: ОАО «Веды», 1997. — 176 с.
9. HSTORY. ARCHIV. MUSEUM. Храним культурное и историческое наследие. Отделение архивоведения и музееведения. Кафедра источниковедения и музееведения. 5 лет: буклет. — Минск: БГУ, 1997.— 8 с.
10. Кафедра источниковедения: 10 лет творчества // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1. — Мінск: БДУ, 2002. — С. 5—12.
11. Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Т. I, II. Труды V конференции Ассоциации «История и компьютер». — Минск: БГУ, 1998. —352 с.
12. Французская рэвалюцыя і лёсы свету. Матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай гадавіне Французскай рэвалюцыі (1789—1799 гг.), 21—22 красавіка 1999 г. — Мінск: БДУ, 1999. — 227 с.
13. Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х т.— Минск: РИВШ, БГУ, 2000. — 201 с., 244 с.
14. Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы. Учебное пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации высших учебных заведений. — Минск: Изд. центр БГУ, 2002. — 291 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.05.2012

М. Ю. Герасимович,
архивист 2-й категории
отдела использования документов и публикаций
Государственного архива Брестской области

ФОНД БРЕСТСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА БЫВШЕЙ КПБ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БРЕСТЧИНЫ (1939—1991 гг.)

Документальные материалы, отложившиеся в процессе деятельности Брестского обкома КПБ, в настоящее время хранятся в государственном архиве Брестской области (ф. 1-п).

Брестский обком КПБ был образован в ноябре 1939 г. [3, с. 74]. В июне 1941 г. деятельность обкома была прервана в связи с началом Великой Отечественной войны. В июле 1944 г. после освобождения территории области от немецко-фашистских оккупантов обком возобновил свою работу.

На 1 января 1945 г. Брестская областная парторганизация имела следующую структуру: Брестский обком КП(б)Б, Брестский горком КП(б)Б, Антопольский, Березовский, Брестский, Высоковский, Дивинский, Домачевский, Жабинковский, Каменецкий, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Малоритский, Пружанский, Ружанский, Шерешевский райкомы КП(б)Б [10].

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета БССР «Об упразднении Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской и Полоцкой обл. Белорусской ССР» от 8 января 1954 г. районы Пинской области и некоторые районы Барановичской области (Бытенский, Городищенский, Ляховичский, Новомышский (с 1957 г. — Барановичский) вошли в состав Брестской области [4, с. 23]. Перестройка в административно-территориальном делении в середине 1950-х гг. повлекла за собой изменения в структуре Брестской областной парторганизации. К концу 1962 г. она включала в себя обком, три городские и двадцать районных парторганизаций и их комитетов [11].

В соответствии с постановлением ноябрьского пленума ЦК КПСС 1962 г. партийная организация области с 1 января 1963 г. была разделена на сельскую и промышленную организации [2, с. 389]. Было создано 2 обкома КПБ — Брестский сельский обком КПБ [15] и Брестский промышленный обком КПБ [14].

В сельский обком входило 11 парткомов колхозно-совхозных управлений: Барановичский, Березовский, Брестский, Дрогичинский, Каменецкий, Кобринский, Лунинецкий, Ляховичский, Пинский, Пружанский, Столинский. В промышленный — 3 промышленно-производственных парткомов: Березовский, Кобринский, Лунинецкий.

С 1 января 1965 г. деление областной парторганизации на промышленную и сельскую было ликвидировано. Вместо производственных парткомов и парткомов колхозно-совхозных производственных управлений на основе решений ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. были воссозданы партийные органы, существовавшие до 1 января 1963 г. [2, с. 435]. В соответствии с

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 7 апреля 1978 г. «Об образовании районов в городах Бресте и Гродно» г. Брест был разделен на Ленинский и Московский районы [5]. Соответственно были созданы Ленинский [16] и Московский [17] районные комитеты КПБ г. Бреста.

К моменту прекращения функционирования КПБ (август 1991 г.) сеть руководящих органов областной партийной организации была следующей: Брестский обком КПБ, Брестский, Барановичский, Пинский, Лунинецкий, Кобринский горкомы КПБ, Барановичский, Брестский, Березовский, Ганцевичский, Дрогичинский, Жабинковский, Каменецкий, Ленинский г. Бреста, Ляховичский, Малоритский, Московский г. Бреста, Пинский, Пружанский, Столинский райкомы КПБ [13].

10 октября 1947 г. в соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б от 2 сентября 1947 г. «Об организации партархивов обкомов КП(б)Б» при всех областных партийных комитетах были образованы партархивы, в том числе и партархив Брестского обкома КП(б)Б [1, с. 4]. Перед ним ставилась задача обеспечить концентрацию, хранение и научно-техническую обработку архивных документов партийных и комсомольских органов и организаций за период, начиная с освобождения области от немецко-фашистской оккупации. Сохранившиеся материалы за предшествующие годы передавались на хранение в партархив ЦК КП(б)Б.

В начале 1980-х гг. все документы местных партийных и комсомольских организаций Брестской области за довоенный период, а также фонды обкомов КПБ и ЛКСМБ ликвидированных Барановичской и Пинской областей, которые хранились в партархиве Института истории партии при ЦК КПБ, были переданы в партархив Брестского обкома КПБ [1, с. 5].

В марте 1992 г. в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 1991 г. «О передаче имущества КПБ—КПСС в собственность республики и административно-территориальных образований (коммунальную собственность)» [6] документы партархива областного комитета, а также материалы текущего делопроизводства поступили на хранение в Госархив Брестской области [18, л. 8].

Материалы Брестского обкома КПБ за 1939—1941, 1944—1991 гг. были объединены в один фонд. По состоянию на январь 2012 г. в фонде имеется 20 527 единиц хранения в составе 87 описей. Описи составлены по хронологии, внутри годовых разделов по номинальному признаку.

Длительное, независимое от Государственной архивной службы функционирование партархивов привело к тому, что уровень научно-справочного аппарата далеко не всегда отвечал современным требованиям. Так, описи бывшего партархива за редким исключением не имеют оглавлений, предисловий с историческими справками, списков сокращений и т. д. В описях по личному составу нередко вперемешку (без выделения в группы по разновидностям и без соответствующих отметок) внесены личные и персональные

дела, по приему в партию. Многие из заголовков не отражают основного содержания дел. В них нередко отсутствуют названия видов документов, крайние даты, имена авторов и корреспондентов. Вместе с тем существующими в советское время Правилами работы партийных архивов обкомов не предусматривалась подготовка путеводителей или справочников. В то же время положительным моментом научно-справочного аппарата к партийным документам является наличие перечней вопросов, рассмотренных на пленумах, заседаниях бюро и секретариата партийных органов, на собраниях актива, которые позволяют раскрыть содержание дел и повысить информативность описей.

В Госархиве Брестской области работа по приведению учета и научно-справочного аппарата к документам бывшего партархива в соответствие с правилами работы государственных архивов началась в 1994 г. В результате чего была произведена работа по переработке и усовершенствованию описей, выявлению сведений по истории фондообразователей и фондов, уточнению фондовой принадлежности, редактированию заголовков, экспертизе ценности документов, ряда фондов партийных органов. Однако фонд 1-п такой переработке еще не подвергался.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось провозглашением широкого открытия архивов и, в первую очередь, документов бывших партархивов. В 1993 г. основной массив документов Брестского обкома был переведен на открытое хранение, в 2008 г. работа по рассекречиванию документов обкома была завершена.

Таким образом, исследователи, общественность получили обширную источниковую базу для изучения истории Брестчины в 40-х — начале 90-х гг. XX в.

Большинство документов обкома возникло в процессе его практической деятельности на территории Брестской области, в ходе выполнения им своих функций в области управления, осуществления возложенных на него обязанностей.

Брестский обком КПБ выполнял свои функции в соответствии с Уставом Коммунистической партии Белоруссии и обладал следующими полномочиями:

определял круг вопросов, связанных с пропагандой и выполнением Программы КПБ, решений съездов ЦК КПБ, своих руководящих органов;

определял значимые приоритеты своей деятельности на территории области в соответствии с решениями съездов и ЦК КПБ, вырабатывал меры по их выполнению;

взаимодействовал с органами власти и управления своих регионов;

вносил предложения по кандидатурам состава ЦК КПБ, ЦКРК КПБ и Совета партии;

утверждал решения о создании районных, районных в городах, городских парторганизаций, координировал их деятельность, передавал им часть своих полномочий, прекращал их деятельность, информируя об этом ЦК КПБ;

мог выступать учредителем региональных партийных изданий, выпускать свои печатные материалы, руководствуясь законодательством о печати и других средствах массовой информации, а также пользовался в установленном порядке государственными областными, районными (городскими) средствами массовой информации;

занимался подбором, расстановкой партийного актива, организовывал и проводил его обучение;

утверждал смету областной парторганизации и отчет об ее исполнении за год;

представлял к установленному сроку необходимые сведения и отчеты о своей деятельности в ЦК КПБ, соответствующие органы юстиции, налоговые и другие органы;

решал иные вопросы, предусмотренные Уставом и по поручению ЦК КПБ или его Бюро [7].

Для руководства всеми отраслями народного хозяйства и культуры, выполнения своих функций в составе Брестского обкома партии создавались структурные подразделения, занимавшиеся определенным направлением деятельности. Так, на первых этапах работы обкома в его составе значились следующие отделы:

Организационно-инструкторский отдел, состоящий из сектора единого партбилета и инструктора по женработе. Этот отдел осуществлял руководство всей организационно-партийной работой, обобщал опыт партийного строительства, инструктировал и проверял работу подведомтвенных партийных органов и первичных организаций, ведал партийной информацией и статистикой;

Отдел пропаганды и агитации, в состав которого входили газетно-журнальный сектор и лекторская группа. Отдел руководил постановкой пропаганды марксизма-ленинизма, сетью партийного просвещения, массовой агитацией, культурным строительством, народным просвещением, печатью, развитием физкультуры и спорта, деятельностью добровольных обществ;

Промышленный отдел;

Транспортный отдел;

Сельскохозяйственный.

Эти три отдела осуществляли руководство работой партийных организаций соответствующих отраслей народного хозяйства.

Военный отдел. Осуществлял руководство оборонно-массовой работой, военной подготовкой;

Отдел кадров. В его состав входило несколько секторов: а) сектор партийно-комсомольских кадров, НКВД и оборонных организаций, б) сектор промышленно-транспортных кадров и связи, в) сектор советских, сельскохозяйственных и судейско-прокурорских кадров, г) сектор культурно-просветительских и медицинских кадров, д) сектор торгово-кооперативных и заготовительных кадров, е) сектор учета. Отдел занимался подбором, расстановкой партийных, советско-хозяйственных кадров;

Особый сектор в составе протокольной части, секретной части и общей канцелярии осуществлял технический контроль за выполнением директив вышестоящих партийных органов и обкома КП(б)Б. Здесь же сосредатачивалось все делопроизводство;

Финхозсектор. Осуществлял контроль за исполнением бюджетов и смет обкома, горкомов, райкомов КП(б)Б [8].

На протяжении всей деятельности структура обкома неоднократно менялась. Так, например, по состоянию на 1981 г. структура обкома выглядела следующим образом: общий отдел, отдел организационно-партийной работы, отдел пропаганды и агитации, отдел науки и учебных заведений, отдел промышленности, отдел легкой и пищевой промышленности, отдел строительства, отдел сельского хозяйства, отдел транспорта и связи, отдел торговли и бытового обслуживания, отдел административных и торгово-финансовых органов, финансово-хозяйственный отдел [12, л. 17].

Документы обкома весьма разнообразны по назначению, содержанию, форме, значимости для изучения истории Брестчины и самих местных партийных структур. КПСС была правящей партией, в партийных документах отражены все принципиальные вопросы развития народного хозяйства, идеологии, культуры, социальных процессов и т. д. Решения ее органов по всем вопросам жизнедеятельности общества были обязательными для исполнения всеми государственными и общественными организациями, учреждениями, предприятиями и т. д. Поэтому ни один вопрос из истории деятельности местных органов власти нельзя понять и изучить без анализа документов парторганов.

Исходя из содержания материалов фонда Брестского обкома, их можно выделить в несколько тематических блоков:

документы о становлении советской власти на Брестчине: об образовании и начале деятельности областной партийной организации, о создании органов государственной власти и общественных организаций, о первых социалистических преобразованиях в 1939—1941 гг. на территории области;

документы, раскрывающие организационную структуру Брестского обкома КПБ, его компетенцию, сведения о деятельности: сведения об административно-территориальном делении; организационной структуре областных, районных, городских комитетов КПБ, ЛКСМБ, первичных партийных организаций, сведения по личному составу; компетенции партийных органов

Брестской области; характеристики работы различных партийных организаций;

документы, характеризующие политику партийных органов области в социально-экономической сфере: в области промышленного производства, роста товарооборота, сельского хозяйства, строительства жилых, административных и производственных зданий, здравоохранения, народного образования, социальной помощи, развития советской культуры и науки;

документы, посвященные вопросам развития и укрепления партии: организационного укрепления рядов партии и партийных организаций, перестройки партийного аппарата, идейно-политической и агитационно-пропагандистской работы партии, дальнейшего развития марксистско-ленинской теории, борьбы за чистоту рядов Коммунистической партии.

Исходя из авторства документов, материалы, отложившиеся в архивном фонде Брестского обкома КПБ, можно сгруппировать следующим образом:

документы вышестоящих государственных и партийных органов (Совета Министров СССР и ЦК КПСС, Совета Министров БССР и ЦК КПБ);

документы обкома, горкомов, райкомов;

документы местных органов власти и управления, учреждений, организаций и предприятий (местных исполнительных и распорядительных органов, промышленных предприятий, колхозов, совхозов и др.);

документы комсомольских организаций;

документы суда, прокуратуры, органов госбезопасности, милиции;

материалы профсоюзных организаций, культурных, спортивных, научно-технических обществ, творческих союзов и организаций и др.;

воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., государственных деятелей, ученых, творческих работников и др.

Документы обкома можно также классифицировать и исходя из их функционального назначения:

организационно-распорядительные документы (постановления и директивные указания, распоряжения, решения, протоколы);

отчетная документация (отчеты, информации, докладные записки, материалы партийной статистики);

справочно-информационная документация (справки, сведения, планы работы, переписка по вопросам организационно-партийной работы);

документы по личному составу (дела личные, персональные, о приеме в члены КПСС, лицевые счета, ведомости на выплату заработной платы и др.).

Таким образом, в фонде Брестского обкома КПБ сосредоточена документальная информация, отражающая буквально все аспекты истории Брестчины второй половины XX века: о становлении советской власти и формировании местных органов управления, о первых социалистических преобразованиях, восстановлении народного хозяйства в послевоенный период, состоянии и развитии образования, науки, культуры, здравоохранения, жилищном

строительстве, социально-экономическом развитии и др. В обком, городские и районные комитеты со всех уголков области стекалась самая разнообразная информация о состоянии практически всех сфер жизни общества. Так, в составе материалов обкома отложились документы органов госбезопасности, милиции: о массовой коллективизации в области, о выполнении постановления Совета Министров о выселении кулаков из БССР, сопротивлении крестьянства и репрессиях против них, наличии вооруженных банд и групп, о настроениях и реакции населения на важные политические события и др.

Ценными источниками по истории Брестчины в 1939—1991 гг. являются протоколы и постановления, принятые на заседаниях бюро Брестского обкома КПБ. Протокол — разновидность организационно-распорядительной документации, с записью, фиксирующей произошедшее или происходящее в данный момент событие (собрания, заседания и т. д.). Протоколы заседаний бюро Брестского обкома КПБ включают в себя информацию о том, с какой периодичностью проходили заседания бюро, кто принимал в них участие, какие вопросы выносились на обсуждение и рассматривались на заседаниях, какие постановления были приняты. Как правило, на заседаниях бюро обкома рассматривались разные вопросы, решение и обсуждение которых входило в компетенцию обкома. Изучение протоколов заседаний бюро Брестского обкома является важным этапом в исследованиях по истории Брестчины.

Остановимся более подробно на характеристике протоколов заседаний бюро Брестского обкома КП(б)Б за 1939—1941 гг., которые сохранились в полном объеме.

Так, например, исходя из содержания протоколов за 1939—1941 гг., можно выделить основную направленность деятельности обкома КП(б)Б Брестской области в указанный период. Основное внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди населения, развитию культуры, кадровой политике, а также административно-территориальному устройству Брестской области. Среди хранящихся протоколов заседаний бюро Брестского обкома КП(б)Б за 1939 год в ГАБО сохранился протокол № 1 от 28 ноября 1939 г., в котором зафиксированы первые решения Брестского обкома КП(б)Б с момента его образования, а именно: об организации дома партпросвещения в г. Бресте, о распространении большевистской печати, об организации профсоюзов и проведения выборов профорганов.

Интерес представляет протокол № 2 от 2 декабря 1939 г., который содержит постановления «Об организации областного театра в г. Бресте», «Об открытии музыкальной школы», «Об открытии дома художника» [9, л. 1—9]. Данная информация позволяет нам сделать вывод о том, что в начале своей деятельности на территории Брестчины в 1939 г., советское правительство большое значение придавало культурно-просветительской работе среди населения. Протокол № 4 от 25 декабря 1939 г. заседания бюро Брестского обкома КП(б)Б также содержит интересные исторические факты из истории Брестчи-

ны, одним из которых является постановление «Об областной газете», где газета «Рабочий» — орган Временного управления г. Бреста — была реорганизована в областную газету «Заря» — орган Брестского обкома КП(б)Б и облисполкома [9, л. 56].

Исходя из содержания материалов фонда Брестского обкома КПБ, могут быть выделены многие для самостоятельного изучения темы, такие, как: становление советской власти на территории Брестской области в 1939—1941 гг., социально-экономическое развитие Брестчины в 1939—1991 гг., культурная жизнь Брестчины в 1939—1991 гг., идеологическая работа партийных органов среди населения Брестской области в 1939—1991 гг., политика партии в области сельского хозяйства, развитие промышленности Брестской области в 1944—1991 гг. и многое другое.

Таким образом, документальные материалы фонда Брестского обкома КПБ обладают огромным информационным потенциалом и имеют научно-историческое и практическое значение для изучения истории Брестчины в 1939—1991 гг.

Список использованных источников

1. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: Кратк. справ.: В 2 ч. Ч. 1 / Сост.: Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев; Предисл.: В. Д. Селеменев, М. Ф. Шумейко. — Минск: НАРБ, 1997. — 104 с.
2. Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 3 (июнь 1941 — 1965 гг.) / Г. Г. Белькевич, В. И. Белявцев, А. Н. Гесь и др. — Минск: Беларусь, 1980. — 472 с.
3. Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі. Верасень 1939 — 1959 гг.: дакументы і матэр'ялы: У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 — 1941 гг. / Склад.: У. Адамушка [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2009. — 340 с.
4. Административно-территориальное устройство БССР. Справочник: В 2 т. Т. 2 (1944—1980 гг.) / Гл. арх. Упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; сост.: С. Д. Гриневич [и др.]. — Минск: Беларусь, 1987. — 283 с.
5. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений и распоряжений Совета Министров БССР. — 1978. — № 11. — Ст. 215.
6. Собрание постановлений Правительства Республики Беларусь. — 1991. — № 36. — Ст. 450.
7. Устав Коммунистической партии Беларуси // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pravo2000by.narod.ru/baza32/d31378.htm/ — Дата доступа: 06.02.2012.

Государственный архив Брестской области

8. Ф. 1-п.
9. Ф. 1-п. — Оп. 1б. — Д. 1. Протоколы заседаний бюро Брестского обкома КП(б)Б № 1—6.
10. Ф. 1-п. — Оп. 2.
11. Ф. 1-п. — Оп. 19.
12. Ф. 1-п. — Оп. 64. — Д. 136. Штатное расписание, бюджет областной партийной организации на 1981 год.
13. Ф. 1-п. — Оп. 85.

14. Ф. 6991-п.
15. Ф. 6992-п.
16. Ф. 7538-п.
17. Ф. 7548-п.
18. Ф. 733. — Оп. 1. — Д. 1232. Отчеты о работе госархивов области за 1992 год.
Артыкул паступіў у рэдакцыю 07.05.2012

С. В. Кулинок,
начальник отдела информации
и научного использования документов
Белорусского государственного архива
научно-технической документации,
аспирант БелНИИДАД;
моб. тел. +375 29 643 28 94
e-mail svkulinok@tut.by

ОПРОСНЫЕ ЛИСТЫ И ПРОТОКОЛЫ БЕСЕД КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В 1941—1943 гг.

(по материалам фонда 1450 Национального архива Республики Беларусь)

Широкое развитие партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, разнообразные формы сопротивления оккупантам, преследовавшие идеологические, экономические и военные цели, привели к возникновению огромного пласта документов, хранящихся в архивах нашей страны. Одним из самых объемных и информативных фондов по данной проблеме является фонд Белорусского штаба партизанского движения (№ 1450). В настоящее время в его состав входят 24 описи, в которых содержатся 11 069 единиц хранения [3, с. 172].

Одной из форм борьбы против захватчиков был сбор разведывательных данных для нужд Красной Армии и собственно партизанских соединений. По замечанию военного историка В. Андрианова «история еще не знала подобных примеров столь широкого, целеустремленного и организованного использования партизан для решения разведывательных задач … как это было в годы Великой Отечественной войны»[1, с. 20].

В результате этой деятельности отложился огромный пласт документов о разведывательных действиях партизанских соединений. Условно их можно разделить на профильные — создавались для передачи разведывательной информации, или направленные на активизацию и развитие разведывательной деятельности: разведсводки и отчеты, протоколы бесед, опросы (опросные листы), памятки и рекомендации по разведдеятельности и др. и непрофильные — могли содержать развединформацию, но изначально создавались для других целей: оперативные сводки, докладные записки, отчеты о боевой деятельности, итоговые отчеты и др.

Следует отметить, что в последние годы значительно усилился интерес историков непосредственно к изучению самих источников. Все чаще в Беларуси стали появляться работы, посвященные отдельным группам документов, делопроизводству в партизанских соединениях и руководящих органах [2, 4, 12—14]. Однако до сих пор многие виды и группы документов по истории партизанского движения недостаточно изучены. Предметом данного исследования является такой вид профильных документов, как опросные

листы (опросы) и протоколы бесед (беседы), прибывших на «большую землю» участников партизанского движения.

Выбор хронологического периода объясняется тем, что именно в 1941—1943 гг. данный вид документации получил наибольшее распространение. Именно к 1943 г. партизанская разведка приобрела четкую организационную структуру, а развитие делопроизводства привело к тому, что опросные листы и протоколы бесед окончательно обрели свою внутреннюю структуру и приняли завершенный вид.

Появление данного вида документации было вызвано рядом причин. Во-первых, начиная с первых дней войны к партизанам стекалась огромная масса разведывательной информации, которая могла оказать важное стратегическое влияние на тяжелые бои 1941—1942 гг. И если приоритетной задачей партизанского движения в 1942 г. было «разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей» [9, л. 1 об.—2], то по мере перехода стратегической инициативы к Красной Армии и начала активных наступательных операций все большее значение начинает приобретать сбор партизанами разведывательных сведений.

Во-вторых, большинство партизанских отрядов, действовавших в тылу немецких войск в 1941—1942 гг., не имели надежной и постоянно действующей радиосвязи с «большой землей». Так, на 1 ноября 1942 г. на территории Белостокской и Брестской областей не было ни одной радиостанции, в Вилейской области — 1, в Барановичской и Гомельской — по 2. Лишь в Витебской области работало 26 радиостанций [10, л. 22—23]. Это обстоятельство заставляло командиров соединений обращаться за связью в соседние отряды и бригады либо отправлять курьеров и посыльных, которые и должны были передавать оперативные и разведывательные данные военному и политическому руководству, возвращаясь затем с новыми заданиями и распоряжениями. В силу этого на 1941 — первую половину 1943 г. приходится расцвет данного вида документации.

Ситуация изменилась весной 1943 г. По данным БШПД уже к 1 мая 1943 г. на территории БССР функционировало 110 радиостанций, которые обеспечивали связь с «большой землей» 461 отряду (100%) [10, л. 28—30]. Это обстоятельство привело к тому, что практическая необходимость в посылке курьеров и доверенных лиц отпала, а беседы и опросы в основном велись с вывезенными из тыла военнопленными, ранеными, командирами соединений, прибывшими для лечения, награждения и т. д.

Что касается объема рассматриваемых документов, то он мог варьироваться от 2—3 до 8—10 и более напечатанных листов в зависимости от должности прибывшего, его осведомленности и цели прибытия. Рядовой боец пар-

тизанского соединения, как правило, передавал только наиболее важные сведения и данные, которые ему поручило сообщить начальство, в то время как командиры соединений, помощники командиров по разведке и контрразведке могли сообщить гораздо больший объем сведений.

Прибывшие из тыла курьеры сразу подвергались тщательной проверке, а затем направлялись в Белорусский или Центральный штаб партизанского движения (БШПД и ЦШПД), где с ними беседовали сотрудники разведывательного или оперативного отдела.

Опросные листы и протоколы бесед были двух разновидностей. В первом случае беседа велась в формате «вопросов-ответов» опрашивающего и посыльного, который в меру своей осведомленности на них отвечал [см. 8, л. 70—75]. Вторая разновидность представляет собой повествование от первого или третьего лица, которое велось прибывшим из тыла. В этом случае никакие вопросы ему не задавались. Повествование шло либо сплошным текстом, бессистемно и без разделения на темы [см. 7, л. 60—61], либо подразделялось на разделы и пункты [см. 6, л. 16—19].

Всю информацию, содержащуюся в обеих разновидностях документа, можно разделить на три тематических блока. Первый касается информации биографического характера. В процессе беседы опрашиваемый подробно сообщал свои биографические данные: фамилию, имя, отчество, год и место рождения, происхождение, национальность, партийность, образование, место службы или работы до начала войны, участие в боевых действиях в первые месяцы войны.

Следующий блок вопросов касался участия прибывшего в партизанском движении, боевой деятельности соединения, партизанской борьбы в регионе. Вопросы звучали приблизительно так: «Кем были направлены в тыл противника?», «Когда и при каких условиях вступили в партизанский отряд?», «Какие боевые операции проводились вашим соединением?», «Охарактеризуйте руководителей партизанского соединения, его вооружение и численность», «Какие партизанские соединения действуют по соседству?» и т. д.

Ответы на эти вопросы часто содержали ценную информацию о зарождении и действиях отдельных партизанских соединений, их боевом пути в условиях отсутствия связи с «большой землей». Так, в беседе на станции Сходня с командиром партизанской бригады Минского соединения П. М. Коноваловым на вопрос: «Как была организована операция по уничтожению фашистских самолетов на Бобруйском аэродроме?», сотрудник оперативного отдела БШПД получил следующий ответ: «Уничтожение самолетов на Бобруйском аэродроме было произведено через нашу агентуру, работающую на аэродроме… На аэродроме было уничтожено 15 самолетов. Уничтожение производилось посредством закладки магнитных мин. Относительно связей с агентурой могу сказать, что мой помощник — Леонид Виноградов, который держал связь с агентурой и вел работу по контрразведке, убит. Таким обра-

зом, вся агентура, которая была связана с Виноградовым, провалилась. По некоторым данным провалилось около 300 человек. Связи с этими людьми нет» [7, л. 9—10].

Наиболее объемный и значимый, с точки зрения получения разведывательных данных, был третий блок вопросов. По своей структуре он напоминал разведывательную сводку, так как задаваемые опрашиваемому вопросы часто напоминали ее пункты. По характеру информации, относящейся к данному блоку, можно выделить данные военно-оперативного, экономического и политического характера.

К первой группе можно отнести информацию о гарнизонах противника, их численности и вооружении, фортификационных и полевых укреплениях, находящихся на службе у немцев добровольческих формированиях, подготовке к ведению химической войны, школах гестапо и абвершколах, скоплении войск противника и их перемещении, эксплуатации железных и шоссейных дорог и мостов, расположении аэродромов и взлетных площадок, размещении складов и баз снабжения, организации разведывательной и контрразведывательной службы в партизанских соединениях и др.

Так, в опросном листе от 23 ноября 1942 г. командир партизанского отряда № 600 военинженер 2-го ранга Н. Д. Аверьянов сообщал, что по состоянию на 16 октября 1942 г. по железной дороге Могилев—Гомель каждые сутки проходило до 12 эшелонов, вагоны гружены автомашинами, танками, минометами, орудиями [7, л. 87]. В показаниях от 17 апреля 1942 г. капитан К. К. Мишин охарактеризовал политико-моральное состояние немецких войск следующим образом: «большинство солдат в тылу — это испанцы, французы, поляки и часть немцев. 25—30% из них, а в отдельных случаях и офицеры, высказывают недовольство войной и нежелание воевать против Красной Армии. Внешний вид солдат небрежный, а прибывшие с фронта на 100% вшивые, дисциплина — низкая. В Лиозно в начале 1942 г. испанцы содержались как военнопленные» [11, л. 7]. Исходя из изложенного, руководство партизанским движением рекомендовало срочно перейти к практике внедрения агентов в иностранные формирования с целью их последующего разложения и перехода на сторону партизан. В августе 1943 г. состоялась беседа с заместителем командира по разведке бригады Лобанка Д. А. Фроловым, который рассказал о своих обязанностях и состоянии агентуры: «В основу моей работы входило: изучение партизанских отрядов; выявление засылаемой агентуры; изучение окружения, в результате чего в каждом партизанском отряде была налажена агентура (по 15—16 человек); изучение партизан, ранее служивших в полиции, добровольческих формированиях, и их родственников; разбор заявлений, поступивших от местных граждан о нарушении партизанской дисциплины и революционной законности. Агентура в бригаде: разведывательная, диверсионная и террористическая...» [8, л. 70—72]. В процессе бесед и опросов БШПД было установлено наличие школ абвера и гестапо в

Молодечно, Бобруйске, Осиповичах, Слуцке, Борисове, Варшаве, школы младшего комсостава РНА в Горках [7, л. 12—13, 76—78, 83—85; 6, л. 18—19].

К данным экономического характера можно отнести сообщаемые сведения о проводимых немецкими оккупационными властями аграрных преобразованиях, политике налогообложения и ценообразовании, состоянии промышленности и торговли, заработной плате различных категорий населения и др.

В марте 1943 г. командир 208-го партизанского отряда Т. Ф. Кудинов приводил следующие виды налогов, установленные оккупантами: «подворный — 120 руб., на нетрудоспособных — 60, дорожный — 35, школьный — 135, с коровы — 100, с овцы и свиньи — по 50, за собаку — 100, а если не привязанная — 500, дымовая труба — 35...» [7, л. 15 об]. Еще ранее, в показаниях от 17 апреля 1942 г., капитан К. К. Мишин сообщил, что сев озимых в Лиозненском, Витебском, Городокском, Меховском, Усвятском районах на 90% проведен по колхозам нормально [11, л. 8]. Разведчик из партизанского отряда Белоусова, действовавшего на территории Могилевского района, указывал, что «в Могилеве больших разрушений нет, а хлебозавод работает полностью, выпекая 60 тонн в сутки… ТЭЦ работает полностью и обслуживает город и промышленность, а также Оршу и Витебск». Далее приводились данные о 14 больших и малых предприятиях Могилева [7, л. 93—95 об]. Используя эту информацию, советское руководство определяло новые и корректировало старые направления борьбы в тылу врага: активизировала агитационную деятельность, направленную на разоблачение экономических мероприятий оккупантов; в приказном порядке определяло экономические объекты для диверсий; обязывало партизанские соединения активно препятствовать экономическим мероприятиям оккупантов (реквизициям, сбору урожая). Так, в «Плане развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942—1943 гг. по Белорусской ССР» среди основных задач была установка на «проникновение в города и усиление диверсий в промышленности». За каждым партизанским соединением закреплялся список объектов промышленного и стратегического значения, на которых необходимо было организовать диверсии. Так, партизанской бригаде Флегонтова была поставлена задача в течение ноября 1942 г. — апреля 1943 г. уничтожить нефтебазу в Пуховичах, лесокомбинат, гидролизный завод, хлебозавод в Бобруйске, а также заводы им. Сталина и им. Ворошилова [10, л. 8, 9 об].

Информация политического характера включала в себя разведданные об административно-территориальном устройстве оккупированной территории, деятельности антисоветских организаций и их руководителях, изменниках и предателях Родины, отношении населения к партизанскому движению и советской власти, агитационно-пропагандистской работе в тылу врага и в партизанских соединениях, состоянии народного образования и медицинского

обслуживания, системе немецкой пропаганды на оккупированных территориях и др. В процессе бесед и опросов сотрудники БШПД получали ценные разведданные по многим вопросам. Так, в беседе начальник штаба партизанской бригады «Чекист» И. Булатов назвал фамилии предателей, находившихся на руководящих постах в Орше, Шкловском районе, Александровской, Старосельской, Кохановской и Дубровской волостях [7, л. 101—102 об]. Данные об административном устройстве Витебска и фамилии предателей Родины сообщил при опросе капитан К. К. Мишин [11, л. 5—6].

О важности разведданных политического характера говорит тот факт, что в конце февраля 1943 г. на имя начальника БШПД П. Калинина пришло распоряжение из ЦШПД за подписью П. Пономаренко, в котором говорилось о слабом освещении вопросов положения на оккупированной территории, политической обстановки, оценки проводимых немецкими властями мероприятий и принятых для их срыва мер. В этой связи отмечалось, что «информация, сообщения и доклады по политическим вопросам всегда имеют важнейшее значение в работе, и это дело не может считаться второстепенным» [5, л. 57].

Отдельной разновидностью документов выступают «тематические» опросные листы и протоколы бесед, в которых приводится информация по одной узкой проблеме. Так, в декабре 1942 г. состоялась беседа с М. К. Волчковым о состоянии мостов и переправ. Он сообщил, что «мост через р. Друть у деревни Березовка имеет длину 100 метров. Грузоподъемность неизвестна, однако танки через мост проходят. Караул размещен в дорожной будке, что за мостом на запад. Одновременно в будке находится до 12 человек охраны. По мосту дежурят по 2 человека с каждой стороны. Караулы сменяются гарнизоном в Белыничах… Вокруг моста вырыты окопы и установлены пулеметы. Мост также охраняется зенитными орудиями, которые стоят по обе стороны моста. Подходы к мосту открыты — луг. На случай уничтожения моста авиацией или партизанами немцы построили второй мост на плотине у мельницы в Белыничах». Подобным образом приводятся данные о еще четырех мостах [7, л. 97—98].

Еще одним примером «тематической беседы» являются полученные в октябре 1942 г. от И. Н. Гавриленко данные о постановке агитационной работы в бригаде «Алексея». В документе содержатся подробные ответы на вопросы о настроениях и злободневных темах среди населения, популярности белорусских газет, способах издания и распространения листовок, актуальности их содержания, результатах политической и агитационной работы среди населения и партизан [8, л. 3—6].

Подводя итог, следует отметить, такой вид документов, как «опросные листы» и «протоколы бесед», является одним из важнейших источников по истории партизанского движения 1941—1943 гг. Именно в эти годы наблюдается активное развитие данной документации, вызванное необходимостью

передачи разведывательных и оперативных данных на «большую землю» через посыльных и курьеров. По мере того как партизанские соединения обеспечивались радиостанциями, значение опросных листов и протоколов бесед падало.

К достоинствам данного вида документов можно отнести точность и подробность информации, передаваемой на «большую землю». Посыльный или курьер, как правило, принимал непосредственное участие в сборе и проверке разведывательных данных. Необходимо отметить и фактор «региональности» разведданных: вся информация касалась небольшого географического пространства, совпадавшего с местом дислокации и действия партизанского соединения. Как правило, это был район или несколько смежных районов с крупными населенными пунктами. Таким образом, данный вид документации может использоваться при изучении истории различных населенных пунктов и территорий. Важной характеристикой этих документов является информативность. Данные, передаваемые на «большую землю», затрагивали военную, экономическую, политическую сферу жизнедеятельности оккупированной территории и касались разнообразных вопросов. Учитывая небольшие географические пространства действия партизанских соединений, информация по некоторым вопросам содержала важные подробности. Кроме того, посыльный часто высказывал свое личное отношение к передаваемым данным, уточняя и комментируя какие-либо вопросы, что, несомненно, имело положительный результат, так как курьер знал проблему «изнутри».

К недостаткам опросных листов и протоколов бесед можно отнести то, что к моменту прибытия на «большую землю» многие разведданные, особенно оперативного характера, устаревали. Иногда переходы курьеров длились несколько месяцев и многие данные теряли свою актуальность, а ситуация в тылу могла диаметрально измениться. Другим недостатком было то, что связь тыла и «большой земли» была односторонняя, и курьер не мог оперативно уточнить или перепроверить передаваемую информацию, что могло быть сделано при наличии радиосвязи. Поэтому для уточнения спорных или важных данных приходилось ждать следующего посыльного.

Литература и источники

1. Андрианов, В. Разведывательная деятельность партизан // Военно-исторический журнал. — 1971. — № 8. —С. 20—28.
2. Ермолович, В. И. Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны как исторический источник (1941—1944): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.09). — Минск, 1993. — 24 с.
3. Козел, Д. Группа по ликвидации дел Белорусского штаба партизанского движения и значение ее для исследователей истории партизанского движения // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 7 красавіка 2011 г.): У 2 т. — Вып. 10. — Т. 1. — Мінск: МДЛУ, 2012. — С. 169—174.

4. Кулинок, С. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения как источник по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны // Архивы и делопроизводство. — 2012. — № 4. — С. 124—134.
5. НАРБ. Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 8. Переписка с ЦШПД, партийными и советскими органами командования командованием партизанских бригад и отрядов по хозяйственным и другим вопросам.
6. Там же. — Оп. 2. — Д. 1285. Сводки боевых действий и агентурные данные, опросные листы партизан и командования партизанских отрядов Барановичской области о работе в тылу врага и др.
7. Там же. — Д. 1301. Могилевская область, т. 2. (Разведданные, докладные, опросные листы и записи бесед о работе в тылу врага, выдержки из фашистской газеты «Новый путь» и другие документы о действиях оккупационных властей на территории Могилевской области).
8. Там же. — Д. 1313. Тексты бесед и опросные листы партизан, вышедших в тыл Красной Армии, о положении в оккупированных немцами районах, дислокации партизанских формирований, численном составе гарнизонов противника, боевой деятельности партизан и причинах участия в партизанском движении.
9. Там же. — Оп. 3. — Д. 34. Приказы по активизации партизанских отрядов в тылу врага.
10. Там же. — Д. 38. Итоги выполнения зимне-весеннего плана по развитию партизанского движения и боевых действий партизанских отрядов Белоруссии.
11. Там же. — Д. 44. Материалы бесед и докладные записки ответственного организатора Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б Косого.
12. Павлова, Е. Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944): источники и методы анализа: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.09). — 2003 г.
13. Павлова, Е. Я. О месте и особенностях партизанских документов в комплексе источников по истории партизанского движения // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: Зборнік дак. — Вып. 6. — 2011. — С. 103—119.
14. Шумейко, М. Ф. Делопроизводство в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Архивы и делопроизводство. — 2005. — № 2. — С. 60—66.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.09.2012

В. М. Матох,
заведующий отделом
использования и публикации документов
Государственного архива Минской области,
раб. тел.: 294-13-87, моб. тел. +375293746698;
e-mail: vasil.matokh@tut.by,
albarussia@tut.by

ФИЛЬТРАЦИОННЫЕ ДЕЛА И ТРОФЕЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ НА БЫВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И РЕПАТРИИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(по материалам фонда 1717 Государственного архива Минской области)

Фильтрационные дела граждан, возвращавшихся в СССР из-за границы во время и в первые годы после окончания Великой Отечественной войны, — документальный комплекс для белорусского источниковедения новый и малоизученный. Это связано с тем, что до недавнего времени указанные дела хранились в малодоступных для большинства исследователей ведомственных архивах. В Украине существуют многочисленные обзоры подобных документов. Некоторые из этих обзоров были сделаны еще в 1990-е гг. [1, 2]. Среди работ белорусских историков по данной тематике можно привести лишь статью А. В. Тимоновой, причем необходимо отметить, что в ней проанализированы не сами фильтрационные дела, а только списки граждан, прошедших фильтрацию [3].

Фонд 1717 «Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан» поступил на хранение в Государственный архив Минской области в 2009 г. Он был передан в ГАМО из Центрального архива КГБ Республики Беларусь в связи с истечением срока хранения документов и в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь «О национальном архивном фонде и архивах Республики Беларусь» [4].

Этот обширный комплекс документов (свыше 39 тыс. ед. хр.) возник в результате деятельности проверочно-фильтрационных пунктов НКВД и отдела СНК БССР по делам репатриации граждан СССР (позже — отдела переселения и репатриации СНК БССР). Организация репатриации советских граждан в Советский Союз (в том числе в БССР), ее механизм и социальные последствия описаны в соответствующей литературе [5]. Однако авторы данных работ использовали в основном сводные аналитические документы, почти не обращаясь к отдельным фильтрационным делам и не анализируя их совокупность или отдельные группы дел.

Фонд 1717 Государственного архива Минской области состоит из фильтрационных дел граждан СССР, прибывавших в Советский Союз в период Великой Отечественной войны и после нее из Германии, Франции,

Австрии и других государств Европы и проходивших проверку в проверочно-фильтрационных пунктах НКВД в ряде городов различных государств — Цайтхайн, Бранденбург (Германия), Гляйвиц (ныне — Гливице, Польша), Одесса (СССР), Шопрон (Венгрия) и др. К сожалению, ни в деле фонда, ни в историко-архивной справке к фонду не отмечено, по какому принципу эти дела были собраны вместе, но на основании данных, содержащихся в анкетах, можно утверждать, что в этом фонде собраны фильтрационные дела советских граждан, следовавших из-за границы на жительство в г. Минск и Минскую область и состоявших впоследствии на учете в УКГБ по Минской области. Отметим, что в последние годы архивные фонды с подобным составом документов поступают из УКГБ областей Республики Беларусь в областные архивы в соответствии с регионами проживания учтенных лиц. Например, в 2005 г. были переданы фильтрационные дела граждан из УКГБ Брестской области в Государственный архив Брестской области [6].

Основными видами документов, содержащихся в фильтрационных делах, являются:

регистрационные листы граждан, прошедших регистрацию в проверочно-фильтрационном лагере или сборно-пересыльном пункте;

опросные анкеты репатриантов («Анкета на гражданина СССР, возвратившегося в СССР»);

протоколы допросов репатриантов сотрудниками органов внутренних дел и госбезопасности Минской области БССР (т. е. уже по месту жительства) об обстоятельствах проживания на оккупированной территории и вывоза на принудительные работы в Германию.

Полнота этого набора документов в различных фильтрационных делах неодинакова. В некоторых делах присутствует только анкета, в других, кроме перечисленных выше документов, могут присутствовать, например, автобиографии, заключение начальника проверочно-фильтрационного пункта или фильтрационного отдела при облисполкоме по фильтрационному делу, справки о демобилизации из рядов Красной Армии, справки сельсоветов, советских учреждений о работе и проживании граждан, характеристики на них и др. Все эти документы датированы второй половиной 1940-х — 1950-ми гг.

Регистрационный лист составлялся регистрационной комиссией по прибытии репатриируемого гражданина в проверочно-фильтрационный пункт. «Анкета на гражданина СССР, возвратившегося в СССР» составлялась уже сотрудником проверочно-фильтрационной комиссии и заканчивалась заключением фильтрационной комиссии, считать ли гражданина прошедшим проверку, и следует ли его направлять к желаемому им месту проживания. В подозрительных случаях, помимо ареста, гражданина могли направить к месту жительства с передачей дела в местную фильтрационную комиссию (в нашем случае Минскую областную) для дальнейшей проверки.

В регистрационном листе (в различных вариантах он насчитывает от 13 до 15 опросных пунктов) фиксировались ФИО гражданина, дата и место рождения и жительства (для военнослужащих — место службы), национальность, специальность, партийность, почему оказался на территории иностранного государства, подвергался ли арестам и заключению в тюрьмы и лагеря противника, проходил ли службу в воинских частях противника, какие имеет документы, где проживают родственники и где хотел бы жить репатриант.

Анкеты отличаются большей детальностью, по сравнению с регистрационными листами в них содержится 29 опросных пунктов. Кроме более подробной, чем в регистрационном листе, информации о личности проверяемого, в анкете фиксировались также обстоятельства попадания на оккупированную территорию СССР, а впоследствии — на территорию нацистской Германии, ее союзников или оккупированных европейских государств; род занятий, места жительства и работы на оккупированной территории и на территории европейских государств, обстоятельства возвращения в СССР, сведения об известных опрашиваемому изменниках Родины, а также людях, могущих подтвердить его показания и др.

Данные в анкетах и регистрационных листах тщательно проверялись сотрудниками органов госбезопасности — в случае, если в документах наблюдались расхождения или имелась какая-либо компрометирующая информация, соответствующие факты обязательно упоминались в протоколах допросов — репатриант в ходе допроса обязан был прокомментировать соответствующую информацию.

Протоколы допросов репатриантов сотрудниками МВД и МГБ по месту жительства (г. Минск и Минская область) являются документами, фиксирующими прибытие репатриированного гражданина к месту проживания. Они составлялись во время второго этапа проверки репатриантов, после прохождения которого они могли получить вид на жительство [7, с. 126]. Протоколы допросов содержат самые разнообразные, зачастую уникальные сведения о положении мирного населения на оккупированных территориях СССР, об условиях проживания остарбайтеров в Германии, о характере выполняемых ими работ, взаимоотношениях с партизанами, подпольщиками, немцами и др. Следует отметить, что некоторые граждане допрашивались неоднократно, и в каждом последующем протоколе допроса могли содержаться показания, опровергающие информацию из предыдущих протоколов. В качестве исторического, историко-биографического, генеалогического источников эти документы возможно использовать с учетом того обстоятельства, что в своих показаниях репатрианты иногда пытались скрыть или изменить некоторые факты своей биографии. В таких случаях к фильтрационному делу часто прилагались допросы сотрудниками органов госбезопасности граждан, знакомых с репатриантом и могущих уточнить, подтвердить или опровергнуть его показания.

Следует отметить, что на репатриантов — бывших военнопленных в фильтрационном деле заводился особый «Опросный лист», заполнявшийся сотрудником отдела контрразведки «Смерш», в котором фиксировались, помимо информации о личности гражданина, также сведения о прохождении службы в Красной Армии, обстоятельства, время и место попадания в плен опрашиваемого гражданина, подробные обстоятельства пребывания в плену (в каком лагере и сколько времени содержался, допрашивался ли немецкими спецслужбами, служил ли в вооруженных формированиях и административно-хозяйственных органах противника, кто может подтвердить показания и т. п.). На гражданских лиц такие опросные листы не заводились.

В рамках контрразведывательной работы все репатриированные граждане опрашивались также на предмет любых контактов со спецслужбами нацистской Германии и западных государств, т. е. подвергались ли они каким-либо задержаниям, арестам, допросам со стороны немецкой полиции, гестапо, СД, органов оккупационной администрации союзных государств на территории Германии и государств Европы. Соответствующие опросные пункты присутствуют как в анкетах и регистрационных листах, так и в протоколах допросов. Информация о том, войсками какого союзного государства (Франции, Англии, США) был освобожден опрашиваемый, подчеркивалась в анкетах, листах и протоколах допросов цветными карандашами. Для изучения организации работы органов государственной безопасности БССР и СССР интерес представляют особые пометы на фильтрационных делах, сообщающие о постановке на оперативно-справочный учет граждан, побывавших в американской, французской и английской зонах оккупации Германии. Граждане, находящиеся на оперативно-справочном учете органов госбезопасности, в соответствии с этими пометами могли быть ограничены в правах выезда за границу, устройстве на работу в некоторые учреждения и предприятия [1, с. 42]. Данная категория граждан рассматривалась как возможные агенты иностранных разведслужб. На некоторых фильтрационных делах стоят также дополнительные пометы о снятии граждан с оперативно-справочного учета.

Особенность фонда 1717 — наличие в фильтрационных делах большого количества подлинных личных документов, выдававшихся гражданам на оккупированных территориях СССР или на месте принудительных работ в европейских государствах. Это удостоверения личности, рабочие карты, справки, пропуска на предприятия. Эти документы подшивались в качестве приложений к фильтрационным делам во время составления регистрационных листов и являются ценным источником по вопросам правового и социального статуса населения оккупированных нацистами территорий СССР, принудительных миграций населения и экономической политики нацистской Германии. Рабочие книжки остарбайтеров позволяют установить профиль предприятия, на котором он трудился, его трудовую специальность, перио-

дичность его перемещения между различными предприятиями и государствами.

Еще одной особенностью фонда 1717 является наличие во многих фильтрационных делах переписки органов государственной безопасности Республики Беларусь с гражданами, государственными архивами, Белорусским республиканским фондом «Взаимопонимание и примирение» по вопросам, связанным с выплатами компенсаций жертвам нацистских репрессий, узникам нацистских концлагерей, тюрем, трудовых лагерей, гетто и других мест принудительного содержания и принудительного труда, расположенных как на территории нацистской Германии и ее союзников, так и на территории оккупированных нацистами государств Европы. Эти документы, относящиеся к 1990-м — 2000-м гг., также являются важными источниками по изучению последствий Великой Отечественной войны, ее влиянии на международные отношения и гуманитарно-компенсационную деятельность во второй половине XX — начале XXI в.

В названии фонда 1717 отражено наличие в нем трофейных документов — личных карточек военнослужащих Красной Армии, заводившихся на них в немецких лагерях военнопленных. Всего в фонде в наличии 96 ед. хр. с карточками на 10 225 бывших военнопленных (15 285 карточек) [8]. Здесь собраны карточки военнопленных, либо проживавших до войны на территории г. Минска и Минской области, либо имевших там близких родственников. Вместе с карточками, многие из которых снабжены фотоснимками, в делах подшита текущая переписка органов госбезопасности БССР по вопросам постановки на оперативный учет и снятия с него граждан, бывших в плену у немцев. Из переписки видно, что карточки, как и фильтрационные дела, активно использовались органами госбезопасности республики для оперативно-розыскной и контрразведывательной работы. Если в фонде были фильтрационное дело и карточка военнопленного, относящиеся к одному и тому же лицу, сотрудники органов госбезопасности подшивали карточку в фильтрационное дело в качестве приложения, сопровождая эти перемещения соответствующими документами. В период активной разработки (1940 — 1950-е гг.) все карточки для удобства оперативной работы были снабжены переводом на русский язык.

Карточки военнопленных, содержащаяся в них информация и перспективы ее изучения были достаточно подробно рассмотрены в 2004 г. (в период их хранения в архиве КГБ) Е. В. Казаковой [9]. Отметим, что хотя эти карточки еще до передачи в ГАМО были изучены и отсканированы сотрудниками архива КГБ, а информация из них была использована для создания базы данных «Советские военнопленные», которая сейчас находится в открытом доступе на Интернет-сайте Объединения «Саксонские мемориалы» [10], данный документальный комплекс по-прежнему остается уникальным источником генеалогической информации, а также представляет большую историко-

иллюстративную (музейную, демонстрационную) ценность, т. е. важен как объект выставочной деятельности.

Важно подчеркнуть, что в отношении к документам фонда 1717 можно одновременно применять определения «уникальный» и «массовый». Один и тот же документ, например регистрационный лист или анкета, может являться уникальным источником для изучения отраженного в нем факта или судьбы конкретного человека, и одновременно быть одним из многих массовых источников (регистрационных листов или анкет) при изучении такого явления, как массовые депортации мирного населения в годы Второй мировой войны и их последствия [7, с. 124]. Как к массовому источнику к фильтрационным делам применимы формализованные методы исследования с использованием методик демографии, статистики, социологии.

Потенциальные методы обработки документов фонда 1717 можно разделить на две группы — с выработанным и строго определенным формуляром (регистрационные листы, анкеты, карточки военнопленных) и без формуляра — протоколы допросов репатриантов и другие документы. Информация анкет и регистрационных листов из фонда 1717, как документов, имеющих определенный формуляр, легко может быть формализована и исследована с применением количественных и информационных методов исторического исследования. Применение этих методов к столь большому количеству анкет и листов (несколько десятков тысяч) позволит получить репрезентативные результаты, которые могут быть использованы при обобщающих исследованиях в масштабах Беларуси и стран бывшего Советского Союза. Качество (достоверность) информации, содержащейся в регистрационных листах и анкетах, следует оценивать как высокое, т. к. она подвергалась тщательной и многоступенчатой проверке со стороны сотрудников органов госбезопасности. Относительно карточек военнопленных следует отметить, что обработка их с использованием современных информационных технологий уже была успешно осуществлена сотрудниками архива КГБ в рамках соглашения с Объединением «Саксонские мемориалы» [9, 10].

Таким образом, фильтрационные дела фонда 1717 имеют большой потенциал для историков и исследователей. Следует учитывать, что важным фактором при работе с данным фондом является необходимость соблюдения требований «Инструкции о порядке доступа к архивным документам, содержащим сведения, относящиеся к личной тайне граждан», утвержденной постановлением Минюста Республики Беларусь № 132 от 24 мая 2012 г. 75-летний срок с даты создания большинства документов фонда 1717 еще не истек, что налагает определенные ограничения на использование данных документов в исторических исследованиях.

Источники и литература

1. Ковальский, М. П., Ченцов, В. В. «Фільтраційні справи» — невідомі джерела державних архівів / М. П. Ковальский, В. В. Ченцов // Архіви України. — 1993. — № 1/3. — С. 35—44;
2. Король, О. Фільтраційні справи та листи примусових робітників Третього рейху у Держархіві Київської області : коротка довідка / О. Король // Архіви України. — 2005. — № 1—3. — С. 401—402; Карпова А. Документи з фільтраційних справ остарбайтерів Херсонщини / А. Карпова, Л. Виноградова // Архіви України. — 2005. — № 1—3. — С. 431—437 и др.
3. Тимонова, А. В. О пребывании белорусских крестьян на принудительных работах в рейхе (по материалам регистрационных списков репатриированных советских граждан: январь—май 1945) / А. В. Тимонова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск 17 красавіка 2009 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: МДЛУ, 2010. — Вып. 8. — С. 114—118.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). — Фонд 1717. — Оп. 1. Историко-архивная справка к фонду.
5. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур. Советские военнопленные и остарбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация / П. М. Полян. — М., 1996. — 442 с.; Белорусские остарбайтеры. Историко-аналитическое исследование / авторы: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко, Н. А. Бондаренко, В. Д. Селеменев; под ред. Г. Д. Кнатько. — Минск, 2001. — 336 с.
6. Карапузова, А. Из истории формирования архивных фондов Государственного архива Брестской области /А. Карапузова // Архивы и делопроизводство. — 2012. — № 2. — С. 97—104.
7. Меляков, А. В. Фильтрационные дела Государственного архива Харьковской области как массовый исторический источник / А. В. Меляков // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. — Харків, 1998. — С. 124 — 127.
8. Карточки военнопленных // Государственный архив Минской области (ГАМО). — Фонд 1717. — Оп. 1. — Д. 1768, 9932, 9933, 54820.
9. Казакова, Е. В. Электронная база данных «Советские военнослужащие»: новые возможности исследования / Е. В. Казакова // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. Дрезден; Минск, 2004. — С. 126-161.
10. База данных «Военнопленные» // Центр документации при Объединении «Саксонские мемориалы» в память жертвам политического террора [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://www.dokst.ru/node/1118. — Дата доступа: 19.09.2012.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.10.2012

А. М. Таратута,
выкладчык спецыяльных дысцыплін
УА «Навапольскі дзяржаўны
аграрна-эканамічны каледж»,
аспірант гістарычнага факультэта БДУ,
магістр гістарычных навук;
e-mail: liolikmolo(g),mail.ru

СПРАВАВОДСТВА МЯСЦОВЫХ СУДОВЫХ І ПРАКУРОРСКІХ ОРГАНАЎ, ЯКІЯ ДЗЕЙНІЧАЛІ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921—1939 гг.

Згодна з другім артыкулам Рыжскага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. да Польшчы адышла амаль палова сучаснай тэрыторыі Беларусі. Каб захаваць на далучаных тэрыторыях непарушнасць рэжыму, польскія ўлады пачалі ствараць карна-надзорныя (дзяржаўную паліцыю) і судовыя органы.

Паліцыя (створаная на падставе ўхвалы Рэспублікі Польшчы ад 24 ліпеня 1919 г.) з'яўлялася дзяржаўным органам службы бяспекі, які займаўся аховай грамадскага парадку і бяспекі, а таксама барацьбой з рэвалюцыйнымі і антыўрадавымі элементамі. Аднак дзейнасць паліцыі была б няпоўнай і нерэзультатыўнай без існавання пракурорскіх і судовых органаў, якія складалі трэцюю галіну ўлады (судовую).

Такім чынам, мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца характарыстыка асобных відаў дакументаў, якія ствараліся ў дзейнасці судовых органаў і пракуратуры, устанаўленне нормаў і патрабаванняў да іх афармлення, а таксама аналіз спецыфікі працы канцылярскай службы судовых органаў і пракуратуры, найбольш значных напрамкаў яе дзейнасці.

Асноўным дакументам судовага справаводства Польшчы ў 20-х — 30-х гг. XX ст. з'яўляўся пратакол. Існавала некалькі відаў пратаколаў, кожны з якіх меў свае асаблівасці. У той жа час, усе віды пратакола мелі аднолькавую ўніфікаваную і стандартызаваную будову, што дазваляла без цяжкасцей адрозніваць іх адзін ад другога нават пры адсутнасці таго ці іншага рэквізіту. Такім чынам, на падставе аналізу архіўных дакументаў можна выдзеліць наступныя віды пратакола, акрамя звычайнага:

пратакол прыняцця вуснага паведамлення пра злачынства;

пратакол допыту сведак;

пратакол агляду;

пратакол судовага разбору справы.

Тэкст пратаколаў, як і звычайна, дзяліўся на дзве часткі: уводную і асноўную. У першай частцы, як правіла, указвалася наступнае:

дата і месца напісання пратакола;

папярэджанне аб адказнасці за ілжывыя звесткі ці абвінавачванні;

даныя пра асобу, што падае заяву (іск) у суд ці пракуратуру.

Большасць пратаколаў пачыналася наступным чынам: «Dnia 21 lipca 1933 a godzinie 20 do lokalu … zgłosił się …» [1]. Далей ішла поўная падача звестак аб асобе, што звярнулася да суда, з указаннем прычын і мэт яе звароту. У далейшым гэта інфармацыя магла выкарыстоўвацца для пэўнага аналізу дзейнасці суда ці пракуратуры за нейкі перыяд часу.

Асноўная частка пратакола ўтрымлівала тэкст звароту грамадзяніна, што звярнуўся ў суд, з указаннем усіх абставін здзейсненага супраць яго злачынства [2]. Тэкст запісваўся са слоў пацярпеўшага, таму ўсе даныя захоўваліся ажно да судовага пасяджэння ў першапачатковым стане. Гэта акалічнасць нярэдка дапамагала пазбегнуць суровага пакарання ці ўвогуле адхіліць судовы іск і прыцягнуць да адказнасці таго, хто гэты іск падаваў.

Пасля таго, як зварот да суда быў поўнасцю запісаны, у пратаколе адводзілася месца для абмеркавання заявы. Завяршаўся ж пратакол наступным выразам: «Na tem protokuł zakończyłem i przed podpisaniem odczytałem» [3]. Затым злева ставіўся рэгістрацыйны штамп, які вызначаў дату падання заявы, дату складання пратакола і нумар справы, да якой гэты пратакол падшываўся, а таксама подпіс супрацоўніка суда, які прыняў заяву [4]. Справа ставіўся подпіс заявадаўцы і іншых прысутных пры паданні заявы асоб. Рэгістрацыйны штамп гродскага суда меў наступнае афармленне [5]:

Sekretariat Sądu Grodzkiego
w Mołodecznie
Wpłyneło dnia_____ 193_ r.
Nr. sprawy______________

Разгледжанае вышэй афармленне і склад рэквізітаў пратакола прыняцця вуснага паведамлення пра злачынства было найбольш тыповым і для астатніх відаў, акрамя пратакола судовага разбору справы. Такія дакументы вяліся спецыяльна прызначанай асобай (пратакулянтам) і мелі строга вызначаны склад рэквізітаў і аднолькавае афармленне незалежна ад разглядаемай справы. Гэта надавала такім пратаколам статус ідэальнага дакумента, які ў наш час з'яўляецца самай каштоўнай крыніцай інфармацыі. Можна выдзеліць наступныя асаблівасці пратакола разбору судовай справы.

Па-першае, пратакол складаўся спецыяльна прызначаным для гэтага сакратаром-пратакулянтам, аднак не на аснове рукапісных ці стэнаграфічных запісаў, а непасрэдна падчас судовага працэсу [6]. Сакратары з'яўляліся дзяржаўнымі служачымі, мелі вышэйшую юрыдычную адукацыю і былі прымацаваны толькі да аднаго суда. Па-другое, такі пратакол падлягаў абавязковаму завярэнню суддзёй, які вёў справу, а таксама свой подпіс на дакуменце ставіў сам складальнік (сакратар-пратакулянт) [7]. Дапускалася прастаўленне на пратаколе судовага разбору справы подпісаў тых асоб, што прысутнічалі пры яго складанні (як правіла, сведкі здарэнняў ці правапарушэнняў) [8]. І, нарэшце, трэцяй асаблівасцю пратакола судовага разбору справы была яго будова. Гэты дакумент, у адрозненні ад пратакола «грамадзянскага», утрымліваў

толькі асобныя, спецыфічныя рэквізіты, характэрныя для такога дакумента. Гэта тлумачыцца тым, што асноўнай мэтай судовага пратакола было засведчанне і апісанне падзеі (злачынства) як з пункту погляду непасрэдна пацярпеўшага, так і з пунктаў погляду самога злачынцы і органа правасуддзя, прычым апошні якраз і вырашаў лёс першых двух [9].

Акрама пратаколаў падчас дзеяння судовых органаў ствараліся і такія дакументы, як пастанова, распараджэнне і прысуд (прыгавор). Апошні са згаданых дакументаў з'яўляецца спецыфічным судовым дакументам, якія будуць разгледжаны ніжэй. Пастанова і распараджэнне — асноўныя распарадчыя дакументы судовых органаў.

Пастановы выдаваліся толькі на ўзроўні акруговых судоў. Для судоў гродскіх распарадчым дакументам кшталту пастановы з'яўлялася распараджэнне. Такім чынам стваралася пэўная іерархія распарадчай дакументацыі, якая была выклікана падначаленасцю судоў адзін аднаму (пастанова мела большую юрыдычную сілу ў гродскіх судах, а распараджэнне — у павятовых). Як і пастанова, распараджэнне мела некалькі асноўных агульнапрынятых для распарадчай дакументацыі рэквізітаў, а таксама асаблівую будову тэксту, характэрную толькі для ўстаноў судовай улады Польшчы.

Так, асноўнымі рэквізітамі пастановы былі [10]:

найменне ўстановы, якая выдае дакумент;

назва віду і нумар дакумента;

тэкст;

месца і дата выдання;

подпіс.

Тэкст канстатуючай часткі пастановы, як ужо адзначалася, меў асаблівую будову і складаўся з некалькіх частак-пунктаў [11]. Кожны пункт утрымліваў факты, якія служылі асновай для яго выдзялення. Калі той ці іншы пункт выдаваўся на аснове распарадчага дакумента, то ён абавязкова ўтрымліваў спасылку на гэты дакумент з указаннем яго нумара і даты выдання, а таксама загалоўка [12].

Распарадчая частка пастановы ўтрымлівала некалькі ўказанняў для вырашэння таго ці іншага пытання. Звычайна як канстатуючая, так і распарадчая часткі былі выкладзены прытрымліваючыся пэўных правілаў і ўтрымлівалі толькі самую неабходную для прыняцця адпаведнага рашэння інфармацыю. Калі іх параўнаць з сучаснымі дакументамі, то можна сказаць, што гэта былі вельмі грунтоўныя і састаўленыя ў адпаведнасці з усімі нормамі справаводства распарадчыя дакументы. Трэба таксама адзначыць, што кантроль за выкананнем таго ці іншага пункта пастановы ажыццяўляў менавіта сам начальнік (падпракуратар ці пракуратар), які выдаў загад, што, магчыма, прыводзіла да дакладнага і тэрміновага выканання распарадчых рашэнняў.

Указанне на дату і месца складання дакумента, як і ў іншых судовых дакументах, састаўлялася па пастаянным шаблоне (Dnia______19__r. Podprokurator X rejonu Sądu Okręgowego w Wilnie) [13].

Падпісвалася кожная пастанова асабіста начальнікам суда (пракуратарам ці падпракуратарам) [14].

Зразумела, што ў сваёй дзейнасці судам і пракуратуры ў мэтах выканання распарадчых рашэнняў, а таксама для больш хуткага і дакладнага выканання сваіх абавязкаў прыходзілася весці перапіску з іншымі арганізацыямі і дзяржаўнымі органамі. У залежнасці ад спосабу перадачы інфармацыі (кур'ерам ці па тэлефоне) вылучаюцца пісьмы, тэлеграмы і тэлефанаграмы. Паколькі суды, пракуратура і натарыят працавалі менавіта з грамадзянамі, то нельга не ўспомніць тыя дакументы, што ствараліся падчас такой працы. Звароты грамадзян у судовыя органы падзяляюцца на наступныя віды: заявы, просьбы, іскі, скаргі, абгрунтаванні. У афармленні гэтых відаў дакументаў вялікіх адрозненняў не назіралася, за выключэннем спецыфічнай падачы тэксту, што было звязана з асаблівасцямі працэсу судовай вытворчасці.

Такім чынам, дакументы судовых органаў і пракуратуры мелі пэўныя асаблівасці ў сваім афармленні, што тлумачыцца перш за ўсё спецыфікай вядзення судовага справаводства, дзе падчас немагчыма стварыць звычайны дакумент. Адметным з'яўляецца і той факт, што ў судовых органах распаўсюджанай практыкай было выкарыстанне трафарэтнага (друкарскага) тэксту. Гэта дазваляла значна сэканоміць час і сродкі на выданне дакументаў, таму што адпадала неабходнасць складання кожнага дакумента нанова рукапісным спосабам ці на пішучай машынцы.

Пракуратура Польшчы ў 20-я — 30-я гг. XX ст. на тэрыторыі Заходняй Беларусі мела наступныя функцыі:

1. ажыццяўленне аператыўна-пошукавай дзейнасці асоб, якія абвінавачваліся ў супрацьуладных дзеяннях на акупаванай тэрыторыі;

2. правядзенне дазнання і першапачатковага следства;

3. нагляд за адпаведнасцю закону выканання судовых пастаноў;

4. удзел у разглядзе судамі крымінальных і грамадзянскіх спраў, падтрымка дзяржаўнага абвінавачвання.

Нягледзячы на тое, што пракуратура ажыццяўляла сваю дзейнасць на акупаванай тэрыторыі, прынцыпы яе працы заставаліся нязменнымі і былі накіраваны перш за ўсё на забеспячэнне правапарадку на падначаленых тэрыторыях. Пракурорскія супрацоўнікі заўсёды дзейнічалі адкрыта. Грамадзянін, які лічыў, што рашэннем пракуратуры яго інтарэсы ці законныя правы былі парушаны, мог у поўнай меры абскардзіць такое рашэнне ў вышэйстаячых органах суда ці пракуратуры [15].

Акрамя таго, неабходна зазначыць, што патрабаванні пракуратуры падлягалі абавязковаму выкананню ў абазначаны тэрмін незалежна ад грамадзянскага і палітычнага стану асобы, да якой такія патрабаванні прад'яўляліся.

Тыя грамадзяне, прысутнасць якіх была неабходнай для разгледжання справы, абавязаны былі неадкладна з’явіцца ў пракуратуру. І калі такое патрабаванне не выконвалася, то пракуратура мела права прыцягнуць парушальніка да адказнасці і даставіць яго ў прымусовым парадку з дапамогай паліцэйскіх органаў [16].

Пракурорскія і судовыя справы маюць значнае адрозненне ад спраў звычайных. Нават назва пракурорскай справы гучыць інакш (напрыклад, назіральная вытворчасць, ці назіральны працэс) [17]. Каб працэдура фарміравання такіх спраў была больш зразумелай, разгледзім яе на прыкладзе назіральнай вытворчасці па справе аб парушэнні спіртавой манаполіі, якую вёў і фарміраваў віцэ-пракуратар Пракуратуры 10-га раёна ў Маладзечне [18].

Кожная пракурорская справа мела восем асноўных дакументаў і дадаткаў да іх у выглядзе прадстаўленых у пракуратуру разнастайных матэрыялаў і дакументаў па разглядаемай справе, якія збіраліся асабіста істцом:

Заява да павятовай паліцыі. Дакумент складаўся самім істцом ад рукі і ўтрымліваў асноўныя кароткія звесткі пра злачынства, якія дазвалялі паліцыі выехаць на месца злачынства і распачаць паліцэйскае следства [19].

Пратакол прыняцця вуснага паведамлення пра злачынства. Пасля таго, як пацярпеўшы звяртаўся ў паліцыю, дзе было праведзена першапачатковае следства, зроблены агляд месца злачынства і сабраны матэрыялы па справе, усё гэта перадавалася непасрэдна істцу. Затым пацярпеўшы звяртаўся ў пракуратуру, прадстаўляючы туды ўсе вышэйадзначаныя дакументы. Яго зварот запісваўся сакратаром пракуратуры ў пратакол прыняцця паведамлення пра злачынства і на наступны ці ў гэты ж дзень перадаваўся адказнаму за разгляд дадзенай справы супрацоўніку. У пратаколе ўтрымліваліся звесткі пра пацярпеўшага, а таксама яго асабісты погляд на здзейсненае супраць яго злачынства. Таксама ў гэтым дакуменце ісцец распісваўся ў папярэджанні аб адказнасці за ілжывыя звесткі [20].

Запіс па допыце. У адрозненні ад пратакола прыняцця паведамлення пра злачынства, гэты дакумент складаўся не сакратаром, а непасрэдна следчым пракуратуры, які вёў справу. Запіс па допыце быў падобны да сучаснай анкеты і ўтрымліваў пытанні следчага (як правіла, надрукаваныя тыпаграфскім спосабам) і адказы пацярпеўшага. У кожнай справе было некалькі запісаў па допыце. Колькасць такіх дакументаў залежала ад колькасці асоб, якія былі ўцягнуты ў справу, прычым дакументы былі пададзены ў строгім парадку: спачатку допыт пацярпеўшага, затым допыты сведак і, нарэшце, допыт злачынцы [21].

Пастанова аб пачатку судовай вытворчасці. Наяўнасць такога дакумента ў справе сведчыла аб тым, што справа перадаецца ў суд і па ёй абавязкова будзе вынесены прысуд. Такая пастанова афармлялася згодна з правіламі афармлення распарадчай дакументацыі ў дзяржаўных установах. Адзначаецца наяўнасць усіх неабходных рэквізітаў, подпісу, пячаткі [22].

Пратакол допыту сведак — яшчэ адзін дакумент, дзе запісваліся паказанні асоб, што былі прыцягнуты да справы. Яго адрозненне ад папярэдніх заключалася ў тым, што гэты пратакол быў афіцыйным судовым дакументам (складаўся непасрэдна супрацоўнікамі суда ці суддзёй, які прыняў справу ад пракуратуры) і ўтрымліваў толькі паказанні сведак. Таксама ў дакуменце адзначаецца наяўнасць тыпаграфскага друку і пэўных шаблонаў, якія распрацоўваліся і ўніфікаваліся спецыяльна для дакументацыі такога характару [23].

Пратакол агляду. Гэты дакумент адпавядае сучаснаму ордэру на вобыск. Пратакол агляду па сваёй структуры і ўжыванні мала чым адрозніваецца ад пратакола допыту сведак. Неабходна адзначыць, што, як і пратакол агляду, пратакол допыту сведак утрымліваў абавязковую рэзалюцыю суддзі, якая дазваляла допыт якой-небудзь асобы ці вобыск пэўнага месца. Зразумела, што без такой рэзалюцыі-дазволу сведка або ўласнік аглядаемай маёмасці мелі поўнае права адмовіць супрацоўнікам пракуратуры ў іх дзеяннях [24].

Заключэнне аб спыненні следства. Гэты дакумент выдаваўся пракурорам у тым выпадку, калі ўсе следчыя дзеянні былі завершаны і справа падлягала разгляду ў судзе. У заключэнні ў адпаведным парадку пракурор абгрунтоўваў заканчэнне следчых дзеянняў і падаваў прашэнне аб вынясенні прыгавору ў адносінах да абвінавачванай асобы [25].

Рашэнне суда. Апошні ў пракурорскай справе дакумент, які адначасова яе завяршаў і пачынаў новую судовую справу ці не пачынаў ніякай, калі суддзя палічыў доказы недастатковымі для пачатку судовай вытворчасці. Рашэнне заўсёды афармлялася ў адпаведным парадку і завяралася пракурорам і суддзёй, якія вялі справу [26].

У пачатку кожнага новага месяца сакратар пракуратуры складаў статыстычны дакумент, які насіў назву справаздачы. Гэты дакумент завяраўся пячаткай пракуратуры і подпісам віцэ-пракуратара раёна і накіроўваўся ў Віленскую акруговую пракуратуру. На месцах захоўваліся копіі справаздач за кожны месяц, якія складаліся ў асобныя справы і перадаваліся ў архіў.

Справаздача складалася ў выглядзе табліцы. Радкі табліцы адпавядалі грамадзянскім, крымінальным, следчым справам і справам, звязаным з прэсай. У вертыкальных радках падаваліся прыкметы, па якіх вёўся ўлік спраў у пракуратуры. Сярод іх адзначаюцца такія, як колькасць спраў у мінулым і справаздачным месяцы, колькасць завершаных спраў, колькасць асоб, якія былі арыштаваны, і інш.[27].

Як і ў наш час, адной з немалаважных асоб для грамадзян, што звярталіся ў паліцыю, суд і пракуратуру, быў натарыус. У Польшчы натарыус адыгрываў вельмі значную ролю ў судовай і пракурорскай (назіральнай) вытворчасці. Натарыус не толькі мог даць пэўныя рэкамендацыі, дапамагчы ў састаўленні правільнага звароту ў органы судовай улады, але і з'яўляўся адвакатам абвінавачваемай асобы ў судзе [28]. Да натарыуса таксама звярталіся грамадзяне, якім было неабходна скласці дакумент, што пацвярджаў перадачу

уласнасці ў спадчыну ці ў распараджэнне іншай асобы (дэкларацыю), або дакумент, які дазваляў адной асобе дзейнічаць (выступаць у судзе, напрыклад) ад імя другой (паўнамоцтва) [29].

Трэба адзначыць, што пасада натарыуса была вельмі каштоўнай для кожнага мястэчка, дзе знаходзілася пракуратура і быў суд. Тым больш што на пасаду натарыуса запрашалі толькі людзей адукаваных, якія вельмі добра валодалі ўсімі хітрасплянненнямі юрыдычнай навукі. Што і казаць, натарыус быў запатрабаваны ўсюды, таму тыя, хто меў такую пасаду, мелі таксама значны грашовы прыбытак і людскую павагу.

У кожным павеце меўся гродскі суд, які з'яўляўся судом першай інстанцыі, а таксама павятовая пракуратура, дзе вёўся першасны разгляд крымінальных спраў. У пракуратуру падаваліся іскавыя заявы, пракуратура ж вяла допыт сведак і абвінавачаных у злачынствах асоб. Затым справа пры неабходнасці накіроўвалася ў суд [31].

У склад праўлення гродскага суда ўваходзілі [32]:

пракуратар гродскі;

віцэ-пракуратар;

падпракуратар;

сакратар суда.

Справы ў судах разглядаліся калегіяльна ці аднаасобна ў наступных выпадках:

у складзе аднаго суддзі (пракуратара) і адказнага сакратара — грамадзянскія справы. Грамадзянскімі лічыліся справы аб незаконных дзеяннях суддзі ці пракурора, аб правах уласнасці на зямлю, аб спадчыне, аб нявыплаце грашовых пазык, аб высяленні з кватэры [33];

у складзе калегіі з трох суддзяў (пракуратар, віцэ-пракуратар, падпракуратар) і адказнага сакратара — крымінальныя справы. Крымінальнымі лічыліся справы аб крадзяжы, аб праездзе без білета, аб незаконным прысваенні ўласнасці, аб нанясенні цялесных пашкоджанняў, аб падмане і хуліганстве, аб парушэнні спіртавой манаполіі, аб непадпарадкоўванні ўладам і аб абразе асобы [34].

Такім чынам, у судах існавала два тыпы спраў: крымінальныя і грамадзянскія. Шэраг дакументаў, якія стваралі ў сваёй сукупнасці цэлую, завершаную справу, адрозніваліся ў крымінальнай і грамадзянскай вытворчасці. Таму больш падрабязна спынімся на кожнай з вышэйназваных спраў для іх характарыстыкі і агляду дакументаў, якія стваралі справу.

Крымінальная справа (Akta w sprawie karnej) была вельмі распаўсюджанай у судовай дзейнасці і мела найбольшую колькасць дакументаў. У розных справах такія дакументы маглі мяняцца месцамі, замяняцца іншымі ці ўвогуле адсутнічаць, аднак пэўны шэраг дакументаў, якія былі дададзены да справы ў пэўным парадку, вылучыць удалося:

Інфармацыйная картка. Статыстычны дакумент, у якім падаваліся ўсе найважнейшыя звесткі аб дадзенай справе, яе ўдзельніках, дакументах, якія былі выдадзены падчас дасудовага разбору працы і інш. Уся інфармацыя ў такой карце дзялілася на тры інфармацыйныя часткі. У першай частцы (A) утрымлівалася інфармацыя па выкананні распараджэнняў, якія былі атрыманы падчас галоўнага разбору справы. У другой (B) — па выкананні іншых распараджэнняў суда па дадзенай справе. І, нарэшце, у трэцяй частцы (C) была пададзена ўся інфармацыя па выкананні прысуду [35].

Акт абвінавачвання. Гэты дакумент мог быць як рукапісным, так і друкаваным. Ствараўся такі акт найчасцей у паліцэйскіх пастарунках — першай інстанцыі па расследаванні справы. Замест акта абвінавачвання вельмі часта ўжываліся іншыя дакументы такога ж тыпу. Звычайна гэта былі запісы следчых дзеянняў ці пратаколы прыняцця вуснага паведамлення пра злачынства, якія складаліся ў пракуратуры [36].

Дадзеныя аб асобе абвінавачванага. У гэтым дакуменце, які выглядаў як анкета, падаваліся ўсе даныя пра абвінавачванага. Дакумент складаўся непасрэдна ў судзе адказным сакратаром і завяраўся судовай пячаткай і подпісамі абвінавачванага і сакратара. Здараліся выпадкі, калі такі дакумент адсутнічаў, тады замест яго ў справу ўкладаліся пратаколы допыту сведак, у якіх былі запісаны ўсе неабходныя даныя [37].

Запыт пра пакаранне. Гэты дакумент па сутнасці сваёй з'яўляецца звычайным пісьмом, якое накіроўвалася ў Міністэрства юстыцыі з мэтай даведацца пра мінулае абвінавачванага (ці быў яму яшчэ калі-небудзь вынесены прысуд у судах краіны). Дакумент заўсёды афармляўся на тыпаграфскім бланку, завяраўся пячаткай суда і подпісам віцэ-пракуратара. Нярэдка замест запыту пра пакаранне выкарыстоўваўся іншы дакумент, які называўся карным загадам, выдаваўся Міністэрствам юстыцыі і таксама ўтрымліваў звесткі пра папярэдні ўдзел абвінавачванага ў судовых разборах, дзе яму быў вынесены пэўны прысуд [38].

Пратакол галоўнага разбору ці пратакол пасяджэння суда. Гэты дакумент ствараўся адказным сакратаром падчас правядзення судовага пасяджэння, на якім разглядалася тая ці іншая справа. Дакумент складаўся таксама на тыпаграфскім бланку, завяраўся пячаткай і подпісамі суддзяў (ці суддзі), сакратара, абвінавачванага і пацярпеўшага, а таксама сведак і іншых асоб, што непасрэдна ўдзельнічалі ў разборы справы [39].

Сентэнцыя прысуду. Дакумент, які, як і папярэдні, складаўся адказным сакратаром на тыпаграфскім бланку, аднак завяраўся толькі подпісам галоўнага суддзі (пракуратара) і судовай пячаткай. Сутнасць гэтага дакумента была ў папярэднім абвінавачванні і вынясенні прысуду. Затым прызначаўся трохдзённы перапынак у пасяджэнні суда, падчас якога абвінавачваны мог прад'явіць звесткі аб сваёй невінаватасці, а пацярпеўшы — прасіць больш суровага пакарання для абвінавачванага. Пасля гэтага перапынку следства ізноў аднаў-

лялася. Як правіла, папярэдняе абвінавачванне заставалася нязменным і ў такім выглядзе пераходзіла да наступнага дакумента ў справе [40].

Прысуд. Назва гэтага дакумента гаворыць сама за сябе. Аднак прысуд не быў апошнім дакументам у справе, які вырашаў лёс пацярпеўшага і абвінавачванага. Гэта тлумачыцца тым, што вельмі часта абвінавачваны з дапамогай нанятага натарыуса-адваката падаваў скаргу-апеляцыю, што адкладвала канчатковае вынясенне прысуду не менш як на дваццаць дзён і дазваляла яшчэ раз паспрабаваць даказаць сваю невінаватасць. Трэба адзначыць, што прысуд быў самым галоўным ва ўсёй справе дакументам. Таму ён падлягаў дакладнаму афармленню. Тым не менш, ніякіх значных адрозненняў у яго афармленні не існавала. Прысуд складаўся сакратаром на гербавым тыпаграфскім бланку ад рукі ці на пішучай машынцы, завяраўся дзяржаўнай пячаткай і подпісамі суддзі і сакратара [41].

Апеляцыйная скарга. Такі дакумент складаўся натарыусам-адвакатам пацярпеўшага і быў прызначаны для абскарджання вынесенага прысуду. Як правіла, апеляцыі друкаваліся на пішучай машынцы на звычайнай паперы і завяраліся подпісамі натарыуса і абвінавачванага. У судзе на такіх скаргах ставіўся рэгістрацыйны штамп і судовая пячатка, калі такі дакумент падлягаў далучэнню да справы [42].

Пастанова суда. Гэта апошні дакумент, якім завяршаліся ўсе крымінальныя справы. Пастановы афармляліся на звычайных лістах паперы фармату А5, завяраліся судовай пячаткай і подпісам суддзі. Рашэнне, вынесенае ў пастанове, ужо было канчатковым. Апеляцыю на такое рашэнне можна было падаваць толькі ў суды другой інстанцыі (акруговыя, ваяводскія, галоўны дзяржаўны суды). Звычайна для жыхароў Заходняй Беларусі судом другой і апошняй інстанцыі быў Віленскі акруговы суд [43].

Акрамя вышэйадзначаных дакументаў да крымінальнай справы маглі дадавацца і іншыя. Гэта разнастайныя заявы, пісьмы, прашэнні, звароты, пратаколы допытаў, пратаколы разбораў, распараджэнні і інш. Нязменным у крымінальнай справе было толькі яе завяршэнне (заўсёды справа завяршалася пастановай суда) і пачатак (справа пачыналася з інфармацыйнай карткі, якая ўтрымлівала ўсе неабходныя звесткі).

І калі сітуацыя з крымінальнымі справамі больш-менш зразумелая, то такога нельга сказаць пра справы грамадзянскія. Тут агульнай заканамернасці ў афармленні спраў не назіраецца. Аднак існуюць заканамернасці для кожнага віду спраў: аб правах уласнасці, аб спадчыне і аб высяленні з кватэры. Тым не менш, нягледзячы на такую адсутнасць пэўных агульных правілаў, прынамсі існуе шэраг дакументаў, якія сустракаюцца ў кожнай з вышэйназваных спраў на розных месцах, што ўсё ж-такі дазваляе разгледзіць іх стварэнне і афармленне агульна.

Іск па грамадзянскай справе быў платны. Кошт такога іску складаў ад пяцідзясяці да трохсот польскіх злотых [44]. Таму ў залежнасці ад самой спра-

вы, яе складанасці і кошту іска адбываецца разыходжанне і ў афармленні справы і складзе дакументаў, якія да яе дадаваліся.

Разгледжаныя вышэй дакументы не з'яўляюцца поўным спісам усіх тых дакументаў, што дадаваліся да той ці іншай грамадзянскай справы. Усяго да грамадзянскіх спраў дадавалася больш за дзесяць розных відаў дакументаў, пачынаючы ад простай заявы ці пратакола і заканчваючы грунтоўнымі іскамі, скаргамі і прысудамі. Такім чынам, уся гэта разнастайнасць дакументацыі, якая стваралася падчас дзейнасці судовых органаў Польшчы, сведчыць, папершае, аб вялікай колькасці спраў рознай цяжкасці, якія разглядаліся ў судах, а, па-другое, — аб адсутнасці пэўнай наладжанай уніфікаванай сістэмы дакументацыйнага забеспячэння судоў у Польшчы.

Вялікая колькасць відаў дакументаў у судовых органах і пракуратуры была звязана з вялікай колькасцю спраў рознай цяжкасці, якія разглядаліся ў судах і пракуратуры, а таксама была выклікана адсутнасцю пэўнай наладжанай уніфікаванай сістэмы дакументацыйнага забеспячэння правасуддзя ў Польшчы.

Справы судовай вытворчасці прадстаўляюць сабой вельмі каштоўную інфармацыю з пункту погляду як дакументазнаўцаў, так і гісторыкаў. І калі для першых такія справы — гэта падрабязнейшая крыніца па вывучэнні парадку вядзення, фарміравання, выкарыстання і захоўвання інфармацыі ў судах, што можа быць выкарыстана нават у сучасным справаводстве пры наяўнасці камп'ютарнай тэхнікі, электронных дакументаў і дакументазвароту, то для гісторыкаў справа судовай вытворчасці — гэта заўсёды скарб, які дазваляе прасачыць лёс асобнага чалавека праз прызму мінулых дзесяцігоддзяў.

Крыніцы і літаратура

1. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 15. — Воп. 1. — Спр. 10. Пратаколы пасяджэнняў Маладзечанскага гродскага суда за 1928 г.
2. Там жа.
3. Там жа.
4. Там жа.
5. Там жа.
6. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 15. — Воп. 1. — Спр. 60. Пратаколы пасяджэнняў Маладзечанскага гродскага суда за 1936 г.
7. Там жа.
8. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 15. — Воп. 1. — Спр. 10. Пратаколы пасяджэнняў Маладзечанскага гродскага суда за 1928 г.
9. Там жа.
10. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 15. — Воп. 1. — Спр. 3. Пратаколы пасяджэнняў Віленскага акруговага суда (1923—1927 гг.).
11. Там жа.
12. Там жа.
13. Там жа.
14. Там жа.

15. Cialkowski, R. System prawno-finansowy samorzajdu terytorialnego w Polsce w latach 1918—1939 / R.Cialkowski // Nauki humanistyczno-spoleczne. — 1967. — Zesz. 52. — S. 55—87.
16. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. — Прадмова да Вопісу № 1 спраў пастаяннага захоўвання за 1920—1939 гг. «Наваградскае ваяводскае праўленне» — С. 4—9.
17. Cialkowski, R. System prawno-finansowy samorzajdu terytorialnego w Polsce w latach 1918—1939 / R.Cialkowski // Nauki humanistyczno-spoleczne. — 1967. — Zesz. 52. — S. 55—87.
18. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 23. — Воп. 1. — Спр. 6. Пракуратура 10 раёна (заявы, пратаколы, распараджэнні).
19. Там жа.
20. Там жа.
21. Там жа.
22. Там жа.
23. Там жа.
24. Там жа.
25. Там жа.
26. Там жа.
27. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 23. — Воп. 1. — Спр. 15. Справаздачы пра дзейнасць Пракуратуры 10 раёна.
28. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 543. — Воп. 1. — Спр. 7. Дакументы натарыуса П. Бердыжа.
29. Там жа.
30. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 15. — Воп. 1. — Спр. 10. Пратаколы пасяджэнняў Маладзечанскага гродскага суда за 1928 г.
31. Там жа.
32. Там жа.
33. Там жа.
34. Там жа.
35. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. — Фонд 15. — Воп. 1. — Спр. 72. Справа аб парушэнні спіртавой манаполіі.
36. Там жа.
37. Там жа.
38. Там жа.
39. Там жа.
40. Там жа.
41. Там жа.
42 Там жа.
43. Там жа.
44. Там жа.
45. Cialkowski, R. System prawno-finansowy samorzajdu terytorialnego w Polsce w latach 1918—1939 / R.Cialkowski // Nauki humanistyczno-spoleczne. — 1967. — Zesz. 52. — S. 55—87.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.04.2012

С. С. Рудович,
старший научный сотрудник
отдела археографии БелНИИДАД,
кандидат исторических наук;
e-mail: arheograph@belniiddd.by

МИНСКИЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ: НАЧАЛО ПУТИ (1917—1920 гг.)

В середине марта 2012 г. исполнилось 95 лет со времени образования Минского городского Совета депутатов, ныне являющегося представительным государственным органом и основным звеном системы местного самоуправления на территории столицы Республики Беларусь — г. Минска. За почти вековой период функционирования Минский Совет, находясь в центре общественно-политической жизни крупного столичного города, пережил немало трансформаций и потрясений, разделяя со всей страной и светлые, и мрачные страницы нашей непростой истории в XX в. По случаю знаменательной даты в Минске прошли торжества. Белорусскими архивистами была организована выставка «Минский городской Совет. Вехи истории», их же усилиями издан фундаментальный сборник документов и материалов «Минский городской Совет депутатов, 1917—2012» [22]. Памятная дата является хорошим поводом для того, чтобы попытаться с современных позиций осмыслить процесс возникновения Совета и его становления в первые годы существования.

Обращаясь к истокам, напомним, что Советы рабочих депутатов впервые возникли в России (самый первый — в г. Иваново-Вознесенске) в ходе революции 1905—1907 гг. В период высшего подъема революции Советы действовали в 55 российских городах. Они представляли собой не органы государственной власти, а общественные формирования, создававшиеся для революционной борьбы с самодержавным государством. Советы как специфическая форма самоорганизации трудящихся для выражения и отстаивания их социально-политических интересов являлись сугубо российским явлением. С одной стороны, они опирались на традиции самоуправления, присущие российской общине, с другой — как бы восполняли собой отсутствие либо неразвитость в Российской империи таких институтов для артикуляции и реализации различных социальных интересов, как профессиональные союзы, политические партии, парламент. В годы Первой российской революции Советы возглавляли стачечную борьбу рабочих, а в некоторых городах пытались осуществить вооруженные восстания. Но в белорусских губерниях в то время Советы еще не появились.

Опыт создания Советов, приобретенный в период Первой российской революции, был использован в более широких масштабах на этапе свержения самодержавия в 1917 г. В ходе Февральской революции в Петрограде наряду с образованием Временного правительства — официального органа новой

демократической власти — по инициативе близких к рабочему движению депутатов Государственной думы и других политических активистов социалистического направления сформировался Совет рабочих депутатов. После избрания в него представителей от воинских частей он начал именоваться Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. По примеру Петрограда Советы рабочих и солдатских депутатов, а затем и Советы крестьянских депутатов стали создаваться по всей стране. В конце марта 1917 г. их уже насчитывалось до 600, а к октябрю — более 1400. В белорусских губерниях, по некоторым подсчетам, к середине 1917 г. образовалось около 150 Советов [1, с. 31]. До осени 1917 г. преимущественным политическим влиянием в Советах пользовались социал-демократы-меньшевики и социалисты-революционеры (эсеры).

Минский Совет рабочих и солдатских депутатов образовался одним из первых в Беларуси. Минск был тогда прифронтовым городом, в нескольких десятках километров на запад от него проходил российско-германский фронт Первой мировой войны. На территории Беларуси дислоцировались три армии российского Западного фронта общей численностью более 1,5 млн военнослужащих, штаб фронта располагался в Минске. Среди почти 250-тысячного населения города коренных минчан тогда насчитывалось едва 50 тысяч [2, 27 красавіка; 8, 28 апреля; 10, с. 809—810, 816—819]. Остальные — солдаты и офицеры, рабочие военных предприятий и чиновники различных тыловых учреждений, заброшенные сюда войной из других регионов империи, главным образом из центральных российских губерний. Инициатива создания Минского Совета исходила в первую очередь из этой среды.

К сожалению, дошедшие до нас документы недостаточно подробно отражают конкретно-исторические обстоятельства рождения Минского Совета, что создавало почву для появления в научной литературе определенных домыслов. В советской историографии приоритет в организации Совета рабочих депутатов в Минске (как и в других городах) однозначно приписывался большевикам. В одной из первых научных статей по истории Минского Совета, опубликованной в 1942 г., утверждалось: «Минский Совет был создан под руководством партийной организации большевиков после первых же известий о победе Февральской революции и образования Советов рабочих депутатов в Петрограде и Москве» [3, с. 23]. Несостоятельность такого утверждения очевидна: на момент свершения Февральской революции в Беларуси и на Западном фронте еще не было большевистской партийной организации, она начала оформляться только летом 1917 г. Поэтому в послевоенное время советские историки, продолжая отстаивать приоритет большевиков в деле создания Минского Совета, использовали более гибкие формулировки. Автор кандидатской диссертации о революционной деятельности Минского Совета в 1917 г. В. Г. Ивашин писал, что решение об образовании в Минске Совета рабочих и солдатских депутатов было принято «инициатив-

ной группой» большевиков в ночь на 2 марта 1917 г., а затем подтверждено «общим собранием» большевиков г. Минска, III и II армий утром 4 марта [12, с. 4]. Другие советские исследователи, расходясь в деталях, также были единодушны в том, что первоначальный импульс к созданию Минского Совета исходил от большевиков, которые провели 1—4 марта 1917 г. ряд совещаний, завершившихся избранием 4 марта Временного исполнительного комитета Совета [1, с. 15—17; 13, с. 11—20; 14, с. 89—94; 24, с. 202—204]. Такая трактовка полностью исключала представителей небольшевистских социалистических течений из числа инициаторов создания Минского Совета.

Официальную версию советской историографии оспорил в 1995 г. белорусский исследователь Н. Е. Семенчик. Опираясь на мемуарные публикации самих большевистских деятелей (В. Кнорина, А. Мясникова, И. Любимова), он обратил внимание, что в начале марта 1917 г. «в минской социал-демократии еще не наблюдалось партийной дифференциации», поэтому подчеркивание некоей особой роли большевиков в событиях тех дней научно неправомерно. По мысли историка, организующей силой при создании Минского Совета были не столько представители партий, сколько революционно-демократические элементы из числа служащих местных комитетов Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов — влиятельных неправительственных организаций, легально действовавших в годы войны. Исследователь считает, что их шаги по организации в Минске Совета рабочих и солдатских депутатов обуславливались не партийно-классовыми интересами, а стремлением мобилизовать рабочих и солдат на поддержку нового демократического строя и обеспечить сохранение порядка в тылу и на фронте [28, с. 66—70].

Данную точку зрения, думается, в целом подтверждают помещенные ниже материалы первого номера «Известий Совета рабочих депутатов» от 5 марта 1917 г., из которого жители Минска впервые узнали о создании в городе Совета*.

Информационная заметка в газете сообщала, что 4 (17) марта 1917 г. состоялось собрание служащих и рабочих местной организации Всероссийского земского союза, которое постановило немедленно начать организацию Совета рабочих депутатов и избрало его Временный исполнительный комитет (приложение № 1). С этого события и ведется отсчет истории Минского Совета. В газетной заметке не указан ни количественный, ни персональный состав Временного исполкома, а протокол первого собрания Совета не сохранился. Но из дошедшего до нас протокола второго собрания от 5 марта и других материалов видно, что Временный исполком состоял из 9 человек [6, с. 83—85]. Возглавил его Борис Позерн — уроженец Нижнего Новго-

* К сожалению, поиски оригинала первого номера «Известий …» не увенчались успехом, однако удалось обнаружить его факсимильное воспроизведение в газете «Савецкая Беларусь» (1927, 17 сакавіка), из которой мы и перепечатываем его материалы.

рода, социал-демократ-«межрайонец», имевший за плечами немалый революционный стаж.

Как уже было сказано, Временный исполком на следующий день после образования, 5 (18) марта, выпустил первый номер газеты «Известия Совета рабочих депутатов», своего печатного органа (позднее называлась «Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов»). В ней от имени исполкома были обнародованы задачи создаваемого Совета (приложение № 2) и помещено воззвание к рабочим города с призывом избирать своих депутатов в Совет (приложение № 3). Параллельно с организацией рабочих в воинских частях Минского гарнизона проходили выборы солдатских депутатов. Понятно, что проводившиеся без всякой подготовки первые выборы Минского Совета не отличались высокой организованностью. Голосование осуществлялось не по территориальным участкам (их невозможно было быстро создать, но к этому и не стремились), а по предприятиям и воинским подразделениям. Единые нормы представительства отсутствовали, не была разработана процедура голосования; неизвестно, проводилась ли проверка полномочий прибывших депутатов. Так что первый состав Минского Совета нес на себе яркий отпечаток революционного времени со всей его спонтанностью и неупорядоченностью. По некоторым данным, к маю 1917 г. Минский Совет объединял вокруг себя 53 тыс. солдат, рабочих, ремесленников, служащих и других слоев населения. Причем характерно, что в Совете изначально получили численное преобладание представители от военных, отличавшихся большей активностью. К 11 марта было избрано не менее 165 солдатских депутатов, рабочая же секция Совета к 5 апреля насчитывала немногим более 100 человек [1, с. 43, 44].

Определенный интерес с точки зрения изучения обстоятельств возникновения Минского Совета представляют воспроизводимые ниже воспоминания известного впоследствии деятеля белорусского национального движения Леонарда Зайца, которые были опубликованы в 1927 г. в газете «Савецкая Беларусь» — в подборке, посвященной 10-летию Совета (приложение № 4). Эти воспоминания пока не попадали в поле зрения исследователей. По словам Л. Зайца, именно он был избран секретарем первого, организационного собрания Минского Совета (которое — вероятно, ошибочно — датируется им 3 марта ст. ст.) и писал протокол этого собрания. В лаконичных воспоминаниях Л. Зайца затрагивается очень важный вопрос — о взаимоотношениях создаваемого Минского Совета рабочих и солдатских депутатов с оформлявшимся в те же дни Белорусским национальным комитетом (БНК), который до июля 1917 г. выполнял роль координационного центра белорусского национального движения. Известно, что эти взаимоотношения не сложились; более того — фактически Минский Совет и вышедшие из его среды руководящие деятели Западной области и фронта вплоть до образования БССР и даже позже находились в состоянии конфронтации с белорусским националь-

ным движением. В воспоминаниях Л. Зайца вина за это возлагается только на БНК, не пожелавший якобы из-за своей «мелкобуржуазной сущности» поддерживать постоянную связь с пролетарско-солдатской организацией. Понятно, что в политических условиях 1927 года автор воспоминаний не имел возможности на страницах советского официоза сказать всю правду. Не меньшую ответственность за то, что пути Минского Совета и белорусских организаций «совсем разошлись», несли и его руководители, находившиеся под гипнозом идей интернационализма в крайне упрощенном толковании («рабочие не знают национальностей»; см. приложение № 3) и по этой причине игнорировавшие национальные особенности Беларуси и историческую обусловленность белорусского национального движения.

Возвращаясь к периоду создания Минского Совета, отметим, что первое объединенное заседание рабочих и солдатских депутатов состоялось 8 (21) марта 1917 г. На нем Минский Совет, по примеру Петросовета, выразил поддержку Временному правительству при условии, что оно будет придерживаться принципов демократии и подготовит созыв Учредительного собрания. В целях обеспечения массовой опоры для новой власти было признано необходимым немедленное избрание во всех воинских подразделениях солдатских комитетов, на предприятиях — фабрично-заводских, а в деревне — сельских, волостных и уездных крестьянских комитетов. Заседание определило численный состав постоянного Исполнительного комитета (22 человека) и нормы представительства в нем от групп депутатов [6, с. 91—93]. Среди организаторов и первых руководителей Минского Совета, помимо Б. Позерна (которого избрали постоянным председателем Совета и его Исполкома), были Исидор Любимов, Михаил Фрунзе (работавший под псевдонимом М. А. Михайлов), А. К. Пайкес, И. Ф. Скуратович, С. И. Решетов, А. Фишгендлер, П. Пирожков, Н. Квасов и др. [26, с. 36].

Как и другие Советы, в первые месяцы после Февральской революции Минский Совет не претендовал на властные полномочия. Он выступал в качестве общественно-политической структуры, призванной мобилизовать рабочих и солдат на поддержку нового демократического строя и противостоять возможным поползновениям приверженцев свергнутой монархии. До апреля 1917 г. Совет вполне лояльно относился к Временному правительству и его органам на местах, признавал приоритет за общедемократическим органом управления городом — Минским комитетом общественной безопасности, в состав которого направил своих постоянных представителей [6, с. 84—85, 141—142]. Приведем в связи с этим любопытный факт, в советской историографии не афишировавшийся. 29 марта 1917 г. на собрании Совета, проходившем под председательством большевика И. Любимова, выступил прибывший в Минск военный министр Временного правительства октябрист А. И. Гучков. В своей речи перед рабочими и солдатскими депутатами он призывал к дружной работе на фронте и в тылу, а относительно целей войны

со стороны России заявил: «Мы не ищем земельных приобретений, но и не ищем мира на гнилых условиях». Несмотря на растущее недовольство народа продолжением войны, речь не вызвала в Совете протеста, и министр «при громе рукоплесканий и громких криках «ура!» сквозь окружающую его толпу депутатов удалился из зала» [16, 2 апреля]*.

Однако уже в апреле 1917 г. Минский Совет впервые выступает с критикой официальной власти. Поводом к этому послужила нота Временного правительства державам — союзницам по Антанте, в которой заявлялось о готовности России продолжать войну против Четвертного союза до победы. Отражая антивоенные настроения солдат, Минский Совет 22 апреля в специальной резолюции признал ноту противоречащей воле революционной демократии [6, с. 243].

Изначально Минский Совет формировался как многопартийный орган, аккумулировавший интересы и политические воззрения различных слоев трудящихся. В нем были представлены российские социал-демократы и социалисты-революционеры, еврейские, польские, латышские социалисты. Наиболее крупной была социал-демократическая фракция. До лета 1917 г. она считалась единой, официально не разделялась на большевиков и меньшевиков. Но под влиянием установок В. И. Ленина на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую путем взятия всей власти Советами внутри социал-демократической фракции стала складываться большевистская группа, которая к июлю 1917 г. выделилась в самостоятельную фракцию. Большевистская фракция оказывала радикализирующее влияние на позицию Минского Совета и в последующие месяцы послужила ядром для формирования многотысячной Северо-Западной областной организации РСДРП(б).

11(24) мая 1917 г. был утвержден устав Минского Совета, в соответствии с которым к концу мая прошли его перевыборы. Право представительства в Совете получали воинские части и команды, расположенные в г. Минске и 10-верстной полосе вокруг города, предприятия и учреждения того же района, профессиональные союзы г. Минска, а также социалистические партии, имевшие в Минске свои организации. Один депутат избирался примерно от 50—150 рабочих, солдат, служащих. Устав устанавливал закрытый порядок подачи голосов с помощью бюллетеней, чем обеспечивалась тайна голосования. Избранным считалось лицо, получившее наибольшее число голосов, т. е. вводилась мажоритарная избирательная система относительного большинства [6, с. 291—294].

---

* Показательно, что в издании «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Т. 1.» (Минск, 1957) часть протокола данного заседания Совета, отражающая пребывание в нем Гучкова, опущена, при этом в сноске на с. 156 сделано ложное указание на ее содержание.

Новый состав Совета насчитывал 265 человек, представлявших 34 тыс. рабочих и солдат. Председателем Совета вновь стал близкий к большевикам «межрайонец» Б. Позерн, заместителями председателя — большевик И. Любимов и эсер Хитров, секретарями — большевики Вильгельм Кнорин и Матвеев. В Исполнительный комитет вошли 36 депутатов (20 — от солдат, 16 — от рабочих), в т. ч. 23 социал-демократа (из них 13—15 человек придерживались большевистских взглядов), 13 эсеров [1, с. 58—59; 6, с. 343—344; 21, 1 июня]. С переизбранием Совета в нем еще больше усилилось представительство от солдат, активизировались большевики, на позиции которых перешел и печатный орган Совета.

Об основных направлениях деятельности Совета свидетельствовали сформированные при его Исполкоме комиссии: военная, рабочая, продовольственная, финансовая, культурно-просветительная и др. Представители Совета вели агитацию в войсках за расширение прав солдат, за прекращение войны, на предприятиях города добивались введения 8-часового рабочего дня, помогали рабочим одержать победу в конфликтах с предпринимателями. Совет пытался внести свою лепту в решение вопроса о снабжении города продовольствием, активно включился в кампанию по проверке обоснованности отсрочек для военнообязанных. В Демократическом клубе, организованном для рабочих и солдат при Совете, регулярно читались лекции на актуальные темы, работали курсы пропагандистов и агитаторов и даже была открыта школа грамоты, в которой за 50 копеек в месяц можно было каждый вечер заниматься [6, с. 361; 15, 3 октября; 16, 21 и 24 июня, 1, 6, 19 и 27 июля].

Согласно уставу, Минский Совет выступал представительным органом солдат, рабочих и служащих г. Минска и 10-верстной полосы вокруг города. Однако вопросы, которые он принимал к рассмотрению, нередко выходили далеко за эти территориальные рамки. Например, при активном участии Совета 7—17 апреля 1917 г. в Минске прошел Первый съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта. Председательствовал на этом весьма представительном (более тысячи делегатов) форуме, имевшем не только местное, но и общероссийское значение, председатель Минского Совета Б. Позерн. Съездом был избран Исполнительный комитет Западного фронта (Фронтовой комитет), в котором доминировали эсеры и меньшевики, что впоследствии привело его к определенному соперничеству и противостоянию с большевизировавшимся Минским Советом [9, с. 472—473].

Также фактически с санкции Минского Совета рабочих и солдатских депутатов 20—23 апреля под председательством М. Фрунзе был проведен Первый съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний (800 делегатов), созванный в противовес аналогичной инициативе по организации крестьянства со стороны Белорусского национального комитета. Под влиянием председателя съезда и его единомышленников крестьянские делегаты проголосовали против идеи политической автономии Беларуси и введения в шко-

лах края белорусского языка. Это обернулось публичным столкновением на крестьянском съезде и после него между группировавшимися вокруг Минского Совета российскими социалистами и объединенными вокруг БНК белорусскими национальными деятелями, что надолго развело обе группировки по враждующим лагерям [6, с. 156; 9, с. 474—475; 25, с. 81—83, 86—87, 125—128].

В мае 1917 г. Минский Совет взял на себя инициативу созыва в Минске съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области в целях координации советской деятельности в масштабах всей неоккупированной части Беларуси. В отличие от фронтового и крестьянского, этот съезд оказался немногочисленным. Но он выработал план организации Советов Западной области, а функции областного Исполнительного комитета возложил на Исполком Минского Совета [9, с. 466]. Факты свидетельствовали, что по мере своей радикализации и с нарастанием влияния большевиков Минский Совет становился одним из важнейших революционных центров Беларуси и Западного фронта.

Характерна в этом отношении позиция Минского Совета в дни июльского политического кризиса 1917 г. После провала наступления российских войск на фронте и демонстративного ухода министров-кадетов из Временного правительства в Петрограде прошли массовые демонстрации солдат, рабочих и матросов с требованием перехода власти к Советам. Эти демонстрации большевики попытались использовать для свержения правительства. Всероссийский ЦИК Советов санкционировал вооруженное подавление демонстраций правительством, многие революционно-демократические организации на местах также осудили попытку леворадикального государственного переворота. В отличие от них Минский Совет рабочих и солдатских депутатов уклонился от отрицательной оценки выступления, высказался против наказания его инициаторов и в качестве выхода из положения признал необходимой «организацию единой власти из представителей революционнной демократии в лице Советов…» [6, с. 460—461]. Идея о необходимости перехода власти к Советам все настойчивее пропагандировалась минскими большевиками.

8 июля 1917 г. вместо выбывшего из Минска Б. Позерна председателем Минского Совета был избран выходец из рабочих Костромской губернии большевик И. Любимов, его заместителем — меньшевик П. Зеленцов [1, с. 120].

В дни борьбы с корниловщиной, когда совершить государственный переворот попытались правые силы во главе с Верховным главнокомандующим Л. Корниловым (конец августа 1917 г.), Минский Совет, координируя свою деятельность с другими революционно-демократическими организациями в рамках созданного в Минске Временного революционного комитета Западного фронта, не допустил использования частей Минского гарнизона мятежниками, участвовал в создании рабочих дружин для отпора корнилов-

цам [1, с. 155—157]. Активное участие Советов в ликвидации корниловского выступления способствовало повышению их авторитета и дальнейшему усилению в них позиций большевиков.

В конце сентября — начале октября 1917 г. состоялись очередные перевыборы Минского Совета. Принятый накануне общим собранием Совета документ о порядке их проведения несколько изменил норму представительства (теперь один депутат избирался от каждых 30—125 человек), а также вводил принцип абсолютного большинства при определении победителя: для того, чтобы быть избранным, кандидат должен был набрать больше половины голосов; если при первой баллотировке никто из кандидатов не получал абсолютного большинства, предполагался второй тур голосования [6, с. 725—726]. В ходе выборов Минский Совет 3-го созыва был сформирован из 337 депутатов, в их числе 184 — большевики (они впервые получили больше половины мест от общего числа депутатов — 55%), 60 — эсеры (18%), 21 — меньшевики (6%), 21 — представители Еврейского рабочего союза «Бунд» (6%), 3 — социалисты-сионисты (0,9%), 48 — неопределившиеся (14%) [6, с. 803]. Председателем Совета был утвержден большевик, латыш по национальности Карл Ландер, его заместителями — большевики С. Берсон, В. Краснов и А. А. Глузман, секретарями — В. Кнорин и Н. Родионов. Президиум Совета оказался, таким образом, полностью большевистским. Исполнительный комитет был сформирован из 23 большевиков, 7 эсеров, 4 бундовцев, 2 меньшевиков, 1 — от Еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион» и 1 — от Объединенной еврейской социалистической рабочей партии [15, 14, 17 и 18 октября].

Новый состав Минского Совета отличался большей, чем предыдущие, степенью готовности взять власть в свои руки. На заседании 12 октября он подавляющим большинством голосов поддержал большевистское требование о неотложном, т. е. до проведения Учредительного собрания, созыве Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который большевики намеревались использовать для легитимации захвата власти [15, 17 и 18 октября]. Делегатами от Минского Совета на Всероссийский съезд были избраны солдаты В. Н. Алферов и Э. М. Баренс и рабочий И. Ф. Скуратович [6, с. 834—835; 1, с. 211]. Большевистские руководители Совета все более открыто высказывались о необходимости вооруженного захвата власти [6, с. 849—853], хотя при этом считали нужным через печатный орган Совета гневно опровергать распространившиеся в городе тревожные слухи о грядущем восстании, прибегая даже к прямым угрозам беспощадно расправиться с «провокаторами» (приложение № 5).

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и решения Второго Всероссийского съезда Советов об установлении советской власти побудили к действиям и большевиков на местах. 26 октября (8 ноября) 1917 г. большевики — члены президиума Минского Совета от имени его Исполкома издали

Приказ № 1, в котором объявили о переходе власти в городе в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно было решено организовать чрезвычайный орган для руководства вооруженным восстанием в Беларуси и на Западном фронте — Военно-революционный комитет (ВРК) Западного фронта, ядро которого составил президиум Минского Совета, а председателем стал председатель Совета К. Ландер. Опираясь на освобожденных из тюрьмы и гауптвахт солдат, сведенных в Первый Революционный имени Минского Совета полк и другие части гарнизона, большевики установили контроль над оружейными мастерскими, железнодорожным узлом, почтой, телеграфом и даже направили свои патрули к штабу Западного фронта.

Но в тот же день члены Исполкома Минского Совета — небольшевики осудили действия президиума и потребовали отмены Приказа № 1. Усилиями Исполнительного комитета Западного фронта, городской думы, крестьянских, профессиональных, национальных организаций был образован чрезвычайный коалиционный орган — Комитет спасения революции Западного фронта, в котором преобладали эсеры, меньшевики, бундовцы. Комитет не признал итогов Петроградского вооруженного восстания и высказался за формирование власти на основе широкого блока левых сил.

27 октября (9 ноября) Комитет спасения революции ввел в Минск части Кавказской дивизии, снял советские воинские патрули и потребовал передать ему всю власть в городе. Ввиду превосходства сил Комитета спасения над большевиками последние заявили о готовности подчиниться [27, с. 7—10]. Но одновременно они развернули в частях Западного фронта интенсивную агитацию и смогли добиться поддержки со стороны значительного количества солдат. Это позволило большевикам подтянуть к Минску воинские подкрепления, в т. ч. блиндированный поезд, вооруженный 5 пушками и 24 пулеметами, что изменило соотношение сил в городе в их пользу. Было заявлено, что в случае сопротивления «Минск будет сметен с лица земли артиллерией» [20, 8 ноября; 23, л. 142об.]. 2 (15) ноября 1917 г. расширенное заседание Минского Совета рабочих и солдатских депутатов объявило о полном установлении советской власти в городе.

В результате Октябрьской революции Минский Совет превратился из общественно-политической организации в государственный орган. В то же время после формирования в ноябре 1917 г. в Минске высших органов советской власти в Беларуси и на Западном фронте — Областного исполнительного комитета (Облискомзапа) и Совета народных комиссаров (СНК) Западной области и фронта — Минский Совет рабочих и солдатских депутатов объективно утратил значение одного из политических центров всего края и сосредоточился на проблемах управления городом. Для этой цели при его Исполкоме были созданы отделы труда, просвещения, кооперации, по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, жилищный и др. Тем самым Совет вторгался в компетенцию Минской городской думы, избранной всеобщим голосова-

нием летом 1917 г. как орган городского самоуправления, и лишал ее соответствующих функций. В конце января 1918 г. на основании декрета Минского Совета о роспуске думы она была разогнана вооруженным отрядом красногвардейцев под командованием одного из ее гласных и одновременно депутата Совета большевика В. Вашкевича [5, с. 93—94; 7, с. 815—816].

С началом наступления по направлению к Минску войск кайзеровской Германии руководители местных органов советской власти, в том числе и Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, 19 февраля 1918 г. в спешном порядке эвакуировались на восток — главным образом в Смоленск. На несколько месяцев Минский Совет прекратил свою деятельность.

Возрождение Минского Совета в конце 1918 — начале 1919 г. оказалось сложным и драматичным. Оно началось еще в условиях немецкой оккупации, когда после Ноябрьской революции 1918 г. в Германии и аннулирования советским правительством Брестского мира германские войска ускоренно покидали занятые территории. В сложившейся ситуации расширились возможности для легальной деятельности вышедших из подполья социалистических партий — большевиков, меньшевиков, эсеров, бундовцев, поалейционистов. Уже в конце ноября — начале декабря 1918 г. они смогли организовать выборы в Минский Совет. Один депутат избирался от 50 человек. По такой норме представительства было избрано 200 депутатов, в т. ч. большевиков (включая сочувствующих) — 98 (что составляло 49% от общей численности депутатов), бундовцев — около 40 (около 20%), поалейционистов — около 35 человек (около 17%), остальные депутаты являлись меньшевиками и эсерами [18, с. 286]. Торжественное открытие вновь избранного Совета рабочих депутатов состоялось в Минском городском театре 3 декабря 1918 г., т. е. еще за неделю до прихода в город Красной Армии. Во временный президиум Совета от большевиков вошли Раков (Андржецкий) — председатель Совета, Шепшель Ходош, Адам Славинский, Арон Криницкий и один немец-коммунист, от бундовцев — А. Руманов, от меньшевиков — Ольшук, от партии «Поалей-Цион» — Л. Розенгауз. На втором заседании 7 декабря Совет объявил себя органом власти в Минске и окрестностях и сформировал Исполнительный комитет [18, с. 287—289].

10 декабря 1918 г. в Минск вступили части Красной Армии, а вместе с ними прибыли из Смоленска представители Облискомзапа Исаак Рейнгольд, Станислав Берсон, Николай Кривошеин, Виктор Яркин и др. Они провозгласили себя высшим органом советской власти на территории Минской губернии — Минским губернским военно-революционным комитетом, включив в него и местных коммунистов, недавних подпольщиков Б. Райцеса, А. Славинского, Ш. Ходоша и А. Криницкого [17, с. 184]. Прибывшие из Смоленска большевистские руководители посчитали неприемлемым партийный состав Минского Совета, в котором коммунисты располагали лишь относительным, но не абсолютным большинством. Они сразу же поставили вопрос о роспуске

только что избранного Совета и о назначении новых выборов. Этому, однако, воспротивились местные работники — бывшие подпольщики. Информация о возникшем конфликте дошла даже до первых лиц Советского государства Я. М. Свердлова и В. И. Ленина, которые признали «нецелесообразным роспуск Минского Совета без крайней необходимости» [19, с. 58].

В итоге формально Совет не был распущен сверху, но ему самому было навязано решение о собственном переизбрании [22, с. 45]. Перевыборы должны были пройти 3—7 января 1919 г., причем устанавливались неравные нормы представительства: рабочие посылали одного депутата примерно от каждых 100 человек, а красноармейцы — от каждых 50 [4, с. 408—411]. Выборы продолжались гораздо дольше намеченного срока. По состоянию на 16 января было избрано 285 депутатов, в т. ч. коммунистов — 173 (60%), эсеров — 34 (12%), бундовцев — 26 (9%), поалейцианистов — 20 (7%), членов других партий — по несколько человек [22, с. 49]. Похоже, полученный результат опять не вполне устраивал правящую партию, так как решением Минского губкома КП(б)Б были произведены перестановки в избирательной комиссии, а отдельным ее сотрудникам вынесено порицание [22, с. 49]. Кроме того, в руководящих инстанциях компартии дебатировался вопрос о возможности допущения в состав Исполкома Совета избранных депутатов-эсеров, и 19 января 1919 г. Центральное бюро КП(б)Б признало это нецелесообразным [22, с. 49—50].

28 января 1919 г., на первом заседании Минского Совета рабочих и красноармейских депутатов (отныне он имел такое название) 4-го созыва, его председателем был избран уроженец Ярославской губернии Виктор Яркин (исполнял обязанности до своего выезда из Минска в мае 1919 г.; в июле его место занял поляк Казимир Циховский), товарищами (заместителями) председателя стали А. Славинский и Григорьев. В сформированный Исполком Совета вошли 19 человек, в т. ч. от фракции коммунистов — 16 (позднее представительство от коммунистов было увеличено до 20), от фракций Бунда, «Поалей-Цион» и меньшевиков — по одному [22, с. 51, 56].

Минский Совет рабочих и красноармейских депутатов 4-го созыва впервые стал столичным органом советской власти, так как с провозглашением 1 января 1919 г. Белорусской ССР Минск обрел статус ее столицы. Правда, в таком статусе он пребывал недолго: уже в конце февраля 1919 г. Белорусская ССР была объединена с Литовской ССР в единую Белорусско-Литовскую Советскую Республику (ЛитБел) со столицей в Вильно. В истории Мингорсовета это было не лучшее время. Большевистским руководством настойчиво проводилась политика «военного коммунизма», означавшая подавление всякой частной инициативы в экономике, свертывание свободной торговли, чрезвычайные революционные налоги, принудительную трудовую повинность, борьбу со спекуляцией административно-силовыми методами (приложение № 6) и т. д. Все это крайне отягощало жизнь горожан. Особенно обост-

рилась продовольственная проблема, в связи с чем Совету периодически приходилось изыскивать способы обеспечения города продуктами питания, определять нормы их реализации среди населения по карточкам [22, с. 52—56, 57—60]. С другой стороны, пленарные собрания Минского Совета, особенно проводимые совместно с другими структурами и организациями (Центральным исполнительным комитетом, Совнаркомом, Советом обороны, профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами), зачастую носили не деловой, а митинговый характер, принимаемые решения отличались декларативностью. Коммунистическое большинство Минского Совета нередко использовало его трибуну для целенаправленной дискредитации своих политических оппонентов [22, с. 52—60].

Тем временем в феврале 1919 г. началась польско-советская война. Войска Ю. Пилсудского быстро продвигались по территории Литовско-Белорусской ССР. В апреле они заняли Вильно, в мае начались бои за Минск. Несмотря на определенное сопротивление, оказанное частями Красной Армии, 8 августа 1919 г. Минск был взят польскими войсками. Деятельность Минского горсовета опять надолго прервалась.

Условия для его воссоздания возникли лишь спустя почти год — после освобождения Минска 11 июля 1920 г. от польской оккупации и повторного провозглашения 31 июля 1920 г. Белорусской ССР. Однако на этот раз высшее партийно-государственное руководство БССР, очевидно, извлекая урок из событий конца 1918 — начала 1919 г., не спешило с организацией выборов в столичный Совет депутатов. Взяв твердый курс на утверждение в стране однопартийной системы, большевики посчитали необходимым предварительно создать организационные и идеологические предпосылки, которые гарантировали бы в будущем составе Совета абсолютное коммунистическое большинство. В этих целях было принято решение до образования Совета избрать и провести в Минске «беспартийную рабочую конференцию». Посредством нее предполагали осуществить «замер» бытующих среди жителей города настроений по отношению к большевистской власти и выявить наиболее лояльные элементы, которые можно было бы потом рекрутировать в структуры управления. Подготовкой «беспартийной конференции» занималась специально созданная комиссия при Военно-революционном комитете БССР. Она разработала «Инструкцию по выборам на беспартийную рабочую конференцию гор. Минска», в которой устанавливались нормы представительства (по 1 делегату от каждых 20 рабочих и каждых 50 служащих) и определялась процедура голосования. Как и раньше, выборы проводились по предприятиям либо профессиональным союзам, но при этом голосование должно было проходить под непосредственным руководством представителя комиссии при ВРК БССР (в противном случае его результаты аннулировались) и осуществляться путем открытой баллотировки (т. е. поднятием рук) [11, 4 сентября]. Избранная таким образом конференция состоялась 11—

14 сентября и по всем вопросам повестки дня единогласно либо «подавляющим большинством» приняла резолюции, внесенные от имени коммунистической партии [11, 14—17 сентября].

Только после этого были назначены выборы в Минский Совет. Они прошли с 20 по 30 ноября 1920 г. по отработанной схеме под пристальным контролем со стороны Центрального бюро КП(б)Б.

Из проживавших тогда в Минске 120 тыс. человек имели право голосовать 58 тыс. человек «трудового населения». В голосовании приняли участие 43,6 тыс. человек (75%). Было избрано 490 депутатов, в большинстве — коммунисты и беспартийные; лишь 43 депутата принадлежали к Бунду и партии «Поалей-Цион». Комментируя итоги выборов, газета «Звезда» с удовлетворением отметила: «Минск — город восприимчивый и легко поддающийся советской и коммунистической обработке» [11, 8 декабря].

6 декабря 1920 г. в помещении Белорусского государственного театра с участием высшего руководства республики состоялось первое торжественное заседание Минского Совета рабочих и красноармейских депутатов 5-го созыва.

Председателем Совета единогласно был избран Франц Кюссе — уроженец Курляндской губернии, который с мая 1917 г. был депутатом Минского Совета и поддерживал связь с его большевистской фракцией. Абсолютным большинством голосов собрание утвердило также список Исполнительного комитета из 15 человек, внесенный коммунистической фракцией. Два места в Исполкоме получили представители Бунда, в то же время предложение фракции «Поалей-Цион» предоставить одно место ее представителю было отвергнуто [11, 8 декабря].

В ходе предвыборной кампании и при открытии Совета ответственные деятели КП(б)Б убеждали — особенно усердствовал в этом секретарь ее Центрального бюро В. Кнорин — что единомыслие, отсутствие партийных разногласий среди депутатов Совета сделает его по-настоящему работоспособным и сильным органом пролетарской власти. В действительности же получалось наоборот: коммунистическое большинство в Советах, подчиненное жесткой партийной дисциплине, фактически только утверждало решения, принятые в партийных инстанциях. В результате Советы теряли самостоятельность и из субъекта власти превращались в послушных проводников властной воли, исходившей от коммунистической партии.

Как справедливо отмечается в современной научной литературе, в годы революции «реальной формой народовластия Советы не стали» [29, с. 340].

Тем не менее они являются неотъемлемой частью нашей истории — бесценной сокровищницы социального опыта. Опираясь на его позитивное содержание и отказываясь от негативных моментов, Советы и сегодня занимают определенное место в политической системе белорусского общества.

Источники и литература

1. Башко, П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март—октябрь 1917 г.) / П. К. Башко. — Минск, 1987.
2. Беларускі шлях. — 1918.
3. Богданов, М. Минский Совет рабочих и солдатских депутатов в октябрьские дни 1917 года / М. Богданов // Исторический журнал. — 1942. — Кн. 11.
4. Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918—1920 гг. — Т. 1: Февраль 1918 г. — февраль 1919 г. — Минск, 1968.
5. Вашкевич, В. В. Разгон Минской городской думы / В. В. Вашкевич // В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. — Минск, 1957.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. — Т. 1: Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль—октябрь 1917 г.). — Минск, 1957.
7. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. — Т. 2: Победа социалистической революции и упрочение советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — Минск, 1957.
8. Вестник Минского губернского комиссариата. — 1917.
9. Гісторыя Беларусі. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.). — Мінск, 2005.
10. Документы и материалы по истории Белоруссии. — Т. 3: 1900—1917 гг. — Минск, 1953.
11. Звезда. — 1920.
12. Ивашин, В. Г. Революционная деятельность Минского Совета рабочих и солдатских депутатов в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март—декабрь 1917 г.) / В. Г. Ивашин. — Минск, 1952.
13. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918 гг.) / И. М. Игнатенко. — Минск, 1962.
14. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. — Минск, 1986.
15. Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917.
16. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов (Минск). — 1917.
17. Камінскі, М. І. Мінскі губернскі ваенна-рэвалюцыйны камітэт / М. І. Камінскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 5. — Мінск, 1999.
18. Криницкий, А. (Бампи). Коммунистическая партия Белоруссии в подполье (1918 г.) / А. Криницкий (Бампи) // Пролетарская революция. — 1927. — № 8/9.
19. Круталевич, В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 — февраль 1919 г.) / В. А. Круталевич. — Минск, 1979.
20. Минская газета. — 1917.
21. Минский голос. — 1917.
22. Минский городской Совет депутатов, 1917—2012: Документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2012.
23. Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 3659.

24. Прыгунова, Е. К. Об организации Советов Белоруссии в марте—июне 1917 г. / Е. К. Прыгунова // Вопросы истории и археологии: Материалы X конференции молодых ученых по общественным наукам (июнь 1966 года) / Под общ. ред. Т. С. Горбунова). — Минск, 1966.
25. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. — Мінск, 2001.
26. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.). — Ч. 1 / М. Я. Сяменчык. — Мінск, 2001.
27. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.). — Ч. 2 / М. Я. Сяменчык. — Мінск, 2001.
28. Сяменчык, М. Я. Да пытання аб утварэнні Мінскага Савета ў 1917 г. / М. Я. Сяменчык // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. — 1995. — № 1(3).
29. Цемушаў, С. М. Саветы ад лютага да кастрычніка 1917 г. / С. М. Цемушаў // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — Вып. 4. — Мінск, 2009.

Приложения

№ 1. Сообщение газеты «Известия Совета рабочих депутатов» о состоявшемся в Минске 4 марта 1917 г. собрании служащих и рабочих, принявшем решение об организации Совета

5 марта 1917 г.

Общее собрание служащих и рабочих В. З. С.

4 марта состоялось многочисленное собрание служащих В. З. С. с участием рабочих В. З. С., представителей ж.-д. и др. рабочих.

Вначале собрание почтило память погибших в борьбе за свободу.

Всеми ораторами единогласно было отмечено, что старому порядку нанесен сокрушительный удар, но представители разрушенного строя не откажутся от попыток восстановить старый режим. Они спрятались в подполье и готовятся к борьбе с новым строем. Организация всех демократических слоев населения, ликвидация всех остатков старого порядка, немедленная организация на местах новой власти — таковы, по общему мнению ораторов, очередные задачи момента.

В связи с этим собрание единогласно признало необходимым:

1) Немедленную организацию демократических элементов, объединенных в Совет рабочих депутатов;

2) Немедленное разоружение полиции и организация милиции, составленной из демократических элементов.

Рабочие тут же избрали Временный Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов.

Известия Совета рабочих депутатов (Минск). 1917. 5 марта.

№ 2. Обращение Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов к гражданам

5 марта 1917 г.

Граждане!

Вчера, 4 марта, в 6 час. вечера, образовался Совет Рабочих Депутатов.

Главной задачей Совет считает замену старой гражданской власти в гор. Минске—властью новой, которая управляла бы в интересах широких слоев населения.

Другой неотложной задачей Совет считает упорядочение всей хозяйственной жизни города, в особенности — продовольственного дела.

Совет просит товарищей рабочих, а также и местное население сохранить спокойствие и отдельных выступлений не делать. Когда это будет нужно, Совет призовет к общему и планомерному действию.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов.

Известия Совета рабочих депутатов (Минск). 1917. 5 марта.

№ 3. Обращение газеты «Известия Совета рабочих депутатов» к рабочим города Минска с призывом выбирать представителей в Совет

5 марта 1917 г.

К рабочим г. Минска.

Товарищи! Увенчалась успехом ваша героическая борьба за великое дело свободы, за которое гибли поколения лучших сынов России. Под вашим напором, при дружной поддержке армии и всей страны пала старая власть. Вчерашние хозяева положения сошли со сцены под общие проклятия народа. Но столь славно начатое дело еще не закончено, оно только совершается. Товарищи! В ваших руках—судьба нашей родины. Темные силы напрягают все усилия, чтобы вернуть старый порядок. От вашего уменья организоваться в стройные революционные ряды зависит светлое будущее России. События не ждут. Жизнь течет бешеным потоком. Организуйтесь немедленно. Пусть распыленный до сих пор рабочий класс превратится в могучий, тесно сплоченный организм, скованный единой волей, единым страстным порывом к свободе и свету. И еще одно. Бок-о-бок с вами живут различные национальности: поляки, евреи, белорусы, литовцы. Рабочий класс всех национальностей приносит бесчисленные жертвы на алтарь свободы. Старая власть жестоко мстила, натравляя на них темные, бессознательные силы. Пусть этот час свободы пробьет для всех угнетенных национальностей. Рабочие не знают национальностей. Рабочий класс, куя свое собственное счастье, несет свет и свободу всем обездоленным и угнетенным без различия национальностей, языка и вероисповедания.

Да здравствует рабочий класс!

Да здравствует единение рабочих всех национальностей великой Руси!

Товарищи рабочие! Выбирайте своих представителей в Совет Рабочих Депутатов!

Известия Совета рабочих депутатов (Минск). 1917. 5 марта.

№ 4. Воспоминания Леонарда Зайца об организации Минского Совета рабочих и солдатских депутатов и его взаимоотношениях с Белорусским национальным комитетом

1927 г.

Абмылковы крок

(Менскі Савет Рабочых Дэпутатаў і Беларускі Нацыянальны Камітэт)

Было гэта 3 сакавіка ст. ст. 1917 г. … Усе рабочыя, санітары і служачыя Ўсерасейскага Земскага Саюзу зьбіраліся ў сталоўку Земсаюзу (цяперашні «Дом Працасьветы»), дзе мусіў адбыцца сход дзеля заслуханьня дакладу аб рэвалюцыйных падзеях у Петраградзе. Ня помню добра, хто быў абраны старшынёй сходу—здаецца, тав. Позэрн, які і зрабіў кароткі даклад аб апошніх падзеях.

Інфармацыі былі не багатыя… Але для ўсіх прысутных быў ясен адзіны, вялізарнага гістарычнага значэньня факт: манархія пала!..

У Расеі рэвалюцыя!..

Перад гэтымі фактамі — ўсё рэшта была дробязь…

І гэтыя факты настолькі ўсхвалявалі агромны натоўп слухачоў, што першы свабодны сход адбываўся занадта сумбурна.

Настрой быў надзвычайны, які толькі і можа быць у часы рэвалюцыі!..

Прамоўцы хацелі тут-жа адразу вырашыць усе набалеўшыя пытаньні праграмнага характару.

Ня помню, ці па сваей ініцыятыве, ці па даручэньні сходу, але зараз-жа пасьля сходу тав. Міхайлаў-Фрунзе энэргічна ўзяўся за арганізацыю міліцыі, запісваючы дабраахвотнікаў з прысутных, аб’ясьняючы іх правы і абавязкі. Адкульсьці раптам зьявілася зброя і чырвоныя нарукаўнікі, што мамантальна было разабранананавасьпечанымі міліцыянэрамі.

І ўсюды бегаў, даваў загады, раз’ясьняў сярэдняга ўзросту, каранасты кучаравы чалавек у фрэнчы «хакі», якому лёс суліў у недалёкай будучыне адыграць вялікую ролю аднаго са слаўных правадыроў пралетарыяту… Гэта быў у тыя часы вядомы пад прозьвішчам Міхайлава бальшавік (тав. Фрунзе).

У гэтым-жа самым пакоі, дзе арганізавалася міліцыя, адбыўся першы арганізацыйны лятучы сход Савету Рабочых Дэпутатаў г. Менску з ліку прысутных на справаздачным сходзе.

Тав. Позэрн* сабраў каля сябе асоб 10—15, найбольш рабочых і санітараў-вайсковых з розных прадпрыёмстваў Земскага і Гарадзкога Саюзаў.

Адначасна абралі старшынёй гэтага сходу тав. Позэрна, які зьвярнуўся да прысутных, кажучы, што трэба выбраць сэкратара гэтага сходу.

Хтосьці ўсклікнуў: «Сэкратара і шукаць ня трэба — гэта спэцыяльнасьць тав. Заяц-Зайцава» (я служыў тады адказным сэкратаром транспартнага аддзелу Запфронту).

Такім чынам я, нечакана для мяне, быў абраны сэкратаром першага рэвалюцыйнага сходу Савету Рабочых Дэпутатаў г. Менску.

Сход апрацаваў модус прадстаўніцтва наступнага сходу Савету — ад фабрычных прадпрыёмстваў, ад вайсковых часьцей, ад партыйных і нацыянальных арганізацыяў.

Усе ўдзельнікі сходу абавязаліся паведаміць ня толькі свае арганізацыі аб падзеях, але і суседнія, а таксама і арганізаваць выбары правамоцных дэлегатаў на далейшыя сходы Савету Рабочых і Салдацкіх Дэпутатаў. У гэты-ж вечар якімсьці чынам я спаткаўся з пакойным Лявіцкім (беларускі пісьменьнік пад псэўдонімам Ядвігін Ш.), які павёў мяне да нейкіх сваіх партыйных знаёмых, сярод якіх аказаліся масьціты народаволец пакойны Кавалік, вядомая бундыстка Гурвіч і інш., мне не знаёмыя.

Усе пераказалі тое, што ведалі з розных крыніц аб апошніх падзеях.

Я з энтузіязмам паведаміў аб апошняй сэнсацыі — аб стварэньні Савету Рабочых і Салдацкіх Дэпутатаў і прачытаў чарнавы пратакол, падпісаны т. Поззэрнам і мной, аб толькі што адбыўшымся сходзе.

На другі дзень, 4 сакавіка, я інфармаваў аб гэтым-жа часовы «Беларускі Нацыянальны Камітэт», які на дняхператварыўся з «Менскага Беларускага Т-ва дапамогі пацярпеўшым ад вайны», і прасіў выбраць правамоцнага дэлегата ў Савет ад Нацыян. Камітэту.

Якое-ж было маё зьдзіўленьне, калі на мой энтузіязм я пачуў ад прысутных гіранічную крытыку майго выступленьня ад імя Нацыянальнага Камітэту на арганізацыйным сходзе Савету.

Мне было зазначана, што няма чаго там з «нейкімі» саветаміваждацца, калі адчыняюцца для Нацыянальнага Камітэту шырокія пэрспэктывы супрацоўніцтва з сапраўднай уладай краю, якая была абрана ў Губэрскай Земскай Управе ў відзе Менскага Камітэту грамадзкага парадку і бясьпечнасьці, куды пасылае сваіх прадстаўнікоў і Бел. Нацыянальны Камітэт.

На гэту тэму найбольш мяне «крыў» і высьмеіваў благой памяці П. Аляксюк. Тут мяне паінфармавалі аб нарадзе, якая адбылася 3 сакавіка ў старшыні Губ. Земскай Управы пана Самойленка, які быў абраны грамадзянскім камандантам і, нібыта, абяцаў беларускім прадстаўнікам сваё падтрыманьне ў справе аўтаноміі для Беларусі.

Як я на сходзе Камітэту ні даводзіў, што яшчэ няма ведама, хто будзе сапраўднай уладай пасьля рэвалюцыі, ці памянёны Савет Рабочых і Салдацкіх Дэпутатаў, ці паны Самойленкі, я амаль ні ў каго спачуцьця не атрымаў.

Можа гэта было яшчэ і таму, што будучы занадта маладым на палітычным грунце працаўніком, я хутчэй сваім мужычым «нутром» адчуваў усю важнасьць і неабходнасьць для маладога беларускага руху арганічнага зьвязку

з новастворанымСаветам, але ня здолеў пераканаць у гэтым прысутных, якія па сваей дробна-буржуазнай істоце ня лічылі для сябе магчымым у тыя часы буржуазнай рэвалюцыі «альянс» з Саветам. Усё-ж-ткі часовага дэлегата «з мэтамі інфармацыйнымі» рашылі паслаць (здаецца, абралі грам. Лявіцкага), і да гэтага прычапіўся якраз той, хто найбольш па сваей абшарніцка-клясавай прыродзе мусіў быць супроць Савету — гэта праслаўуты пан Раман Скірмунт.

Гэты стары палітык і далёкабачны буржуй больш практычна падышоў да справы, зазначыўшы, што такі зьвязак для беларусоў мець ня шкодзіць, хаця, канешна, хваліцца гэтым перад кадэцкімі верхаводамі і заправіламі ня варта.

Часовасьць і нясталасьць зьвязку з Саветам «з мэтамі інфармацыйнымі» зрабілі тое, што павінна было быць — г. зн., што зьвязак наогул у хуткім часе парваўся, і шляхі Савету Рабочых і Салдацкіх Дэпутатаў і Беларускага Нацыянальнага Камітэту, на вялікі жаль, саўсім разыйшліся.

І вось цяпер, калі мінула 10 гадоў пасьля ўсіх гэтых падзей, цяпер, калі можна спакойна разабрацца і разважыць гістарычныя факты з беларускага палітычнага жыцьця часоў лютаўскай рэвалюцыі, толькі цяпер можна канстатаваць, якую агромністую хібу зрабіў Часовы Беларускі Нацыянальны Камітэт, які ня выкарыстаў магчымасьці і арганічнага зьвязку з Саветам Рабочых і Салдацкіх Дэпутатаў гор. Менску.

Калі бы дзеячы тагочаснага Камітэту былі больш далёкабачнымі і сьпелымі палітыкамі і гэты арганічны зьвязак утварылі, я схілены думаць, што першы пасьля рэвалюцыі зьезд беларускіх дзеячоў 25 сакавіка 1917 г. у Менску не паставіў бы на чале сталага Беларускага Нацыянальнага Камітэту па сваей буржуазнай істоце клясавага ворага працоўных Беларусі (якім зьяўлялася пэрсона Р. Скірмунта), які адыграў у тыя часы такую фатальную для маладога беларускага руху ролю.

Калі бы памянёны зьвязак з Менскім Саветам у свой час адбыўся, то я пераконаны, што шляхі некаторай часткі беларускай інтэлігенцыі, якія ў канцы канцоў усё-ж такі прыйшлі пад сьцягі Вялікага Кастрычніка і дыктатуры пралетарыяту, — ня былі бы такімі заблытанымі па дарозе да савецкага Менску.

Абмылковы крок 10 гадоў таму назад быў зроблены, і вынікі яго так вялікі, што яшчэ і дагэтуль ня ўсе беларускія дзеячы і ня ўсюды змаглі яго паправіць.

Л. Заяц

* С.-д. інтэрнацыяналіст, вядомы пасьля бальшавік.

Савецкая Беларусь. 1927. 20 сакавіка.

№ 5. Статья неизвестного автора в газете «Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов» с характеристикой политической атмосферы в Минске накануне Октябрьского вооруженного восстания 1917 г.

18 октября 1917 г.

Темные слухи и темные дела

По городу опять пошли темные слухи. Кто-то, кому это выгодно, усиленно распространяет их. Говорят о погромах на почве продовольственных осложнений. Ведется антисемитская агитация. Говорят о предстоящем якобы выступлении большевиков. И еще определеннее говорят о выступлении против большевиков, о вызове для этого «верных» частей и т. д.

Все слухи о предстоящем, готовящемся выступлении революционных организаций — сплошной вымысел и ложь. Эти слухи распускаются теми, кто желает вызвать такие выступления, кто желает гражданской войны. Темные силы организуются и мобилизуются. Они хотят вызвать во что бы то ни стало выступления и прибегают для этого не только к сплетням, но начинают уже и действовать.

Все эти попытки, разумеется, встретят со стороны Совета самый решительный отпор. Всех провокаторов ожидает самая суровая расправа. Всякие контрреволюционные попытки будут беспощадно подавлены, всякая погромная агитация — пресечена в корне.

Совет зорко следит за всеми происками темных людей, желающих захватить в свои руки власть и повторить корниловщину. Имена и адреса их руководителей и вождей нам известны. И в случае малейшей попытки с их стороны к активным действиям никто из них не ускользнет из наших рук.

Обращаемся ко всем политическим партиям, воинским организациям, полковым и ротным комитетам — ко всем, кому дороги свобода и интересы революции — с горячим призывом: товарищи, не верьте провокационным слухам, не поддавайтесь на провокацию. Не принимайте никакого решения помимо Совета. Осведомляйте обо всем Совет, справляйтесь обо всем в Совете.

Еще раз подчеркиваем: никакие погромы и выступления темных сил — корниловцев и т. п., допущены не будут. Мы располагаем достаточною силой, чтобы в корне подавить всякие попытки контрреволюционных выступлений.

Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 18 октября.

№ 6. Обязательное постановление Исполнительного комитета Минского Совета рабочих и красноармейских депутатов об установлении цен на картофель

24 июля 1919 г.

В последнее время владельцы огородных участков в районе города Минска и перекупщики взвинтили до неимоверно высоких размеров цену на картофель «скороспелку» урожая текущего года. В целях пресечения столь злостной спекуляции картофелем, являющимся продуктом первой необходимости, Исполнительный комитет

постановил:

1) установить цену на один пуд картофеля «скороспелки» не выше 70 рублей при оптовой продаже франко* огородов;

2) при розничной продаже на базарах установить цену на тот же сорт картофеля не выше 100 рублей за один пуд.

Цена эта почитается временной на две недели со дня опубликования сего постановления.

Подлежащим органам городской рабоче-крестьянской милиции предлагается приходить на помощь гражданам города, покупающим картофель, в случае, если продавцы будут запрашивать цены выше установленных.

Лица, уличенные в продаже картофеля по спекулятивным ценам, будут привлечены к ответственности по всей строгости военно-революционного времени, и весь посевной участок картофеля будет конфискован.

За председателя Исполнительного комитета Ф. Кюссе

И. о. городского комиссара продовольствия Каценбоген

Секретарь Антонов

Государственный архив Минской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 3—3об. Подлинник, машинопись.

* Франко (ит. franko — свободный) — условие продажи, означающее, что покупатель освобождается от расходов на погрузку, а иногда транспортировку и страхование товара, поскольку эти расходы включены в цену. — *С. Р.*

Артыкул паступіў у рэдакцыю 02.05.2012

А. А. Лашкевіч,
вядучы навуковы супрацоўнік
Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,
кандыдат гістарычных навук

ВІЦЕБСКАЕ ГУБЕРНСКАЕ ЖАНДАРСКАЕ ЎПРАЎЛЕННЕ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ЧАС РЭВАЛЮЦЫІ 1905—1907 гг.

(па матэрыялах фонду Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)

Дадзены артыкул напісаны на падставе вывучэння дакументаў фонду «Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ). Фонд налічвае 340 адзінак захоўвання, што адносяцца да дзейнасці Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення за 1899—1917 гг., а менавіта: цыркуляры Дэпартамента паліцыі Міністэрства ўнутраных спраў аб вышуку асоб па палітычных матывах, справы аб вышуку, аб узяцці пад паліцэйскі нагляд, дакументы аб вытворчасці следства наконт асоб, што падазраваліся альбо абвінавачваліся ў прыналежнасці да рэвалюцыйных арганізацый, захоўванні і распаўсюджванні адозваў, улётак, брашур і іншых выданняў антыўрадавага накірунку, стварэнні нелегальных тыпаграфій, агітацыі сярод рабочых, сялян, вайскоўцаў да спынення працы на вытворчасці, нявыплаты падаткаў, непадпарадкавання ўладам, выказванні ў абразлівай форме ў адрас імператарскай асобы і г. д.

У гэты фонд уключаны таксама дванаццаць спраў, якія маюць дачыненне да кантрразведкі Віленскай вайсковай акругі (у Першую сусветную вайну — 1-я дзеючая армія). Але аналіз апошніх не з'яўляецца мэтай нашага артыкула.

Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне, як і астатнія рэгіянальныя ўпраўленні, было створана на падставе «Палажэння аб корпусе жандараў» ад 9 верасня 1867 г. Яно падпарадкоўвалася шэфу жандараў, а з 1880 г. — Дэпартаменту паліцыі Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі. У яго функцыі ўваходзілі вышук і дазнанне па палітычных справах, нагляд за палітычна нядобранадзейнымі асобамі, навучальнымі ўстановамі, кнігавыдавецкай і кнігагандлёвай справай і іншымі аспектамі культурна-асветніцкай дзейнасці.

На чале ўпраўлення знаходзіўся ягоны начальнік, які меў двух памочнікаў: памочніка начальніка Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення ў горадзе Віцебску, Віцебскім, Веліжскім, Гарадоцкім, Невельскім, Полацкім і Лепельскім паветах; памочніка начальніка ў Дзвінскім, Рэжыцкім, Люцынскім, Себежскім і Дрысенскім паветах.

У паветах і гарадах знаходзіўся дадатковы штат Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення з вахмістраў, унтэр-афіцэраў, ротмістраў, якія непасрэдна падпарадкоўваліся адпаведнаму памочніку начальніка ўпраўлення. У складзе губернскага ўпраўлення знаходзілася таксама Дзвінская фартэцыйная жандарская каманда.

У гэтым артыкуле мы паспрабавалі вызначыць асноўныя напрамкі працы Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення ў пачатку XX стагоддзя, напярэдадні і ў час рэвалюцыі 1905—1907 гг. У гэты час яго супрацоўнікам давялося сутыкнуцца ўжо не з нешматлікімі падпольнымі гурткамі, а з даволі разгалінаванымі палітычнымі структурамі, якія былі гатовы выкарыстоўваць у барацьбе з існуючым тады рэжымам усялякія метады, у тым ліку і тэрор. Акрамя таго, у разглядаемы намі час дзейнасць рэвалюцыйнага падполля спалучалася са стыхійнымі праявамі сацыяльнага пратэсту народных нізоў (сялян, рабочых, салдат і інш.). Таму ў дадзенай публікацыі вышэйзгаданыя напрамкі праілюстраваны канкрэтнымі прыкладамі з працы ўпраўлення.

Трэба адзначыць, што даволі часта пасля завяршэння аператыўна-следчых мерапрыемстваў справы не перадаваліся ў суд, а вырашаліся адміністрацыйным парадкам альбо губернатарам, альбо на ўзроўні міністраў унутраных спраў і юстыцыі. У апошнім выпадку іх рашэнні патрабавалі санкцыі імператара. У якасці прыкладу можна прывесці справу гельванскага Віленскай губерні і павета мешчаніна Нохіма-Лейбы Гефэна, а таксама мяшчан Цалеля Зільберта, Іоселя і Таўбы Канераў, Майсея Скопа. Першага прыцягнулі да адказнасці за тое, што ён 13 красавіка 1903 г. на вяселлі ў мястэчку Нікалаеў Дрысенскага павета прамовіў тост з рэвалюцыйнымі заклікамі супраць царскай улады. Другіх затрымала паліцыя ў ноч з 14 на 15 красавіка т. г. у павятовым горадзе Дзвінску за раскідванне ўлётак наконт святкавання 1-га Мая. 23 снежня 1903 г. Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне атрымала з Дэпартамента паліцыі паведамленне аб тым, што Лейба Гефэн падпарадкаваны публічнаму нагляду паліцыі па месцы жыхарства тэрмінам на два гады. Такім жа чынам былі адданы пад паліцэйскі нагляд Цалель Зільберт, Іосель Канер і Майсей Скоп. Што ж датычыцца Таўбы Канер, то яе чакаў арышт пры паліцыі тэрмінам на адзін месяц [2, арк. 21; 3, арк. 32].

У студзені—красавіку 1904 г. памочніку начальніка губернскага ўпраўлення ў Дзвінскім, Рэжыцкім, Себежскім і Люцынскім паветах ротмістру Д. І. Гвоздзеву давялося займацца справай аб спробе гвалтоўнага прымушэння да страйку рабочых і прыказчыкаў тыпаграфіі і крамы дзвінскага купца Добрага. На працягу снежня 1903 г. і студзеня 1904 г. група невядомых патрабавала ад іх спынення працы ў гэтых установах. Тым, хто адмаўляўся, пагражалі збіццём і нават забойствам. Па гэтай справе былі затрыманы жыхары Дзвінска мяшчане Хаім Алуф, Іосіф Рэйн, Іосель Глік, браты Гірша і Хаім Эйдусы. У час вобыску жылых памяшканняў затрыманых у Хаіма Алуфа і Гіршы Эйдуса знайшлі нелегальную літаратуру, якая выдавалася габрэйскай сацыял-дэмакратычнай арганізацыяй «Бунд» і анархістамі. Але чамусьці дадзеная справа па ўзгадненні з міністэрствамі ўнутраных спраў і юстыцыі была спынена, аб чым паведаміў 24 чэрвеня 1904 г. начальніку Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення Дэпартамент паліцыі [5, арк. 2—3адв., 24—25, 29].

Губернскае ўпраўленне праводзіла шэраг аператыўна-вышуковых мерапрыемстваў на падставе запытаў, атрыманых як з асобага аддзела Дэпартамента паліцыі, які курыраваў справы палітычнага вышуку ў імперыі, так і ад калег з іншых губернскіх, а таксама чыгуначных жандарскіх паліцэйскіх упраўленняў і ахоўных аддзяленняў. Так, 1 красавіка 1904 г. яно займалася па запыце Бесарабскага ахоўнага аддзялення ў г. Кішынёве зборам звестак наконт аўтара лістоў з Невеля і Віцебска на імя віцебскага мешчаніна Якава Белінькага, які на той час пражываў у вышэйзгаданым горадзе. З дапамогай галоўным чынам жандарскага ўнтэр-афіцэра ў Невелі Смірнова было ўстаноўлена, што іх аўтарам з'яўляўся 36-гадовы сын невельскага мешчаніна Мендэль Самінскі, які зарабляў на жыццё прыватнымі ўрокамі. Адпаведна агентурнай інфармацыі менавіта ён пасля ад'езду Якава Белінькага ў Кішынёў узяў на сябе абавязкі кіраўніка невельскага рэвалюцыйнага гуртка. Звесткі аб партыйнай прыналежнасці апошняга ў вывучаных намі дакументах адсутнічаюць [4, арк. 1—7, 9—10, 12, 13—15].

Адпаведна інфармацыі, атрыманай ад калег з Пскоўскага жандарскага ўпраўлення ў ліпені 1904 г., стала вядома аб існаванні ў Полацку сіяніцкага гуртка. Пскоўскія жандары даведаліся аб гэтым з ліста сына полацкага купца Самуіла Каценельсона, які знайшлі падчас вобыску ў жыхара Пскова рэжыцкага мешчаніна Іцыка Плінера ў чэрвені 1904 г. [4, арк. 24, 25].

З пачаткам руска-японскай вайны і рэвалюцыі 1905—1907 гг. супрацоўнікі ўпраўлення сутыкнуліся з пашырэннем выпадкаў распаўсюджвання ўлётак рэвалюцыйнага зместу, выкарыстання вулічных маніфестацый з боку падпольных арганізацый бундаўцаў, сацыял-дэмакратаў, сацыялістаў-рэвалюцыянераў і г. д. Прыкладам можа служыць справа якабштацкага Курляндскай губерні мешчаніна Самуіла Шляхтмана. Апошняга затрымалі ў Дзвінску 10 студзеня 1905 г. у час разгону рэвалюцыйнай дэманстрацыі. У яго знайшлі пачак улётак пад назвай «Рускія рабочыя і вы ўсе рускія грамадзяне», выдадзеных Дзвінскай арганізацыяй Расійскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі. Яны ўтрымлівалі патрабаванні спыніць вайну ў Маньчжурыі, увесці свабоду друку і склікаць Устаноўчы сход. Па дадзенай справе вышэйзгаданага Самуіла Шляхтмана прыцягнулі да адказнасці ў якасці абвінавачванага і аддалі пад нагляд паліцыі па месцы ягонага сталага жыхарства ў мястэчку Грыўка Курляндскай губерні. Але там ён затрымаўся нядоўга і з'ехаў, па некаторых звестках, у Амерыку. Таму пастановай Віцебскай губернскай нарады ў складзе губернатара Б. Б. Гершаў-Флотава, пракурора акруговага суда Я. В. фон Ройтэрна і начальніка губернскага жандарскага ўпраўлення палкоўніка В. М. Лямзіна ад 27 мая 1905 г. справу аб Самуіле Шляхтмане прыпынілі да затрымання апошняга [7, арк. 20—22адв., 34, 41].

У час падзей 1905—1907 гг. узмацнілася і рэвалюцыйная прапаганда ў войску, аб чым сведчыць справа радавога 313-га Кінешэмскага пяхотнага палка Пятра Маркава. 25 сакавіка 1905 г. апошняга затрымалі ў казарме з улётка-

мі, якія мелі назву «Да салдат!». Яны ўтрымлівалі заклікі не страляць у народ і пераходзіць на бок рэвалюцыі. Акрамя таго, на тэрыторыі палка знайшлі шэраг падобных улётак. У час следства памочнік начальніка ўпраўлення ротмістр М. С. Сцяпанаў, які праводзіў яго, выявіў падабенства ўлётак, адабраных у Пятра Маркава і знойдзеных у палку, з аналагічнымі ўлёткамі, што праходзілі па справе аб выкрыцці ў Віцебску 2 красавіка 1905 г. падпольнай эсэраўскай тыпаграфіі. Спецыяльная экспертыза падцвердзіла дадзены факт. 15 верасня т. г. ротмістр М. С. Сцяпанаў вырашыў скончыць вытворчасць гэтай справы і перадаць яе пракурору Віленскага вайскова-акруговага суда [6, арк. 14—14адв., 39, 40—40адв., 50]. Звестак пра яе далейшы лёс, як і пра самога радавога Пятра Маркава, пакуль што не знойдзена.

У снежні 1905 г. віцебская паліцыя атрымала звесткі аб тым, што мясцовая габрэйская моладзь плануе ў бліжэйшы час правесці ў памяшканні любавіцкай сінагогі, што месцілася па Ільінскай вуліцы, сходку. Для ўдзелу ў апошняй запрашаліся адмысловыя рэвалюцыянеры-агітатары з Масквы. З мэтай прадухілення падобнага мерапрыемства паліцыя і казакі ўвечары 30 снежня 1905 г. ачапілі памяшканне гэтай сінагогі і правялі вобыск як унутраных пакояў, так і асабіста затрыманых удзельнікаў сходкі. У выніку гэтага былі знойдзены парваныя на шматкі нелегальныя пракламацыі і брашуры. Акрамя таго, у затрыманых знайшлі кінжалы, нагайкі, патроны і абоймы да розных рэвальверных сістэм. Большую частку арыштаваных вызвалілі на наступны дзень. Пад вартай засталіся студэнты Маскоўскага ўніверсітэта смаленскі купецкі ўнук Арон Розэнфельд і маскоўскі купецкі сын Майсей Раскін, а таксама шэраг мясцовых агітатараў. Паколькі, на думку прадстаўнікоў пракурорскага нагляду, не мелася важкіх падстаў для прыцягнення ўдзельнікаў сходкі да судовай адказнасці, у прыватнасці, супрацоўнікі жандарскага ўпраўлення не змаглі вызначыць персанальную прыналежнасць знойдзеных падчас вобыску ў любавіцкай сінагозе пракламацый і брашур, то гэту справу перадалі на разгляд віцебскаму губернатару для яе вырашэння адміністрацыйным парадкам. Як паведаміў 3 лютага 1906 г. у Дэпартамент паліцыі начальнік упраўлення палкоўнік В. М. Лямзін, «двадцать наиболее выдающихся участников митинга» пастановай губернатара былі арыштаваны тэрмінам на тры месяцы кожны [8, арк. 4—5адв., 12—13, 21—21адв., 23—23адв.].

У разглядаемы намі перыяд супрацоўнікі Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення займаліся выяўленнем нелегальных палітычных структур, а таксама баевікоў левых арганізацый, у прыватнасці сацыялістаў-рэвалюцыянераў. Так, 5 студзеня 1906 г. ротмістр асобнага корпуса жандараў М. С. Сцяпанаў на падставе прапановы Дэпартамента паліцыі МУС пачаў вытворчасць справы аб віцебскіх мяшчанах братах Абраме і Лейбе Бязносах і Аншэле Ціхантоўскім. Апошніх затрымалі яшчэ ў снежні 1905 г., калі тыя спрабавалі набыць у салдат 164-га Закатальскага пяхотнага палка зброю і рыштунак для яе. Пры гэтым яны спрабавалі весці палітычную агітацыю

сярод вайскоўцаў, перадаўшы ім брашуру, выдадзеную ад імя «Ваеннай арганізацыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў». У арыштаваных таксама знайшлі рэвальверы, а ў пятнаццацігадовага Абрама Бязноса — нагайку са свінчаткай. На вялікі жаль, у дадзенай архіўнай справе не захавалася больш падрабязнай інфармацыі наконт праведзеных аператыўна-следчых мерапрыемстваў, у прыватнасці, пратаколаў допытаў абвінавачаных. Урэшце рэшт Аншэль Ціхантоўскі і Лейба Бязнос пастановай Санкт-Пецярбургскай судовай палаты, юрысдыкцыя якой распаўсюджвалася і на Віцебскую губерню, ад 22 верасня 1906 г. былі асуджаны да аднаго года зняволення ў фартэцыі кожны. Непаўнагадовага Абрама Бязноса наогул вызвалілі ад судовай адказнасці [10, арк. 1—1а, 16,17—18, 62, 70].

У ноч з 7 на 8 студзеня 1906 г. адпаведна пастанове начальніка жандарскага ўпраўлення палкоўніка В. М. Лямзіна прыкамандзіраваны да дадзенага ўпраўлення паручнік Сердзюкоў правёў вобыск у доме віцебскіх мяшчан Геншафтаў па Пакроўскай вуліцы. Падставай для гэтага паслужылі агентурныя звесткі аб тым, што дом выкарыстоўваўся ў якасці канспіратыўнай кватэры, дзе выраблялася і адкуль распаўсюджвалася рознага кшталту нелегальная літаратура. У выніку вобыску былі знойдзены друкаваныя матэрыялы і ўлёткі, што адносіліся да выданняў Расійскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі і партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў для вядзення агітацыйна-прапагандысцкай працы сярод рабочых, у прыватнасці чыгуначнікаў, сялян і «нижних чинов войск». У сувязі з гэтым арыштавалі шэраг асоб, у тым ліку віцебскага мешчаніна Самуіла Геншафта і гарадоцкую мяшчанку Стэру Зарагацкіну, у пакоі якой і знайшлі вышэйзгаданую літаратуру. Па выніках расследавання справу вырашылі адміністрацыйным парадкам. Па загаду міністра ўнутраных спраў Самуіла Геншафта і Стэру Зарагацкіну па хадайніцтве начальніка губернскага жандарскага ўпраўлення выслалі ў Нарымскі край Томскай губерні тэрмінам на тры гады [9, арк. 1, 4—5, 33—34, 41].

У маі 1907 г. начальнікам Дзвінскай фартэцыйнай жандарскай каманды ротмістрам Я. М. Грыгарашам у выніку вобыску, праведзенага ў ноч з 5 на 6 мая т. г. у доме мешчаніна мястэчка Арляны Бельскага павета Гарадзенскай губерні Рувіма Гурэвіча, была ліквідавана падпольная тыпаграфія Дзвінскага камітэта партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў [16, арк. 1—3адв.].

У чэрвені—верасні 1907 г. штабс-ротмістр упраўлення А. Т. Будніцкі вёў справу наконт існавання ў павятовым горадзе Веліжы гуртка прыхільнікаў партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў. 5 чэрвеня т. г. у вышэйзгаданым горадзе былі праведзены вобыскі ў шэрагу асоб, западозраных у прыналежнасці да нелегальнай арганізацыі, у тым ліку ў мясцовага натарыуса Яўгена Салодкіна, мяшчан Блюмы Віктаравай, Гершона Лаговіера, Сары Ліозянскай і іншых асоб агульнай колькасцю трынаццаць чалавек. У іх знайшлі шэраг нелегальных выданняў сацыялістычнага характару самых розных накірункаў (эсераўскага, сацыял-дэмакратычнага, бундаўскага, паалей-сіяніцкага

і г. д.), у тым ліку працы Георгія Пляханава, Уладзіміра Леніна («Н. Ленін»), Іосіфа Сталіна («Татамянц»). Але А. Т. Будніцкі не змог знайсці канкрэтных доказаў удзелу вышэйзгаданых асоб у нелегальнай працы і дадзеная справа па хадайніцтве начальніка жандарскага ўпраўлення палкоўніка Сямёнава была спынена пастановай віцебскага губернатара Б. Б. Гершаў-Флотава ў лістападзе 1907 г. [15, арк. 7—8, 81—82, 84].

У 1905—1907 гг. пачасціліся рознага роду вулічныя акцыі палітычнага характару (маніфестацыі, мітынгі і інш.), што ладзіліся актывістамі рэвалюцыйных арганізацый. Так, на працягу 1906 г. Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне займалася справай аб праведзеным 9 студзеня 1906 г. у мястэчку Чашнікі Лепельскага павета вулічным мітынгу габрэйскай моладзі, прымеркаваным да гадавіны падзей 9 студзеня 1905 г. у Санкт-Пецярбургу («Крывавая нядзеля»). Першапачатковае расследаванне гэтай справы вялося ў супрацоўніцтве з мясцовай паліцыяй. Паколькі адсутнічала магчымасць камандзіраваць у Чашнікі афіцэра ўпраўлення, то ажыццяўленне аператыўна-следчых мерапрыемстваў даручылі прыставу другога стану Бялінскаму. І толькі на заключным этапе ротмістр асобнага корпуса жандараў Г. А. Белапольскі правёў паўторныя допыты шэрагу сведак — сялян, што з’яўляліся жыхарамі Чашнікаў і былі відавочцамі вышэйзгаданага мітынгу. Згодна з іх паказаннямі, выступоўцы на гэтым сходзе, у тым ліку каваль Мордух Арансон, мясцовы мешчанін Залман Невельсон, жонка лекара Роза Абезгаўз і іншыя асобы, заклікалі ўсіх грамадзян не падпарадкоўвацца ўладзе як ніжэйшай, так і вышэйшай, забіваць усіх яе прадстаўнікоў ад паліцэйскіх да міністраў. Сялянам прапаноўвалася адбіраць у абшарнікаў зямлю, рубіць іх лясы і г. д. Але, на думку пракурорскага нагляду, следства не змагло дакладна вызначыць, хто менавіта з дадзеных выступоўцаў прамаўляў заклікі ў падтрымку гвалтоўных дзеянняў супраць урадавых служачых і мясцовых абшарнікаў, звяржэння самадзяржаўя і абвяшчэння краіны рэспублікай. Таму губернская нарада ў складзе выконваючага абавязкі кіраўніка губерні віцэ-губернатара Н. Ф. Ашаніна, пракурора акруговага суда Ф. Ф. Мікуліна і начальніка жандарскага ўпраўлення палкоўніка Сямёнава 10 жніўня 1907 г. вырашыла спыніць дадзеную справу з-за адсутнасці дастатковых доказаў віны вышэйзгаданых асоб [12, арк. 91—94, 98—104адв., 184—190, 195—196].

У час рэвалюцыі 1905—1907 гг. актывісты рэвалюцыйных партый разгарнулі агітацыйна-прапагандысцкую працу сярод сялянства Расійскай імперыі, у тым ліку і ў Віцебскай губерні. Прыкладам таму можа быць справа, якой у лютым—красавіку 1906 г. займаліся памочнік начальніка жандарскага ўпраўлення ў Дзвінскім, Рэжыцкім, Себежскім і Люцынскім паветах ротмістр Заглухінскі і яго пераемнік на гэтай пасадзе ротмістр Сатыры. Адпаведна звестак, атрыманых ад мясцовай паліцыі, якая па даручэнні першага праводзіла папярэдняе расследаванне дадзенай справы, сяляне Эвермуйжскай воласці Люцынскага павета Франц Давыдан, Віктар Кальван, Аўгуст Саленік, а такса-

ма эсер Іван Якаўлеў (ён жа Сямёнаў) наладжвалі явачным парадкам, не атрымаўшы дазволу ад афіцыйных сельскіх улад, сходы мясцовых сялян. На гэтых мерапрыемствах яны заклікалі да непадпарадкавання вясковай адміністрацыі, абрання замест яе новых асоб, адмовы ад выплаты і выканання земскіх падаткаў і павіннасцей, выдалення абшарнікаў з іхніх маёнткаў, падзелу паміж сялянамі абшарніцкіх зямель. Акрамя таго, у затрыманых паліцыяй Віктара Кальвана, Аўгуста Саленіка і Івана Якаўлева (Сямёнава) знайшлі рознага кшталту нелегальную літаратуру, выдадзеную Паўночным Сялянскім саюзам, партыямі сацыялістаў-рэвалюцыянераў і сацыял-дэмакратаў. Да таго ж у Віцебскім губернскім жандарскім упраўленні мелася дадатковая інфармацыя аб ранейшай дзейнасці Івана Якаўлева як актыўнага функцыянера эсэраўскай партыі. Апошні ў 1904 г. прыцягваўся да адказнасці як член «Віцебскай групы партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў». Па агентурных дадзеных ён прымаў удзел, паколькі заставаўся на волі ў сувязі з унясеннем грашовага залогу, у некалькіх тэрарыстычных актах: замах на жыццё жандарскага ўнтэр-афіцэра Патрасава, які потым сканаў у выніку атрыманых ім ран; няўдалы замах на жыццё тагачаснага прыстава віцебскай паліцыі Б. М. Счансновіча. Але ўсе справы супраць яго спынілі адпаведна з царскім маніфестам ад 21 кастрычніка аб амністыі. Дадзеную справу па яе заканчэнні перадалі на разгляд Віцебскай губернскай нарады, паколькі пракурорскі нагляд не знайшоў дастатковых падстаў (не вельмі дакладныя паказанні сведак) для вырашэння яе судовым парадкам. 28 лістапада 1906 г. на пасяджэнні вышэйзгаданай нарады яна была спынена. Як паведаміў у Дэпартамент паліцыі начальнік упраўлення палкоўнік І. С. Сямёнаў, у адпаведнасці з пастановай віцебскага губернатара Б. Б. Гершаў-Флотава, Віктар Кальван, Аўгуст Саленік і Іван Якаўлеў (Сямёнаў) высылаліся ў Архангельскую губерню, прычым да моманту высылкі яны павінны былі ўтрымлівацца пад вартай [13, арк. 54—55, 65—66адв., 70—74адв., 81, 109, 125—128адв., 134—137адв.].

На пачатку дваццатага стагоддзя, асабліва ў 1905—1907 гг., падрыхтоўка тэрарыстычных актаў і спробы іх ажыццяўлення, удалыя альбо няўдалыя, сталі прыкметнай з’явай грамадска-палітычнага жыцця Расіі. Падобнай справай займаўся ў лютым—сакавіку 1906 г. памочнік начальніка ўпраўлення падпалкоўнік Зэйдліц. Яна датычылася невельскіх мяшчан Цалкі Зэліксона, Самуіла Кубланава, Ізраіля Шабашава і яшчэ аднаго невядомага. Па звестках, атрыманых невельскай паліцыяй, усе яны займаліся вырабам выбуховага прыстасавання ў кватэры Самуіла Кубланава. Вобыск, праведзены ёю ў гэтым памяшканні, падцвердзіў дадзеную інфармацыю. Па ягоных выніках Самуіла Кубланава ўзялі пад варту. Цалка Зэліксон і Ізраіль Шабашаў паспелі ўцячы. Пазней, 29 красавіка 1906 г., апошняга затрымалі ў Віцебску. Мэту выкарыстання гэтай бомбы следства дакладна не вызначыла. Па першай версіі, яе рабілі з мэтай забойства невельскага павятовага спраўніка Я. М. Бялінскага, па другой — на выпадак габрэйскага пагрому для самаабароны. Прына-

лежнасць абвінавачваных да той ці іншай арганізацыі таксама не змаглі вызначыць. Можна толькі меркаваць, што Самуіл Кубланаў, магчыма, належаў да габрэйскай сацыял-дэмакратычнай арганізацыі «Паалей-Цыён» («Працоўныя Сіона»), бо падчас вобыску ў ягонай кватэры знайшлі ўлётку «Да габрэйскай навучэнскай моладзі», выдадзеную гэтай партыяй. У сакавіку—красавіку 1906 г. падпалкоўнікам Зэйдліцам следства па справах Самуіла Кубланава і Ізраіля Шабашава было скончана, і матэрыялы перададзены ў суд. 15 сакавіка 1907 г. Самуіла Кубланава Санкт-Пецярбургская судовая палата асудзіла да высылкі на пасяленне, а Ізраіля Шабашава — да васьмі гадоў катаргі [14, арк. 3, 12—13, 17—18, 19—20, 21—21адв., 23адв.—24, 65, 87].

Супрацоўнікам Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення, як і іншым структурам палітычнага вышуку імперыі, цыркулярам Дэпартамента паліцыі ад 15 красавіка 1906 г. прадпісвалася адсочваць праявы праваманархічнага чарнасоценнага руху, прыхільнікі якога сталі выказваць імкненне да самаарганізацыі, актывізацыі прапагандысцкай дзейнасці ў якасці альтэрнатывы рэвалюцыйным партыям і арганізацыям. На Віцебшчыне дадзеная з’ява знайшла сваё адлюстраванне ў шэрагу гектаграфічных улётак ад імя «Першай рускай партыі ў абарону самадзяржаўя»: «Да рускага народа» (улётка № 1), «Да начальства» (улётка № 2), «Да вышэйшага начальства» (улётка № 3), «Да рускага народа і габрэяў» (улётка № 4), «Да святарства» (улётка № 5). Уся гэта друкаваная прадукцыя змяшчала заклікі да ўзброенага адпору «жыдоўскай смуце» і яе рускім прыхільнікам, якія ўзняліся супраць цара і праваслаўнай веры, патрабаванні да святарства актыўна весці антырэвалюцыйную прапаганду шляхам кожнадзённых казанняў і г. д. Асобная ўлётка адрасавалася стараабрадцам, якія лічыліся сапраўднымі патрыётамі, моцнымі прыхільнікамі веры і паданняў даўніны. Таму іх заклікалі да агульнай барацьбы супраць «касмапалітызму» [1, арк. 3адв.—4].

Кіраўніцтва Дэпартамента паліцыі лічыла распаўсюджванне падобных заклікаў у тагачасны перыяд непажаданым узбуджэннем адных сацыяльных слаёў супраць іншых, паколькі магло прывесці да далейшай дэстабілізацыі грамадска-палітычнага ладу ў краіне, масавых узрушэнняў. Таму Дэпартамент загадаў мясцовым жандарскім упраўленням і ахоўным аддзяленням выяўляць асоб, якія выдаюць і распаўсюджваюць такую літаратуру, і інфармаваць наконт гэтага вышэйшыя інстанцыі [1, арк. 4—4адв.].

У поле зроку жандарскага ўпраўлення траплялі ўсялякага кшталту праявы сацыяльнага пратэсту і незадаволенасці існаваўшым на той час грамадска-палітычным ладам Расійскай імперыі. У лістападзе 1906 г. супрацоўнікі ўпраўлення паручнік Сердзюкоў і ротмістр Г. А. Белапольскі займаліся справай Сяргея Смарыгі, селяніна вёскі Малае Таланкіна Чарняцоўскай воласці Невельскага павета. Апошні па звестках, атрыманых мясцовай паліцыяй, 14 верасня т. г., знаходзячыся ў гасцях у вёсцы Арэхаўка Гульцяеўскай воласці, назваў Невельскі павет дурацкім за тое, што дае навабранцаў для войска,

дадаўшы пры гэтым, што іншыя паветы губерні такога не зробяць і гэта будзе добра. На падставе дадзенай інфармацыі паручнік Сердзюкоў 2 лістапада 1906 г. вырашыў пачаць вытворчасць справы супраць Сяргея Смарыгі па абвінавачванні яго ў падбухторванні мясцовых сялян да ўхілення ад вайсковай службы. З дапамогай паказанняў сведак падцвердзілася сапраўднасць выказванняў Сяргея Смарыгі наконт гэтага. Але пры гэтым большасць з іх дадала, што апошні рабіў свае выказванні ў нецвярозым стане і таму адсутнічалі доказы таго, што абвінавачваны рабіў іх наўмысна. У сувязі з гэтым пастановай губернскай нарады ад 22 студзеня 1907 г. справу супраць яго спынілі [11, арк. 20—22адв., 31, 53].

Такім чынам, на падставе разгледжаных намі спраў можна прыйсці да наступных высноў. Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне прыкладала ўсе намаганні, каб спыніць наступ рэвалюцыйнага падполля на пачатку мінулага стагоддзя, асабліва ў час рэвалюцыі 1905—1907 гг. Першачарговай мэтай з'яўлялася спыненне дзейнасці нелегальных структур бундаўцаў, сацыял-дэмакратаў, сацыялістаў-рэвалюцыянераў і іншых палітычных партый сацыялістычнага напрамку, асабліва іх баявых арганізацый. Таксама прымаліся захады для стрымлівання праяў сацыяльнага пратэсту з боку нізоў тагачаснага расійскага грамадства. Трэба яшчэ заўважыць, што палітычны вышук імперыі лічыў неабходным адсочваць усе выпадкі палітычнай актыўнасці, уключаючы нават тых, хто аб'ектыўна з'яўляўся саюзнікам існуючага рэжыму.

Крыніцы

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Ф. 2499. — Воп. 1. — Спр. 6.
2. Там жа. — Спр. 9.
3. Там жа. — Спр. 10.
4. Там жа. — Спр. 27.
5. Там жа. — Спр. 28.
6. Там жа. — Спр. 35.
7. Там жа. — Спр. 37
8. Там жа. — Спр. 41.
9. Там жа. — Спр. 44.
10. Там жа. — Спр. 45.
11. Там жа. — Спр. 48.
12. Там жа. — Спр. 54.
13. Там жа. — Спр. 57.
14. Там жа. — Спр. 63.
15. Там жа. — Спр. 103.
16. Там жа. — Спр. 113.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.01.2012

А. М. Лукашевич,
доцент кафедры истории
Беларуси нового и новейшего времени БГУ,
кандидат исторических наук;
e-mail: lukashevand@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ОПЕРАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ (ЯНВАРЬ—МАРТ 1812 г.): ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Оперативное планирование является главной составляющей военно-стратегических планов* любого государства и остается одной из самых закрытых тем в историографии. Большинство российских оперативных планов, разработанных в начале XIX в., приходится на 1810—1812 гг. Именно в это время вырабатывались основные подходы к определению характера будущей войны против Франции и ее союзников: наступательная или оборонительная война (во всем многообразии вариантов), разрабатывались планы конкретных операций.

Выработка российского стратегического замысла войны с Францией зависела, в первую очередь, от внешнеполитических обстоятельств. Поэтому, говоря об оперативном планировании, следует учитывать, в какое время создавался тот или иной вариант войны, и к какой конечной цели он должен был привести.

В настоящее время в историографии упоминается более 30 имен авторов и более 40 различных документов с планами ведения войны против Франции и ее союзников. Однако сразу же необходимо отметить, что многие из упоминаемых лиц непосредственно не разрабатывали оперативных планов. В представленных ими записках зачастую излагались лишь общие стратегические принципы ведения войны — наступательной или оборонительной, с определенным набором соответствующих тактических приемов. Среди авторов подобных документов можно назвать следующих лиц: Г. М. Армфельд и Ж. Б. Бернадот [23, с. 427—429, 431—445], Ш.-Ф. Дюмурье [7], Е. Ф. Канкрин [3, с. 16—17], Э. Ф. Сен-При [10, с. 332—339; 19], Ф. П. Уваров [11, с. 238—241], Г. Ф. К. Штейн [24, с. 80] и др. [2, с. 466—491; 1, с. 85—108]. Многие из них имели отдаленное представление о российском оперативном планировании.

Что касается круга лиц, имевших непосредственный доступ к секретной документации оперативного плана, то он был достаточно ограниченным. К нему относились: военный министр М. Б. Барклай де Толли, председатель Военного департамента Государственного совета граф А. А. Аракчеев (на

* Под военно-стратегическим планированием понимается совокупность оперативных планов (планов военных действий), а также их политическое, экономическое и военное обеспечение.

многих архивных документах есть его пометки), военный советник императора К. Л. Фуль, управляющий квартирмейстерской частью князь П. М. Волконский, управляющий Инженерным департаментом К. И. Опперман (как директор Депо карт), а также брат военного министра — флигель-адъютант, инженер-полковник И .Б. Барклай де Толли.

При этом П. М. Волконский и И. Б. Барклай де Толли отвечали только за «техническое» обеспечение военного планирования (брат министра занимался аналитической обработкой всех планов), а А. А. Аракчеев — лишь высказывал свое мнение по представленным для ознакомления документам. Все остальные лица, в том числе родственники императора (герцог А. Вюртембергский) и даже главнокомандующие отдельными армиями (князь П. И. Багратион), не имели прямого отношения к стратегическому планированию. Они не только не обладали полнотой военно-политической и разведывательной информации, но в ряде случаев не знали даже необходимого. Все это сказывалось на качестве их предложений.

Большинство из проектов оперативных планов хранятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве и были частично опубликованы в многотомном издании «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива» [10—16]. Однако до настоящего времени предметом детального анализа историков (М. И. Богданович [2, с. 93—106, 466—491], В. И. Харкевич [24], В. В. Пугачев [18], В. М. Безотосный [1, с. 85—108], А. Л. Монахов [9]) становились лишь отдельные планы, в основном русскоязычные.

Проведенный автором статьи анализ документов позволил выделить шесть основных этапов оперативного планирования за период с февраля 1810 г. по июнь 1812 г. [6]. Наименее изученным в историографии является пятый этап, который приходится на начало 1812 г. Именно на нем и хотелось бы подробно остановиться в данной публикации.

В целом январь — март 1812 г. в оперативном плане можно расценивать с двух точек зрения. С одной стороны, как продолжение четвертого этапа (сентябрь — октябрь 1811 г.), связанного с подготовкой совместной с Пруссией наступательной операции против Княжества Варшавского. Ее разработка нашла отражение в плане прусского генерала Г. Шарнхорста (сентябрь 1811 г.) [4, с. 268—269; 5, с. 710]; втором плане И. Рюля фон Лилиенштерна (сентябрь 1811 г.) [12, с. 273]; оперативном плане «Военной конвенции» (5/17 октября 1811 г.) [8, с. 24—37; 5, с. 197—201] и предложениях генерала князя П. И. Багратиона (сентябрь 1811 г.) [11, с. 76—77].

О том, насколько в конце 1811 — начале 1812 г. в Российской империи накапливалось недовольство условиями Тильзитского мира (1807) и нарастали реваншистские настроения, свидетельствует ряд записок по оперативным вопросам отставных офицеров, представленных на высочайшее имя. Так, 11 ноября 1811 г. бывший майор гусарского полка и обер-квартирмейстер

А. Полев подготовил «Мнение об учреждении обороны, в настоящих обстоятельствах, по внешним и пограничным землям государства нашего» [21]. В нем автор выступал активным сторонником наступательной войны. Объясняя суть поданного «Мнения», А. Полев писал: «Мы тогда сами удивляться будем!.. Кому мы следовали?.. кого страшились?.. и для чего толь долго медлили, позволяя изнурять себя и всю Европу… и еще угрожать опровержением Великой нашей Империи, и возложением оков всю вселенную» [21, л. 9].

Однако из-за уклончивой позиция Пруссии, которая опасалась последствий своего союза с Россией, операция осенью 1811 г. была отложена. Однако идея нанесения первого удара по союзникам Франции не умерла.

Сохранившиеся документы Военно-ученого архива (сейчас это фонд РГВИА) позволяют рассматривать начало 1812 г. как самостоятельный этап оперативного планирования. Его суть сводилась к подготовке и проведению упреждающего удара по вероятным противникам Франции по антироссийской коалиции — Княжеству Варшавскому и Пруссии — до момента сосредоточения и развертывания основных сил Великой армии.

Подготовка этой операции нашла отражение в «Плане войны против французов и их союзников» неизвестного автора (12 февраля 1812 г., на фр. яз. [14, с. 190—192]), «Письме неизвестного» (12 марта 1812 г., на фр. яз. [15, с. 68—69]) и «Проекте плана операций русских войск в герцогстве Варшавском» герцога А. Вюртембергского (март 1812 г., на фр. яз. [15, с. 253—275]). Эти документы косвенным образом дополняет переписка М. Б. Барклая де Толли с командирами корпусов, дислоцированных на западной границе, в которых просматривается общий стратегический замысел российского командования.

Итак, какова же была политическая обстановка в это время? На начало 1812 г. пришелся заключительный этап долгой дипломатической борьбы Российской империи за Пруссию. В это время Берлинский двор стоял перед окончательным выбором: присоединиться к С.-Петербургу, чтобы совместно сражаться с превосходящим по силе противником, или окончательно подчиниться воле Наполеона.

В конце января — начале февраля 1812 г. Пруссия предприняла последнюю попытку помирить Францию с Россией и, таким образом, избавить себя от необходимости примыкать к одной из сторон. Для этого в С.-Петербург был командирован полковник К. Ф. Кнезебек. Главный военный советник Фридриха Вильгельма III должен был передать личное письмо короля, попытаться склонить имп. Александра I пойти на уступки требованиям Наполеона и тем самым предотвратить надвигавшееся военное столкновение.

В инструкции, данной К. Ф. Кнезебеку, подчеркивалось, что Россия не обладает достаточными силами для оказания Пруссии эффективной помощи в случае войны с Наполеоном. Поэтому российско-прусский союз может иметь печальное последствие: привести к окончательному французскому

завоеванию Пруссии [17, с. 347; 5, с. 289—292, 304—306, 725]. Однако миссия К. Ф. Кнезебека оказалась неудачной, поскольку имп. Александр I не изменил своего политического курса. После ее провала прусский король окончательно пришел к выводу о необходимости заключения союзного договора с Францией, который и был подписан в Париже 12 (24) февраля 1812 г. (обмен ратификациями состоялся 5 марта 1812 г.) [17, с. 592].

Как же отреагировало российское военное ведомство на окончательный отказ Берлина от союза с С.-Петербургом? Для начала М. Б. Барклай де Толли отозвал маршруты движения корпусов, которые были направлены командирам в октябре 1811 г. в целях проведения совместной операции с Пруссией, и одновременно дал новые оперативные указания.

В частности, 10 февраля 1812 г. военный министр отправил П. Х. Витгенштейну пакет (№ 68) «за печатью Императорскою». Генерал имел право распечатать его только при условиях, оговоренных в предписаниях от 8 (№ 1), 12 (№ 2) и 15 (№ 3) октября 1811 г., когда должен был «переправиться чрез Неман в Пруссию». При этом старые маршруты, отправленные 15 октября 1811 г. (№ 6) [14, с. 133], приказывалось вернуть назад. В другом письме от 10 февраля 1812 г. (№ 69) М. Б. Барклай де Толли указывал: «В самое то время, когда решитесь переправиться чрез Неман в Пруссию, изволите ни мало медля, с нарочным разослать прилагаемые при сем маршруты к войскам, означенным в списке, при сем прилагаемом. Оные войска, по обстоятельствам, получат в свое время, повеления идти вслед за Вами» [14, с. 132—133].

В тот же день, 10 февраля 1812 г., два пакета были отправлены и генералу К. Ф. Багговуту. В пакете под № 70 предписывалось: «1) Коль скоро получите чрез нарочного курьера от ген.-лейт. графа Витгенштейна известие, что он с вверенными ему войсками вступает в Пруссию, то благоволите распечатать прилагаемый при сем пакет за печатью Императорскою и по содержанию влагаемого в оном повеления, сделать точное и немедленное исполнение». Кроме того, командир корпуса должен был привести войска в полную боеготовность, но так, чтобы это не «могло бы сделать какую либо сензацию». При этом К. Ф. Багговуту предписывалось вернуть с нарочным маршруты, отправленные 15 октября 1811 г. «за № 4», и держать все «выше сказанное… в непроницаемой тайне» [14, с. 133—134]. В этом же предписании назывались и некоторые части, которые должны были принять участие в операции корпуса [14, с. 134].

Данные пакеты с указаниями были получены 21 февраля 1812 г., о чем командиры корпусов рапортовали М. Б. Барклаю де Толли, как и о готовности войск к походу. «Судить по всем обстоятельствам и по содержанию упомянутого повеления за № 70, — писал К. Ф. Багговут, — должен я ежечасно ожидать движения, не ожидая на то вторичное ваше повеление». При этом генерал отмечал, что конский состав корпуса испытывает усталость, а прови-

антских запасов хватит только на несколько дней из-за отсутствия денежных средств [14, с. 164].

Итак, в пакетах «за императорской печатью» содержались маршруты движения полков, которые прояснили бы оперативный замысел. К сожалению, они нам не известны. Однако сохранились иные документы, которые позволяют заполнить определенный вакуум вокруг российского оперативного плана ранней весной 1812 г. В этом отношении наибольший интерес представляет «План войны против французов и их союзников» неизвестного автора, датированный 12 февраля 1812 г. [14, с. 190—192].

Остановимся на сути этого документа. В преамбуле автор указал, что план составлен исходя из того, что Австрия будет сохранять нейтралитет, а Пруссия окажет только «притворное сопротивление». В случае же, если обе эти страны окажутся в стане противников, то российских сил не хватит, чтобы оказать отпор объединенным силам Франции, Пруссии, Австрии и Княжества Варшавского [14, с. 190].

Для проведения наступательной операции автор определил российские силы в 100 тыс. человек, разделенные на несколько групп. Один отряд, численностью 40 тыс. человек, должен был занять территорию Пруссии вдоль Куршской косы, начиная от Мемеля и до Кенигсберга (следуя вдоль побережья Балтики). Второй отряд, численностью в 15 тыс. человек, из Юрбурга направится к Тильзиту, а затем — на соединение с первым отрядом в район Кенигсберга. Успешное занятие этой части Восточной Пруссии, по мнению автора, должно было определить дальнейшие действия российских войск [14, с. 190].

Если первый этап пройдет без осложнений, тогда российские войска смогут занять большую часть Пруссии, прежде чем этому помешает корпус маршала Л. Н. Даву, сосредоточенный на севере Германии. Тем не менее, автор считал необходимым выставить заслон от этого корпуса [14, с. 190—191].

Одновременно с занятием Восточной Пруссии российские войска должны вступить и на территорию Княжества Варшавского. Рассредоточенные польские войска (60 тыс. человек), по мнению автора плана, объединятся для защиты своей столицы. Однако поляки не смогут рассчитывать на саксонские войска, поскольку князь Варшавский оставит их для защиты своих наследственных земель — Саксонии (Фридрих Август I не знал намерений Венского двора) [14, с. 191].

Вторжение на территорию Княжества Варшавского должно было происходить по двум главным направлениям: 10-тысячный отряд переправится через р. Неман у Олиты, проследует в направлении Гонендза (где перейдет р. Бобр в месте впадения в р. Нарев) и затем по правому берегу Нарева двинется к Щучину. Эта колонна должна соединится с отрядом, который прикрывает Кенигсберг. Главная задача этой группы — разбить польские войска,

которые будут прикрывать Варшаву с правого берега Вислы и обеспечить переправу через реку. После этого защита Варшавы станет бесполезной [14, с. 191].

Еще три небольших группы войск должны были сосредоточиться возле Пулав. Для этого 10-тысячный отряд выступает из Белостока, переправляется через р. Буг и следует к месту концентрации. Здесь он соединяется с 20-тысячным отрядом, который прибудет из Брест-Литовска. Еще один, 5-тысячный отряд, выступает из Устилуга и следует к Пулавам через Люблин. В результате возле Пулав сосредоточится 35 тыс. человек под единым командованием (при необходимости, может быть отряжен отряд против Кракова). Затем объединенный корпус должен переправиться через реки Вислу и Пилицу и энергично проследовать к Варшаве [14, с. 191—192]. По мнению автора проекта, поляки будут защищать подход к Висле, но правофланговая колонна отвлечет их внимание и заставит сконцентрироваться севернее Варшавы. Это позволит захватить столицу с юга [14, с. 192]. В ходе операции на территории Княжества Варшавского российские войска должны прибегнуть к реквизициям.

Для обеспечения успеха операции автор также предлагал принять комплекс мер, чтобы «обуздать недобрые намерения жителей наших польских провинций» (т. е. белорусско-литовских губерний), а также заключить мир с Англией и Турцией (ограничиться обладанием крепостей Хотин, Бендеры, Аккерман с прилегающими территориями). Тогда Молдавская армия, по его мнению, сформирует второй эшелон и обеспечит внутреннее спокойствие [14, с. 192].

Итак, дата документа, направления действий войск, их численный состав свидетельствуют о том, что автор был хорошо знаком с российской оперативной подготовкой предшествующего периода. Более того, по ряду элементов «План военных действий» совпадает с российско-прусской Военной конвенцией от 5 (17) октября 1811 г. Содержание же этой конвенции, кроме ее составителей, было известно (в общих чертах) только П. Х. Витгенштейну. Поэтому можно предположить, что автором «Плана войны против французов и их союзников» был либо сам командир корпуса, либо его генерал-квартирмейстер — генерал-майор Ф. Ф. Довре.

В целом же этот проект отвечал мысли М. Б. Барклая де Толли, изложенной в плане наступательной операции 1811 г., когда предполагалась «перемена правительства у ближайших беспокойных соседей» [13, с. 187—189].

Неоспоримым доказательством подготовки Российской империи к проведению в это время наступательной операции является поиск переправ через пограничные реки. 1 марта 1812 г. военный министр отдал секретный приказ генералам И. Н. Эссену, П. Х. Витгенштейну и другим о сборе подробных сведений о местах переправ. Командирам корпусов поручалось описать, до

последней лодки, все имеющиеся на реках плавательные средства, а также наличие материалов, необходимых для наведения переправ.

В частности, командир Обсервационного корпуса отвечал за сбор сведений по рекам Неман, Мречанка и Буг. Поэтому И. Н. Эссен поручил выполнение задания генерал-майору графу П. П. Палену (3-му) — в Белостокской области (по р. Бобр) и по р. Буг, а поручику Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части А. А. Бруну — по р. Мречанке. Более того, определенную помощь российским военным оказывали и гражданские чиновники. В частности, гродненскому губернатору В. С. Ланскому поручалось осмотреть и описать суда на реках Неман, Щара и по Огинскому каналу. Для выполнения этого задания сенатор командировал асессора Гродненского губернского правления В. А. Горского «... с надлежащим к исполнению сего поручения наставлением» [16, с. 148; 22, л. 124].

В течение марта задание военного министра было выполнено: исследованы реки Неман, Мречанка, Буг и Бобр, выбраны места переправ (Меречь, Гродно, Крынки, Немиров).

В частности, 7 марта 1812 г. генерал И. Н. Эссен сообщил М. Б. Барклаю де Толли, что поскольку ранее при р. Мречанке строились барки, он нашел местечко Меречь «самым удобным пунктом для переправы» и отправил туда расторопного офицера. При этом корпусной командир отмечал, что «вообще в лодках и частию в барках не будет недостатка», а вот с нужными «для постройки моста» канатами и якорями — будут проблемы. Поэтому И. Н. Эссен поручил «узнать нет ли в реке Вилии нужных для построения через Неман мосту материалов», которые могут быть полезны П. Х. Витгенштейну, «ибо доставление до самого Юрбурга будет не затруднительно» [15, с. 24—25].

Через неделю, 13 марта, И. Н. Эссен представил военному министру сведения относительно других рек своей дистанции. При этом он обратил внимание на то, что в Гродно «всегда бывает летом мост». «Начиная от Бреста в верх по реке Бугу до селения Прилук, — говорилось в документе о первом участке, — расстоянием от города верст 14, на всей сей дистанции неудобности в переправе не случается, на пространстве сем на берегу находятся суден около 70, из коих два рода, одне побольше, называемые Дубаево; на них поместиться могут, на каждой до 200 (человек. — *А. Л.*) и больше, лошадей с удобностью поставить можно 50 и больше, другой сорт Лижбы. На них помещается до 150 человек, или до 40 лошадей. От вышеозначенного селения Прилук, до селения Збунина таковых же судов до 50. Расстояние между сими селениями, тоже 14 верст, со всею удобностью до переправы» [15, с. 275—276; 22, л. 46—47].

Относительно второго участка дистанции корпусной командир докладывал: «По течению реки Буга, ниже Бреста, в селениях Казливичах, Неплях, от города полторы мили 15 судов, оттоль за одну милю в Требуны — пристань для нагрузки, где судов до 7-ми, в полмили далее, в Добронирах — пост

надзирательский, где находится паром, на котором поместиться может человек 30. Оттоль в селении Лозовицах, в полмили, такой же паром еще за полмили в селении Сивпаха, пристань для судов, где бывает нагрузка хлеба, а таковая же за милю и в Бундюгах, за сим селением деревня Крынки, где находится таможня, и там паром несравненно более, прежде объясненных и с удобностью человек до 100 помещаться может, равно как и большие тяжести могут быть перевезены. От Крынок, верстах в трех местечко Немиров, где такой же паром, какой имеется в Крынках» [15, с. 275—276; 22, л. 46—47]. Что касается участка «вниз от местечка Немирова, до места соединений реки Нура с Бугом, и вверх от селения Збунина до местечка Устилуга», то его обследование планировалось провести в ближайшие дни.

Одновременно была проведена подготовка и закупка нужных материалов. Досок в Бресте было достаточно, как и в некоторых селениях. Основная проблема заключалась в отсутствии канатов. Как отмечал 13 марта И. Н. Эссен, «канатов, кроме [тех] на которых паромы ходят, а то вовсе нет, равно и якорев, кроме Бреста» [15, с. 276]. Поэтому 19 марта 1812 г. корпусной командир заказал в Ковно один канат в 120 сажень (по 150 коп. серебром за каждый). Однако затем он узнал, что «при Виленском артиллерийском парке находится старый канат, будучи прежде употребляем, при переправах, который велено артиллерийскою экспедициею продать». Поскольку этот канат был еще пригодным, И. Н. Эссен поручил цейхвахтеру 7-го класса Андрееву приостановить продажу и использовать его по назначению. Командир корпуса просил утвердить его представление, «ибо казна имеет большие издержки, может быть и ненужные, по случаю ожидаемого прибытия понтонных рот» [15, с. 103; 22, л. 42].

Для наведения переправ генерал И. Н. Эссен также предложил использовать не артиллерийских, как предлагалось, а понтонных офицеров, которые находились в Динабурге и «здесь» без понтонов. Сами понтоны были в Брест-Литовске, а их лошади использовались на строительных работах в Бобруйске. Поэтому генерал просил разрешение «заимствовать в случае надобности канаты и якоря у означенных рот». Он также предлагал для переправы использовать и сами понтоны, а лошадей для них выбрать из числа полковых (от «палаточных ящиков») или «лучших обывательских» [15, с. 24—25].

При этом следует обратить внимание, что в рапортах командира Обсервационного корпуса И. Н. Эссена четко указывается основная цель проводимых работ — подготовка наступательной операции, и указывались ее возможные сроки. «*... О сию пору все реки еще не открылись и свободно через оные переправляться можно*, — сообщал генерал 7 марта 1812 г. военному министру, — *но в скорости должны вскрыться, и тогда всякая переправа в рассуждении разлития рек будет невозможна по крайней мере в течение одного месяца*» (выделено мной. — *А. Л.*) [15, с. 24—25; 20, л. 191].

О том, что ранней весной 1812 г. существовала вероятность проведения военной операции на территории Княжества Варшавского и Пруссии, свидетельствуют и другие документы того же периода. Наиболее интересен в этом плане анонимный документ — «Письмо неизвестного», датированый 12 марта 1812 г. [15, с. 68—69] Письмо было адресовано какому-то графу (вероятно, Н. П. Румянцеву или П. Х. Витгенштейну), а его автор был человеком хорошо осведомленным в военных вопросах [15, с. 68].

Согласно его подсчетам, Франция вместе с войсками Рейнского союза в начале войны выставит против России 300 тыс. человек. Поэтому России следует иметь в первой линии столько же, не менее 50 тыс. человек для диверсий, а также не менее 100 тыс. человек на второй линии (т. е. не менее 450 тыс. человек). При этом рекрутские депо должны быть в состоянии пополнить эти войска. Кроме того, следовало занять крепости и укрепленные позиции, заготовить фураж и боеприпасы, создать резерв лошадей, артиллерии и военных транспортов. Автор выражал уверенность, что все эти меры уже приняты, и что в таком случае российские войска «долго будут непобедимыми» [15, с. 68—69].

Более того, он считал, что не в интересах России ожидать «пока враг доберется до ваших границ», и что переход французскими войсками Одера следует рассматривать как объявление войны. Если наполеоновская армия беспрепятственно достигнет Княжества Варшавского и Пруссии, это приведет к потере российских территорий. Противник с легкостью сможет выдвинуться к Риге и, пройдя через Княжество Варшавское, займет Брест, Пинск, Минск, Могилев и Смоленск. В этом случае придется бороться не только против французской армии, но и с восставшим «польским народом» («la nation polonaise»). И тогда России, несмотря на большую армию, будет очень сложно «выбить врага из своих [польских] провинций» [15, с. 69].

Дальнейшие рассуждения автора документа и вовсе уникальны. Он обращал внимание на то, что Наполеон может отказаться от продвижения вглубь России: укрепится в российской «Польше», организует правительство, сформирует большую армию, создаст магазины и тем подготовит плацдарм для дальнейших операций. И только перезимовав, Наполеон может весной начать вторую кампанию «с еще большим упорством». В этом случае война, по мнению автора, может закончиться «не в вашу пользу» [15, с. 69]. Эти мысли совпадали со словами, высказанными Наполеоном в мае 1812 г. в беседе с К. Меттернихом накануне похода в Россию [25, р. 122].

Автор советовал России опередить французов и разбить армию Княжества Варшавского или заставить ее капитулировать. Тогда преимущество на начальном этапе войны будет на российской стороне. Неудачи, которые могли произойти в этом случае, не были бы столь катастрофичными, и силы армии можно было восстановить. При этом автор письма выражал уверен-

ность, что войска Фридриха Вильгельма III не окажут сопротивления, когда российские части вступят на прусскую территорию.

Подобные мысли о проведении наступательной операции против Княжества Варшавского были высказаны и герцогом А. Вюртембергским в предложенном им плане (март 1812 г., заслуживает отдельного последующего рассмотрения) [15, с. 253—275]. Все это свидетельствовало о серьезной подготовке к операции весной 1812 г. И только изменение к апрелю 1812 г. расстановки политических сил в Европе — заключение Пруссией и Австрией союзных договоров с Францией — предопределили отказ России от проведения наступательной операции с целью «смены правительств» у ближайших соседей. Поэтому в апреле 1812 г. начался последний, шестой, этап российского оперативного планирования, который характеризовался выработкой окончательного плана войны, и растянулся до 12 июня 1812 г.

Таким образом, документы оперативного планирования конца 1811 — начала 1812 г. доказывают, что позиция российского руководства в вопросах военно-стратегического планирования на западном театре войны находилась в постоянном развитии или динамике. Несмотря на наличие различных планов ведения войны, процесс военно-стратегического и оперативного планирования замыкался исключительно на имп. Александре I, который вплоть до начала военных действий не мог принять определенного решения.

Сравнительный анализ различных предложений начала 1812 г. свидетельствует о том, что российские войска должны были вступить на территорию Пруссии и Княжества Варшавского. При этом в предлагаемых вариантах предусматривалось не простое разорение территории вероятного противника с последующим отступлением, а уничтожение его армии, захват Варшавы и взятие под свой контроль линии Вислы. Безусловно, неизбежным следствием осуществления подобного оперативного плана стало бы провозглашение «Польского Королевства» (дабы не оставлять в тылу врага). В целом изменения в расстановке политических сил в Европе к апрелю 1812 г. предопределило отказ России от проведения наступательной операции с целью «смены правительств».

Список источников и литературы

1. Безотосный, В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году / В. М. Безотосный. — М.: «Российская полит. энцикл.», 2005. — 288 с.
2. Богданович, М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам / М. Богданович: в 3 т. — СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, И. Водова и К°, 1859—1860. — Т. I. — 1859. — IX, V, 555, [1] с.
3. Божерянов, И. Н. Граф Егор Карлович Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов / И. Н. Божерянов. — СПб.: тип. тов-ва «Общественная польза», 1897. — 286 с.
4. Вандаль, А. Сочинение: в 4 т. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи / А. Вандаль; пер. с фр. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995. — Т. IV. Разрыв франко-русского союза. — 601 с.

5. Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. первая. 1801—1815 гг.: в 8 т. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. — М.: Госполитиздат, 1960—1972. — Т. VI: 1811—1812 гг. — 1962. — 866 с.
6. Лукашевич, А. Беларусь в документах военно-стратегического планирования Российской империи (1810—1812 гг.) / А. Лукашевич // Французска-руская вайна 1812 года: еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: матэрыялы Міжнар. навук. канф., 29—30 лістап. 2002 г., Мінск / адк. рэд. К. І. Козак, В. В. Швед. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2003. — С. 17—36.
7. Лыжин, Н. П. Дюмурье в Англии и его планы во время войны 1812 и 1813 годов / Н. П. Лыжин // Русский вестник. — 1861. — № 12. — С. 427—428.
8. Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами: в 15 т. / Ф. Мартенс. — СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1874—1885. — Т. VII: Трактаты с Германией. — 1885. — 456 с.
9. Монахов, А. Л. М. Б. Барклай де Толли и планы наступательной войны в 1811—1812 гг. / А. Л. Монахов // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи / Материалы IV Всерос. науч. конф., 26 апреля 2001 г. — М., 2001. — С. 93—107.
10. Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. — Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. — Т. I. Подготовка к войне в 1810 г. — Ч. II. Входящая переписка генерала Барклая де Толли / под ред. Мышлаевского. — СПб.: Издание Воен.-ученого комитета Гл. штаба, 1900.— XII, 349, XXXVII с.; 2 л. илл., карт.
11. Там же. — Т. V. Подготовка к войне в 1811 г. (сентябрь—октябрь месяцы). — СПб.: Издание Гл. штаба, 1904. — XV, 341, XXX с.
12. Там же. — Т. VI. Подготовка к войне в 1811 г. (ноябрь месяц). — СПб.: Издание Гл. штаба, 1905. — XIII, 351, XXIV с.; 2 л. табл.
13. Там же. — Т. VII. Подготовка к войне в 1811 г. (декабрь месяц; документы без дат). — СПб.: Издание Гл. управления Ген. штаба, 1907. — XIV, 342, XXXV с.
14. Там же. — Т. IX. Подготовка к войне в 1812 г. (февраль месяц). — СПб.: Издание Гл. управления Ген. штаба, 1908. — XI, 192, XVI с.
15. Там же. — Т. X. Подготовка к войне в 1812 г. (март месяц). — СПб.: Издание Гл. управления Ген. штаба, 1908.— XV, 277, XLI с.
16. Там же. — Т. XI. Подготовка к войне в 1812 г. (апрель месяц). — СПб.: Издание Гл. управления Ген. штаба, 1909. — XXI, 415, XLV с.
17. Отечественная война 1812 года: энциклопедия. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 880 с., илл.
18. Пугачев, В. В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года / В. В. Пугачев // 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны. Сб. ст. — М., 1962. — С. 31—46.
19. РГВИА. Ф. 424. Материалы о российских пограничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях. Оп. 1. Д. 46: Записка полковника Сент-При об укреплении границ Российской империи между Балтийским и Черным морем. 1810 г.
20. Там же. Ф. 846. Военно-ученый архив. — Оп. 16. Д. 457. Входящий журнал, с 1 января по 21 марта 1812 г.
21. Там же. Д. 3392. Дело с проектами и сочинениями бывшего обер-квартирмейстера, потом гусарского полка майора, а после подполковника, свиты Его Императорского

Величества по квартирмейстерской части Полева, о военных действиях противу французов, в 1812—1815 гг.
22. Там же. Д. 3505. Входящий журнал 1812 г. (ч. II).
23. Сб. Имп. Русского исторического общества. — Т. XXI: Донесения А. И. Чернышева императору Александру I, 1810 и 1811 гг. Донесения А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву, 1811 г. и др. / сообщ. А. Ф. Бычковым. — СПб., 1877. — 494 с.
24. Харкевич, В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска / Причины войны. Подготовка обеих сторон. Планы действий. Операции до соединения русских армий под Смоленском. С 11-ю картами и планами / В. Харкевич. — Вильна: Изд. Ник. акад. Генштаба, 1901. — VI, 240, IV, IV, 9 с.
25. Metternich, C. L. W. Mémoires, documents et écrits divers, laissés par le prince Metternich, chancelier de cour d'état / Publies par son fils, le prince Richard de Metternich, classes et reunis par A. Klinkowstroem. 2 t. — Paris: E. Plon, 1880. — V. 1: Depuis la naissance de Metternich jusqu'au congrés de Vienne (1773—1815). — 372 p.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.04.2012

Ф. А. Некрашевич,
студент магистратуры
исторического факультета БГУ;
e-mail: davou@mail.ru

УЧАСТИЕ ГЕНЕРАЛОВ ОТДЕЛЬНОГО ЛИТОВСКОГО КОРПУСА В ВОЙНЕ 1812 г.: ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 июля 1817 г. (все даты даны по старому стилю) император Александр I подписал указ о создании Отдельного Литовского корпуса. Отличительной особенностью этого воинского соединения было то, что он комплектовался уроженцами западных губерний (Виленская, Волынская, Гродненская, Минская, Подольская, а также Белостокская область). Общая численность корпуса достигала 40 тыс. человек (2 пехотные и 1 кавалерийская дивизии, 1 гренадерская бригада и несколько небольших воинских подразделений). С началом восстания 1830—1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси корпус был расформирован.

Изучение боевого прошлого, особенно участия в войне 1812 г., генералов Отдельного Литовского корпуса позволит понять, какими принципами руководствовалось российское правительство, формируя высший офицерский состав этого воинского формирования.

Генералитет корпуса комплектовался офицерами российской императорской армии. Уроженцы Речи Посполитой, участвовавшие в войне 1812 г. на стороне Наполеона и вступившие в армию Королевства Польского, к службе в корпусе не допускались.

Согласно спискам генералов за 1817 [11, № 27.066], 1822 [5, прил. к с. 137], 1828 [16, с. 730—771], 1829 [17, с. 714—756], 1831 гг. [18, с. 564—605], а также другим данным [9, с. 206, 498, 532, 685, 804], в корпусе проходило службу 40 высших офицеров. Из них в войне 1812 г. принял участие 31 человек, включая всех корпусных и дивизионных начальников (29 из них впоследствии участвовали в заграничных походах). 8 генералов корпуса не участвовали в кампаниях 1812—1814 гг. Лишь один генерал, А. А. Линден 2-й, не принимал участие в войне 1812 г., но затем воевал против Наполеона в 1813—1814 гг.

Корпусом в разное время командовало четыре генерала, все они приняли активное участие в войне 1812 г.

Первый командир Отдельного Литовского корпуса Фердинанд Федорович Винценгероде (1770—1818) происходил из гессенских дворян и получил военное образование в Кассельском кадетском корпусе. В мае 1812 г. Ф. Ф. Винценгероде в третий раз поступил на российскую службу (первый раз в 1797 г., уволен в 1799 г.; второй — в 1801 г., уволен в 1807 г.) в звании генерал-майора. 7 июля 1812 г. он был назначен командиром обсервационного корпуса в Смоленске, а с 21 июля возглавил «летучий корпус», созданный

для борьбы с мародерами и для связи с корпусом П. Х. Витгенштейна. За успешные боевые действия 16 сентября 1812 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В октябре Ф. Ф. Винценгероде явился в Москву для переговоров с маршалом А. Мортье и был взят в плен [2, т. 6, с. 410]. Поскольку Ф. Ф. Винценгероде являлся уроженцем земель Рейнского союза, французы сочли его дезертиром и отправили для суда в Вестфалию. Однако возле м. Радошковичи Минской губернии он был освобожден российскими войсками [9, с. 124]. Впоследствии Ф. Ф. Винценгероде принял активное участие в кампаниях 1813—1814 гг., командовал различными корпусами. За отличие в боях 8 октября 1813 г. он был произведен в генералы от кавалерии [1]. Ф. Ф. Винценгероде пользовался исключительным расположением императора Александра I, который ценил его военные дарования. Однако, по мнению великого князя Николая Михайловича, этот генерал «не отличался никакими высокими качествами, могущими оправдать такое доверие». С одной стороны, современники отмечали личную храбрость генерала, но с другой — его нерешительность [12, т. 4, с. 515]. Ф. Ф Винценгероде был награжден российскими орденами св. Александра Невского (21.11.1812), св. Георгия 2-го класса (04.02.1813), а также св. Владимира 1-й (12.02.1814) и 2-й (1813) степеней [1].

Генерал от инфантерии Федор Филиппович Довре (1766—1846) происходил из французских дворян, переселившихся в середине XVIII в. в Саксонию. Окончил инженерную академию в Дрездене и поступил на службу в армию Речи Посполитой, а в 1795 г. был зачислен в российскую армию в звании капитана. Перед войной 1812 г. Ф. Ф. Довре занимался уточнением так называемой «Столистовой» карты Российской империи и составил несколько оборонительных планов на случай вторжения Наполеона. К началу кампании 1812 г. в звании генерал-майора руководил штабом 1-го пехотного корпуса 1-й Западной армии [9, с. 249]. Находясь на этой должности, Ф. Ф. Довре оказывал большое влияние на решения командира корпуса генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна. Генерал принимал участие в боях при Якубове (18.07.1812), Клястицах (18—19.07.1812) и Головщине (20.07.1812), а в бою на р. Свольня (30.07.1812) успешно заменил раненого командира корпуса. Затем принял участие в боях при Чашниках (19.10.1812), Смольной (1—2.11.1812), Старом-Борисове (14.11.1812), Студенке (14—17.11.1812). За заслуги Ф. Ф. Довре был награжден орденами св. Анны 1-й степени с алмазами, св. Владимира 2-й стенени. С апреля 1813 г. исполнял обязанности начальника Главного штаба Главной армии и за успешное руководство боевыми действиями 15 сентября 1813 г. был произведен в генерал-лейтенанты. 5 июля 1819 г. Ф. Ф. Довре был назначен командиром Отдельного Литовского корпуса [9, с. 249]. Он считался одним из образованнейших российских генералов своего времени [10, с. 106] и при этом пользовался авторитетом среди подчиненных [6, т. 1, с. 344].

Генерал от кавалерии Адам Петрович Ожаровский был сыном коронного гетмана П. Ю. Ожаровского и после разделов Речи Посполитой поступил на российскую службу. В 1807 г. был произведен в генерал-майоры и назначен генерал-адъютантом императора Александра I, став одним из его доверенных лиц [12, т. 17, с. 175]. К началу кампании 1812 г. А. П. Ожаровский состоял при Главной квартире 1-й Западной армии. За отличие в Бородинской битве (24—26.08.1812) был награжден золотой шпагой «За храбрость» с алмазами. Впоследствии командовал отдельным отрядом в сражениях при Тарутине (6.10.1812), Малоярославце (12.10.1812) и Красном (4—6.11.1812), за что был награжден орденом св. Анны 1-й степени. Активный участник кампаний 1813—1814 гг., 15 сентября 1813 г. был произведен в генерал-лейтенанты. По воспоминаниям современников, А. П. Ожаровский не был способным полководцем, однако обладал большой личной храбростью, которая позволяла ему успешно руководить в бою небольшими военными отрядами [12, т. 17, с. 177]. Поэтому, став генералом, большую часть службы он провел в роли адъютанта императора. Тем не менее, 17 декабря 1827 г. ему было вверено командование Отдельным Литовским корпусом.

Генерал от инфантерии Г. В. Розен (1782—1841) происходил из дворян Эстляндской губернии и свою службу начал в 1797 г. К началу войны 1812 г. командовал гвардейской пехотной бригадой и принимал участие в боях на Днепре близ Пневой слободы (9.08.1812), при Михайловке (10.08.1812), на реке Осме (13.08.1812), при Вязьме (17.08.1812), Колоцком монастыре (23.08.1812) [12, т. 22, с. 392]. За отличия в боях при Бородино и Красном Г. В. Розен был награжден орденами св. Анны 1-й степени и св. Георгия 3-го класса [9, с. 620]. Впоследствии принимал участие в боях под Можайском (27—28.08.1812), с. Крымском (29.08.1812), с. Добрым (5.11.1812). В составе российского гвардейского корпуса Г. В. Розен принял активное участие в кампаниях 1813—1814 гг. и 30 августа 1813 г. ему был присвоен чин генерал-лейтенанта. 27 октября 1827 г. Г. В. Розен был назначен командиром Отдельного Литовского корпуса, став его последним начальником. Военный историк А. К. Пузыревский характеризовал его как человека образованного, но слабого [13, с. 21].

Среди дивизионных начальников корпуса в кампании 1812 г. наиболее ярко проявили себя Михаил Федорович Влодек (1780—1849), Федор Григорьевич Гогель (1775—1827) и Еремей Яковлевич Савоини (1776—1836).

Генерал-лейтенант М. Ф. Влодек происходил из дворян Виленской губернии, свою службу начал в 1800 г. поручиком лейб-гвардии Конного полка. К началу кампании 1812 г. М. Ф. Влодек находился в свите Александра I, но затем был выслан из Главной квартиры в Смоленске по подозрению в шпионаже [9, с. 131]. Обвинения оказались ложными, и М. Ф. Влодек принял участие в преследовании отступавшей французской армии. За отличие в сражении под Красным ему был пожалован орден св. Анны 2-й степени с алма-

зами. Затем участвовал в кампаниях 1813—1814 гг. и 15.9.1813 г. был произведен в генерал-майоры [1]. За Лейпцигское сражение был награжден золотой шпагой «За храбрость» с алмазами, а за взятие Парижа — орденом св. Анны 1-й степени.

Командир 25-й пехотной дивизии корпуса генерал-лейтенант Ф. Г. Гогель происходил из французских дворян и в одиннадцатилетнем возрасте был записан вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. Образование сын обер-директора Московского воспитательного дома получил в Кольмаре (Эльзас). Действительную военную службу Ф. Г. Гогель начал 1 января 1792 г. К началу войны 1812 г. полковник Ф. Г. Гогель командовал егерской бригадой 26-й пехотной дивизии. Во главе бригады сражался под Миром (27—28.06.1812) и Романовом (2.07.1812), Салтановкой (11.07.1812), Смоленском (4—5.08.1812), Шевардином (24.08.1812), Бородином. Принимал участие в арьергардных боях, затем — в боях под Вязьмой и Красным (награжден орденом св. Анны 1-й степени). За отличие в кампании 21.11.1812 г. Ф. Г. Гогель был произведен в генерал-майоры [9, с. 194]. В период заграничных походов принимал участие в осаде Модлина, а затем Гамбурга, за что был награжден орденом св. Георгия 3-го класса. Ф. Г. Гогель был популярен в войсках, и его подчиненные сохранили о нем «благоговейные воспоминания». Генерал также не был обделен навыками сыска. Во время восстания Черниговского пехотного (29.12. — 3.01.1825) полка сыграл видную роль в расследовании причин этого выступления [8, т. 1, с. 178—179].

Командир 24-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Е. Я. Савоини родился в семье выходцев из Италии. В возрасте 8 лет был записан сержантом в кавалерийский полк. К началу войны 1812 г. полковник Е. Я. Савоини командовал бригадой 26-й пехотной дивизии. Принял участие в боях при Салтановке и под Смоленском. При Бородино Е. Я. Савоини был дважды ранен картечью и за отличие в боевой службе был произведен в генерал-майоры. Из-за полученных ранений Е. Я. Савоини пропустил два месяца кампании, а затем принял участие в боях у д. Жерновка (отмечен золотой шпагой «За храбрость» с алмазами) и под Красным [9, с. 635]. Участвовал в кампаниях 1813—1814 гг. (Дрезден (14—15.08.1813) и Лейпциг (4—7.10.1812), блокада Модлина (16.02. — 19.11.1813) и Гамбурга (9.12. — 13.09.1814)) и был награжден орденами св. Владимира и св. Георгия 3-й степени. Историк А. И. Михайловский-Данилевский характеризовал его как справедливого и строгого командира, снискавшего уважение и привязанность своих подчиненных [8, т. 2, с. 167].

Война 1812 г. стала важной вехой в биографии всех вышеупомянутых генералов, однако именно состоявшему при начальнике Литовской уланской дивизии генерал-майору Л. А. Нарышкину (1785—1846) она помогла совершить просто головокружительный карьерный взлет. К началу кампании 1812 г. сын обер-камергера служил всего лишь в чине ротмистра в Изюмском

гусарском полку. За отличие в Бородинском сражении был произведен в майоры [19, с. 217]. Затем Л. А. Нарышкин, состоявший при Ф. Ф. Винценгероде, попал в плен вместе со своим начальником. Вскоре после освобождения казаками под Витебском был произведен в подполковники. Не менее активное участие Л. А. Нарышкин принял и в заграничных походах российской армии. За храбрость, проявленную в Калишском сражении, был награжден орденом св. Анны 2-й степени с алмазами и чином полковника [1]. Однако на этом подвиги лихого кавалериста не закончились. В сражении при Денневице (25.08.1813) он отбил у неприятеля 8 орудий, за что получил орден св. Георгия 4-го класса, а за отличие в Лейпцигском сражении Л. А. Нарышкин был произведен в генерал-майоры [9, с. 498].

Война 1812 г. оказала большое влияние на развитие общественно-политической мысли в Российской империи. Вскоре после окончания наполеоновских войн в стране стали возникать тайные общества, большое распространение получило масонство. Сразу восемь генералов Отдельного Литовского корпуса состояли в масонских ложах (А. И. Бартоломей 1-й, В. В. Дризен 2-й, Е. Г. Игельстром 2-й, В. М. Кишкин 2-й, А. А. Линден 2-й, Л. А. Нарышкин 1-й, Л. И. Пинабель, П. П. Сухтелен 2-й) [15]. Все они были ветеранами наполеоновских войн и участниками войны 1812 г.

Среди участников тайных обществ следует выделить командира 2-й бригады Литовской уланской дивизии Г. Г. Игельстрома. Во время войны 1812 г. в чине полковника он командовал Волынским уланским полком. За заслуги в боях 10 мая 1814 г. был произведен в полковники [14, с. 357]. Имя Г. Г. Игельстрома не раз прямо либо косвенно было связано с тайными обществами. В 1826 г. генерал довольно формально вел следствие по делу «Общества Друзей», существовавшего в Литовской уланской дивизии. Член нескольких масонских лож, он был отцом Г. Г. Игельстрома, организатора выступления Литовского пионерного батальона в декабре 1825 г. [4, с. 73]. Тем не менее, генерал так и не стал объектом преследования со стороны российских властей.

Из генералов, не принимавших участие в войне 1812 г., следует выделить генерал-майоров М. Г. Брайко (1785—1846) и М. Е. Хитрово (1765—1848). М. Г. Брайко в период войны в чине капитана служил в Дворянском полку. Впоследствии он командовал бригадой в Отдельном Литовском корпусе и играл видную роль в российской армии [3, с. 190]. М. Е. Хитрово принимал активное участие в русско-турецких войнах 1788—1792 гг. и 1806—1812 гг., в походе российских войск в Италию в 1799 г. Однако из-за проблем со здоровьем генерал-майор М. Е. Хитрово был вынужден в 1811 г. выйти в отставку. В 1816 г. он вернулся на службу и непродолжительное время командовал пехотной бригадой в Отдельном Литовской корпусе [12, т. 28, с. 334].

Анализируя участие генералов Отдельного Литовского корпуса в войне 1812 г., следует отметить, что они внесли значительный вклад в победу рос-

сийской армии. В период войны в своем абсолютном большинстве они имели чин полковника либо генерал-майора. Будущие генералы Отдельного Литовского корпуса продемонстрировали личную храбрость в ключевых сражениях войны (многие из них получили ранения), которая была отмечена высшими наградами Российской империи. При этом в ходе кампании они не участвовали в принятии стратегически важных решений (за исключением Ф. Ф. Довре), так как руководили армейскими полками и бригадами либо небольшими кавалерийскими отрядами.

Уровень образованности генералов Отдельного Литовского корпуса был различным. Такие интеллектуалы как Ф. Ф. Довре, зарекомендовавший себя прекрасном картографом, и П. П. Сухтелен, который знал пять иностранных языков и был членом известных научных обществ [8, т. 4, с. 99—100], служили вместе с такими генералами, как В. М. Кишкин 2-й, который с трудом мог написать свою фамилию [7, с. 199].

Говоря о личных качествах генералов, следует выделить основные черты, присущие в большей или меньшей степени практически каждому из них: строгое следование приказам начальства, доверительные отношения с императорским двором, умение найти общий язык с подчиненными. Отдельный Литовский корпус был не просто крупным армейским подразделением, а также и национальным воинским формированием. Поэтому российское правительство хотело видеть в корпусе в первую очередь лояльных трону генералов, способных при этом не вызывать раздражение у подчиненных, большинство из которых было уроженцами белорусско-литовских и украинских губерний. Этим можно объяснить тот факт, что многие генералы корпуса, особенно в начальный период его существования, были по происхождению иностранцами. Для них национальность их подчиненных не играла существенной роли.

Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть высшего офицерского состава Отдельного Литовского корпуса получила генеральские чины именно за заслуги в кампаниях 1812—1814 гг. Формируя высший командный состав Отдельного Литовского корпуса, российское правительство оценивало не только боевые способности генералов, но и их личные качества, такие как лояльность к власти и толерантность.

Список источников и литературы

1. Биографии генералов русской армии 1812—1815 гг. [Электронный ресурс] / интернет-проект «1812 год». — М., 2001. — Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/persons/russ/index.html?start=10&step=10&sort=name&reverse=no&alfa=3. — Дата доступа: 20.12.2011.
2. Военная энциклопедия: в 18 т. / редкол.: В. Ф. Новицкий [и др.]. — С.-Петербург, 1911—1913. — Т. 1—18.
3. Волков, С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II / С. В. Волков. — М.: Центрполиграф, 2010. — Т. 1. — 756 с. — Т. 2. — 830 с.

4. Декабристы: биографический справочник / М. В. Нечкина [и др.]. — М.: Наука, 1988. — 446 с.
5. [Ермолов, А. П.] Записки Алексея Петровича Ермолова: с приложениями / А. П. Ермолов. — М.: Университетская типография (Катков и К°), 1865. — Т. II. — 726 с.
6. Лукашевич, А. М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII в. — 1812 г.) / А. М. Лукашевич. — Минск: БГУ, 2010. — 317 с.
7. Маркграфский, А. История лейб-гвардии Литовского полка / А. Маркграфский. — Варшава: тип. Варшавского жандармского округа, 1887. — 606 с.
8. Михайловский-Данилевский, А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Воен. Галерея Зимнего дворца: Жизнеописания / Изд. В. Межевича, И. Песокого; по материалам А. В. Висковатова; портр. с подлинников Дова рис. париж. худож. Гюо и Долле. — СПб.: (В тип. К. Крайя), 1845. — Т. 1. — 308 с. — Т. 2. — 244 с. — Т. 4. — 252 с. — Т. 6. — 354 с.
9. Отечественная война 1812 года: Энциклопедия / Гос. ист. музей, Федер. арх. служба России. — М.: Росспэн, 2004. — 878, [2] с.
10. Павлюк, К. К. История 51-го Пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка: в 2 т. / К. К. Павлюк. — Одесса: тип.-лит. штаба Одесс. воен. окр., 1909. — Т. 1. — 490 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. — СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830—1851. — Т. XXXIV: 1817. — 1830. — 959 с.
12. Половцов, А. А. Русский биографический словарь: [в 25 т.] / издан под наблюдением пред. Имп. Рус ист. общества А. А. Половцова. — Санкт-Петербург: Имп. Рус. Ист. общество, 1896—1918. — Т. 1—25.
13. Пузыревский, А. З. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. / А. З. Пузыревский. — С.-Петербург: тип. Штаба войск гвардии и Петерб. Воен. окр., 1886. — Т. 1: Польско-русская война 1831 г. — 446 с.
14. Серков, А. И. Русское масонство, 1731—2000 / А. И. Серков. — М.: РОССПЭН, 2001. — 1222 с.
15. Соколовская, Т. Материалы по истории масонства в прежней русской армии / Т. Соколовская // Русская старина. — 1907. — Т. 130. — № 6. — С. 659—668; Т. 131. — № 7. — С. 197—216.
16. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. — СПб.: Военная тип. Главного Штаба е. и. в., 1828. — 1042 с.
17. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. — СПб.: Военная тип. Главного Штаба е. и. в., 1829. — 1008 с.
18. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. — СПб.: Военная тип. Главного Штаба е. и. в., 1831. — 1105 с.
19. Столетие Военного министерства. 1802—1902. — Т. III. Отд. IV. Память о членах военного совета. Портреты и биографические очерки / сост. Н. М. Затворницкий. — СПб.: Тип. поставщиков Двора е. и. в. М. А. Вольф, 1907. — 781 с.
20. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796—1825) [Электронный ресурс] / артель интернет-проекта «1812 год». — Москва, 2001. — Режим доступа:

http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Podmazo/index.html. — Дата доступа: 20.12.2011.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.04.2012

А. М. Латушкін,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта БДУ,
кандыдат гістарычных навук,
прац. т. 209-57-06;
e-mail: archives@tut.by

ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ СТРАТЫ НЯСВІЖСКАГА АРХІВА КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ У ПАЧАТКУ XIX ст. (СПРАВА К. КВЯТКОЎСКАГА)

Праблема пошуку і вяртання культурных каштоўнасцей, у тым ліку дакументальных, мае не толькі навуковае, але і дзяржаўнае значэнне. Прыярытэтнымі задачамі для яе вырашэння з'яўляюцца ўсебаковае даследаванне гістарычных абставін кожнага эпізоду страты архіваў, выяўленне іх сучаснага месцазнаходжання, навуковае і, калі магчыма, юрыдычнае абгрунтаванне падстаў вяртання страчанай спадчыны ў краіну паходжання. Важнае месца ў тэме згубленых нацыяй архіўных каштоўнасцей займае Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў.

Мэта даследавання, вынікі якога прадстаўлены ў дадзеным артыкуле, — асвятленне выпадку крадзяжу буйнога комплексу рукапісаў са складу Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў, здзейсненага ў пачатку XIX ст. бібліятэкарам князя Дамініка Гераніма Радзівіла К. Квяткоўскім, і выяўленне месца іх сучаснага захоўвання.

Шляхі, якімі айчынныя архіўныя каштоўнасці на працягу гісторыі пакідалі зборы іх стваральнікаў, не заўжды былі звязаны з гвалтоўнымі дзеяннямі заваёўнікаў. Здараліся выпадкі незаконнай змены ўласніка архівалій і ў мірны час. Адзін з іх звязаны з дзейнасцю К. Квяткоўскага — служачага князя Дамініка Гераніма Радзівіла (1786—1813). Каятан Квяткоўскі (1769/1770? — 1852) — асоба дастаткова вядомая ў палітычных, а таксама навуковых колах свайго часу [8]. З 1804 г. па верасень (кастрычнік?) 1810 г. ён працаваў бібліятэкарам у Нясвіжскім замку. Акрамя бібліятэкі, яго абавязкі, відаць, распаўсюджваліся на ўвесь збор радавых каштоўнасцей як бібліятэчнага, так музейнага і архіўнага характару: у судовых дакументах К. Квяткоўскі названы як «bibliotekarz i konserwator manuskryptów, numizmatów i roznych przedmiotów naukowych Domu Radziwiłłowskiego» [1, s. 42]. У другой палове 1810 г. ён быў зняты з пасады па прычыне невыканання службовых абавязкаў. У сувязі з гэтым 15 верасня 1810 г. апеляваў да Дамініка Радзівіла з Навагрудка, доказваў несправядлівасць такога рашэння. Апеляцыя дазваляе дапусціць, што абвінавачванні тычыліся інвентарызацыі збораў. Абвінавачванняў у прысваенні кніг і рукапісаў тады не прад'яўлялася.

Як высветлілася пазней, за час працы К. Квяткоўскі незаконна завалодаў каля 700 адзінкамі радзівілаўскіх дакументаў і кніг. Гандаль старажытнасцямі К. Квяткоўскі вёў ужо ў 1813 г. з Адамам Чартарыйскім [4, s. 93, przyp. 18]; у

1817 г. пры пасрэдніцтве Я. Лялевеля з Віленскім універсітэтам [7, s. XXVIII]. Аднак галоўным накірункам збыту для былога бібліятэкара стала прыватная калекцыя графа Тытуса Дзялынскага (1796—1861). Апошні ў 1821 г. выкупіў у яго вялікую партыю кніг і рукапісаў. Па сцвярджэнні польскіх даследчыкаў кошт набытку складаў 12 000 пол. злотых, ці 2000 дукатаў. Аб'ём, паводле звестак Е. Затхея, склаў 96 рукапісаў і збор іншых актаў, па даных Р. Яворскага, — 698 найменняў [7, s. XXVIII; 4, s. 93; 2, s. 191—218].

У фондах Бібліятэкі Польскай акадэміі навук у г. Курніку (Познанскае ваяводства), якая паўстала на базе фамільных збораў Дзялынскіх, захаваліся дакументальныя пацвярджэнні здзелкі паміж Т. Дзялынскім і К. Квяткоўскім — распіскі ў атрыманні грашовых сум і спіс набыткаў [1, k. 1—5, 48—74 v.]. Асобную вартасць уяўляюць таксама дакументы судова-працэсуальнага характару, што адносяцца да справы К. Квяткоўскага [1, k. 10—43 v.]. Гэтыя матэрыялы — каштоўная крыніца па гісторыі дакументальных страт Беларусі. Яны фіксуюць юрыдычныя аспекты праблемы, а таксама маюць вялікае значэнне для ідэнтыфікацыі матэрыялаў у складзе сучасных збораў (намі рыхтуецца іх публікацыя). Акты сведчаць, што здзелка адбылася 10—16 ліпеня 1821 г. у Варшаве пры пасрэдніцтве Эдварда Рачынскага, таксама вядомага збіральніка старажытнасцей, заснавальніка сучаснай Бібліятэкі Рачынскіх у Познані. Як сведчаць дакументы, кошт здзелкі быў утрая большы — 36 000 пол. злотых, ці 6000 дукатаў, без уліку працэнтаў за адтэрміноўку выплаты. Канчаткова бакі разлічыліся 5 ліпеня 1823 г. [1, k. 1—5]. Спіс набытага ўключае 698 пазіцый пераважна манускрыптаў. Храналагічна рукапісы ахопліваюць перыяд з XIII (XV?) па XVIII ст. Галоўным чынам яны асвятляюць гісторыю Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы. Аднак маюцца і матэрыялы рэлігійна-філасофскага, літаратурнага характару. Напрыклад, чатыры тамы сярэднявечных рукапісаў XIII (XV?) — XVI стст. (адз. зах. 27, 30, 632, 1670, ідэнтыфікаваныя як радзівілаўскія польскімі даследчыкамі В. Пацехам, Е. Затхеем) [7, s. XXIX, 77, 30, 550]. Каштоўнейшы з іх — зборнік хрысціянскіх тэкстаў на лацінскай і французскай мовах XIII—XV стст. (адз. зах. 27). Буйны комплекс актаў складаюць арыгіналы дакументаў перыяду панавання вялікіх князёў літоўскіх і каралёў польскіх ад Жыгімонта I да Аўгуста II. Між іншым гэта матэрыялы сеймаў і сеймікаў, трактаты, прамовы, дакументы, што тычыліся войн са Швецыяй і Турцыяй, карэспандэнцыя манархаў з рознымі асобамі (пераважна Радзівіламі), дзённікі падарожжаў, творы Андрэя Крыцкага (1482—1537), Станіслава Любамірскага (1642—1702), Яна Андрэя Морштына (1621—1693) і інш.

Зараз асноўная частка гэтых дакументаў захоўваецца ў той жа Бібліятэцы Польскай акадэміі навук у Курніку. Правеніенцыя набытых у 1821 г. дакументаў адзначана ў каталогах бібліятэкі — «са збораў К. Квяткоўскага». Гэта каля 70 адз. зах. [3; 5; 12, s. 87]. Намі складзены спіс дадзеных манускрыптаў (Дадатак 1). Да ўказанай прыкметы адносяцца нумары 1—72 спіса. Дзесяці-

кратная розніца ў колькасці (698 і 72 адзінкі) тлумачыцца, відаць, тым, што ў працэсе захоўвання ў бібліятэцы асобныя акты маглі фарміравацца разам у буйныя тамы рукапісаў, улічаныя як адна адзінка. Асобныя акты маглі быць змяшаны з дакументамі іншага паходжання, іх правеніенцыя магла быць страчана. Па пэўных прычынах некаторыя дакументы маглі выйсці са складу бібліятэкі.

Важнай праблемай з'яўляецца ідэнтыфікацыя ў агульнай масе дакументаў бібліятэкі і ў комплексе, закупленым ад К. Квяткоўскага менавіта радзівілаўскіх актаў. Асноўныя падыходы да яе вырашэння абазначаны яшчэ ў 20-я — 30-я гг. XIX ст. архіварыусамі Радзівілаў і Вітгенштэйнаў, якія былі заклапочаны праблемай дакументальных страт найкаштоўнейшага радавога збору і, уласна, з'яўляліся ініцыятарамі судовага разбіральніцтва па справе К. Квяткоўскага.

Факты, што сведчылі аб завалоданні бібліятэкарам К. Квяткоўскім давераных яму нясвіжскіх каштоўнасцей, праявіліся ў перыяд дзейнасці т. зв. Радзівілаўскай камісіі і Пракураторыі радзівілаўскай масы, першая з якіх займалася задавальненнем прэтэнзій крэдытораў да радзівілаўскай маёмасці, падзелам спадчыны Дамініка Радзівіла паміж спадкаемцамі, другая — пераважна часовым кіраваннем уладаннямі. 16 чэрвеня 1818 г. выйшла пастанова Радзівілаўскай камісіі да былых служачых князя Дамініка з патрабаваннем вяртання любой службовай дакументацыі, якая магла б адносіцца да спраў Радзівілаў. 19 ліпеня 1819 г. К. Квяткоўскі ў адказ на яе здаў 20 найменняў кніг і дакументаў Радзівілаў. Аднак яны не мелі нічога агульнага з яго пасадай, а былі пакінуты яму, па яго ўласным сцвярджэнні, Язэпам Расінскім, касірам (князя Дамініка?) у Заблудаўскім графстве. Гэты факт усё ж стаў прычынай абвінавачванняў К. Квяткоўскага ў беспадстаўным трыманні дакументаў Радзівілаў, якія не адносіліся да профілю бібліятэкі. Акрамя таго, у гэты час і асабліва пасля 1821 г. факты гандлю К. Квяткоўскім рукапісамі сталі вядомымі грамадскасці. Усё гэта справакавала спецыяльнае расследаванне гісторыі дзейнасці гэтай асобы пры двары князя Дамініка.

Першы раз судовыя прэтэнзіі аб прысваенні кніг, манускрыптаў і калекцыі манет роду Радзівілаў прад'яўляюцца К. Квяткоўскаму Судом Радзівілаўскай камісіі ў 1823 г., аднак безвынікова. Згодна з сцвярджэннем абвінавачанага, бібліятэка была ім упарадкавана і пры звальненні ў 1810 г. здадзена ва ўсёй сваёй паўнаце і ў належным парадку харужаму Дамініка Радзівіла Мацкевічу. Сведчаннем гэтага было ўзнагароджванне яго князем грашовай сумай у памеры 6000 пол. злотых, даказаная дакументальна. Ускосна аб заслугах К. Квяткоўскага сведчыла і рашэнне князя аб наданні яму маёнтка ў 1808 г., што, аднак, не было рэалізавана. За бязвіннасць К. Квяткоўскага паручыўся і тагачасны пракуратар Радзівілаўскай масы Міхал Залескі, які падчас працы К. Квяткоўскага займаў пасаду генеральнага паўнамоцнага прадстаўніка князя Дамініка. Адносна ж паходжання манускрыптаў, якімі гандляваў К. Квят-

коўскі, ім сцвярджалася, што гэта плён збіральніцкай працы яго асабіста і часткова яго бацькі. Апрача здадзеных у 1819 г. 20 адзінак актаў нічога з уласнасці Радзівілаў ён не меў. У выніку прысяга, дадзеная К. Квяткоўскім 28 студзеня 1824 г. перад Трыбуналам першай інстанцыі Мазавецкага ваяводства, стала падставай для поўнага зняцця з яго абвінавачванняў.

Судовыя разбіральніцтвы па справе аднавіліся ў 1829 г., калі генеральнага пракуратара М. Залескага змяніў на пасадзе Ізыдор Сальмановіч. Адметна, што доказы да абвінавачванняў для чарговага працэсу былі падрыхтаваныя архіварыусам Мікалаем Маліноўскім (1799—1865) [14, с. 218—222]. З 1828 г. ён займаў пасаду загадчыка «Генеральнага архіва Пракураторыі масы ўладанняў Радзівілаў і Вітгенштэйнаў». Аснову яго складаў Нясвіжскі архіў Радзівілаў, вывезены з Нясвіжа ў Вільню. На канец 1820-х гг. стан архіва па пэўных прычынах аказаўся паграмжальны [13]. Адной з першых мер, распачатых М. Маліноўскім, быў пошук і вяртанне дакументаў, выдадзеных з архіва або якія на іншых падставах пакінулі яго склад у ранейшы час. Тады ім і былі падрыхтаваны аб'ёмныя паведамленні аб стане прынятага пад загадванне збору, а сярод іх — «Заява ў суд Радзівілаўскай камісіі на К. Квяткоўскага» [15, арк. 15 адв.—16; 1, k. 10—23]. У дадзеным дакуменце выкладзены пераканальныя аргументы, што ўказвалі на нясвіжскае паходжанне рукапісаў, якімі гандляваў К. Квяткоўскі. М. Маліноўскі з'яўляўся выпускніком Віленскага ўніверсітэта, быў добра знаёмы з гістарычнай літаратурай, кантактаваў з навукоўцамі. Да яго безумоўна даходзілі звесткі аб дзейнасці К. Квяткоўскага. Так, напрыклад, аб гэтым дзеячы як аб «крадзяжы кніг» пісаў Я. Лялевель [9, s. 162]. Новыя ўладальнікі радзівілаўскіх дакументаў, закупленых у бібліятэкара, сталі публікаваць найбольш каштоўныя з іх: Ян Казімір Вайціцкі, бібліятэкар і захавальнік збораў Т. Дзялынскага, у перыядычным выданні «Dziennik Warszawski» за 1827 г. змясціў 13 дакументаў, у тым ліку лісты Жыгімонта Аўгуста да Барбары Радзівіл, Станіслава Ласкага, Мікалая Радзівіла Рудога і іншых асоб; Мікалая Трэбухоўскага да Мікалая Радзівіла Чорнага; Канстанціна Астрожскага, ваяводы кіеўскага да Мікалая Мельца 1567 г.; Станіслава Варшэвіцкага да Мікалая Крыштафа Радзівіла 1572 г., дамову паміж Янам Хадкевічам і Радзівіламі 1572 г.; наказ Радзівілаў паслам да Жыгімонта Аўгуста і інш. Больш таго, сам К. Квяткоўскі ў азначаны час ужо не ўтойваў складу сваіх калекцый. У 1823 г. (у год, калі ішоў працэс па яго справе!) ён апублікаваў даследаванне, прысвечанае гісторыі панавання Уладыслава IV («Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV, króla polskiego». Warszawa, 1823), дзе ў якасці асноўнай базы крыніц назваў дакументы прадстаўнікоў роду Радзівілаў «з уласных збораў аўтара». Больш таго, у 1829 г. ім быў распаўсюджаны каталог «асабістых» кніг і рукапісаў, што прапаноўваліся на продаж, які ўтрымліваў акты роду Радзівілаў і іншыя матэрыялы, у цэлым, недасягальныя для калекцыянера такой заможнасці, як К. Квяткоўскі. Дадзены спіс і стаў у руках М. Маліноўскага і Пракураторыі Радзівілаўскай масы

важнейшым аргументам супраць былога бібліятэкара. Быў праведзены параўнальны аналіз каталога 1829 г. і нешматлікіх выпадкова захаваных у складзе Нясвіжскага архіва вопісаў замкавых збораў (больш поўныя вопісы іх не захаваліся ці, як меркавалася, былі свядома знішчаны бібліятэкарам), а менавіта: вопісу аўтарства бібліятэкара Вобэ; вопісу бібліятэкі Флемінгаў (далучана да нясвіжскіх збораў у XVIII ст.); «Агульнага каталога польскіх і лацінскіх кніг княскай бібліятэкі ў Нясвіжы 1806 г.». У выніку гэтага выявілася вялікая колькасць супадзенняў [1, s. 10—23].

На падставе пададзенай Ізыдорам Сальмановічам, пракуратарам Радзівілаўскай масы і паўнамоцным прадстаўніком Антонія Радзівіла, вышэйзгаданай «Заявы…» у снежні 1829 г. К. Квяткоўскі і Т. Дзялынскі былі выкліканы ў суд Радзівілаўскай камісіі. Істец на падставе выкладзеных вышэй аргументаў патрабаваў наступнага: ад К. Квяткоўскага — прад'яўлення ў суд усіх яго калекцый; ад Т. Дзялынскага — вяртання ўсіх матэрыялаў, набытых у бібліятэкара [1, k. 42—43 v].

На жаль, ход і дакладныя вынікі дадзенага судовага працэсу пакуль невядомыя. Ёсць падставы меркаваць, што патрабаванні ў поўнай меры не былі задаволены і К. Квяткоўскі быў вызвалены ад абвінавачванняў [16, арк. 13—14 адв.]. Зборы, набытыя ў яго Т. Дзялынскім, працягваюць заставацца на захоўванні ў бібліятэцы графа ў Курніку, ва ўсялякім выпадку — іх асноўная маса. Іх нясвіжскае паходжанне зараз прызнаецца самой установай (нясвіжская правеніенцыя адлюставана ў апісальных артыкулах электроннага каталога) [6]. Агульная колькасць іх, ідэнтыфікаваная як зборы К. Квяткоўскага, — 72 адзінкі (Дадатак 1, № 1—72]. Магчыма, у выніку судовага працэсу Радзівілам былі вернуты толькі кнігі, ідэнтыфікаваныя пры параўнанні вопісаў нясвіжскіх збораў і каталога К. Квяткоўскага 1829 г., а таксама дакументы, якія на той час сталі вядомыя па публікацыях Я. Вайціцкага і К. Квяткоўскага.

Разам з тым, трэба адзначыць, што аб'ём радзівіліяны ў складзе Курніцкай бібліятэкі колькасцю матэрыялаў «са збораў К. Квяткоўскага» не абмяжоўваецца. Шэраг адзінак захоўвання бібліятэкі не маюць у апісанні прывязкі да набыткаў ад К. Квяткоўскага, але ўтрымліваюць выразныя прыкметы нясвіжскага паходжання. Гэта адзнакі архіўнага ўліку і класіфікацыі, уласцівыя збору Радзівілаў (напрыклад «Publicznych» — «Да публічных спраў»); аўтарства Радзівілаў і адрасаванасць ім; тэматыка дакументаў і інш. У сучасных каталогах адносна іх або ўказаны іншыя крыніцы паступлення, або паходжанне пакінута пад пытаннем («ад К. Квяткоўскага?», «Нясвіжскаі архіў Радзівілаў?») (Дадатак 1, № 73—83). Аднак факт сувязі асобных з іх з радзівіліянай і зборамі К. Квяткоўскага прызнаецца польскімі даследчыкамі і археографамі. Напрыклад, па ўказаных вышэй прыкметах Р. Яворскім так ідэнтыфікаваныя два тамы карэспандэнцыі і матэрыялаў грамадска-палітычнага характару XVI—XVII стст. — адз. зах. 347 і 1535 [4, s. 94, przyp. 21, 22]. Згод-

на ж з каталогам бібліятэкі, першы з іх паходзіць са збору Т. Чацкага, другі — Уладыслава Замойскага, што, на наш погляд, патрабуе пацвярджэння.

Усё гэта ўказвае на неабходнасць дэталёвага аналізу складу фондаў разгледжанага польскага збору і стварэння поўнага спіса дакументаў Радзівілаў у ім. Першым этапам павінна стаць складанне спіса дакументаў, набытых ад К. Квяткоўскага ў 1821 г. і захаваных у бібліятэцы да нашага часу. Шлях — параўнанне іх са згаданым спісам набыткаў ад К. Квяткоўскага 1821 г., складзеным у Варшаве, дзе названыя 698 манускрыптаў [1, k. 48—74 v.]. У ініцыятараў судовага працэсу супраць К. Квяткоўскага, распачатага ў 1829 г., натуральна дадзены спіс быў невядомы. Імі разглядаўся толькі каталог кніг, выстаўленых на продаж у 1829 г., у час калі азначаныя вышэй рукапісы ўжо знаходзіліся ў складзе збораў Т. Дзялынскага. Другі этап — ідэнтыфікацыя сярод іх радзівіліяны на аснове пэўных прыкмет паходжання.

Акрамя таго, ёсць падставы дапусціць, што Курніцкая бібліятэка — не адзінае месца, дзе праз К. Квяткоўскага аселі каштоўнасці Радзівілаў. Частка матэрыялаў, што таксама магла паходзіць ад нясвіжскага бабліятэкара, захоўваецца ў Бібліятэцы Рачынскіх у Познані. Вядомы факт продажу Т. Дзялынскім Э. Рачынскаму 18 тамоў Актаў Таміцыяны (па некаторых даных — радзівілаўскіх) у 1830—1831 гг. [11, s. 53; 10]. Там жа захоўваецца шэраг тамоў карэспандэнцыі Радзівілаў з айчыннымі і замежнымі манархамі і інш. У цяперашні час гэта адз. зах. 71—74, 77—79, 81, 86, 96, 98, 1798. Паходжанне дадзеных матэрыялаў таксама патрабуе асобнага даследавання.

Крыніцы і літаратура

1. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. — Sygn. BK 07459 «Spisy manuskryptów nabywanych przez Bibliotekę Kórnicką w 19 w.» 1821—1874. — 257 k.
2. Bodniak, S. Biblioteka Kórnicka / S. Bodniak // Biblioteki Wielkopolskie i pomorskie / Komit. organizac. IV zjazdu bibliof. i II zjazdu bibliotek. pol.; pod red. S. Wierczyńskiego. — Poznań, 1929. — 329 s.
3. Inwentarz rękopisów Biblioteki Kórnickiej / Bibl. Kórn. — Kórnik: BK, 1930. — 136 s.
4. Jaworski, R. Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołłowiczem z lat 1550—1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich / R. Jaworski // Studia Źródłoznawcze. — 2001. — T. 41. — S. 91—108.
5. Katalog // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk [Электронны рэсурс]. — 2012. — Рэжым доступу: www.bkpan.poznan.pl/katalogi/index.html. — Дата доступу: 09.07.2012.
6. Katalog rękopisów K. Kwiatkowskiego // Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk [Электронны рэсурс]. — 2012. — Рэжым доступу:http://baza1-bis.man.poznan.pl/cgi-bin/makwww.exe?BM=07&IM=16&TX=&NU=10&WI=KROTOSKIbJAKUB. — Дата доступу: 09.07.2012.
7. Katalog rękopisów średniowiecznych Biblioteki Kórnickiej / red. J. Zathey. — Wrocław: Wyd. PAN, 1963. — 734 s.
8. Krakowski Bernard, Kwiatkowski Kajetan h. Jastrębiec (1769—1852) / Krakowski Bernard // Polski słownik biograficzny. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1971. — T. XVI. — S. 356—358.

9. Lelewel, J. Bibliograficze ksiąg dwoje. — Wilno, 1826. — T. 2.
10. Marciniak, R. Ze studiów nad zbiorem «Acta Tomiciana» / R. Marciniak // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. — 1978. — Zeszyt 16. — S. 5—16.
11. Radziszewski, F. Wiadomość historyko-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych / F. Radziszewski. — Kraków: Druk. Wł. L. Anczyca i Sp., 1875. — 128 s.
12. Zbiory rękopisów w Polsce: w 2 t. / oprac. D. Kamolowa, T. Sieniatecka. — Warszawa: BN, 2003. — Tom 1: Zbiory rękopisów w bibliotekach i muzeach w Polsce. — 561 s.
13. Латушкін, А. М. Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў у перыяд дзейнасці Вышэйшай радзівілаўскай камісіі (1814—1838 гг.): гісторыя і арганізацыя архіўнай справы, стан дакументаў / А. М. Латушкін // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. — Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 2004. — № 2. — С. 3—9.
14. Латушкін, А. М. Архівісты Нясвіжскага архіва Радзівілаў XVII — першай паловы XX ст. (частка IV, літары «М» — «Р») / А. М. Латушкін // Архіварыус: Зб. навук. паведамл. і арт. — Вып. 9. — Мінск: БелНДІДАС, 2011. — С. 218—226.
15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Фонд 694 «Радзівілы, князі». — Воп. 1. — Спр. 411. Інструкцыя архівістам аб вядзенні і ўпарадкаванні архіва; справаздачы архівістаў і перапіска з імі. Вопісы архіўных дакументаў, 1736—1892 гг.
16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Фонд 694 «Радзівілы, князі». — Воп. 1. — Спр. 439. Дакументы аб перадачы манускрыптаў з фонду Радзівілаў у Варшаўскі архіў, 1853 г.

Дадатак 1

Спіс дакументаў нясвіжскага паходжання ў складзе Курніцкай бібліятэкі Польскай акадэміі навук

№ п/п	Арх. шыфр (sygnatura)[1]	Назва адзінкі захоўвання, дата стварэння, мова дакументаў, аб'ём і памеры адз. зах.
1	6	Biblia Vetus et Novum Testamentum. Fragment tekstu biblijnego apokryficznego, Psałterz Dawida, drobne urywki innych Ksiąg Starego i Nowego Testamentu. 16 w. [gr., łac.]. 149 k. 14,5×22,5cm
2	22	Kochlewski Piotr, pisarz. «Pobożnego Ewangielika do Braciey swey tegosz wyznania Narodu Polskiego y Litewskiego napominanie y przestroga.» 17 w. 28 k. 21×33 cm
3	23	Przypkowski Samuel (1592—1670), arianin. «Braterska declaratia na niebraterskie Upomnienie od authora pod imieniem Szlachcica Polskiego ad dissidentes in religione uczynione CICICCXLVI.» 1646. 32 k. 21×35 cm
4	27	Brewiarz łaciński Modlitewnik. Horae. 15 w. 208 k. 17×12 cm.
5	30	Hortulus animae Officium B. Mariae. Horae. Livre d'heures. 15?—16? w. 154 k. 17×11,5 cm
6	135	Benvenuti Carlo, jezuita. «Osservazioni sullo stato antico della Citta di Roma» Warszawa, 18 w. 100 k. 18×25,5 cm
7	140	Krusiński Tadeusz. «Wiadomości o rewolucyi perskiej od W. X. Taddeusza Krusińskiego SJ missyonarza w Ispahan i od innych zebrane» 19 w. 130 k. 15,5×21 cm

8	147	Giovanni di Luca. «Relatione di un uiaggio fatto dal Padre Fra Giovanni di Luca missionario per la Sacra Congregatione di Propaganda Fide, alli Circassi e Comucchi, figliuolo del Conuento di San Domenico di Napoli Prouincia del Regno». 17 w. 25 k. 14,5×18,5 cm
9	229	Dokumenty oryginalne z czasów Zygmunta I z lat 1530—1547. 16 w. 27 k. 23,5×33 cm
10	247	Korespondencja Zygmunta Augusta z żoną Barbarą Radziwiłłówną oraz materiały związane z pertraktacjami o unię Korony z Litwą. Autografy, oryginały, kopie. 16 w. 208 k. 35,8×29 cm
11	253	Dyaryusz albo relacya seymu piotrkowskiego za krola IMści Zygmunta Augusta gdzie iest rzecz ratione poięcia za żonę xiężny IMści Radziwiłłowey. 18 w. 78 k. 33×20 cm
12	254	Articuli in conventu Piotrcoviensi anno 1550 od wszego stanu ricerskiego ad exequendum dane. 16 w. 10 k. 22×34 cm
13	260	Listy i instrukcje poselskie Zygmunta Augusta z lat 1562—1563. 16 w. 224 k. 31,3×20 cm
14	277	Akta oryginalne za panowania Stefana Batorego z lat 1576—1586. 16 w. 91 k. 35×23 cm
15	283	«Ultima voluntas D. Stephani Primi regis Poloniae» Niepołomice 12V1585. 16—17 w. 31 k. 21×17 cm
16	288	Radziwiłł Albrycht Stanisław kanclerz lit (1593—1656). «Historia Poloniae Regni ab 1588 ad 1653. Authore Alberto Stanislao Radziwiłł cancelario M. Duc: Lituaniae.» 18 w. 179 k. 21×34 cm
17	289	Akta i listy oryginalne za króla Zygmunta III 1588—1629. 16—17 w. 706 s. 36×23 cm
18	307	Akta sejmu inkwizycyjnego z 1592. 17 w. 27 k. 35×23 cm
19	309	«Wiazd krolowey polskiey zony Iszey Zygmunta III do Krakowa porzadnie spisany z podarunki, ktore dawano na weselu krola JMSCI 1595! roku.» 16 w. 12 k. 22×17 cm
20	310	Diariusze i inne akta rokowań o Ligę przeciw Turkom. 17 w. 78 s. 32×20 cm
21	315	Rokosz Mikołaja Zebrzydowskiego wojewody krakowskiego 07.07. 1606 do 26.04. 1607, 1608. 17 w. 108 k. 32×20 cm
22	321	Sobieski Jakub (1590—1646), klan krakowski, pamiętnikarz. «Peregrynacye Jaśnie Wielmożnego Imci pana Jakuba Sobieskiego woiewody Ziem Ruskich po roznych cudzoziemskich panstwach, także drogi do Baden z krolem Władysławem IV odprawioney krotkie opisanie.» 17 w. 101 k. 31×19 cm
23	328	Sobieski Jakub (1590—1646), klan krakowski, pamiętnikarz. «Diarius expediciey moskjewskiej dwuletny królewica Władisława Anno Dni 1617 [rz.] pisany przez J. M. P. Jakuba Sobieskiego commissarza teyże expeditiey.» 19 w. 46 k. 28×22 cm
24	333	«Acta publica w końcu woyny szwedzkiey i tureckiey za Zygmunta III od 1620—1624» 1616—1625. 17 w. III, 233 k. 33×20 cm
25	336	Zbaraski Krzysztof (1580—1627), koniuszy kor. «Rellacya poselstwa do Turek posła […] Krzysztofa Zbarawskiego[!] in modum diarii opisana y podana K. J. Mcianno […] 1622.» 17 w. 17 k. 33×21 cm

26	346	Akta za panowania Władysława IV [1632—1647]. Oryginały, w czem kilka aktów Jana Kazimierza i Lwa Sapiehy. 1632—1647. 102 k. 34×21 cm
27	350	Akta i listy z lat 1648—1668, 1648—1668. 141 k. 37×25 cm i mn. oraz większe
28	354	«Żywot Jaśnie Oświeconego […] Bogusława Radziwiłła swiętego państwa rzym-skiego xiążęcia na Birżach, Dubinkach, Słucku i Kopylu etc etc hrabi na Newlu y Siebieżu, pana na Kopysiu etc etc koniuszego W. Xięstwa Litewskiego general-nego Prus Brandenburskich gubernatora starosty brańskiego, barskiego, poszyr-wintskiego etc etc.» 1727. 73 k. 20×17 cm
29	358	Obuchowicz Michał. «Pamiętniki Michała Obuchowicza z lat 1660—1662 i 1664—1665 oraz związane po części z jego osobą mowy i wiersze». 18 w. 43 k. 34×20 cm
30	364	Akta za panowania Michała Korybuta 1668—1773, 1648—1673. 115 k. 37×25 cm i mn.
31	375	Diariusz «Seym convocationis za […] Michała Korybuta Wiśniowieckiego odprawionym! w Warszawie.» 1673. 19 w. 106 k. 40×25 cm i mn.
32	386	Billewicz Teodor stolnik żmudzki, «Diaryusz peregrinatyi niemieckiey, czeskiey y włoskiey ziemi czyniony przeze mnie, Theodora Billewicza, stolnika zmuydzkiego anno 1677 men. Aug. 13 dnia». 18 w. 85 k. 26×18 cm
33	390	«Mowy i listy in materia status rer. Polon. circa Annum 1688 ad 1693». 17 w. 83 k. 32×20 cm.
34	430	«Opisanie sekretnych miłostek Augusta II.» 18 w. 76 k. 19×16 cm
35	431	«Dyaryusz seymu convocationis sub Interegno! post fata […] Augusti II Regis Poloniae w Warszawie Roku Pan. 1733 D. 27 Aprilis zaczynaiącego się.» 18 w. 228 s. 34×21 cm
36	441	Tarło Adam, wda lubelski, zm. 1744. «Dyaryusz Korrespondencyi [… Adama] Tarła, woiewody lubelskiego, z [… Stanisławem] Poniatowskim, woiewodą mazowieckim y […] podkomorzym koronnym synem jego [Kazimierzem] oraz y z innemi z okazyi xiązki iakieysiś francuskiey pod tytułem Szpieg pospolity y polityczny etc. wydaney, wynikaiących z opisaniem wszystkich cyrkumstancyi między Temiż osobami zachodzących zaczynaiących się od Dnia 2. Novembra 1743.» 18 w. 42 k. 19×16 cm
37	454	«Pisma rożne tyczące się sprawy o ordynację Ostrogskę[!] za panowania Augusta III około 1754 roku». 1751—1800. 234 k. 24×19 cm
38	464	«Antiqua Sarmatarum Gentilitia Peruetustaeque Nobilitatis Polonae Insignia ad domum Wierusz Kowalski spectantia.» 18 w. 36 k. 32×20 cm
39	478	Koszutski Stanisław, bibliotekarz Zygmunta Augusta, poeta, zm. 1559. «Epithalamion in nuptiis […] Sigismundi Augusti, iunioris Regis Poloniae […] a minimo subdito Stanislao Cossutio conscriptum» k. 2—24 Na końcu: «In Dubiniki quarta Calendas Martias 1548 [tj. 26.02.] Dubinki 1548 26.02. 31 k. 15×11 cm
40	488	Miscellanea literackie z II połowy XVII w. 1680 ok. 97 k. 21,5×17 cm
41	492	Chróściński Wojciech Stanisław 1665—1722 ok. [Józef do Egiptu od braci przedany. Varia prawnicze i polityczne z lat 1725—1731]. 1731. 136, 20×17 cm
42	493	«Septem sidera». 17 w. 29 k. 19×15 cm
43	494	«Wiersze rozne y satyry od poczatku teraznieyszego seymu do roku 1790 ciągniace się in publikum wydane». 1790. 141 k. 34,5×21 cm

44	495	Potocki Wacław. Wiersze niewydane z druku Wacława Potockiego […]. 17—18 w. 124. 30,5×19 cm
45	497	Jabłonowski Jan Stanisław (1669—1731), wda ruski, pisarz, aut. przyp. «Rozmowy umarłych Polaków y cudzoziemców w których rozne ile sekretnieysze ich za zywota dzieie y cyrkumstancye są zebrane». 1730. 44 k. 21×34 cm
46	502	«Poema o porwaniu przez konfederatów 1771 Stanisława Augusta Krola w III książkach.» 18—19 w. 52 k. 24,5×18,5 cm
47	504	Guarini Battista (1538—1612). «Pastor Fido albo konterfekt wierny miłości, z włoskiego języka świeżo przetłumaczony przez jednego senatora wielkiego.»1650—1699. 17 w. II p. 177 k. 21,5×16 cm
48	507	Zabłocki Franciszek, poeta. «Wiersze i satyry z okoliczności teraznieyszych in publicum wydane 1789». 1789. 146 k. 20,5×17 cm
49	520	«Dzieła dwóch sławnych w tym wieku poetów 1787.» 1785—1790. 90 k. 20×17 cm
50	521	«Wiersze y satyry ciekawe w czasie Seymu 1789, 90 y 91 in publicum wydane.» 1788—1794. 242 k. 19×16,5 cm
51	524	Rysiński Salomon (1560?-1625), pisarz paremiolog. «Stanu wdowiego theskliwego pobożne zabawy y poczyechy.» 16—17 w. 12 k. 20,5×16,5 cm
52	562	Zbiór wierszy politycznych i satyrycznych z czasów saskich. 18 w. 52 k. 33×20 cm
53	563	Roizjusz Piotr, prawnik, poeta łaciński. «Poema et Elogia.» 16—17 w. 414 s. 31×19 cm i większe
54	595	Pęski Walenty (1630—1681). «Palatium Polonae libertatis Rempublicam oratoriam complectens quod ex genio et praescripto eloquentiae ad utilitatem percommode ad splendorem magnifice Annus Christi 1670 sumptu rhetorici laboris erexit, oratoriis luminibus exornavit, praeceptis agendi et dicendi excoluit, discursibus et monitis politicis formavit, copiosa multiplicis eruditionis supellectile ditavit et futuro liberae gentis Polonae usui apervit in Collegio Societatis Iesu.» 1670 ok. 308 k. 19×15 cm
55	618	Łoski Piotr Franciszek Alojzy (1660—1728), poeta. «Liber Francisci Aloysii Łoski, Rhetorica, Praxes, Orationes et Carmina.» 17 w. 95 k. 20×16 cm
56	632	Homer: Odyseja. Przekład łaciński 15 w. 1511—1514. 209 k. 27,5×20,5 cm Wg. Zatheya być może ten rkps zakupiono w 1846 od Lissnera w grupie gdańskich rkpsów, uzup. zob. s. XXIV u Zatheya, gdzie zaprzecza sobie; wg inw. rkpsów: zakupiono od Kwiatkowskiego
57	704	«Philosophia Iuxta Mentem Veterum, Divi Thomae Aquinatis in Principalioribus Recentiorum in plurimis In quatuor Partes Logicam, Metaphisicam, Physicam et Ethicam Divisa Studiosae Scientiarum Juventuti In Collegio Varsaviensi Schol[arum] Piar[um] Tradita Anno Incarnatae Sapien[tiae] 1754 et 1755 […]», Warszawa. 1754—1755. 312 k. 21×17 cm
58	811, uzup	Lisiecki Andrzej, instygator kor., pisarz. «Apologia pro libertate Reipublicae et legibus Regni Poloniae contra callidos novi iuris repertores posterior, auctior et corrector, To iest dowód iasny z historyi, zwyczaiów, z praw […] że Naiaśnieyszemu Królestwu Polskiemu nie godzi się […] w Koronie y w Wielkiem Xięstwie Litewskim żadnego y żadnym sposobem dostawać ani mieć dziedzictwa.» 1601—1650. 209 k. 31×19 cm

59	923	Materiały z lat 1768—1771, m. in. dotyczące Konfederacji Barskiej. 18 w. 56 k. 21×18 cm
60	925	«Instrukcya z potrzebnemi Przestrogami JW JP[an]u Jerzemu Mniszchowi Podkomorzemu Litt[ewskiem]u Wyiezdzaiącemu do Cudzych Krajów przy pożegnaniu z Benedykcyą Oycowską dana ado pilney Uwagi i Obserwy Zalecona od JW Jmci pana Jozefa Mnischa Marsałka W. Kor.» 1751—1800. 34 k. 22×18 cm
61	929	«Regestr różnych rapportów r. 1787 i 88 podanych.» Copia listu z Gazetty Hamburskiej pod tytułem z Lwowa 12 9bris [1787?] k. 80. 18 w. 92 k. 41×25 cm
62	963	Korespondencja biskupów łuckich z Radziwiłłami. 16—18 w. 283 k. 35×23 cm
63	978, uzup.	Silva rerum, czasy Jana Kazimierza i Zygmunta III. 17 w.
64	987	«Miscellanea Politica [et] Privata versu [et] prosa polonice [et] latine medio XVII saeculi collecta», «gdzie i wiersze makaroniczne Orzelskiego Stan[isława] Samuela Orzelskiego Dafnis [etc.] Sunt bona mixta malis [etc. etc.]» 17 w. 271 k. 35×21 cm
65	1536	Kolekcja akt i korespondencji z lat 1548—1572. 16 w. i 19 w. 394 s. 37×22 cm i mn.
66	1539	Akta staropolskie różne. 1587—1595. 247 k. 36×25 i mn.
67	1599	Akta do panowania Stanisława Augusta (listy króla, nadania, i tp.). 18 w. 95 k. 36×21 cm i mn.
68	1602	«Uwagi nad stanem politycznym Polski — błędy i wady Polaków oraz zbawienne środki do wybicia oyczyzny na niepodległość określające — po ostatnim rozbiorze Polski zdają się być napisane.» 19 w. 53 k. 37×22 cm
69	1670	Kallimach Filip Buonaccorsi. «Rhetorica». 15 w., 2 poł. 120 k. [2] k. czyste Drzewiecki Maciej, bp exlibris 1516 (najstarszy w Polsce)
70	1870	Kończa Michał, sędzia asesorski. «Uwagi pewnego Wielkopolanina nad okólnym króla pruskiego (Fryderyka Wilhelma II) listem pod datą 13 września 1772 w Berlinie wyszłym z przyczyn wzięcia w possessyą Prus Polskich przez tegoż monarchę.» 1772. 6 k. 2°
71	1873	Akta rózne dotyczące spraw wojska W. X. Lit. i fragment korespondencji Radziwiłłów: Michała kasztelana wileńskiego (17 w.) i Michała hetmana Pol. W. X. Lit. (18 w.). 17—18 w. 20 k. i ścinki, 2° i mniejsze. Wiersze Piotra Royzjusza (B. K. 563) wyjete 1873 11.12.
72	1900	«Publika do konfederacji barskiej» 1768. 19 w. 36 k.
Дакументы, паходжанне якіх ад К. Квяткоўскага знаходзіцца пад пытаннем		
73	1558	Kolekcja akt z XVII i XVIII w. 17 w. i 19 w. 159 k. 39×26 cm i mn. Kupione od K. Kwiatkowskiego? zbiór K. Podwysockiego, Rychty
74	660	«De architectura militari. Proemium.» 18 w. 59 k. 19,5×24 cm. Kupione od K. Kwiatkowskiego?
75	1052	«Inwentarz szkatuły […] Krzysztofa Radziwiłła z monetą starą zaczęty dn. 14go kwietn: 1631.» 19 w. 11 k. 22×18 cm. Kupione od K. Kwiatkowskiego?
Радзівіліяна, якая, згодна з данымі бібліятэкі, мае паходжанне, не звязанае з К. Квяткоўскім		
76	347	Dokumenta oryginalne do panowania Władysława IV. Ze zb. T. Czackiego

77	360	Taryfy podymnego województw poznańskiego, kaliskiego i ziemi wschowskiej z lat 1661, 1662, 1690 i 1710. 121 k. 33×21 cm Archiwum Radzi-wiłłowskie Nieśwież
77a	1096	Wilkierz kiejdański, to jest statuta i przywileje nadane m. Kejdany przez XX. Radziwiłłów. 1666 po. 66 k. 31×20 cm. Kupione od ks. Ign. Polkowskiego
78	1320	Hanowicz Jan, urzędnik i notariusz, «Bibliotheca alias Consignatio Generalis Libror[um] Arcis Nesuisiensis per Classes dispositorum Iussu et Imperio […] Alexan[dri] Ludovicii Radziwil Marschalcii Supremi Mag[ni] Duc[is] Lit[huaniae] etc. […] opera vero [et] industria Joannis Hanowicz Infamulatoris olim et Notarii Cubicularis Eius Ill[ustrissi]mae Cels[itu]dinis nunc Consulis Iurati, [et] Aedilum Publicarum Prefecti Priuilegiatae Civitatis Nesuisiensis confecta A[nno] D[omini] 1651 Aprilis Diebus», Nieśwież,1651. 47 k., 32×21 cm. Ze zb. Mikołaja Malinowskiego
79	1527	«Przełożenie sprawy […] Xiążęcia Karola Królewicza pol. […] Dattum Dresdae 28 Decembris 1772.» 18 w. 10 k., 23×19 cm. Archiwum Radziwiłłowskie Nieśwież
80	1535	Akta do panowania Zygmunta I, Kazimierza Jagiellończyka i Aleksandra. 15—16 w. 87 k. Mak. 40 (list Zygmunta Starego) uzup. Mak. 41 (rachunki Bony) uzup. Archiwum Radziwiłłowskie Nieśwież. Zamoyski Wł. «Kupiłem na licytacyi w Berlinie przez antykwaryat Stargardta 1889 Dr C.»
Дакументы, паходжанне якіх з Нясвіжскага архіва знаходзіцца пад пытаннем		
81	1203	«Protocol[lon] Causarum Ciui[tatis Oly]censis per me A[damum] Casimirum Pijtlewic[z Nota]rium Jauratum [Ciuitatis] Existentem accurate descriptum A die 15 Mensis Januarij In Anno Domini 1644 Ad Perpetuam rei Memoriam». Ołyka, 1644. 147 k. 34×11 cm. Archiwum Radziwiłłowskie?
82	1204	Akta spraw karnych i cywilnych miasta Ołyki (1625). Ołyka, 1625. 107 k. 34×12 cm i mn. Archiwum Radziwiłłowskie?
83	1275	«Odebranie seu spisanie zamku rówieńskiego cum smmbus attinentiis bonorum […] przez pana [Jana] Lutomirskiego od pana [Pawła] Łochowskiego 1620 27 maij.» 1620. 7 k. 33×21 cm. Archiwum Radziwiłłowskie?

[1] Поўны нумар адзінкі захоўвання фарміруецца шляхам дадання да прыведзенай у слупку лічбы абрэвіятуры ВК і лічбы «0» у колькасці ад адной да чатырох пры ўмове, што лічбавая частка сігнатуры ўтрымлівае пяць знакаў. Напрыклад, пазіцыя № 1 у спісе будзе мець нумар ВК 00006.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.07.2012

Л. И. Мосейчук,
научный сотрудник ЦПРО БГУ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕМИНАРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА В БЕЛАРУСИ (1743—1839 гг.)

В статье анализируются источники, касающиеся истории эволюции семинарского униатского духовного образования в Беларуси в 1743—1839 гг. Выделяются две основные группы источников: опубликованные (включающие в себя законодательные и нормативные акты, а также документы личного происхождения) и архивные материалы. Отмечается, что основная источниковедческая база, относящаяся к указанной проблематике, сосредоточена в российских исторических архивах и является довольно обширной и разноплановой. Подчеркивается, что введение их в научный оборот позволит провести реконструкцию не только отдельно взятых учебных заведений, но и проследить этапы становления и развития семинарского духовного униатского образования.

Одной из самых дискуссионных тем отечественной историографии является история униатства на белорусских землях. Однако, несмотря на множество работ, в этой области до настоящего времени остается много слабо изученных вопросов. Несомненно, эволюция системы униатского духовного образования средней и высшей ступени в XVIII — начале XIX в. — это ключевая проблема, стоящая перед современными исследователями, поскольку изменения, произошедшие в развитии духовных семинарий в указанный период, открытие и деятельность высшего учебного заведения для белого Греко-католического клира существенно повлияли на дальнейшую судьбу всей униатской церкви.

Так как в отечественной историографии указанная тема не являлась предметом специального рассмотрения, данная статья будет посвящена анализу существующих источников. Они отражают различные аспекты становления и развития униатского духовного образования на белорусских землях в обозначенный период.

Все источники по данной теме можно разделить на две основные группы: *опубликованные документы и архивные материалы*.

Все *опубликованные* источники можно условно разделить на две подгруппы. Первая представлена законодательными и нормативными актами (Положения и уставы учебных заведений, распоряжения правительства, Правила для учащихся), вторая — документами личного происхождения (воспоминания современников, частные письма государственных, церковных и общественных деятелей).

Основная работа по сбору и изданию документов была проведена учеными в XIX в. Из массы опубликованных исторических документов указанного периода, содержащих *законодательные и нормативные акты,* касающиеся униатского духовного образования в указанный период, необходимо

выделить многотомное издание сборника «Полное собрание законов Российской империи» (далее — ПСЗ) [1]. В собрание были включены: указы, регламентирующие порядок руководства униатской церковью; указы об учреждении при церквях духовных семинарий; приказ об основании при Виленском университете Главной духовной семинарии и пр. Кроме того, в данный сборник законов Российской империи были внесены документы, имеющие характер судебного прецедента, частного распоряжения и т. д. [2, с. 104]. ПСЗ является самым полным, разноплановым и информационным источником для изучения истории униатского духовного образования средней и высшей ступени.

Одновременно с изданием ПСЗ, в 1894 г. был издан указатель содержащихся в сборнике законодательных документов [3], что существенно облегчает работу с этим изданием.

Выдержки из ПСЗ, касающиеся униатской церкви, переиздавались позднее в изданиях Виленской археографической комиссии. В XVI т. «Актов, издаваемых Виленской археографической комиссией» [4, с. 1—145], вышедшем в свет в 1889 г., были опубликованы законодательные документы, характеризующие положение униатов в Беларуси и в Украине: указы Сената 2-го (униатского) департамента Римско-католической духовной коллегии, буллы и бреве римских пап, касающиеся униатской церкви, документы о переходе населения из униатства в католицизм, переписка митрополитов Я. Смогоржевского и Ф. Ростоцкого, указы об открытии униатских духовных учебных учреждений, проект указа об открытии Полоцкой духовной академии, указы об изменении границ униатских епархий, рапорты о состоянии белого униатского духовенства и др. [5, с. 27].

Особый интерес при исследовании вышеназванной темы представляют «Указы Александра I об утверждении предварительных правил народного просвещения, документы изданы в результате его указов». В данный сборник вошли высочайшие указы и распоряжения, касающиеся создания и деятельности Главной виленской семинарии [6, с. 42, 55, 62, 77—83].

В XX в. работа по сбору и изданию документальных сборов в связи с войнами и революционными событиями была прервана. Лишь во второй половине XX в. белорусскими учеными В. В. Чепко и В. В. Шатилло был издан сборник «Белоруссия в эпоху феодализма…», в третьем и четвертом томах которого содержатся немногочисленные документы по истории унии [7] и состоянию духовного униатского образования [8].

Следующую подгруппу опубликованных источников составили исторические *документы личного происхождения*. Основное место здесь занимают воспоминания таких деятелей униатской церкви, как А. Зубко, В. Лужинский, И. Семашко, П. Янковский и попечителя виленского учебного округа всемогущего кн. А. Чарторыйского.

Описывая в своей биографической работе «Воспоминания о греко-униатской церкви в Западном крае России» [9] годы обучения в Полоцкой иезуитской академии и Главной виленской семинарии, А. Зубко подчеркивает, что взаимоотношения униатских и латинских воспитанников «были отражением вражды между белым и черным духовенством» [9, с. 40].

Вместе с тем автор утверждает, что «в Главной семинарии профессора богословия, церковной истории и права не ссылались на декреталии Лже-Исидора, чтобы оправдать неумеренные притязания пап на светскую власть, не скрывали мнения восточных отцов о главенстве Петровом как первенстве чести, не утаивали, что некоторые постановления Тридентского собора делались по внушению золота, а не совести» [9, с. 42—43]. Именно в данном учебном заведении автор подружился с Иосифом Семашко, который был старше его на два курса. Это знакомство впоследствии оказало влияние на его судьбу.

Воспоминания полоцкого архиепископа Василия Лужинского [10] впервые были опубликованы в 1884 г. на страницах журнала «Православный собеседник», который издавался Казанской духовной академией. Работа имеет ценность с точки зрения освещения отношений между высшими иерархами униатской церкви (митрополитом И. Лисовским и архиепископом И. Крассовским) и светскими властями при открытии и деятельности Полоцкой епархиальной семинарии и Главной виленской семинарии. Кроме того, в «Записках ...» автор подробно вспоминает периоды своего обучения в вышеназванных семинариях. При этом основное внимание мемуарист уделяет отражению фактической стороны описываемых событий, а не их интерпретации. Однако, как подчеркивал белорусский историк Д. Лисейчиков, недостаток данных мемуаров в том, что В. Лужинский не всегда точен в датах и весьма вольно трактует те или иные события. В связи с чем в его «Записках ...» имеют место существенные фактографические и хронологические ошибки [5, с. 29].

Важную роль в характеристике российской конфессиональной политики в отношении униатской церкви, а также в раскрытии глубинных, скрытых психологических пружин, двигавших униатскими иерархами при принятии решений, касающихся объединения униатской и православной церквей на белорусских землях, играют воспоминания митрополита И. Семашко [11]. В своих «Записках ...» о времени обучения в Главной виленской семинарии автор отзывался как о самом лучшем в своей жизни, делая акцент на «совершенное равенство» между католическими и униатскими воспитанниками, царившее в стенах данного учебного заведения [11, т. 1, с. 438].

Кроме того, его воспоминания дополнены основательным документальным приложением, в которое вошли частные письма, документы личного характера (например, свидетельство об окончании семинарии, диплом, выданный правлением Виленского университета на ученую степень магистра богословия, и пр. [11, т. 1]), проекты и записки, поданные И. Семашко на

высочайшее имя, копии законодательных документов и распоряжений, касающиеся положения в России униатской церкви, и т. д. [11, т. 2—3].

В отличие от более официальных и в чем-то более идеологизированных записок А. Зубко, В. Лужинского и И. Семашко «Wspomnienia …» П. Янковского [12, с. 348—365] были написаны исключительно для своих близких. В 1826 г. он становится воспитанником Главной семинарии при Виленском университете. П. Янковский был одним из последних представителей униатской молодежи, кто окончил в данном учебном заведении полный образовательный курс, поскольку по распоряжению правительства с 1828 г. набор униатских воспитанников был прекращен. Мастерски владея письменным словом, автор смог передать атмосферу раскрепощенности и непринужденности, царившую в стенах Главной виленской семинарии во время его обучения (1826—1830). В «Wspomnieniach …» содержатся сведения о преподавателях семинарии, описание трагических и комических случаев из семинарской жизни, перечень преподаваемых предметов, подробно изложен повседневный быт семинаристов.

При изучении темы особый интерес представляют воспоминания попечителя Виленского учебного округа кн. А. Чарторыйского (1803—1823). В 1802 г. он поддержал инициативу И. Стройновского и выступил одним из инициаторов открытия при Виленском университете духовной семинарии. Благодаря его протекции Главная виленская семинария была открыта в 1808 г. и с успехом осуществляла свою деятельность на протяжении 20 лет. Эти события нашли свое отражение в оставленных им мемуарах. Кроме того, в них содержится «немало интересных характеристик и фактических данных, которые в своей совокупности слагаются в обширную и яркую картину правительственной политики <…> в России первой четверти XIX столетия» [13, с. 4], что позволяет более детально реконструировать события, связанные с открытием и деятельностью Главной виленской семинарии.

Однако к информации, содержащейся во всех воспоминаниях, необходимо относиться с большой аккуратностью. Мемуарист не всегда объективен в своих оценках. Поэтому сведения, содержащиеся в подобного рода документах, нуждаются в дополнительной проверке [5, с. 29].

Отдельную группу документов личного происхождения составляют *эпистолярные источники*.

По словам В. И. Пичеты «письма современников — источник первостепенной важности. <…> Переписка вскрывает борьбу мнений взглядов, чувств и настроений. Она позволяет подойти к эпохе интимнее и ближе. Авторы писем не стоят на ходулях, как в мемуарах, они держат себя просто, непосредственно. Они не любуются собой, а показывают себя такими, какими они были на самом деле. Все это заставляет отнести письма современников к числу важнейших первоисточников» [14, с. 68].

При изучении данной темы исключительный интерес представляет переписка кн. А. Чарторыйского с кн. А. Голицыным [4, с. 455—456; 13, с. 246—245], письма виленского официала А. Сосновского за 1826—1828 гг. [4], деловая переписка униатских митрополитов И. Лисовского и И. Булгака [15], архиепископа И. Крассовского [16, с. 408—412], митрополита И. Семашко [11] и др.

Вторую и основную группу источников при изучении данной темы составляют *архивные материалы*, собранные в фондах исторических архивов, расположенных в Беларуси, России и Польше: Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно), Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) и Государственном архиве г. Люблина (Archiwum Państwowe w Lublinie).

Комплекс документов по истории духовного униатского образования средней и высшей ступени XVIII — 30-х гг. XIX в. содержится в фондах Национального исторического архива Беларуси в Гродно и Национального исторического архива Беларуси в Минске.

Необходимо отметить, что материалы по истории униатского духовного образования, хранящиеся в данных архивах, разбросаны не только по разным фондам, но и делам, затрагивающим различные аспекты общественной жизни населения. Отдельные дела по данной проблематике встречаются в фондах НИАБ в Гродно Канцелярии гродненского губернатора (ф. 1), Гродненского губернского правления (ф. 1783), Гродненской Контрольной палаты и отдельных церквей Гродненской губернии и фондах 1781 Могилевской римско-католической консистории, 3245 Белорусской Греко-униатской консистории НИАБ в г. Минске. Например, сведения по истории Сверженьской и Лавришевской униатских семинарий содержатся в фонде 1621 НИАБ в Гродно (оп. 2, д. 49, 240; оп. 5, д. 2—10), а Полоцкой — в фонде 3245 (оп. 1, д. 1; оп. 3, д. 29) НИАБ в делах о рукоположении претендентов в духовный сан. Практически каждый фигурант дела — выпускник одной из семинарий. В каждом деле есть протокол опроса свидетелей, как правило, это преподаватели семинарии, в которой обучался данный претендент [5, с. 31]. Однако на основании этих архивных данных нельзя составить полного представления о развитии и деятельности вышеназванных семинарий, но можно существенно обогатить исследование деталями, которые позволят более глубоко и точно провести их реконструкцию. Так, материалы фонда 333 (оп. 9, д. 51) позволяют констатировать тот факт, что на 25 августа 1795 г. в Новосверженьской семинарии обучалось 6 человек.

Наиболее ценными для исследования темы униатского духовного образования являются фонды Российских исторических архивов. Например, фонд 823, хранящийся в Российском государственном историческом архиве с

официальным названием «Канцелярия митрополита греко-униатских церквей в России», более известный как «Архив униатских митрополитов». В нем собрано 5850 единиц хранения, охватывающих период с 1470 по 1839 г. Архив формировался в Новогрудке, Варшаве, Гродке, Струне, Львове, Радомысле, Луцке, Синиове, Руте и других городах, где с 1687 по 1829 г. находились резиденции главы униатской церкви. Документы фонда написаны на латинском, старобелорусском, староукраинском, русском, польском, французском и итальянском языках. Среди документов преобладают финансовые и имущественные дела, привилеи, фундушевые записи, завещания, материалы судебных процессов [17, с. 7—8].

В данном фонде широко представлены документы, касающиеся вопросов становления и развития духовного образования белого униатского клира в Беларуси. Они позволяют проследить шаги униатской церкви по организации, открытию, материальному обеспечению учебных учреждений, налаживанию учебного процесса, подбору и расстановке педагогических кадров, показывают состояние епархиальных семинарий и Главной виленской семинарии в разные периоды.

В описи 3 данного фонда содержатся материалы, раскрывающие деятельность Полоцкой униатской епархиальной семинарии с 1807 по 1822 г. (д. 1364, 1384, 1386) и Жировичской (Литовской) духовной семинарии (д. 1504—1505).

Лингвистический анализ документов, содержащихся в фонде 823, свидетельствует о том, что со второй половины XVIII и до 20-х гг. XIX в. доминирующим является польский язык, поскольку на нем велась вся официальная документация, и только с первой четверти XIX в. в официальной переписке начинает преобладать русский.

Часть материалов по данной проблеме находится в документах фондов 733 (опись 62) «Департамента народного просвещения», 797 (опись 6) «Канцелярия обер-прокурора Синода» и 824 (опись 2) «Белорусско-литовской духовной коллегии Синода». Документы, хранящиеся в данных фондах, непосредственно касаются истории становления и развития Полоцкой, Главной виленской и Жировичской семинарий. Косвенно затрагивается деятельность Лавришевской и Сверженьской семинарий.

Так, фонд 733 (опись 62) «Департамента народного просвещения (1803—1917)» содержит устав, программы, списки, отчеты Главной римско-католической семинарии при Виленском университете (д. 454, 560, 661, 724); сведения о преподавании русского языка и истории России в католических и униатских семинариях (д. 86, 360), о закрытии Лавришевской и Сверженьской семинарий (д. 397), о фундушах Главной виленской семинарии (д. 53, 102, 108, 129), распределении зданий упраздненных базилианских монастырей между учебными заведениями (д. 83), о службе преподавателей в семинариях (д. 359, 892, 990) и пр.

Списки клириков, обучавшихся в Главной виленской семинарии, расположенные в делах фонда в хронологическом порядке, дают возможность проследить из какой епархии, и какое число семинаристов было прислано, как и чему обучались, по какой причине они были отчислены, а также — о присвоении студентам Главной духовной виленской семинарии ученых степеней (д. 891, 944, 1038).

В собрании рассматриваемого фонда находятся такие документы, как ходатайство униатского митрополита И. Лисовского о предложении Римско-католической духовной коллегии учредить в Полоцке духовную семинарию (1806) (д. 23), о передаче Главной виленской семинарии зданий Августинского монастыря (д. 90), рапорты Совета Главой семинарии относительно ее хозяйственной и образовательной деятельности (д. 197, 359, 1037) и пр.

Документы, характеризующие взаимоотношения между базилианским униатским монашеским орденом и представителями светского духовенства на протяжении XVIII — 30-х гг. XIX в., помогают разобраться в изменениях, вызванных переориентацией духовного образования белого униатского клира в сторону православной образовательной традиции, содержатся в фондах 733 (оп. 62, д. 19, 48, 53, 169, 397, 454, 545, 628), 824 (оп. 2, д. 213), 797 (оп. 6, д. 226).

Среди многочисленных дел, хранящихся в ЦГИА СПб., необходимо отметить фонд 46 «Римско-католической духовной академии», в третьей описи которого собраны документы по истории духовных униатских школ. Материалы фонда позволяют выяснить причины и предпосылки открытия Главной виленской семинарии (д. 1—3), произвести реконструкцию процедуры присуждения ученых званий ее выпускникам (д. 17, 25, 34, 35), содержат сведения об учебной и хозяйственной деятельности Полоцкой (д. 50), Сверженьской и Лавришевской семинарий (д. 4, 20), дают возможность проследить, какие доходы получали семинарии с выделенных им фундушей, на какие цели расходовались полученные суммы (д. 32); определить количественный состав учеников и преподавателей (д. 20, 22); узнать какие предметы изучались в семинариях, какие из них были обязательными для всех, а какие семинаристы могли выбрать по желанию (д. 31).

В фондах Государственного архива г. Люблина хранятся документы финансового характера. Их анализ позволяет получить сведения о денежных суммах, потраченных на содержание Греко-католических клириков в Главной виленской семинарии в 1830 г. [18].

Таким образом, источниковедческая база, относящаяся к истории эволюции униатского семинарского духовного образования, является довольно обширной и разноплановой. При использовании правильно подобранного методологического инструментария это позволит провести реконструкцию не только отдельно взятых учебных заведений, но и проследить этапы становления и развития семинарского духовного униатского образования.

Литература и источники

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. [Первое собрание]. — Санкт-Петербург: Типография второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — Т. XXI—XXXVIII.
2. Попов, М. А. Римско-католическая церковь в Беларуси в 1772—1825 гг. Источниковедческий обзор / М. А. Попов // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 8 / Рэдкалегія: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелНДІДАС, 2007. — С. 103—117.
3. Рубинштейн, С. Ф. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет с 1652 по 1892 год. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1894. — 918 с.
4. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Документы, относящиеся к истории церковной унии в России. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1889. — Т. XVI. — 705 с.
5. Лісейчыкаў, Д. В. Штодзённае жыццё уніяцкага парафіяльнага святарства беларуска-літоўскіх зямель 1720—1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск: Медысонт, 2011. — 198 с.
6. Указы Александра I об утверждении предварительных правил народного просвещения, документы изданы в результате его указов. — Вильно: Тип. Ун-та, 1803. — 91 с.
7. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов: В 4 т. / Сост.: канд. ист. наук В. В. Чепко, В. В. Шатилло. Т. III: Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII — первой половине XIX в. (1772—1860). — Минск: Изд-во Академии Наук Белорусской ССР, 1961. — 626 с.
8. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов: В 4 т. / Сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатилло. — Минск: Наука и техника, 1979. — Т. IV: Культура и общественно-политическая мысль Белоруссии конца XVIII — XIX в. — 376 с.
9. Зубко, А. О Греко-униатской церкви в Западном крае России (воспоминания архиепископа Антония) / А. Зубко // Чистович И. Пятидесятилетие (1839—1889) воссоединения униатов с православной церковью. — СПб, 1889. — С. 31—89.
10. Лужинский, В. Записки Василия Лужинскаго архиепископа Полоцкаго / В. Лужинский // Православный собеседник. — 1884. — Май. — Казань: Тип. Императорского университета. — С. 29—43.
11. Семашко, И. Записки Иосифа, митрополита Литовского / И. Семашко. —СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1883. — Т. 1. — 3.
12. Янковский, П. Wspomnienia szkolne i Uniwersiteckie Johna of Dycalpa (ks. Płacyda Jankowskiego). Urywek z pamiętnika pisanego dla własnych dzieci 1886 r. / П. Янковский // Записки сельского священника. — Минск: Свято-Петропавловский собор, 2004. — 380 с.
13. Чарторыйский, А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: В 2 т. / А. Чарторыйский. — Москва, 1912. — Т. 1. — 343 с.
14. Пичета, В. И. Введение в русскую историю (источники и историография) / В. И. Пичета. — Москва: Гос. изд-во, 1922. — 209 с.
15. Российский государственный исторический архив. — Ф. 733. — Оп. 62. — Д. 19, 22, 23, 48.

16. Свидерский, Л. Иоанн Крассовский, Полоцкий униатский архиепископ / Л. Свидерский. — Витебск: Губернская типография, 1911. — 437 с.
17. Паўловіч, С. І. Прадмова / С. І. Паўловіч // Архіў уніяцкіх мітрапалітаў. Дакументы да гісторыі царквы ў Беларусі XV — XIX стст. у фондзе «Канцылярыя мітрапаліта грэка-уніяцкіх цэркваў у Расіі»: Даведнік / Склад.: С. І. Паўловіч, Т. М. Мальцава. — Мінск; Полацк: Сафія, 1999.
18. Archiwum Państwowe w Lublinie. — Chełmski Konsystorz Greckokatolicki. — Rep. 49. — GML. 3. — Sygn. 49/90, 1827—1834 r.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.02.2012

В. В. Урублеўскі,
вядучы навуковы супрацоўнік
аддзела публікацыі дакументаў НГАБ;
тэл. +375 29 399 87 33
e-mail: slepovron@mail.ru

ВІЗІТЫ ЎНІЯЦКІХ ХРАМАЎ ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ РЭКАНСТРУКЦЫІ ШТОДЗЁННАСЦІ СЯЛЯНСТВА БЕЛАРУСІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVIII ст.

(па матэрыялах НГАБ)

Адной з крыніц, патрэбных пры рэканструкцыі гісторыі штодзённасці сельскай мясцовасці ў другой палове XVIII ст., з'яўляюцца пратаколы візітацыі або візіты ўніяцкіх храмаў. Яны складаліся ў другой палове XVII — пачатку XIX ст. і фіксавалі асаблівасці царкоўнага побыту ў парафіях, а менавіта апісвалі храмы (характарызавалі іх знешняе і ўнутраннае ўбранне), вызначалі межы парафій, колькасць двароў і парафіян у іх, характарызавалі святара і яго паству. Візіты рабіліся спецыяльнымі ўпаўнаважанымі асобамі — візітатарамі, якія складалі іх па пэўных правілах і прадстаўлялі ў якасці справаздач вышэйшаму начальству ўніяцкай царквы — пратапопам (з сярэдзіны XVIII ст. — дэканам), сурагатарам, епіскапам. У кансісторыі справаздачы па пратапопіях (з сярэдзіны XVIII ст. — дэканатах) пэўных сурагацый* і епархій за канкрэтны год перапісвалі разам у асобныя справы.

Упершыню інфармацыйную каштоўнасць візітаў як крыніц па царкоўнай гісторыі адзначыў у «Літоўскіх епархіяльных ведамасцях» за 1869 г. славіст, царкоўны гісторык і грамадскі дзеяч І. І. Малышэўскі (1828—1897) [13].

У сучаснай гістарыяграфіі візіты ўніяцкіх храмаў традыцыйна разглядаюцца як крыніцы па архітэктуры, матэрыяльным побыце і маральным стане ва ўніяцкіх парафіях. З гэтай пазіцыі яны вывучаюцца і публікуюцца польскімі даследчыкамі. Напрыклад, А. Гіль публікуе генеральную візіту шасці храмаў Уладзімірска-Брэсцкай епархіі за 1726 г. [1; 2]. Дэканская візіта Падляскага дэканата за 1773 г. і генеральная візіта Беластоцкай царквы за 1804 г. даследаваліся Ю. Марошакам і В. Вільчэўскім з Беластока [4]. Пратакол візітацыі за 1789 г. Браслаўскага дэканата Полацкай дыяцэзіі быў апрацаваны П. Сыгоўскім [5]. Генеральная візіта ўніяцкіх парафій Кіеўскага і Брацлаўскага ваяводстваў за 1782 г. падрыхтавана і выдадзена М. Радванам з Любліна [6]. Намаганнямі І. Вадзяноўскай з Сандаміра ў 2006 г. была апублікавана візіта Блонскага і Пухавіцкага грэка-каталіцкіх дэканатаў Мінскага сабора за 1783—1784 гг., якая захоўваецца ў НГАБ [3; 24]. Візіта ўніяцкай царквы Навадворскага дэканата Супрасльскай дыяцэзіі 1804 г. апрацавана П. Баравіком і Г. Рыжэўскім з Беластока [7]. Публікацыяй і даследаваннем пратаколаў

---

* Сурагацыі — асобныя адміністрацыйныя адзінкі ў сістэме епархіяльнага кіравання ўніяцкай царквы, складаліся з дэканатаў.

генеральных візітацый Кіеўскай уніяцкай мітраполіі займаўся ўкраінскі навуковец І. Скачыляс [28—30].

Першым беларускім даследаваннем візітаў уніяцкіх храмаў была публікацыя З. Яцкевіча, зробленая ў 1998 г. У ёй праведзена параўнальная характарыстыка дзвюх візітацый Цырынскага дэканата за 1680 і 1793 гг. [33]. Ім жа зроблена падрабязнае археаграфічнае апісанне кнігі візіты Блонскага і Пухавіцкага грэка-каталіцкага дэканата за 1783—1784 гг. [34].

У кантэксце штодзённасці ўніяцкага парафіяльнага духавенства дадзеная крыніца даследавалася Дз. Лісейчыкавым [9—11]. Ім апублікаваны «Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680—1682 гг.», якія ўяўляюць сабой асобную адзінку захавання НГАБ [8]. Акрамя ўласна публікацыі тэксту крыніц аўтар у прадмове характарызуе агульныя знешнія і ўнутраныя прыкметы рукапісу, разглядае перадумовы правядзення генеральнай візітацыі 1680—1682 гг., аналізуе структуру візітаў, вызначае іх асноўныя асаблівасці («маскоўскі след», аднаўленне зруйнаваных святыняў, супрацьстаянне ўніяты — праваслаўныя). Даследчыкам у 2011 г. апублікаваны вынікі кандыдацкай дысертацыі, абароненай у 2009 г., дзе на падставе шырокага кола крыніц з архівасховішчаў Мінска, Гродна і Вільні пададзена рэканструкцыя штодзённага жыцця ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720—1839 гг. [12].

Беларускія навукоўцы таксама адзначыліся вопытам перакладу на беларускую мову некаторых візітаў. Так, у грунтоўным выданні «Хроніка Убарцкага Палесся» У. Свяжынскім апублікавана візіта грэка-каталіцкіх цэркваў Убарцкага дэканата за 1777 і 1787 гг. з фондаў НГАБ [15; 31, с. 82—109]. Гісторыка-дакументальныя хронікі серыі «Памяць» змяшчаюць візіты Азарыцкай уніяцкай парафіяльнай царквы за 29 студзеня 1778 г., Каленкавіцкай уніяцкай царквы за 21 лютага 1778 г. [26] і Маламажэйкаўскай уніяцкай парафіяльнай царквы за 26 студзеня 1792 г. [27].

Публікацыя на мове арыгінала візітаў Заслаўскай Праабражэнскай уніяцкай царквы за 1681, 1792 гг. і пераклад іх з польскай мовы на беларускую падрыхтаваны А. Цвіркам і З. Яцкевічам у шостым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» ў 2005 г. [32].

У НГАБ на сённяшні дзень вядома 31 візіта ўніяцкіх храмаў, якая храналагічна адносіцца да другой паловы XVIII ст. У аналагічным архіве г. Гродна захоўваюцца дзве візіты за гэты ж перыяд (у т. л. Свіслацкай царквы Бабруйскага пав. за 1784—1807 гг.). У Дзяржаўным гістарычным архіве Літвы знаходзяцца на захаванні дзевяць такіх спраў, якія адносяцца да тэрыторыі Заходняй і Цэнтральнай Беларусі за 1759—1797 гг. Дадзенае ж даследаванне грунтуецца на матэрыялах НГАБ.

Структура пратаколаў візітаў уніяцкіх цэркваў адрозніваецца ў залежнасці ад епархіі, у якой яны складаліся. Так, візіта цэркваў Убарцкага дэканата Тураўскай епархіі за 1777—1787 гг. складалася з пазначэння назвы царквы,

даты правядзення агляду, яе знешняга і ўнутранага апісання, характарыстыкі алтароў, абразоў, срэбнага, меднага і алавянага рыштунку, капланскага і алтарнага ўбрання, кніг для правядзення набажэнства, званіцы і званоў, плябаніі (месца пражывання парафіяльнага святара «пароха»), фундушовых зямель, царкоўнай дакументацыі, характарыстыкі пароха (імя і прозвішча, час прызначэння на пасаду) і парафіі (назвы паселішчаў і колькасць хат у іх) [15, арк. 245—253 адв.]. Апісанне цэркваў Мінскага дэканата Літоўска-Віленскай епархіі за 1792—1793 гг. адразу пачынаецца з пазначэння назвы царквы, даты правядзення агляду, ўнутранага апісання царкоўнага будынка, а менавіта алтароў, рыштунку, капланскага і алтарнага ўбрання, кніг для правядзення набажэнства, алтарыкаў. Толькі затым апісваюцца вонкавы выгляд і стан царквы, парафія (капліцы, засведчаная дакументальна ўласнасць, межы, колькасць двароў і годных да споведзі жыхароў у іх), рэзідэнцыя (плябанія) пароха. Падаецца яго імя і дата прызначэння на пасаду, характарызуецца дзейнасць пароха і царкоўнага брацтва, даюцца рэкамендацыі па яе паляпшэнні [19, арк. 4—54 адв.].

Візіты як крыніцы штодзённага сялянскага жыцця магчыма даследаваць на падставе тых раздзелаў, дзе змяшчаюцца фундушовыя запісы і прывілеі царкве і царкоўнаму брацтву, праводзіцца апісанне царквы і парафіі. Напрыклад, апісанне дазваляе дакладна ўявіць знешні выгляд царквы і побыт яе свяшчэнна- і царкоўнаслужыцеляў, а таксама парафіян. Асаблівую цікавасць уяўляе ўнутранае начынне храма, алтар, абразы, увесь царкоўны рыштунак, багацце якога магло аказваць маральнае і эстэтычнае ўздзеянне на чалавека.

Пры характарыстыцы царквы нярэдка закранаецца дзейнасць яе царкоўнага брацтва — сходу шаноўных, сумленных і набожных сялян. Часам замест самога брацтва згадваюцца яго ўпаўнаважаныя прадстаўнікі — уніяцкія царкоўныя старасты (кцітары). У некаторых парафіях абавязкі брацтва ўскладаліся выключна на згаданых асоб. Так, ад іх магло залежыць папаўненне царкоўнай скарбонкі сродкамі, атрыманымі ад продажу мёду, воску, гарэлкі, піва, рыбы і інш. Кцітарамі выбіралі па два, тры або чатыры найбольш паважаных сялян-братчыкаў ад кожнай вёскі з парафіі. Так, у Вічынскай парафіі Брэсцка-Пінскай дыяцэзіі ў вёсках Вічын, Бродніца і Волька было па два кцітары [21, арк. 6 адв.—7], у вёсцы Уюнішча Уюнішчаўскай парафіі той жа дыяцэзіі ад грамады былі абраны і зацверджаны на гэтай пасадзе тры чалавекі [21, арк. 42], у вёсцы Рухча Рухчанскай парафіі — чатыры [21, арк. 45 адв.]. Больш падрабязны агляд дзейнасці брацтваў і кцітараў прыводзіцца ніжэй.

Напрыканцы кожнай візіты змяшчаюцца прадпісанні візітатараў святарам (рэфармацыйныя дэкрэты) па вырашэнні асабліва важных надзённых праблем парафіі, у прыватнасці рэкамендацыі па дзейнасці пароха ў павышэнні маральнасці і асветы парафіян.

Візіты можна разглядаць як крыніцу прыватнай, грамадскай і гаспадарчай штодзённасці ў трох адпаведных напрамках: праз даследаванне выхаваль-

най і адукацыйнай дзейнасці святароў, накіраванай на павышэнне маральнасці і адукаванасці парафіян, праз высвятленне асаблівасцей функцыянавання парафіяльных царкоўных брацтваў, праз вызначэнне гаспадарчых функцый царкоўных сялян.

У 1777 г. пры абследаванні цэркваў Убарцкага дэканата кафедральны прэсвітар і дзеючы пісар Пінскай і Тураўскай генеральнай кансісторыі Сялецкі зазначаў, што ва ўсіх цэрквах мелася нястача царкоўнага ўбрання (капланскага, алтарнага), начыння (да алтароў і абразоў) і кніг, сродкі на набыццё якіх святары павінны былі збіраць з сялян. Акрамя гэтага, у парафіян сямі з васьмі цэркваў назіралася дрэннае веданне пацераў (малітваў), катэхізіса і «артыкулаў святой веры». Некаторым святарам выносілася папярэджанне аб магчымым пазбаўленні пасады ў выпадку далейшага бяздзеяння ў навучанні парафіян асновам малітвы і веры. Так, парох Букоцкай Уваскрасенскай царквы Адам Малевіч, нягледзячы на папярэджанне, вынесенае яму ў 1771 г., па-ранейшаму бяздзейнічаў у справах асветы і апынуўся перад пагрозай страты парафіі [31, с. 86].

У той жа час адукацыйны працэс праводзіўся за плату і мог спрыяць папаўненню царкоўнай скарбонкі. Так, Вакула Лісіцкі абавязаны быў вучыць сялянскіх дзяцей за пяць бітых талераў [31, с. 84]. У рэфармацыйным дэкрэце, выдадзеным святару Буйнавіцкай Марыінскай царквы Лукашу Маразоўскаму-Еўстратовічу, зазначалася, каб тыя парафіяне, якія б пацерам, катэхізісу і артыкулам святой веры «навучыцца не хацелі, такіх да кумаўства (да хросту дзяцей. — *В. У.*) не дапускаць, не прымаць споведзі і шлюбу паміж такімі да году, пакуль не навучацца дасканала пацерам, катэхізісу» [31, с. 93].

Адукацыя сялян была належным чынам пастаўлена толькі ў адной парафіі Убарцкага дэканата — Лельчыцкай Траецкай царквы, дзе яе парох і ў той жа час дэкан Стафан Загароўскі прыкладаў «пільнасць у адносінах да адукацыі сваіх парафіян», а разам з тым «старанне і клапатлівасць пра ўбранне царкоўнае і маёмасць усяго дэканата» [31, с. 92].

У кожным з прадпісанняў візітатар не забываўся падкрэсліваць абавязкі мясцовага царкоўнага брацтва. Яго прадстаўнікі павінны былі штогод «сыціць канун» (займацца прыгатаваннем воску для свечак на памінальны стол «канун»). Воск разам з усялякімі грашовымі сумамі захоўваўся ў царкоўнай скарбонцы і выдаткоўваўся для царкоўных патрэб. Дадзеную скарбонку або скрыню належала трымаць у царкве пад ключом [31, с. 90].

У 1787 г., праз дзесяць гадоў пасля правядзення згаданай вышэй візітацыі, новы пісар генеральных візітаў Пётр Аляшкевіч апісвае стан спраў у парафіях, якія наведаў сваім візітам каад’ютар пінскі і тураўскі Язафат Булгак, ужо некалькі іншым чынам. Менавіта справаздача Булгака была пакладзена ў аснову прыведзенага пратакола. Так, у рэфармацыйным дэкрэце да візіты Буйнавіцкай царквы пералічваюцца абавязкі ўбарцкага дэкана, які «падчас свайго візіту дэканскага невуцтва і ў новаблаславёных мужоў і жонак заўва-

жыў, непаўнату або неакуратнасць метрыкаў знайшоў і пераканаўся ў ляноце і нядбаласці ў навучанні парафіян, як і ў вядзенні метрык вяльможнага ксяндза адміністратара, тады каб той дэкан за няправільны шлюб што з мужа, што з жонкі па сем злотых віны, а за невуцтва дзяцей і непаўнату або неакуратнасць метрыкаў другія і трэція сем злотых ад вяльможнага ксяндза адміністратара і яго пераемніка на карысць царквы браў, ад таго, хто супраціўляецца, спаганяў» [31, с. 98]. Такая пастанова датычылася і ўсіх астатніх цэркваў Убарцкага дэканата. У гэтым жа прадпісанні вызначаліся ўзаемаадносіны з панскім дваром, які быў абавязаны не чыніць перашкод дзейнасці пароха і кцітараў па напаўненні царкоўнай скарбонкі [31, с. 98]. Пра тое самае распавядаецца і ў візітах Лельчыцкай царквы [31, с. 98]. Таксама ў азначаным тэксце раскрываецца матывацыя сялян у справе навучання пацерам, катэхізісу, «актам веры, надзеі, міласці Божай і пакаяння», якія з’яўляліся абавязковымі для «збаўлення» [31, с. 98].

Апісаныя візіты даюць падставу ўявіць, наколькі сур’ёзная ўвага ў царкоўным уладанні віленскага капітула Убарць надавалася адукацыі парафіян, чаго не назіралася ў візітах прыватных уладанняў, аб якіх гаворка пойдзе ніжэй.

Даволі падрабязныя інструкцыі адносна адукацыйнай дзейнасці датычыліся пароха Вітуніцкай Пятра-Паўлаўскай царквы Барысаўскага павета Юзафа Хруцкага за 7 сакавіка 1800 г., які быў «абавязаны школку заснаваць, настаўніка ў ёй размясціць, які б дзяцей малых чытанню рускаму навучаў і да спявання ў царкве прызвычаіў, з той мэтай, каб ранішнюю імшу і вячэрню адпраўляць можна было». Нарэшце ў кожную нядзелю і свята святар павінен быў звяртаць увагу вернікаў да «навук і катэхізісу», а таксама «актаў веры, надзеі і міласці да Бога». Важнасць гэтай інструкцыі праяўляецца і ў падрабязным апісанні іншых бакоў штодзённага жыцця парафіі. Так, парох у кожны нядзельны і святочны дзень павінен пачынаць службу ў дзесяць гадзін раніцы. Набажэнства трэба было праводзіць у адпаведнасці з формамі «прапісанымі і разасланымі», схіляць хворых не толькі да «таямніцы пакаяння» (споведзі), але і да святой «эўхарыстыі» (прычасця), цяжка хворых — да прыняцця апошняга памазання. Паколькі брацтва пры царкве не было, парох мусіў сваёй стараннасцю, з дапамогай і на сродкі парафіян, а таксама калятараў (паноў-дабрадзеяў, нашчадкаў фундатара) папраўляць у сценах царкву і званіцу, агароджваць цвінтар [20, арк. 7 адв.—8].

У візітах цэркваў Мінскага дэканата за 1792 г., якія размяшчаліся на тэрыторыі панскіх маёнткаў, менш закраналася адукацыйнае пытанне. Яго вырашэнне зводзілася, галоўным чынам, да кароткіх рэгламентацый святарам больш увагі надзяляць маральнай навуцы, навучаць вернікаў «рускай і польскай грамаце», як гэта занатавана ў візіце парафіі Бесядскай Марыінскай царквы [19, арк. 17 адв.]. Аднак адукацыйная дзейнасць у парафіях залежала не толькі ад пажаданняў уніяцкага вышэйшага духавенства, але і ад ініцыятывы

на месцах. Так, у парафіі Станькаўскай Пятра-Паўлаўскай царквы мясцовы парох надаваў вялікае значэнне адукацыі [19, арк. 106].

Папаўненне царкоўнай скарбонкі на прыкладзе дадзеных візітаў адбывалася трыма рознымі спосабамі: за кошт парафіян, фундатараў і брацтва. Парафіяне Саламярэцкай Марыінскай царквы на яе патрэбы штогод выдаткоўвалі па восем грошаў з хаты [19, арк. 20]. У рэфармацыйным скрыпце для парафіян Старасельскай царквы было занатавана: «парафіяне на нядзельныя і іншыя ўрачыстыя дні грошы на асвятленне і аздабленне царквы мусяць пароху даваць» [19, арк. 30 адв.—31]. Паводле прывілея Валадковіча і пацвярджальнага яму прывілея Тадэвуша Агінскага за 15 ліпеня 1714 г., дзесяць злотых у год выплачвалася пароху Маладзечанскай царквы, яшчэ дзесяць злотых ішлі да царкоўнага скарба [19, арк. 51—51 адв.]. Пры наяўнасці пры царкве брацтва яно мусіла таксама займацца дзейнасцю па набыцці сродкаў для патрэб царквы. Так, пры той жа Маладзечанскай царкве брацтва мела права варыць піва шэсць разоў на год, а затым яго прадаваць, ад чаго атрымлівала даход [19, арк. 51—51 адв.].

У пералічаных візітах апісаны 46 парафій, прадстаўлена інфармацыя аб 24 брацтвах. Інфармацыя аб некаторых вельмі сціслая. Так, брацтва Бяларуцкай царквы «вялікага прывілея не мае, са сродкаў валасцян утрымліваецца» [19, арк. 22]. Палова брацтваў пазначаюцца са сваімі назвамі (тытуламі). Пры гэтым яны маглі насіць тытул, які не адпавядаў тытулу царквы. Напрыклад, царкоўнае брацтва Станькаўскай Пятра-Паўлаўскай царквы функцыянавала пад апякунствам Святога Мікалая [19, арк. 22]. Усяго такіх выпадкаў выяўлена дзевяць.

У візітах праяўляліся ўзаемаадносіны пароха і царкоўнага брацтва. Так, святар Хожаўскай царквы мог засноўваць брацтва, а таксама запісваць імёны братчыкаў у спецыяльную кнігу, дзе агаворвалася колькасць ахвяраванага імі [19, арк. 6]. Вядзеннем падобных «рэестраў імён братчыкаў» займаўся таксама Павел Вернікоўскі, парох Рубяжэвіцкай царквы [19, арк. 92 адв.—93]. Святару Трасцянецкай царквы Адаму Шышкоўскаму, пры аглядзе яго парафіі 2 чэрвеня 1792 г., прадпісвалася заслухоўваць справаздачы братчыкаў аб грашовых паступленнях і выдатках. Акрамя гэтага, братчыкі і парох не мелі права браць грошы на патрэбы царквы са скарбонкі без ведама аднаго з бакоў [19, арк. 44].

Брацтва Гарадзецкай царквы на свае сродкі і сродкі шпітальнікаў утрымлівала шпітальны будынак, дапамагло пароху Багрымоўскаму ў набыцці вялікага алтара [19, арк. 56, 57 адв.]. Брацтва Станькаўскай царквы разам з парохам забяспечвала дыяка жыллём і заробкам [19, арк. 105 адв.]. Брацтва Буцэвіцкай царквы выплачвала арганісту пенсію і прадстаўляла памяшканне пароху [19, арк. 18]. Брацтва Астрашыцка-Гарадоцкай царквы дапамагло пароху ў пабудове новай званіцы [19, арк. 23].

Немалаважным аспектам дзейнасці царкоўнага брацтва прадстаўлялася добраўпарадкаванне могілак, узвядзенне новых і аднаўленне старых царкоўных будынкаў (царквы, званіцы, сядзібы пароха). Пералічаныя накірункі дзейнасці фіксуюцца на прыкладзе царкоўнага брацтва Кіявецкай царквы [19, арк. 72 адв.].

Царкоўныя ўніяцкія брацтвы маглі заключаць фінансавыя пагадненні з іншымі канфесійнымі супольнасцямі. Брацтва Койданаўскай царквы, якое насіла імя Панны Марыі, атрымала прывілей яшчэ ў часы літоўскага харужага Багуслава Радзівіла (1620—1669) сыціць мёд шэсць дзён на год. Пасля таго як царква згарэла, з мэтай яе аднаўлення брацтва 14 лютага 1743 г. узяло ў койданаўскага кагала пазыку на тысячу злотых, якія абавязвалася выплачваць з даходаў ад збыту мёду [19, арк. 98 адв.].

Звычайнай з'явай была наяўнасць у парафіі аднаго царкоўнага брацтва, аднак у вялікіх парафіях такіх брацтваў магло быць два, як на прыкладзе парафіі Станькаўскай царквы. Так, асобнае брацтва існавала там пры Дабрынёўскай капліцы, згодна з прадпісаннем яно «як для маці павінна было даваць сродкі для скарбонкі Станькаўскай царквы» (за непаслухмянства прадугледжвалася пакаранне) [19, арк. 105 адв.—106].

Візіты брацтваў Бабруйскага, Глускага і Рагачоўскага дэканатаў Палескай сурагацыі Кіеўска-Віленскай уніяцкай епархіі за 1784 г. дадаюць новую інфармацыю аб функцыянаванні царкоўных брацтваў. У межах Бабруйскага дэканата называецца дзевяць брацтваў, у Глускім — чатыры, у Рагачоўскім — чатыры [16].

У згаданых апісаннях падкрэсліваецца падпадарадкаванае становішча брацтваў: брацтва Свіслацкай Марыінскай царквы знаходзілася пад кіраўніцтвам пароха [16, арк. 11 адв.], Свіслацкай Мікалаеўскай царквы — «пад упраўленнем пароха і двара» [16, арк. 14]. Аб сваёй дзейнасці брацтвы давалі справаздачу ў выглядзе спецыяльнага дакумента — калькуляцыі, якой фіксавалася штомесячнае паступленне грошаў у царкоўную скарбонку і іх выдаткаванне на розныя патрэбы. Пры гэтым нярэдка пазначаліся непасрэдныя памеры паступленняў і выдаткаў. Так, памер паступленняў у скарбонку Лукаўскай Юр'еўскай царквы складаў 80 рублёў [16, арк. 141 адв.], а выдаткі Свіслацкай Свята-Мікалаеўскай царквы складалі 524 злотых і чатыры грошы [16, арк. 14]. Фіксавалася і наяўная сума ў скарбонцы: для Бабруйскай Іллінскай царквы яна складала ўсяго 20 грошаў [16, арк. 25]. Справаздачнасць аб грашовых паступленнях і выдатках павінна была адбывацца штомесяц, пры гэтым многія брацтвы «калькуляцыі» не прадстаўлялі. Так, брацтва Дуброўскай царквы не прадстаўляла пароху справаздачу аб сваёй дзейнасці па той прычыне, што не вяло рэестраў аб паступленні і выдаткаванні грошаў [16, арк. 87]. Некаторыя брацтвы ўвогуле адмаўляліся ад падпарадкавання пароху, як брацтва Галынскай царквы, якое сабраныя для царкоўных патрэб сродкі трымала пры сабе [16, арк. 16 адв.].

Некаторыя брацтвы Бабруйскага дэканата надавалі ўвагу асветніцтву. Брацтва Панюшкаўскай царквы, акрамя набыцця царкоўнага рыштунку, дапамагала пароху ў навучанні парафіян асновам веры, катэхізісу і пацерам [16, арк. 19]. Брацтвы Стрэшынскай Марыінскай і Салонскай Раства-Багародзіцкай цэркваў раз на год займаліся вырабам воску для прыгатавання свечак на прастольнае свята [16, арк. 123, 126 адв.]. Два разы на год гэтай справай займаліся кцітары Рэчыцкай Свята-Мікалаеўскай царквы Глускага дэканата і Лукаўскай Юр'еўскай царквы Рагачоўскага дэканата [16, арк. 116—116 адв., 142 адв.]. У першым выпадку такая з'ява была звязана са святкаваннем дня веснавога і восеньскага памінання Святога Мікалая Мірлікійскага, у другім выпадку — Святога Георгія (Юр'я), якія, паводле народнай традыцыі, лічыліся апекунамі земляробства. Але, калі ў прыведзеных выпадках брацтвы ажыццяўлялі працэс вырабу воску на падставе фундушовых запісаў, то кцітары Заспенскай царквы Глускага дэканата рабілі гэта самавольна [16, арк. 111].

Даволі цікавая акалічнасць закранаецца пры апісанні брацтва Лукаўскай царквы. Так, братчыкі з вёскі Лукі не прадстаўлялі пароху справаздач аб паступленнях і выдатках. У той жа час братчыкі са Слабады падавалі «калькуляцыю» пароху [16, арк. 141 адв.]. Паводле рэфармацыйнага дэкрэта лукаўскім братчыкам прадпісвалася скласці справаздачу аб рахунках за апошнія шэсць месяцаў [16, арк. 142 адв.]. Падобны выпадак сведчыць аб тым, што брацтва пры Лукаўскай царкве не было маналітным утварэннем.

Візіты цэркваў Бабруйскага дэканата за 1792 г. змяшчаюць інфармацыю аб сямнаццаці царкоўных брацтвах, якая дапаўняе сабой звесткі папярэдняй візіты [23].

Брацтва Любоніцкай Марыінскай царквы мела права на кожны кірмаш вырабляць па шэсць камянёў* мёду і ў тры дні прадаваць яго. Грошы, атрыманыя ад продажу мёду, брацтва мелася патраціць на набыццё воску, ільну, намётак, палатна. Палова ад набытага ішла да пароха, другая палова — на патрэбы царквы. У царкоўнай скарбонцы на момант складання візіты знаходзілася 105 злотых [23, арк. 3]. Але на захаванні ў царкве маглі быць не толькі грошы. Так, у скарбонцы Брожскай Марыінскай царквы, акрамя 19 рублёў, меліся 10 фунтаў воску, 40 старых намётак і 20 новых [23, арк. 8 адв.].

Візіты Бабруйскага дэканата за 1792 г. фіксавалі не толькі колькасць наяўных у скарбонцы сродкаў, але і колькасць фінансаў, што былі пазычаны. Так, са скарбонкі Свіслацкай Мікалаеўскай царквы рознымі асобамі было пазычана 554 злотыя [23, арк. 27], а са скарбонкі Панюшкаўскай Раства-Багародзіцкай царквы валасцяне пазычылі 52 злотыя і 18 грошаў [23, арк. 24].

* Камень — адзінка масы сыпкіх рэчываў і штучных тавараў у рознічным гандлі ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Літоўскі камень быў роўны каля 15 кг.

У той час як большасць брацтваў два або тры разы на год займаліся прыгатаваннем і продажам мёду, меліся і выключэнні з правілаў. Напрыклад, брацтва пры Гарбацэвіцкай царкве «кануну не сыціць, толькі ахвяраваннямі ільну, воску і намётак (тканіны. — *В. У.*), якія збываюцца продажам, атрымлівае сродкі ў царкоўную скарбонку, у якой 16 злотых» [23, арк. 17].

Некаторыя брацтвы Бабруйскага дэканата за 1792 г. знаходзіліся не пад упраўленнем пароха, а ажыццяўлялі сваю дзейнасць пад кіраўніцтвам двара. Гэта адносіцца да дзейнасці брацтваў Слабада-Каралеўскай царквы імя Панны Марыі і Карытнянскай царквы імя Святога Базыля [23, арк. 7, 14 адв.]. Так, як засведчана ў візіце, двор цераз брацтва Слабада-Каралеўскай Марыінскай царквы «ўсялякія царкоўныя патрэбы і аздобы забяспечвае і ахайна зберагае» [23, арк. 7].

Выпадкі існавання двух асобных брацтваў пры цэрквах пацвярджаюцца на прыкладзе Карытнянскай Базылеўскай царквы, дзе адно брацтва функцыянавала пры царкве, а другое — пры Замошскай капліцы [23, арк. 14 адв.].

У візітах Цырынскага дэканата Навагрудскай сурагацыі за 1793 г. маюцца запісы аб васьмі царкоўных брацтвах [22]. Утварэнне брацтваў адбывалася, галоўным чынам, на падставе прадпісання візітатараў парафіяльным святарам, якія абавязаліся схіляць на тое сялян. Гэта прасочваецца на прыкладзе Сноўскай Пятра-Паўлаўскай і Ястрэмбельскай Мікалаеўскай цэркваў [22, арк. 18, 61 адв.]. Зацвярджаліся брацтвы з дазволу навагрудскага афіцыяла ці кансісторa як у выпадку з Гарадзішчанскай царквой Святых Тадэвуша і Сымона-Іуды, Навамышскай Праабражэнскай царквой [22, арк. 39 адв., 57 адв.]. Сустракаліся выпадкі фінансавых пагадненняў паміж парохам і дэканам. Так, адміністратар Навамышскай царквы Антоній Мурашка разам з брацтвам быў абавязаны выплачваць дэкану працэнт з запазычанай некалі сумы ў 100 злотых [22, арк. 59]. Цікавым фактам, які рэдка фіксуецца ў візітах, з'яўляецца абавязак брацтва Малеўскай Мікалаеўскай царквы акрамя сычэння (вырабу) мёду два разы на год займацца лоўляй рыбы [22, арк. 10 адв.]. Некаторыя парохі ў адносінах да сваіх парафіян былі ўпаўнаважаны да ажыццяўлення судовай функцыі. Так, адміністратар Мірацікай Міхайлаўскай царквы Фларыян Пятровіч абавязаны быў «урад суддзі выконваць, вінных не абараняць» [22, арк. 36].

Сялянская штодзённасць на прыкладзе візітаў таксама закранаецца ў раздзеле «Дакументы» або «Фундуш», дзе пералічаюцца акты надання царкве рухомай і нерухомай маёмасці. Да рухомай маёмасці належалі сяляне, абавязкі якіх на карысць царквы падрабязна апісваліся ў дакументах аб падараванні. Так, Юзаф Галінскі, аршанскі войскі, 3 лютага 1738 г. падараваў Хоўхлаўскай царкве двух падданых Адама Любецкага і Яна Каравая з сем'ямі. Тут жа падрабязна рэгламентавалася іх гаспадарчая дзейнасць: для мужчын адпрацоўка паншчыны на вызначанай паўвалоцы складала тры дні, для жанчын — два дні; зімой адзін дзень у тыдзень неабходна было працаваць для царкоўных

патрэб. За гэтае падараванне парох быў абавязаны кожны тыдзень адпраўляць імшу за душы фундатараў [19, арк. 61]. Чатыры сялянскія двары ў вёсцы Скарадкі мела ў сваім валоданні Маркаўская Троіцкая царква на 3 лютага 1799 г. Сяляне Фёдар і Варынец Такайлы, Сымон Мазуль са сваімі сем'ямі адбывалі паншчыну зімой і летам па тры дні ў тыдзень, а Міхал Казёл плаціў 40 злотых чыншу штогод за карыстанне паўвалокай сенажаці [17, арк. 5]. Але ў той час, калі многія цэрквы мелі ў сваім гаспадаранні некалькі двароў, то ўласнасцю Дзмітравіцкай царквы Прарока Іллі ў 1784 г. з'яўлялася цэлая вёска Дзмітравічы. Падданыя Мірон і Грышка Лобачы з сем'ямі абавязаны былі адбываць два дні паншчыны на тыдзень, плаціць шэсць злотых чыншу ў год. Гаспадары яшчэ чатырох двароў з сем'ямі адбывалі адзін-два дні паншчыны на тыдзень, штогод плацілі па чатыры польскія злотыя. Акрамя гэтага, сяляне плацілі падымнае ў скарб Рэчы Паспалітай, мужчыны двойчы на год вазілі тавар на гандаль, жанчыны былі занятыя ў прапалцы агародаў і зборы агародніны [14, арк. 5—5 адв.]. У візіце Маламажэйкаўскай Раства-Багародзіцкай царквы за 26 студзеня 1792 г. інфармацыя падаецца больш шырэйшая. Так, акрамя памераў паншчыны, чыншу і дадатковых павіннасцей падрабязна апісваюцца жылыя і гаспадарчыя пабудовы, зямельныя ўгоддзі плябанскіх падданых, колькасць хатняй жывёлы (валоў, кароў, кляч, авечак, свіней) [27, с. 46]. Увесь комплекс дадзенай інфармацыі напрамую адносіцца да гаспадарчай сялянскай штодзённасці.

Пры апісанні парафій таксама фіксаваліся правапарушэнні, якія здзяйсняліся парафіянамі ў адносінах да царкоўнай уласнасці. Так, пры апісанні «рэзідэнцыі» Сенніцкай царквы Мінскага дэканата 1 чэрвеня 1792 г. генеральны візітатар Карнэліўш Вернікоўскі згадваў, што сяляне вёскі Вяленцэвічы забралі са скарбонкі, якую напаўнялі яшчэ іх дзяды і бацькі, торбу з двумастамі злотымі. Ён загадаў мясцоваму пароху Якубу Сушчынскаму прадпрыняць усе магчымыя захады па вяртанні азначанай сумы, а таксама раіў замыкаць скарбонку на замок, змацоўваць яе пячаткай ксяндза. Акрамя гэтага, святару прадпісвалася, каб «хвалебным прыкладам ясную навуку нёс людзям, сам усталёўваў час набажэнства, маральныя запаветы часта чытаў, заахвочваў люд наведваць храм, яснавельможных калятараў у спрыянні гэтаму прасіў, быў напоўнены духам спакою і згоды з сямейнікамі, сам сябе абавязаў выканаць гэта рашэнне» [19, арк. 42 адв.].

Генеральны візітатар у Рэчыцкім павеце і дэканаце Тадэвуш Лебядзінскі фіксаваў 23 лютага 1800 г. у парафіі Капліцкай Юр'еўскай царквы з'яву растраты кцітарам і капліцкімі парафіянамі тых сродкаў, якія былі зароблены з продажу воску, сычанага «на канун», і якія меркавалася патраціць на куплю царкоўных кніг, патрэбных для адпраўлення богаслужэння. Візітатар усталяваў наступны парадак дзейнасці па ўтрыманні скарбонкі: кцітар і два братчыкі абавязваліся захоўваць яе разам з сабранымі грашыма пад двума ключамі, адзін ключ знаходзіцца ў пароха, а другі ў кцітара; выдача грошай на патрэбы

царквы павінна рабіцца з супольнай згоды ўсіх чатырох; парох Сымон Мажароўскі, кцітар Дзямьян Кавалёў і братчыкі Лук'ян Краўчонак і Пракоп Салуянчык будуць прымаць воск раз на год ад трох спецыяльна падабраных для яго вырабу людзей [18, арк. 69—69 адв.]. Галоўнай мэтай гэтай рэгламентацыі з'яўлялася тое, што ніхто не меў права карыстацца царкоўнай скарбонкай для ўласных патрэб.

Цікавым фактам з'яўлялася прадпісанне пароху Крысаўскай царквы Узнясення Гасподняга забараніць сваім вернікам пераходзіць да рымскага абраду пад пагрозай адлучэння ад «супольнасці верных хрысціян» [19, арк. 102 адв.]. Верагодна, аналагічныя выпадкі пераходу мелі месца.

Аднак для большасці мясцовасцей такая з'ява не была ўласціва. Недаверлівыя адносіны сялян-уніятаў да лацінскай, а значыць, каталіцкай, чужароднай граматы прадвызначала іх нежаданне ў шэрагу парафій аддаваць дзяцей на навучанне ў лацінскія школы. Па гэтай прычыне ў Пухавіцкім дэканаце ў 1780-я гг. для адукацыі дзяцей на «рускай» мове выкарыстоўвалася «даўняя школа ў Дукоры, у якую пад карай у 40 грывен парафіяне мусяць дзяцей да 1 верасня пазавозіць». Пад «рускай» мовай, верагодна, разумеецца царкоўнаславянская (а быць можа, і старабеларуская) кірылічная мова. Кожны з дваццаці парохаў абавязваўся размясціць вучняў па вызначаных для іх пакоях. Выхаваннем і навучаннем у школе займаўся наняты за плату дырэктар. Зазначалася, што дукорскі парох Клюеўскі «павінен трымаць добрага дырэктара, абы ў царкоўных уставах моладзь удасканальваў і ў іншых навуках пільна навучаў, абы тыя да ніякіх забаў не былі захоплены...» [3, s. 150; 24, арк. 135—136].

Пад адну вокладку з загалоўкам «Візіта царквы» траплялі і тыя дакументы, якія не з'яўляліся апісаннямі, але мелі адносіны да пэўнай царквы. Так, у падобнай справе, прысвечанай Мацеевіцкай царкве, змешчаны патэнт мацеевіцкаму святару Міхалу Пекарскаму на далучэнне да яго парафіі жыхароў вёскі Суцін з правам ажыццяўлення над імі сваёй душпастырскай дзейнасці за 9 снежня 1771 г., а таксама фундушовыя запісы, інвентар і акт абмежавання за 11 лютага 1762 г., метрычныя запісы за 1772—1793 гг. [25, арк. 1—11]. Яны таксама пад пэўным вуглом адлюстроўваюць штодзённасць жыхароў Мацеевіцкай парафіі, але да непасрэдных візітаў адносін не маюць.

Прыватная штодзённасць сялян характарызуецца прысутнасцю зародкаў сістэмы адукацыі і рэгламентаванага ў візітах парадку вывучэння пацераў, катэхізіса і іншых святых тэкстаў, што было неабходна для выратавання душы верніка. Удзел у гэтай дзейнасці маглі прымаць і царкоўныя брацтвы.

Грамадская штодзённасць сялян праяўлялася ў дзейнасці брацтваў, якія складаліся з парафіян і кантралявалі паступленне ў царкоўную скарбонку грашовых ахвяраванняў і міласціны ад парафіян, прымалі ўдзел у прыгатаванні і продажы воску, мёду, іншых напояў (гарэлкі і піва), лоўлі рыбы, займаліся пабудовай і рамонтам царквы, капліц і званіц, упарадкаваннем могілак. Цар-

коўнае брацтва магло ажыццяўляць дзейнасць пад кіраўніцтвам пароха, двара або самастойна, а таксама выступаць суб'ектам юрыдычных прававадносін. Яно дапамагала пароху ўтрымліваць шпіталь і школу, а таксама выплачваць заробак дыяку і арганісту. У парафіі магло быць некалькі брацтваў: адно змяшчалася пры царкве, а астатнія пры капліцах.

Гаспадарчая штодзённасць фіксуецца ў згадках аб гаспадарчай дзейнасці царкоўных сялян, што часцей за ўсё праяўляецца ў фундушах.

З усяго сказанага магчыма заключыць, што візіты фіксавалі і рэгламентавалі ўнутранае жыццё кожнай парафіі. Менавіта на падставе іх магчыма вызначыць уплыў духоўнай асобы пароха і сацыяльнага інстытута царкоўнага брацтва на бытавое і духоўнае жыццё вёскі. Візіты ўніяцкіх храмаў характарызуюцца адсутнасцю шаблоннасці, а менавіта вялікай колькасці паўтораў з іншымі візітамі пры апісанні аднатыпных з'яў. Падобная акалічнасць надае кожнай асобнай візіце своеасаблівы каларыт.

Крыніцы і літаратура

1. Gil, A. Unickie cerkwi Brześcia w opisie wizytacyjnym z 1726 roku / A. Gil // Rocznik Europy Srodkowo-Wschodniej. Rok (4) 2006. — S. 25—51.
2. Gil, A. W kręgu dziejów i kultury Kościołów wschodnich w Rzeczypospolitej / A. Gil. — Siedlce, 2009. — S. 67—95.
3. Greckokatolickie dekanaty błoński i puchowicki w latach 1783—1784 / Wstęp i opracowanie Irena Wodzianowska. — Sandomierz, 2006.
4. Księga wizyty dziekańskiej dekanatu podlaskiego przeze mnie księdza Bazylego Benedykta Guttorskiego dziekana podlaskiego, plebana golniewskiego w roku 1773 miesiąca Novembra dnia 17 iuxta vetus kalendarza sporządzona. Opracowali Józef Maroszek, Waldemar F. Wilczewski. — Białystok, 1996. — Aneks I. — Wizytacja generalna unickiey cerkwi białostockiej przeprowadzona 25 listopada 1804 roku przez księdza Leona Kraskowskiego. — S. 143—156.
5. Sygowski, P. Brasławski dekanat unickiej «Dyecezyi Polsko-Polockiej» (cerkwie i ich wyposaïenie) w świetle wizytacji z roku 1789 / P. Sygowski // Studia nad sztuką Renesansu i Baroku; pod red. J. Lileyko i J. Rolskiej-Boruch. — T. V. — Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2004. — S. 393—422.
6. Wizitacje generalne parafii unickich w województwie Kijowskim i Bracławskim po 1782 roku / Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubielskiego; opracował i wydał M. Radwan. — Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2004. — 912 s.
7. Wizytacje cerkwi unickich dekanatu Nowodworskiego diecezji Supraskiej 1804 roku. Opracowali P. Borowik i G. Ryżewski. — Białystok, 2009. — 184 s.
8. Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680—1682 гг.: Зборнік дакументаў / Укладальнік Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск: І. П. Логвінаў, 2009. — 270 с.
9. Лісейчыкаў, Д. В. Візіты і інвентары уніяцкіх храмаў Беларусі як крыніца па гісторыі штодзённасці (паводле матэрыялаў НГАБ) / Д. В. Лісейчыкаў // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 6. — Мінск: БелНДІДАС, 2005. — С. 94—101.
10. Лісейчыкаў, Д. В. Маральны стан уніяцкага кліру ў Беларусі напярэдадні скасавання уніі (30-я гг. XIX ст.) / Д. Лісейчыкаў // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Вып. 3; рэдкал.: А. К. Галубовіч (старш.) і інш. — Мінск: НГАБ, 2005. — С. 44—49.

11. Лісейчыкаў, Д. В. Плябанская гаспадарка уніяцкага святара ў Беларусі ў XVIII ст. / Д. В. Лісейчыкаў // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — № 5. — Ч. 2; рэд. кал.: П. Г. Нікіценка (гал. рэд.) і інш. — Мінск: Беларуская навука, 2005. — С. 44—46.
12. Лісейчыкаў, Д. В. Штодзённае жыццё уніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720—1839 гг. / Д. Лісейчыкаў. — Мінск: Медысонт, 2011. — 198 с.
13. М(альшевский), Н. Заметка о визитах как хранилищах исторических сведений и документов (на память о митрополите Иосифе) / Н. М. // Литовские епархиальные ведомости. — 1869. — № 10. — С. 658—662.
14. НГАБ (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі). — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41238. — Візіты Дзмітравіцкай царквы Барысаўскага пав., 1774—1803 гг.
15. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41240. — Візіты цэркваў Мазырскага, Петрыкаўскага, Тураўскага і Убарцкага дэканатаў, 1777—1787 гг.
16. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41241. — Візіты цэркваў Бабруйскага, Глускага і Рагачоўскага дэканатаў, 1784 г.
17. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41242. — Візіты Маркаўскай царквы Вілейскага пав., 1788—1814 гг.
18. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41244. — Візіты цэркваў Лідскага дэканата 1792 г., Мазырскага, Рэчыцкага і Тураўскага дэканатаў 1800 г., Пагосцкага дэканата 1801—1802 гг., Мазырскага і Рэчыцкага дэканатаў 1802 г. і Рэчыцкага дэканата 1803 г.
19. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41245. — Візіты цэркваў Мінскага дэканата, 1792—1793 гг.
20. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41246. — Візіты Вітуніцкай царквы Барысаўскага пав., 1799 г., 1817 гг.
21. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41247. — Візіты цэркваў Любяшоўскага, Мазырскага, Нобельскага, Пагосцкага і Тураўскага дэканатаў Брэсцка-Пінскай дыяцэзіі, 1799 г.
22. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41248. — Візіты цэркваў Цырынскага дэканата Навагрудскай сурагацыі, 1793 г.
23. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41268. — Візіты цэркваў Бабруйскага дэканата, 1792 г.
24. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41285. — Візіты цэркваў Блонскага і Пухавіцкага дэканатаў, 1783—1784 гг.
25. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41289. — Дакументы Мацеевіцкай царквы Пухавіцкага дэканата, 1771—1793 гг.
26. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Калінкавіцкага раёна. — Мінск: Ураджай, 1999. — С. 60—61 [Візіта Азарыцкай уніяцкай царквы, 29 студзеня 1778], 62—63 [Генеральная візіта Каленкавіцкай уніяцкай царквы, 21 лютага 1778].
27. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Шчучынскага раёна. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2001. — С. 45—48 [Візіта Маламажэйкаўскай уніяцкай царквы, 26 студзеня 1792].
28. Скочиляс, І. Генеральні візитації Київської унійної митрополії XVII—XVIII століть. Львівсько-Галицько-Кам'янецька єпархія. Протоколи генеральних візитацій / І. Ско-

чиляс. — Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2004. — Т. 2: — CCVIII+512 с.

29. Скочиляс, І. Генеральні візитації в українсько-білоруських єпархіях Київської уніатської митрополії. 1596—1720 роки / І. Скочиляс // Записки наукового товариства імені Шевченка. — Львів, 1999. — Т. CCXXXVIII: Праці Історично-філософської секції. — С. 46—94.
30. Скочиляс, І. Протоколи генеральних візитацій церков Київської уніатської митрополії XVIII століття (на прикладі недатованої єпископської ревізії Щирецького намісництва) / І. Скочиляс // Записки наукового товариства імені Шевченка. — Львів, 1999. — Т. CCXXXVIII: Праці Історично-філософської секції. — С. 434—514.
31. Хроніка Убарцкага Палесся / Аўтар-уклад. А. І. Атнагулаў; навук. рэд. В. Л. Насевіч. — Мінск: Тэхналогія, 2001. — 496 с.
32. Цвірка, А. А. Візіты Заслаўскай уніяцкай царквы Праабражэння Гасподняга за 1681, 1792 гг. / А. А. Цвірка, З. Л. Яцкевіч // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 6. — Мінск: БелНДІДАС, 2005. — С. 230—246.
33. Яцкевіч, З. Л. Цырынскі грэка-каталіцкі дэканат / Зміцер Яцкевіч // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 7—11 верасня 1998 г.). — Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. — С. 428—436.
34. Яцкевіч, З. Л. Візіты Блоньскага і Пухавіцкага уніяцкіх дэканатаў 1783—1784 гг. / З. Л. Яцкевіч // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Вып. 4. — Мінск, 2006. — С. 76—79.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.04.2012

Г. М. Брэгер,
вядучы палеограф
аддзела старажытных актаў НГАБ;

Л. А. Лінская,
старшы навуковы супрацоўнік НМГКБ

АРХІЎ СЛУЦКАГА ТРАЙЧАНСКАГА СВЯТА-ТРАЕЦКАГА МАНАСТЫРА (ДАКУМЕНТЫ 436—532 ЗА 1733—1746 гг.)

Працягваем публікацыю апісання дакументаў архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра, якія захоўваецца ў фондах Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, распачатую ў мінулых выпусках «Беларускага археаграфічнага штогодніка» [1].

Прадстаўлена 97 дакументаў за 1733—1746 гг. (№№ 436—532). Сярод іх выдзяляюцца скаргі праваслаўных святароў і мяшчан на ўніяцкіх і каталіцкіх ксяндзоў аб захопе цэркваў і іх маёмасці (№ 436, 472, 482, 489), нявыдачы радзівілаўскімі аканомамі фундушаў для цэркваў (№ 438, 479) і інш. Цікавыя дакументы аб аднаўленні разбуранай царквы Трайчанскага манастыра (№ 441—443), выбарах паслоў на Сойм ад праваслаўнага духавенства (№ 444). Таксама маюцца пацвярджальныя прывілеі каралёў і Радзівілаў на правы і фундушы праваслаўнаму духавенству Слуцкага княства (№ 451, 483, 487). Як заўсёды шырока прадстаўлены дакументы фінансава-эканамічнай дзейнасці ўладанняў Слуцкай архімандрыі, яе цэркваў і манастыроў, прыватнага жыцця праваслаўных іерархаў і простых святароў, а таксама дакументы, датычныя некаторых манастыроў і цэркваў па-за межамі Слуцкай архімандрыі.

436. Супліка вікарыя Слуцкай саборнай замкавай царквы Захарыя Мардзвіловіча слуцкаму архімандрыту, генеральнаму намесніку Кіеўскай мітраполіі аб гвалтах і шкодах Зблянскай царкве [Лідскага пав.], куды быў прызначаны 26.09.1732 для нагляду, з боку адміністрацыі маёнтка Беліца, аб смерці зблянскага празбітара Яна Ківачыцкага, захопе царквы і яе фундушаў сіняўскім празбітарам Грыгорыем Ральцэвічам, і з просьбай звольніць яго ад нагляду за царквой у сувязі з узмацненнем у тым раёне ўніі. Без месца і даты [1733].

Подпіс: Захары Мардзвіловіч, вікары царквы саборнай замкавай слуцкай.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 953—954; арк. 954 чысты, з затылкам).

437. Квіт Ізака Гловача, прызначанага намеснікам Заблудаўскага манастыра, аб атрыманні пры ад’ездзе ў Заблудаў ад слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага дакументаў гэтага манастыра ў колькасці 14 штук. Архімандрыя Слуцкая, 21.02.1733.

Подпіс: Ізак Гловач, н[амеснік] з[аблудаўскі].

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні. Стар. сігн.: № 10. 1 арк. (арк. 955).

438. а) Супліка слуцкага грэка-рускага (праваслаўнага) духавенства канцлеравай ВКЛ Ганне Радзівілавай аб нежаданні жыдоў, арандатараў чопавага ў Слуцку, даваць слуцкім цэрквам, паводле фундушаў, 16 каменяў воску штогод, аб выбіранні камандуючым слуцкім гарнізонам Тротам стацый і іншых падаткаў на жаўнераў з цэркваў насуперак прывілеяў і аб інш. шкодах. Без месца і даты.

Копія подпісу: духавенства грэка-рускае слуцкае.

б) (на адв. арк. 957). Загад кн. Ганны Радзівілавай на папярэднюю супліку, каб слуцкім цэрквам слуцкія жыды-арандатары штогод выдавалі воск, адміністрацыя замка дазваляла бясплатна па суботах браць дрэва на ацяпленне і рамонт цэркваў, і аб вызваленні цэркваў ад стацый слуцкага гарнізона. Замак Слуцкі, 13.03.1733.

Копія подпісу: А[нна] кн[ягіня] Радзівілавая.

в) Ліст С. М. Градэцкага з загадам арандатарам шосавага выдаць слуцкаму праваслаўнаму духавенству паводле распараджэнняў кн. Г. Радзівілавай 6 каменяў воску. Слуцк, 18.03.1734.

Копія подпісу: С. М. Градэцкі, П. Ч.

г) (на арк. 957) Арыгінал ліста кн. Г. Радзівілавай да п. Градэцкага з распараджэннем выконваць яе мінулы загад (№ 438-б) і вярнуць цэрквам ужо спагнаныя падаткі. Замак Бяльскі, 18.07.1735.

Пячатка на чорным сургучы і подпіс: А[нна] Радзівілавая.

Тагачасныя копіі тэкстаў а)—в), арыгінал тэксту г).

Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 60; № 83. 2 арк. (арк. 956—957).

439. Прыватны ліст (пісьмо) празбітара капыльскай царквы Стэфана Маўчановіча да слуцкага архімандрыта з паведамленнем, што ён, вярнуўшыся з Навагрудка да сваёй царквы, з-за святаў не мог паехаць да Слуцка і абяцае прыехаць пазней, даць калькуляцыю грошай і паведаміць аб сваіх справах. Без месца і даты.

Копія подпісу: Стэфан Маўчановіч, празбітар царквы Капыльскай.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 958).

440. Асекурацыйны ліст пані Аскеркавай, дадзены слуцкаму архімандрыту кс. Аранскаму, з абяцаннем вярнуць у тэрмін пазычаныя 6000 штук цэглы. Слуцк, 7.04.1733.

Подпіс: Аза (?) Аскеркавая, КВН (кашталянавая ваяводства Навагрудскага).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 959).

441. а) Выпіс з кніг кансісторскіх Кіеўскай архіепіскопіі і кніг праўных Кіеўскай катэдры 7.05.1733. Консэнс (дазвол) караля Аўгуста II грэка-рускаму духавенству места Слуцка на рэстаўрацыю разбуранай мураванай царквы Св. Тройцы на прадмесці Слуцкім, належачым Слуцкай архімандрыі, ва ўладаннях княжны Нейбурскай. Варшава, 20.12.1720.

Копія подпісу: Augustus Rex.

Пячатка кустадыйная. Кансісторыі Кіеўскай архіепіскопіі.

Подпісы: Рафаэль Забароўскі, архіепіскап кіеўскі; Юзаф, архімандрыт Св.-Мікольскі Кіеўскі, суддзя кансісторыі духоўнай катэдры архіепіскопіі Кіеўскай; Амброжы Дубневіч, архімандрыт і рэктар Калегіума Кіеўскага, суддзя судоў кансісторскіх; Кіева-Міхалаўскага манастыра ігумен Алексі Пятрына, архіепіскопіі Кіеўскай судоў духоўных суддзя; Тэадозі Глінскі, ігумен манастыра Свята-Траецкага Кірыльскага (?) Кіеўскага; Сыльвестр Думніцкі, намеснік катэдры архіепіскопіі Кіеўскай; Тэафан Трафімовіч, архідыякан катэдры Кіеўскай; Герман Канашэвіч, экзаменатар архіепіскопіі Кіеўскай.

б) Нататка, што арыгінал гэтага прывілея-консэнса 3.07.1732 падаў у кнігі кансісторскія і кнігі праўныя Кіеўскай архіепіскопіі айцец Юзаф Аранскі, які прыехаў у Кіеў для пасвячэння на Слуцкую архімандрыю, з якіх цяпер выдадзены гэты выпіс. [Кіеў, 7.05.1733].

Подпіс: Тыматэуш Шчарбацкі, у катэдры кіеўскай пісар.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 37; № 12; 4. 2 арк. (арк. 960—961).

442. а) Выпіс з кніг кансісторскіх Кіеўскай архіепіскопіі і кніг праўных Кіеўскай катэдры 7.05.1733. Консэнс (дазвол) аблегата і пленіпатэнта Генрыка Вільгельма Крамердэ Клауспруха ад імя палаціна рэнскага кн. Караля Філіпа і яго жонкі кн. Элізабеты Аўгусты [з Радзівілаў] слуцкаму праваслаўнаму духавенству на рэстаўрацыю царквы ў Св.-Траецкім манастыры Слуцкай архімандрыі. Варшава, 20.12.1720.

Копія подпісу: Генрык Вільгельм Крамедрэ Клауспрух.

Пячатка на кустодыі кансісторыі Кіеўскай архіепіскопіі.

Подпісы тых жа асоб, што ў № 441а.

б) Нататка, аналагічная як у № 441б.

Подпіс: Тыматэуш Шчарбацкі, катэдры Кіеўскай пісар.

Арыгінал. Лацін. (а) і пол. (б) м. Філігрань. Стар. сігн.: № 74. 2 арк. (арк. 962—963).

443. Ліст архітэктара Бартламея Шыслоўскага і яго памочнікаў аб атрыманні ад слуцкага Св.-Траецкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Тэадозія Ваўковіча 2000 зл. на мураванне царквы ў Св.-Траецкім кляштары і з абяцаннем распачаць працу 23.04.1732. У кляштары Св.-Траецкім Архімандрыі Слуцкай, 30.09.1731.

Подпісы: Бартломі Шыслоўшкі, М. К. М.; Марцін Лукашэвіч; Юзаф Вялічка (крыжык); Крыштаф Жукоўскі (крыжык).

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 964—965; арк. 965 чысты, з затылкам).

444. Прыватны ліст (пісьмо) брацкага пісара Андрэя Талаконскага-Пашкевіча ад імя Віленскага Крыжаноснага брацтва пры царкве Св. Духа да братчыкаў слуцкіх брацтваў Праабражэння Гасподня і Успенскага пры саборнай

замкавай царкве з паведамленнем, што цяпер Віленскае брацтва не можа абраць паслоў ад праваслаўнага духавенства на будучы элекцыйны сойм у Варшаве ў сувязі з адсутнасцю старшага іх кляштара Св. Духа, які знаходзіцца па кляшторных патрэбах пры Расійскім імператарскім двары. З манастыра п[анства] б[рацкага] Віленскага, 6/17.07.1733.

Подпіс: Андрэй Талаконскі-Пашкевіч, брацкі пісар.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 966—967; арк. 967 чысты, з адрасам, пашкоджаны).

445. Прыватны ліст (пісьмо) старосты Слуцкай замкавай царквы Геліяша Паўлюшыца ад імя Успенскага брацтва пры гэтай царкве да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай архіепіскопіі Юзафа Аранскага з просьбай хадайнічаць перад кіеўскім архіепіскапам аб прызначэнні святаром іх царквы Захарыяша Мальца. Слуцк, 29.08.1733 (стары стыль).

Пячатка на кустодыі (на адвароце арк. 969) Слуцкага Успенскага брацтва.

Подпіс: Геліяш Паўлюшыц, староста царквы замкавай слуцкай.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 968—969; арк. 969 чысты, з адрасам і пячаткай).

446. Другі экзэмпляр дакумента № 445.

Пячатка і подпіс такія ж, як на дакуменце № 445.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 970—971; арк. 971 чысты, з адрасам і пячаткай).

447. Квіт камісараў, выдадзены духавенству Слуцкага манастыра, якое са свайго маёнтка Пасекі, з 26 дымоў, далучыўшыся да Слуцкай архімандрыі, выдала пешых жаўнераў з узбраеннем і грашовым утрыманнем. Навагрудак, 8.04.1734.

Подпісы: Францішак Д. Гарбачэўскі, столь[нік] НС [Навагрудка Северскага] і камісар; Міхал К[азімі]р Дашкевіц, падстароста, рэгент гродскі і камісар в[аяводств]а Наваг[рудскага].

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 972).

448. Адсутнічае.

449. Квіт камісараў, выдадзены слуцкаму архімандрыту Юзафу Аранскаму, які з маёнткаў Слуцкай архімандрыі, манастырскіх і царкоўных вёсак, усяго 196 дымоў, выдаў 11 пешых жаўнераў з узбраеннем і грашовым утрыманнем. Навагрудак, 10.04.1734.

Подпісы: Францішак Д. Гарбачэўскі, столь[нік] Наваг[рудка] Сев[ерскага] і камісар; Міхал К[азі]м[і]р Дашкевіц, падстароста, рэгент гродскі в[аяводств]а Наваг[рудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 973).

450. Ліст-обліг слуцкага абывателя і купца Трафіма Шчурыковіча, дадзены слуцкім сесіяналістам і абывателям, братчыкам Успенскага брацтва пры

Слуцкай замкавай царкве Якубу Лапіцкаму, Яну Янавічу Хрысцінічу і Геляшу Паўлюшыцу на пазычаныя ў брацтва 300 зл. з тэрмінам вяртання пазыкі 16.04.1734. Без месца і даты [1733 г.].

Подпісы: Трафім Шчурык; Ян Ваўковіч; Пётр Гутоўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 974).

451. Прывілей вялікага падчашага ВКЛ, перамышльскага старосты кн. Гераніма Фларыяна Радзівіла грэка-рускаму духавенству Слуцкага і Капыльскага княстваў, у сувязі са скаргай слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага і Слуцкай капітулы, на вольнае беспадатковае сычэнне і шынкаванне мёду і воску, а гарэлкі толькі па-за межамі цэркваў і плябаній для патрэб царкоўных і брацкіх, паводле ранейшых прывілеяў. Замак Слуцкі, 16.05.1734.

Копія подпісу: Г. Ф. Радзівіл, князь, п[адчашы] в[ялікі] В[ялікага] Кн[яс]тва Літоўскага.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 22. 2 арк. (арк. 975—976; арк. 976 чысты, з затылкам).

452. Квіт Войцеха Легуцкага, маёра ЯКМ, вайсковага камісара ад генеральнага рэгіментара войск ВКЛ для рэкрутавання пяхоты з Навагрудскага ваяводства для Генеральнай канфедэрацыі, дадзены праваслаўнаму духавенству Слуцкай архімандрыі і капітулы, манастыроў і цэркваў аб выдачы са сваіх маёнткаў пэўнай колькасці пешых жаўнераў з узбраеннем. Слуцк, 22.05.1734.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: В. Легуцкі, маёр ЯКМ і камісар.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Нам не належыць». 2 арк. (арк. 977—978; арк. 978 чысты, з затылкам).

453. Ліст камісараў аб атрыманні ад кс. слуцкага архімандрыта з яго Слуцкай архімандрыі падатку на войска ВКЛ у памеры 148 чырвоных злотых, а са святароў Слуцкай капітулы і сельскіх цэркваў грошы не атрыманы. Слуцк, 18.07.1734.

Подпіс: Ян Канстанты Сіповіч, гараднічы п[аве]та Браслаўскага, канцылярыст і камісар Правінцыі ВКЛ.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 979).

454. Ліст камісараў аб атрыманні ад слуцкага архімандрыта кс. Юзафа Аранскага з кляштараў Слуцкай архімандрыі — Слуцкіх Св.-Траецкага, брацкага Праабражэння Гасподня, Грозаўскага Св. Мікалая, Старчыцкага і Морацкага — падатку на войска ВКЛ у памеры 2666 зл. і 20 гр. Слуцк, 20.07.1734.

Подпісы: Ян Канстанты Сіповіч, гараднічы п[аве]та Браслаўскага, канцылярыст Генеральнай канфедэрацыі і камісар Правінцыі ВКЛ; Якуб Ярмаловіч, [...] і камісар ад войска ВКЛ.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 980—981; арк. 981 чысты).

455. а) Ліст-обліг мужоў (старэйшын) в. Пасека Царкоўная, дадзены свайму пану, слуцкаму архімандрыту Юзафу Аранскаму, на пазычаныя ў яго

184 зл. на выплату падыманага на войска ВКЛ, з тэрмінам вяртання пазыкі на дзень Св. Тройцы. Слуцк, 1734 (без чысла і месяца).

Подпісы: Васіль Усеня, войт пасецкі, ад імя ўсёй вёскі (крыжыкам); Стэфан Манькоўскі, празбітар уваскрэсенскі слуцкі.

б) Нататка на адвароце, што згаданая сума 184 зл. пры генеральнай калькуляцыі ўвайшла ў агульную суму 2000 зл., апісаную на асобным облігу.

Без месца і даты.

Подпіс: Юзаф Аранскі, АСНМК (архімандрыт слуцкі, намеснік мітраполіі Кіеўскай).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: «Ненужное». 1 арк. (арк. 982).

456. а) Дэкрэт духоўнага суда Слуцкай капітулы па скарзе капыльскай празбітаравай Фрузыны Стэфанавай Маўчановічавай на капыльскіх празбітараў Яна Пыжэвіча і Клімента Маўчановіча аб невыкананні імі пастановы духоўнага суда ад 1735 г. аб выдачы ёй трацiны даходаў з Капыльскай парафіі. Дом судовы капітульны слуцкі, 30.10.1736.

Пячатка на кустодыі Слуцкай капітулы і архімандрыі.

б) Пастанова слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага аб зацвярджэнні вышэйзгаданага дэкрэта з некаторымі папраўкамі. Без месца і даты.

Копія подпісу: Юзаф Аранскі, архімандрыт слуцкі, НМК (намеснік мітраполіі Кіеўскай).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 983—984).

457. Ліст-прэзента (прадстаўленне) перамышльскага і крычаўскага старосты Гераніма Фларыяна Радзівіла айцу Парфеніўшу Звярковічу на празбітара Амговіцкай царквы Слуцкага княства па смерці былога святара Грыгорыя Дашкевіча. Замак Бяльскі, 2.08.1736.

Копія подпісу: Г. Ф. Радзівіл, ста[роста] пера[мышльскі].

Тагачасная копія. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 985).

458. Інвентар Трабскага староства Ашмянскага павета пры падачы яго ў трыманне навагрудскаму кашталяну, прапойскаму і трабскаму старосце, палкоўніку Петыгорскай харугвы войска ВКЛ Багуславу Феліксу Незабытоўскаму паводле прывілея караля Аўгуста III. Трабы, 16.01.1736.

Подпісы: Міхал Літавор Храптовіч, канюшы павета Мазырскага, дваранін ЯКМ Скарбу ВКЛ; Томаш Казлоўскі, енерал ЯКМ пав. Ашмянскага.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 16 арк. (арк. 986—1001).

459. а) Ліст-обліг слуцкага абываталя Сыльвестра Санкевіча, дадзены слуцкаму архімандрыту Юзафу Аранскаму, на пазычаныя ў яго 300 тынфаў з тэрмінам вяртання грошай 9.02.1737. Без месца і даты (29.10.1736 — на адвароце арк. 1003).

Подпісы: Сыльвестр Санкевіч; Ян Ваўковіч; Аляксандр Кучарскі; Пётр Сухажанет.

б) Нататка на адвароце арк. 1002, унізе, што гэты обліг быў прадстаўлены на сесіі Слуцкай магдэбургіі. Без месца, 22.09.1738.

Подпіс: Алякса[ндр] Кучарскі, пісар м[айдэбурскі] м[еста] Сл[уцкага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 1002—1003; арк. 1003 чысты, з затылкам).

460. Выпіс з кніг Жамойцкага сурагатарскага суда. Скарга супругаў Юрыя і Гертруды Ганіпроўскіх на Яна Самішчу, што 9.08.1735 падданая адказчыка Кацярына Андрулёвая па смерці сваёй дачкі наехала на дом свайго зяця Пятра Карповіча, падданага істцоў маёнтка іх Пагрыжава Жамойцкага княства, і захапіла ўсю маёмасць і свайго ўнука. Расейні, 10.04.1736.

Пячатка на кустодыі тэльшэўскага старосты, генеральнага харужага і сурагатара Жамойцкага княства Антонія Горскага.

Подпіс: карыгаваў Янцэвіч.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 1 арк. (арк. 1004).

461. Указ Кіеўскага архіепіскапа Рафаіла, дадзены паводле ліста-данясення ігумена Мгарскага манастыра Феафана аб знішчэнні падчас пажара гэтага манастыра, з загадам арыштаваць вінаватага ў пажары іераманаха Веніяміна Савецкага да аддачы ім запісаных на манастыр 200 рублёў за прададзены свой млын у сяле Жданы, а таксама аб дазволе збіраць міласціну ў суседніх епархіях на адбудову манастыра. (Згадваецца аб смерці 27.05.1736 князя Шахаўскога). Катэдра Кіеўская, 12.06.1736.

Подпіс: Рафаіл, архіепіскап кіеўскі.

Арыгінал. Стукр. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 363, 6 K. Z. 2 арк. (арк. 1005, 1007).

462. Данясенне брацііі Мгарскага Лубенскага манастыра свайму ігумену аб абранні новага намесніка айца Іякіма Літвішкі замест былога намесніка Георгія Кувячынскага, якога за злоўжыванні на пасадзе панізілі да статусу звычайнага манаха. Без месца і даты.

Копіі подпісаў: іераманах Дарафей, былы аканом; іераманахі Прохар, Віталій, Варлаам, Павел, Кірыл; іерадыяканы Далякін (?), Венядыкт, Дэанісій, Назарэй; манахі Варфаламей, Усіхій, Наум; іераманах Іезекііл, аканом ММЛ (манастыра Мгарскага Лубенскага).

Тагачасная копія. Стукр. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 1006).

463. Ліст-адказ пісара Кіеўскай катэдры іераманаха Мадэста на данясенне ігумена Мгарскага манастыра аб прыняцці пад арышт дастаўленага іераманаха Мгарскага манастыра Георгія Кувячынскага. Кіеў, 22.06.1736.

Подпіс: іераманах Мадэст, пісар К. К. (катэдры Кіеўскай).

Арыгінал. Стукр. м. Філіграні. 1 арк. (арк. 1008).

464. Ліст-данясенне брацііі Мгарскага Лубенскага манастыра свайму ігумену, які прыехаў з Масквы, аб самавольным разбурэнні манастырскай царквы былым намеснікам айцом Георгіем Кувячынскім, а таксама з просьбай да ігумена паехаць у Глухаў для хадайніцтва перад панам гетманам аб дапамозе на адбудову царквы. Без месца і даты.

Подпісы: іераманах Іякім Літвішка, НММЛ (намеснік манастыра Мгарскага Лубенскага); іераманах Маркел; іераманах Веніямін Савіцкі; іераманах Іезекііл, аканом; іераманах Варлам; манах Варсанофій Палатны.

Арыгінал. Стукр. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 1009—1009; абодва аркушы прапагінаваны аднолькава).

465. Указ Кіеўскага архіепіскапа Рафаіла ігумену Мгарскага манастыра Феафану на яго данясенне з паведамленнем аб пачатку следства ў духоўнай кансісторыі па справе іераманаха гэтага манастыра Георгія Кувячынскага, фінансаванне якога следства павінен здзяйсняць манастыр. Катэдра Кіеўская, 3.07.1736.

Подпіс: Рафаіл, архіепіскап кіеўскі.

Арыгінал. Стукр. м. Філігрань. Стар. сігн.: ВК. Z. № 447. 2 арк. (арк. 1010—1111; арк. 1111 чысты).

466. Указ Кіеўскага архіепіскапа Рафаіла ігумену Мгарскага манастыра Феафану з паведамленнем, што па справе аб разбурэнні Мгарскага манастыра і вінаватых у гэтым іераманахаў Георгія Кувячынскага і Веніяміна Савецкага прызначаны і накіраваны ў манастыр следчыя катэдральныя іераманахі экзаменатар Іаасаф Гарленка і Уладзімір Каменскі. Катэдра Кіеўская, 28.07.1736.

Подпіс: Рафаіл, архіепіскап кіеўскі.

Арыгінал. Стукр. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 490. 2 арк. (арк. 1012, 1015).

467. Прыватны ліст (пісьмо) іераманаха (?) Сыльвестра Кахоўскага да [слуцкага архімандрыта] з паведамленнем аб хадайніцтвах падчас яго знаходжання ў Варшаве перад расійскім паслом Цэйсерлінгам, панам рэзідэнтам (без імя) і навагрудскім кашталянам [Багуславам Незабітоўскім] наконт дапамогі будаўніцтву мураванай царквы [у Слуцкім Св.-Траецкім манастыры] і пратэкцыі па гэтым пытанні перад [Радзівіламі], расійскімі Імператарскім Дваром і Свяцейшым Сінодам. Варшава, 28.08.1736 (стары стыль).

Подпіс: іерам[анах] (?) Сыльвестр Кахоўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1013—1014).

468. Ліст былой пападдзі Марыяны Давідавай Сасіноўскай і яе дачкі панны Гелены Сасіноўскай, дадзены іванскім святаром, з прабачэннямі перад імі за ўчынены вэрхал за знесены здзек і абяцаннямі не рабіць гвалтаў, за што святары выдзелілі ім месца для пабудавання. Плябанія Іванская, 1.05.1736.

Подпісы: Марыяна Давідавая Сасіноўская (крыжыкам); Гелена з Сасіноўскіх (крыжыкам); Мойзеш Бялькевіч, празбітар раждзественскі слуцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1017).

469. Тэстыманіяльны ліст давідгарадоцкаму пратапопу айцу Яну Гармановічу, які з'яўляецца паводле сведчанняў давідгарадоцкіх месцкіхураднікаў і мяшчан бліжэйшым сваяком і крэдыторам давідгарадоцкага мешчаніна Стахея Цумановіча, які памёр у Скавышынскай воласці, для адшукання і атрымання ў спадчыну маёмасці нябожчыка. Давідгарадок, 15.06.1737.

Сляды чатырох кустадыйных пячатак кепскай якасці давідгарадоцкіх гродскіхураднікаў і шляхты.

Подпісы: Юзафат Радцэвіч-Плотніцкі, суддзя гродскі кн[яс]тва Давідгарадоцкага; Караль Апановіч, пісар гродскі кн[яс]тва Давідгарадоцкага; Томаш Дастаеўскі; Станіслаў Кульвінскі; Антоні Кульвінскі; Грыгоры Альпінскі (усе па-польску); Станіслаў Альпінскі (стб. м.).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: 7. 2 арк., змацаваныя пячаткамі (арк. з тэкстам не пагінаваны; арк. 1018 чысты).

470. Ліст-прэзента (прадстаўленне) перамышльскага і крычаўскага старосты Гераніма Фларыяна Радзівіла Яну Клімковічу на празбітарства Рубяжэвіцкай царквы па смерці былога святара Казьмы Байкоўскага паводле просьбы слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага. Нягневічы, 8.12.1736.

Копія подпісу: Г[еранім] кн[язь] Радзівіл, с[тарос]та пера[мышльскі].

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1016).

471. Прыватны ліст (пісьмо) Юрыя Маляўскага да слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага з паведамленнем, што вымушаны з’ехаць са Слуцка, а як вернецца, то аддасць яму пэўныя грошы. Слуцк, 15.05.1737.

Пячатка на чырвоным сургучы кепскай якасці (на адвароце арк. 1020) і подпіс: Юры Маляўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1019—1020; арк. 1020 чысты, з адрасам і пячаткай).

472. а) Супліка (скарга) мяшчан і жыдоў места Капыль да кс. віленскага афіцыяла аб збіванні іх капыльскім каталіцкім камендарам кс. Пенскім і інш. шкодах, і з просьбай аб прызначэнні камісіі. Без месца і даты.

Подпіс: усё места Капыльскае.

б) Нататка на адвароце аб прадстаўленні гэтай суплікі кс. віленскаму генеральнаму афіцыялу і прызначэнні дэкрэтам следства. Каўпеніца, 27.08.1732.

Подпіс: кс. Аляксандр Жаброўскі, канонік і афіцыял г[ене]р[аль]ны віленс[кі].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1021).

473. Акт рэвізіі (праверкі) паводле загада слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Юзафа Аранскага наяўнасці абразоў, кніг, апаратаў, каштоўнасцей і інш. рухомых рэчаў у Капыльскай царкве Нараджэння Найсвяцейшай Панны. Без месца [Капыль], 27.09.1737.

Подпісы: Міхал Андрэеўскі, празбітар мікольскі слуцкі; Мойзеш Бялькевіч, празбітар раждзественскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 1022—1023; арк. 1023 чысты, з затылкам).

474. Тэстыманіяльны ліст давідгарадоцкіх гродскіх ураднікаў і шляхты, дадзены давідгарадоцкаму пратапопу айцу Яну Гармановічу, які пацвярджае

іх папярэдні ліст, што пратапоп з’яўляецца найбліжэйшым сваяком і крэдыторам нябожчыка Стахея Цумановіча. Без месца [Давідгарадок], 10.11.1737.

Пячатка кустадыйная вял. крайчага ВКЛ Марціна Мікалая Радзівіла, ардыната клецкага і давідгарадоцкага.

Подпісы: Юзафат Радцэвіч-Плотніцкі, суддзя гродскі кн[яс]тва Давідгарадоцкага; Караль Апановіч, пісар гродскі княства Д[авід]гарадоцкага; Ян Антоні Наздрына, стар[оста] зых., рэг[ент] з[емскі] п[авета] Пін[скага]; Павел Ліпскі, с[акратар] ЯКМ; Міхаіл Дамброўскі, ОПП (абозны (?) павета Пінскага); Міхал Гофман, СПС; Станіслаў Люберскі; Антоні Качаноўскі; Дамінік Мікульскі, інстыгатар рочкавы кн[яства] Д[авід]г[арадоцкага]; Марцін Сярніцкі; Станіслаў Каліноўскі, рэгент г[родскі] кн[яства] Д[авід]г[арадоцкага]; Грыгоры Баруцкі (стб. м.); Грыгоры Альпінскі, енерал ЯКМ п[авета] П[інскага]; Даніэль Альпінскі (стб. м.); Данілей Стахоўскі (стб. м.); Сямён Юнкевіч (стб. м.); Міхал Патоцкі; Андрэй (?) Вараноўскі; Андрэй Сасноўскі; Канстанты Верэнц; Марцін Тапанскі (?) (стб. м.); Томаш Шпігановіч.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк., змацаваныя пячаткай (арк. з тэкстам не пагінаваны; арк. 1025 чысты).

475. Ліст-прэзента (прадстаўленне) перамышльскага і крычаўскага старосты Гераніма Фларыяна Радзівіла айцу Аляксандру Ярашэвічу на празбітарства паловы парафіі царквы Нараджэння Найсвяцейшай Панны Марыі ў месце Капыль па смерці былога празбітара гэтай паловы парафіі айца Стэфана Маўчановіча. Бялая, 19.01.1738.

Пячатка кустадыйная і подпіс: Г[еранім] Фл[арыян] Радзівіл, ста[роста] пера[мышльскі].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 4. 2 арк., змацаваныя пячаткай (арк. з тэкстам не пагінаваны, арк. 1024 чысты).

476. Выпіс з кніг месцкіх Магілёўскай майдэбурыі. Рэляцыя магілёўскага лаўніка Якуба Куцэвіча, што, ад’язджаючы з таварам з Нежына Украінскага, узяў сабе ў дарогу па рэкамендацыі магілёўскага паспалітага Грыгорыя Хамянтоўскага парабкам Лявона, слуцкага абывателя юрыздыкі слуцкага архімандрыта, якога здаровым, як узяўшы, і адпусціў. Магілёў, 21.01.1738.

Пячатка на кустодыі Магілёўскай майдэбурыі.

Подпісы: Філімон Дзегцярэвіч, войт магілёўскі; Юры Трубніцкі, рэгент канцылярыі месцкай магілёўскай.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 1026—1027).

477. Ліст давідгарадоцкіх мяшчан, дадзены давідгарадоцкаму пратапопу айцу Яну Германовічу, што ён з’яўляецца найбліжэйшым сваяком, крэдыторам і спадкаемцам маёмасці давідгарадоцкага мешчаніна нябожчыка Стахея Цумановіча. Давідгарадок, 28.01.1738.

Подпісы: Лукаш Ярашэвіч, войт давідгарадоцкі (стб. м.); Алісей Ціцюра (крыжык); Гаўрыла Бранцэвіч (крыжык); Сямён Аношка (крыжык); Леска Ціцюра (крыжык); Сава Бесан (крыжык); Павел Стадкевіч, пісар м[есцкі]

д[авід]г[арадоцкі]; Хама Шышка, цэхмістр кравецкі (крыжык); Іван Данкевіч, слесар (крыжык) (усе — давідгарадоцкія мяшчане).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 30. 2 арк. (арк. 1028—1029; арк. 1029 чысты, з затылкам).

478. Асекурацыйны ліст тальскага паповіча Базылія Жыдскага і яго жонкі Зофіі Сеўрукоўны слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Юзафу Аранскаму з абяцаннем увайсці самім і іх нашчадкам у падданства айцу архімандрыту з выкананнем усіх цяглых павіннасцей, за што атрымліваюць зямлю ў в. Шыпілавічы Слуцкай архімандрыі, у сувязі з разарэннем і немагчымасцю больш жыць у в. Тальскай Ераміцкага двара. Архімандрыя Слуцкая, 19.03.1738 (стары стыль).

Подпісы: Сымяон Бабарыка, пра[збітар] царквы Вызнаўскай; Ян Вечар.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 36; № 33. 2 арк. (арк. 1030—1031; арк. 1031 чысты, з затылкам).

479. Супліка (скарга) слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага і Слуцкай капітулы да княжны [Радзівілаўны], уласніцы Слуцкага княства і калятаркі слуцкіх цэркваў і манастыроў, на жыдоў-арандатараў слуцкай мытніцы аб нявыдачы воску на слуцкія цэрквы, перашкодзе перамяшчэнню святароў праз слуцкія брамы, нападзе на плябанію і збіцці слуцкага міхайлаўскага празбітара Базылія Бараноўскага, а таксама на слуцкага каталіцкага плябана, аб розных шкодах слуцкім цэрквам і інш. Слуцк, 07.1738 (без чысла).

Подпісы: Юзаф Аранскі, архімандрыт слуцкі, НМК (намеснік мітраполіі Кіеўскай); Міхал Андрэеўскі, пр[азбітар] уваскр[асенскі] с[луцкі]; Раман Казюліч, пр[азбітар] варварынскі слуц[кі]; Максім Салавевіч, пр[азбітар] юр'еўскі слуцкі; Артэмі Рыбец, празбітар увуздвіжанскі; Базылі Бараноўскі, празбітар міхайлаўскі слуцкі; Ян Корбут, празбітар іванаўскі слуцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 26. 4 арк. (арк. 1034—1037).

480. Прыватны ліст (пісьмо) Фларыяна Булгарына да слуцкага архімандрыта Фларыяна Аранскага з просьбай вярнуць давідгарадоцкаму пратапопу Яну Германовічу маёмасць, якая засталася па смерці яго вуя (дзядзькі па маці) [Стахея Цумановіча]. Давідгарадок, 29.01.1738.

Пячатка на чырвоным сургучы (захавалася напалову) і подпіс: Фларыян Булгарын.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 1032—1033; арк. 1033 чысты, з адрасам і пячаткай).

481. Ліст перамышльскага, крычаўскага і камянецкага старосты Геранімa Фларыяна Радзівіла да капыльскіх зямян, мяшчан і падданых аб прызначэнні святарамі царквы Нараджэння Панны Марыі ў м. Капыль айцоў Яна Пыжэвіча і Кліменція Маўчановіча па смерці былых святароў айцоў Пыжэвічаў. Слуцк, 6.09.1738.

Копія подпісу: Г[еранім] Фл[арыян] Радзівіл, с[тарос]та перам[ышльскі].

Копія тагачасная. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Papiry Kopylskiey Cerkwi y Oycom Służące» (замазана): 2 арк. (арк. 1038; арк. з тэкстам без пагінацыі, арк. 1038 чысты).

482. а) Супліка (скарга) праваслаўных святароў слуцкіх цэркваў да каталіцкага віленскага біскупа аб захопах фундушавых зямель Слуцкіх Мікольскай, Юр'еўскай і Раждзественскай цэркваў слуцкім каталіцкім плябанам, не зважаючы на пастановы камісараў. Без месца і даты [1738 г.].

Подпісы: Міхал Андрэеўскі, празбітар мікольскі слуцкі; Мойзеш Бялькевіч, празбітар раждзественскі; Максім Салаўевіч, празбітар Юр'еўскі.

б) Нататка на затылку аб прадстаўленні гэтай суплікі перад віленскім біскупам кс. Міхалам Янам Зянковічам. Дамброўна, 3.08.1738.

Подпіс: Міхал, біскуп віленскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 3; «Ненужное». 2 арк. (арк. 1039—1040).

483. Выпіс з кніг Пінскага гродскага суда, 26.01.1739. Прывілей крычаўскага старосты Героніма Радзівіла ўсім жыхарам Слуцкага княства і іншых так званых Нейбурскіх маёнткаў праваслаўнай, аугсбурскай (лютэранскай) і евангеліцкай (кальвінісцкай) канфесій, які пацвярджае іх ранейшыя прывілеі і вольнасці. Замак Слуцкі, 6.03.1731.

Пячатка на кустодыі Пінскага гродскага суда (пінскага старосты).

Подпісы: Антоні Арэшка, войскі і пісар г[родс]кі п[аве]та П[інска]га; карыгаваў Нагурчэўскі; згодна з арыгіналам — А. М. Качаноўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 4; 24. 4 арк. (арк. 1041—1044).

484. Выпіс з кніг Пінскага гродскага суда, 26.01.1739. Судовы ліст суддзяў, ад кн. Юрыя Юр'евіча Слуцкага прызначаных, Яна Грабінскага, Сямёна Іванавіча, кн. Лукаша Баляслававіча Свірскага, Данілы Рэзчыча ў справе ігумена Морацкага манастыра айца Феадосія з падданымі Слуцкага княства з сяла Лютовічы аб праве карыстання дубровай у манастырскім востраве Баркурава. Слуцк, 5.08.1550.

Копіі подпісаў: Антоні Арэшка, войскі і пісар грод[скі] п[аве]та пін[скага]; карыгаваў Нагурчэўскі; згодна з арыгіналам — А. М. Качаноўскі.

Копія XVIII ст. Пол. м. Без філіграні. Стар. сігн.: 1817 — № 9; № 94; 46-й. 2 арк. (арк. 1045—1046).

485. Рэестр облігавых, выдэркафавых і легацыйных лістоў на грашовыя сумы, якія належаць Слуцкаму брацтву Праабражэння Гасподня. Без месца, 4.05.1739.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 1047—1048).

486. Прыватны ліст (пісьмо) нейкай Маляўскай да нейкага царкоўнага іерарха (слуцкага архімандрыта?) з просьбай пачакаць з выплатай грошай, якія яна яму павінна. Без месца, 14.10.1739.

Подпіс: Маляўская.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 1049—1050).

487. Прывілей караля Аўгуста II аб пацвярджэнні і захаванні правоў праваслаўнай царквы ў ВКЛ і Кароне Польскай паводле даўніх прывілеяў былых каралёў, дадзены паводле просьбы наміната-епіскапа луцкага і астрожскага кс. Дыянізія Жабакрыцкага. Без месца і даты.

Без пячатак і подпісаў. Дакумент без канца.

Тагачасная копія(?). Пол. м. Філіграњ. 2 арк. (арк. 1051—1052).

488. Пабаровы квіт, выдадзены слуцкаму міхалаўскаму празбітару айцу Базылю Бараноўскаму, аб заплаце падымнага падатку са свайго царкоўнага маёнтка Брановічы. Навагрудак, 15.03.1740.

Подпіс: Францішак Высоцкі, сукал[екта]р надым[нага] в[аяводства] Н[ава]гр[удскага].

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 1053).

489. а) Супліка (скарга) праваслаўных сялян вёскі Дражна да свайго пана мінскага скарбніка дэ Раеса аб захопе святаром уніяцкай Залужскай царквы могілак у іх вёсцы, дзе некалі стаяла праваслаўная царква, і забароне ім хаваць сваіх нябожчыкаў. Без месца і даты [1740 г.].

Подпіс: мужы вёскі Дражна.

б) Нататка на затылку аб вынясенні рэзалюцыі па гэтай супліцы на вырак слуцкага архімандрыта. Станькаў, 22.03.1740.

Подпіс: (імя скарочана, не зразумела) дэ Раес, СВМ (скарбнік ваяводства Мінскага).

Арыгінал. Пол. м. Філіграњ. 2 арк. (арк. 1054—1055; арк. 1055 чысты, з затылкам).

490. Ліст-обліг слуцкага войта Яна Янавіча Хрысцініча і сесіяналістаў слуцкага месцкага суда Якуба Лапіцкага і інш., дадзены намесніку Слуцкага кляштара Праабражэння Гасподня і братчыкам брацтва пры ім, на пазычаныя ў іх на патрэбы места Слуцка 2000 зл. з тэрмінам вяртання грошаў 9.04.1740. Без месца і даты [1739 г.].

Подпісы: Ян Я[навіч] Хрысцініч, войт м[еста] С[луцкага]; Якуб Лапіцкі; Якуб Ваўковіч; Ян Ф[едаравіч] Хрысцініч; Дзям’ян Ладычка; Самуэль Хрысцініч; Аляксандр Кучарскі (акторы); М. Казімір Палонскі, губернатар княства Слуцкага; Караль Абуховіч; Юзаф(?) Віхерт (сведкі).

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. Стар. сігн.: 32. 1 арк. (арк. 1056).

491. а) Спіс абавязкаў намесніка манастыра і манахаў на іншых манастырскіх пасадах, складзены па патрабаванні ігумена Мгарскага манастыра айца Іясафа. Без месца і даты [1740 г.].

Подпісы: іераманах Іясаф Андрэеў; іераманах Пётр Феадораў; іераманах Іаан; іераманах Дарафей Ірынееў.

б) Надпіс зверху на першым аркушы: «Захоўваць гэта пану пісару пры справах манастырскіх». Без месца, 26.04.1740.

Арыгінал. Стукр. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 1057—1060; арк. 1058 павінен быць пасля арк. 1060, разарваны напалам).

492. Прыватны ліст (пісьмо) ураднікa А. Корзуна да свайго пана слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі айца Юзафа Аранскага са справаздачай аб гаспадарчых і фінансавых справах у архімандрыцкіх маёнтках. Шыпілавічы, 17.05.1740.

Подпіс: А. Корзун.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 1061—1062).

493. Асекурацыйны ліст святароў Раждзественскай царквы Мойзеша Бялькевіча і царквы Св. Геліяша Дзям'яна Рэвінскага, дадзены намесніку Кіеўскай мітраполіі айцу Юзафу Аранскаму, з абавязкам вярнуць пазычаныя на обліг 500 зл. у тэрмін 13.07.1742. Без месца і даты [13.07.1742].

Подпісы: Мойзеш Бялькевіч, празбітар раждзественскі; Дзям'ян Рэвінскі, в[ікары?] царквы с[вят]ога Г[еліяша] прарока.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1063).

494. Супліка парафіян вёскі Урэчча да царкоўнага іерарха (слуцкага архімандрыта?) на святара сваёй царквы Андрэя Плышэўскага, які перайшоў ва ўніяцтва, з-за чаго праваслаўныя парафіяне засталіся без пастыра і не маюць магчымасці адпраўляць духоўныя патрэбы. Урэчча, 24.12.1770.

Подпіс: з вёскі Урэчча парафіяне.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1064—1065).

495. Ліст-обліг празбітара Слуцкай Раждзественскай царквы Мойзеша Бялькевіча, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі айцу Юзафу Аранскаму, на пазычаныя ў яго 300 зл. з тэрмінам вяртання грошай 24.07.1741. Без месца і даты [1740 г.].

Подпісы: Мойзеш Бялькевіч, празбітар раждзественскі; Аляксандр Кучарскі, пісар маг[істрата] ме[ста] Слуцкага; Ян М. Мелянтовіч, возны (?).

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 1065; паўтор пагінацыі, гл. папярэдні дак-т).

496. Супліка (скарга) святароў Асавецкай царквы Пятра і Сымяона Біруковічаў да айца слуцкага архімандрыта аб выгнанні іх з парафіі і пераасвячэнні іх праваслаўнай Асавецкай царквы ва ўніяцкую ксяндзамі слуцкімі езуітамі. Без месца і даты.

Подпісы: Петр Біруковіч, празбітар царквы Асавецкай; Сымяон Біруковіч, святар царквы Асавецкай.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: sub № 15. 1 арк. (арк. 1066).

497. а) Ліст канцлеравай ВКЛ [Каралевай Станіслававай] Радзівілавай Ганны Сангушкаўны да ўраднікаў мытных камор ЯКМ з просьбай не затрымліваць і не абкладаць мытам яе віціны, якія яна адпраўляе са Слуцкага княства ракой Нёман да м. Каралявец пад кіраўніцтвам харужага слуцкага гарнізона Міхала Твароўскага і адміністратара Капыльскага княства Абрамовіча. Слуцк, 26.04.1741.

Копія подпісу: Ганна княжна Радзівілавая.

б) На адвароце чатыры чарнавыя тэксты суплік, эканамічных нататак. Без месца і даты.

Копія XVIII ст. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1068).

498. Ліст-обліг слуцкіх уваскрасенскіх празбітараў Томаша Тамашэўскага і Стэфана Манькоўскага, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Юзафу Аранскаму, на пазычаныя ў яго 300 зл. пад заклад 4-х моргаў зямлі ў прадмесці Востраў у Слуцку і даходаў з фундушавага фальварка Меляшкевічы, з тэрмінам вяртання грошай у 1740—1742 гг. Без месца і даты [31.08.1739] (дата на затылку).

Подпісы: Томаш Тамашэўскі, празбітар уваскрасенскі; Стэфан Манькоўскі, празбітар уваскрасенскі; Максім Салаўевіч, празбітар юр’еўскі; Мойзеш Бялькевіч, празбітар раждзественскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1067, 1071; арк. 1071 чысты, з затылкам).

499. Дэкрэт слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Юзафа Аранскага паводле ўказа кіеўскага архіепіскапа Рафала Забароўскага аб вызваленні на паўгода з пасады мазырскага пратапопа Тэадора Савіцкага з загадам прынесці прабачэнні святарам Мазырскай пратапопіі і іншым людзям, над якімі ён здзекваўся, збіваў і вымагаў грошы. Мазыр, 14.01.1742.

Копія подпісу: Юзаф Аранскі, архімандрыт слуцкі, НМК (намеснік мітраполіі Кіеўскай).

Копія XVIII ст. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1069—1070; на дакуменце таксама пагінацыя XVIII ст. — арк. 12—13).

500. Прыватны ліст (пісьмо) кіеўскага архіепіскапа Рафала Забароўскага да мінскай войскай Петранэлі з Завішаў Валадковічавай з просьбай, каб яна ў сваіх нованабытых маёнтках Скрыгалава і Слабада Мазырскага пав. захоўвала і абараняла ў цэрквах грэка-рускае (праваслаўнае) набажэнства. Без месца, 28.02.1742.

Копія подпісу: Рафаэль Забароўскі, арцыбіскуп кіеўскі.

Копія XVIII ст. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1072).

501. Ліст-прэзента (прадстаўленне) мінскай войскай Петранэлі з Завішаў Валадковічавай айцу Лук’яну Шуневічу на пажыццёвае святарства ў царкве Св. Міхала ў яе вёсцы Слабада Скрыгалаўская з правам карыстання царкоўнымі зямельнымі ўгоддзямі. Скрыгалава, 6.05.1742. (гл. таксама № 538).

Копія подпісу: Петранэля з Завішаў Валадковічавая, ВВМ (войская ваяводства Мінскага).

Подпіс (арыгінальны на копіі): Лук'ян Шунев[іч], празбітар слабодск[і].

Копія тагачасная. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 1073).

502. Асекурацыйны ліст антонаўскага празбітара айца Мацея Мачульскага, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі айцу Юзафу Аранскаму з запэўніваннем вяртання пазычаных 35 зл. 11 гр. у дзень Св. Тройцы рускай у 1742 г. у кляштары Слуцкай архімандрыі. Кіеў, 6.03.1742.

Подпісы: іярэй Матфей Мачульскі (стб. м.), Міхал Багуцкі (пол. м.).

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 1074).

503. Супліка (скарга) празбітара Вязкаўскай Іллінскай царквы Георгія Яфрэмавіча да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб пераводзе ва ўніяцтва парафій яго Навасельскай і Вязкаўскай цэркваў азарыцкім старостам Людвікам Панцэрынскім, які заснаваў уніяцкую царкву ў Азарыцкім старостве. Без месца і даты (адзнака, што супліка пададзена архімандрыту 28.02.1743).

Подпіс: Георгі Яфрэмавіч, празбітар свята-іллінскі вязкаўскі (стб. м.).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк.; арк. 1075—1076 (арк. 1076 чысты, з затылкам).

504. Анатацыя (кароткі змест) да дакумента № 503. [XIX ст.].

Арыгінал. Рус. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 1077).

505. Дэкрэт Слуцкага замкавага суда ў справе былой слуцкай войтавай удавы Аляксандры Лапіцкай з жыдоўскім кагалам м. Слуцка аб пазычаных на обліг грошах у пляменніка скаржніцы нябожчыка Мацея Чарняўскага, якія спадчынай прыйшлі скаржніцы. Слуцк, 18.06.1743.

Пячатка на кустодыі Слуцкага замкавага суда («Пагоня»).

Подпісы: Мацей Казімір Палонскі, скарбнік латычаўскі, губернатар княства Слуцкага і Капыльскага; зверана з актамі — Смагаржэўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 6 арк. (арк. 1078—1083; арк. 1083 чысты).

506. Ліст-обліг слуцкага абываталя і купца Трафіма Шчурыка, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Юзафу Аранскаму, на пазычаныя ў яго 180 зл. з тэрмінам вяртання грошай 25.03.1744. Без месца і даты [1744 г.].

Подпісы: Трафім Шчурык; Ян М. Мелянтовіч.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1084).

507. Указ Кіеўскай мітрапалітальнай катэдры ад імя яе Вялікасці Расійскай Імператрыцы ігумену Гадзяцкага Краснагорскага Св.-Мікалаеўскага манастыра айцу Міхаілу аб накіраванні ў манастыр калужскага купца Васіля Грыгор'евіча Цішкова для дастаўкі драніц для пакрыцця дахаў спарахнелых манастырскіх будынкаў і здзяйснення іншага рамонту. Без месца, 2.06.1747.

Подпіс: смірэнны Рафаіл, мітрапаліт кіеўскі.

Арыгінал. Рус. м. Без філіграней. Стар. сігн.: № 571. 2 арк. (арк. 1085—1086).

508. а) Супліка (скарга) якімавіцкага святара Сямёна Пігулеўскага да [слуцкага архімандрыта] з апраўданнямі, што ён не падкупаў камісараў мазырскага староства і не намаўляў людзей аддзяліцца ад Навасельскай парафіі і далучыцца да яго парафіі. Без месца і даты (адзнака аб падачы суплікі архімандрыту 14.07.1774).

Подпіс: Сямён Пігулеўскі, святар якімавіцкі свята-праабражэнскі (стб. м.).

б) Дэкрэт Кансісторыі Слуцкай архімандрыі па згаданай супліцы. Без месца, 14.07.1774.

в) Нататка аб сканчэнні гэтай справы ў кансісторыі. Без месца, 16.07.1774.

Подпіс: пісар кансісторыі А[рхімандрыі] С[луцкай] Якуб Каржанеўскі.

Арыгінал. Пол. м. (а, в), стб. м. (б). Філіграні. 2 арк. (арк. 1087—1088; арк. 1088 чысты).

509. а) Супліка (скарга) святароў Слуцкіх Уваскрэсенскай і Варварынскай парафій да падчашага ВКЛ Гераніма Радзівіла, каб выдаў дазвол на ўзнаўленне трох згарэўшых цэркваў у Слуцку перад Старым Замкам — Уваскрасення Госпадня, Святых Айцоў і Ахвяравання Найсвяцейшай Панны, на карыстанне дрэвам ва Урэцкай і Амговіцкай пушчах і пацвердзіў фундуш гэтых цэркваў. Без месца і даты (пададзена князю 13.08.1744).

Копія подпісу: усё духавенства грэка-рускае з дзвюма парафіямі Уваскрэсенскай і Варварынскай.

б) (На адвароце арк. 1090). Рэспонс (загад) Г. Радзівіла аб узнаўленні згарэлых цэркваў і выдачы дрэва з Урэцкай пушчы. Слуцкі замак, 27.08.1744.

Копія подпісу: Г[еранім] кн[язь] Радзівіл, ПВВКЛ (падчашы вялікі ВКЛ).

Копія тагачасная. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 1089—1090).

510. Перапіска сенатараў і іншыхураднікаў Рэчы Паспалітай паміж сабой і з паслом Расійскай Імперыі ў РП Кайзерлінгам наконт становішча праваслаўнай царквы ў РП, уціскаў святароў і прыхаджан і інш.

а) Ліст кс. прымаса (толькі загаловак). Скерневічы, 30.12.1743.

б) Рэспонс падканцлера ВКЛ кн. М. Ф. Чартарыйскага, 24.01.1744.

в) Ліст кс. віленскага біскупа да падканцлера ВКЛ кн. М. Ф. Чартарыйскага. 10.01.1744.

г) Рэспонс канцлера ВКЛ Я. Ф. Сапегі. Кодзень, 21.01.1744.

д) Рэспонс вялікага маршалка кароннага Ф. Бялінскага. Отвацк, 30.01.1744.

е) Ліст Ліпскага. Кельцы, 2.02.1744.

ж) Рэспонс польнага гетмана ВКЛ М. К. Радзівіла. 29.01.1744.

з) Рэспонс кіеўскага ваяводы, польнага гетмана кароннага Патоцкага. Залозцы, 4.02.1744.

і) Ліст яго ж да віленскага і луцкага біскупаў. Залозцы, 4.02.1744.

к) Рэспонс вялікага гетмана ВКЛ М. С. Вішнявецкага. Вішнявец, 4.02.1744.

л) Рэспонс кс. гнезненскага архібіскупа і прымаса кс. Шэмбека. 12.02.1744.

м) Рэспонс кракаўскага кашталяна Мнішка. Явораў, 11.02.1744.

н) Ліст яго ж да кс. мітрапаліта, 16.01.1744.

о) Паўторны мемарыял кароннага і літоўскага канцлераў. 01.1744. Без канца.

Копія XVIII ст. Пол. м. Без філіграней. 8 арк. (арк. 1091—1098).

511. Супліка сялян в. Вялікія Фальваркі Заблудаўскага графства да слуцкага архімандрыта кс. Юзафа Аранскага з просьбай дазволіць намесніку Заблудаўскага кляштара асвяціць капліцу ў іх вёсцы, пабудаваную ў 1710 г. у падзяку выратавання ад моравай пошасці. Без месца і даты (адзнака аб падачы суплікі 12.02.1744).

Подпісы: Якуб Пятровіч; Раман Шчотка; Іван Сыновец; Даніла Рыбачук; Андрый Кананюк; Хведар Кудэрскі (усе крыжыкамі).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 8. 2 арк. (арк. 1099—1100).

512. Супліка святароў Старобінскай і Іздрашоўскай цэркваў да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Юзафа Аранскага аб захопе іх фундушавых зямель у вв. Паварчычы і Ціжэвічы трымальнікамі двара Мецавіцкага Кацярынай Узлоўскай і яе сынам Аляксандрам Узлоўскім. Без месца і даты [1744 г.].

Подпісы: Базылі Бабарыка, празбітар старобінскі; Харлампі Лісіца, празбітар царквы Іздрашоўскай.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1101—1102; арк. 1102 чысты, з затылкам).

513. Супліка языльскага празбітара Яна Страховіча да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб гвалтоўнай перадачы 24.06.1744 горбаўскім старостам Бярнардам Аборскім праваслаўнай царквы ў яго маёнтку Горка, якая належала Языльскай парафіі, уніяцкаму залужскаму каплану. Без месца і даты [1744 г.].

Подпіс: Ян Страховіч, празбітар языльскі.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграней. 2 арк. (арк. 1103—1104; арк. 1104 чысты, з затылкам).

514. Прыватны ліст (пісьмо) горбаўскага старосты Бярнарда Аборскага да архімандрыта Слуцкай капітулы, намесніка Кіеўскай архіепіскопіі Юзафа Аранскага з тлумачэннем добраахвотнага пераходу сялян яго маёнтка ва ўніяцтва і няслушнасці абвінавачвання яго ў гвалтах языльскім праваслаўным святаром. Бярэзіна, 3.01.1745.

Пячатка на чырвоным сургучы (захавалася часткова) і подпіс: Бярнард Аборскі, СГ (староста горбаўскі).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: «О церкви Горской»; 4; № 8. 2 арк. (арк. 1105—1106; арк. 1106 чысты з адрасам і пячаткай).

515. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ, 24.05.1745, выдадзены 15.06.1768. Актыкацыя выпісу з кніг Хрыстбургскага замкавага суда ад 1744 г. Ліст Элізабеты Аўгусты Шульцбах і яе дачкі Марыі Францішкі, нашчадкаў палаціна рэнскага, пфальцграфа баварскага, уступкі Слуцкага княства і іншых Нейбурскіх уладанняў падчашаму ВКЛ Геранімy Фларыяну Радзівілу, отчычу гэтых маёнткаў. Без месца, 23.12.1743.

Пячатка кустадыйная земскага суда Віленскага ваяводства (1768 г.).

Подпіс: згодна з актамі — Ржэвускі, віцэрэгент зем[скі] в[аяводств]а Вілен[скага] (1768 г.).

Арыгінал (1768 г.). Пол. і лацін. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 18 (закрэслена); № 15. 6 арк. (арк. 1107—1112).

516. Ліст-обліг ашмянскага чашніка Томаша Воляна, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Юзафу Аранскаму, на пазыку ў яго 1870 зл. з тэрмінам вяртання грошай 6.06.1746. Без месца і даты [1745 г.].

Подпісы: Томаш Волян, чаш[нік] ашм[янскі]; Стэфан Багуслаў Волян; Крыштаф Няшкоўскі, П. Я. К. М.; Ян Касецкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1113).

517. Выпіс з кніг Навагрудскага гродскага суда, 1.07.1745. Ліст караля Стэфана Баторыя да ўсіх ураднікаў і шляхты Ашмянскага пав. з загадам неадкладна ў тэрмін заплаціць падаткі на ўтрыманне войска ВКЛ ашмянскаму паборцы Мікалаю Ваўчку Абрамовічу. Вільня, 10.05.1579.

Пячатка на кустодыі навагрудскага ваяводы Мікалая Фаўстына Радзівіла.

Подпісы: Станіслаў Быкоўскі-Лопат, войскі і пісар гродз[кі] на[ва]г[рудс]кі; карыгаваў Яновіч, СМНГВН (скарбнік мінскі?, намеснік гродскі ваяводства Навагрудскага).

Арыгінал. Пол. м., стб. м. пол. літ. Філіграні. 2 арк. (арк. 1114—1115).

518. Выпіс з кніг Навагрудскага гродскага суда, 1.07.1745. Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Антонія Драніцкага атаксавання (ацэнкі) па просьбе Яна Феліцыяна Абрамовіча розных рэчаў любчанскага жыда Гецэля Фавішовіча, пакінутых у суме грошай Я. Ф. Абрамовічу. [Навагрудак], 1.07.1745.

Пячатка на кустодыі навагрудскага ваяводы М. Ф. Радзівіла.

Подпісы: Станіслаў Быкоўскі-Лопат, войскі і пісар гродз[кі] на[ва]г[рудс]кі; карыгаваў Яновіч, СМНГВН (скарбнік мінскі?, намеснік гродскі ваяводства Навагрудскага).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 1116—1117).

519. Асекурацыйны ліст мазырскага пратапопа Феадора Савіцкага, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Юзафу Аранскаму, з запэўніваннем, што калі антонавіцкі празбітар Мацей Мачульскі не верне грашовы доўг у азначаны тэрмін, то сам заплаціць, як паручыцель па ім. Без месца, 24.10.1745.

Подпіс: Феадор Савіцкі, пратапоп мазырскі (стб. м.).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1118).

520. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда, 16.11.1745. Прыватны ліст (пісьмо) віленскага кашталяна, польнага гетмана ВКЛ Міхала Масальскага да сваёй сястры якімавіцкай старосцінай Грабоўскай з просьбай садзейнічаць і дапамагаць дукорскаму празбітару айцу Грыгорыю Пілецкаму (Пілієўскаму — у сусцэпце). Без месца, 5.08.1745.

Копія подпісу: карыгаваў Яленскі, РЗГВМ (рэгент земскі і гродскі ваяводства Мінскага).

Копія XVIII ст. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 1120).

521. Прыватны ліст (пісьмо) М. Рейбніча да слуцкага архімандрыта Юзафа Аранскага з паведамленнем аб выдаткаванні грошай на вядзенне судовага працэсу. Слуцк, 26.03.1745.

Подпіс: М. Рэйбніч, оберст… (не зразумела).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1121—1122; арк. 1122 чысты, з адрасам).

522. а) Рэгест (загаловак, кароткі змест) дакумента № 522-б. [XIX ст.].

б) Супліка празбітара Бялевіцкай царквы Антонія Страховіча да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб здзяйсненні грабяжоў, шкод і гвалтаў святаром Бялевіцкай царквы з боку мазырскага падкаморыя Казіміра Вольбека. Без месца і даты [1745 г.].

Подпіс: Антоні Страховіч, празбітар ц[арквы] Бялевіцкай.

Арыгінал. а) Рус. м. б) Пол. м. Філігрань. а) 1 арк. (арк. 1123); б) 2 арк. (арк. 1124—1125; арк. 1125 чысты, з затылкам).

523. Інквізіцыя (допыт сведак, іх сведчанні) царкоўных іерархаў па загаду слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі [Юзафа Аранскага] па скарзе п. Грыцкевіча на чэлішчэвіцкага празбітара айца Мікіту аб вянчанні падданай скаржніка без яго дазволу. Чэлішчэвічы, 9.01.1746.

Подпісы: Грыгоры Змаровіч, протапразбітар петрык[аўскі]; Ян Каржанеўскі, п[разбітар] скрыг[алаўскі]; Якаў Багароўскі, ПЦNП (празбітар …, далей не зразумела) (стб. м.).

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. Стар. сігн.: 25. 2 арк. (арк. 1126—1127).

524. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Мінску, 27.01.1746. Ахоўны ўніверсал віленскага ваяводы, вялікага гетмана ВКЛ Януша Радзівіла манастыру Св. Тройцы ў Слуцкім княстве на вызваленне манастырскіх маёнт-

каў Шыпілавічы, Ямінск, Родкавічы і Пухавічы Навагрудскага ваяводства ад вайсковых падаткаў і жаўнерскіх стацый. Вільня, 13.05.1654.

Пячатка на кустодыі Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: Ігнаці Стравінскі, пісар гродс[кі] слонім[скі], маршалак Трыбунала Гал[оўнага] ВКЛ; Д[амі]нік Ігнаці Букоўскі, ст[арос]та курклян[скі], ротм[істр] і д[э]п[у]т[а]т п[аве]та Ашмян[скага]; Петр Антоні Мойгіс, будаўнічы і дэпутат павета Вілкамір[скага]; Юзафат Копец, с[тарос]та обальскі, дэпутат п[аве]та Браслаўскага; Адам Барташэвіц, рот[міст]р і дэпутат п[аве]та Аршанскага; Караль Эйдзятовіч, падстолі смален[скі] і д[э]п[ута]т; Юзаф Валодковіч, пад[судкавіч] і дэпутат в[аяво]дс[тва] Мінскага, пісар Трыб[унала] Гал[оўнага] ВКЛ; Багдан з Кастравіц Кастравіцкі, стар[оста] пр[...] і д[э]п[ута]т в[аяво]дства Мін[скага]; Ян Келчэўскі, падстолі і дэпутат п[аве]т[а] Рэчыцкага; карыгаваў Яленскі, ГМРЗВМ і ТГВКЛ (гараднічы(?) мінскі, рэгент земскі ваяводства Мінскага і Галоўнага Трыбунала ВКЛ); згодна з актамі — Пушкін (на затылку).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 92 (выпраўлена на 86); 22 (закрэслена). 4 арк. (арк. 1128—1131).

525. Супліка святароў цэркваў Ярэміцкай воласці Слуцкага княства да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб абцяжарванні калятарам [кн. Радзівілам] іх цэркваў дадатковымі падаткамі на яго двор, жаўнерскімі стацыямі і інш. Без месца і даты (пададзена 4.03.1746).

Подпісы: Стэфан Акіншыц, празбітар ярэміцкі; Петр Біруковіч, Сымяон Біруковіч, Грыгоры Слаўтовіч, Юзаф Біруковіч, празбітары царквы Асавецкай; Петр Ярашэвіч, празбітар царквы Тальскай; Ян Трэнбачэўскі, п[разбітар] л[юбанскі]; Лукаш Шпілеўскі, празбітар любанскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1132, 1134; арк. 1134 чысты, з затылкам).

526. Прыватны ліст Міхала(?) Лаўцэвіча да нейкага Грыгорыя, каб выбраў падымны падатак сакавіцкай раты як са святароў Ярэміцкай воласці, так і з жыдоў па талеры з кожнай асобы. Ярэмічы, 14.03.1746.

Подпіс: М[іха]л(?) Лаўцэвіч.

Арыгінал(?). Пол. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 1133).

527. Супліка святароў Капыльскай царквы да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб гвалтоўнай забароне камісарам Пацейкаўскага двара п. Нацалевічам сялянам вв. Вайшкоты і Мазалі наведваць праваслаўную Капыльскую царкву, парафіянамі якой яны з'яўляюцца. Без месца і даты (пададзена 12.04.1746).

Подпісы: Ян Пыжэвіч, празбітар ц[арквы] К[апыльскай]; Аляксандр Ярашэвіч, п[разбітар] ц[арквы] Капыльскай; Кліменты Маўчановіч, празбітар ц[арквы] Капыльскай.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1135—1136; арк. 1136 чысты, з затылкам).

528. Выпіс з кніг Мінскага гродскага суда, 29.07.1746. Актыкацыя выпісу з кніг Слуцкага замкавага суда, 21.02.1732. Ліст-прэзента (прадстаўленне) крычаўскага і члухоцкага старосты Гераніма Радзівіла айцу Юзафу Аранскаму на слуцкае архімандрыцтва, абранаму на гэтую пасаду Слуцкай капітулай па смерці былога архімандрыта айца Тэадозія Ваўковіча. Замак Бяльскі, 6.02.1732.

Пячатка на кустодыі мінскага судовага старосты [...] Іваноўскага.

Подпіс: у адсутнасці пана рэгента карыгаваў Пушкін, н[аместнік] г[родскі] мін[скі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 1137—1139, 1144).

529. а) Выпіс з кніг кансісторскіх Кіеўскай архіепіскопіі і кніг праўных Кіеўскай катэдры, [3.07.1732]. Ліст-прэзента (прадстаўленне) крычаўскага і члухоцкага старосты Гераніма Радзівіла айцу Юзафу Аранскаму на Слуцкае архімандрыцтва, абранаму на гэтую пасаду Слуцкай капітулай па смерці былога архімандрыта айца Тэадозія Ваўковіча. Замак Бяльскі, 6.02.1732.

Пячатка кустадыйная кансісторыі Кіеўскай архіепіскопіі.

Копія подпісу: Геранім князь Радзівіл, староста крычаўскі.

Подпісы: Рафаэль Забароўскі, архіепіскап кіеўскі; Юзаф Ваўчанскі, архімандрыт манастыра С[вята]Нікольскага Пустыннага, суддзя кансісторыі духоўнай архіепіскопіі Кіеўскай; Амброжы Дубновіч, архімандрыт і рэктар калегіума Кіеўскага, суддзя судоў кансісторскіх; Кіева-Міхалаўскага манастыра ігумен Алексы Пятрына, судоў архіепіскопіі кіеўскай суддзя; Тэадозі Хамінскі, ігумен манастыра Свята-Міхальскага Выдубіцкага Кіеўскага; Тэадозі Глінскі, ігумен манастыра Свята-Траецкага Кірыльскага Кіеўскага; Сільвестр Думніцкі, намеснік катэдры архіепіскопіі Кіеўскай; Тэафан Трафімовіч, архідыякан катэдры архіепіскопіі Кіеўскай; Герман Канашэвіч, экзаменатар катэдры архіепіскопіі Кіеўскай.

б) Нататка на арк. 1142 аб выдачы вышэйзгаданага выпісу. Без месца, [7.05.1733].

Подпіс: Тыматэуш Шчарбацкі, катэдры Кіеўскай натарыус (пісар).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 67; 63. 4 арк. (арк. 1140—1143; арк. 1143 чысты, з затылкам).

530. Прыватны ліст (пісьмо) [Стэфана-Багуслава] Воляна (ініцыялы і пасада не расшыфраваны) да [слуцкага архімандрыта?] з просьбай пачакаць вяртання грошай, якія некалі ў архімандрыта пазычыў яго нябожчык бацька. Грозаў, 3.08.1746.

Подпіс: С[тэфан] Б[агуслаў] Волян, [...].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 1145—1146).

531. а) Тэстамент слуцкага абываталя і сесіяналіста (члена) Слуцкага магістрацкага суда Даміяна Ладычкі, якім ахвяруе 8000 зл. і краму на адбудову Саборнай царквы ў Слуцку і пэўныя сумы іншым цэрквам, запісвае свой

дом у Слуцку на вул. Шырокай Новамейскай Грыгорыю Ладычку і інш. Слуцк, 10.09.1746.

Копіі подпісаў: Якуб Ваўковіч; Якуб Мелянтовіч.

б) Нататка аб зверцы гэтай копіі з арыгіналам. Без месца, 7.12.1747.

Копія подпісу: Казі[мір] Шэмбель, пісар урадавы замка Слуцкага.

Копія XVIII ст. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 1147—1150).

532. Супліка святароў Петрыкаўскай пратапопіі да [слуцкага архімандрыта] аб здзяйсненні крыўд святаром Урбанам Антоніем Грабніцкім, камісарам маёнтка Петрыкаў брэсцкай ваяводзінай Хадкевічавай, закрыцці праваслаўных цэркваў і перадачы іх уніятам, захопах царкоўнай маёмасці і інш. Без месца і даты (пасля 1741 г.). Без подпісу.

Копія XVIII ст. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 5. 2 арк. (арк. 1151, 1154).

Літаратура

1. Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2004. Вып. 5. С. 47—72; Мінск, 2005. Вып. 6. С. 288—311; Мінск, 2006. Вып. 7. С. 225—237; Мінск, 2007. Вып. 8. С. 72—88; Мінск, 2008. Вып. 9. С. 194—214.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 07.03.2012

Ю. М. Лаўрык,
вядучы навуковы супрацоўнік
навукова-фондавага аддзела
пісьмовых і выяўленчых крыніц
Нацыянальнага гістарычнага музея
Рэспублікі Беларусь,
аспірант Інстытута гісторыі НАНБ;
e-mail: lawryk@tut.by

КНІГАВЫДАВЕЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ СПІРЫДОНА СОБАЛЯ Ў КУЦЕЙНЕ

Літаратура і крыніцы. Навуковую літаратуру, прысвечаную Спірыдону Собалю, нельга назваць шматлікай, хоць і ў цені гэтае імя таксама не знаходзілася. Выданні Собаля досыць часта фігуруюць як у дарэвалюцыйных, так і ў найноўшых бібліяграфіях (айчынныя — у т. л. куцеінскія — выданні найбольш падрабязна прадстаўлены ў каталогу Г. Я. Галенчанкі [1]); згадкі пра яго дзейнасць прысутнічаюць амаль ва ўсіх аглядавых публікацыях па кірылічным кнігадрукаванні ў Беларусі ў 1-й пал. XVII ст. Разам з тым, уражвае невялікая колькасць даследаванняў, прысвечаных непасрэдна дзейнасці друкара, што, магчыма, звязана з адноснай рэдкасцю яго выданняў, некаторыя з якіх захаваліся ў адным або некалькіх паасобніках.

Асноватворчае даследаванне па тэме было падрыхтавана прадстаўніцай расійскага кнігазнаўства А. Зёрнавай, якая дзякуючы багаццю фондаў ДБЛ СССР (сёння — Расійская дзяржаўная бібліятэка) змагла вывучыць усе вядомыя на той час Собалевы друкаваныя выданні [2]. Заслуга даследчыцы перш за ўсё заключаецца ў тым, што яна правяла аналіз шрыфтоў і аздаблення гэтых кніг, а таксама выявіла выданні з несапраўднымі выходнымі данымі і ажыццявіла даволі пераканаўчую (хоць і не заўсёды бясспрэчную) спробу вызначэння іх храналогіі. Таксама менавіта А. Зёрнавай беларусы абавязаны вяртаннем у навуковы зварот фактаграфіі з дарэвалюцыйнай працы Ф. Жудро пра мінуўшчыну магілёўскага брацтва [3], якая даводзіць, што Спірыдон Собаль быў нашым суайчыннікам родам з Магілёва [2, с. 126—127].

Для вызначэння тых ці іншых акалічнасцей біяграфіі друкара былі карысныя дакументы, выяўленыя дзякуючы росшукам украінскіх гісторыкаў Я. Ісаевіча [4; 5] і А. Мацюка [6; 7], а таксама польскага даследчыка Э. Ружыцкага [8]. Шэраг матэрыялаў, звязаных з жыццём і дзейнасцю Спірыдона Собаля (у т. л. знойдзеныя згаданымі даследчыкамі), былі апублікаваны ў зборніках дакументаў «Русско-белорусские связи» [9] і «Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні» [10]. Філіграні Собалевых выданняў даследаваліся Т. Дыянавай у межах вывучэння паперы ўкраінскіх і беларускіх кірылічных старадрукаў, вынікі якога былі апублікаваны ў падрыхтаваным ёю альбоме [11].

Калі казаць пра айчынныя даследаванні, дзейнасць Спірыдона Собаля ўвогуле найбольш поўна прадстаўлена ў аглядавых працах па гісторыі беларускай кнігі і кнігадрукавання Г. Галенчанкі [12] і М. Нікалаева [13]. Мастацкае аздабленне выпушчаных друкаром кніг разглядаў В. Шматаў [14; 15]. У артыкуле Г. Кірэевай разглядаюцца прысутныя ў зборах мінскіх бібліятэк Собалевы выданні [16], а яго «Буквару» прысвечаны публікацыі беларускіх даследчыкаў М. Батвінніка [17] і І. Яршова [18].

Куцеінскі перыяд дзейнасці Спірыдона Собаля. Паколькі ў дадзеным артыкуле дзейнасць Собаля нас цікавіць перш за ўсё ў сувязі са знаходжаннем апошняга ў Куцейне, спынімся спецыяльна на гэтым перыядзе жыцця друкара. Тэкст першага выдання кіеўскага Апостала быў папярэджаны прысвячэннем Багдану Сцяцкевічу, які прафінансаваў публікацыю гэтай кнігі. У прысвячэнні друкар, між іншым, звяртаецца да фундатара з пажаданнем «жебысь Вмс милостивыи Пан тыи працы моей початки обачивши, зрозумети рачил яко снадне можеши в державе своей типографiи розширити»[*]. Працытаваны фрагмент даў падставы А. Зёрнавай [2, с. 134], а за ёй і іншым даследчыкам, выказаць думку, што Собаль нібыта прыехаў у Беларусь па запрашэнні Багдана Сцяцкевіча і распачаў кнігавыданне ў маёнтку апошняга ў Куцейне.

Такое меркаванне, аднак, нельга прыняць без засцярогі, паколькі ўрочышча Куцейна ніколі не з'яўлялася вотчынай Сцяцкевічаў, а было куплена апошнімі на пачатку 1620-х гг. толькі дзеля заснавання ў ім Багаяўленскага манастыра — якому адразу ж і было аддадзена.

Менавіта таму ні ў адным з куцеінскіх выданняў Собаля мы не сустракаем прысвячэння фундатару, абавязковага ў этыцы адносін кліента і мецэната. Так, прысвячэнне Багдану Сцяцкевічу, напрыклад, прысутнічае ў «1-м»[**] і «3-м выданнях» «Апостала», уяўляючы сабой выраз удзячнасці друкара і змяшчаючы пазначэнне, што «тая книга власным коштом и накладом Вмс: Пана … вельце милостивого на свет выходить». Але нават у «2-м» (куцеінскім) выданні «Апостала» падобнага прысвячэння няма [2, с. 130], хоць большая частка кнігі была надрукавана яшчэ ў Кіеве (праўда, тытульны аркуш, які змяшчае аналагічную формулу, і герб Сцяцкевіча ўзноўлены без змен).

Не сустракаем мы ў куцеінскіх выданнях і такога пазначэння, якое прысутнічае на тытульным аркушы буйніцкага «Псалтыра» 1635 г. і паведамляе, што кніга выпушчана «в маетности его милости пана Богдана Стеткевича, подкоморего мстиславского», — а яно павінна было б быць, калі б Куцейна

---

[*] Гэтыя ж словы прысутнічаюць і ў прысвячэнні да 3-га выдання «Апостала» — гл.: Апостол. 3-е изд. Могилев, 1638 (тип. С. Собаля). Арк. 3 (5). Экз. НББ, 09/4095.

[**] У Кіеве Собаль не паспеў закончыць выпуск усяго накладу кнігі, а пазней друкаваў адсутныя сшыткі ў Куцейне і Магілёве. У літаратуры асобнікі з дадрукаванымі часткамі абазначаюцца як 2-е і 3-е выданні, але паколькі *de facto* яны такімі не з'яўляюцца, мы бяром гэтыя выразы ў двукоссі.

належала апошняму. Усё гэта сведчыць пра тое, што прыезд Спірыдона Собаля ў Куцейну нельга тлумачыць запрашэннем Багдана Сцяцкевіча.

Разам з тым, вяртанне Собаля ў Беларусь і выданне ім кніг у Куцейне зрабілася магчымым усё ж не без удзелу прадстаўнікоў названага роду. Каля 1630 г. Ганна Сцяцкевічава з Агінскіх і Ян Сцяцкевіч-Заверскі купілі і падарылі Багаяўленскаму манастыру, у дадатак да зробленых Багданам ахвяраванняў, суседні з манастырскімі землямі маёнтак Белкаўшчыну. У пераліку задач, на вырашэнне якіх паводле свайго выбару брацiя магла выдаткоўваць даходы з гэтых новападораных уладанняў, фундушавы акт называе пабудову яшчэ аднаго манастыра, адкрыццё школы і заснаванне друкарні.

Думаецца, што мэты, на дасягненне якіх мог быць выдаткаваны прыбытак з надання, папярэдне абмяркоўваліся паміж фундатаркай з аднаго боку і Яілям Труцэвічам і манастырскімі вярхамі з другога. Усе гэтыя мэты з часам маглі быць рэалізаваны, аднак, найперш брацiя аддала перавагу менавіта справе выдання кніг: верагодна, для таго, каб забяспечыць сябе малітоўнай літаратурай, а будучую школу — падручнікамі. Адразу ж па атрыманні фундушу быў распачаты пошук шляхоў для рэалізацыі гэтага рашэння.

Выбар кандыдатуры Спірыдона Собаля, як і яго згода на прыезд, не былі выпадковымі. З аднаго боку, увага брацii скіроўвалася на яго асобу ўжо з прычыны цесных сувязей Багаяўленскага манастыра з праваслаўным асяродкам Магілёва, сярод дзейных членаў якога былі сваякі і сябры Собаля; з другога — Собаль не мог заставацца ў Кіеве з прычыны варожага стаўлення да яго Пятра Магілы [5, с. 71].

На момант, калі Спірыдон Собаль атрымаў запрашэнне пераехаць у Куцейну, быў завершаны друк толькі часткі накладу «Апостала». Але друкар неадкладна на запрашэнне адгукнуўся, і далейшыя работы былі згорнуты. Менавіта раптоўнасцю ад’езду і належыць тлумачыць той факт, што ў шэрагу паасобнікаў «Апостала» з кіеўскімі выходнымі данымі некаторыя сшыткі былі дадрукаваны пазней — ужо ў Беларусі, а згаданая ў духоўніцы частка накладу ўвогуле засталася незакончанай. Толькі праз пэўны час пасля прыезду ў Куцейну — не раней за 1632 г. — друкар змог узяцца за далейшы набор ненадрукаваных сшыткаў.

Адразу працягнуць працу над «Апосталам» Собаль не меў магчымасці, бо выконваў заказ Труцэвіча, друкуючы вучэбную і малітоўную літаратуру. Трэба сказаць, што ў гэтым выпадку паняцці «вучэбная» і «малітоўная кніга» ў значнай ступені перакрываліся між сабой. За першыя гады свайго знаходжання ў Куцейне друкар, як адзначалася вышэй, выпусціў у свет «Буквар» — падручнік, які, аднак, змяшчаў значную колькасць тэкстаў малітоўнага і катэхітычнага характару, а таксама — малітоўнік, часаслоў і даследаваны Псалтыр. Апошнія дзве кнігі традыцыйна выкарыстоўваліся на ўсходнеславянскіх землях для практычнага навучання чытанню. Такім чынам, у гэтым шэрагу вучэбнага прызначэння не меў хіба толькі малітоўнік («Малітвы што-

дзенныя»), які, тым не менш, мог быць карысны кожнаму праваслаўнаму верніку.

Верагодна, адразу па прыездзе ў Куцейну друкар атрымаў ад манастыра пэўную суму на пакрыццё выдаткаў: мы ведаем, што была набыта папера (філіграні ў першых куцеінскіх выданнях адрозніваюцца ад сустрэтых у кіеўскіх выданнях Собаля) [11, с. 182] і адліты новы, драбнейшы шрыфт для друкавання «Малітваў штодзённых» [2, с. 139].

Да сённяшняга дня амаль не захавалася крыніц, якія ўказвалі б на тое, якія сумы і як часта выплачваліся друкару манастыром. Адзінае выключэнне — гэта запісаны ў кнігах магілёўскага магістрата 1645 г. «квітанцыйны ліст» Яіля Труцэвіча, які сведчыць, што Спірыдон Собаль заплаціў манастыру «триста коп литовских», якія быў вінаваты [10, с. 217]. З тэксту дакумента нельга зрабіць высновы, з якой прычыны і ў якім годзе «зостал … был винен пан Спиридон Собол теперешнии Силвестер, інок печарскии» гэтыя грошы куцеінскай брацііі. Можна толькі зразумець, што справа адбывалася яшчэ да пастрыжэння апошняга ў манахі — да 1640 г. Гэтая справа зноў набыла актуальнасць у 1645 г. з прычыны падрыхтоўкі Собаля да ад'езду за мяжу (у Валахію) і раздзелу сваёй маёмасці між дзецьмі. Баючыся, каб распіска, якая некалі захоўвалася ў пана Міхала Пуцяты і была згублена, не стала падставай для судовага працэсу супраць сыноў, інак Сільвестар дамогся ўпісання пацвярджэння пра аплату грошай у магістрацкія кнігі Магілёва.

Сума ў трыста коп на той час была даволі значнай. Напрыклад, іншы тагачасны друкар Цімафей Вярбіцкі «ўсяго» за дзвесце коп грошай купіў у 1624 г. у Кіеве цэлы «двор» з домам, у якім усталяваў свой варштат і пачаў выдаваць кнігі [5, с. 66]. Можна думаць, што выплачаныя Собалю манастыром грошы былі прызначаны на пакрыццё выдавецкіх выдаткаў. Напэўна, гэта ўласна і была тая самая атрыманая Собалем па прыездзе выплата, якая дазволіла яму адліць новы шрыфт для куцеінскага малітоўніка і закупіць паперы для далейшай працы.

Разам з тым, на цяперашні момант не зусім ясна, на якіх падставах будаваліся эканамічныя ўзаемаадносіны друкара з куцеінскай брацціяй. У выданнях гэтага перыяду ні манастыр, ні праца чарняцоў нідзе не згадваюцца; на тытульных аркушах адзначаецца толькі тое, што ўпамянутыя кнігі выходзілі «в Кутейне з друкарни Спиридона Собаля». Гэта дазваляе думаць, што Собаль, нягледзячы на размяшчэнне друкарні на тэрыторыі манастыра, выступаў у Куцейне як незалежны прадпрымальнік з уласнымі сродкамі вытворчасці. Разам з тым, калі брацція пакрывала выдавецкія выдаткі і, хутчэй за ўсё, пастаўляла са свайго асяродку рабочую сілу для друкарні, то яна павінна была прэтэндаваць калі не на ўвесь наклад, то, прынамсі, на значную частку прадукцыі.

Яшчэ адным пытаннем, якое ў літаратуры да канца не высветлена, з'яўляецца ад'езд Собаля ў Буйнічы. А. Зёрнава выказала здагадку, што пераезд

Собаля бліжэй да Магілёва мог быць звязаны з ваеннымі дзеяннямі 1632—1634 гг. [2, с. 138—139]. Аднак версія пра эвакуацыю друкарні Собаля з Куцейны з прычыны наступлення маскоўскіх войскаў або боязі такой небяспекі, здаецца непераканаўчай.

Падзеі так званай «Смаленскай вайны» разглядаюцца, у прыватнасці, у кнізе А. Вайнштэйна «Россия и тридцатилетняя война (1618—1648 гг.)» [20]. Яе аўтар паказвае, што ў той час маскоўскія войскі захапілі тэрыторыю Смаленшчыны прыкладна па лініі Дарагабуж—Рослаў—Старадуб, і калі прасоўваліся далей за гэтую лінію на захад да Крычава, яны хутчэй пагражалі Магілёву, чым Оршы [20, с. 168], якая знаходзілася на большай адлегласці ад фронту. Таму дзіўна было б думаць, што Собаль, уцякаючы ад вайны, пераехаў з Куцейны ў Буйнічы — хутчэй можна было б чакаць адваротнага накірунку. Гэта нам падказвае, што ад’езд друкара з Куцейны быў выкліканы іншымі прычынамі.

Вывучэнне А. Зёрнавай друкарскага матэрыялу паказала, што некаторыя з выпушчаных Собалем у Куцейне кніг былі паўтарэннем яго кіеўскіх выданняў з захаваннем старых выходных звестак. Таксама яна прыйшла да высновы, што не ўвесь наклад «Часаслова» з пазначэннем 1632 г. выхаду быў закончаны ў адзін час: некаторыя паасобнікі маюць перанабраныя апошнія чатыры сшыткі, што ўказвае на пазнейшую дадрукоўку часткі накладу. Аўтарам гэтых радкоў таксама разглядалася версія, што варыянтнасць набору згаданых сшыткаў звязана з увядзеннем у працу новазбудаванага манастырскага варштату. Гэтая гіпотэза, аднак, не пацвердзілася, паколькі ксілаграфічныя аздобы ў дадрукаваных сшытках паказваюць стан большай зношанасці адносна першага выдруку [2, с. 139]. Калі б набор розных варыянтаў апошніх сшыткаў рабіўся адначасова, то і адбіткі, якія ў іх сустракаюцца, дэманстравалі б аднолькавы стан дошак.

Магчыма, перавыданне кіеўскіх выданняў не было санкцыянавана манастырскімі вярхамі або заўчаснае спыненне працы над «Часасловам» парушала папярэднюю дамоўленасць Собаля з брацціяй: кожная з гэтых прычын магла выклікаць канфлікт і прывесці да незапланаванага ад’езду друкара. З другога боку, ад’езд мог быць акурат запланаваны і звязаны з заканчэннем працы па вырабе манастыром уласнага варштату на ўзор Собалевага.

Улічваючы працаздольнасць Спірыдона Собаля, які, распачынаючы друкарскую дзейнасць на новым месцы, кожны раз паспяваў ужо ў першы год выдаць некалькі кніг (Кіеў: «Актоіх», «Ліманар» і «Мінея агульная»; Куцейна: «Буквар» і «Малітвы штодзённыя»), ад’езд друкара з Куцейны павінен быў адбыцца не раней як у 1634 г., а хутчэй нават у 1635 г., бо ў Буйнічах ён здолеў апублікаваць толькі «Псалтыр». Гэтая думка падмацоўваецца і наступным меркаваннем: наўрад ці Собаль падчас ваенных дзеянняў адправіўся б са сваім варштатам, усім абсталяваннем і лёгкімі на загаранне кнігамі, якія складалі аснову яго рухомай маёмасці, у больш небяспечны — як мы

ўбачылі вышэй — раён, якому пагражалі напады непрыяцеля і дзе, зрэшты, маглі абрабаваць свае ж войскі, там сканцэнтраваныя. Усялякі разважны чалавек перад тым, як выправіцца ў падобнае падарожжа, дачакаўся б заканчэння ваенных дзеянняў. Такім чынам, ад'езд Собаля з Куцейны ў Буйнічы мог адбыцца не раней за сакавік—красавік 1634 г. (пагадненне Уладзіслава IV з маскоўскім ваяводам Шэіным аб перамір'і было падпісана 28 лютага 1634 г.).

Праблема выданняў з несапраўднымі выходнымі звесткамі і іх сувязь з Куцейнай. Праведзены А. Зёрнавай скрупулёзны аналіз выпушчаных з аднолькавымі выходнымі звесткамі «Ліманара», «Актоіха» і «Апостала», дапамог ёй заўважыць, што кожная з гэтых кніг вытрымала па некалькі выданняў, якія адрозніваліся паводле набору, ужытых шрыфтоў для друку тых ці іншых фрагментаў, а таксама іншых характарыстык. Больш таго, вывучэнне стану элементаў аздаблення — інакш кажучы, «гісторыі» развіцця дэфектаў у ксілаграфічных дошках, — дазволіла даследчыцы скласці досыць пераканаўчую храналогію іх выхаду.

У прыватнасці, апісваючы пашкоджанні і спробы іх наладжвання ў адной з Собалевых заставак (якая паходзіла з друкарні Івана Фёдарава), А. Зёрнава вылучыла восем станаў дошкі. Размясціўшы іх у храналагічным парадку, яна, у прыватнасці, даказала, што паасобнікі «Апостала», якія фігуруюць у літаратуры як «2-е выданне», дадрукоўваліся ў той час, калі выходзіў куцеінскі «Часаслоў» — г. зн., каля 1632 г. Сёння гісторыкі схільны прымаць аргументацыю маскоўскай даследчыцы без пярэчанняў і датаваць гэтую дадрукоўку названым часам, адносячы яе да прадукцыі Куцейны [1, с. 103].

Аналіз стану згаданай застаўкі (як і некаторых іншых дошак) даў А. Зёрнавай падставы сцвярджаць, што і 2-е выданне «Актоіха» выйшла не раней за 1632 г., а менавіта пасля выпуску першага выдання «Часаслова», але больш ці менш адначасова з заканчэннем працы над названай кнігай. Ужытая методыка, аднак, не дазволіла маскоўскай даследчыцы адназначна выказацца, ці выйшла 2-е выданне «Актоіха» перад дадрукоўваннем часткі накладу «Часаслова», ці ўжо пасля. Таму, вагаючыся паміж Куцейнай і Буйнічамі, А. Зёрнава не асмелілася зрабіць канчатковага выбару адносна месца выхаду «Актоіха» [2, с. 139]. З яе артыкула гэтая няпэўнасць пранікла і ў працы іншых даследчыкаў.

Несумненна, 2-е выданне «Актоіха» ўбачыла свет яшчэ ў Куцейне і яго належыць залічваць менавіта да спісу куцеінскіх выданняў, пра што сведчыць факт адсутнасці на кнізе ўказання, што яна выпушчана «в маетности его милости пана Богдана Стеткевича, подкоморего мстиславского»: калі б Собаль працаваў ужо ў Буйнічах, то ён не мог бы гэтую акалічнасць праігнараваць, не пазначыўшы на тытульным аркушы.

Крыху інакш маецца справа з атрыбуцыяй 2-га выдання «Ліманара», якое А. Зёрнава таксама адносіць да куцеінскага перыяду дзейнасці Собаля. Датаваць гэтую кнігу на падставе апісанай вышэй методыкі немагчыма,

паколькі ў дадзеным выпадку не выкарыстоўваліся вялікія ксілаграфічныя дошкі, а на падставе дробных элементаў аздаблення (такіх, як ініцыялы) складана прасачыць развіццё дэфектаў. Таму А. Зёрнава пайшла іншым шляхам: аналізуючы ўжытыя элементы аздаблення, яна заўважыла, што ў адным з выданняў выкарыстоўваюцца пераважна ініцыялы вышынёй 14 мм, а ў другім — 10 мм. Паколькі ў кіеўскім «Актоіху» 1628 г. ужыты большыя паводле памеру ініцыялы, а дробныя сустракаюцца ў беларускіх выданнях Собаля, даследчыца прыйшла да высновы, што выданне з параўнальна буйнымі (14 мм) ініцыяламі з'яўляецца 1-м і выйшла ў Кіеве ў 1628 г., а выданне з меншымі ініцыяламі (10 мм) убачыла свет на пачатку 1630-х гг. і з'яўляецца 2-м.

У дадзеным даследаванні перад аўтарам гэтых радкоў стала задача высветліць, ці было хаця б адно з названых выданняў «Ліманара» апублікавана ў Куцейне. Найбольш верагодным спосабам гэта высветліць з'яўляецца вывучэнне ўжытай для друкавання «Ліманара» паперы і суаднясенне выяўленых вадзяных знакаў з філігранямі іншых выданняў Собаля і манастырскай друкарні. З гэтай мэтай былі прагледжаны паасобнікі «Ліманара» са збораў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (094/2485, 094/4791, 094/4797) і Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (К 16-18/Нр 49, К 16-18/Нр 69). У іншых айчынных кнігасховішчах названая кніга не выяўлена.

Гэты прагляд даў цалкам нечаканыя вынікі. Так, у выданні з дробнымі ініцыяламі (НББ: 094/4791; ЦНБ НАНБ: К 16-18/Нр 49) былі выяўлены філіграні: 1) з гербам кн. Ераніма Сангушкі і двухрадковым подпісам (вадзяны знак, падобны да паказанага Т. Дыянавай пад № 101); 2) з выявай рыбы ў коле (падобны да паказанай Т. Дыянавай пад № 688). Асноўнай філігранню ў абодвух прагледжаных паасобніках быў менавіта герб Сангушкі. Некалькі разоў таксама сустракаецца філіграць, якую не ўдалося ідэнтыфікаваць з прычыны малога памеру і знаходжання яе на лініі згібу паперы (кніга мае фармат у ¼ аркуша, і згіб трапляе на сярэдзіну філіграні).

Паводле вынікаў, атрыманых Т. Дыянавай, кіеўскі «Актоіх» 1628 г. быў надрукаваны на паперы з філігранямі, указанымі ў яе альбоме пад № 101, 413 і 688 [11, с. 182]. Такім чынам, блізкае падабенства, прынамсі, дзвюх выяўленых намі філіграней да двух з трох вадзяных знакаў на паперы, ужытай для друку гэтай кнігі, дае падставы меркаваць, што «Ліманар» з дробнымі ініцыяламі» выходзіў прыкладна ў адзін час з 1-м выданнем «Актоіха», г. зн. у 1628 г. і таксама быў 1-м, а не 2-м выданнем.

У 2-х паасобніках «Ліманара» з буйнымі ініцыяламі» (НББ: 094/2485; ЦНБ НАНБ: К 16-18/Нр 69) было выяўлена некалькі відаў філіграней, якія рэгулярна паўтараюцца: 1) выява гарлачыка з ініцыяламі «ВС» у некалькіх варыянтах (у прыватнасці, вельмі блізкія вадзяныя знакі паказаны Т. Дыянавай пад № 370 і 376); 2) выява дзвюхчасткавага герба на картушы з ініцыяламі «W» і «I» абапал картуша ў верхняй яго частцы (падобны да паказанага

Т. Дыянавай пад № 199); 3) выява радзівілаўскага арла, аточанага вянком і з гербам «Трубы» на грудзях (падобны да паказанага Т. Дыянавай пад № 500 і 501*, а таксама Лаўцявічусам — пад № 182); 4) выява картуша з кругам (?) пасярэдзіне, увенчанага рыцарскім шлемам з 2-ма радамі пёраў з ініцыяламі «I» і «A» абапал (у альбомах філіграней не выяўлены). Гэта асноўныя філіграні, якія сустракаюцца прыкладна ў роўнай прапорцыі (дакладную статыстыку правесці немагчыма з прычыны кепскага стану паасобнікаў і страты або рэстаўрыравання шэрагу старонак). Акрамя таго, некалькі разоў сустракаліся філіграні, якія не ўдалося ідэнтыфікаваць, а аднойчы ў паасобніку ЦНБ НАНБ (К 16-18/Нр 69) быў сустрэты вадзяны знак з гербам Сангушкі.

Яшчэ ў адным паасобніку гэтага выдання, які належыць НББ (094/4797), вадзяныя знакі з выявамі гарлачыка і герба з дзвюхчасткавым шчытом і ініцыяламі «W» і «I» не былі выяўлены. На паперы гэтага паасобніка сустракаюцца філіграні з выявай радзівілаўскага арла, аточанага вянком, а таксама герба з ініцыяламі «I» і «A» і 2-ма радамі пёраў на шлеме. Аднак найчасцей сустрэтай філігранню гэтага паасобніка з'яўляецца выява неаточанага вянком арла без кароны і герба на грудзях, якую не ўдалося атаясаміць з прадстаўленымі ў альбомах вадзянымі знакамі.

Паводле Т. Дыянавай, папера з трыма філігранямі, указанымі ў яе альбоме пад № 199, 370 і 376, сустракаецца толькі ў кіеўскім «Літургіёне» 1629 г. [11, с. 182]. Крыху больш складанай з'яўляецца справа з выявай радзівілаўскага арла ў вянку. Як адзначана вышэй, варыянты вадзянога знака, найбольш блізкія да нашага, але адрозныя ў пэўных элементах, паказаны Т. Дыянавай пад № 500 і 501 і Лаўцявічусам — пад № 182. Выкарыстанне выявы, адзначанай пад № 500, Дыянава таксама паказвае ў «Ліманары» з кіеўскімі выходнымі данымі (без вылучэння паасобных выданняў) [11, с. 181], а філіграні пад № 501 — у куцеінскіх выданнях 1637 і 1651 гг. [11, с. 182—183] Лаўцявічус рэгіструе ўжыванне знака, пазначанага ў яго альбоме пад № 182, у 1625 г. у Вільні і ў 1629 г. у Гродне [21, с. 177].

Такім чынам, прысутнасць пераважнай часткі філіграней «Ліманара» з буйнымі ініцыяламі» ў розных друкаваных і рукапісных дакументах, пазначаных 1629 г. (а таксама адсутнасць іх у «Апостале» 1630 г. і куцеінскіх выданнях пачатку 1630-х гг.), схіляе датаваць нашу кнігу менавіта 1629 г. і атрыбутаваць яе як 2-е выданне. Адзначаную толькі аднойчы прысутнасць філіграні з гербам Сангушкі можна растлумачыць ужываннем леташніх залежаў паперы. Такім чынам, можна меркаваць, што абодва выданні «Ліманара» выйшлі

* Паколькі філігрань трапляе на лінію згібу аркуша, дэталёваму разгляду паддаецца або верхняя, або ніжняя частка вадзянога знака. З гэтай прычыны цяжка сказаць, ці маем мы ў нашай кнізе дачыненне з абодвума ўказанымі варыянтамі, ці — з прамежкавым, які злучае ў сабе паасобныя дэталі і аднаго, і другога (больш праўдападобным здаецца менавіта другі варыянт).

ў Кіеве (адно — у 1628 г., а другое — у 1629 г.) і да Куцейны ніякага дачынення не маюць.

Вынікі. Такім чынам, мы пабачылі, што Спірыдон Собаль прыехаў у Куцейну не з ініцыятывы Багдана Сцяцкевіча, а на запрашэнне Яіля Труцэвіча і куцеінскіх вярхоў, і заставаўся там да 1634 г. або 1635 г. Мэтай яго прыезду было друкаванне вучэбных і малітоўных кніг, прызначаных для забеспячэння патрэб праваслаўных вернікаў. Апрача публікацыі замоўленых брацціяй кніг, менавіта ў Куцейне Собаль перавыдаў некалькі сваіх кіеўскіх выданняў з захаваннем старых выходных звестак — «Апостал» і «Актоіх». Разам з тым, «Ліманар» з дробнымі ініцыяламі» (Кіеў, 1628 г.), які паводле прынятай у літаратуры думкі таксама выйшаў у Куцейне, на самой справе мае на тытульным аркушы сапраўдныя выходныя даныя. Што датычыць «Ліманара» з буйнымі ініцыялямі» і тымі ж самымі выходнымі звесткамі, то ён таксама ўбачыў свет у Кіеве, але ў 1629 г. і з'яўляецца 2-м выданнем.

Літаратура і крыніцы

1. Старадрукаваныя кірылічныя выданні XVI — XVIII стст. / Склад. Г. Я. Галенчанка // Кніга Беларусі (1517—1917): Зв. каталог / ДБЛ БССР; склад. Г. Я. Галенчанка, Т. В. Непарожная, Т. К. Радзевіч. — Мінск: БелСЭ, 1986. — С. 9—189.
2. Зёрнава, А. С. Белорусский печатник Спиридон Соболь // Книга: Исслед. и матер. Сб. X. —М.: Книга, 1965. — С. 126—145.
3. Жудро, Ф. А. История Могилевского Богоявленского братства. — Могилев-на-Днепре, 1890. — 112 с.
4. Исаевич, Я. Д. Новые материалы об украинских и белорусских книгопечатниках первой половины XVII в. // Книга: Исслед. и матер. Сб. 34. — М.: Книга, 1977. — С. 152.
5. Исаевич, Я. Д. Преемники первопечатника / Я. Д. Исаевич. — М.: Книга, 1981. — С. 69—74.
6. Мацюк, О. Я. Спиридон Соболь и русско-украинско-белорусские связи // Вторая Всесоюзная науч. конф. по проблемам книговедения «Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела». Секция истории книги (Общие проблемы истории книги. История книги в СССР): Тезисы докладов / АН СССР: МК СССР; Госкомиздат Совмина СССР. — М., 1974. — С. 46—48.
7. Мацюк, О. Я. Новые документы о Спиридоне Соболе // Федоровские чтения 1973 «400-летие книгопечатания на Украине»: Сб. науч. трудов. — М., 1976. — С. 59—67.
8. Różycki E. Nieznane szczegóły z życia białoruskiego drukarza Spiridona Sobola // Rocznik Biblioteki Narodowej. — Warszawa, 1973. — S. 287—294.
9. Русско-белорусские связи: Сб. док. (1570—1667 гг.) / Главное архивное управление при СМ СССР, ЦГАДА, МО БССР, БГУ им. В. И. Ленина; отв. ред. Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков. — Минск: Высшая школа, 1963. — 534 с.
10. Першодрукар Іван Фєдоров та його послідовники на Україні (XVI — перша половина XVII ст.): Збірник докумєнтів / Головнє архівнє управління при Раді Міністрів УРСР; ЦДІА УРСР у Львові; упорядники канд. іст. н. Я. Д. Ісаєвич та О. А. Купчинський; О. Я. Мацюк, Е. Й. Ружицький. — Кіев: Наукова думка, 1975. — 342, [2] с.

11. Филиграни XVII в. по старопечатным книгам Украины и Литвы: Каталог / ГИМ; сост. Т. В. Дианова. — М., 1993. — 192 с.
12. Голенченко, Г. Я. История белорусского книгопечатания XVI—XVIII вв.: Диссертация на соискание научной степени канд. ист. наук / Г. Я. Голенченко. — М., 1965. — Т. 1—3. (На правах рукапісу; захоўваецца ў хатнім архіве Г. Я. Галенчанкі).
13. Гісторыя беларускай кнігі. У 2 т. Т. 1: Нікалаеў, М. Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага / М. В. Нікалаеў; навук. рэд. В. В. Антонаў, А. І. Мальдзіс. — Мінск: БелЭН, 2009. — С. 224—230.
14. Шматаў, В. Ф. Беларуская кніжная гравюра XVI—XVIII стст. / В. Ф. Шматаў. — Мінск: Навука і тэхніка, 1984. — 181, [2] с.
15. Шматаў, В. Ф. Мастацтва беларускіх старадрукаў XVI—XVIII стст. / В. Ф. Шматаў. — Мінск: Тэхналогія, 2000. — 132 с. (У апошняй кнізе мастацтвазнавец перагледзеў некаторыя свае выказаныя раней меркаванні).
16. Киреева, Г. В. Издания Спиридона Соболя в книжных собраниях Беларуси // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зб. навук. арт. У 2 ч. Ч. 1 / Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; склад. Дзем'яновіч Т. А. і інш. — Мінск, 2006. — С. 105—110.
17. Ботвинник, М. Откуда есть пошел Букварь / Марат Ботвинник. — Минск: Вышэйшая школа, 1983. — 198 с.
18. Яршоў, А. І. Куцеінскі «Буквар» Спірыдона Собаля // Адукацыя на Віцебшчыне: Гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы рэсп. навук.-практ. канферэнцыі (Віцебск, 30—31 сакавіка 2010 г.) / Віцебскі дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава. — Віцебск: УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2010. — С. 23—26.
19. Вайнштейн, О. Л. Россия и тридцатилетняя война (1618—1648 гг.): Очерки из истории внешней политики Московского государства в пер. пол. XVII в. / проф. О. Л. Вайнштейн. — [М.-Л.]: ОГИЗ-Госполитиздат, 1947. — 216 с.
20. Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV — XVIII a. [T. I, II] / E. Laucevičius. — Vilnius: Mintis, 1961.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.04.2012

Я. С. Мальчэўскі,
галоўны спецыяліст
аддзела кантролю і справаводства
Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці,
аспірант гістфака БДУ,
магістр гістарычных навук;
e-mail: jmalcheuski@tut.by

ЭКСПЕРТЫЗА КАШТОЎНАСЦІ ПАТЭНТАВЫХ ДАКУМЕНТАЎ

Да цяперашняга часу пытанні экспертызы каштоўнасці патэнтавых дакументаў айчынным архівазнаўствам практычна не разглядаліся. Дастаткова вялікая ўвага беларускімі, савецкімі і расійскімі даследчыкамі надавалася і працягвае надавацца пытанням гісторыі і тэорыі экспертызы каштоўнасці дакументаў [1—7], складання пералікаў дакументаў з указаннем тэрмінаў захоўвання [8, 9], экспертызы каштоўнасці электронных дакументаў і інфармацыйных рэсурсаў [10—12], аднак публікацыі па дадзеных пытаннях не адлюстроўваюць спецыфікі экспертызы каштоўнасці патэнтавай дакументацыі. Асобна можна адзначыць кандыдацкую дысертацыю В. Д. Ярошкінай [13], у якой аўтар прапанавала арганізацыйна-метадычную схему экспертызы каштоўнасці патэнтавых дакументаў і крытэрыі іх ацэнкі. Нягледзячы на высокі тэарэтычны ўзровень і практычную значнасць дысертацыі, высновы, зробленыя В. Д. Ярошкінай, патрабуюць перагляду і дапрацоўкі з улікам развіцця заканадаўства аб прамысловай уласнасці і патэнтавай справе, дасягненняў навукі архівазнаўства.

У дачыненні да аб’ектаў прамысловай уласнасці (далей — АПУ) у айчынным заканадаўстве замацаваны рэгістрацыйны прынцып аховы. У адпаведнасці з гэтым прынцыпам выключнае права на той ці іншы патэнтаздольны вынік інтэлектуальнай дзейнасці ўзнікае толькі пры ўмове дзяржаўнай рэгістрацыі і выдачы ахоўнага дакумента, які пацвярджае правы на адпаведны АПУ. Для дзяржаўнай рэгістрацыі і атрымання ахоўнага дакумента на АПУ зацікаўленая асоба падае ў патэнтавы орган, функцыі якога ў Рэспубліцы Беларусь ажыццяўляе Нацыянальны цэнтр інтэлектуальнай уласнасці, адпаведную заяўку (камплект устаноўленых заканадаўствам дакументаў). Па заяўцы, якая паступіла ў патэнтавы орган, праводзіцца экспертыза і прымаецца рашэнне аб выдачы ахоўнага дакумента на АПУ (рэгістрацыі АПУ) або аб адмове ў выдачы ахоўнага дакумента (рэгістрацыі АПУ). На аснове рашэння аб выдачы ахоўнага дакумента (рэгістрацыі АПУ) ажыццяўляецца рэгістрацыя аб’екта ў адпаведным дзяржаўным рэестры і выдача ахоўнага дакумента [14—18].

Агульныя крытэрыі экспертызы каштоўнасці апісаны Правіламі работы дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь [19, п. 118] і Асноўнымі правіламі работы архіваў цэнтральных і мясцовых органаў дзяржаўнай улады і кіравання, устаноў, арганізацый і прадпрыемстваў Рэспублікі Беларусь [20, п. 4.1].

Паводле палажэнняў дадзеных нарматыўных актаў ацэнка дакументаў правадзіцца ў адпаведнасці з крытэрыямі паходжання, зместу і вонкавых асаблівасцей.

Пры разглядзе магчымасці выкарыстання агульных крытэрыяў для экспертызы каштоўнасці патэнтавай дакументацыі, неабходна ўлічваць наступныя фактары: 1) ключавым суб'ектам патэнтавага справаводства выступае патэнтавы орган, які з'яўляецца адзіным афіцыйным рэцыпіентам першасных патэнтавых дакументаў (заявак на АПУ) і вытворцам другасных (дзяржаўных рэестраў, ахоўных дакументаў і афіцыйных выданняў); 2) арганізацыі-заяўнікі (уладальнікі АПУ) адносяцца ў асноўным да дзвюх катэгорый (навукова-даследчыя і адукацыйныя ўстановы, вытворчыя і гандлёвыя прадпрыемствы); 3) працэс дакументавання афармлення дзяржаўнай рэгістрацыі АПУ ў значнай ступені ўніфікаваны і жорстка рэгламентаваны.

Такім чынам, асноўнай крыніцай камплектавання Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь патэнтавай дакументацыяй з'яўляецца патэнтавы орган, іншыя арганізацыі — крыніцы камплектавання з'яўляюцца аднастайнымі або падобнымі па сваім функцыянальна-мэтавым прызначэнні, а патэнтавыя дакументы практычна немагчыма падзяліць па вонкавых асаблівасцях. Гэта дазваляе зрабіць выснову аб абмежаванасці ўжывання крытэрыяў паходжання і вонкавых асаблівасцей пры экспертызе каштоўнасці патэнтавай дакументацыі. Асноўнымі крытэрыямі ацэнкі патэнтавых дакументаў, на наш погляд, з'яўляюцца крытэрыі зместу. Да крытэрыяў зместу адносяцца: значнасць інфармацыі, якая змяшчаецца ў дакуменце, від і разнавіднасць дакумента, паўторнасць інфармацыі дакумента ў іншых дакументах.

Для правядзення комплекснай ацэнкі патэнтавай дакументацыі таксама неабходна выкарыстанне спецыфічных крытэрыяў, якія раскрываюць змест агульных крытэрыяў. Правіламі работы з навукова-тэхнічнай дакументацыяй ва ўстановах, арганізацыях і на прадпрыемствах, зацверджаных пастановай Камітэта па архівах і справаводству пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 6 лістапада 2003 г. № 38 (далей — Правілы) і Правіламі работы з навукова-тэхнічнай дакументацыяй у дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь (далей — Правілы дзяржархіваў) устаноўлены спецыфічныя крытэрыі экспертызы каштоўнасці навукова-тэхнічнай дакументацыі і яе асобных відаў. На аснове палажэнняў дадзеных нарматыўных прававых актаў можна акрэсліць наступныя крытэрыі для вызначэння практычнай і гістарычнай каштоўнасці навукова-тэхнічнай дакументацыі, састаўляючай часткай якой з'яўляецца патэнтавая дакументацыя: 1) прынцыповая навізна, унікальнасць, арыгінальнасць рашэння праблемы, канструкцыі, тэхналогіі, праекта; 2) ступень адлюстравання ўзроўню навукі і тэхнікі, вытворчасці ў адпаведны перыяд развіцця грамадства; 3) значнасць праблемы, праекта, мадэлі канструкцыі, тэхналогіі на момант укаранення для развіцця канкрэтных галін і народнай гаспадаркі ў цэлым; 4) эканамічная эфектыўнасць укаранення вынікаў даследаван-

ня або тэхнічнай ідэі; 5) сацыяльная эфектыўнасць даследавання або распрацоўкі [21, 22]. Правіламі таксама вызначана, што дзяржаўнаму захоўванню падлягае навукова-тэхнічная дакументацыя на распрацоўкі і даследаванні, якія пераўзыходзяць сусветны ўзровень, выкананы ўпершыню ў свеце, у Рэспубліцы Беларусь, у галіне [21, п. 108.4].

Экспертызе каштоўнасці патэнтавай дакументацыі ў Правілах прысвечана глава 26.

У адпаведнасці з часткай 1 п. 129 Правілаў для дзяржаўнага захоўвання адбіраюцца заяўкі на вынаходствы (адкрыцці), па якіх прыняты рашэнні аб выдачы аўтарскага пасведчання (патэнта). Неабходна канстатаваць, што дадзеная норма патрабуе перапрацоўкі. Па-першае, беларускім заканадаўствам не прадугледжваецца выдача аўтарскіх пасведчанняў на вынаходствы, а адкрыцці ўжо на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў не ахоўваюцца і не рэгіструюцца ў якасці аб’ектаў інтэлектуальнай уласнасці, таму дадзенае палажэнне распаўсюджваецца толькі на заяўкі на выдачу патэнтаў на вынаходствы. Па-другое, для рэгістрацыі АПУ і атрымання ахоўнага дакумента пасля прыняцця станоўчага рашэння па заяўцы заяўніку неабходна прадставіць патэнтаваму органу дакумент аб аплаце адпаведнай патэнтавай пошліны. Калі ён гэта не робіць, прымаецца рашэнне аб адмове ў выдачы ахоўнага дакумента (рэгістрацыі аб’екта) [23—25]. Па-трэцяе, кожная заяўка на АПУ, якая паступіла ў патэнтавы орган, фарміруецца ў справу разам з дакументамі па яе разглядзе: запытамі і адказамі на іх, паведамленнямі, рашэннямі. Улічваючы гэта, для абазначэння комплексу дакументаў (спраў), якія ўключаюць заяўкі, у Правілах мэтазгодна выкарыстоўваць назву «заяўкі на выдачу патэнтаў на вынаходствы, па якіх выдадзены патэнты, і дакументы па іх разглядзе».

Часткай 2 п. 129 Правілаў пры экспертызе каштоўнасці заявак на вынаходствы са станоўчымі рашэннямі прадугледжваецца выкарыстанне крытэрыяў эфектыўнасці выкарыстання, грамадскага прызнання рашэння і аўтара, у чым не бачыцца неабходнасці, улічваючы, адбор на пастаяннае захоўванне дадзеных дакументаў у поўным аб’ёме паводле Правілаў.

У адпаведнасці з п. 130 Правілаў для дзяржаўнага захоўвання адбіраюцца таксама заяўкі на вынаходствы (адкрыцці), па якіх прыняты рашэнні аб адмове ў выдачы аўтарскага пасведчання (патэнта), калі ў заяўках ўтрымліваюцца рацыянальныя навукова-тэхнічныя рашэнні. Што маецца на ўвазе пад рацыянальнымі навукова-тэхнічнымі рашэннямі, у Правілах не раскрываецца. Якраз у адносінах да заявак дадзенай катэгорыі і дакументаў па іх разглядзе з’яўляецца абгрунтаваным выкарыстанне вышэйзгаданых крытэрыяў эфектыўнасці выкарыстання, грамадскага прызнання рашэння і аўтара. Цікава, што савецкім Пералікам тыпавых дакументаў, якія ўтвараюцца падчас дзейнасці дзяржкамітэтаў, міністэрстваў, ведамстваў і іншых устаноў, арганізацый, прадпрыемстваў, з указаннем тэрміну захоўвання 1989 г. (далей — Пера-

лік 1989) як для заявак са станоўчымі рашэннямі, так і для заявак з адмоўнымі рашэннямі, быў прадугледжаны пастаянны тэрмін захоўвання [26. с. 141].

Не закранаюцца ў Правілах пытанні экспертызы каштоўнасці адкліканых заявак на вынаходствы і дакументаў па іх разглядзе. Арт. 18 Закона Рэспублікі Беларусь ад 16.12.2002 «Аб патэнтах на вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры» (далей — Закон) заяўніку прадстаўляецца права адклікаць заяўку да даты рэгістрацыі вынаходства. Хоць навукова-гістарычная каштоўнасць і практычная значнасць адкліканых заявак можа быць не меншая, чым заявак са станоўчымі рашэннямі. Для іх ацэнкі мэтазгодна ўжыванне тых жа крытэрыяў, што і для заявак на вынаходствы, па якіх прыняты рашэнні аб адмове ў выдачы патэнта.

На думку В. Д. Ярошкінай, каштоўнасць зместу заявачных дакументаў на вынаходства вызначаецца такімі крытэрыямі як значнасць дадзенага тэхнічнага рашэння задачы на дадзены адрэзак часу, прыярытэт вынаходства, навізна (сусветная), карыснасць, прамысловая дастасавальнасць, арыгінальнасць, значны эканамічны або іншы эфект [13, с. 18]. Аўтарам падкрэсліваецца, што гэтыя крытэрыі з’яўляюцца асноўнымі і для правядзення дзяржаўнай навукова-тэхнічнай патэнтавай экспертызы [13, с. 18].

Неабходна адзначыць, што рэалізацыя рэгістрацыйнага прынцыпу аховы шмат у чым абапіраецца на паняцце прыярытэту АПУ. Прыярытэт АПУ — гэта першынство ў часе, устаноўленае паводле заканадаўства. Паводле беларускага заканадаўства прыярытэт можа ўсталёўвацца па даце падачы заяўкі або па даце больш ранняй, чым дата падачы заяўкі [14—17]. Прыярытэт з’яўляецца не крытэрыем экспертызы, а сродкам вызначэння адпаведнасці меркаванага АПУ ўмовам ахоўваздольнасці.

Паводле арт. 2 Закона вынаходства можна вызначыць як рашэнне ў любой галіне тэхнікі, якое адносіцца да прадукта або спосабу. Умовамі патэнтаздольнасці вынаходства з’яўляюцца навізна, вынаходніцкі ўзровень і прамысловая дастасавальнасць [14, арт. 2]. У Законе раскрываецца змест гэтых умоў. Вынаходства з’яўляецца новым, калі яно не з’яўляецца часткай узроўню тэхнікі. Вынаходніцкі ўзровень пазначае тое, што вынаходства для адмыслоўца відавочным чынам не вынікае з узроўню тэхнікі. Пры гэтым узровень тэхнікі ўключае любыя звесткі, якія сталі агульнадаступнымі ў свеце да даты прыярытэту вынаходства. Вынаходства з’яўляецца прамыслова дастасавальным, калі яно можа быць выкарыстана ў прамысловасці, сельскай гаспадарцы, ахове здароўя і іншых сферах дзейнасці.

У Рэспубліцы Беларусь нарматыўна замацавана так званая праверачная сістэма аховы вынаходстваў, якая прадугледжвае праверку заяўленага вынаходства ўмовам патэнтаздольнасці. Паводле арт. 18 Закона экспертыза заявак на вынаходствы ўключае два этапы: папярэдняя экспертыза і патэнтавая экспертыза. Парадак правядзення экспертызы дэталёва рэгламентаваны Палажэннем аб парадку складання заяўкі на выдачу патэнта на вынаходства, пра-

вядзення па ёй экспертызы і вынясення рашэння па выніках экспертызы. У адпаведнасці з п. 276 Палажэння пры правядзенні папярэдняй экспертызы правяраюцца наяўнасць дакументаў, якія змяшчаюцца ў заяўцы, і выкананне ўстаноўленых патрабаванняў да іх, ці адносіцца заяўленае рашэнне да аб'ектаў, якія могуць быць прызнаны вынаходствамі, правільнасць выплаты ўстаноўленых патэнтавых пошлін, правільнасць класіфікацыі вынаходстваў па Міжнароднай патэнтавай класіфікацыі. Звесткі аб заяўцы на вынаходства, якая прайшла папярэднюю экспертызу са станоўчым вынікам, публікуюцца ў афіцыйным бюлетэні патэнтавага органа [23, п. 314]. Патэнтавая экспертыза заяўкі на вынаходства ўключае ўстанаўленне прыярытэту вынаходства, правядзенне інфармацыйнага пошуку ў дачыненні да вынаходства, ахарактарызаванага ў формуле, для вызначэння ўзроўню тэхнікі і праверку адпаведнасці крытэрыям патэнтаздольнасці заяўленага вынаходства [23, п. 330]. Такім чынам, падчас патэнтавай экспертызы ажыццяўляецца праверка навізны, вынаходніцкага ўзроўню і прамысловай дастасавальнасці, тэхнічнага рашэння, раскрытага ў дакументах заяўкі на вынаходства. Калі заяўленае рашэнне адпавядае ўмовам патэнтаздольнасці, прымаецца рашэнне аб выдачы патэнта.

Інфармацыйная каштоўнасць заявак на вынаходствы, па якіх выдадзены патэнты, таксама выяўляецца ў эканоміка-сацыяльным і тэхнічным значэнні адпаведных вынаходстваў. Навукоўцамі адзначаецца, што вынаходствы з'яўляюцца прыкладам сістэматызаваных ведаў, накіраваных на рашэнне вызначанай тэхнічнай праблемы [27, с. 15], рухаючай сілай эканамічнага і тэхналагічнага развіцця прадпрыемстваў [28, с. 401].

Пры ацэнцы заявак, па якіх былі прыняты рашэнні аб адмове і адкліканых заявак, трэба ўлічваць: 1) адмоўныя рашэнні па заяўках маглі прымацца пасля прыняцця станоўчых, калі не былі прадстаўлены дакументы аб аплаце патэнтавых пошлін (на нашу думку, дадзеныя заяўкі падлягаюць пастаяннаму захоўванню, таму што яны паспяхова прайшлі патэнтавую экспертызу і адпавядаюць спецыфічным крытэрыям адбору навукова-тэхнічных дакументаў); 2) інфармацыйны пошук для вызначэння ўзроўню тэхнікі падчас патэнтавай экспертызы праводзіцца па ўсіх заяўках, звесткі аб якіх былі апублікаваны.

Заяўкі на вынаходствы з'яўляюцца важнымі крыніцамі інфармацыі па гісторыі і практыцы патэнтавай экспертызы як неад'емнага кампанета вынаходніцкай справы ў Беларусі.

Нічога не згадваецца ў Правілах пра экспертызу каштоўнасці заявак на карысныя мадэлі і дакументы па іх разглядзе.

Карысная мадэль — АПУ, па сутнасці, блізкі да вынаходства. У якасці карыснай мадэлі ахоўваецца тэхнічнае рашэнне, якое адносіцца да прылады і адпавядае ўмовам навізны і прамысловай дастасавальнасці [14, арт. 3]. Заканадаўствам прадугледжана явачная сістэма выдачы патэнтаў на карысныя мадэлі. Падчас правядзення экспертызы заяўкі на карысную мадэль правяраюцца наяўнасць неабходных дакументаў, выкананне ўстаноўленых патрабаванняў

да іх і разглядаецца пытанне аб тым, ці адносіцца заяўленая прапанова да аб'ектаў карыснай мадэлі [14, арт. 3]. Паводле Закона пры экспертызе заяўкі на карысную мадэль праверка адпаведнасці заяўленай карыснай мадэлі ўмовам патэнтаздольнасці не ажыццяўляецца.

У адпаведнасці з п. 131 Правілаў на дзяржаўнае захоўванне адбіраюцца скончаныя разглядам заяўкі на прамысловыя ўзоры, па якіх прыняты рашэнні аб выдачы пасведчання або патэнта. Як і п. 129, дадзенае палажэнне патрабуе перапрацоўкі: выключэння слова «пасведчання» (выдача пасведчанняў на прамысловыя ўзоры беларускім заканадаўствам не прадугледжана), замену назвы комплексу дакументаў «заяўкі на прамысловыя ўзоры, па якіх прыняты рашэнні аб выдачы патэнта» на назву «заяўкі на выдачу патэнтаў на прамысловыя ўзоры, па якіх выдадзены патэнты, і дакументы па іх разглядзе».

Правіламі ўстаноўлены крытэрыі экспертызы каштоўнасці заявак на прамысловыя ўзоры, па якіх прыняты адмоўныя рашэнні: 1) наяўнасць сярод аўтараў прамысловых узораў выдатных дзеячаў навукі і тэхнікі; 2) падача заявак вядучымі арганізацыямі ў галіне мастацкага канструявання; 3) наяўнасць у заяўках мастацка-канструктарскіх рашэнняў, высунутых на прысуджэнне дзяржаўных або імянных прэмій; 4) наяўнасць у заяўках арыгінальных мастацка-канструктарскіх рашэнняў, узнагароджаных дыпломамі, медалямі і прэміямі на выставах. Нічога не згадваецца пра экспертызу каштоўнасці адкліканых заявак на прамысловыя ўзоры, наяўнасць якіх прадугледжана заканадаўствам [14, арт. 24].

Прамысловы ўзор з'яўляецца не тэхнічным, а мастацкім або мастацка-канструктарскім рашэннем вырабу, які вызначае яго вонкавы выгляд [14, арт. 4]. Таму ўжыванне ў якасці крытэрыю экспертызы каштоўнасці заявак на прамысловыя ўзоры наяўнасці сярод аўтараў прамысловых узораў выдатных дзеячаў навукі і тэхнікі не абгрунтавана. Для ўліку крытэрыю аўтарскага прызнання можа выкарыстоўвацца наяўнасць сярод аўтараў прамысловых узораў выдатных дзеячаў мастацкага праектавання (дызайнераў).

Умовамі патэнтаздольнасці прамысловага ўзору з'яўляюцца навізна і арыгінальнасць. Прамысловы ўзор прызнаецца новым, калі ён невядомы са звестак, якія сталі агульнадаступнымі ў свеце да даты прыярытэту прамысловага ўзору; арыгінальным — калі асаблівасці вонкавага выгляду вырабу абумоўлены творчай працай яго аўтара (аўтараў) [14, арт. 4]. Як і ў адносінах да карыснай мадэлі, Законам прадугледжваецца толькі фармальная экспертыза заяўкі на прамысловы ўзор без праверкі адпаведнасці заяўленага прамысловага ўзору ўмовам патэнтаздольнасці.

Так як заяўкі на карысныя мадэлі і прамысловыя ўзоры змяшчаюць тэхнічныя і мастацка-канструктарскія рашэнні, яны ў значнай ступені адлюстроўваюць тэндэнцыі развіцця вынаходніцкай і дызайнерскай дзейнасці. Дадзеныя аб'екты валодаюць значным падабенствам з вынаходствамі, маюць пэўных стваральнікаў, і іх ахова ажыццяўляецца ў форме адзінага дакумен-

та — патэнта [29, с. 41]. З улікам гэтага, нягледзячы на тое, што праверка патэнтаздольнасці ў адносінах да карысных мадэляў і прамысловых узораў не праводзіцца, уяўляецца мэтазгодным: 1) пастаяннае захоўванне заявак на карысныя мадэлі і прамысловыя ўзоры, па якіх выдадзены патэнты, і дакументаў па іх разглядзе; 2) правядзенне экспертызы каштоўнасці заявак з адмоўнымі рашэннямі і адкліканых заявак, і дакументаў па іх разглядзе на аснове крытэрыяў, прапанаваных намі для экспертызы адпаведных заявак на вынаходствы.

Таксама ў Правілах не закранаюцца пытанні экспертызы каштоўнасці заявак на гатункі раслін, тапалогіі інтэгральных мікрасхем, таварныя знакі і знакі абслугоўвання, найменні месцаў паходжання тавараў і дакументаў па іх разглядзе.

Арт. 2 Закона «Аб патэнтах на гатункі раслін» ад 13.04.1995 устаноўлена, што гатунку расліны прадстаўляецца прававая ахова, калі ён валодае навізной, адрозненнем, аднастайнасцю і стабільнасцю. Экспертыза заяўкі на выдачу патэнта на гатунак расліны ўключае праверку патэнтаздольнасці гатунку [15, арт. 18].

Тапалогія інтэгральнай мікрасхемы — зафіксаванае на матэрыяльным носьбіце прасторава-геаметрычнае размяшчэнне сукупнасці элементаў інтэгральнай мікрасхемы і сувязяў паміж імі [16, арт. 1]. Заканадаўствам устаноўлены крытэрый ахоўздольнасці дадзенага аб’екта — арыгінальнасць [16, арт. 2]. Праверка ахоўздольнасці тапалогіі інтэгральнай мікрасхемы не праводзіцца [16, арт. 12].

Пры вызначэнні тэрміну захоўвання заявак на гатункі раслін і тапалогіі інтэгральных мікрасхем неабходна ўлічваць адносна невялікую колькасць пададзеных заявак на дадзеныя аб’екты [30] і спецыфіку іх інфармацыі. Разам з гэтым вялікае значэнне гатункаў раслін у развіцці сельскай гаспадаркі, а тапалогій інтэгральных мікрасхем — у развіцці мікраэлектронікі, прадвызначае пастаянны тэрмін захоўвання адпаведных заявак, па якіх выдадзены ахоўныя дакументы, і дакументаў па іх разглядзе.

У адрозненні ад вынаходстваў, карысных мадэляў, прамысловых ўзораў, гатункаў раслін, тапалогій інтэгральных мікрасхем таварныя знакі і знакі абслугоўвання, найменні месцаў паходжання тавараў такімі вынікамі інтэлектуальнай дзейнасці не з’яўляюцца, а адносяцца да сродкаў індывідуалізацыі тавараў і паслуг.

У арт. 1 Закона «Аб таварных знаках і знаках абслугоўвання» ад 05.02.1993 таварны знак або знак абслугоўвання (далей — таварны знак) вызначаецца як пазначэнне, якое спрыяе адрозненню тавараў або паслуг адной асобы ад аднастайных тавараў або паслуг іншых асоб. Такім чынам, асноўная функцыя таварнага знака — індывідуалізацыя тавараў і паслуг, а таксама іх вытворцаў на рынку, дзякуючы чаму спажывец атрымлівае магчымасць абраць сярод мноства аднастайных тавараў і паслуг тавары і паслугі

вызначаных вытворцаў з загадзя вядомымі яму ўласцівасцямі і якасцю. У якасці таварных знакаў рэгіструюцца пазначэнні, якія могуць быць прадстаўлены ў графічнай форме: славесныя, літарныя, лічбавыя, выяўленчыя, трохмерныя, уключаючы форму тавара або яго ўпакоўку, іншыя пазначэнні і іх камбінацыі [17, арт. 1].

Зарэгістраваныя таварныя знакі адыгрываюць важную ролю ў гандлі таварамі і паслугамі. Таварны знак дазваляе звярнуць увагу патэнцыяльных пакупнікоў на існаванне тавара або паслугі, адрозніваць іх ад аналагічных тавараў або паслуг, спрыяючы гэтым фарміраванню вызначанага іміджу і рэпутацыі ўладальніка таварнага знака на рынку. Таварныя знакі актыўна выкарыстоўваюцца ва ўсіх сферах эканомікі, і іх колькасць перавышае колькасць усіх астатніх АПУ разам узятых [30]. Па меркаванні В. І. Кудашова, рэгістрацыя таварных знакаў з’яўляецца карыснай крыніцай статыстычнай і эканамічнай інфармацыі для органаў дзяржаўнага кіравання [27, с. 88]. На наш погляд, заяўкі на таварныя знакі, па якіх выдадзены пасведчанні, і дакументы па іх разглядзе з’яўляюцца найважнейшымі крыніцамі інфармацыі як аб асобных арганізацыях гандлёва-прамысловага комплексу, так і аб развіцці рынку тавараў і паслуг у цэлым, і падлягаюць пастаяннаму захоўванню. У той жа час заяўкі, па якіх прыняты рашэнні аб адмове ў рэгістрацыі, адкліканыя заяўкі і дакументы па іх разглядзе не ўтрымліваюць тэхнічных, мастацка-канструктарскіх або генетычных рашэнняў, і не маюць сапраўднай або патэнцыяльнай навукова-гістарычнай каштоўнасці. Пасля страты практычнага значэння дадзеныя заяўкі падлягаюць знішчэнню.

Яшчэ адзін сродак індывідуалізацыі тавараў — найменне месца паходжання тавара — уяўляе сабой назву краіны, населенага пункта, мясцовасці або іншага геаграфічнага аб’екта і выкарыстоўваецца для пазначэння тавара, адмысловыя ўласцівасці якога выключна або галоўным чынам вызначаюцца характэрнымі для гэтага геаграфічнага аб’екта прыроднымі ўмовамі або іншымі фактарамі, або спалучэннем прыродных умоў і гэтых фактараў [18, арт. 1]. Улічваючы крайнюю нешматлікасць дадзеных аб’ектаў [30] і значэнне іх аховы для захавання традыцыйных вытворчасцей і здабычы, уяўляецца мэтазгодным пастаяннае захоўванне заявак на найменні месцаў паходжання тавараў, па якіх выдадзены пасведчанні, і дакументаў па іх разглядзе. Па аналогіі з таварнымі знакамі заяўкі на найменні, па якіх прыняты рашэнні аб адмове ў рэгістрацыі, адкліканыя заяўкі і дакументы па іх разглядзе не маюць сапраўднай або патэнцыяльнай навукова-гістарычнай каштоўнасці.

Дзяржаўныя рэестры АПУ з’яўляюцца рэспубліканскімі дзяржаўнымі інфармацыйнымі рэсурсамі і зарэгістраваны ў Дзяржаўным рэгістры інфармацыйных рэсурсаў Рэспублікі Беларусь. Пералікам 1989 г. быў устаноўлены пастаянны тэрмін захоўвання дзяржаўных рэестраў АПУ [26, с. 143]. Улічваючы тое, што дзяржаўныя рэестры з’яўляюцца сродкамі адзінага дзяржаўнага ўліку АПУ, фіксацыі і захоўвання інфармацыі аб усіх юрыдычна значных дзе-

яннях з імі, з'яўляецца цалкам абгрунтаваным пастаяннае захоўванне дзяржаўных рэестраў.

Вядзенне дзяржаўных рэестраў АПУ ажыццяўляецца ў папяровай і электроннай формах. Пры несупадзенні даных у папяровай і электроннай форме прыярытэт мае дакументаваная інфармацыя папяровай формы [31, с. 6]. Нягледзячы на дадзенае палажэнне, электронныя формы рэестраў дэ-факта з'яўляюцца першаснымі інфармацыйнымі рэсурсамі, таму што выступаюць крыніцай для аўтаматызаванага стварэння лістоў папяровых рэестраў. В. Л. Насевіч лічыць, што за кошт канцэнтрацыі ў адным рэсурсе і перакладу ў электронны выгляд дакументаваная інфармацыя набывае новую якасць, а яе каштоўнасць нашмат перавышае каштоўнасць разрозненай масы першасных дакументаў [10, с. 36].

Паводле п. 23.1 Пераліку тыпавых дакументаў 2007 г. электронныя інфармацыйныя рэсурсы, у тым ліку рэестры, якія ўключаны ў пералік дзяржаўных інфармацыйных рэсурсаў, падлягаюць пастаяннаму захоўванню [32]. Інструкцыяй па правядзенні экспертызы каштоўнасці і перадачы на дзяржаўнае захоўванне дакументаў у электронным выглядзе і інфармацыйных рэсурсаў для экспертызы каштоўнасці інфармацыйных рэсурсаў устаноўлены спецыфічныя крытэрыі ацэнкі: паўната камплектавання (суадносіны інфармацыі, наяўнай у складзе дадзенага інфармацыйнага рэсурсу, з агульным аб'ёмам інфармацыі, наяўнай у рэспубліцы па дадзеным класе прадметаў або з'яў); пэўнасць інфармацыі; унікальнасць, вызначаная сістэмай збору інфармацыі; сацыяльная значнасць [33]. Паводле дадзеных крытэрыяў і з улікам патрабаванняў Пераліку тыпавых дакументаў 2007 г. электронныя формы рэестраў павінны захоўвацца пастаянна разам з папяровымі аналагамі.

П. 132 Правілаў устаноўлена, што на дзяржаўнае захоўванне адбіраюцца ануляваныя пасведчанні (патэнты), дакументы на вынаходствы, па якіх выдадзены ліцэнзіі (ліцэнзійныя пашпарты, рэкламна-тэхнічныя апісанні аб тэхнічнай гатоўнасці, тэхнічна-эканамічныя разлікі).

Патэнты на вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры, сарты раслін разам з апісаннямі, пасведчанні на тапалогіі інтэгральных мікрасхем, таварныя знакі і знакі абслугоўвання, найменні месцаў паходжання тавараў (ахоўныя дакументы) выдаюцца патэнтавым органам і захоўваюцца ўладальнікамі адпаведных АПУ. Дзейсныя пералікі тыпавых дакументаў з указаннем тэрмінаў захоўвання не вызначаюць тэрмінаў захоўвання ахоўных дакументаў. Паводле Пераліку 1989 г., які на сённяшні дзень не з'яўляецца абавязковым для выканання і мае рэкамендацыйны характар, патэнты і сведчанні на АПУ, з'яўляюцца дакументамі пастаяннага тэрміну захоўвання [26, с. 141].

Беларускім навукова-даследчым інстытутам дакументазнаўства і архіўнай справы сумесна з зацікаўленымі асобамі вядуцца работы па распрацоўцы Пераліку тыпавых дакументаў, якія ўтвараюцца ў навукова-тэхнічнай дзейнасці, з указаннем тэрмінаў захоўвання [34, с. 74]. Аднак, пакуль Пералік не

ўступіў у сілу, тэрмін захоўвання патэнтавых дакументаў вызначаецца экспертнай камісіяй арганізацыі. На падставе палажэнняў Пераліку 1989 г., і ўлічваючы навукова-гістарычную каштоўнасць ахоўных дакументаў, з'яўляецца мэтазгодным іх пастаяннае захоўванне.

На пастаяннае захоўванне ў дзяржаўны архіў ахоўныя дакументы павінны перадавацца ва ўстаноўленым камплекце і ўпарадкаваным стане з адпаведным навукова-даведачным апаратам арганізацыямі-ўладальнікамі адпаведных АПУ, якія з'яўляюцца крыніцамі камплектавання Нацыянальнага архіўнага фонду, пасля заканчэння іх дзеяння і ў межах устаноўленага заканадаўствам тэрміну ведамаснага захоўвання дакументаў.

Ліцэнзійныя дамовы, дамовы ўступкі, ліцэнзійныя пашпарты, рэкламна-тэхнічныя апісанні аб тэхнічнай гатоўнасці, тэхніча-эканамічныя разлікі не з'яўляюцца патэнтавымі дакументамі.

Састаўляючай часткай сістэмы патэнтавай дакументацыі з'яўляюцца афіцыйныя выданні патэнтавага органа. Да афіцыйных выданняў патэнтавага органа адносяцца: 1) афіцыйны бюлетэнь патэнтавага органа; 2) апісанні вынаходстваў, карысных мадэляў і сартоў раслін да патэнтаў; 3) бібліяграфічны паказальнік дзейсных у Беларусі патэнтаў на вынаходствы, карысныя мадэлі і прамысловыя ўзоры [35, п. 7].

Публікацыя патэнтавай інфармацыі ў форме афіцыйных выданняў суправаджае ўсе асноўныя этапы прававой аховы інтэлектуальнай уласнасці, і менавіта па гэтай прычыне афіцыйныя выданні патэнтавага органа з'яўляюцца важнымі крыніцамі інфармацыі аб зарэгістраваных у Беларусі АПУ. Разам з тым афіцыйныя выданні выпускаюцца значным тыражом, іх электронныя версіі выкладваюцца на афіцыйны сайт патэнтавага органа. Улічваючы дадзеныя акалічнасці, уяўляецца абгрунтаваным адбор на пастаяннае захоўванне толькі арыгінал-макетаў афіцыйных выданняў патэнтавага органа.

Разглядаючы асаблівасці правядзення экспертызы каштоўнасці розных відаў патэнтавых дакументаў, можна зрабіць наступныя высновы:

1. Падчас патэнтавай экспертызы фактычна ажыццяўляецца праверка адпаведнасці заявак на вынаходствы ўстаноўленым Правіламі спецыфічным крытэрыям ацэнкі навукова-тэхнічнай дакументацыі: прынцыповая навізна, унікальнасць рашэння праблемы, канструкцыі, тэхналогіі, ступень адлюстравання ўзроўню навукі і тэхнікі, вытворчасці ў адпаведны перыяд развіцця грамадства. Патэнтавая экспертыза з'яўляецца найважнейшым этапам экспертызы каштоўнасці заявак на вынаходствы, на аснове вынікаў якога пацвярджаецца або не пацвярджаецца навукова-гістарычная каштоўнасць і практычная значнасць і ажыццяўляецца асноўны адбор заявак пастаяннага захоўвання.

2. Заяўкі на АПУ, па якіх выдадзены ахоўныя дакументы, і дакументы па іх разглядзе, дзяржаўныя рэестры АПУ, ахоўныя дакументы і арыгінал-макеты афіцыйных выданняў патэнтавага органа маюць сапраўдную навукова-гістарычную каштоўнасць і падлягаюць пастаяннаму захоўванню.

3. Заяўкі на АПУ — вынікі інтэлектуальнай дзейнасці (вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры, гатункі раслін, тапалогіі інтэгральных мікрасхем), па якіх прыняты адмоўныя рашэнні, адкліканыя заяўкі на дадзеныя аб'екты і дакументы па іх разглядзе маюць патэнцыяльную навукова-гістарычную каштоўнасць і падлягаюць экспертызе каштоўнасці ў патэнтавым органе. Таму для дакументаў дадзеных катэгорый з'яўляецца абгрунтаваным замацаванне адпаведных тэрмінаў захоўвання з адзнакамі ЭПК. Пры экспертызе каштоўнасці дакументаў дадзеных катэгорый мэтазгодна выкарыстоўваць спецыфічныя крытэрыі ацэнкі навукова-тэхнічнай дакументацыі і крытэрыі грамадскага прызнання рашэння і аўтара.

Рашэнне задачы па пабудове эфектыўнай сістэмы экспертызы каштоўнасці патэнтавых дакументаў павінна насіць комплексны характар. Па-першае, неабходна нарматыўна замацаваць тэрміны захоўвання патэнтавых дакументаў у адпаведным Пераліку тыпавых дакументаў. Па-другое, варта ўнесці адпаведныя змены і дапаўненні ў Правілы, прывесці іх у адпаведнасць з дзейсным нацыянальным заканадаўствам аб прамысловай уласнасці і вызначыць выразныя крытэрыі экспертызы каштоўнасці для ўсіх катэгорый патэнтавай дакументацыі.

Літаратура і крыніцы

1. Бурова, Е. М. История и современные тенденции развития экспертизы ценности документов / Е. М. Бурова. — М., 1985.
2. Автократов, В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / В. Н. Автократов. — М.: РГГУ, 2001.
3. Алексеева, Е. В. Научные основы оценки и отбора документов / Е. В. Алексеева, Л. П. Афанасьева, Е. М. Бурова, Г. А. Осичкина // Делопроизводство. — 2003. — № 1. — С. 98—102.
4. Rybakou, Appraisal in the Republic of Belarus: Theory, Technique, Normative Regulation / A. Rybakou // Atlanti: Review for modern archival theory and practice. — Trieste, 2008. — Vol. 18. — P. 257—264.
5. Федосов, В. В. О взаимосвязях общей теории архивоведения и теории экспертизы ценности документов / В. В. Федосов // Беларускі археаграфічны штогоднік / Рэдкал.: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелНДІДАС, 2011. — Вып. 12. — С. 62—69.
6. Белявский, А. М. О некоторых проблемах экспертизы ценности документов в контексте антропологического подхода / А. М. Белявский // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2011. — Вып. 6. — С. 159—167.
7. Белявский, А. М. Верификация теории экспертизы ценности документов / А. М. Белявский // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2012. — Вып. 7. — С. 170—180.

8. Жумарь, С. В. Проблемы и перспективы разработки перечней документов учреждений, организаций, предприятий Республики Беларусь с указанием сроков хранения / С. В. Жумарь // Архівы і справаводства. — 2000. — № 2. — С. 96—100.
9. Давыдова, Э. Н. О перспективах разработки перечней документов с указанием сроков хранения / Э. Н. Давыдова, А. Я. Рыбаков, П. А. Левчик // Архівы і справаводства. — 2000. — № 3. — С. 36—44.
10. Носевич, В. Л. Информационные ресурсы организаций как часть Национального архивного фонда / В. Л. Носевич // Архівы і справаводства. — 2008. — № 1. — С. 36—42.
11. Жук, О. Ю. Организация и порядок проведения экспертизы ценности электронных документов / О. Ю. Жук // Архівы і справаводства. — 2007. — № 6. — С. 37—40.
12. Тихонов, В. И. Применение традиционных методов в экспертизе ценности электронных документов / В. И. Тихонов // Отечественные архивы. — 2009. — № 3. — С. 37—46.
13. Ерошкина, О. Д. Патентная документация в СССР и экспертиза ценности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 05.25.02 / О. Д. Ерошкина: ВНИИДАД. — М., 1988. — 22 с.
14. Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16.12.2002 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
15. Закон Республики Беларусь «О патентах на сорта растений» от 13.04.1995 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
16. Закон Республики Беларусь «О правовой охране топологий интегральных микросхем» от 07.12.1998 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
17. Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05.02.1993 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
18. Закон Республики Беларусь «О географических указаниях» от 17.07.2002 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
19. Правила работы государственных архивов Республики Беларусь (утверждены постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 25.11.2005 № 7) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
20. Основные правила работы архивов центральных и местных органов государственной власти и управления, учреждений, организаций и предприятий Республики Беларусь (утверждены решением коллегии Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь 30.04.1997 № 5) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.

21. Правила работы с научно-технической документацией в учреждениях, организациях и на предприятиях (утверждены постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 06.11.2003 № 38) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
22. Правила работы с научно-технической документацией в государственных архивах Республики Беларусь (утверждены постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 14.03.2007 № 14) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
23. Положение о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и вынесения решения по результатам экспертизы (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2011 № 119) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
24. Положение о порядке составления заявки на выдачу патента на полезную модель, проведения по ней экспертизы и вынесения решения по результатам экспертизы (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2011 № 120) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
25. Положение о порядке составления заявки на выдачу патента на промышленный образец, проведения по ней экспертизы и вынесения решения по результатам экспертизы (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2011 № 121) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
26. Перечень типовых документов, образующихся в деятельности госкомитетов, министерств, ведомств и других учреждений, организаций, предприятий, с указанием сроков хранения. — М.: ВНИИДАД, 1989. — 270 с.
27. Кудашов, В. И. Управление интеллектуальной собственностью, / В. И. Кудашов.— Минск: ИВЦ Минфина, 2007. — 360 с.
28. Судариков, С. А. Интеллектуальная собственность / С. А. Судариков. — М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2007. — 800 с.
29. Мухопад, В. И. Интеллектуальная собственность в мировой экономике знаний / В. И. Мухопад. — М.: НИИ школьных технологий, 2009. — 256 с.
30. Национальный центр интеллектуальной собственности: Годовой отчет 2011 [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://belgospatent.org.by/files/Report_2011.pdf — Дата доступа: 14.04.2012.
31. Временное положение о государственных реестрах объектов права промышленной собственности, лицензионных договоров, договоров уступки и договоров залога прав на объекты интеллектуальной собственности, договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) Республики Беларусь (утверждено приказом генерального директора Национального центра интеллектуальной собственности от 09.08.2011 № 67-а). Национальный центр интеллектуальной собственности. — Ном. дел 01-50. Дело 01-05.

32. Перечень типовых документов органов государственной власти и управления, организаций Республики Беларусь по оперативному и статистическому учету и отчетности, электронным информационным ресурсам, трудовым отношениям, социальной защите, работе с кадрами, образованию, таможенному контролю, материально-техническому обеспечению, административно-хозяйственной деятельности, делопроизводству, работе архивов организаций с указанием сроков хранения (утвержден постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 14.12.2006 № 82) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
33. Инструкция по проведению экспертизы ценности и передаче на государственное хранение документов в электронном виде и информационных ресурсов (утверждена постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 30.06.2010 № 37) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
34. Мальчевский, Е. С. Регистрация объектов промышленной собственности. Документационный аспект / Е. С. Мальчевский // Архівы і справаводства. — 2011. — № 1. — С. 68—75.
35. Положение об официальных изданиях Национального центра интеллектуальной собственности (утверждено Постановлением Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 26.09.2005 г. № 12) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.05.2012

В. С. Іванова,
старшы выкладчык кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта;
тэл. +375 29 74 85 311;
e-mail: ivanova_olga_s@mail.ru

ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ АРХІЎНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў БЕЛАРУСІ

Праблема развіцця архіўнай тэрміналогіі з'яўляецца сёння адной з самых актуальных, што абмяркоўваецца на шматлікіх канферэнцыях і падчас камунікацыі даследчыкаў. Звязана гэта з фарміраваннем і развіццём нацыянальных школ архівазнаўства ў былых савецкіх рэспубліках, пачынаючы з 1990-х гг. Тэрміналогія складае своеасаблівы каркас навуковай дысцыпліны, падвяргаючыся пастаянным зменам. У гэтай сувязі ад тэарэтыкаў архівазнаўства патрабуецца перманентная рэфлексія наяўных трансфармацый. Працэс стварэння тэрмінасістэмы любой галіны ведаў умоўна можна падзяліць на некалькі этапаў. Першы этап звязаны з натуральным фарміраваннем тэрміналагічнай сістэмы асобнай галіны на аснове эмпірычнага досведу. На другім этапе (этап фіксацыі) узнікае неабходнасць растлумачыць створаныя тэрміны, зрабіць абагульненні шляхам стварэння невялікіх тэрміналагічных слоўнікаў у выглядзе дадаткаў да манаграфій, падручнікаў і іншых прац. Далей ідзе асноўны этап нармалізацыі тэрміналогіі, які праходзіць, як правіла, праз складанне грунтоўных тэрміналагічных слоўнікаў. Нарматыўнае ўжыванне тэрміна цвёрда фіксуецца пры стандартызацыі (кадыфікацыі), калі ажыццяўляецца выбар толькі аднаго тэрміна для кожнага паняцця і замацаванне яго ў спецыяльных дакументах.

Пачатак фарміравання беларускай архіўнай тэрміналогіі можна аднесці да XVI ст., калі ў Статуце 1588 г. (раздзел 4, арт. 14) для пазначэння месца захоўвання судовых актавых кніг выкарыстоўвалася паняцце «схованье книгъ судовых». Потым быў прыняты цэлы шэраг соймавых пастаноў аб забеспячэнні захаванасці і рэвізіі архіваў. Вынікі эвалюцыі тэрміналогіі былі ў пэўным сэнсе зафіксаваны ў пачатку XIX ст. у прадмове да археаграфічнай працы І. Грыгаровіча «Беларускі архіў старажытных грамат» (1824), дзе ўжываецца паняцце «архіў» як у значэнні зборніка дакументаў, неабходных для даследавання гісторыі Беларусі, так і ў значэнні месца, дзе захоўваюцца арыгіналы гэтых дакументаў. У 1872 г. архіварыус Віленскага архіва М. І. Гарбачэўскі ў адной са сваіх прац прысвяціў невялікі раздзел этымалогіі паняцця «архіў». Пад архівам разумелася сховішча афіцыйных папер, давалася таксама азначэнне паняцця «актавыя кнігі» і іх класіфікацыя [1, с. 1]. Яшчэ адна праца Гарбачэўскага, прысвечаная тлумачэнню нумізматычных, сфрагістычных, палеаграфічных, генеалагічных тэрмінаў, якія сустракаліся ў архіўных дакументах, стала выдатным дапаможнікам для гісторыкаў, аднак не ставіла задачу тлумачэння архівазнаўчых тэрмінаў [2].

Актыўнае развіццё непасрэдна беларускай тэрміналагічнай лексікі пачалося ў канцы XIX — пачатку XX ст., што звязана з масавым выданнем твораў літаратуры, падручнікаў, газет, часопісаў. Найбольшая тэрміналагічная актыўнасць назіралася ў 1920-я гг., у перыяд дзейнасці Тэрміналагічнай камісіі пры Інстытуце беларускай культуры, якая з 1922 па 1930 г. падрыхтавала 24 нарматыўныя двухмоўныя слоўнікі навуковай тэрміналогіі розных галін ведаў, якія задаволілі запатрабаванні адукацыйнай сістэмы ў беларускіх тэрмінах. Сярод слоўнікаў, якія ўпершыню нармавалі беларускамоўныя архівазнаўчыя тэрміны, можна адзначыць слоўнік па тэрміналогіі права і слоўнік бухгалтарскай тэрміналогіі [3]. Акрамя гэтага, у 1926 г. у складзе адпаведнага дапаможніка выйшаў у свет слоўнік справаводнай тэрміналогіі, дзе прысуднічала паняцце «архіў» [4, с. 92].

У 1927 г. на Другой нарадзе архіўных работнікаў БССР у дакладзе М. Мялешкі прагучала прапанова аб складанні архіўнай тэрміналогіі, а З. Даўгяла выказаў меркаванне аб неабходнасці вызначэння паняцця «архіўны фонд» і па пытанні фандавання [5, с. 15]. У лютым 1928 г. Цэнтрархівам рэспублікі быў выдадзены цыркуляр аб неабходнасці складання архіўнай тэрміналогіі [6]. У адпаведнасці з ім, а таксама з патрабаваннем Галоўнай тэрміналагічнай камісіі Інбелкульта першапачатковае складанне беларускай архіўнай тэрміналогіі павінна было ажыццяўляцца архівістамі цэнтральных архіваў у наступным парадку: рэгістрацыя расійскіх слоўнікавых архіўных тэрмінаў з беларускім перакладам; рэгістрацыя новых тэрмінаў, якія ўжываюцца на практыцы; пазначэнне тых з'яў у архіўнай практыцы, якія не маюць адпаведных тэрмінаў; тлумачэнне асноўных тэрмінаў. Гэты этап планавалася скончыць да 1 кастрычніка 1928 г., пасля чаго сабраны на месцах матэрыял павінен быў быць адпраўлены ў Інстытут беларускай культуры для апрацоўкі. План быў выкананы толькі ў 1934 г., калі ў Беларускую акадэмію навук быў дасланы спіс са 142 слоў архіўнай тэрміналогіі [7]. Аднак тлумачэнне архівазнаўчых тэрмінаў было ўключана ў першую Беларускую энцыклапедыю толькі ў 1971 г. Артыкул да паняцця «архіў», напісаны вядомым гісторыкам і архівістам М. Камінскім, утрымліваў два значэнні: архіў як установа, дзе захоўваюцца дакументы і арганізоўваецца іх выкарыстанне, і архіў як сукупнасць дакументаў [8, с. 480—481].

Паралельна на саюзным узроўні ішла нармалізацыя архіўнай тэрміналогіі ў рускай мове, якая ў пасляваенны перыяд стала тэарэтычнай нарматыўнай асновай для практыкі працы беларускіх архіваў і распрацоўкі беларускамоўнай тэрмінасістэмы архівазнаўства. У пачатку 1920-х гг. у СССР архівістамі было пастаўлена пытанне аб прывядзенні да аднастайнага выгляду спецыяльных архіўных тэрмінаў з-за паўсюднага ўжывання шырокіх трактовак. Першыя абагульненні назапашанага тэрміналагічнага матэрыялу ў 1930—1950-я гг. ажыццяўляліся ў форме вучэбных дапаможнікаў: гэта працы Г. А. Князева, К. Г. Міцяева, Г. А. Бялова [9], што ўтрымлівалі ў якасці раздзе-

лаў першыя слоўнікі тэрміналогіі з найважнейшымі архіўнымі тэрмінамі: архіў, архіўны матэрыял, архіўны дакумент, справа, збор, адзінка захоўвання архіўнага матэрыялу, архіўны фонд, архіўны разрад (калекцыя), адзіны дзяржаўны архіўны фонд. Другая палова 1950—1960-х гг. — гэта актыўны перыяд тэрмінатворчасці. Асноўнай формай навуковага абагульнення сталі: слоўнік архіўнай тэрміналогіі 1968 г., першыя тэрміналагічныя стандарты 1970 і 1983 гг., слоўнік архіўнай тэрміналогіі сацыялістычных краін 1982 і 1989 гг. [10].

Праца па падрыхтоўцы Слоўніка 1968 г. вялася супрацоўнікамі цэнтральных, рэспубліканскіх і мясцовых архіваў, навукоўцамі Маскоўскага дзяржаўнага гісторыка-архіўнага інстытута (МДГАІ), Усесаюзнага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы (УНДІДАС) на падставе слоўніка, складзенага Г. А. Князевым. Гэта быў першы ў СССР сістэматызаваны пералік тэрмінаў і паняццяў (каля 500), што ўжываліся ў архіўнай справе і сумежных галінах (дакументазнаўстве, дапаможных гістарычных дысцыплінах), і адлюстроўваў узровень развіцця архівазнаўства на той час. Трактоўкі паняццяў у слоўніку былі накіраваны на сістэматызацыю вядомых паняццяў, а таму ўтрымлівалі некалькі тлумачэнняў аднаго тэрміна. Напрыклад, паняцце «архіў» разглядалася ў трох значэннях: як арганізацыя, што ажыццяўляе захоўванне, як сукупнасць дакументаў і як архівасховішча.

Наступным крокам стала непасрэдна стандартызацыя тэрміналогіі, г. зн. заканадаўчае замацаванне архівазнаўчых тэрмінаў. Словазлучэнне «стандартызацыя архіўнай тэрміналогіі» гучыць некалькі нязвыкла для навукоўцаў, паколькі дастаткова цяжка звесці да аднаго варыянта шматлікія сучасныя накірункі, што існуюць у архіўнай тэорыі і практыцы, тым не менш, гэтая з'ява захавалася і ў сучасным архівазнаўстве ў Беларусі. Упершыню стандарт быў уведзены ў дзеянне ў 1971 г. Аднак развіццё архіўнай справы, звязанае з прыняццем Палажэння аб Дзяржаўным архіўным фондзе СССР, досвед назапашаны пры падрыхтоўцы «Слоўніка сучаснай архіўнай тэрміналогіі сацыялістычных краін», «Асноўных правіл працы дзяржаўных архіваў», выклікалі неабходнасць перагляду гэтага стандарту. Новы стандарт быў прыняты ў 1983 г. і ўведзены ў дзеянне ў 1985 г. [11]. У ім было змешчана 94 тэрміны, абавязковыя для ўжывання ў дакументацыі ўсіх відаў, вучэбнай і даведачнай літаратуры, для кожнага паняцця пададзены адзіны стандартызаваны тэрмін, прыведзены таксама недапушчальныя да ўжывання тэрміны («асабісты архіў», «архіў» у значэнні архівасховішча, «архіўны фонд» як генетычны комплекс дакументаў, «архіўная калекцыя» як комплекс дакументаў, аб'яднаных па вызначанай прыкмеце і інш.). Пры распрацоўцы «Слоўніка сучаснай архіўнай тэрміналогіі сацыялістычных краін» улічваліся магістральныя накірункі развіцця архіўнай справы ў краінах Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы, што спрыяла значнаму пашырэнню тэрміналагічнай сістэмы і тэарэтычнай базы архівазнаўства. Быў прадстаўлены шэраг тэрмінаў, не характэрных

для практыкі СССР (напрыклад: Нацыянальны архіўны фонд), зроблена спроба прыйсці да адзінага разумення базавых архівазнаўчых тэрмінаў. У межах слоўніка была зроблена спроба пазбягаць шматзначнасці і стандартызаваць ужыванне паняццяў, аднак гэта сталася не да канца магчымым у межах шматмоўнага слоўніка. Тым не менш, напрыклад, за тэрмінам «архіў» прызнавалася толькі адно значэнне (установа) [12].

Агулам у савецкім архівазнаўстве 1980-х гг. назіралася тэндэнцыя да дастаткова жорсткай стандартызацыі ў адпаведнасці з існуючымі правіламі тэрмінаўтварэння, дастаткова часта гэта не спрыяла ўжыванню тэрмінаў у шырокім навуковым кантэксце і развіццю навуковай тэрміналогіі. Напрыклад, былі выкрэслены з ужытку паняцці «архіў» у значэнні сукупнасці дакументаў, «асабісты архіў» і інш. [13]. Накірунак жорсткай стандартызацыі, аднак, заўважна стрымліваўся з-за пашырэння міжнароднага супрацоўніцтва ў архіўнай справе.

Якасна новы этап у развіцці беларускай архіўнай тэрміналогіі наступіў у 90-я гг. XX ст. Першым крокам стала стварэнне галіновага двухмоўнага слоўніка, аб якім гаворка ішла яшчэ ў 1920—30-я гг., але які так і не быў выдадзены з-за шэрагу палітычных прычын: згортвання палітыкі беларусізацыі і фізічнага знішчэння (рэпрэсій) вядучых беларускіх спецыялістаў у галіне архіўнай справы, якія маглі б стварыць слоўнік такога кшталту і паспрыяць развіццю ўласна беларускай архіўнай тэрміналогіі. У слоўнік, які пабачыў свет у 1997 г. [14], былі ўключаны ўсе выяўленыя тэрміны і тэрміналагічныя словазлучэнні, якія ўжываюцца на сучасным этапе ў справаводстве і архіўнай справе. Акрамя таго, значнае месца тут занялі словы і словазлучэнні, якія не з'яўляюцца справаводна-архіўнымі тэрмінамі ва ўласным сэнсе гэтага слова, але шырока ўжываюцца ў працы органаў дзяржаўнага кіравання, у галінах фатаграфіі, кінематаграфіі, фоназапісу, навуковай інфармацыі і інш. У слоўнік, створаны філолагамі і архівазнаўцамі, увайшло каля 8 тыс. тэрмінаў (руска-беларускай часткі) і каля 10 тыс. тэрмінаў (беларуска-рускай часткі).

У 2001 г. Беларускім навукова-даследчым інстытутам дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДІДАС) быў выдадзены кароткі тлумачальны слоўнік сучаснай тэрміналогіі ў галіне справаводства і дакументазнаўства пад рэдакцыяй С. У. Жумара, дзе была зроблена спроба сістэматызацыі найбольш значных архівазнаўчых тэрмінаў [15]. Усяго ў дзвюх частках (беларускай і рускай) слоўніка змешчана ў алфавітным парадку каля 400 тэрмінаў. Слоўнік стаў пэўным індыкатарам новага этапу развіцця архіўнай тэрміналогіі, спалучаючы накоплены досвед з новымі накірункамі развіцця. Так, напрыклад, разам з паняццем «Дзяржаўны архіўны фонд», якое ўжывалася ў дачыненні да ўсяго метакомплексу архіўных дакументаў Беларусі, што знаходзіліся на дзяржаўным захоўванні аж да 1994 г., у слоўніку даецца азначэнне «Нацыянальнага архіўнага фонду», якое стала асноватворным пры распрацоўцы архіўнага закону і грунтавалася на досведзе шэрагу замежных краін.

З 2011 г. у Беларусі ўведзены часовы тэрміналагічны стандарт «Справаводства і архіўная справа: тэрміны і азначэнні», які адмяняе савецкі 1983 г., і будзе дзейнічаць да прыняцця сталага стандарту ў 2013 г. Перадстандарт утрымлівае 120 тэрмінаў і азначэнняў, прыведзены таксама эквіваленты стандартызаваных тэрмінаў на беларускай і англійскай мовах. Распрацоўшчыкі імкнуліся захаваць ужо існуючую сістэму тэрмінаў у галіне справаводства і архіўнай справы, пераемнасць тэрміналагічных традыцый з улікам новых тэндэнцый у сферы развіцця дадзеных прафесійных накірункаў. У асноўных пазіцыях новы стандарт засноўваецца на папярэднім стандарце 1983 г., з улікам Слоўніка 2001 г., а таксама досведу суседніх краін у дадзенай сферы [16]. У гэтым жа годзе быў створаны нацыянальны тэхнічны камітэт па стандартызацыі «Кіраванне дакументамі», у склад якога ўвайшлі вядучыя ўстановы рэспублікі, што каардынуюць пытанні справаводства і архіўнай справы. У сферу інтарэсаў камітэта аднесена і архіўная справа [17].

Новы архіўны закон, што атрымаў назву «Аб архіўнай справе і справаводстве ў Рэспубліцы Беларусь» (ад 25 лістапада 2011 г.), таксама фіксуе пэўныя трансфармацыі і тэндэнцыі ў развіцці архіўнай тэрміналогіі. Асноўныя тэрміны «архіў», «архіўны дакумент» істотна звужаны («архіў» — толькі ў значэнні ўстановы, «архіўны дакумент» — толькі той, што захоўваецца ў архівах). Уведзены паняцці «дакумент Нацыянальнага архіўнага фонду», «дакумент па асабовым складзе» і інш., выкрэслена неактуальнае паняцце «тэхнатронны дакумент». Дадзеная рэдакцыя закону, з аднаго боку, мае больш дакладныя, празрыстыя і кароткія фармулёўкі, улічваючы практыку працы і сувязь з іншымі заканадаўчымі актамі, што абсалютна дарэчы ў межах заканадаўчай сістэмы. Але, з іншага боку, такая звыш вузкая трактоўка тэрмінаў зноў, як і ў савецкія часы, выключае з поля ўвагі шэраг архівазнаўчых з'яў і працэсаў.

Адным з прыярытэтных накірункаў развіцця архіўнай справы ў Рэспубліцы Беларусь на сённяшні дзень з'яўляецца таксама інтэграцыя беларускіх архіваў у міжнародную інфармацыйную сістэму, якая, з аднаго боку, патрабуе дакладнай пазіцыі ў фармулёўках беларускіх архіўных тэрмінаў, а з другога — разуменне архіўнай спецыфікі і тэрміналогіі замежных краін. Распрацоўка міжнародных стандартаў не азначае, аднак, адмовы ад традыцыйных нацыянальных тэрмінасістэм: стандарт у гэтым выпадку выступае як сродак камунікацыі, вядомы для кожнага з яе ўдзельнікаў. Беларускім навукова-даследчым цэнтрам электроннай дакументацыі (БелНДЦЭД) перакладзены, адаптаваны і выкарыстоўваецца ISAD (G), які, аднак, пакуль не стаў сталым узорам для стварэння апісанняў у дзяржаўных архівах.

Такім чынам, на сучасным этапе можна акрэсліць некалькі тэндэнцый у развіцці архіўнай тэрміналогіі. Па-першае, выразна прасочваецца імкненне да дастаткова жорсткай уніфікацыі тэрміналогіі і не толькі на заканадаўчым узроўні для афіцыйнага выкарыстання, але і сярод архівазнаўцаў, што вядзе

да збяднення тэарэтычнай базы даследаванняў, якія прызначаны да фарміравання і карэкціравання тэрміналогіі з улікам найноўшых навуковых распрацовак. Гэта азначае, што не архівіст і архівазнавец падпарадкоўваюцца тэрмінам, а тэрміны выкарыстоўваюцца для працы ў дынамічным і зменлівым асяроддзі. Тэрміналагічныя стандарты, як і іншыя нарматыўныя акты, маюць абавязковую сілу, тэрміны, замацаваныя тут, павінны ўжывацца ў афіцыйнай дакументацыі. Аднак у навуковых даследаваннях і навукова-папулярнай літаратуры не могуць ужывацца толькі стандартызаваныя тэрміны [18, с. 4]. Нельга пагадзіцца таксама са сцвярджэннем аб абавязковым ужыванні замацаваных стандартам тэрмінаў у навуковай і даведачнай літаратуры [19, с. 1], бо гэта прыводзіць да немагчымасці акрэслення розных падыходаў і пэўнага замаруджвання ў развіцці навуковай думкі. Напрыклад, пры даследаванні гістарычных трансфармацый паняццяў становіцца відавочнай рознасць іх тлумачэння ў розныя часы.

Па-другое, пры ўніфікацыі аднаго паняцця, асабліва калі гэтае паняцце з’яўляецца родавым (напрыклад: «архіў»), шэраг значэнняў адсякаецца (напрыклад, архіў як сукупнасць дакументаў), адначасова адсякаюцца і вытворныя паняцці (напрыклад, «асабісты архіў»), без якіх даволі складана казаць аб цэласнасці шэрагу комплексаў дакументаў [20]. Дадзеная праблема можа быць вырашана шляхам увядзення блізкага па значэнні тэрміна, які дае большыя магчымасці ахапіць існуючыя з’явы. Напрыклад, у стандарце 1971 г., тэрмін «архіў» у значэнні сховішча быў заменены на тэрмін «архівасховішча». У сучасных працах Ю. Несцяровіча [21] прапаноўваецца выкарыстаць тэрмін «архіў» толькі для пазначэння комплексу дакументаў, традыцыйнае ж для савецкай школы значэнне прапаноўваецца ўжываць з тэрмінам «архіўная ўстанова». Такі падыход, аднак, патрабуе дастаткова працяглага працэсу апрабацыі і прызнання навукоўцамі і практыкамі.

Па-трэцяе, не заўсёды пры нармалізацыі паняцця звяртаецца ўвага на яго тэарэтычную прыроду, ахарактарызаваную ў цэлым шэрагу даследаванняў. Нельга пагадзіцца, напрыклад, з азначэннем «архіўнага фонду», што дадзена ў апошнім стандарце. Паколькі гэтае паняцце адпавядае прынцыпу паходжання (арганічнаму, генетычнаму), а не прынцыпу прыналежнасці (лагічнаму, штучнаму), то не можа вызначацца як «лагічная сукупнасць». У дачыненні да дадзенага тэрміна таксама падаецца не карэктным імкненне звесці яго да аднаго значэння, паколькі ў практычнай дзейнасці ён у большасці выпадкаў ужываецца ў значэнні класіфікацыйнай і ўліковай адзінкі Нацыянальнага архіўнага фонду. У гэтым накірунку таксама неабходна адзначыць і недастатковасць уласна беларускіх тэарэтычных даследаванняў, скіраваных на глыбокі аналіз асноватворных архівазнаўчых паняццяў.

Такім чынам, досыць актыўная тэрміналагічная праца праводзілася ў Беларусі ўжо ў 1920—1930-я гг., хоць яна і не атрымала лагічнага завяршэння ў выглядзе слоўніка беларускай архіўнай тэрміналогіі, аднак была зафіксавана

ў слоўніках сумежных галін ведаў (справаводства, права і інш.), а таксама ў распрацоўках архівістаў, якія не ўбачылі свет з-за пэўных палітычных прычын. Тэрміналагічная праца ў пасляваенны перыяд канцэнтравалася на ўзроўні саюзных навукова-даследчых устаноў і цэнтральных архіваў, да ліку якіх адносіліся і беларускія. Актыўная праца па распрацоўцы беларускамоўнай архіўнай тэрмінасістэмы пачалася толькі ў 1990-я гг. На сённяшні дзень існуюць: двухмоўны слоўнік архіўнай тэрміналогіі (1997), тлумачальны слоўнік справаводнай і архіўнай тэрміналогіі (2001), а таксама ўведзены ў дзеянне перадстандарт архіўнай тэрміналогіі (2011). Развіццё архіўнай тэрміналогіі адбываецца пад моцным уплывам дакументазнаўства, акрамя гэтага, у дадзеным накірунку можна назваць шэраг момантаў, якія патрабуюць пэўнай увагі навукоўцаў.

Літаратура

1. Горбачевский, Н. И. Каталог древним актовым книгам губерний Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской, а также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильне / сост. архивариусом Н. Горбачевским. — Вильно, 1872. — 861 с.
2. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского / сост. архивариусом Центрального архива древних актовых книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, членом Виленской археографической комиссии Н. Горбачевским. — Вильно, 1874. — 397 с.
3. Беларуская навуковая тэрміналёгія. Вып. 10. Тэрміналёгія права / Ін-т беларускае культуры. Праўная сэкцыя. Аддзел першы. Сэрыя V. Кн. 10. — Менск, 1926. — 104 с.; Беларуская навуковая тэрміналёгія. Вып. 17. Тэрміналёгія права / Ін-т беларускае культуры. Праўная сэкцыя. Аддзел першы. Сэрыя V. Кн. 17. — Менск, 1928. — 72 с.
4. Серада, С. Дзелавод. Узоры афіцыяльных папер. Слоўнік тэхнічна-канцылярскіх выразаў і іншых патрэбных у дзелаводстве ведаў / Пад рэд. Красінскага. — Мінск, 1926. — 135 с.
5. Второе совещание архивных работников Беларуси, 19—24 декабря 1927 г.: Документы и материалы / сост. М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2001. — 73 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. — Ф. 249. — Воп. 1. — Адз. зах. 233. — Арк. 73.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. — Ф. 249. — Воп. 1. — Адз. зах. 603. — Арк. 8—15.
8. Беларуская савецкая энцыклапедыя. — Т. 1. А—Афіна / АН БССР; гал. рэд. П. У. Броўка. — С. 480—481.
9. Князев, Г. А. Теория и техника архивного дела (опыт систематического руководства). — Л.: ЛОЦИА, 1935. — 122 с.; Митяев, К. Г. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие / К. Г. Митяев; под ред. И. Л. Маяковского. — М., 1946. — 241 с.; Теория и практика архивного дела в СССР / Под ред.: Л. А. Никифорова, Г. А. Белова. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1966. — 468 с.
10. Краткий словарь архивной терминологии / Ред. кол.: В. И. Кострикин [и др.]. — М., Л.: Тип. ГАУ при СМ СССР, 1968. — 68 с.; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран: В 2 вып. / ВНИИДАД. — М.: ВНИИДАД, 1982—

1988. — Вып. 1. — 1982. — 445 с.; ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — М.: Изд-во стандартов, 1987. — 12 с.
11. ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — М.: Изд-во стандартов, 1987. — 12 с.
12. Елпатьевский, А. В. Некоторые вопросы архивоведческого терминоведения / А. В. Елпатьевский, К. И. Рудельсон, Э. И. Хан-Пира // Советские архивы. — 1979. — № 5. — С. 3—10.
13. Хан-Пира, Э. И. Архивоведческое терминоведение: из опыта словарной работы / Э. И. Хан-Пира // Археографический ежегодник за 1987 /АН СССР. Отделение истории. Археогр. комис.; редкол.: С. О. Шмидт (отв. ред.) [и др.]. — М., 1988. — С. 103—118.
14. Сорока, В. А. Русско-белорусский словарь делопроизводственной и архивной терминологии / В. А. Сорока, Т. Н. Мальцева, А. В. Запартыко; Беларуска-рускі слоўнік справаводнай і архіўнай тэрміналогіі / У. А. Сарока, Т. М. Мальцава; нав. рэд. В. П. Лемцюгова. — Мінск: Полымя, БелНДІДАС, 1997. — 441 с.
15. Делопроизводство и документоведение: Краткий словарь современной терминологии / Авт.-разраб.: С. В. Жумарь [и др.]. Перевод с русского и сост. белорусской части В. А. Сорока. — Минск: БелНИИДАД, 2001. — 76 с.
16. СТБ П 2059-2010. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения; Сукач, А. СТБ П 2059-2010: предварительный стандарт на делопроизводственную и архивную терминологию // Архівы і справаводства. — 2010. — № 4.— С. 23—24; Нестерович Ю. В. О важности следования результатам документологических исследований при составлении терминологических стандартов по делопроизводству (в контексте анализа базисных понятий документоведения, представленных в СТБ П 2059-2010) // Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/bdil/2010_4/3.pdf. — Дата доступа: 15.02.2012.
17. Создан Национальный технический комитет по стандартизации ТК BY 28 «Управление документами» // Архівы і справаводства. — 2011. — № 4. — С. 59—62.
19. Елпатьевский, А. В. О новом стандарте архивной терминологии / А. В. Елпатьевский, Э. И. Хан-Пира // Советские архивы. — 1984. — № 5. — С. 3—8.
19. ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.— М.: Изд-во стандартов, 1987.— 12 с.
20. Иванова, О. Проблема разграничения понятий в архивоведении (на примере дефиниций комплексов документов личного происхождения) // Студії з архівної справи та документознавства / Держкомархів України, УНДІАСД; редкол.: І. Б. Матяш та інш. — Київ, 2009. — Т. 17. — С. 112—118.
21. Нестерович, Ю. В. Корреляция понятий архива, архивного учреждения, архивного фонда и архивной коллекции / Ю. В. Нестерович // Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі, Мінск, 20 мая 2009 г. / Дэпартамент па архівах і справаводству М-ва юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазн. і арх. справы, Нацыян. архіў Рэспублікі Беларусь, ЗАТ «ТЕХНОСЕРВЪ А/С»; рэдкал.: Н. М. Дзятчык [і інш.]. — Мінск: БелНДІДАС, 2010. — С. 345—355.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 13.02.2012

Д. А. Синяк,
младший научный сотрудник
отдела документоведения БелНИИДАД,
аспирант БелНИИДАД;
тел. (+37529) 6730005
e-mail: darina5638@yandex.ru

ПОДХОДЫ К КОМПЛЕКТОВАНИЮ АРХИВОВ КОЛЛЕДЖЕЙ И УНИВЕРСИТЕТОВ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Успешное развитие архивного дела во многом связано с оптимизацией состава архивного фонда государства. От организационно-методического обеспечения этой работы, степени разработанности теоретических основ комплектования во многом зависит состояние источниковой базы исторических исследований, а также представленное в ней разнообразие исторических источников.

Высшие и средние специальные учреждения образования (далее – вузы и ссузы) занимают значимую часть в структуре учреждений Республики Беларусь. Их значимость для общества обусловлена подготовкой высококвалифицированных специалистов, владеющих новыми знаниями и технологиями, способных к генерированию нового интеллектуального продукта, созданию и эксплуатации современного оборудования.

В этом контексте особое значение приобретает исследование процессов документирования и документообразования в вузах и ссузах, направленное на оптимизацию методов экспертизы ценности и отбора на архивное хранение образующихся в деятельности этих учреждений документов.

Решение задач в указанном направлении будет более эффективным при условии изучения принципов работы с документами, используемых в практике работы университетов и колледжей развитых зарубежных стран. Это позволит выявить и использовать передовой положительный опыт зарубежных учреждений образования в вопросе отбора их документов на постоянное хранение.

Доступная англоязычная литература по вопросам комплектования архивов колледжей и университетов представлена небольшим количеством исследований и статей, что, по всей видимости, обусловлено достаточно узким предметом исследования. Незначительный объем информации представлен на сайтах университетов и отдельных международных организаций, в материалах конференций, исследованиях отдельных авторов. Следует указать на отсутствие подобных работ в Республике Беларусь, что делает исследование зарубежного опыта весьма актуальным с точки зрения заимствования методов отбора на архивное хранение наиболее ценных документов таких учреждений.

Для анализа, в первую очередь, представляет интерес ряд американских и британских источников: материалы Секции по архивам колледжей и уни-

верситетов Американского общества архивистов (College and University Archives Section of the Society of American Archivists), пособия по организации комплектования и размещения документов, разработанные Национальными архивами Великобритании (The National Archives), архивами Института образования Лондонского университета (Institute of Education of the University of London), Университета Южного банка Лондона (London South Bank University Archives Centre) и др.

Рационально организованная политика по комплектованию архивов играет ключевую роль в приобретении и сохранении ценной информации любой организации, в том числе и учреждения образования.

Согласно Словарю архивной терминологии Американского общества архивистов [4] под политикой по комплектованию (acquisition policy) понимается «официальное положение, используемое архивами или хранилищами с рукописями, устанавливающее виды материалов, принимаемых на хранение, условия и сроки приема. Оно служит базовым руководством для персонала архива, а также организаций и отдельных лиц, заинтересованных в передаче своих документов [в архив]».

Как уже было отмечено выше, исследований по рассматриваемой теме не так много, однако даже указанные исследования имеют весьма большое значение. Так, представляют интерес «Рекомендации для архивов колледжей и университетов» [6], разработанные Секцией по архивам колледжей и университетов Американского общества архивистов.

Согласно этим рекомендациям вся политика учреждения образования по комплектованию документами архивов должна отражаться в так называемой «архивной программе» (archival program). Такая программа должна быть утверждена руководством учреждения образования, а также при наличии иным органом управления (самоуправления), например, советом попечителей или управляющих учреждения.

В архивной программе должны быть определены:

состав документов учреждения образования;

административное расположение центрального архива в качестве основного места хранения документов;

полномочия архивистов для выполнения задач программы в соответствии с действующими локальными нормативными правовыми актами учреждения;

права на использование архивных документов, в том числе конфиденциальных;

порядок передачи документов структурных подразделений и кафедр в архив;

обязанности администрации по обеспечению архива необходимыми помещениями, оборудованием, средствами безопасности.

Помимо этого, в рекомендациях определен круг пользователей архивных документов. Среди них:

структурные подразделения (отдельные работники), которым архивные документы необходимы для текущей деятельности, в т. ч. документы, которые:

представляют собой доказательства осуществляемой деятельности и принимаемых решений, важных для функций учреждения, в т. ч. сохраняемые в целях представления контролирующим и проверяющим лицам и подразделениям (например, канцелярии ректора, совету попечителей, деканам, бухгалтерии, иным подразделениям и должностным лицам);

определяют, поддерживают и повышают имидж учреждения и необходимы для деятельности подразделений, ответственных за связи с общественностью;

позволяют поддерживать связь с выпускниками, отражая студенческую жизнь и события последипломного образования;

профессорско-преподавательский состав, который использует архивные документы для проведения научных исследований;

студенты, которые связаны с учреждением в связи с обучением в нем.

Кроме того, как отмечается в рекомендациях, архивы учреждений образования служат обществу тем, что позволяют выпускникам поддерживать связь с этими учреждениями. Архивы позволяют сохранить им знания об истории и миссии учреждения, которые воспринимаются многими выпускниками как значимый фактор в их жизни.

В рекомендациях отмечается, что для эффективной деятельности архивной программы требуется распоряжение органа правления, которое уполномочивает архивистов идентифицировать документы непреходящей ценности, документировать их физическое расположение, сохранять их и устанавливать методы контроля, которые обеспечивают быстрый и постоянный доступ к архивным коллекциям.

Чтобы соответствовать этим требованиям, учреждение образования должно выделять ресурсы, которые позволят реализовывать архивную программу:

приглашать архивистов высокой квалификации, а также вспомогательный персонал;

обеспечивать безопасные и технологически современные условия для размещения персонала и хранения архивных документов;

выделять финансовые средства для оплаты труда персонала, закупки оборудования и материалов.

Одним из важных аспектов при поступлении документов в архив является заполнение архивистами «карточки комплектования» (accession record), где отмечаются дата, заголовок, объем документа, условия хранения, передача от структурного подразделения учреждения или стороннего лица, необхо-

димость в ограничении доступа к документу. Однако при поступлении документов заполняется не только эта карточка. Этот процесс также включает в себя элементы систематизации, описания и сохранности. Карточки комплектования, особенно если они создаются и хранятся в электронном виде, могут стать основой для последующей систематизации и описания архивных документов.

Согласно рекомендациям поисковые средства для каждой единицы хранения должны быть доступны для исследователей во внешних, даже в мировых сетях, для онлайн доступа на компьютере в студенческом городке и в архиве вуза.

Как отмечается в рекомендациях, хранение архивных документов не является простой односложной процедурой, когда документы, «которые достигли зрелости», поступают в архивы.

Архивисты должны быть уверены, что поступающие документы не содержат опасных посторонних предметов, таких, как металлические скрепки, кислотных или хрупких веществ, плесени, сырости, паразитов или их остатков.

Хранение может даже начаться до «рождения» документа, так как архивисты помогают планировать системы для обеспечения долгосрочного существования и доступности электронных документов.

Хранение также дает документу «новую жизнь» после «смерти» своей первоначальной среды путем миграции информации из одной среды в другую, например, ксерокопирование, микрофильмирование и оцифровка документов.

Среди работ, посвященных вопросам организации доступа к архивным документам колледжей и университетов, стоит отметить статью Марка Грина, директора Центра американского наследия университета Вайоминг, президента Американского общества архивистов в 2006—2008 гг. «Доступ к архивам и рукописным коллекциям колледжей и университетов США» [5].

В статье автор утверждает, что в США большой процент архивных документов колледжей и университетов не доступен для исследователей, т. к. возможности проведения всех необходимых архивных процедур в отношении документов, поступающих в архивы этих учреждений, недостаточны в сравнении с объемами и темпами поступления документов в архивы. В том числе это выражается в недостаточном количестве оцифрованных бумажных архивных документов или хотя бы представленной в электронной форме описательной информации о них (в т. ч. в сети Интернет).

Документы, образующиеся в колледжах и университетах США, можно разделить на две основные группы: административные (управленческие) документы и документы образовательного процесса. При этом, как отмечает М. Грин, документы, создаваемые преподавателями в процессе обучения студентов, а также образующиеся в деятельности студенческих организаций,

нередко рассматриваются как личные документы (private papers) в противовес документам, создаваемым этими лицами в процессе административной деятельности (institutional records). В связи с этим могут возникать проблемы при попытке передачи таких документов в архив учреждения образования, т. к. в таком статусе они не попадают под нормы архивного законодательства и могут быть переданы в архив лишь на договорной основе с их владельцами (donors).

Проблемы комплектования архивов колледжей и университетов в США тесным образом связаны с проблемами доступа к документам, содержащим тайну личной жизни и персональные данные граждан, в связи с чем архивисты колледжей и университетов нередко попадают в ситуацию, в которой им необходимо находить допустимый баланс между доступностью архивных документов в интересах исследователей и ограничениями доступа с точки зрения законодательства о тайне личной жизни.

Положения политики по комплектованию архивов документами университетов представлены на сайтах Института образования Лондонского университета [2] и Университета Южного банка Лондона [3].

Институт образования Лондонского университета – это крупное учреждение в Великобритании, в котором занимаются изучением сферы образования и смежных областей. Институт содержит крупнейшую научно-образовательную библиотеку в Великобритании и стремится приобретать, сохранять, каталогизировать и делать доступными первоисточники, включая архивные документы.

Комплектование архивов призвано сохранить максимально широкий круг документов, отражающих процессы преподавания и обучения в прошлом, настоящем и будущем.

На сайте Института образования Лондонского университета представлены примеры документов, которые обычно рассматриваются при комплектовании, в т. ч. личные документы отдельных преподавателей (исследователей, практиков, чиновников, писателей или мыслителей), документы корпоративных органов, таких, как профессиональные союзы и организации, общества, ассоциации, инициативные группы, научно-исследовательские работы.

Документы в архив Института принимаются на любых носителях: бумажных, фото-, аудио-, видео-, электронных. При этом выделяется ряд категорий документов, которые обычно не рассматриваются как объекты архивного хранения, но которые в особых случаях следует передавать в архив:

документы местного значения или относящиеся к конкретной географической области;

документы центральных и местных правительственных ведомств;

документы, которые тесно связаны по происхождению с теми, которые уже размещены в другом архивном хранилище;

коллекции документов, оригиналы которых уже размещены в другом архивохранилище;

коллекции, полностью состоящие из опубликованных материалов (они могут быть включены в специальные библиотечные коллекции);

документы, которые все еще находятся в текущем пользовании их создателя;

коллекции документов, созданных за пределами Соединенного Королевства.

Одним из важных аспектов при комплектовании архива рассматривается также то, что все материалы должны быть подлинными и иметь подтвержденное происхождение; «даритель» должен обладать специальными полномочиями для передачи материала, а также должен подписать официальное депозитарное соглашение и/или закрепить в письменной форме условия дарения или хранения; не должно быть ограничений на использование передаваемых в архив материалов [2].

Как отмечается в «Методике отбора и уничтожения документов», Университет Южного банка Лондона отбирает, сохраняет и делает доступным уникальные архивные материалы, накопленные им и его предшественниками со времен его основания в 1892 г. в качестве Политехнического университета г. Боро и по настоящее время.

Архив, как сказано в методических материалах Архивного центра университета, принимает на хранение следующие категории документов:

документы, которые подтверждают достижения работников университета, студентов и выпускников;

документы общественных и других организаций, которые внесли значительный вклад в развитие университета;

документы, подтверждающие вклад университета в развитие региональных, национальных и международных объединений;

документы, которые содержат уникальную информацию, связанную с главной миссией университета.

В соответствии с критериями происхождения и целостности каждая коллекция будет сохранена в том объеме, который предусмотрен процедурами по комплектованию. Каждая коллекция будет подвергнута экспертизе ценности, будут оцениваться ее содержание, полнота и физическое состояние.

Архив университета не принимает на хранение литературные и научные рукописи, военные документы и документы местной истории, копии документов, личные библиотеки, учебные научные работы, дубликаты документов, которые уже хранятся в архиве, произведения искусства, документы студентов.

Поиск архивных материалов осуществляется сотрудниками архива университета в процессе опросов работников факультетов и кафедр. Все документы внутренней деятельности университета считаются собственностью

университета. Другие материалы могут быть приобретены путем дарения (в том числе завещания), но в исключительных случаях могут быть куплены, если архивные материалы имеют большое значение для университета. Все приобретения, будь то подарок или покупка, должны сопровождаться договором, подписанным владельцем архива и архивом университета. В нем указываются права собственности, авторские права, а также вопросы доступа и распоряжения архивными документами.

Для целей настоящей статьи особого внимания заслуживают общие вопросы теории и практики экспертизы ценности документов и комплектования архивов, нашедшие отражение в англоязычных источниках. Данные подходы могут быть применены и к деятельности архивов учреждений образования.

В статье «Стратегические направления: политика экспертизы ценности» [13], которая размещена на сайте Национальных архивов США (The National Archives and Records Administration (NARA)), определяется цель экспертизы ценности документов, ее стратегия, категории документов постоянного срока хранения, даются определения некоторых архивных терминов (экспертиза ценности документов, архивная ценность, документы постоянного и временного срока хранения, отбор на хранение). Как отмечается в статье, этот документ упрощает процесс оценки, обеспечивая основу для принятия решений по отбору документов на постоянное хранение.

Т. Р. Шелленберг в серии статей [7—12] попытался сформулировать различные виды ценности документов: первичные и вторичные ценности, доказательные и информационные ценности.

«В процессе выявления доказательных ценностей документа архивист также сохраняет документы, которые имеют и другие ценности, — значимые не только для государственных учреждений и студентов в области государственного управления, но и для экономистов, социологов, историков, ученых в целом. Критерии уникальности должны быть четко определены. В процессе выявления документов архивист должен учитывать как уникальность информации, так и уникальность документов, содержащих эту информацию» [8].

Помимо этого, общая, но тем не менее важная информация о процедурах комплектования архивов представлена Национальным архивом Великобритании в «Стратегии комплектования и хранения документов» [1]. В данном исследовании определяются сферы деятельности, документы которых поступают на государственное хранение в виде критериев комплектования архивов; также рассматриваются мероприятия по сохранению документов, для которых не предусмотрены специальные хранилища, и их передаче в другие архивохранилища.

Таким образом, анализ зарубежного опыта колледжей и университетов позволил выделить ряд подходов в определении политики комплектования архивов документами данных учреждений.

В США и Великобритании архивы указанных учреждений образования проявляют глубокую заинтересованность в профессиональной организации архивного хранения своих документов, которые являются основным инструментом отражения их истории и реконструкции образовательного опыта. Важным условием эффективности решения задач архивного хранения документов университетов и колледжей рассматривается следование определенным принципам отбора документов на архивное хранение и предоставления доступа к ним.

С этой целью учреждением должна быть сформулирована архивная программа, где одной из составляющих является политика по комплектованию архива, которая играет ключевую роль в приобретении и сохранении ценной информации. В положениях этой политики должны быть описаны полномочия архивистов и администрации учреждения образования в вопросах обеспечения жизнедеятельности архива, а также круг пользователей архивных документов. Помимо этого, программа устанавливает профессиональные требования к работникам архива и определяет категории специалистов и вспомогательного персонала.

Отдельно необходимо отметить подходы к определению категорий документов, подлежащих (не подлежащих) приему на архивное хранение. Согласно этим подходам приоритет, как правило, отдается тем документам, которые являются доказательством (отражением) деятельности структурных подразделений, профессорско-преподавательского состава, студентов и выдающихся выпускников.

Также следует отметить устоявшуюся в зарубежных странах практику получения архивных документов от сторонних лиц, будь то подарок или покупка, согласно которой такие события должны сопровождаться заключением договора, подписанным собственником архивных документов и архивом учреждения образования. В таком договоре рекомендуется четко разграничивать и закреплять права собственности, авторские права, а также порядок доступа и распоряжения передаваемыми архивными документами.

Литература

1. Acquisition and Disposition Strategy // The National Archives [Electronic resource]. — 2007. — Mode of access: http://www.nationalarchives.gov.uk/recordsmanagement. — Date of access: 15.01.2012.

Archives acquisition policy // Institute of Education of the University of London [Electronic resource]. — 2011. — Mode of access: http://www.ioe.ac.uk. — Date of access: 11.01.2012.

3. Collection & Disposal Procedures London South Bank University Archives Centre [Electronic resource]. — 2009. — Mode of access: http://www.lsbu.ac.uk. — Дата доступа: 25.04.2012.

4. Glossary of Archival and Records Terminology [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: http://www.archivists.org/glossary. — Date of access: 26.04.2012.

5. Green, M. Access to institutional archives and manuscript collections in U.S. colleges and universities [Electronic resource]. — 2011. — Mode of access: http://www.archivists.org/

publications/proceedings/accesstoarchives/08_Mark_GREENE.pdf. — Date of access: 11.03.2012.
6. Guidelines for College and University Archives // College and University Archives Section of the Society of American Archivists (SAA) [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: http://www.archivists.org/governance/guidelines/cu_guidelines.asp. — Date of access: 27.02.2012.
7. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Public Records: Conclusions // Bulletins of the National Archives [Electronic resource]. — 2012. — № 8. — Mode of access: http://www.archives.gov/research/alic/reference/archives-resources/appraisal-conclusions.html. — Date of access: 16.04.2012.
8. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Public Records: Evidential Values // Bulletins of the National Archives [Electronic resource]. — 2012. — № 8. — Mode of access: http://www.archives.gov/research/alic/reference/archives-resources/appraisal-evidential-values.html. — Date of access: 16.04.2012.
9. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Public Records: Foreword // Bulletins of the National Archives [Electronic resource]. — 2012. — № 8. — Mode of access: http://www.archives.gov/research/alic/reference/archives-resources/appraisal-foreword.html. — Date of access : 16.04.2012.
10. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Public Records: Informational Values // Bulletins of the National Archives [Electronic resource] . — 2012. — № 8. — Mode of access: http://www.archives.gov/research/alic/reference/archives-resources/appraisal-informational-values.html. — Date of access: 16.04.2012.
11. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Public Records: Introduction // Bulletins of the National Archives [Electronic resource]. — 2012. — № 8. — Mode of access: http://www.archives.gov/research/alic/reference/archives-resources/appraisal-introduction.html. — Date of access: 16.04.2012.
12. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Public Records: Table of Contents // Bulletins of the National Archives [Electronic resource]. — 2012. — № 8. — Mode of access: http://www.archives.gov/research/alic/reference/archives-resources/appraisal- table-of-contents.html. — Date of access : 16.04.2012.
13. Strategic Directions: Appraisal Policy // National Archives and Records Administration [Electronic resource]. — 2007. — Mode of access: http://http://www.archives.gov/records-mgmt/initiatives/appraisal.html. — Date of access: 16.04.2012.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 03.09.2012

В. Н. Бутько,
аспирант третьего года обучения
кафедры всеобщей истории
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы;
butsko2010@gmail.com

УСТНАЯ ИСТОРИЯ И АРХИВЫ: АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Для американской исторической науки XX в. были характерны поиски новых методов исследования, которые позволили бы взглянуть на прошлое человечества под другим углом. Еще К. Ясперс замечал, что история не завершена и таит в себе бесконечные возможности, и новые факты открывают в прошлом «не замеченную нами раньше истину» [4, с. 119]. Эти поиски дали несколько новых направлений, которые стали определяющими для развития истории во всем мире в прошлом веке и остаются актуальными сегодня. Среди этого многообразия новых методов исторического исследования не последнее место занимает устная история.

Устная история сегодня понимается как научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек [1, с. 11]. Ряд исследователей, прежде всего из числа самих устных историков, вслед за Полом Томпсоном и Дэвидом Дунавэем считают, что устная история является ровесницей истории вообще, т. к. данная форма сбора информации о прошлом использовалась еще «отцом истории» Геродотом, который активно расспрашивал очевидцев описываемых им событий греко-персидских войн [2, с. 137]. Однако фактически устная история, как она понимается в современной историографии, появилась лишь в 30—40-х гг. XX в. Решающая роль в этом принадлежала американскому историку Алану Невинсу, который в своей книге «Ключ к истории», опубликованной в 1938 г., резко раскритиковал организацию сбора исторических источников в США [21].

Историк указывал на тот факт, что система пополнения архивов лишь письменными документами устарела и требовала определенных изменений, прежде всего создания отделов по сбору воспоминаний. Он мотивировал это тем, что структура исторических источников значительно изменилась в XX в. Работая над биографиями известных политических деятелей, будучи журналистом, Алан Невинс раньше других осознал влияние технического прогресса на процесс документации прошлого. В XX в. важнейшие события часто не оставляли после себя никаких следов по двум причинам. Во-первых, в отличие от своих предшественников, еще при жизни которых создавались обширные архивы, политики и промышленники XX в. игнорировали переписку, предпочитая ей использование телефона, чтобы достигнуть скорости и тайны в коммуникации, или личные встречи с глазу на глаз, используя возможность

за несколько часов перелететь из одного конца Америки в другой [17, с. 393]. Во-вторых, к политикам и промышленникам пришло понимание того, что рано или поздно многие из документов становятся достоянием общественности. Так называемая «боязнь аспирантов последующих десятилетий» вынуждала высокопоставленных должностных лиц изменять в документах реальные причины некоторых своих действий [25, с. 71]. Порой единственной возможностью проникнуть за кулисы политики и крупного бизнеса становилась беседа с самими участниками событий.

А. Невинс понимал, что это должна быть не просто спорадическая активность некоторых из исследователей, а системная работа по созданию архивов воспоминаний. Для этого было необходимо создание специальной организации, которая занималась бы непосредственным сбором интервью. Он писал: «Существует огромное количество учреждений для поиска документов умерших людей. Но у нас есть только разрозненные бессистемные организации, предназначенные для получения лишь малой толики из огромной массы информации о недавнем американском прошлом, которую можно получить непосредственно от людей, занимающих видное место в политике, бизнесе, в различных профессиях и других областях; это информация, которую мы бесследно теряем с очередным некрологом. Отсутствие этих организаций, которые могут быть легко созданы и должны быть весьма успешны, плачевно само по себе и печально как символ широко распространенного равнодушия к истории» [21, p. IX]. По сути, А. Невинс указывал на необходимость создания своего рода архива воспоминаний.

Первая подобная организация — Исследовательский центр по изучению устной истории (Oral History Research Office) — была им создана в 1948 г. в Колумбийском университете. Основной ее задачей было проведение и хранение «интервью с непосредственными участниками новейшей истории с целью дополнения письменных исторических источников» [26, p. 19]. Работа данного Центра во главе с А. Невинсом стала «главным шагом в развитии современного устно-исторического движения» [3, с. 71]. Главной заслугой «Колумбийского проекта» была выработка первой теории и методики устной истории, а также ее популяризация среди других исследовательских центров, прежде всего, архивов.

Среди всех первых проектов Исследовательского центра по изучению устной истории можно выделить три, которые оказали наибольшее влияние на дальнейшее развитие устной истории прежде всего как инструмента формирования современных архивных фондов, состоящих из коллекций воспоминаний: 1) проект, посвященный Герберту Лехману (Herbert H. Lehman Project) [14]; 2) проект, посвященный пионерам радиовещания (Radio Pioneers Project) [23]; 3) проект устной истории автомобильной компании Форда (Ford Motor Company Oral History Project) [5].

Наиболее удачным и крупномасштабным стал проект устной истории автомобильной компании Форда. Его принято считать новым шагом на пути развития теории и практики устной истории. В 1950 г. в автомобильной компании Форда начались приготовления к празднованию пятидесятилетия со дня основания ее Генри Фордом, которое было запланировано на 1953 г. К этому времени планировалось издать биографию Г. Форда и создать архив, в котором были бы собраны все доступные материалы, связанные с жизнью и работой Форда [5, с. 6]. Для работы над его проектом пригласили Роберта Бахмера (Robert Bahmer), ведущего специалиста по архивному делу в США. После тщательного анализа существующей документации он представил свой вариант организации архива. Он указал, что часть документов утеряна и заполнение «белых пятен» в прошлом компании возможно при помощи сбора воспоминаний посредством устной истории. Это положило начало проведению первого настолько крупномасштабного проекта по устной истории, который стал частью работы по созданию Архива автомобильной компании Форда (Ford Motor Company Archives) [10, с. 100].

За помощью в проведении устно-исторического проекта обратились к специалистам из Исследовательского центра по изучению устной истории Колумбийского университета. А. Невинс рекомендовал назначить руководителем проекта его ученика и соратника Оуэна Бомбарда (Owen Bombard). Объектами для интервью избирались все, кто работал и знал Г. Форда, начиная от членов семьи Форда и заканчивая рабочими сборочной линии. В Архиве автомобильной компании Форда была создана специальная секция устной истории, в которой аккумулировался весь собранный материал. Директор архива Генри Эдмундс (Henry E. Edmunds) высоко ценил роль устной истории, т. к. она была «нацелена на увеличение количества и качества исторических источников, сохраняя информацию, найденную в человеческой памяти» [10, с. 103]. Сами сотрудники секции имели практически неограниченные возможности для развития материально-технической базы. Один из современников отмечал: «Их проект по устной истории под руководством Оуэна Бомбарда был предметом зависти для всех историков бизнеса. У них было все, в чем они нуждались и чего только хотели. Семья Форда была у них в руках, и только небо было пределом» [5, с. 15].

Работа была проделана колоссальная. Уже менее чем за два первых года было проведено 131 интервью, что составило 270 часов записей на магнитной ленте, из которых 230 были расшифрованы на более чем 7 000 страницах машинописи [10, с. 104]. За все время существования проекта (до середины 60-х гг. XX в.) было записано около 400 воспоминаний [24, с. 354].

Все собранные интервью превращали в машинописную транскрипцию, а затем она предоставлялась интервьюируемым для внесения исправлений и редактирования, и лишь потом отправлялась в архив. Там интервью дополнялись фотографией респондента и его подписью. Каждой транскрипции при-

сваивался свой индекс, составлялся именной указатель собранных воспоминаний.

Успех данного проекта положил начало моде на создание корпоративных архивов с включением в них отделов устной истории. В 50—70-е гг. XX в. различные центры устной истории провели целый ряд подобных проектов, посвященных созданию корпоративной устной истории различных компаний: Weyerhauser Timber Company, Federated Department Stores, McGraw-Hill Book Company и др. Однако ни один из них не был сопоставим по своим масштабам и качеству проделанной работы с проектом по устной истории компании Форда, который стал на долгое время эталоном организации и проведения подобных исследований для всех архивов США.

С постоянным ростом количества проектов постепенно расширялась и география распространения устной истории в США. Хорошим примером этого является проект, посвященный истории нефтяной промышленности в Техасе. План данного проекта подготовил А. Невинс, однако за его реализацию был ответственен Уильям Оуэнс, сотрудник Архива Техасского университета, в котором за время проведения проекта (1952—1958 гг.) было собрано 218 интервью [24, с. 355]. В 1954 г. был создан Региональный Центр устной истории в Калифорнийском университете в Беркли (The Regional Oral History Office). Его сотрудники отдавали предпочтение организации региональных проектов, которые затрагивали очень широкий спектр тем, начиная от истории развития лесоводства и виноделия в Калифорнии и заканчивая непосредственно созданием устной истории университета в Беркли [16, с. 24].

В 1959 г. совет Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе также решил создать свой собственный Центр устной истории, который существует до сих пор и является одним из ведущих центров развития устной истории в США. На первом этапе своей деятельности, как и их соседи из Беркли, сотрудники центра занялись организацией проектов, посвященных истории университета, а также провели ряд региональных исследований, связанных с историей развития культуры в регионе [26, с. 23].

Некоторые менее значимые университеты также начали проводить проекты по устной истории. В Университете Тулана (Tulane University) архивист Ховард Тилтон (Howard Tilton) в 1958 г. собирал интервью со знаменитыми джазовыми музыкантами, чтобы дополнить материалы, посвященные истории джаза [6, с. 619—623]. Историки Корнеллского университета (Cornell University) провели ряд устно-исторических проектов в рамках изучения истории развития сельского хозяйства и пищевой промышленности в штате Нью-Йорк [7, с. 624—628].

Одним из наиболее масштабных архивных проектов по устной истории стала инициатива Национального управления архивов и документации США (National Archives and Records Administration) по сбору коллекций воспоминаний, посвященных президентам США. Они должны были дополнить уже

существующие фонды документов личного происхождения, размещенные, как правило, в так называемых президентских библиотеках (Presidential Libraries). Проект начался со сбора воспоминаний о Гарри Трумэне (1961 г.) [30], затем о Джоне Кеннеди (1964 г.) [19], Герберте Гувере (1965 г.) [15], Линдоне Джонсоне [20] и Дуайте Эйзенхауэре (1967 г.) [11]. Интенсивность и объемы проделанной работы в рамках данных проектов действительно впечатляют. Например, к 1969 г., лишь спустя год после того, как Л. Джонсон покинул Белый дом, в рамках проекта, посвященного ему, уже было собрано 275 аудиозаписей [27, с. 448].

В 1960 г. Исследовательский центр по изучению устной истории Колумбийского университета опубликовал первый в своем роде каталог коллекций воспоминаний, собранных в его архиве. Это была тоненькая брошюра, содержащая описание каждой транскрипции, хранящейся в Центре. Согласно ей, к этому времени собранный и обработанный материал насчитывал всего 130 000 страниц. Ее издание стало традиционным. Из года в год содержание этой брошюры расширялось. В 1964 г. в нее было включено краткое описание программ по устной истории, проводящихся в других университетах [27, с. 448].

Несмотря на ряд успехов, устная история очень медленно завоевывала себе сторонников. Долгое время в американской исторической науке она занимала несколько маргинальное положение, т. к. идея А. Невинса не была принята большинством историков, привыкших доверять лишь письменным материалам. Поэтому неудивительно, что собранный материал был постоянным объектом острой критики, связанной с тем, что устная история опиралась лишь на человеческую память, которая, по мнению большинства историков, могла быть искажена в результате естественных физических ухудшений работы мозга, связанных со старением человека, ностальгией, влиянием коллективных и ретроспективных версий прошлого. И даже исключая все вышеперечисленные факты, полученный фактический материал являлся лишь субъективной картиной прошлого, созданной одним человеком, что приводило, по мнению критиков устной истории, к появлению не объективной истории прошлого, а лишь новых мифов. Минимальная польза виделась лишь в том, что они могли добавить колорит в описание того или иного события. Так, Артур Шлезингер-младший отмечал, что устная история полезна лишь для реконструкции «отношений между людьми — кто с кем работал, кто кому нравился, кто на кого повлиял». Однако «собранный материал не может претендовать на точность» [12, с. 35].

Реакцией на поток критики стало появление целого ряда предложений о необходимости выработки единой теории и методологии. Наиболее развернутую статью, посвященную данным проблемам, опубликовал в журнале «Американский архивист» Гоулд Колман (Gould Colman), архивариус и устный историк Корнеллского университета. В своей статье с говорящим о многом

названием «Устная история: призыв к системному подходу» (Oral History — An appeal for more systematic procedures) он впервые предложил комплексное руководство по организации и проведению интервью, а также рекомендации по транскрибированию записанного на магнитофон материала. Однако он понимал, что для дальнейшего развития данного направления исторической науки и для роста его престижа среди историков необходимо проведение конференции, специально посвященной данным проблемам [8, с. 79—83].

Предложение Г. Колмана было услышано. Организацией конференции занялись А. Невинс и Д. Минк. «Национальный коллоквиум по устной истории» (National Colloquium on Oral History) состоялся в сентябре 1966 г. в Лэйк Эрроухэд (Lake Arrowhead), Калифорния. На конференцию было приглашено 77 участников со всех уголков Соединенных Штатов Америки [26, с. 24]. Это были не только историки, но и архивисты, библиотекари, психологи, этнографы, фольклористы, социологи и др. В течение трех дней они дискутировали по поводу самых важных вопросов: о дефиниции устной истории и возможностях ее использования, о технике проведения интервью и возможности создания определенных профессиональных стандартов; речь прежде всего шла о правилах транскрибирования, пределах редактирования интервью респондентом, а также о возможности создания пособия для устных историков.

Наиболее острая дискуссия прошла по поводу хранения аудиозаписей интервью, т. к. «законодатели моды» в устной истории — Исследовательский центр по изучению устной истории и Библиотека Трумэна — при проведении своих проектов основной акцент делали на сохранении лишь транскрипции, а все аудиозаписи стирались. Это было связано, прежде всего, с экономией средств, потому что магнитофонная пленка в то время стоила довольно дорого, и ее многократно использовали при проведении интервью. Кроме того, Филипп Брукс, директор Библиотеки Трумэна, указывал, что возможны ситуации, когда респондент, зная, что именно аудиозапись будет храниться в архиве, не будет откровенным во время беседы, т. к. у него не будет возможности отредактировать запись. Еще одной трудностью, по мнению историка, могло быть то, что респондент вообще мог не дать разрешения на обнародование интервью лишь из-за того, что ему не понравилось бы звучание его голоса во время беседы [9, с. 22].

В то же время у данного подхода были оппоненты. Одним из них был Луис Шорес (Louis Shores), директор библиотеки во Флоридском университете (Florida State University), который указывал на необходимость «более серьезного рассмотрения ленты непосредственно как первоисточника». Он призывал сохранять именно аудиозаписи, для того чтобы сохранить для позднейших исследователей возможность прослушать запись, т. к. они, возможно, смогут открыть «новую правду» [26, с. 25]. Подобная постановка вопроса опережала развитие устной истории на несколько десятилетий. Поэтому не

удивительно, что большинство участников конференции склонялись к более практичному методу транскрибирования.

Важная дискуссия также проходила по поводу места исследователя в сборе воспоминаний. Ф. Брукс высказал мнение, что историк, работающий над определенной темой, не может сам заниматься проведением интервью. Этим должны заниматься «чистые» устные историки, которые собирали бы материал для будущего его использования другими исследователями. Данный подход получил поддержку большого числа участников конференции ввиду того, что это требование позволило бы обеспечить большую объективность собранного материала — ведь у устных историков (или, в данном случае, более корректно — устных архивистов) нет конкретной исследовательской гипотезы, которую им нужно было бы доказать или опровергнуть. Однако с другой стороны, как показывала практика первых двадцати лет, историки не считали полезными собранные воспоминания, и единственными «потребителями» устной истории как источника информации о прошлом были сами же устные историки [13, с. 65—66].

Участники первого «Национального коллоквиума по устной истории» не смогли дать ответ на все поставленные вопросы, поэтому было принято решение встретиться снова в следующем году и сформировать ассоциацию устной истории. Для этого был создан специальный комитет во главе с Д. Минком [27, с. 449].

Вторая конференция была организована Л. Старом и проходила в местности Ардэн Хаус (Arden House) в 1967 г. Именно на ней окончательно было принято решение о создании Ассоциации устной истории (Oral History Association). Кроме того, ко второму коллоквиуму были изданы материалы первой встречи. Подобные публикации стали традицией и существовали до момента создания специального журнала «Oral History Review» в 1973 г. [18].

Наибольшее значение имела все же третья конференция, проходившая в 1968 г. в Небраске. Именно на ней членами Ассоциации устной истории был принят первый набор стандартов, опубликованный под названием «Цели и принципы» (Goals and Guidelines). Данный документ начинался с указания трех главных принципов для всех сторон, участвующих в устно-исторических проектах, т. е. респондента, интервьюера и организации — заказчика исследований. Во-первых, указывались права интервьюированного. Отмечалось, что «исключительно его пожелания должны управлять ходом интервью» [22, с. 4]. Во-вторых, подчеркивалась необходимость взаимопонимания между интервьюером и респондентом для организации и проведения продуктивной беседы, что являлось залогом получения ценной информации о прошлом. В-третьих, говорилось о роли организаций, финансирующих проведение проектов. Историки должны были стараться избегать их давления и быть абсолютно объективными при сборе воспоминаний, не редактируя материал в угоду заказчика.

В вопросе хранения собранных материалов был достигнут компромисс. В стандартах указывалось, что коллекции по устной истории могут формироваться как из транскрипций интервью (для обозначения транскрипции вводился специальный термин — memoir. — *В. Б.*) без сохранения аудиозаписи, так и с ее сохранением. Однако наличие транскрипции считалось обязательным. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, магнитная лента при копировании или многократном прослушивании постепенно разрушалась, поэтому для широкого потребления использовали исключительно транскрипцию. Во-вторых, это делалось для упрощения работы с собранным материалом, т. к. транскрипция легко делилась на смысловые части, к ним составлялось содержание и даже, например, именные или географические указатели. В-третьих, среди устных историков, главным образом архивистов, которые понимали ее как часть архивного дела, по-прежнему доминировал акцент на «документализм». В определенной мере это было стремление приблизить устно-исторический материал к традиционным архивным источникам и тем самым повысить академический статус устной истории [12, с. 36].

Выработка конкретной теории и методологии устной истории стала новым шагом на пути повышения ее статуса и превращения ее в отдельную историческую дисциплину со своей специфической совокупностью концепций и подходов. Огромную роль в этом сыграли архивисты, которые принимали активное участие в работах конференций. Кроме того, большое внимание различным проблемам устной истории уделял и уделяет журнал «Американский архивист».

Институализация устной истории в США совпала с ростом интереса в американской историографии к изучению прошлого «простых» людей. Множество историков принялись писать «историю снизу вверх» (history from below, history from the bottom up), а т. к. письменные источники представляли собой главным образом документирование жизни политической и экономической элиты, они вынуждены были обратиться к устной истории. С этого времени количество проектов по устной истории резко увеличилось. Практически каждый центральный и региональный архив в США с этого времени открыл у себя ту или иную программу по сбору устно-исторических материалов на регулярной основе. Особое место с 70-х гг. XX в. стали занимать проекты, посвященные изучению истории индейцев, афро-американцев, сексуальных меньшинств. С 1980-х гг. внимание переместилось на гендерные аспекты истории. В целом проекты по устной истории, осуществляемые в США, были крайне разнообразны и содержат интересную информацию о развитии различных сторон общественной жизни. По выражению И. Б. Орлова, «история Америки в устных свидетельствах на современном этапе превратилась в настоящую историю становления американской нации» [2, с. 36].

В проведении большинства проектов ведущие роли принадлежали работникам архивов или библиотек. По подсчетам Общества американских

архивистов (Society of American Archivists), около 20% архивистов США в той или иной мере занимались вопросами «устной истории», выступали в качестве интервьюеров, руководителей проектов, расшифровщиков интервью, координаторов комплектования фондов архивов собранными документами. Как отмечал Пол Томпсон: «Типичный американский специалист по устной истории был, прежде всего, архивистом и собирателем источников, а не историком в полном смысле этого слова» [3, с. 84].

Это привело к тому, что на сегодняшний день американские архивы имеют самую богатую коллекцию воспоминаний по очень широкому спектру тем. Кроме того, они снабжены подробным справочным материалом, который чрезвычайно упрощает поиск необходимой информации для историка. Можно сказать, что именно в американской устной истории сложилась определенная специализация исследователей. Одна группа занимается исключительно проведением интервью без их последующего анализа. Их можно назвать «устными архивистами». Вторая группа — это историки или социологи, которые работают в библиотеках с уже собранным материалом. Такая организация устно-исторических исследований способствует интенсификации проведения проектов.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в устной истории, по выражению Алистера Томсона, произошла «цифровая революция» (Digital Revolution) [29, с. 68]. Она связана с радикальным прогрессом в средствах аудио- и видеозаписи и средствах коммуникации. На устную историю она оказала колоссальное влияние.

Первыми, кто столкнулся с данными изменениями, были архивисты. До этого конечный продукт устной истории чаще всего представлял собой транскрипцию, которая хранилась в архиве и предоставлялась исследователям. Даже если аудиозапись и хранилась в фондах, то она не была доступна посетителям ввиду того, что при частом воспроизводстве ее качество непременно ухудшалось.

С момента появления цифровых технологий записи звука ситуация радикально изменилась. Благодаря значительному упрощению как сбора, так и презентации материалов устной истории, на первый план вышла именно устная составляющая. В новых условиях исследователь легко мог познакомиться в архиве с живым словом, а порой и видеозаписью воспоминаний. Это позволило передать все нюансы интонации голоса очевидца во время интервью, а в случае видеозаписи — также мимику и жесты. В тех архивах, где сохранилась обширная фонотека устно-исторических проектов прошлых лет, ведется активная работа по переводу материалов с аналоговой магнитофонной ленты в цифровой вариант.

Научно-техническая революция конца XX — начала XXI в. упростила также доступ к коллекциям воспоминаний. Развитие Интернета дает новые возможности доступа к коллекциям воспоминаний во всем мире. Архивисты

были вынуждены быстро перестроиться под данные изменения. Общество американских архивистов создало и распространило специальные пособия по ведению электронных каталогов архивов, чтобы приспособить их под алгоритмы работы поисковых программ (например, такие как Google и Yahoo). Вместе с тем архивы практически перестали публиковать печатные каталоги, т. к. они устаревают прежде, чем дойдут до исследователей. Кроме того, уже сегодня существуют компьютерные программы, позволяющие находить в интервью интересующие исследователя отрывки. Примером такого применения современных технологий является созданная Михаэлем Фришем (Michael Frich) организация «The Randforce Associates», которая занимается исследованиями в области усовершенствования поисковых систем для коллекций воспоминаний [28].

Таким образом, устная история в США первоначально понималась, прежде всего, как инструмент для дополнения существующих письменных источников и была направлена на тесное сотрудничество с архивами и библиотеками. Архивисты первыми увидели ее потенциал. Они не только принимали участие в первых устно-исторических проектах, но часто были их инициаторами, поэтому центры устной истории часто размещались именно при архивах или библиотеках, которые и теперь часто выполняют в США функции архива. Кроме того, архивисты принимали активное участие в выработке первых стандартов устной истории и были постоянными участниками всех общенациональных конференций по устной истории в США.

Впоследствии тесная связь архивистов и устных историков стала основной отличительной чертой американской устной истории, что имело исключительно положительные последствия для ее развития и популяризации. Во многом благодаря активному участию архивистов, собранные коллекции воспоминаний в США обеспечены целой системой научно-справочного аппарата (различного рода каталоги, указатели, перечни), что делает работу с ними для исследователя очень удобной и максимально продуктивной. Вообще, данный аспект очень важен при проведении устно-исторических исследований, т. к. историк всегда должен проработать огромное количество материала и любая помощь в ориентации в нем значительно ускоряет процесс. Данная черта американской устной истории сохраняется до сих пор. В условиях «цифровой революции» это помогло в очень короткий промежуток времени создать огромное количество виртуальных каталогов. На сегодняшний день исследователи со всего мира имеют возможность познакомиться с коллекциями воспоминаний, хранящимися в американских архивах и библиотеках США.

Литература

1. Лоскутова, М. В. Устная история: метод. рекомендации по проведению исследований / М. В. Лоскутова. — СПб.: Европейский дом, 2002. — 53 с.

2. Орлов, И. Б. Устная история: генезис и перспективы развития / И. Б. Орлов // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 136—148.
3. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — 368 с.
4. Ясперс, Карл. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
5. Adkins, E. W. A History of the Ford Motor Company Archives, with Reflections on Archival Documentation of Ford of Europe's History / E. W. Adkins [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:TwOy0mP_rt4J:bentley.umich.edu/academic/practicum/docs/fordhistory.doc+History+of+the+Ford+Motor+Company+Archives,+with+Reflections+on+Archival+Documentation+of+Ford+of+Europe's+History&hl=ru&gl=pl&pid=bl&srcid=ADGEEShBNVn7MasaLnHaMB5jXpIRgc9w-igF5u7qdxwQs4uCESfJFM0CBgQd0mnc5RSmeOqyWxny667hzma0EjSvqXJscKn95Ydg9pOIizeEWX6yjdhq1npVwgUd0FHHrwEdEISJFdnH&sig=AHIEtbQ4qKaeC0yydr5OprL5GJmF9bmROQ&pli=1. — Дата доступа: 17.09.2011. — 37 p.
6. Allen, R. D. The New Orleans Jazz Archive in Tulane / R. D. Allen // Wilson Library Bulletin. — № 40. — March. — 1966. — P. 619—623.
7. Colman, G. P. Oral History at Cornell / F. C. Pogue // Wilson Library Bulletin. — № 40. — March. — 1966. — P. 624—628.
8. Colman, G. P. Oral History — An Appeal for More Systematic Procedures / F. C. Pogue // The American Archivist. — Vol. 28. — № 1. — January. — 1965. — P. 79—83.
9. Dixon, E. I. Definition of Oral History / E. I. Dixon // Oral History in Arrowhead. Proceeding of the First National Colloquium on Oral History / Edition E. I. Dixon, J. V. Mink. — Los-Angeles: OHA, 1967. — P. 5—24.
10. Edmunds, H. E. The Ford Motor Company Archives / H. E. Edmunds // American Archivist. — Vol. 15. — № 2. — April, 1952. — P. 99—104.
11. Eisenhower Presidential Library Information Archives, Eisenhower Library Information Resources: Oral Histories [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ibiblio.org/lia/president/EisenhowerLibrary/oral_histories/Oral.html. — Дата доступа: 10.08.2011.
12. Grele, R. J. Oral History as Evidence / R. J. Grele // History Of Oral history: foundations and methodology / Edition T. L. Charlton, L. E. Myers, R. Sharpless. — Rowman: Altamira, 2007. — P. 33—94.
13. Grele, R. J. Direction for Oral History in the United States / R. J. Grele // Oral History: an Interdisciplinary Anthology. 2-d ed / Edition D. K. Dunaway, W. K. Baum. — Walnut Creek: Altamira Press, 1996. — P. 62—84.
14. Herbert H. Lehman Project [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://oralhistoryportal.cul.columbia.edu/results.php?component_text=%22Lehman%2C+Herbert+H.+(Herbert+Henry)%2C+1878-1963.%22&limit_subject_t=on&oralhist=true&repository_code=&advanced=on. — Дата доступа: 10.08.2011.
15. Herbert Hoover Presidential Library and Museum, Research Collections: Historical Materials, Oral History Transcripts [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ecommcode2.com/hoover/research/historicalmaterials/oral.htm. — Дата доступа: 10.08.2011.
16. Hoffman, A. Reliability and Validity in Oral History / A. Hoffman // Today's speech. — № 22. — 1974. — pp. 23—27.

17. Hoover, H. T. Oral History in the United States / H. T. Hoover // The past before us: contemporary historical writing in the United States / Ed. by Michel Kammen. — London: Cornell University Press, 1982. — P. 391—407.
18. Hoyle, N. Oral History / N. Hoyle [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: http://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/6661/librarytrendsv21i1f_opt.pdf?sequence=1. — Дата доступа: 17.03.2010.
19. John F. Kennedy Library and Museum, Historical Materials in the John F. Kennedy Library: Oral History Interviews [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cs.umb.edu/~serl/jfk/oralhist.htm. — Дата доступа: 10.08.2011.
20. Lyndon Baines Johnson Library and Museum, Oral History Collection [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lbjlib.utexas.edu/johnson/archives.hom/biopage.asp. — Дата доступа: 10.08.2011.
21. Nevins, A. The Gateway to History / A. Nevins. — New York: D. Appleton-Century, 1938. — 482 p.
22. Oral History Association Adopts Statement about Goals and Guidelines during Nebraska Colloquium / Oral History Association Newsletter. — Vol. 3. — № 1. — January. — 1969. — 4 p.
23. Radio Pioneers Project [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://clio.cul.columbia.edu:7018/vwebv/holdingsInfo?searchId=4944&recCount=25&recPointer=0&bibId=4072581. — Дата доступа: 17.08.2011.
24. Saretzky, G. D. Oral History in American Business Archives / G. D. Saretzky // American Archivist. — Vol. 44. — № 4. — Fall, 1981. — P. 353—355.
25. Schlesinger, A. Jr. On the Writing of Contemporary Hhistory / A. Jr. Schlesinger // Atlantic Monthly. — № 219. — March 1967. — C. 68—75.
26. Sharpless, R. The History Of Oral history / R. Sharpless // History Of Oral history: foundations and methodology / Edition T. L. Charlton, L. E. Myers, R. Sharpless. — Rowman: Altamira, 2007. — P. 9—32.
27. Starr, L. Oral History / L. Starr // Encyclopedia of Library and Information Science / Edition J. E. Daily. — Nigeria: Libraries in to Oregon State University Library, 1977. — Vol. 20. — P. 440—463.
28. The Randforce Associates [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: http://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/6661/librarytrendsv21i1f_opt.pdf?sequence=1. — Дата доступа: 17.03.2010.
29. Thomson, A. Four Paradigm Transformations in Oral History / A. Thomson // The Oral History Review. — Vol. 34. — Issue 1. — P. 49—70.
30. Truman Presidential Museum and Library, Oral History Interviews [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.trumanlibrary.org/oralhist/oral_his.htm. — Дата доступа: 10.08.2011.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 13.02.2012

Л. Л. Левченко,
директор Государственного архива
Николаевской области (Украина),
кандидат исторических наук;
e-mail: l.levchenko@mk.archives.gov.ua

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АРХИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В США: УЧЕНЫЕ, ДИСКУССИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В последние годы в постсоветских республиках очень остро стоит вопрос подготовки кадров профессиональных архивистов. После распада Советского Союза доступность получения высшего архивного образования на базе ведущего в архивной отрасли Московского государственного историко-архивного института (ныне Российский государственный гуманитарный университет) стала проблематичной. Количество дипломированных архивистов, подготовленных отечественными вузами в архивных учреждениях стран СНГ не велико, а выпускников МГИАИ сокращается с каждым днем. Архивы испытывают «кадровый голод» из-за отсутствия квалифицированных специалистов. Назрела необходимость принятия серьезных мер для создания профильных учебных заведений, расширения количества курсов, преподаваемых будущим архивистам, организации сотрудничества вузов и архивов в плане подготовки специалистов для отрасли. Эти и другие вопросы сейчас активно дискутируются в различных кругах: архивных, научных, среди преподавателей вузов. В плане этой дискуссии ценным становится рассмотрение зарубежного опыта. Поскольку автор довольно долго занимается изучением архивной отрасли США, в этой статье предлагается анализ опыта американских коллег по формированию системы архивного образования в их стране. Различные идеи, мнения, дискуссии, деятельность ученых, рекомендации комитетов, попытки преподавания курсов и создания архивных институтов очень хорошо освещены в американской профильной литературе [1—6 и др.]. Напротив, в архивных изданиях стран СНГ этот вопрос еще не рассматривался.

В 30-е гг. XX в. в только что созданный Национальный архив (1934) были набраны специалисты всех отраслей, кроме архивной, потому что подготовка архивистов американскими вузами никогда ранее не осуществлялась. Существовала и другая преграда, которая не позволяла отрасли развиваться самостоятельно и успешно: архивы США формировались на базе библиотек, библиотекари со своими методами и правилами просто довлели над архивами, но организация работы библиотек и архивов имеет свои принципиальные отличия. Поэтому перед США встала задача не только скорейшего налаживания выпуска профессионалов-архивистов, переподготовки специалистов, пришедших в архивы из других отраслей, но и придания статуса архивной профессии, формирования ее канонов.

Впервые проблема профессионального обучения архивистов была затронута Валдо Гиффордом Лиландом на 1-й конференции американских архивистов в 1909 г., тогда же он впервые поставил вопрос о написании учебника по архивоведению и преподаванию специфических архивных курсов в университетах и библиотечных школах США. Следующие два десятилетия были посвящены борьбе за создание Национального архива (NARA), и когда он, наконец-то, был создан, еще два года прошло до основания Общества американских архивистов (1936 г., Society of American Archivists, SAA). Одним из первых шагов SAA было создание специального Комитета по организации обучения архивистов (Committee on the Training of Archivists) во главе с Самюэлем Флеггом Бемисом. На 2-й ежегодной встрече SAA 24 октября 1938 г. в Спринфилде, штат Иллинойс, Комитет Бемиса представил отчет [7], содержавший анализ подготовки архивистов в Великобритании, Австрии, Германии, Испании и предложения по проведению этой работы в США. Во-первых, Комитет сразу же отбросил идею подготовки архивистов на базе библиотечных курсов и библиотек. Учитывая европейский опыт, Комитет сделал вывод о том, что архивист — это профессиональный историк, технически натренированный на выполнение специфических архивных операций. В его обучении решающую роль должны играть курсы истории, политических наук, архивной теории и практики. Конечно, архивист должен быть введен в библиотековедение, но только лишь для организации и обеспечения работы архивных научно-справочных библиотек. Важной рекомендацией Комитета стала обязательная практика будущих архивистов на базе NARA или архивов штатов.

Комитет разделил архивных работников на две группы. В первую были включены руководители и сотрудники подразделений NARA, архивов штатов и муниципалитетов (архивисты 1-го класса). От них требовалось получение степени доктора философии в американской истории (Ph. D) и наличие фундаментальных знаний об американской политической системе, истории США, всемирной истории, международных отношениях, архивной теории и практике, историографии, источниковедении, дипломатике, палеографии и других специальных исторических дисциплинах, истории архивов и архивного дела, состоянии зарубежного архивоведения (особенный упор делался на изучение развития архивной отрасли в Германии, Франции, Голландии и Великобритании), библиотековедении (в том числе о классификации и каталогизации). Их диссертации должны были включать широкий круг архивных документов и манускриптов. Важным моментом в привлечении слушателей на эту специальность могло быть предоставление права преподавания американской истории после получения соответствующего диплома.

Вторая группа состояла из работников архивных учреждений низшего уровня (архивисты 2-го класса): архивов штатов, округов, муниципалитетов, госучреждений, бизнес-структур, корпораций, банков и т. д. Они должны

были получить степень магистра социальных наук, изучив курсы, предусмотренные для архивистов 1-го класса (в несколько меньшем объеме), и освоить методики оценки и экспертизы ценности документов, историю местных госучреждений, экономику, социологию, библиотековедение. Срок подготовки для получения степени магистра составлял два года, после этого самые способные слушатели могли продолжить свое образования для получения степени Ph. D. Почти четыре десятилетия рекомендации Комитета Бемиса играли определяющую роль не только при формировании курсов для подготовки архивистов, но и философии самого понятия архивист. Но, как заметил в своей статье Х. Г. Джонс, дальше составления отчета SAA в то время не пошло, и главная заслуга в развитии архивного образования в США принадлежит целому ряду выдающихся американских ученых-архивистов и историков [8, p. 136].

Солон Дж. Бакк, настаивая на разнице между подходами в подготовке библиотекаря и архивиста, предложил развитие архивной науки как комбинации частей многих других наук или отраслей знаний, а также принципов и техник, наработанных в ходе практической работы. По его мнению, профессиональный архивист, кроме фундаментальной подготовки по истории и историческим методам, должен был получить знания о природе и ценности архивов, их формировании, экспертизе ценности, статусе и функционировании архивного учреждения, его внутренней организации, зданиях и оборудовании, наборе и обучении персонала, хранении, восстановлении, реставрации архивных документов, их систематизации и описании, копировании, редактировании и публикации, работе со специальными видами документов (картами, кинофонодокументами) и различными типами архивов (местными архивами, бизнес-архивами, церковными архивами). С. Дж. Бакк представил эти требования в ходе чтения лекций на курсе «Архивы и исторические манускрипты» в Колумбийском университете (Нью-Йорк, Манхеттен) в 1938 г. Хотя его курс посещали только 14 студентов, в истории высшей школы США эта попытка рассматривается как первое системное преподавание истории, теории и практики архивного дела.

Летом 1940 г. Маргарет Кросс Нортон, архивист штата Иллинойс, прочитала в Библиотечной школе Колумбийского университета курс «Архивная организация» («Archival economy»), специально созданный как вступление в специальность для студентов, желающих строить карьеру в области как библиотечного, так и архивного дела. Однако дальнейшее преподавание архивных курсов в Колумбийском университете было не выгодным из-за его отдаленности от Вашингтона, где был расположен Национальный архив. В 1940-е гг. попытки преподавания архивоведения в Гарвардском, Чикагском и Иллинойском университетах тоже оказались неэффективными [8, p. 139].

Будучи уже на посту Архивиста США, Солон Дж. Бакк установил дружественные отношения с Американским университетом в Вашингтоне и на

его базе создал специальный центр для подготовки архивистов, где осенью 1939 г. под руководством Эрнста Познера началась реализация 2-семестровой программы «История и управление архивами» (3 лекционных часа каждую неделю) [9]. Примечательно, что слушателями программы были в основном сотрудники Национального архива США.

Выдающийся американский историк и архивист немецкого происхождения Э. Познер имел более широкий взгляд на подготовку специалистов в области архивного дела. Он считал, что архивное образование должно соответствовать стандартам высшей школы и быть настолько всеобъемлющим, чтобы человек, получивший его, был в состоянии сам адаптировать себя к любым требованиям избранной профессии. Познер первым настаивал на преподавании курса управления текущей документацией госучреждений [8, p. 138; 10, p. 59]. С 1955 г. университет стал выдавать дипломы выпускникам, освоившим восемь исторических курсов, включая два по архивному делу и два по управлению документацией. Этому способствовал грант от корпорации Карнеги. Э. Познер пригласил в университет выдающихся американских ученых-архивистов Теодора Р. Шелленберга и Оливера У. Холмса для преподавания архивоведения, а адъютанту Офиса Генерального Штаба Департамента Армии Сеймору Дж. Поминжу предложил чтение 2-семестрового курса управления документацией. Однако после ухода Познера с поста декана в 1961 г. унифицированная программа была разделена на две: архивную и управления документацией. Тем не менее, архивные курсы Американского университета послужили моделью для формирования аналогичных в учебных заведениях по всей территории США*.

Поскольку в Американском университете лекции и семинары были рассчитаны в первую очередь на студентов дневной формы обучения и работников федеральных учреждений, расположенных в Вашингтоне, Э. Познер в 1945 г. в сотрудничестве с Национальным архивом, Центром документации в Мериленде, Отделом манускриптов Библиотеки Конгресса основал летний институт для повышения квалификации практикующих архивистов (в разные годы проводились 2, 3, 4-недельные занятия) [11]. Слушателями этого института сразу же стали сотни архивистов из США и других стран. Главное значение этих летних занятий было не в изучении архивоведения, а в той атмосфере, которая позволяла воодушевить архивистов и развить их желание к самостоятельному повышению квалификации и совершенствованию своих знаний и умений.

Практически параллельно с Американским университетом преподавание архивоведческих курсов было начато в университете Денвера. В 1950 г. архивист штата Колорадо Долорес К. Рензи основала подготовительный курс

* Анализ факультетов и курсов Американского университета на сегодняшний день свидетельствует об отсутствии направления подготовки архивистов на базе этого вуза. Не указывает на этот университет в своем обзоре и Элизабет Йакел [28].

по управлению архивами, а два года спустя программа была переведена в Высшую школу библиотековедения в качестве 2-годичного курса «Хранение и управление архивов». В 1968 г. в университете Денвера преподавание архивоведения состояло из следующих разделов. В осенний семестр студентам преподавали «Вступление в исторические архивы». Зимний семестр был посвящен принципам работы архивных учреждений США. В течение весеннего семестра изучался курс «Архивные собрания и коллекции манускриптов: организация, управление и работа отрасли» (курс был посвящен зданиям и размещению архивных документов в них, оборудованию, реставрации и хранению архивных документов). В третьем семестре также излагали основы криптографии и сфрагистики. Каждый семестр сопровождался посещением архивов и их хранилищ. Эти курсы читались студентам различных специальностей, большинство из которых в последствие не выбрали архивную работу в качестве своей профессии, но ознакомление с основами архивоведения для них было полезным опытом.

В 1962 г. университет Денвера совместно с Отделом архивов и публичных документов штата открыл летнюю школу «Институт архивных наук и сопутствующих областей региональной истории, истории штатов и округов». Уже в первый год в работе летней школы приняли участие 100 практикующих архивистов. Аналогичные программы в 1960-е гг. развивали университет Уэйна, штат Мичиган, где ведущую роль в формировании архивных курсов сыграл Филип П. Мейсон — профессор истории и директор Архива истории трудовых отношений, и университет Северной Каролины, в котором архивные курсы предусматривали 150-часовую практику в архивах. В 1966—1967 гг. курс архивоведения в Мередит-колледже университета Северной Каролины преподавал известный американский ученый-архивист Х. Г. Джонс, в то время адьюнкт-профессор истории и архивист Департамента архивов и истории штата [8, p. 135—154].

Франк Б. Эванс отмечает, что определяющая роль в становлении принципов архивного образования в США, безусловно, принадлежит выдающемуся американскому ученому Теодору Р. Шелленбергу, семья которого в свое время эмигрировала в Америку с Украины. Его карьера в Национальном архиве США началась в 1935 г. В 1950—1960-е гг. он читал лекционные курсы архивной теории и практики в Американском, Католическом, Колумбийском и Сиракузском университетах, а также в университетах штата Иллинойс, Высшей школе библиотековедения штата Техас, Школе библиотечного дела университета штата Вашингтон. В 1954 г., получив грант программы Фулбрайта, он преподавал архивную теорию и практику в Австралии и Новой Зеландии, в 1958 г. стал инициатором создания Межамериканского технического совета архивов и руководителем первого межамериканского архивного семинара, в работе которого приняли участие 43 представителя из 17 латиноамериканских стран. Собравшись в Вашингтоне, участники три

недели обсуждали различные аспекты становления и развития архивной профессии в странах Латинской Америки. Широкое признание во всем западном мире получили труды ученого: «Современные архивы: принципы и методы работы» (1956), «Управление архивами» (1965), «Экспертиза ценности современных публичных документов» (1956) и др. [12—14]. В 1958—1961 гг. Шелленберг возглавлял Институт архивного управления при Американском университете, который в то время был единственным учреждением профессионального архивного образования в США. После окончания карьеры в NARA ученый читал курсы архивного менеджмента в Школе библиотечного обслуживания Колумбийского университета, что, вероятно, повлияло на формирование его мнения о месте и методах преподавания архивоведения.

В работе Т. Р. Шелленберга «Управление архивами» («The Management of Archives») впервые после отчета Комитета Бемиса были представлены значительные изменения в философии подходов к архивной профессии и образованию. Шелленберг в своей работе утверждал, что методы библиотечного образования больше подходят для подготовки архивистов, чем методы преподавания истории, поэтому архивоведение следует преподавать в библиотечных школах. Он пытался создать синтетический курс, который одинаково подходил бы как для библиотекарей, так и для архивистов. Шелленберг исходил из того, что библиотекари хранят ценные манускрипты, не получив специальных знаний в отрасли архивного дела. Ученый также пытался адаптировать принципы и методы, разработанные для документов учреждений, к формированию архивных коллекций личного происхождения. Он считал разделение между архивистами и хранителями манускриптов надуманным и не имеющим под собой основания. Его попытка «навести мосты» между архивистами и библиотекарями с их непримиримыми техниками вызвала жаркие дискуссии и критику, основанием которой было понимание необходимости становления архивоведения как самостоятельной отрасли науки и учебной дисциплины. Главным оппонентом Шелленберга выступил Х. Г. Джонс из университета Северной Каролины. Оба ученых представили свои доклады по данному вопросу на сессию «Различные подходы к подготовке архивистов» ежегодной встречи Общества американских архивистов. Джонс выступил с докладом «Архивное обучение в американских университетах», а Шелленберг — «Архивное обучение в библиотечных школах» [15].

Х. Г. Джонс принципиально согласился с Т. Р. Шелленбергом, что уровень и организация обучения специалистов архивного дела в США находились не на должном уровне. Однако та альтернатива, которую предлагал Шелленберг, для Джонса, как и для многих других, была неприемлема. Джонс достаточно доказательно обосновал свою позицию в этом вопросе. Во-первых, хранители манускриптов в библиотеках и архивисты в архивах обеспечивали разные объемы хранения документов. В среднем в каждой библиотеке хранилось менее одного кубического фута манускриптов. Во-вторых,

неоспорим тот факт, что библиотекарям полезно изучить некоторые архивные курсы, но подготовка архивиста невозможна без фундаментального изучения исторических наук, а библиотекари зачастую отрицают необходимость освоения курсов истории. Джонс предложил четко обозначить исторические школы, которые в кооперации с лидирующими архивными институциями, могли бы обеспечить подготовку студентов для получения степени магистра по истории, теории и практике архивного дела. Это была программа, строго ориентированная на изучение исторических курсов.

Шелленберг ко времени проведения ежегодной встречи SAA несколько пересмотрел свою позицию и основал ее на том, что манускрипты имеют природу архивных документов и с ними надо работать, соблюдая архивные принципы и техники. А так как на все архивные функции влияют пути, которыми документы создаются, используются и сохраняются, архивист должен освоить управление документацией. Чтобы эффективно работать с текущими документами он обязан изучить курсы истории, архивной методологии, технических методов хранения, ремонта, копирования архивных документов, библиотечных наук и управления документацией.

Настаивая на необходимости стандартизации как предпосылки для профессионализма в архивной работе, Шелленберг предложил вступительный курс стандартизации в Американском университете и летних институтах. Он также считал необходимым добавить преподавание продвинутых курсов систематизации и описания документов, организации их хранения, ремонта и реставрации, фотокопирования, библиотечных систем классификации, обслуживания исследователей, правительственных документов. В конце карьеры он пришел к выводу, что историки проявляют явный интерес к историческим исследованиям, и поэтому они считают, что изучение методов архивной работы неважно и ограничивает их исследовательскую инициативу. В данном контексте его мнение перекликалось с мнением Х. Дженкинсона об историках [16]. Архивист, обученный как историк, будет больше обращать внимание на значение и смысл документа, чем просто обеспечивать его сохранность и поиск. С такой же искренностью ученый высказался в отношении библиотекарей, которые ошибочно переносили методы библиотечной работы на архивные документы, пытались систематизировать их по предметам (темам) и, по мнению Шелленберга, вообще потеряли способность к научной работе, относясь к классификации и каталогизации как к рутинному процессу. Несмотря на эту опасность, Шелленберг считал, что если библиотекари поймут разницу между книгой, публикацией и архивным документом, они смогут эффективно изучать архивные курсы. Он видел две причины, почему в библиотечных школах архивные курсы будут преподаваемы наилучшим образом. Первая состояла в понимании ценности методологического обучения, вторая — в том, что библиотекари годами осуществляли миссию служения обществу и инстинктивно делали доступными материалы, находящиеся в

их распоряжении. Библиотекари также развивали сотрудничество, а не конкуренцию, а в кооперации эффективно может развиваться методология и совместное использование архивных материалов.

Новые генерации архивистов на основе конфликта Шелленберг—Джонс десятилетиями спорили и не пришли к согласию, где же лучше обучать архивистов: на базе исторических или библиотечных школ. Джонс даже предпринял опрос мнения членов Общества американских архивистов на этот счет и на его базе предложил основать Институт архивоведения и документационного менеджмента, но его идея так и осталась нереализованной.

В 1970 г. Франк Эванс и Роберт Ворнер осуществили обзор архивной профессии в США и пришли к выводу, что только малая часть архивистов прошла профильное обучение (31,2% опрошенных прослушали архивные курсы, 2,9% — курс управления документацией, 14,2% — библиотечных наук). Более того, университеты, предлагавшие архивные курсы, как правило, имели в своем штате только одного преподавателя, деятельность которого определяла содержание архивоведческого курса и методику его преподавания, никакого сотрудничества или обмена идеями среди преподавателей не было отмечено [17].

Рекомендации, представленные Р. Ворнером, который в то время возглавлял Комитет по образованию и обучению SAA, включали такие пункты: 1) Основание конференции преподавателей архивных наук за счет спонсорских средств Общества американских архивистов, предоставление грантов всем преподавателям для участия в этих конференциях, проведение ее на базе престижного учебного заведения с участием представителей SAA, руководителей и ведущих специалистов архивной и смежных отраслей. 2) Повышение ответственности SAA за политику в отрасли архивного образования. В этом направлении Р. Ворнер рекомендовал SAA собирать и с интервалом в один или два года публиковать данные об университетах, предлагающих архивные курсы, давать описания этих курсов, указывать на возможность прохождения практики в архивных учреждениях. 3) Изменение роли и ответственности Комитета образования и обучения SAA, вхождение в его состав ведущих ученых библиотечных, исторических наук и смежных дисциплин. Активизация деятельности Комитета в направлении развития узкоспециальных архивных курсов для усовершенствования знаний архивистов, получивших профильное образование. Например, организации в ходе летних школ преподавания курсов программирования, статистики, кинофотодокументов и кинофотоархивов, семинаров по проблематике архивов крупных мегаполисов, развития информационного поиска в архивах. 4) SAA следовало изыскивать дополнительное финансирование для реализации образовательных программ. Учитывая то, что архивная отрасль слишком малочисленна для создания всеобъемлющей образовательной программы, Р. Ворнер рекомендовал комбинировать

ее курсы с изучением исторических и библиотечных дисциплин, приглашая для этого соответствующих специалистов из этих отраслей [18].

Комитет Мейсона, созданный SAA в том же 1970 г. для разработки перспективного курса деятельности Общества, составил всеобъемлющий отчет, пять страниц которого содержали рекомендации по развитию архивного образования в США. В отчете было отмечено, если американские архивисты желают развивать свой потенциал и получить признание как профессионалы, все усилия они должны направить на усовершенствование системы архивного образования. Комитет Мейсона дал семь рекомендаций для разработки курса Общества в развитии архивного образования: 1) Комитету по образованию и обучению архивистов разработать руководящие принципы для курсов, институтов и обучающих программ с учетом того, что архивное дело является интегрированной специальностью и требует как теоретического обучения, так и практических тренировок. 2) Учитывая, что в то время архивная отрасль имела недостаток в финансовых ресурсах, чтобы основать собственную программу выпуска специалистов, и нуждалась в базовых стандартах для оценки курсов и обучающих программ, Комитет рекомендовал SAA содействовать учебным заведениям смежных отраслей в преподавании курсов администрирования архивных документов и манускриптов. 3) Для качественного преподавания архивных курсов от Комитета профессиональных стандартов SAA требовалось разработать стандарты для архивоведческих курсов, методические пособия и терминологические словари. 4) Комитет по публикациям должен был направить свои усилия в русло подготовки учебника, а также серии публикаций, содержащих анализ типичных ошибок, допускаемых архивистами при выполнении их функций и рекомендаций по их упреждению и исправлению. 5) В 1970-е гг. архивная отрасль США еще не могла претендовать на то, чтобы принимать на работу только дипломированных архивистов. В этом контексте особую важность приобретало развитие программ обучения работников до и после их назначения на должность, а также разработка квалификационных требований к каждой должности. 6) В этом же контексте возникала особая потребность в организации стажировок и интернатур, для проведения которых следовало определить их продолжительность, условия и содержание. SAA следовало содействовать архивным институциям в организации стажировок лиц, не претендовавших на занятие должности в том архиве, где они проходили обучение. 7) В заключение Комитет Мейсона в виду опять же невозможности наладить выпуск дипломированных архивистов предлагал в подготовку специалистов смежных отраслей, исторических, библиотечных, социальных наук включить архивоведческие курсы, предлагая бакалаврам продолжить их обучение по магистерским и докторским программам с подготовкой диссертации по архивным наукам [19].

Таким образом, Комитет Мейсона на то время фактически признал отсутствие потенциала у архивной отрасли для подготовки профессиональных архивистов.

Однако постепенно в США рекомендации Р. Ворнера и Ф. Мейсона стали реализовываться. В марте 1973 г. SAA спонсировало проведение первой конференции преподавателей архивоведческих дисциплин, в которой участвовало 10 преподавателей. В 1970-е гг. региональные общества архивистов активизировали проведение ежегодных и полугодовых 1—2-дневных семинаров [10, p. 67]. Комитет по терминологии разработал и опубликовал в 1974 г. словарь терминологии, используемой архивистами, хранителями манускриптов и специалистами в области управления документацией [20]. Университеты Уэйна в Денвере, Северной Каролины, Висконсина, Урбана в Иллинойсе включили архивные курсы в подготовку историков и библиотекарей. В 1977 г. Обществом американских архивистов были разработаны «Руководящие принципы для развития учебных курсов для получения степени магистра архивных наук» (Guidelines for the Development of a Curriculum for a Master of Archival Studies Degree)*, но главная проблема оставалась нерешенной.

Вдохновленные выпуском «Руководящих принципов», ведущие американские архивисты потребовали немедленного основания полноценного лицензированного факультета архивного дела [21]. Началась дискуссия о том, что такое архивная работа, и какие категории архивных работников относятся к архивистам. Френк Бурк считал, что такое определение должны дать федеральные органы и правительства штатов, поскольку они являются самыми значительными работодателями архивистов. Патрик Квинн отметил рост архивов университетов и колледжей и настаивал на необходимости получения магистерского диплома для занятия должности в архивном учреждении подобного типа. Если Фрейвогел указывал, что в архивах работает большое количество сотрудников, но не всех их можно назвать архивистами. Труди Петерсон настаивала на том, что профессия не может определять себя сама, и за разработкой квалификационных стандартов Национальный архив США должен обратиться к Комиссии гражданской службы. Чарльз Ли, напротив, считал, что именно архивисты должны разрабатывать квалификационные требования и в этом видел преимущество, что таким образом они будут в состоянии защитить себя и свою профессию. Он заявил, что не дал бы звание архивиста никому, кто не проработал, по крайней мере, один год в хранилище

* «Руководящие принципы для развития учебных курсов для получения степени магистра архивных наук» («Guidelines for the Development of a Curriculum for a Master of Archival Studies Degree») впервые были разработаны Обществом американских архивистов в 1977 г., пересмотрены в 1988 и 1994 гг. (Guidelines for a Graduate Program in Archival Studies. Introduction // Электронный ресурс: сайт SAA — http://www2.archivists.org/gpas).

архива. Джон Кервуд поднял вопрос переподготовки архивистов, которые должны научиться принимать эффективные решения, работая и в музее, и в историческом обществе, и в архиве. С ним согласилась Труди Петерсон, однако она указала на то, что сузив рамки архивной профессии, можно было потерять талантливых молодых людей, работающих в архиве, но не имеющих достаточно сил для продолжения своего образования еще на два года. Патрик Квин ответил, что такая учеба должна быть рассчитана не на два, а на три года и год стажировки. Чарльз Ли, вернувшись к вопросу переподготовки, указал на то, что это действительно очень сложная проблема и необходимо основать стипендиальную программу для того, чтобы молодые архивисты могли приобрести знания и опыт в управлении документацией, сохранении объектов культурного наследия и других узкоспециальных отраслях. Всех спорящих вернул к реальности Джеральд Хем, высказавший мнение Комитета по образованию и профессиональному развитию о том, что полноценная академическая программа, несмотря на предпринятые усилия, не может быть начата. Он добавил, что планируется открытие дополнительной специализации на факультетах исторических и библиотечных наук (minor) с прохождением практики в архивных учреждениях. Он также заметил, что никого из работающих в архивах нельзя лишать статуса архивиста. Уолтер Ранделл добавил, что круг архивных дисциплин должен быть пополнен изучением бухгалтерии, планирования бюджета, организацией платных услуг архивов, способов получения и использования спонсорской помощи, паблик-рилейшенс и другими дисциплинами. На повестке дня стояла задача установления требований к финальным экзаменам для получения диплома архивиста, аккредитации архивных образовательных программ, в связи с чем Филип Мейсон предложил изучить вопросы сертификации и аккредитации в смежных профессиях [22]. Итог дискуссии подвел директор Национальной комиссии по публикации исторических источников Фрэнк Бурк на ежегодной встрече Общества американских архивистов, состоявшейся в Цинциннати 2 октября 1980 г. Он заявил, если профессия хочет развиваться, архивисты должны перейти от семинара к академии, не для одного дня в неделю или одной недели в году, а для постоянного карьерного роста в университетах архивисты должны создать свою концепцию новой философии архивов и хранения документов об опыте человечества [23].

В 1981 г. в Университете Британской Колумбии была начата подготовка магистров архивных наук — это была первая в Северной Америке программа такого рода. Успех этой программы продемонстрировал жизнеспособность концепции существования отдельного направления по подготовке специалистов в области архивного дела [24].

На сегодняшний день в США более 37 университетов включили архивные курсы в свои программы или непосредственно осуществляют подготовку архивистов, выдавая дипломы бакалавра, магистра и доктора философии в

архивных науках. По данным последней Переписи работников архивов и их образовательного уровня, на 2006 г. в архивах США работало 52,6% дипломированных архивистов (для сравнения, в 2011 г. в Украине диплом архивиста имело только 4% работающих в архивах) [25, p. 294—295; 26, c. 53]. Архивисты США активно повышают свою квалификацию, используя возможности, предоставляемые Обществом американских архивистов. Более того, они настолько дорожат своим профессиональным имиджем и компетентностью, что создали систему сертификации архивистов, аналога которой нет в мире.

В 1987 г. преподаватели и дипломированные архивисты впервые поставили вопрос о проведении сертификации. Была создана Временная комиссия по сертификации. В следующем году Совет Общества американских архивистов, переутверждая «Руководящие принципы для программ высшего архивного образования», включил в них положение о сертификации, а в 1989 г. издал «Методическое пособие для оценки архивов и планирования», дававшее подробные инструкции о проведении процедуры сертификации. В сентябре 1989 г. в США впервые была проведена сертификация архивистов. Она осуществлялась двумя путями: подачей петиций, подтверждающих образование и стаж работы, и сдачей экзамена по архивоведению. Первый путь использовали архивисты трех категорий: 1) магистры архивных наук с пятью годами стажа работы в архивных учреждениях; 2) магистры с шестью годами стажа архивной работы; 3) бакалавры, проработавшие семь лет в архивах. Все остальные сдавали экзамены. В первый год проведения сертификации 709 архивистов подтвердили свою наивысшую квалификацию и получили сертификаты. В том же году на ежегодной встрече Общества американских архивистов Временная комиссия была упразднена и создана Академия сертифицированных архивистов. В настоящее время получить такой сертификат можно, только сдавая экзамен. По данным уже упомянутой переписи 2006 г., 77,5% американских архивистов являются членами этой Академии [25, p. 294, 419—436] (см. также официальный веб-сайт Академии сертифицированных архивистов: http://www.certifiedarchivists.org). Они составляют кадровую элиту американской архивной отрасли, проявляя наибольшую профессиональную активность и компетентность. Соответственно, наличие сертификата дает им преимущества в карьерном росте, заработной плате и т. д.

Миссия и цель обучения архивистов определяется приоритетами, установленными для архивной профессии и архивов Обществом американских архивистов. «Руководящие принципы для программ высшего образования в архивных науках» («Guidelines for a Graduate Program in Archival Studies») переутверждались SAA в 2002, 2005 и 2011 гг. [27], определяют минимальные стандарты, предусмотренные для программ архивного образования. Вузы ставят перед собой разные цели: одни готовят архивистов, специализирующихся на работе с традиционными архивами, другие делают особый упор на подготовке хранителей манускриптов, третьи — на управлении докумен-

тацией в учреждениях, и совсем уже новое направление, на которое обратили внимание практически все учебные заведения, — подготовка архивистов для работы с электронными документами и архивами. Зачастую высшие учебные заведения предлагают комбинированные программы, например, «Архивы и управление документацией». Некоторые вузы соединяют программы подготовки архивистов и библиотекарей, а другие основываются на том, что архивист — это, прежде всего, историк, и его подготовка требует углубленного изучения исторических дисциплин. Новейшие интегрированные программы обеспечивают подготовку архивистов в контексте развития информационных технологий и компьютеризации. Однако абсолютно все учебные заведения согласны с тем, что подготовка архивистов не может осуществляться в отрыве от практической базы — архивных учреждений, поэтому все учебные заведения предусматривают в своих программах не менее чем 120-часовую практику в архивах и центрах документации.

Междисциплинарный характер архивного образования определяет различное понимание высшими учебными заведениями состава и содержания архивных курсов, предлагаемых ими студентам. Но все они должны преследовать достижение целей, определенных SAA: обеспечивать студентов фундаментальными знаниями истории, теории, практики архивного дела; дать возможность студентам приобрести знания по смежным дисциплинам; помочь будущим коллегам в развитии критического мышления и искусства принятия решений в области работы с документами государственных, частных, научных, бизнес- и других структур, а также в сфере защиты культурного наследия; подготовить студентов к самостоятельным научным исследованиям; обучить архивистов будущего управлению и организации хранения цифровых документов во всем широком разнообразии их форматов; привить им принципы профессиональной этики и социальной ответственности, раскрыть правовые аспекты профессии.

Литература и источники

1. Helmuth, R. W. Education for American Archivists. A View from the Trenches / R. W. Helmuth // The American Archivist. — 1981. — Vol. 44. — № 4. — P. 295—303.
2. Joyce, W. L. Archival Education: Two Fables / W. L. Joyce // American Archivists. — 1988. — Vol. 51. — № 1—2. — P. 16—22.
3. O'Toole, J. M. Curriculum Development in Archival Education: A Proposal / J. M. O'Toole // American Archivists. — 1990. — Vol. 53. — № 3. — P. 460—466.
4. Walters, T. O. Possible Educations for Archivists: Integrating Graduate Archival Education with Public History Education Programs / T. O. Walters // American Archivist. — 1991. — Vol. 54. — № 4. — P. 484—492.
5. Is the Past Still Prologue?: History and Archival Education / F. G. Ham [et al.] // American Archivists. — 1993. — Vol. 56. — № 4. — P. 718—729.
6. Duranti, L. The Society of American Archivists and Graduate Archival Education: A Sneak Preview of Future Directions / L. Duranti // American Archivists. — 2000. — Vol. 63. — № 2. — P. 237—242.

7. Bemis, S. F. The Training of Archivists in The United States / S. F. Bemis // American Archivists. — 1939. — Vol. 2. — № 3. — P. 154—161.
8. Jones H. G. Archival Training in American Universities, 1938—68 // American Archivists. — 1968. — Vol. 31. — № 2. — P. 135—154.
9. Buck, S. J. The Training of American Archivists / S. J. Buck // American Archivists. — 1941. — Vol. 4. — № 2. — P. 84—90.
10. Evans, F. B. Postappointment Archival Training: A Proposed Solution for a Basic Problem / F. B. Evans // American Archivists. — 1977. — Vol. 40. — № 1. — P. 57—74.
11. Goggin, J. That We Shall Truly Deserve the Title of «Profession»: The Training and Education of Archivists, 1930—1960 / J. Goggin // American Archivists. — 1984. — Vol. 47. — № 3. — P. 243—254.
12. Schellenberg, T. R. Modern Archives: Principles and Techniques / T. R. Schellenberg. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — 247 p.
13. Schellenberg, T. R. The Appraisal of Modern Records / T. R. Schellenberg // National Archives Bulletin. — 1956. — № 8. — 46 p.
14. Schellenberg, T. R. The Management of Archives / T. R. Schellenberg. — New York: Columbia University Press, 1965. — 383 p.
15. Schellenberg, T. R. Archival Training in Library Schools / T. R. Schellenberg // American Archivists. — 1968. — Vol. 31. — № 2. — P. 155—165.
16. Jenkinson, H. A Manual of Archive Administration / H. Jenkinson. — New and revised edition. — London: Percy Lund, Humphries and Co LTD, 1937. — 282 p.
17. American Archivists and Their Society: A Composite View / F. B. Evans [et. al.] // American Archivists. — 1971. — Vol. 34. — № 2. — P. 157—172.
18. Warner, R. M. Archival Training in the United States and Canada / R. M. Warner // American Archivists. — 1972. — Vol. 35. — № 3—4. — P. 347—358.
19. Mason, P. P. The Society of American Archivists in the Seventies: Report of the Committee for the 1970's / P. P. Mason // American Archivists. — 1972. — Vol. 35. — № 2. — P. 193—217.
20. A Basic Glossary for Archivists, Manuscript Curators, and Records Managers / F. B. Evans [et. al.] // American Archivists. — 1974. — Vol. 37, № 3. — P. 415—433.
21. Conway, P. Archival Education and the Need for Full-Time Faculty / P. Conway // American Archivists. — 1988. — Vol. 51. — № 3. — P. 254—265.
22. Professional Archival Training / T. H. Peterson [et. al.] // American Archivists. — 1977. — Vol. 40. — № 3. — P. 315—320.
23. Burke, F. G. The Future Course of Archival Theory in the United States / F. G. Burke // American Archivists. — 1981. — Vol. 44. — № 1. — P. 40—46.
24. Martin, R. S. The Development of Professional Education for Librarians and Archivists in the United States: A Comparative Essay / R. S. Martin // American Archivists. — 1994. — Vol. 57. — № 3. — P. 544—558.
25. The A*CENSUS (Archival Census and Education Needs Survey in the United States) // American Archivist. — 2006. — Vol. 69. — № 2. — P. 291—527.
26. Кількісний і якісний склад працівників архівних установ та стан дотримання вимог антикорупційного законодавства державними архівними установами // Державна архівна служба України. Підсумки діяльності у 2011 році та пріоритети на 2012 рік. — Київ, 2012. — 63 с.

27. Guidelines for the Development of a Curriculum for a Master of Archival Studies Degree (Руководящие принципы для развития учебных курсов для получения степени магистра архивных наук). Guidelines for a Graduate Program in Archival Studies. Introduction // SAA [Электронный ресурс]. — 2012. Режим доступа: http://www2.archivists.org/gpas. — Дата доступа: 19.06.2012.
28. Yakel, E. The Future of the Past: A Survey of Graduates of Master's-Level Archival Education Programs in the United States / E. Yakel // American Archivists. — 2000. — Vol. 63. — № 2. — P. 301—321.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.06.2012

Т. Д. Гернович,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель БГУ,
научный сотрудник Белорусского
научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела

ИВ ПЕРОТЭН «АДМИНИСТРАЦИЯ И ТРИ ВОЗРАСТА АРХИВОВ»

Представляем перевод на русский язык статьи Ива Перотэна* «Администрация и три возраста архивов», опубликованной на французском языке в 1961 г. и ставшей фундаментальной для современной теории французского архивоведения [1]. Изложенная автором концепция «трех возрастов», принятая западноевропейскими архивистами, с появлением «электронных архивов» подверглась критическому пересмотру. Так, в 2004 г. на интернет-ресурсе Школы хартий состоялась дискуссия «Теория трех возрастов в архивистике. Необходима ли она нам?» [2], предложенная Марсель Кайя. Поддерживая поднятый М. Кайя вопрос, хотелось бы соотнести его с белорусской научной традицией. Учитывая, что концепция «трех возрастов» архивов не являлась объектом обсуждения отечественных исследователей, представленный перевод может быть интересен, особенно в разрезе выработки новых методологических установок в эпоху «кризиса архивоведения».

История развития французского архивоведения всегда привлекала отечественных исследователей. Это связано не только с тем, что Франция являлась родоначальницей централизации архивного дела, становления традиций архивного образования «Школы хартий», но и с общностью подходов хранения и использования документов в государственных архивах. Первые работы, затрагивающие вопросы организации архивного дела, появились еще в конце XIX [3]. В советский период история и современная практика французского архивоведения фактически составляла основу трудов по зарубежному архивоведению [4]. В последние десятилетия интерес к исследованию французской традиции не угас, подтверждением тому являются работы Е. В. Старостина [5], Е. А. Кальсиной [6], В. Б. Агеевой [7].

Несмотря на достаточную разработанность проблемы, она по-прежнему сохраняет свою актуальность. В современных условиях т. н. «кризиса архивоведения» обращение к трудам французских архивистов позволяет по-новому

---

* **Ив Перотэн** (15.07.1922 Бордо — 1.03.1981 Перпиньян) — французский архивист. Выпускник Национальной школы хартий. Работал в архивах департаментов Лот-и-Гаронна (1948—1952), Реюньон (1952—1958), возглавлял один из самых крупнейших архивов Франции — Архив Сены и города Парижа (1971—1972). Работал архивистом в Организации Объединенных Наций (архив Лиги Наций, 1966—1969), Международном бюро труда, Всемирной организации здравоохранения (август 1972 — июль 1974 г.). Закончил свою карьеру в Архиве департамента Восточных Пиреней (июль 1974 — май 1981 г.).

оценить перспективы сохранения и использования историко-документального наследия Беларуси.

Наиболее привлекательным для современного осмысления представляется опыт, накопленный Францией в период послевоенных десятилетий. Это было время активных преобразований, коснувшихся практически всех аспектов архивной отрасли, начиная от требований к построению архивных зданий до теоретических оснований архивоведения [8]. Итогом переосмысления стало издание в 1970 г. фундаментального учебника по архивоведению (переиздан в 1991 г.) [9] и семи томов (более 150 документов) законодательных и нормативных актов по архивам Франции [10].

В конце 50-х — начале 60-х гг. многие из ключевых положений архивоведения были пересмотрены. На смену термину «архивация» приходит «архиваж»*. Процесс накопления ретроспективной информации начинает рассматриваться с момента создания документов в организациях и до принятия решения об их хранении или уничтожении.

Ключевым моментом в выработке новой теоретической доктрины было переосмысление французскими архивистами опыта создания в 1944 г. в Великобритании «Лимбо» и 1950 г. в США «центров документации». Эти промежуточные центры хранения документов были призваны обеспечить качественный отбор документов местной администрации на постоянное хранение в государственные архивы и тем самым наладить связь между ними.

Такое теоретическое переосмысление потребовало конкретизации терминологического аппарата. В англо-американской системе по отношению к документам на различных стадиях их существования использовались различные термины — документы, записи, архивы (papers, records, archives). Многозначный термин «архивы», употреблявшийся во Франции (archives), затруднял проводить такое разграничение. В связи с этим, для определения выделенных стадий адаптируется англо-американское понятие «управления записями» (Records Management (англ.) — Gestion des documents d'archives (фр.)).

Итогом теоретического оформления стало создание концепции «трех возрастов» архивов, которая впервые была изложена в статье директора архивов Сены и города Парижа Ива Перотэна. Вот уже более 50 лет эта работа, ставшая фундаментальной, определяет основные положения французского архивоведения.

Теория «трех возрастов» архивов имеет в своей основе практические разработки Теодора Рузвельта Шелленберга и предложения, выработанные комиссией Гувера, производившей в 1948 г. обследование документов центральной федеральной администрации в США. Развивая основные положения американских коллег, Ив Перотэн в своей работе обосновал, что применение

* «архиваж» — совокупность видов деятельности по организации, хранению, ведению и использованию документов на протяжении всех трех его возрастов жизни.

принципа уважения фонда зависит от различных управлений документом в разные его «возрасты», периоды жизни.

Результатом практического применения теории «трех возрастов» во Франции стала организация промежуточного центра хранения документов — Межминистерского городка архивов в Фонтебло. Специально построенное здание, в котором осуществляется предархивная обработка (préarchivage)*, обеспечивает систему преемственности и взаимосвязи в работе архивов учреждений и Национального архива.

Несмотря на то что современные тенденции развития французского архивоведения свидетельствуют о предпочтении теории «двух возрастов», предложенной бывшим генеральным секретарем Международного совета архивов Ш. Кечкемети [11], статья Ива Перотэна «Администрация и три возраста архивов» не утратила своей актуальности.

Представляя теорию «трех возрастов», Ив Перотэн посредством аналогий ставит ряд аксиологических вопросов. Отвечая на вопрос «Каким образом происходит переход от Учреждения к Истории?», автор обращает внимание на то, что документальное наследие создается в учреждениях. Таким образом уважение и осознание исторической ценности документов должно применяться не только по отношению к документам, хранящимся в государственных архивах, но и создаваемых в офисах.

Рассматривая последние тенденции развития белорусского общества, выражающиеся в явном предпочтении управленческой функции документов по отношению к культурной, исторической, формирует представление об исторической ценности только по отношению к древним документам, в то время как современные документы, создающиеся в учреждениях, представляются как ненужная, бюрократическая масса бумаг. Такое отношение может сформировать в будущем «общество без памяти» и можно предположить, что итогом подобного отношения может в конечном итоге стать исключение категории документального наследия из понятия «культурные ценности».

Администрация и «три возраста» архивов [12]

Очевидно, что архивы и делопроизводственные службы учреждений работают с одними и теми же бумагами: Администрации их порождают и хранят в молодом возрасте, позже их принимают государственные архивы и, при наличии места, обеспечивают документам непреходящий характер. Между тем, за исключением редких случаев подшивки в дело или уничтожения, учреждения и архивы друг друга игнорируют. Это игнорирование обыч-

* Преархиваж (préarchivage) — согласно теории «трех возрастов» архивов соответствует переходной стадии, которая наступает после стадии создания и текущего использования дел (текущий возраст) и предшествует стадии постоянного хранения в архиве, во время которой неиспользующиеся документы учреждения становятся историко-культурным наследием.

но наносит большой урон, жертвами которого являются Администрации и историки-исследователи. Чтобы исправить положение и содействовать совместной деятельности, необходимо, чтобы архивисты и работники делопроизводственных служб выработали общее видение того, что происходит с официальными документами, начиная с момента их создания и до последнего момента (хранение или уничтожение). С первого взгляда, это вещи, которые кажутся простыми, но при глубоком изучении оказываются гораздо сложнее. Я хотел бы сразу же вкратце пояснить эти вопросы, беря за основу последовательность из трех этапов, которые все могут соотнести с «предназначением» официальных документов: «живые архивы», «архивные архивы»** и промежуточная стадия. Невооруженным взглядом легко наметить эти три стадии: но критический взгляд показывает, что поверхностное рассмотрение ничего серьезного не дает. Чтобы постичь явление в полной мере, необходимо привести некоторые аналогии, которые помогут сформулировать достойную теорию и сделать из нее выводы.*

Не упрощенный взгляд на вещи

Опытный наблюдатель может выделить в «жизни» государственных архивов два возраста. Первый — это возраст документов учреждения: предприятия имеют в своем распоряжении молодые документы (хорошо составленные, полезные, используемые реестры и дела, одновременно банальные и прозаичные). Другой — возраст исторического документа. Архивы хранят в своих хранилищах старые документы, иногда написанные на пергаменте, покрытые таким слоем пыли, который обычно бывает там, где холодно и влажно. Великолепно классифицированные, переплетенные и инвентаризированные, согласно методике Школы хартий, эти документы служат генеалогии или редакторам журналов популярной истории. (Если наблюдатель еще более опытный, он отметит, что эти «исторические архивы» представляют интерес не только с точки зрения забавных случаев, но могут использоваться так же некоторыми «учеными» для исследования экономических, демографических, социологических процессов и явлений).

С этой точки зрения, «живые архивы» и «архивные архивы» кажутся абсолютно разнородными, и, несмотря на то что они должны переходить из одной стадии в другую, непостижимо каким образом это происходит. Не очень опытного наблюдателя не смущает эта мистерия, потому что он не вникает в проблему. Если, тем не менее, задаться вопросом, то можно открыть, что существует явная переходная стадия, превращающая документы учреждения в архивные дела. Быстро становится понятно, что для того, чтобы документы хранились в архиве, а не в делах государственных учреждений, необ-

* В тексте «archives vivantes». Автор термином обозначает архивы учреждений.

** В тексте «archives archivés». Автор термином обозначает документы, хранящиеся в государственных архивах.

ходимо освободить их из этого нагромождения, которое им было предопределено в кабинетах руководителей и шкафах офисов, когда их прятали в навещаемой время от времени кладовке, или вообще на чердаке или в подвале. Освободить их из запруды, подобно дождю или реке, пущенной по сточным желобам. Именно в этот момент наступает переходный возраст, возраст неблагодарный, подобный «свалке», неприятный переход от Учреждения* к Истории.

Если вы сейчас спросите у наблюдателя, как из свинца получить чистое золото, как из этой бесформенной кучи извлечь благородную материю, питающую «ученых», — и не надейтесь получить ответ: майевтика имеет свой предел. Вам ответят, прибегнув к сверхъестественному объяснению: архивист (чуть не написал алхимик) совершает таинственное превращение. Объяснение не очень умное, но действительно, зачастую архивист становится чудотворцем, улыбающимся в свои усы, совершенно счастливый от того, что, отдаваясь целиком работе, ему удалось компенсировать то пренебрежение, которое обычно испытывается к работе старьевщика.

Итак, для наблюдателя кратко поясню: можно выделить три фундаментальные стадии развития архивов — все остальное не имеет значения. Анализировать бесполезно, потому что нет идеального порядка в начале, нет идеального порядка в конце, нет чуда между ними; только прискорбные факты, за которые в той или иной степени ответственны руководители и архивисты.

Рассмотрим их поподробнее.

Что же происходит в действительности?

Для начала, в общей своей массе, учреждения не имеют таких прекрасных текущих архивов, о которых мы говорим. Самые важные дела, касающиеся административной работы самого высокого уровня (разработка политики учреждения, дискуссии, обмен письмами и обсуждение политики, депонированные результаты, синтез, критика и т. д.), все это плохо организовано и еще хуже классифицировано. Документы «создаются» случайно и зачастую в нескольких экземплярах по одной и то же теме, дела набиты бесполезными и повторяющимися бумагами, лишены лучших частей (так как они в большей или меньшей степени конфиденциальны). Они упорядочены чудовищным образом. Это значит, что они быстро перестают использоваться. Внутри организации в порядке находятся только перечни и рутинные документы. Документы, отражающие деятельность учреждения, обрабатываются только, если они созданы руководителями первого звена.

Все эти раздутые и неиспользуемые, отвратительно оформленные дела раздражают администрацию, которая видит, что они занимают драгоценное место в тесных офисах, где так же худо-бедно должны быть размещены люди, мебель, пишущие машинки и т. д. Даже, несмотря на указания контро-

* В тексте — Administration.

лирующих органов (более или менее осознающих, что в этих бесформенных кучах содержатся важные части информации), преждевременно предписывается переход документов на вторую стадию, ту самую стадию «свалки». Сначала их хранят в коридорах, вскоре отправляют в чулан, а впоследствии в подвалы и на чердаки. Между тем быстро офисы опять переполняются и избавляются от документов. Все повторяется заново для того, чтобы решать новые вопросы, повторять ранее сделанные исследования и тратить время и деньги на поиск информации, содержащейся, в том числе, в делах, отправленных в кладовые.

Но вскоре, так как отбор документов не производился, в свою очередь переполняются и кладовые. Что делать в этом случае? Ответ: уничтожить или передать в архив, в зависимости от того, что в них содержится. Интересно заметить: два противоположных термина являются эквивалентными для Администрации, ввиду того, что документы, о которых идет речь, больше ей не используются. Различие, которое между тем проводится, в основном связано с вмешательством архивистов, разрешающих уничтожение или согласовывающих перевод записей. Делая это, они делают свою работу. Насколько серьезно они к этому относятся? Необходимо иметь недюжинные способности. В самом деле, выйти за рамки документной рутины, о которой я говорил, знать какая ее часть должна быть сохранена и какая должна быть уничтожена, — задача не из легких. Необходимо иметь большой опыт для того, чтобы провести экспертизу ценности плохо сгруппированного, несостоятельного, в плохом материальном состоянии дела. Выпускник Школы хартий пребывает в неуверенном состоянии — почти фатальном — с одной стороны, ему претит заставлять замолчать все сомнения, а с другой — необходимо разрешить необоснованное уничтожение дел (уж лучше сделать повторный перерыв на неопределенное время). Так же и архивисты, когда они имеют в своем распоряжении мало места, чаще всего соглашаются принять архивы на хранение, чтобы сохранить жемчужины. Бедные жемчужины! Какие сортировки, какие классификации могли бы их выявить? Мы можем сделать только то, что в наших силах, иначе говоря, очень мало: обрабатывается тщательно только маленькая часть, из которой оставляется тощая пачка частично непригодных документов, загромождающих архивы.

Вот то, что происходит в реальности. Существуют ли благородные исключения? Я так не думаю. В основном, все представляется в черном свете. Необходимо из него выйти.

Приближение к святому учению

Чтобы сформулировать концепцию о том, что должно происходить с архивами на трех стадиях их существования (если мы хотим, чтобы Администрация и, далее, исследователи истории были полностью обеспечены документами), необходимо произвести предварительное исследование, которое позволит глубоко понять факты и их связи. Используем для этого некото-

рые науки, которые, конечно, не рассматриваются в реальности архивистами как метод, но помогают раскрыть, через аналогию, подход, который может быть использован.

В классической манере, в ряду этих идей, обратимся к психологии, потому что, в каком-то смысле, архивы — это память. Это поможет нам раскрыть тему.

Рассмотрим проблему сначала с точки зрения Администрации. Офисные бумаги представляют собой ее память. В то время, когда они находятся на столе у их создателя, можно их уподобить информации памяти, которая находится в области сознания в психологическом смысле. С того момента, как эти документы попадают в дело — достигнув таким образом первого возраста архива — их рассматривают как постепенно перешедшие в подсознательное, откуда их можно легко извлечь. На следующей стадии, свалки и коридоров, — это травмы в бессознательном, откуда их способен извлечь квалифицированный и упорный психоаналитик. Уничтожение, наконец, — это необратимо забытые воспоминания. В таком разрезе можно сказать, что память бюрократа работает на уровне надсознательного: он забыл то, что имеет непреходящую ценность и помнит только то, что находится в области кратковременной памяти.

Это предварительное исследование позволяет показать пользу — или лучше выгоды — архивов на различных стадиях. Можно для лучшей подготовки хорошего содержательного определения снять маску психологии и надеть вместо нее маску экономики и поговорить о термине «производство». Конечно, расставшись со старой доктриной, сегодня экономисты рассматривают административное функционирование как производство, подразумевая производство услуг. Тем временем необходимо принимать во внимание, что учреждения так же производят и письменные документы. Может в этом смысле речь идет о побочных продуктах? Да и нет. На протяжении всех стадий, на которых они используются для обслуживания, документы могут скорее рассматриваться как плоды самообеспечения оборудованием. Это оборудование, которое становится неразрывной частью управленческого капитала и служит для производства услуг. Оно не используется (или незначительно используется), но при этом его износ увеличивается со временем. Этот последний феномен устанавливается опытным путем (хотя сроки различны). Измерение полезности документов имеет свою специфику, так как некоторые из них не имеют потребителей за пределами учреждения. Документы, остающиеся на постоянное хранение в архивах, могут в конечном итоге рассматриваться как побочный продукт Администрации. Побочный продукт, который используется исследователями истории. Потребители документов различны, использование происходит в различных целях и, если так случается, что последующая польза может быть измерена, ничего не мешает, теоретически, представить даже для архивного документа колебания полезности (или беспо-

лезности) в функции времени. Наложить на график кривых по нисходящей линии — первичную пользу (учрежденческую), по кривой восходящей — вторичную пользу (историческую) и обозначить разрывы во времени, которые отражают ограничение доступности документов для общества во время второго периода, а также даты проведения экспертизы ценности и много других вещей.

Можно сделать другое аналогичное исследование, например, рассмотрев архивы как организм или личность, живущую и изучаемую биологом, рассматриваемую демографом. Но, безусловно, это уже не так важно.

Вещи такие, какими они и должны быть

После обращения к иным наукам (обращение полезное, но всегда излишнее) рассмотрим вещи прямо и попытаемся выделить различные возрасты архивов, которые должны быть пережиты, чтобы принести наибольшую пользу Администрации и Истории. Определим их в виде идеальной схемы, снабженной комментариями. В схеме представлены чередования (циклы) экспертизы ценности, которые должны между каждой стадией хранения уменьшать архивы; стадии редактирования или получения документов отмечены только для памяти и для того, чтобы определить место экспертизы ценностей.

Получение или редактирование документа

Первый этап экспертизы ценности

Производится пользователем.

Производится по отношению к документам, которые отправляются в корзину для бумаг.

Первый возраст: текущий архив

Продолжительность: От одного до четырех лет.

Размещение: помещение для административной работы.

Пользователь: учреждение.

Ответственный: Администрация.

Второй этап экспертизы ценности

Производится пользователем под контролем архивной службы учреждения.

Производится по отношению к документам, которые стали не нужны для управления и не представляют никакого интереса для истории.

Второй возраст: архив учреждения

Продолжительность: от 20 до 100 лет.

Размещение: временное хранилище.

Пользователь: Администрация.

Ответственный: Администрация под контролем Государственной архивной службы.

Третий этап экспертизы ценности

Производится Государственной архивной службой, иногда в течение второго возраста.

Производится по отношению к тем же категориям документов, что и предыдущие.

Третий возраст: государственный архив

Срок: неограниченный.

Размещение: государственные архивы.

Пользователь: исследователи истории и, возможно, сама Администрация.

Ответственный: Государственная архивная служба.

Во время первого возраста не возникает особых теоретических проблем. Необходимо, чтобы офисы правильно оформляли документы и не загромождали бесполезными бумагами дела. Эти дела и текущие архивы должны поддерживаться в состоянии хорошего внутреннего порядка дела и упорядоченности между делами. Для этого необходимо, чтобы соответствующие должностные лица «чувствовали» проблемы архивов; это значит, все они должны получить некоторое минимальное образование и нести определенную ответственность. На этом этапе архивные службы могут выступать только в роли советника.

Второй возраст, надо отметить, наиболее проблемный. Много раз мы видели, как на данном этапе, как правило, Администрация не хочет знаться со своими детьми: она гонит их преждевременно из своего дома или отправляет спать в ужасных условиях на чердак. Архивные службы, в свою очередь, отказываются принимать на этом этапе хорошо классифицированные и все еще полезные для офисов документы. Документы еще не доведены до сведения общественности, не прошли экспертизу ценности и являются очень громоздкими и т. д. И именно это запущенное состояние становится причиной утраты, гибели. Чтобы преодолеть эту ситуацию, необходимо создать временные хранилища, большие офисные здания, аккумулирующие все то, что не используется, но что должно быть сохранено. Уничтожение, перевод в хранилища, установление количества документов, охрана и использование могут быть решены достаточно легко через передачу в совместное пользование, поддерживаемое (и действительно охраняемое) обеими сторонами — архивистами и руководителями учреждений.

Третий возраст целиком находится под контролем Государственной архивной службы. Тем не менее, руководители учреждений не являются для нее посторонними. Они сотрудничают в вопросах предварительного отбора документов, предъявляют требования по условиям хранения, излагают свое авторитетное мнение относительно ценности документов и т. д. С другой стороны, они всегда являются привилегированными клиентами архивов и таким образом обеспечивают высокое качество ретроспективной информации.

***

Я надеюсь, что в нескольких предшествующих строках предложил новую систему отношений к текущим архивам. Я осознаю, что сделал это с некоторой степенью неясности (неясности немного свойственной деликатным вопросам, вытекающим из того, что сама по себе терминология лишена точности). Я, естественно, проповедую устав в своем монастыре. Тем не менее, я надеюсь убедить, что преимущества отношения, которое я рекомендую, будет полезно не только Архивной службе, но и более широкому кругу.

Литература

1. Perotin, Y. L'administration et «les trois ages» des archives / Y. Perotin // Seine et Paris. — 1961. — octobre. — № 20. — P. 1—4.
2. Caya, M. La théorie des trois âges en archivistique. En avons-nous toujours besoin? // Интернет-ресурс Éditions en ligne de l'École des chartes (ELEC). — Режим доступа: http://elec.enc.sorbonne.fr/conferences/caya. — Дата доступа: 12.12.2011.
3. Воронов, А. П. К вопросу о положении архивного дела во Франции // Вестник истории и археологии. — 1898. — Вып. 10. — С. 1—35; Воронов, А. П. Французские областные архивы / А. П. Воронов. — М., 1900. — 7 с.; Самоквасов, Д. Я. Архивное дело на Западе / Д. Я. Самоквасов. — М., 1900. — 31 с.; Самоквасов, Д. Я. Уничтожение ненужных бумаг на Западе // Архивное дело в России. — Кн. I. Современное русское архивное нестроение. — М., 1902. — С. 19—21; Самоквасов, Д. Я. Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России / Д. Я. Самоквасов. — М., 1899. — 176 с.; Самоквасов, Д. Я. Централизация государственных архивов. Архивное дело на Западе / Д. Я. Самоквасов. — М., 1900. — 213 с.; Харузин, Н. Взгляд Langlois на архивное дело. — М., 1898.
4. Лаппо-Старженецкая, Е. А. Французские архивы в их прошлом и настоящем // Исторический архив. — 1919. — № 1. — С. 143—189; Добиаш-Рождественская, О А. История архивов романской Европы при старом порядке // История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. — Пг., 1920. — С. 97—152; Любименко, И. И. Французская школа архивистов «Ecole des chartes» // История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. — Пг., 1920. — С. 203—215; Маяковский, И. Л. Архивы и архивное дело в иностранных государствах. Архивы и архивное дело в рабовладельческих государствах древности и в эпоху феодализма / И. Л. Маяковский: Пособие для студентов МГИАИ. — М.: МГИАИ, 1959. — 99 с.; Бржостовская, Н. В. Архивы и архивное дело в зарубежных странах (история и современная организация) / Н. В. Бржостовская: Уч. пособие. — М., 1971. — 311 с.; Бржостовская, Н. В. Основные направления развития архивного дела в новейшее время (1917—1980) / Н. В. Бржостовская. — М., 1986.
5. Старостин, Е. В. Архивоведение в профессиональной подготовке историков-архивистов в России и Франции (опыт сравнительного исследования) // Вестник архивиста. — 1997. — № 6 (42). — С. 71—74; Старостин, Е. В. Архивы периода Великой Французской революции // Отечественные архивы. — 1993. — № 4. — С. 92—100; Старостин, Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии / Е. В. Старостин. — М., 1997. — 332 с.; Старостин, Е. В. Французская «Школа

хартий» глазами российских архивистов // Управление высшим образованием. Российско-французская конференция. Тезисы докладов. — М., 1994. — С. 47—50.

6. Кальсина, Е. А. Французское архивоведение: история, теория, методология (Конец XIX века — XX век): Автореферат дис. … канд. ист. наук: 05.25.02 / Е. А. Кальсина — М., 2004.
7. Прозорова, В. Б. Удивительные приключения принципа единства фонда на родине / В. Б. Прозорова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: история (документоведение, архивоведение). — 2008. — № 8. — С. 184—196; Агеева, В. Б. Концепция «национального достояния» во французском архивоведении XVIII—XX веков: Автореферат дис. … канд. ист. наук: 05.25.02 / В. Б. Агеева. — М., 2008.
8. Старостин, Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии / Е. В. Старостин. — М., 1997. — С. 231.
9. Manuel d'archivistique. Théorie et pratique des archives publiques en France. — Paris, 1970 (aut.: R.-H. Bautier, J. Favier, M. Duchein etc.).
10. Code des archives de France. — Tome I: Organisation administrative et personnel. Ordonnances, lois, decrets, arretes, circulaires et instructions 1931—1964. — P.: Imp. Nat., 1965. — 323 p.; Tome II: Organisation technique des archives departementales. Lois, decrets, arretes, ordonnances, circulaires et instructions concernant les services departementaux 1930—1957. — P.: Imp. Nat., 1958. — 367 p.; Tome III: Reglement general des archives departementales: [edition annotee et commentee a jour au ler Janvier 1964]. — P.: S.E.V.P.E.N., 1964. — 51 p.; Tome VII: Reglement des archives hospitalieres. — P.: S.E.V.P.E.N., 1969. — 51 p.
11. Kecskeméti, Ch. Le pouvoir archivistique // Archives et patrimoine: tome I / sous la direction de Cornu M. et Fromageau J. — Paris: L'Harmattan, 2004. (Droit du patrimoine culturel et naturel). — P. 163.
12. Perotin, Y. L'administration et «les trois ages» des archives / Y. Perotin // Seine et Paris. — 1961. — octobre. — № 20. — P. 1—4.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.03.2012

А. И. Раздорский,
заведующий группой исторической библиографии
отдела библиографии и краеведения
Российской национальной библиотеки,
кандидат исторических наук;
e-mail: rasdorv@ner.ru

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ В ОСНОВНОМ СОБРАНИИ РУКОПИСНОЙ КНИГИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Среди многочисленных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) особое место занимает фонд № 550 — «Основное собрание рукописной книги» (сокращенно — ОСРК). В нем объединены различные коллекции, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку на протяжении XIX столетия, в том числе П. Ф. Карабанова (в 1852 г.), В. В. Трехлетова (в 1860 г.), П. И. Гундобина (в 1860 г.), И. П. Сахарова (в 1863 г.), И. К. Куприянова (в 1863 г.), Е. В. Берсенева (в 1865 г.), Н. М. Карамзина (в 1867 и 1879 гг.), А. И. Артемьева (в 1875 г.), Ф. К. Сокурова (в 1876 г.), В. Н. Попова (в 1887 г.), П. Д. Богданова (в 1888 г.), Ф. И. Буслаева (в 1893 г.), П. И. Савваитова (в 1897 г.), епископа Угличского Амфилохия (П. И. Сергиевского-Казанцева) (в 1900—1901 гг.) и др. Всего в этом фонде числится свыше 8500 рукописей.

Состав ОСРК весьма разнообразен как по хронологическому, так и по тематическому составу. Именно в этом фонде хранится, например, одна из древнейших русских летописей — Лаврентьевская. Помимо исторических источников, в ОСРК имеются различного рода лечебники, травники, ноты, литературные произведения, книги священного писания и др.

В ОСРК находится значительное число материалов по исторической регионалистике. Эти документы чрезвычайно разнообразны и по жанру, и по хронологии, и по территориальной принадлежности. Многие из них до сих пор остаются неизвестными историкам и краеведам. Изучение, публикация и введение в научный оборот этих источников является важной и актуальной задачей.

В результате фронтального просмотра машинописной описи ОСРК, используемой при обслуживании читателей в Отделе рукописей РНБ, нами была произведена выборка материалов, имеющих отношение к исторической регионалистике. Всего было учтено 440 рукописей. Среди них имеется ряд документов, имеющих отношение к региональной истории Белоруссии. Их краткий обзор представлен в настоящей публикации.

Прежде всего, необходимо упомянуть о хранящихся в ОСРК двух *писцовых книгах Полоцкого повета* XVI в. Обе книги представлены в фонде позднейшими списками XVIII—XIX вв.

Первая книга (шифр F.IV.80), датированная сентябрем 1570 г., насчитывает 33 листа и включает списки приграничных деревень Полоцкого повета с указанием их владельцев, числа дворов, количества пашенной и непашенной земли, леса, бортных ухожаев, сведения о направлении течения рек, размерах озер, наличии мостов, расстояниях между отдельными населенными пунктами. По своему типу этот документ можно считать межевой книгой.

Вторая книга (Q.IV.18), содержащая 334 листа, относится к началу 70-х гг. XVI в. На ее форзаце имеется запись: «Писцовая книга Полоцкого повета, списанная с подлинника, хранящегося в Польской метрике при Сенате». В ней зафиксированы земельные дачи новгородским детям боярским на территории Полоцкого повета, а также перечислены оброчные угодья, отданные на оброк местному населению.

Еще один документ по белорусской исторической регионалистике относится к 80-м гг. XVIII столетия. Это *Всеподданнейший доклад генерал-инженера Федора Виллимовича Боура императрице Екатерине II от 7 ноября 1780 г. об осмотре границ белорусских губерний от Полоцка до Рогачева*, который он произвел согласно высочайшему распоряжению, полученному 16 июня того же года (Q.IV.48). Автор доклада — Федор Виллимович (Фридрих Вильгельм) Боур — родился в 1731 г. в Швеции и с 1769 г. состоял на русской службе. Он был военным инженером и картографом, одним из организаторов Генерального штаба, руководил строительством гаваней в Петербурге, Кронштадте и Риге, а также дорог и фортификационных сооружений в разных местах страны. Боур — автор проектов ряда крепостей и «Инструкции о дорогах», легшей в основу дорожных строительных правил в Российской империи. Умер он в 1783 г. [1].

Рукопись доклада об осмотре белорусских границ занимает 13 листов. Главное внимание Боур уделил в ней фортификационному анализу местоположения Могилева, Полоцка и Сенно, где было намечено сооружение крепостей. Автор доклада отметил, что «назначенные к укреплению Полоцк, Сенное и Могилев по общему и частному своему положению суть такие места, которые к сему намерению гораздо меньше способны, нежели протчия ... ибо на самом положении мест их находится великое множество препятствий к фортификационным работам». По мнению генерал-инженера, составленные для этих городов планы крепостей были столь обширны, что потребовали бы для своей защиты чрезвычайно многочисленных гарнизонов.

Про Полоцк, например, в докладе сказано: «Сей город окружается с одной стороны Двиною, а с другою — речкою называемой Полотою, небольшая высота, окружающая монастырь бернардинский, на которой и видны еще остатки древнего укрепления, сочиняют самое вышнее место в сей окружности, а таким образом и не должно ли почесть одно только сие место за такое, с которого можно командовать противолежащими берегами, сверх же сего находящиеся против самого города на другой стороне речки Полоты

высоты сыть весьма вредны для фортификационного его расположения». Про Сенно говорится: «положение сего места есть такое, что укрепить оное почитается совсем за невозможное». Оценивая местоположение Могилева, Боур назвал три негативных фактора с точки зрения фортификации: проектируемая крепость окружена господствующими высотами, общая протяженность укрепленной территории потребовала бы 15-тысячного гарнизона, каждую весну часть укреплений неизбежно страдала бы от половодья. Для размещения крепостей генерал предложил Будилов, Толочин, Рогачев и Быхов. В докладе дана их топографическая характеристика. Про Быхов при этом, например, сказано, что он был «в прошедшие времена славным окружен валом и рвом, которые хотя большую частию и развалилися, но совсем тем могут еще способствовать весьма много к построению нового укрепления».

Обращаясь к Екатерине II, Боур высказывал серьезные опасения относительно уязвимости западных рубежей вновь присоединенных территорий в Белоруссии и писал, что «на всем пространстве между Ригою и Киевом нет никаких крепостей, почему неприятель без всякого препятствия пробраться может в Могилевскую губернию».

Генерал приводит в докладе подробные обоснования необходимости укрепления выбранных городов, например, укрепление Рогачева, по его мнению, «не текмо будет прикрывать границы Могилевской губернии, но и хранить свободную водяную коммуникацию Днепром от Смоленска до самого Киева».

В том же документе имеется и второй доклад Боура от 1 июля 1781 г. о границах и крепостях в Лифляндии и Эстляндии, причем в описи ОСРК этот доклад не зафиксирован, в ней отмечен только первый доклад о Белоруссии.

В ОСРК хранится черновая рукопись труда автора по фамилии Альхимович *«Очерк из жизни крестьян Витебской губернии Велижского уезда»*, датированная 9 апреля 1867 г. (QIV-464). В документе имеется подпись: «пр. (протоиерей?) Ф. Альхимович». Рукопись насчитывает 92 листа. В ней приведены разнообразные этнографические сведения о крестьянстве северо-восточной Белоруссии, в частности, содержится подробное описание белорусских крестьянских изб, их конструктивных особенностей, домашней утвари и мебели, устройства печей. Особый интерес с точки зрения изучения устной истории представляют записанные автором диалоги местных жителей, например, крестьянских детей с бабушкой, между лесопромышленником-евреем и крестьянином-белорусом, между двумя кумовьями при обмене товаров и др. Альхимовичем описан также местный порядок крестьянского раздела земли, дана общая характеристика крестьянской промышленности и торговли, указаны предметы крестьянского ремесла, приведена характеристика нравственного облика местных волостных старшин, в которые, по мнению автора, попадали по большей части «краснобаи и знахари». В конце рукописи помещены тексты крестьянских песен. Произведенный нами первичный библиогра-

фический поиск с целью выявить публикацию данной работы результатов не дал, возможно, она так и не была издана.

В рассматриваемом фонде имеется дело, в котором собраны *копии отчетных документов, поданных на высочайшее имя могилевским губернатором Александром Петровичем Беклемишевым*, занимавшим этот пост с 22 ноября 1857 г. по 17 мая 1868 г. [2]. На 53 листах представлен его рапорт о состоянии губернии от 21 августа 1858 г. Подобные рапорты губернаторы представляли императору при вступлении в должность. Рапорт Беклемишева содержит 16 рубрик: губернское правление, приказ общественного призрения, уездные суды, городские и земские полиции и квартирные комиссии, думы, магистраты и ратуши, казначейства, недоимки, врачебные управы и аптеки, архивы, больницы и богадельни, тюрьмы, этапы, смирительные и рабочие дома, учебные заведения, способы народного продовольствия, казенные здания, дороги, принесенные жалобы. В приложении к рапорту на 9 листах приведена «Записка о состоянии Могилевской губернии», содержащая общие сведения об этом регионе: географическое положение, природные условия, экономическое положение крестьян и помещиков, еврейский вопрос. В документе сказано, что к рапорту приложены также перечневые статистические ведомости (о нерешенных делах по губернскому правлению и других подведомственных губернатору местам, о хлебных запасах, о капиталах приказа общественного призрения и др.), но их в деле нет. На 46 листах помещены сведения из всеподданнейшего отчета могилевского губернатора за 1859 г. В соответствии с формуляром отчета здесь приведены следующие разделы: дворянство; торговля; промышленность; подати и повинности; общественное благоустройство; народная нравственность; падеж скота; общественное призрение; больницы; богадельни; учебные заведения; губернское правление; полиции; пожарная часть; земская полиция; опеки; думы и ратуши. Отчет неполный, так как в нем отсутствует начало и нет статистических ведомостей, в обязательном порядке прилагавшихся к отчету.

В ОСРК хранится немало уникальных картографических материалов. Один из них — *Атлас Могилевской и Полоцкой губерний*, составленный в 1777 г. (FIV-768). В нем содержится 27 карт форматом 124x98 см: две генеральные губернские карты и 25 уездных карт (12 уездов Могилевской и 11 уездов Полоцкой губерний). Перед картами Могилевской губернии приведено «Описание Могилевской губернии с историческими и географическими примечаниями о начале границ», а перед картами Полоцкой губернии — «Описание Полоцкой губернии с историческими и географическими примечаниями о городе Полоцке с его уездом». Каждое из описаний занимает по 4 листа. Масштаб генеральной карты — в 11 мм 5 верст, окружных — в 44 мм 5 верст и в 33 мм 5 верст.

Литература

1. См.: Волков С. В. Генералитет Российской Империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. — М., 2010. — Т. 1. — С. 189—190.
2. Губернии Российской Империи: История и руководители, 1708—1917. — М., 2003. — С. 173.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.05.2012

В. В. Мальцев,
старший научный сотрудник
Центра исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
кандидат искусствоведения;
e-mail: VladMaltsev@inbox.ru

ПСЕВДОНИМ КАК КРИТЕРИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ СЦЕНЫ

В Уставе Товарищества белорусской драмы и комедии, организованном Ф. П. Ждановичем в мае 1917 г. и послужившего первоосновой для развития белорусского театра в Минске, указывалось, что «действительным членом (Товарищества. — *В. М.*) может быть любое лицо белорусской национальности» [1]. Словосочетание *белорусская национальность* в то время звучало не вполне привычно, и лишь незначительная часть горожан могла идентифицировать себя с этой этнолингвистической группой. Белорусский язык не пользовался популярностью в городской среде и вести на нем общественную деятельность считалось непрестижным и неперспективным. В глазах доминирующего большинства плеяда пионеров-первопроходцев выглядела чудаковато.

Чтобы набрать труппу, в русскоязычной «Минской газете» было опубликовано объявление, приглашавшее всех желающих, без конкурсного отбора по способностям, «вступить на сцену в качестве артистов, хористов и музыкантов» [2] и стать кандидатурой на место суфлера. В силу множества реальных обстоятельств и причин Товарищество, возникавшее под эгидой Белорусского Национального Комитета, не могло быть сформировано по принципам единоэтничной группы и оказалось интернациональным по актерскому составу. Белорусское движение нуждалось в укреплении, привлечении новых сторонников на началах белорускости и было открыто для всех, кто выражал готовность возрождать язык, бороться за права нации. Многие, присоединившиеся к нему, по семейной родословной и первому выученному языку могли называть себя россиянами, поляками, евреями.

Быть белорусами для членов театрального Товарищества означало прилагать усилия для развития белорусской культуры, и конкретные цели, которые ставило творческое объединение, — популяризировать произведения на белорусском языке, знакомить минчан с творчеством национальных писателей, аутентичных носителей языка, — мобилизовали их в групповое национально-культурное сообщество.

Точные биографические сведения о большинстве участников Товарищества, не сделавших затем видной профессиональной карьеры, и их судьбы неизвестны. Факты, приводящиеся в исследовательской литературе о театре, дают основание полагать, что в начале 1910-х гг., в пору первого пробуждения белорускоязычной сцены, артисты-любители играли под паспортными фамилиями и редко под псевдонимами [3]. Появление псевдонимов или изме-

нений в написании фамилии исполнителя как очевидная массовая тенденция впервые складывается в Товариществе Ф. П. Ждановича, а уже затем проявляется в деятельности других национальных коллективов 1918—1920 гг. Объединением этих сил был образован творческий костяк Белорусского государственного театра, открывшегося после восстановления советской власти в 1920 г. (Ныне академический театр им. Я. Купалы.) В архивных списках именного состава первых сезонов деятельности БГТ часто рядом с гражданскими фамилиями артистов указывались и сценические псевдонимы, не в скобках, для пояснительной расшифровки, а на правах «собственного имени» [4]. Хотя в большинстве случаев эти псевдонимы, появившиеся в досоветский период, впоследствии не прижились и использовались артистами только кратковременно, их установление необходимо для точной идентификации лиц, вовлеченных в белорусское художественное движение, составления их творческих биографий, грамотной обработки архивной документации — проведения той многообразной мелкой и кропотливой работы, результаты которой способствуют математически более точному (реальному по численности участников) определению масштабов, ресурсов и темпов становления белорусского общественного движения.

Псевдоним — всегда выбор выразительного слова, которым себя нарекают. Это краткая самопрезентация, закрепление в слове имиджа, создание этикетки, с которой выходишь на общественную сцену. Происхождение псевдонима и формирование круга смыслов, которые закладываются в него, чаще связаны не с информационными прямыми, а с расширительными функциями слова и его специфическим использованием в художественной культуре. Поскольку придумывание любого псевдонима предполагает от его создателя отбор, поиск нужного слова, его выделение, акцентирование или формирование из группы слов целого высказывания, то псевдоним отражает и описывает сферу человеческого духа: человек самовыражается в псевдониме, создает собственное имя; это почти сакральный акт творческого рождения, второй жизни в искусстве. Выявление характерных, наиболее часто употребляемых типов псевдонимов, или псевдонимов, сходных по формообразованию, информационному смыслу, который как миниманифест выбрасывается в пространство — на люди, — важно для понимания культуры. Автономная сфера языка по-своему отражает и выражает специфические особенности формирующейся белорусской сцены.

Псевдонимы придумывали в Первом товариществе белорусской драмы и комедии стихийно и отчасти по производственной необходимости: чтобы публика не путала имена близких родственников-однофамильцев. Свояченица комического артиста Витольда Петровича — Юля назвала себя *Юлька Зорка*. Чтобы отличаться от сестры Веры Любовь Тарасик выступала под псевдонимом *Л. Зарніца*. Женщины с несклоняемыми фамилиями переиначили их на «белорусский лад»: Ольга Вашкевич стала *Вашкевічанкай*, Елиза-

вета Роткевич *Раткевічанкай,* и в двух вариантах написания фамилии исполнительниц упоминаются в периодической печати и документах. Один из участников (скорее всего, это был Владимир Адуцкевич) назвался звучным, декларативно-патриотическим псевдонимом *Янка Беларус*. Поскольку слово «крыніца» означает чистый источник, ключ, то появление его в качестве фамилии в псевдониме Антона, брата Ф. П. Ждановича, — *Антук Крыніца*, можно принять за сходную манифестацию идеологии корней и приверженности этническим истокам, но похоже он имеет все же сугубо театральное происхождение. Предметом артистической гордости артиста была роль Степана Криницкого, которую он играл в постановке «Павлинки», и укороченная фамилия персонажа Я. Купалы затем прижилась, став «паспортной», воспроизводилась в официальных документах. Узами родства либо с персонажами купаловской комедии, либо с Антуком (как постоянный партнер по сценическому действу или закулисным отношениям) связана актриса Л. И. Ржецкая, выбравшая псевдоним *Ліда Крыніцкая*. В Товариществе она пробыла недолго, в отзывах периодической печати 1917—1920 гг. не упоминается, а вот устав Товарищества актриса подписала, где и указала придуманное для сцены имя [1, 5].

Появление псевдонимов от имени-фамилии персонажа, первой или полюбившейся роли, которую артист играл, было на белорусской сцене распространено. Зародившись в сфере национальной театральной практики, псевдоним порой использовался в журналистике, где закреплялся временно на правах литературного, а не сценического имени автора. Так, отзывы на спектакли белорусов в газете «Советская Белоруссия» в 1921 г. писал рецензент, неизменно демонстрировавший близкую осведомленность в событиях закулисья и подписывавшийся *Кукса*. Вряд ли рецензент, даже обладающий специфическим чувством ёрнического юмора, мог окрестить себя духовным уродцем. По словарю С. И. Ожегова «куксой» или «культяпкой» называют части тела, оставшиеся после хирургической ампутации конечностей. Максим Кукса — имя богатого мещанина и вдовца, персонажа комедии М. Кропивницкого «В дурачках остались». Эта переводная украинская пьеса часто ставилась на белорусской сцене в 1910-х гг. и была настолько популярна, что белорусы воспринимали Кропивницкого почти как своего национального автора. (Напомним, что с постановки «На ревизию» Кропивницкого на первой белорусской вечеринке в Вильно начиналось развитие белорусской сцены.) Газетной подписью давалась отсылка к реальной национальной практике, с которой рецензент был связан, т. к. играл эту роль и сознательно использовал имя вымышленного персонажа в качестве своеобразной театральной маски — авторской подписи. Псевдомаска с ходу позволяла продемонстрировать живую причастность автора к становлению национальной сцены, быть узнанным коллегами и одновременно позволяла чуть отдалиться, отстраниться от них, поскольку пишущий артист выступал в функции, ипостаси сторон-

него лица — непредвзятого критика. В 1917—1920 гг. роль Куксы часто исполнял член Товарищества, ставший артистом БГТ Н. А. Мицкевич. Ряд косвенных доказательств указывает на то, что под псевдонимом *Кукса* мог публиковаться Мицкевич, вступавший в начале 1920-х гг. на литературное поприще и никогда не игравший в театре под псевдонимами.

И со сценической практикой, и с журналистикой начала 1920-х гг. связана деятельность обладателя псевдонима *Янка Святляк*. Этот артистический псевдоним впервые появляется на белорусской сцене в сезон 1919/20 г., а затем был использован как авторский при написании газетных отзывов [6]. По сведениям, приводящимся Я. Соломевичем, почти идентичным псевдонимом *Янка Светлячок* подписывал корреспонденции для «Нашей нивы» в 1910—1915 гг И. Я. Гаевский, но маловероятно, что при почти полной тождественности журналистских псевдонимов за ними стояло одно и то же лицо.

Указанный сценический псевдоним создан по белорусскому названию светящейся в темноте букашки. Символические качества жучка, этого лучика света во мраке, — несущий свет, светоносный, освещающий путь, — фиксируют в слове самооценку человека-общественника, участвующего в становлении национальной культуры. Носитель псевдонима мыслит себя маленьким маячком, ориентиром для других. По своим функциям театральный светоизлучатель близок фигурам изобразительного аллегорического искусства — народным сеятелям света и просвещения и, освещая в периодической печати состояние белорусской сцены, приобщая к ней широкие слои публики, возложенную на себя просветительскую миссию артист сохранил.

Персональные заявки на лидерство Янки — *Святляк и Беларус*, ставшие артистами БГТ, не вполне оправдали и не выдвинулись в число ведущих исполнителей профессиональной белорусской труппы. Впрочем, в досоветский период они назначили себя на иную роль — общественника, духовного поводыря, декларировали желание формировать облик истинного патриота, приоритетно выделяя значимость национального самосознания. И эта гражданская позиция выброшена в псевдонимах как воззвание, а творческие амбиции на премьерство в них совсем не прослушиваются. Функции творческих лидеров возложили на себя уже носители других псевдонимов.

Среди первых артистов Товарищества Ф. П. Ждановича в 1917—1918 гг. был Арсений Иванов, петербуржец, обстоятельствами войны загнанный в Минск и присоединившийся к белорусскому культурно-просветительскому движению. В анкетной графе «происхождение» в первой половине 1920-х гг. он указывал либо «из дворян», либо «из интеллигенции». Судьба и деятельность этого человека — литератора, писавшего статьи и пьесы на белорусском языке, артиста и режиссера, руководителя — организатора двух важных для театральной жизни белорусов 1919—1920 гг. объединений — «Белорусское театральное общество» (драматическая секция) и «Товарищество тружеников белорусского искусства», совсем не изучена, а промелькнув-

шие сведения о нем не всегда достоверны. Покинув Товарищество Ф. П. Ждановича и став инициатором новых театральных начинаний, он заимствовал для псевдонима имя литературного героя поэмы Якуба Колоса *«Сымон Музыка»*. Выбор театральным деятелем псевдонима по имени литературного героя из белорусской книжной продукции, как правило, свидетельствовал, что носитель его следит за литературными новинками, апеллирует к авторитету национальных писателей и, тиражируя имена их героев, закрепляет значение того или иного литературного образа для художественной культуры. Известно, что поэма создавалась писателем на протяжении нескольких лет и в 1919 г. еще не была опубликована (только 1-й вариант поэмы написан автором в 1918 г.). Знакомство петербургского дворянина с рукописным наследием свидетельствует о его тесных контактах с писательской средой, поскольку, опережая время, псевдоним был введен в обиход раньше, чем широкая общественность узнала о литературном герое, крестьянском пастушке-самородке, с верой в силу собственного таланта отправившегося на поиски иной жизни.

Само слово «*Музы́ка*» в белорусской культуре использовалось для обозначения творческой одаренности и по смысловому наполнению было почти равнозначно словам Поэт, Художник. Им подчеркивались профессиональные умения, мастерство владения каким-то инструментом, не обязательно музыкальным — это могло быть слово или голос. Употребить в псевдониме слово «*музы́ка*» было равносильно тому, что сказать о себе «я — талант из народа», выразитель и певец его духа. Звучит не совсем скромно, с оттенком завышенного самомнения, но для деятелей, которые формировали в печати и на сцене национальное самосознание народа, это принималось за норму. Под псевдонимом *Артём Музыка* публиковал в 1912 г., например, свои произведения В. Ю. Ластовский.

Разговорный, сельский вариант слова музыкант — *музы́ка* — мужского рода. Вдохновитель, носитель и побудитель творческого начала в белорусской литературе, как правило, мужской персонаж. Это песняр, крестьянский поэт — музыкант и одаренность его природная, естественная, а душевная организация чуткая, отзывчивая; он способен искренне вбирать и переживать чужую народную радость и боль. Самородок, наделенный даром играть на дудочке или скрипке, тронуть слушателя материнской песней. Представление о таком художнике из народной гущи часто подразумевается в разных белорусских псевдонимах с «музыкальным» словом, только слова находятся их создателями разные, хотя очень близкие по смыслу. Один из артистов театральной труппы А. Иванова — А. А. Дайлидович называет себя *Дударь* (волынщик). Под этим псевдонимом он сначала играет на сцене, под ним затем публикуется в печати и получает широкую известность в 1920-е гг. Если исключить некоторую гендерную неловкость, то это всё лица, претендующие на роль белорусской Музы или ее служителей.

Псевдонимы, акцентирующие представительство «от национального искусства», участие в его создании, сходны с откровенно декларативными псевдонимами *Янка Беларус* и *Янка Святляк*, поскольку близки им по общественной миссии, которую возлагают на себя представители интеллигенции. Руководитель белорусского хора В. В. Теравский, выступая на концертах в этнографической вышитой рубашке, в 1919 г. активно обозначал себя под псевдонимом *Янка Песьняр* [7] и пополнял галерею сценических белорусских музык. В их окружении Арсений Иванов — фигура самая непроясненная. В публикациях национальной периодической печати 1920-х гг., анонсах и рекламных объявлениях много путаницы и противоречий. В написании часто объединены имя из псевдонима и настоящая гражданская фамилия — *Сымон Иванов*, и в таком варианте актер упомянут в трудах по истории белорусского театра В. И. Нефедом [8]. В официальных документах середины 1920-х гг. деятель проходил под псевдонимом *Сымон Музыка*, ставшим его «гражданским», общественным именем. В регистрационной карточке периода БНР (1918 г.) он объявлял себя как *Сымон Александрович Иванов*, в документах начала 1920-х гг. — *Арсений Иванов* [9].

Актерский состав, который удалось собрать в 1919—1920 гг. А. Иванову, для истории белорусского театра знаменателен. Под сценическим псевдонимом *Лапаць малодшы* выступал впоследствии известный артист БГТ-2 А. Ильинский, а под псевдонимом *Лапаць старэйшы* его брат — драматург Н. Ильинский. Можно предположить, что варианты сценического имени связаны с репертуаром, в котором были заняты гимназисты: оба «в очередь» репетировали роль Лаптя в детской сказке А. Гаруна «Дзіўны лапаць», написанной приблизительно в это же время. Но о постановке такой пьесы в период польской оккупации Минска театроведы не упоминают, и по сохранившимся архивным источникам подтверждения для этой версии тоже не найдешь. «Ну и прозвище же!» [10], — разводил руками местный рецензент, спровоцированный негламурным, намеренно эпатажным, но запоминающимся сразу псевдонимом.

Лапоть — обувка крестьянская, бедная, и использование этого слова выражает представление о белорусах как о народе сельском. Через мир крестьянской жизни подчеркивается связь с народом, и слово выбирается нелепое, с оттенком самоиронии, но домашнее, теплое, доброе, милое и «играющее».

Различные приметы крестьянского мира, вещные или выражающие состояние души, настрой, отложились в театральном псевдониме. Эмоциональные эпитеты, от которых образованы некоторые псевдонимы, описывают состояние духа или жизни человека и совсем не указывают на социальный слой, к которому он принадлежит; чувства всечеловечны и вненациональны. Однако некоторые слова, часто использовавшиеся в народнической по духу литературе, изображавшей деревенскую среду, стали расхожими штампами

речи, которыми обозначалась, маркировалась белорусская жизнь, и потому объяснение происхождения некоторых псевдонимов с ними автоматически соотносится.

О тяжелой доле белорусского мужика и его обделенности прямо «говорят» псевдонимы: *Бяздольны (*артист БГТ А. Лежневич, впоследствии сценарист и писатель) и *Гаротны* (т. е. горемыка, несчастный человек). Лицо, участвующее в спектаклях драматической секции Театрального общества под этим именем, точно не установлено: одни авторы считают, что это был впоследствии известный писатель и критик Адам Бабареко, другие — артист Адам Терех [11]. К повседневной жизни, которая безрадостна, угрюма, навевает грусть и скуку в так называемом «жанре белорусского плача», вероятнее всего, отсылает псевдоним *Сумны.* Явно не случайно его взяли сразу два молодых человека, поступивших в «Товарищество тружеников белорусского искусства».

Легендарная актриса белорусской сцены С. М. Станюта упоминала, что в юности, участвуя в спектаклях Товарищества Ф. П. Ждановича, придумала себе псевдоним *Алена Сумная* [12]. Сообщения мемуариста, правда, не совсем соответствуют фактам, зафиксированным периодической печатью 1920 г., где она называется *Ганка* (т. е. Анна) *Сумная*, и наименованию коллектива, в котором дебютировала актриса. А вот партнер, скрывавшийся за псевдонимом *Тодар Сумны,* пока не известен. Под псевдонимом *Алесь Сумны* публиковал тогда свои произведения Алесь Гарун (А. В. Прушинский) [13].

В списке лиц «Товарищества тружеников белорусского искусства» формально вроде бы все правильно и достоверно — указываются имя и фамилия исполнителя. Он опубликован в национальной печати [14], фамилии исполнителей затем повторены в отзывах рецензентов, и эти материалы автоматически обретают статус достоверных исторических источников, пригодных для воспроизведения и цитирования. Но когда необходимо точно идентифицировать каждое лицо труппы, узнать о нем побольше, то приходится сличать разные документы и выявлять совпадения — повторения инициалов и сходных по написанию или вариативному звучанию фамилий, попутно выясняя, не поменяла ли девушка фамилию после замужества. В ходе этого пристрастного дознания обнаруживается, что никакой расширительной информации по многим персонам Товарищества в архивных документах нет; упомянутые газетами исполнители выглядят довольно призрачными и загадочными фигурами белорусского возрождения. Вперемежку в печати названы лица с натуральными, гражданскими фамилиями и театральные химеры — лица, спрятавшиеся за временными псевдонимами. Чтобы провести первичную сортировку информации и отделить, где в списке указан псевдоним, требующий последующей расшифровки, а где настоящая фамилия исполнителя, порой приходится полагаться только на интуицию. Обостряется чутье к «театру звучащего слова». Особое недоверие вызывают женщины — «труженицы бело-

русского искусства» — *Паўліна Сьняжсынка*, *Лідзія Льдзінка*, *Галіна Аганёк*, *Юлька Васілёк,* но фамильная идентификация некоторых мужчин тоже под подозрением — *Сяргей Серга… Цімох Рунь… Мікола Менскі*. В этих фамилиях наличествуют разные признаки псевдонима.

Так, известный «поэт скорби», выходец из Беларуси Виленкин публиковался и получил широкую известность под литературным псевдонимом *Н. М. Минский*. Писатель в 1912 г. эмигрировал из России, а его стихами попрежнему зачитывалась молодежь, он оставался «в моде», находил поэтических поклонников и подражателей. Чисто случайные совпадения имени и фамилии у провинциального любителя театра и у видной, раскрученной персоны из популярной массовой культуры, конечно, возможны, но уж слишком соблазнительно было это «земляческое» имя и слишком трогательна история про выбившегося в большую литературу, в масштабные фигуры литературного небосклона земляке, чтобы какой-то начитанный юноша не воспользоваться брендом «Николай Минский» для китчевого сценического псевдонима. В имени и фамилии другого исполнителя — *Сяргей Серга* — настораживает, конечно, не столько значительно опередившая время мужская любовь к пирсингу и ушным подвескам, а двойное звуковое повторение корня *серг,* которое проявляет намеренность «поэтической рифмовки» и украшательски-декоративный характер сочетаемости слов.

Смущает изобилие «ботанических фамилий» на белорусской сцене. *Василёк* и *Рунь* (озимь, пробившаяся зелень) оказываются в естественном ландшафтном окружении. По визуальной картинке, жизненным территориям, где такие слова прижились, укоренились, общеупотребительны, сценические псевдофамилии из мира флоры близки «атмосферным псевдонимам», под которыми подающие надежды белорусской сцены играли в Товариществе Ф. П. Ждановича: *Зорка* (звездочка) и *Зарніца* (всполох, яркая вспышка на небе). Атмосферные осадки — *Сьняжсынка* и *Льдзінка* (из «Товарищества тружеников») — составляют коллекцию талантов, ожидающих разморозки, и продолжают наметившуюся тенденцию. Из слов, названий неузнанных и раскрытых псевдонимов просто складывается прогулочный маршрут для путешествия на лоне природы. Путь фантазии у женщин слишком часто пролегал через пейзаж.

Образ колючего вечнозеленого кустарника выбрала для себя Л. А. Сивицкая, назвавшись *Зоськой Верас*. Под этим литературным псевдонимом теперь известна белорусская писательница и общественница, принимавшая участие в постановках любительских и профессиональных белорусских трупп. (В архивных документах 1919—1923 гг. она упоминается как Ольга Верас.) Под своей настоящей фамилией участвовал в спектаклях «Товарищества тружеников» артист-любитель Михась Куделько, а вот его первые поставленные в этом коллективе пьесы шли под авторским псевдонимом *Чарот* (камыш, болотная растительность). В зоне лесного массива располо-

жился и псевдоним *Пралеска.* Носитель этого псевдонима указывается в сборнике белорусских псевдонимов Я. В. Соломевича, но, скорее всего, неверно. Составитель опирался на воспоминания актрисы О. В. Галины, которая сообщала, что под сценическим псевдонимом *Пралеска* на сцене Белорусского государственного театра выступала в 1923 г. актриса Новик. По архивным документам и сохранившимся афишам имя Маргариты Новик впервые встречается в 1920 г., и играла она в спектаклях под своей фамилией. Псевдоним *Пралеска* известен гораздо раньше, чем началась артистическая карьера Новик — в сезон 1917/18 г., когда в списке активных членов Товарищества Ф. П. Ждановича и в отзывах рецензентов указывается исполнительница *Геля Пралеска* [15].

Обширный перечень пседонимов из мира растительномй природы дополняет *Кветка* (цветок*)* — Екатерина Миронова (по архивным документам первых сезонов Елизавета) [16]. Под этим псевдонимом характерная актриса выступала во 2-й показательной труппе Главполитбела, а с переходом на сцену Белорусского государственного театра в программках указывалась только ее гражданская фамилия.

История появления театральных псевдонимов, рассмотренных по законам лингвистики как автономная лексическая система и как мир самостоятельной жизни слов, приносит любопытные открытия. Псевдоним является самостоятельяной языковой единицей и отражает специфические черты творческой и национальной ментальности белорусской сцены. Не претендуя на академическую «правильность» классификации, выявленные раскрытые и нераскрытые псевдонимы достаточно четко можно разделить на три доминирующие группы. Их образуют пейзажные псевдонимы, складывающиеся из слов растительного мира и атмосферных явлений. Затем идут «идейные» псевдонимы — манифестации глашатаев и светоизлучателей национальной жизни, общественников и творцов. Третью группу составляют псевдонимы, происхождение которых связано с игровым репертуаром, в котором изображается колоритный национальный типаж. Границы между этими группами достаточно условны и иерархическую очередность перечисления групп можно устанавливать в любой последовательности. Выделенная ось из блоков «ключевых слов» (природа — национальная идея — театральные сцены из сельской жизни) представляется содержательной. Псевдонимы — это только отдельные, разрозненные слова, но они сложились в целое предложение — самохарактеристику. От лица своих деятелей, участвующих в создании национальной культуры, Белорусский театр высказывается о себе поэтически: «Я — белорус-светлячек, обездоленный горемыка. Я — лапоть, певун-музыкант, звездочка в небе и родничек…».

В разноголосице белорусской сцены ранних 1920-х гг. слышатся нотки национального мессианства, наивный руссоизм, воспевающий экологически чистую среду обитания естественного человека, живая увлеченность массо-

вой популярной культурой. Псевдонимы горожан, создающих белорусское искусство, пронизаны, скреплены художественными образами сельской жизни и народническим мироощущением.

Использованные источники и комментарии

1. Статут першага таварыства беларускай драмы і камедыі ў Менску-беларускім // НАРБ. Ф. 368. Воп. 2. Адз. зах. 4. Л. 3об.
2. <Объявление> // Минская газета. — 1917. — 3 мая. — № 1693. — Л. 1.
3. См.: Саламевіч, І. У. Псеўданім тэатральны // Тэатральная Беларусь: энцыклапедыя / Пад аг. рэд. А. В. Сабалеўскага. — Мінск: БелЭн, 2003. — С. 275.
4. См.: Список артистов Белгостеатра на 2. 04.1921. Рукопись // НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Адз. зах. 1048. Л. 491; Спіс беларускай трупы на 1.09.1921. Рукапіс // НАРБ. Ф. 42, Воп. 1. Адз. зах. 1048. Л. 1046; Пратакол сходу працаўнікоў Беларускай трупы Беларускага Дзяржаўнага Тэатру аб рэарганізацыі тэатру і трупы. 30.08.1921. Рукапіс // Там жа. Л. 109; Спіс працаўнікоў Беларускага Дзяржаўнага Тэатру. 1926 г. // НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Адз. зах. 1064. Т. 1. Ч. 1. Л. 236—237 аб.
5. В документе «Статут першага таварыства беларускай драмы і камедыі ў Менску-беларускім» (Л. 10.) указаны также псевдонимы Ю. Петрович и Л. Тарасик; в монографии А. Я. Атрощенка «Фларыян Ждановіч: біяграфічны нарыс» (Мінск: Мастацкая літаратура, 1972) они не раскрываются. Предположение о носителе псевдонима *Янка Беларус*, ставшего в 1920 г. артистом БГТ, основано на сопоставлении именных списков труппы БГТ разных лет.
6. См., например: Янка Сьвятляк. Аб мове тэатра // Савецкая Беларусь. — 1921. — 31 жніўня. — № 192 (302). — С. 3. Под этим псевдонимом артист играл и в «Товариществе тружеников белорусского искусства». См., например: Натусевіч. Тэатр і мастацтва // Беларусь. — 1919. — № 49 (76). — С. 4.
7. См.: Театр и музыка. Белорусский советский театр // Звезда. — 1919. — 25 января. — № 356. — С. 3; Гарэцкі, М. Публіцыстыка 1918—1919 гг. / Уклад. В. Дз. Селяменеў, В. У. Скалабан; нав. рэд. М. І. Мушынскі. — Мінск: БелНДІДАС, 2000. — С. 137.
8. См.: Нефед, В. И. Становление белорусского советского театра. 1917—1941. — Минск: Наука и техника, 1965. — С. 26.
9. См.: Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі (Фонд № 582 Дзяржаўнага Архіву Літвы «Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі»). Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва таварыства беларускага пісьменства. — Т. 1. — Кн. 1, 1998. — док. № 1125, 1149. — С. 289, 313; Список артистов белорусской труппы г. Борисова. 1921 г. // ГАМО. Ф. 324. Оп. 2. Св. 7. Ед. хр. 90. Л. 132.
10. Знаёмы. Тэатр і мастацтва. «Раскіданае гняздо» // Беларусь. — 1920. — 3 сакавіка. — № 47 (103). — С. 4. В списках именного состава БГТ 1921г. братья указываются под общей фамилией *Лапоть* и различаются только инициалами.
11. См.: Конан, У. М., Бабарэка, А. А. // Тэатральная Беларусь. — Мінск: БелЭн. — Т. 1. 2002. — С. 72; Стэльмах, Дз. У., Васілеўскі, Ю. Р. Беларуская хатка // Там жа. — С. 112.
12. См.: Станюта, А. А. Стефания. — Мінск: изд-во «Мэджиик бук», 2005. — С. 16. В списке творческого состава БГТ актриса упомянута уже под своей гражданской фамилией.

13. См., например: А. Сумны. Багаты вы… // Зажынкі. Першы збор твораў беларускіх песьняроў і пісьменнікаў, вышаўшых з сям'і працоўнага народу. — М.: Выданьня Беларускага Нацыянальнага Камісарыяту, 1918. — С. 48.
14. См.: Беларуская хата // Беларусь. — 1920. — 27 лютага. — № 43 (99). — С. 3.
15. См.: Саламевіч, Я. У. Слоўнік беларускіх псеўданімаў і крыптанімаў (XVI—XX стст.). — Мінск: Мастацкая літаратура, 1983. — С. 102; Бушко, Т. Гісторыя псеўданіма (да 75-годдзя народнай артысткі БССР Вольгі Галіны // Літаратура і мастацтва. — 1974. — 22 сакавіка. — № 12 (2694). — С 9. Воспоминания актрисы опубликованы в записи и литературной обработке известного театроведа.

    Иного рода информация приводится в других источниках. В мемуарах актрисы П. В. Меделки (Мядзелка, П. Сцежкамі жыцця / Пад рэд. А. С. Ліса. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. — С. 113) указывается, что Г. Пралеска была первой женой Ф. П. Ждановича. По свидетельству Я. Дыло (Дыло, Я. Творы. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. — С. 327.) актриса покончила с собой в ноябре 1918 г. и вряд ли начинающая М. Новик, работая с бывшими партнерами Пралески, решилась бы присвоить псевдоним покойницы.
16. Псевдоним установлен по документу: Заява Е. Міронавай аб залічэнні ў лік артыстаў БДТ. Рукапіс. 08.1921 // НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Адз. зах. 1048. Л. 55.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15.04.2012

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

И. Н. Шпилевская
научный сотрудник отдела археографии
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: dokumentoved@tut.by

ШТАТНОЕ РАСПИСАНИЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1796 г.

По второму разделу Речи Посполитой (1793) административное образование Минское воеводство отошло под протекторат Российской империи. На этой территории Указом Екатерины II от 23 апреля 1793 г. были учреждены Минская [1, с. 3], Изяславская и Брацлавская губернии. Генерал-губернатором этих губерний был определен генерал М. Кречетников, правителем (губернатором) Минской губернии стал генерал-майор И. Н. Неплюев, поручиком — коллежский советник Михайлов. Назначенным должностным лицам были поставлены задачи: подготовить карты земель, провести перепись населения, провести выборы в судебные органы, подготовить штатные расписания учреждений для представления на утверждение и др. Проведению устройства губернии помешала нестабильная обстановка в приграничной губернии и, в частности, национально-освободительное восстание под командованием Т. Костюшко 1794 г. В апреле—мае 1794 г. российские войска под натиском повстанческих войск вынуждены были отступить до границы 1793 г. — до Минска, Несвижа, Пинска [2]. Новому генерал-губернатору Минской, Изяславская и Брацлавской губерний генерал-поручику Т. И. Тутолмину последовал ряд указов: повторено предписание, данное Кречетникову о принесении присяги на верность владельцами земель (19.04.1794 г.); устранению препятствий к обращению униатов в православие (22.04.1794); об укомплектовании фельдъегерских корпусов людьми с назначением двадцатилетнего срока службы (7.09.1794); введение в обращение ассигнаций (14.12.1794) и др. [3, с. 46, 47].

Вторым этапом по устройству Минской губернии стало «составление» Минского наместничества из 13 округов: Минского, Вилейского, Поставского, Докшицкого, Дисненского, Борисовского, Игуменского, Бобруйского, Мозырского, Давид-Городокского, Несвижского, Пинского и Слуцкого. В Указе от 3 мая 1795 г. губерния стала именоваться наместничеством [3, с. 25]. Наместнику и генерал-губернатору Т. И. Тутолмину указывалось в течение года устроить порядок в наместничестве на основе «Учреждения о губерниях» 1775 г. Торжественное открытие Минского наместничества было проведено Минским, Волынским, Брацлавским и Подольским генерал-губернатором Т. И. Тутолминым 25 сентября 1795 г. Во время торжественного собрания минский губернатор И. Н. Неплюев сидел «… ниже кресла наместника перед столом, накрытым малиновым аксамитом, с книгой губернских штатов и Жалованной грамотой дворянству» [4]. Подготовительная работа по созда-

нию Минской губернии, которая велась на протяжении 1795 и 1796 гг. в форме Минского наместничества, пришла в завершающую фазу к концу 1796 г. с оформлением Т. И. Тутолминым 20 сентября 1796 г. основополагающего организационно-финансового документа — штатного расписания Минской губернии, именуемого «Расчисление суммы на канцелярских служителей и на расходы по Минской губернии», которое он направил Минскому наместническому правлению вместе с препроводительным письмом.

Минская губерния была восстановлена 12 декабря 1796 г. одновременно с ликвидацией Минского наместнического правления.

Предлагаемый к публикации документ состоит из двух частей: препроводительного письма Т. И. Тутолмина «Минскому наместническому правлению Предложение», датированного 20 сентября 1796 г. и, собственно, штатного расписания, именуемого «Расчисление…». Это первое штатное расписание Минской губернии позволяет исследователю получить точные сведения о количестве и наименованиях всех учреждений губернии, их структуре, числе служащих, наименовании и составе должностей и должностных окладов служащих губернских и уездных учреждений в конце XVIII в., общее количество которых составляло 371 человек.

Документы выявлены в архивном фонде «Минское наместническое правление» [5] Национального исторического архива Беларуси. Публикуются впервые. Передача текста произведена с учетом рекомендаций по организации работы с историческими документами, разработанными Р. П. Платоновым и И. Г. Яцкевичем [6].

1. 20 сентября 1796 г. — Предложение генерал-губернатора Т. И. Тутолмина Минскому наместническому правлению об источниках финансирования, сроках выплат казенной палатой денег на содержание служащих, отчетности о расходах и организации типографии при губернском правлении.

Генерала аншефа, сенатора, Минского, Волынского, Брацлавского и Подольского генерала губернатора и кавалера Тутолмина*.

Минскому наместническому правлению

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Минской казенной палате от сего числа предписал я следующее: «Споспешествуя скорейшему с успехом и порядком отправления и производству дел в Минском наместничестве, устроенном по правилам Всевысочайших Ея Императорского Величества учреждений об управлении губерний, я, препровождая при сем расчисление суммы по высочайше изданному штату о наместничестве определенной на канцелярских служителей и на канцелярский

* В начале документа на Л. 397 на левом поле листа поперек написан исходящий № 4883, в верхнем левом углу верхнего поля листа №6004, а в верхнем правом углу дата: 2 октября 1796 г. и входящий №223.

расход и таковой же в числе четырнадцати тысяч пятисот рублей к ежегодному в течение четырех лет отпуску назначенной по всемилостивейшему Ея Императорского Величества особому повелению, которую предложением моим от 23 числа июня отлагать велено с сентябрьской трети прошлого 1795-го года, казенной палате предложить: первое — подлежащи предоставленным штатом и лицам должностями обязанным деньги количеством в расчислении ознаменованными немедленно в выдачу определить: сколько, кому причтется с сентябрьской прошлого года трети с прибавок к действительно до ныне отпущенными по штату, вследствие назначения посланного при предложении моем в наместническое правление от последнего октября под № 2785-м; второе — переводчикам в окружных городах жалованье из остающихся денег по расчислению выдать с действительного их определения к должности, а квартальным надзирателям с того времени, когда оные наместническим правлением в звании сим избранны и по утверждению мною для исправления возложенных должностей определены будут; а за тем третье — оставшиеся от неполного комплекта переводчиков и по неопределению до ныне квартальных надзирателей деньги с выдачи сим чинам подлежащие с сентябрьской трети прошлого года, то есть со времени отчисления особо всемилостивейше пожалованной суммы присоединить к общему остатку в расчислении показанном, и сохраняя оные особое с членов без всякого употребления прислать ко мне ведомость сколько оные приисполнили по сему моему предложению отложено будет; в прочем же четвертое — ежели из Всемилоствейше пожалованной от Ея Императорского Величества особой в числе четырнадцати тысяч пятисот рублей суммы были издержки по приглашению приказных из других губерний, в таком случае истребовать о расходе обстоятельный и верный отчет от тех, кому из сей суммы был отпуск денег для сего употребления, расположить действительно употребленные по сей надобности на те судебные места, для коих приказные служители вызывались, и соупотребленное в расход количество исдерже[к] из подлежащих им к отпуску предписание в первом пункте сего предложения». Извещая о сем наместническое правление я препровождаю здесь таковоеж означенных сумм расчисление и предлагаю: выпис[ать] из оного, что принадлежит до которого присутственного места и лиц должностями обязанных, известить о назначаемых к отпуску деньгах на канцелярских служителей и на канцелярский расход палаты, приказ общественного призрения, совестной суд, все губернские и уездные присутственные места, городничих, уездных казначеев и уездных стряпчих, а при том казенной палате дать знать, с которого времени состоят при должности распределенные в окружные города переводчики и когда квартальные надзиратели вступят в отправление службы позволить*. Из приложенного здесь упоминаего выше расчисления наместническое правление

---

* Так в тексте.

усмотрит, между прочим, предположение мое содержать при сем правлении по изъясненным там выгодам типографию для печатания циркулярных указов и тому подобного собственно по наместническому правлению и по другим представленным местам; а по основанию того исблаговолить ныне же по надлежащим и подробнейшем собрании сочинить и на утверждение мое представить примерное положение о содержании типографии на один стан, с означением: 1-е — сколько потребно денег для единовременного употребления на заведение типографии, 2-е—коликое число нужно иметь при оной каких именно мастеров, с каким каждому из них жалования в год или выплатов от работы; 3-е — сколько и на что следует употреблять в год по надобностям типографии, а таким образом из числа и выведя общче сумму ежегодного* расхода денег по содержанию типографии; 4-е — показать сколько числ[ов] сумм и каких именно полезных служителей должно будет убавить из числа назначенных в расчислении; в заключение же 5-е — означить определенную за[р]плату с мест за напечатание циркулярных указов или сношений, окладных книг, ведомостей и прочего поелику устроемые при наместническом правлении типография не может иметь денег окромя оборотного, убавков приказных служителей, ей назначаемого капитала, который по мере тисненья без ущерба выручать надлежит взносом денег от тех присутственных мест, по требованию коих циркулярные сношения, книги и тому подобное будет печататься.

Т. И. Тутолмин

Сентября 20 дня 1796 года
Подпись**

НИАБ. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 1. Л. 397—399 об. Оригинал. Рукопись.

2. 20 сентября 1796 г. — Штатное расписание Минской губернии

Расчисление

Суммы на канцелярских служителей и на расходы по Минской губернии определенной по высочайше изданному штату и особо прибавочных в каждый год 14500 по Всемилоствейшему Ея Императорского Величества имянному повелению.

В наместническом правлении	Полагается содержать людей и употреблять денег на жалованье и канцелярские расходы							
	из суммы по штату о наместничестве			из 14500 особо всемилостивейше пожалованных			а вообще из штатной и прибавочной суммы	
	число людей	им жалованья		число людей	им жалованья		число людей	всем им жалованья
		одному	всем		одному	всем		
Экзекутор	—	—	—	1	—	200	1	200

---
* Буквы неразборчивы.
** Подпись неразборчива.

При нем один копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
Протоколист	1	—	175	—	—	—	1	175
при нем копиистов	1	—	60	1	—	60	2	120
Регистратор	1	—	120	—	—	—	1	120
при нем копиистов	1	—	60	1	—	60	2	120
Архивариус	1	—	120	—	—	—	1	120
при нем копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
В первой экспедиции По 1 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
По 2 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
По 3 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	120	1	120
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
Во 2 экспедиции По 1 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
По 2 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	120	1	120
Его помощник	—	—	—	1	—	80	1	80
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
По 3 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	120	1	120
Его помощник	—	—	—	1	—	80	1	80
Вообще при правлении								
Переплетчик	1	—	60	—	—	—	1	60
Привратников	—	—	—	2	36	72	2	72
Курьеров	1	—	60	1	—	60	2	120
Сторожей	1	—	30	1	—	30	2	60
Кат	1	—	24	—	—	—	1	24

Сверх того на мундир привратникам по 20-и, а сторожам по 10-и в год	—	—	—	—	—	60	—	60
На курьерские посылки от генерал-губернатора и от наместнического правления и на канцелярский расход як то: на бумагу, сургуч свечи, дрова и на прочие издержки по наместническому правлению, для чертежной и по канцелярии генерал-губернатора, в которую по третьям года присылать или бумагу, сургуч и прочее в натуре, или же деньгами по сту рублей в треть; для курьерских же от генерал-губернатора посылок деньги будут требованы особыми предложениями взирая на надобность	—	—	1605	—	—	595	—	2200
Итого по наместническому правлению	17	—	3054	18	—	2017	35	5071

Из сего общего счета приказных наместническому правлению предоставляется убавить возможное число, с тем предложением, чтоб остающиеся по несодержанию их бы деньги обратить было можно на устроение при наместническом правлении типографии, главнейше по надобностям собст-

венно наместнического правления, казенной палаты и других судебных мест, а в коей с меньшею во времени потерею и с лучшею исправностию могли бы печататься циркулярные наместнического правления указы и публикации для народного сведения, окладные уездных казначеев и иные в судебных местах содержащиеся книги и настольные о денежной казне реестры и прочее, предписание гражданской палаты по запрещению в письме купчих крепосей и закладных и тому подобная циркулярная присутственных мест корреспонденция, письменное отправление которой идет везде крайне медленно и с потерею времени на производство других нужных дел и употребляется без нужды казны на содержание великого числа копиистов, коих исправно писать умеющих в здешних губерниях столь большим щетом иметь невозможно.

В Палате уголовной	Полагается содержать людей и употреблять денег на жалованье и канцелярские расходы						
	из суммы по штату о наместничестве			из 14500 особо всемилостивейше пожалованных			а вообще из штатной и прибавочной суммы	
	число людей	им жалованья		число людей	им жалованья		число людей	всем им жалованья
		одному	всем		одному	всем		
Протоколист	1	—	175	—	—	—	1	175
При нем копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
Регистратор	1	—	120	—	—	—	1	120
Архивариус	1	—	120	—	—	—	1	120
При нем копиист	—	—	—	1	—	120	1	120
По 1 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
По 2 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	120	1	120
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
Вообще при палате								
Переплетчик*	—	—	—	—	—	—	—	—
Привратник	—	—	—	1	—	36	1	36
Сторож	1	—	30	—	—	—	1	30
Кат	1	—	24	—	—	—	1	24
Сверх того на мундир привратникам по 20-и, а	—	—	—	—	—	30	—	30

* Переплетчицкое дело сей палаты исправлять может переплетчик наместнического правления.

сторожам по 10-и в год								
На канцелярский расход	—	—	162	—	—	8	—	170

Во Всевысочайше изданных от Ея Императорского Величества губернских штатах изображено: «весьма желательно да и наместнику государеву нужно поощрять, чтоб молодые дворяне по окончании наук употребляли себя к научению не меньше для них полезному знать законы своей земли и образ судопроизводства, а для сего бы определялись в приказы, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству преобретать от переж степеней канцелярских сведения и способности в делах и в них столько изощряться, чтоб могли, поступая в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей, ибо таковым преимущество всегда отдастся при выборе и определении в почотные места гражданских должностей». Во исполнение сей монаршей Ея Императорского Величества воли и Всевысочайшего повеления назначается между протчаго поместить в Палате уголовного суда одного из молодых дворян для практического познания законов и образа судопроизводства по части уголовной, а в следствие того и возлагается на господина председателя уголовной палаты вызвать из молодых дворян способного науки окончившего и употребить его к производству дел в палате. Приказать ему для большего навыка сидеть за протоколистским столом, которому жалованье определить по усмотрению прилежания и успехов в познании законов и порядка канцелярских дел производства, не выходя однако из годового 150-ти рублевого оклада до коле не поступит в соответственное способностям своим звание и место по высочайше изданному о наместничестве штату. Деньги на содержание при протоколистском столе молодого дворянина заимствовать из общего щота, полагаемого на жалованье канцелярским в палате служителям и на канцелярский расход по благоусмотрению председательствующего в палате уголовного суда и уменьшением числа не столь нужных приказных служителей и добрым хозяйством по канцелярскому расходу.

В гражданской палате	Полагается содержать людей и употреблять денег на жалованье и канцелярские расходы							
	из суммы по штату о наместничестве			из 14500 особо всемилостивейше пожалованных			а вообще из штатной и прибавочной суммы	
	число людей	им жалованья		число людей	им жалованья		число людей	всем им жалованья
		одному	всем		одному	всем		
Протоколист	1	—	175	—	—	—	1	175
При нем копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
Регистратор	1	—	120	—	—	—	1	120
Архивариус	—	—	—	1	—	120	1	120
По 1 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120

Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
По 2 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	120	1	120
Его помощник	—	—	—	1	—	80	1	80
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
Вообще по палате								
Надсмотрщик	1	—	100	—	—	—	1	100
Крепостной писец	1	—	60	—	—	—	1	60
Переплетчик*	—	—	—	—	—	—	—	—
Привратник	—	—	—	1	—	36	1	36
Сторожей	1	—	30	—	—	—	1	30
На мундир привратникам по 20-и, сторожам по 10-и в год	—	—	—	—	—	30	—	30
на канцелярский расход	—	—	169	—	—	31	—	200
Итого по гражданской палате	9	—	974	5	—	477	14	1451

Во Всевысочайше изданных от Ея Императорского Величества губернских штатах изображено: «весьма желательно да и наместнику государеву нужно поощрять, чтоб молодые дворяне по окончании наук употребляли себя к научению не меньше для них полезному знать законы своей земли и образ судопроизводства, а для сего бы определялись в приказы, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству преобретать от переж степеней канцелярских сведения и способности в делах и в них столько изощряться, чтоб могли, поступая в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей, ибо таковым преимущество всегда отдастся при выборе и определении в почотные места гражданских должностей». Во исполнение сей монаршей Ея Императорского Величества воли и Всевысочайшего повеления назначается между протчаго поместить в палате гражданского суда двух из молодых дворян для практического познания законов и образа судопроизводства по части гражданской, а в следствие того и возлагается на господина председателя гражданской палаты вызвать из молодых дворян двух способных науки окончившеих и употребить их к производству дел в палате. Приказать им для большего навыка сидеть за протоколистским столом, которым жалованье определить по усмотрению прилежания и успехов в познании

* Переплетчицкое дело по сей палате исправлять может переплетчик наместнического правления.

законов и порядка канцелярских дел производства, не выходя однако из годового 150-и рублевого оклада каждому до коле не поступят в соответственное способностям своим звание и место по высочайше изданному о наместничестве штату. Деньги на содержание при протоколистском столе молодых дворян заимствовать из общего щота полагаемого на жалованье канцелярским в палате служителям и на канцелярский расход по благоусмотрению председательствующего в палате гражданского суда и уменьшением числа не столь нужных приказных служителей и добрым хозяйством по канцелярскому расходу.

В казенной палате	Полагается содержать людей и употреблять денег на жалованье и канцелярские расходы							
	из суммы по штату о наместничестве			из 14500 особо всемилостивейше пожалованных			а вообще из штатной и прибавочной суммы	
	число людей	им жалованья		число людей	им жалованья		число людей	всем им жалованья
		одному	всем		одному	всем		
Протоколист	1	—	175	—	—	—	1	175
При нем копиист	1	—	60	1	—	60	2	120
Регистратор	1	—	120	—	—	—	1	120
при нем копиистов	—	—	—	1	—	60	1	60
Архивариус	1	—	120	—	—	—	1	120
при нем копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
В экспедиции Директора домо[во]дства По 1 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
По 2 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	120	1	120
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
В экспедиции советника палатного								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	—	—	—	1	—	80	1	80
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
В щетной экспедиции По 1 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	—	—	—	1	—	80	1	80

Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
По 2 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	—	—	—	1	—	80	1	80
Копиист	1	—	60	—	—	—	1	60
В экспедиции о строениях								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
В экспедиции губернского казначея По 1 столу								
Бухгалтер	1	—	250	—	—	—	1	250
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиистов	—	—	—	2	60	120	2	120
По 2 столу								
Столоначальник	1	—	120	—	—	—	1	120
Его помощник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	—	—	—	1	—	60	1	60
Щетчиков	2	30	60	—	—	—	2	60
Вообще по палате					—			
Переплетчик	1	—	60	—	—	—	1	60
Привратник	—	—	—	1	—	36	1	36
Сторожей при палате и в экспедициях	6	30	180	—	—	—	6	180
На мундир привратникам по 20-и, а сторожам по 10-и в год	—	—	—	—	—	80	—	80
На канцелярский расход	—	—	840	—	—	10	—	850
Итого в казенной палате	26	—	2985	13	—	966	39	3951
При губернском прокуроре и стряпчих								
Канцелярист	—	—	—	1	—	120	1	120
Подканцелярист	—	—	—	1	—	80	1	80
На канцелярский расход	—	—	—	—	—	60	—	60

Итого	—	—	—	2	—	260	2	260
Всего наместническое правление и на три палаты с губернским прокурором и стряпчими	59	—	7820	42	—	4094	101	11914
В совестном суде								
Протоколист	1	—	175	—	—	—	1	175
Копиистов	2	60	120	—	—	—	2	120
Сторож	1	—	30	—	—	—	1	30
Сторожу на мундир	—	—	—	—	—	10	—	10
На канцелярский расход	«	«	65	—	—	35	—	100
Итого по совестному суду	4	—	390	—	—	45	4	435
Верхнего земского суда В 1-м Департаменте								
Протоколист	1	—	120	—	—	—	1	120
При нем копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	1	—	70	—	—	—	1	70
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Во 2-м Департаменте								
Протоколист	1	—	120	—	—	—	1	120
При нем копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
По 1 столу								
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	1	—	70	—	—	—	1	70
Копиистов	2	50	100	—	—	—	2	100
По 2 столу								
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	1	—	70	—	—	—	1	70
Копиистов	2	50	100	—	—	—	2	100
Вообще при обоих департаментах								
Регистратор	1	—	100	—	—	—	1	100
При нем копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Архивариус	1	—	100	—	—	—	1	100

При нем копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Сторожей	2	30	60	—	—	—	2	60
Сторожам на мундир	—	—	20	—	—	—	—	20
на канцелярский расход	—	—	250	—	—	—	—	250
В том числе на переплетчика для всех уездных присутственных мест При прокуроре сего суда и стряпчих	1	—	70	—	—	—	1	70
Подканцелярист	1	—	70	—	—	—	1	70
На канцелярский расход	—	—	30	—	—	—	—	30
Итого на оба Департамента с прокурором и стряпчими	22	—	1830	—	—	—	22	1830

Во Всевысочайше изданных от Ея Императорского Величества губернских штатах изображено: «весьма желательно, да и наместнику государеву нужно поощрять, чтоб молодые дворяне по окончании наук употребляли себя к научению не меньше для них полезному знать законы своей земли и образ судопроизводства, а для сего бы определялись в приказы, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству преобретать от переж степеней канцелярских сведения и способности в делах и в них столько изощряться, чтоб могли, поступая в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей, ибо таковым преимущество всегда отдастся при выборе и определении в почотные места гражданских должностей». Во исполнение сей монаршей Ея Императорского Величества воли и Всевысочайшего повеления назначается между протчаго поместить в Верхнего земского суда в 1-м Департаменте одного, а во 2-м двух из молодых дворян для практического познания законов и образа судопроизводства по 1-му Департаменту уголовных дел по второму же гражданских, а в следствие того и возлагается на господ председателей Верхнего земского суда вызвать трез из молодых дворян способных, науки окончивших и употреблять их к производству дел в Верхнем земском суде. Приказать им для большего навыка сидеть за протоколистскими столами, которым и жалованье определить по усмотрению прилежания и успехов о познании законов и порядка канцелярских дел производства, не выходя однако из годового 150-и рублевого оклада каждому до коле не поступят в соответственное способностям своим звание и место по высочай-

ше изданному о наместничестве штату. Деньги на содержание при протоколистском столе молодых дворян заимствовать из общего щота полагаемого жалованья канцелярским в Верхнем земском суде служителям и на канцелярский расход по усмотрению председательствующих там и уменьшением числа не столь нужных приказных служителей и добрым хозяйством по канцелярскому расходу.

Губернского магистрата в 1-м Департаменте	Полагается содержать людей и употреблять денег на жалованье и канцелярские расходы							
	из суммы по штату о наместничестве			из 14500 особо всемилостивейше пожалованных			а вообще из штатной и прибавочной суммы	
	число людей	им жалованья		число людей	им жалованья		число людей	всем им жалованья
		одному	всем		одному	всем		
Протоколист	1	—	120	—	—	—	1	120
при нем копиистов	1	—	50	—	—	—	1	50
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	1	—	70	—	—	—	1	70
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Во 2-м Департаменте								
Протоколист	1	—	120	—	—	—	1	120
при нем копиистов	1	—	50	—	—	—	1	50
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	1	—	70	—	—	—	1	70
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
В обще по обеим Департаментам								
Регистратор	1	—	100	—	—	—	1	100
Архивариус	1	—	100	—	—	—	1	100
Сторожей	2	30	60	—	—	—	2	60
Сторожам на мундир по 10-и в год	—	—	20	—	—	—	—	20
На канцелярский расход	—	—	126	—	—	10	—	126
При прокуроре и стряпчих:								
Подканцелярист	1	—	70	—	—	—	1	70
На канцелярский расход	—	—	24	—	—	—	—	24

Итого на оба Департамента и на прокурора со стряпчими	15	—	1280	—	—	—	15	1280
Верхней расправы	—	—	—	—	—	—	—	—
В 1-м департа-менте	—	—	—	—	—	—	—	—
Протоколист	1	—	120	—	—	—	1	120
При нем копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Во 2-м Департа-менте								
Протоколист	1	—	120	—	—	—	1	120
При нем копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Вообще при обеих департаментах Верхней расправы					—			
Регистратор	1	—	100	—	—	—	1	100
Архивариус	1	—	100	—	—	—	1	100
Сторожей	2	30	60	—	—	—	2	60
Им на мундир в год по 10-и	—	—	20	—	—	—	—	20
На канцелярский расход	—	—	100	—	—	—	—	100
При прокуроре и стряпчих расправы:								
Подканцелярист	1	—	70	—	—	—	1	70
На канцелярский расход	—	—	21	—	—	—	—	21
Итого на оба департамента верхней расправы с прокурором и стряпчими	13	—	1111	—	—	—	13	1111
В приказе общественного призрения	—	—	—	—	—	80	1	80

Бухгалтера содержать из собственных приказа доходов								
Протоколист коему исполнять и регистраторскую должность	—	—	—	1	—	150	1	150
По 1 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	100	1	100
Копиист	—	—	—	1	—	50	1	50
По 2 столу								
Столоначальник	—	—	—	1	—	100	1	100
Копиист	—	—	—	1	—	50	1	50
Сторож	—	—	—	1		26	1	26
Ему на мундир в год	—	—	—	—	—	10	—	10
на канцелярский расход	—	—	100	—	—	—	—	100
Итого по приказу общественного призрения	—	—	100	6	—	486	6	586
В Уездном суде								
Регистратор он же и надсмотрщик	1	—	100	—	—	—	1	100
При нем копиист он же и крепостной писец	1	—	50	—	—	—	1	50
Архивариус	—	—	—	1	—	100	1	100
По 1 столу								
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	—	—	—	1	—	70	1	70
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
По 2-му столу								
Столоначальник	1	—	100	—	—	—	1	100
Его помощник	—	—	—	1	—	70	1	70
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Сторож	1	—	24	—	—	—	1	24
Ему на мундир	—	—	—	—	—	10	—	10
На канцелярский расход, а в том числе на переплетчика	—	—	114	—	—	36	—	150

для всех окружных присутственных мест								
Итого по уездному суду	7	—	588	3	—	286	10	874
А на все 13-ть уездных судов	91	—	7644	39	—	3718	130	11362
Сверх сего для оных в окружном городе судилищь полагается переводчик — 1 жалования 250-и, а в 13 городах 13 —3250 примечание: о подлежащих в жалованья сим переводчикам сумм означается и в окончании сего расписания								
По дворянской опеке приказных служителей брать по надобностиям из уездного суда								
На канцелярский расход	—	—	20	—	—	—	—	20
а на 13 опек	—	—	260	—	—	—	—	260
В Уездном казначействе								
Бухгалтер	1	—	100	—	—	—	1	100
Столоначальник	1	—	80	—	—	—	1	80
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Счетчиков	2	24	48	—	—	—	2	48
Сторож	1	—	24	—	—	—	1	24
Ему на мундир в год	—	—	—	—	—	10	—	10
На канцелярский расход	—	—	66	—	—	4	—	70
Итого по уездному казначейству	6	—	368	—	—	14	6	382

А на 13 уездных казначейств	78	—	4784	—	—	182	78	4966
В нижнем земском суде								
По 1 столу								
Столоначальник коему исправлять и протоколистскую должность	1	—	80	—	—	—	1	80
копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
По 2 столу								
Столоначальник								
ему же исправлять и регистраторскую должность	—	—	—	1	—	80	1	80
Копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
Сторож	1	—	24	—	—	—	1	24
ему на мундир	—	—	10	—	—	—	—	10
На канцелярский расход	—	—	34	—	—	36	—	70
Итого по нижнему земскому суду	4	—	238	1	—	126	5	364
А на 13 низших земских судов	52	—	3094	13	—	1638	65	4732
В нижней расправе								
По 1-му столу								
Столоначальник	1	—	80	—	—	—	1	80
копиист	1	—	50	—	—	—	1	50
По 2-му столу								
Столоначальник	1	—	80	—	—	—	1	80
Сторож	1	—	24	—	—	—	1	24
ему на мундир в год	—	—	—	—	—	10	—	10
На канцелярский расход	—	—	60	—	—	—	—	60
Итого по нижней расправе	4	—	304	1	—	—	4	304
А по шести расправам	24	—	1824	—	—	—	24	1824

При Уездном стряпчем								
Копиист	—	—	—	1	—	50	1	50
На канцелярский расход	—	—	—	—	—	19. 15. 4 8	—	19. 15. 4 8
Итого на стряпчего	—	—	—	1	—	69. 15. 4 8	1	69. 15. 4 8
А на 13 уездных стряпчих	—	—	—	13	—	899	13	899
При городничем								
Старший писец	1	—	80	—	—	—	1	80
на канцелярский расход	—	—	50	—	—	—	—	50
Итого на городничего	1	—	130	—	—	—	1	130
А для 13 городничих	13	—	1690	—	—	—	13	1690
Всего на всю губернию	371	—	31827	113	—	11062	484	42889

По сему расчислению штатной и Всемилостивейшее от Ея Императорского Величества на прибавочных канцелярских служителей и на другие надобности пожалованной суммы остается вообще ------------------------- -6110

Из оной

По предписанию моему от 6 числа декабря под № 3333-м поступить в выдачи определенным в каждом городе переводчикам для всех окружных присутственных мест по назначенному окладу жалованья в год одному 250, а всем -- -3250

Затем

По предложению моему от 20 числа сего сентября под № 4875 употребится на содержание квартальных надзирателей в казенных городах доколе Всевысочайше от Ея Императорского Величества штат благочиния по Минской губернии издан не будет и именно: в губернском городе Минске четырех, в уездных: Борисове — одного, Дисне — одного, Мозыре — двух и в Пинске — двух каждому по окладу ста пятидесяти рублей в год а на всех десять квартальных надзирателей -- -1500

За всем тем остающиеся по исчислению 1360 сохранять в казенной палате безо всякого употребления на особые по тому же предлоги надобности и расходы по собственным моим предписаниям

Т. И. Тутолмин

Скрепа: «Надворный советник Филипп Четвериков»

НИАБ. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 1. Л. 400—413. Оригинал. Рукопись.

Источники и литература

1. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения: 1793—1917: справ. / Сост. Т. Е. Леонтьева. — Минск: БелНИИДАД, 2006. — 392 с.
2. Паўстанне 1794 г. у Польшчы, Беларусіі Літве / А. Грыцкевіч // ЭГБ: У 6 т. — Мінск: БелЭН, 1999. — Т. 5. — С. 447.
3. Смородский, А. П. Столетие Минской губернии (1793—1893) / А. П. Смородский. — 2-е изд. — Минск: Типо-литография Р. Дворжеца, 1893. — 90 с.
4. Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. — С. 18.
5. НИАБ. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 1. Л. 397—413.
6. Рэкамендацыі па арганізацыі работы з гістарычнымі дакументамі (для навуковых выданняў) / Аўт.-склад. Р. П. Платонаў, І. Г. Яцкевіч. — Мінск: БелНДІДАС,1997. — 40 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.05.2012

П.-М. Бергер,
магистр гуманитарных наук,
бывший сотрудник Библиотеки Тюбингенского Университета,
peter-michael.berger@uni-tuebingen.de

ВОСПОМИНАНИЯ ФРИДРИХА ЛЮДВИГА ВАЙНБЕРГЕРА О НАПОЛЕОНОВСКОМ ПОХОДЕ НА РОССИЮ В 1812 ГОДУ

Предисловие

1. Автор

В июне 1812 г. сын аптекаря Фридрих Людвиг Вайнбергер (1794, г. Кенигсберг — 1869), 17-летний солдат-артиллерист, в составе частей гарнизона Кенигсберга был присоединен к наполеоновской артиллерийской гвардии. Он участвовал в военном походе на Москву, в марте 1813 г. ему удалось вернуться домой. Он был одним из немногих из его воинской части, кто выжил.

Несколько десятилетий спустя Вайнбергер составил манускрипт о пережитых событиях, возможно, на основании записок, сделанных еще в России, под названием «Воспоминания». Эта рукопись до сих пор не опубликована.

В Кенигсберге Вайнбергер стал кадровым офицером. В 1834 г. он получил звание капитана, а в 1849 г. стал майором[1]. На момент своей отставки в 1852 г. он был подполковником[2].

2. Текст

2.1. Особенности содержания

Строго хронологическую, часто фиксированную в датах и названиях населенных пунктов, последовательность событий военного похода Вайнбергер описывает от первого лица. Композиционно умело составлены пассажи с изложением впечатлений, размышлений общего характера, а также отрывки из изданной позднее литературы.

В отличие от прусского вспомогательного корпуса, который действовал у Риги, две артиллерийские роты гарнизона Кенигсберга были вынуждены маршировать вместе с французской артиллерийской гвардией. Тем самым они были вместе с элитными войсками, которые сопровождали ставку Наполеона. У Смоленска и при Бородино они участвовали в боях, при этом по стратегическим соображениям были подчинены другим корпусам. Рота, в которой служил Вайнбергер, участвовала в оккупации Москвы, была при пожаре города, при отступлении и переправе через Березину и дошла до конца военного похода, понеся большие потери. Количество потерь ужасает своими цифрами: оно составило 97%[3].

---

1 Rang- und Quartierliste der Königlich Preussischen Armee für das Jahr 1850. Nebst den Anciennitätslisten... Berlin, 1850. — S. 168, 389.

2 Offiziersnomenklatur, Geheimes Staatsarchiv PK, Berlin: IV. HA Preussische Armee Rep. 1 Geheime Kriegskanzlei Nr. 92: Weinberger, Ludwig.

3 Вайнбергер называет следующие цифры: из 400 солдат возвратилось 12 (с. 63).

Излагая пережитые события, автор упоминает при случае имена своих товарищей. Документальный характер имеет поименный перечень всех офицеров обеих рот[4], а также упоминание их судеб во время войны. Из других источников[5] известно, что имелись письменные рассказы о военном походе еще трех оставшихся в живых. В 1945 г. они были уничтожены в Военном архиве Большого Генерального штаба[6]. Таким образом, рассказ Вайнбергера, возможно, является единственным сохранившимся источником о вводе прусской артиллерийской бригады в военные действия как наполеоновского вспомогательного подразделения.

В «Воспоминаниях» Вайнбергера примечательным является то, что здесь речь идет от имени рядового солдата, хотя на момент составления и завершения манускрипта он был уже капитаном, позднее майором и, очевидно, пользовался позднейшей военной литературой[7]. Вайнбергер всегда описывает события с точки зрения молодого бомбардира[8], в то время как преобладающая часть многочисленных дневников и воспоминаний о наполеоновском военном походе принадлежит офицерам[9]. Их жизненные условия (т. е. условия выживания) нередко были менее тяжелыми, что могло ограничивать их перспективы видения реальности. Помимо того, у них были другие интересы, что придает их изложениям другой характер.

2.2. Главные события

Весьма объективно Вайнбергер описывает особенно опасные, болезненные, но также и успешные события и происшествия. Он разделяет и порой подчеркивает мучения и некоторые национальные клише, описанные многими другими участниками войны, с определенным сарказмом. В целом это крайне живые, но при этом сухо и некрасноречиво изложенные пассажи, которые придают его «Воспоминаниям» особое качество. Это особенно относится к «уводу» артиллерии Кенигсберга, смерти одного друга у Бородино,

---

4 Все офицеры названы с дополнением «мобилизован» (это означало прусские войска, входившие в состав Великой армии): Rang- und Quartierliste der Preußischen Armee von 1812. — Osnabrück, 1968. — S. 170 ff.

5 Holzhausen P. Die Deutschen in Russland 1812. — Berlin, 1912. — T. 1. Unter Napoleons Fahnen gen Moskau. — S. XXIX; T. 2. Der Passionsweg des Grossen Heeres. — S. 253.

6 Briefliche Mitteilung des Geheimen Staatsarchivs PK (30.03.2012).

7 Наряду со вставленными в текст цитатами (с. 63) его «Воспоминания» содержат различные рассказы о боях (например, при Смоленске и Бородино) со сведениями, которые превышают кругозор комбатанта Вайнбергера.

8 Артиллерийские солдаты рядового состава: http://de.wikipedia.org/wiki/Bombardiere (20.5.2012).

9 Murken J. Bayerische Soldaten im Russlandfeldzug 1812. — München, 2006. — S. 11. Эту работу, использующуюся в рамках особого исследовательского проекта «Опыты войн» Тюбингенского университета, можно привести в методическом отношении в качестве примера.

грабежам, ночлегу в доме одной московской семьи, разложению Великой армии из-за холода и голода, неоднократным попаданиям в плен к казакам, побегам, болезни и излечению, рассказу о нахождении в руках русских и, наконец, его возвращению домой.

2.3. Структура текста

После краткого исторического вступления текст можно разделить на четыре главы различного объема: 1. Вторжение и военный поход на Москву (~35%, 08.06.—14.09.1812), 2. Оккупация Москвы (12%, 15.09.—22.10.1812), 3. Отступление и побег из России (~40%, 22.10.—24.12.1812), 4. Нахождение под русской опекой и возвращение домой (~12%, 24.12.1812—06.03.1813).

Структуру и построение текста можно охарактеризовать как симметрично сконцентрированные у одного переломного момента (вывод войск из Кремля 22.10.1812). Главы 1 и 2, а также 3 и 4 попарно взятые почти одного и того же объема и описывают примерно одинаковые периоды времени. Вероятно, автор намеревался с помощью такого структурирования создать временные рамки для устного изложения «Воспоминаний» по главам.

В частях 3 и 4 та часть эпизодов, в которых Вайнбергер рассказывает об удручающих событиях, постоянно увеличивается в объеме. Такое развитие интенсивности, которое, в свою очередь, соответствует переносимой нужде, усиливает к концу текста напряжение еще больше — это можно рассматривать как способ драматизации.

В двух пассажах на страницах 3 и 4, а также 63 и 64 (здесь они выделены кавычками как цитата) имеются сведения об офицерах двух прусских рот. Тем самым ход событий внезапно обрывается[10]. Эти отрывки, возможно, взяты из «Военной хроники», сведения для которой собирали возвратившиеся солдаты[11].

3. Манускрипт

«Воспоминания» Вайнбергера представляют собой аккуратно написанную чернилами рукопись (шрифт — немецкая скоропись) объемом 78 страниц (около 23 000 слов). Очевидно, запись текста была закончена спустя много лет после возвращения автора из России, а именно, когда он в 1849 г. стал майором. Автор бегло пишет на литературном немецком языке без регионального оттенка. Предложения по структуре очень длинные, со многими придаточными частями.

Кустоды на страницах служат, предположительно, для облегчения устного изложения манускрипта. Названия населенных пунктов и имена, как и иностранные слова, выделены более крупным латинским шрифтом. Отсутст-

---

[10] См. сноску 6.

[11] При этом можно принять во внимание один из приведенных в сноске 4 источников.

вуют заголовки глав и подзаголовки, только абзацы придают работе определенную структуру.

Пунктуация того времени, кажется, учтена мало, в правописании же очень мало отклонений от норм. Редко встречаются описки, да и те отчасти исправлены самим автором (?). Некоторые названия и имена переданы в искаженной форме. Их происхождение можно объяснить, пожалуй, только опечатками в современной автору литературе.

Книга в твердом переплете с мраморной бумагой того времени имеет формат 34,5×21,5 см.

4. Провенанс

Манускрипт Вайнбергера находится и по сегодняшний день в частном семейном владении. Судя по записи «Фриш» на форзаце, манускрипт принадлежал двоюродному деду издателя, полковнику Вильгельму Фришу (1868—1952). Его жена Эльзбет Фрех (1869—1958) и жена Фридриха Людвига Вайнбергера Хенриетте Емилие Ессиг (1816—1884) являются потомками кенигсбергской семьи Завацки. Фридрих Людвиг Вайнбергер является прапрадедом издателя «Воспоминаний».

Хотел бы выразить благодарность г-же Анне Ёнер (Hanna Johner, M. A. исторические науки, 17 мая 2012 г., Роттенбург-на-Некаре) за перевод текста на русский язык, а также канд. ист. наук В. С. Позднякову за ценные замечания.

Воспоминания (личные) прусского бомбардира, ныне майора Вайнбергера, о походе французов на Россию под командованием Наполеона в 1812 году

[2]

В марте 1811 г. меня зачислили бомбардиром в 5-ю роту прусской артиллерийской бригады. Я остался довольным выбором и моей должностью, пролетел этот год очень быстро и, несмотря на боль, которую принесла мне внезапная смерть моего дорогого и любимого отца, достаточно приятно, как вдруг в начале следующего года раздалась барабанная дробь войны.

По-видимому, ненасытный завоеватель в результате Тильзитского мира соединился с еще более могущественной Россией, чтобы разделить вместе с ней мировое господство и наказать всего лишь одну страну, оставшуюся непобежденной — Англию, своего непримиримого врага. Всем было хорошо известно, насколько малую силу имели для французского властителя, который не признавал ничьего волеизъявления, кроме своего, священные договоры, и что эти договоры могли быть запросто расторгнуты, если они не содействовали в какой-либо мере его пагубным планам, а союзник не мог или не хотел подчиниться его воле.

[3]

Вот и этот союз был расторгнут, дружба прервана и было решено, что русский колосс, который не хотел подчиниться отведенной ему роли, должен

быть уничтожен. Для этого была произведена огромная подготовка, более чем полмиллиона солдат всех наций было приведено в движение, с ними следовали несколько понтонных команд, большое тыловое подразделение, много тысяч повозок со всевозможными продуктами питания, большое количество табунов волов, овец и другого скота и более чем 1400 боевых, отчасти влекомых волами, орудий. Маленькая Пруссия также должна была выставить половину своей армии, 20 000 человек. Высокопарное объявление войны огласило тем самым решение завоевателя мира и известило Россию об ожидающей ее судьбе.

Сердечно радуясь тому, что я не был одним из тех несчастных, которые должны были не по своей воле воевать в рядах заносчивых франков против соседнего государства, я ни в коем случае не завидовал тем моим товарищам, которых настиг этот жребий. Но я оказался в еще более плохом положении, чем они, мне предстояла более жестокая судьба. Вскоре после объявления войны в июне 1812 г. выступила маршем несколькими колоннами и в разных направлениях страшнейшая, но, определенно, красивейшая армия, которую когда-либо видели, чтобы начать бой против огромной Российской империи. Одна из них прошла через мой гарнизон и родной город Кенигсберг. В ней находились все без исключения гвардии во главе с любимым императором, который делал передышку на несколько дней в этом городе. Здесь он узнал, что еще две артиллерийские роты прусской артиллерийской бригады входят в состав гарнизона, посчитал это очень излишним и решил их использовать для более насущной цели.

Это были 5-я рота, в которой я состоял, и 7-я, обе насчитывали около 400 человек, включая унтер-офицеров и горнистов. Первую возглавлял временно исполняющий обязанности лейтенант второго ранга Фалькенберг, ибо

[4]

командир этой роты капитан Гаузе был болен. Вторую возглавлял капитан фон Шмидт. В 5-й находился еще как второй офицер лейтенант второго ранга Гоеч, в 7-й эту должность занимал лейтенант второго ранга Биловиус. Позднее были к этой роте прикомандированы штаб-капитан Зоммер и лейтенант первого ранга Виттэ, но их не было видно. Последовал приказ его императорского величества выставить для парада 8 июня в 12 часов в Королевском саду обе роты с поклажей. Не подозревая, что мы никогда не увидим наших казарм, и надеясь по истечении нескольких часов вернуться, мы думали только об одном — явиться как можно в более безукоризненном виде и не снабдили себя тем, что требовалось для 24-часового отсутствия в гарнизоне. Наши военные ранцы были набиты соломой, у нас не было ни воды, ни хлеба.

Итак, прибыли мы к указанному времени в Королевский сад, построились в ряд. Наполеон бросил на нас беглый взгляд и удалился, не приказав нам возвращаться в казармы. После многочасового ожидания мы получили ужасное распоряжение — маршировать к воротам Закхаймер, построиться и

ждать там прибытия французской артиллерийской гвардии, к которой мы должны были присоединиться и следовать с ней. Около 3 часов пополудни мы подошли к названным воротам и построились у них, как нам было приказано. Мы были очень возмущены этим

[5]

бесцеремонным деспотическим обращением, тем самым возросла наша ненависть к нашим дорогим союзникам, которую мы носили в наших сердцах. Мы должны были все же подчиниться власти и безропотно ей следовать. Наше состояние было в высшей степени печальным. К счастью, мы узнали, что те войска, с которыми мы должны были следовать, покинут Кенигсберг только лишь в 9 часов, и что они всю ночь будут маршировать. В этой новости было для нас, по крайней мере, то хорошо, что нам дали время идти, точнее, бежать в город и запастись всем тем, что было необходимо для дальнего марша. Каждый должен был как можно быстрее и полнее снабдить себя всем необходимым и сразу же вернуться в строй. Едва вернулись из города последние солдаты, как явилась в установленный час французская гвардейская артиллерийская рота и прошла мимо нас торжественным маршем, весело и радостно, мы же последовали за ней печально, сдерживая злобу в сердце, и маршировали с ней всю ночь до Тапиау, куда прибыли в обед следующего дня. Мы должны были остановиться на площади; жители города снабдили нас продовольствием. После почти четырехчасовой передышки мы получили новый приказ отправляться в путь к Велау, который мы достигли в тот же день и в котором нам дали один сарай для стоянки, а также небольшое количество мяса и хлеба, чтобы мы могли немного утолить наш голод. Ничтожная заботливость и внимание к нашему питанию и крову, которое нам уделили на родине, строгость, с которой нас охраняли и при этом не разрешали ни единого выхода, не оставляли хороших надежд на будущее,

[6]

когда мы достигнем вражеской страны и начнется война. Мы были очень недовольны и ожидали самого страшного для нашей судьбы. Наше недовольство, а также ненависть к нации, которая нанесла нашей родине глубокие раны, еще беспрестанно истекающие кровью, еще больше усилились, когда мы узнали, что враг всех законов и договоренностей без ведома и воли нашего почитаемого несчастного короля насильственно нас забрал, то же самое, что и украл. Только с отвращением мы могли воевать в его рядах для совершенно чужого для нас интереса.

Так как наши офицеры не владели французским языком, мы получили переводчика, но на нашем дальнейшем марше на Вильно, в которую мы двинулись на рассвете, он не принес нам никакой пользы, потому что мы должны были постоянно жить в биваках. У нас не было достаточного продовольственного снабжения, мы получали лишь немного испорченных продуктов питания, так как наши дорогие друзья оставляли самое лучшее себе. Мы часто

страдали от голода и жажды и, чтобы их хоть немного утолить, мы были вынуждены подражать нашим почитаемым союзникам и насильно добывать еду там, где они оставляли нам немного остатков, при всем своем умении грабить и похищать, но часто они нам и этого не позволяли и жестоко прогоняли нас. Мне,

[7]

кому еще никогда не приходилось покидать свой родной город, расстояния в 7 верст без передышки делали этот марш вдвойне болезненным. Ведь кроме голода, жажды и усталости мучили меня еще и мои ноги, которые были полностью в мозолях, и я был на грани отчаяния. К моему большому счастью, нашлась одна сочувствующая французская душа, которая увидела меня шатающимся и посоветовала проколоть мозоли штопальной иглой, заправленной шерстяной нитью, и оставить там маленький кончик нити, чтобы вывести из мозоля жидкость. Это средство подействовало, что освободило меня от болей, я применял его с тем же успехом и в дальнейшем — благодарность, сердечная благодарность этому сочувствующему французу! — хорошим советом нельзя никогда пренебрегать, и не важно, кем он дан.

Мы достигли, хотя и быстро, но в страданиях и нуждах, Вильно и надеялись на благоприятное изменение нашего печального состояния. Но мы очень заблуждались, так как это был лишь только пролог ужасной трагедии. Нас расквартировали в пригороде у реки Вилия, у польских евреев, и наши дорогие друзья проявили здесь свою большую заботу, потому что это были самые плохие квартиры во всем городе, грязные, вызывающие рвоту дыры. Но мы радовались даже тому, что нам не пришлось разбивать лагерь. О несчастье! Грязь наших хозяев, производительница и кормилица одного определенного рода паразитов, которые известны своей верностью к польской еврейской расе, имела для нас самые печальные последствия,

[8]

так как эти милые зверушки перебрались на нас, истязали и пытали нас самым ужаснейшим образом, многих — вплоть до последнего часа плачевной жизни.

После двадцатидневного отдыха и восстановления сил в таком приятном обществе последовали мы приказу к выступлению не с малой радостью. Еще до этого мы получили от наших французских друзей несколько фунтов риса и сухарей с настоятельным приказом использовать их в самом крайнем случае, а от наших дорогих хозяев мы получили на долгую память их гостеприимный прием, много верных спутников и размножителей нашего дальнейшего горя. Необозримый поток был сразу же приведен в движение, мы присоединились к нему и напряженным маршем пытались настигнуть спасающегося бегством врага. Мы сделали в ночи, как обычно, вблизи одной деревни, всего лишь один привал и разбили лагерь, но как только начало светать, мы двинулись дальше. Как только разбивался такой бивак, солдаты бро-

сались в дома и грабили все, что им не отдавали по своей воле. Из муки, которую они находили, месили сразу же тесто; топили печи, которые были в каждом деревянном доме, и пекли хлеб, потом в недалеко расположенном биваке разводили огонь и готовили еду, при этом нередко случалось, что огонь перекидывался на находящиеся вблизи лагеря дома; целые деревни

[9]

и усадьбы сгорали дотла, и некоторых солдат, которые были в поисках добычи, настигала ужасная смерть. Офицеры жили в основном тем, что с ними делили их подчиненные и смотрели с некоторым ужасам сквозь пальцы.

По пути из Вильно мародерство нарастало, все больше становилось ужасных разбоев, совершаемых мародерами, число которых в такой большой армии в ходе утомительных походов и при плохом снабжении питанием росло с каждым днем и было неизбежным. Чтобы это безобразие хоть как-то контролировать, Наполеон повелел жандармам и мобильным колоннам следовать за армией, но и они помогали мало чем. Когда запоздавшие прибывали к их командирам, их обыскивали офицеры или товарищи, и те, у которых находили что-либо украденное, наказывались по мере их проступков. Наказание состояло обычно в том, что виновных заставляли некоторое время маршировать в вывернутой наизнанку шинели или же их клали на копу соломы и наносили туфлями или ботинками их же товарищей несколько, в зависимости от их проступков, ударов в зад, для забавы близстоящих.

Обещание, что обеим ротам выделят орудия, которыми будут командовать наши офицеры, не было исполнено. Наши офицеры не получили разрешения командовать, они должны были постоянно находиться в обозе; к тому же мы использовались как обычные команды отчасти для подвижных составов, отчасти для обслуживания различных батарей, меня распределили для этого задания в одну из французских батарей. Это пренебрежительное обхождение ожесточало наше отношение к ложным друзьям. Здесь я не могу не отметить, что все без исключения орудия армии

[10]

постоянно следовали без обслуживающего персонала и что этот персонал распределялся по полкам и получал орудия только тогда, когда мы приближались к врагу; как только сражение или бой кончался, мы шагали дальше и снова, как было сказано, объединялись. Так было и с нами, мы собирались снова вместе, но с каждым разом нас было все меньше.

В конце июля мы достигли Бешенковичей (Bezen Kowiczi) недалеко от Витебска (Witepsk), это было место, где разные колонны Великой армии должны были соединиться и отдохнуть. Кавалерия, пехота и артиллерия напирали друг на друга. Уморенные напряжением и форсированным маршем, гонимые голодом и жаждой, с нетерпением мы желали быть первыми. В высшей степени раздраженном состоянии все дико спешили ворваться в город и

тогда разбежались по улицам. Некоторые искали продукты питания, некоторые фураж, а некоторые квартиры. Сталкиваясь друг с другом по пути, толкаясь, все больше людей устремлялось сюда. Это был большой хаос. Адъютанты, курьеры с важными и неотложными приказами напрасно пытались пробиться через толпу, солдаты не слушали ни их выкриков, ни приказов. На дорогах возникали ужасные потасовки, у входов в дома, в которые одни хотели ворваться, а другие упорно их защищали, солдаты избивали друг друга. И в домах продолжался этот беспорядок.

Но несмотря на хаос и сумятицу, смешение

[11]

разных родов войск и колонн, как только был дан приказ к выступлению, выстроились те же самые войска за невозможно короткое время снова. В полночь мы покинули город и двинулись в направлении деревни Островно (Ostrowo). Скорость, с которой мы двигались, спешка, в которую были вовлечены я и солдаты французской батареи корпуса короля Мюрата, позволяла нам предполагать близость врага и ожидать сражения. Мы нашли противника вблизи Островненских лесов, он сразу был стремительно атакован, разбит и загнан назад в вышеназванные леса. Вскоре после этого мы увидели его на новом месте, здесь мы напали на него, но поначалу не с таким хорошим успехом, как в первый раз. Одновременно несколько подразделений выдвигались из лесов, мы вынуждены были их обходить, обход с левого фланга решил сражение в нашу пользу. Русские были разбиты и поспешно отошли назад в леса.

Тем временем наступил обед, мы разбили бивак и искали, где можно было бы добыть себе продукты питания. К сожалению, враги оставили мало чего, и мы страдали от голода и жажды.

На основе рекогносцировок, которые проводились, можно было сделать вывод, что в ближайшие дни ожидалось столкновение с русскими силами, что привело бы к бою. И на следующее утро, когда мы выступили, то нашли лагерь русской армии около Витебска. Она выдвинула вперед значительный авангард, который своим левым флангом примыкал к роще. Наш

[12]

авангард пошел сразу через Двину (Düna), итальянские войска следовали за кавалерией корпуса Мюрата. Русский авангард у рощи, к которой он примыкал своим левым крылом, подвергся атаке, началось жестокое сражение, которое закончилось лишь к обеду в пользу французов и в итоге которого русский авангард был вынужден отступать. Несмотря на приказ Наполеона преследовать врага далее и поскорее напасть на его основную армию, нам позволили оставшийся день и ночь провести в лагере и ждать распоряжения насчет решающего боя на следующий день. Это было 28 июля, а когда мы на рассвете двинулись дальше, то, к нашему большому удивлению, не встретили врага. Он, как мы позднее узнали, вернулся в эту ночь в Смоленск.

Мы двинулись в покинутый врагом и большинством жителей Витебск, в котором осталась только грязная и алчная польская еврейская голытьба. Это означало, что поход 1812 г. закончен, Витебск будет укреплен и использован как центр оборудованного траншеями лагеря. Были сооружены различного рода укрепления, построено большое количество печей, снесены некоторые дома у императорского дворца, в общем, были приняты меры, которые позволяли предположить это намерение.

[13]

Четырнадцать дней мы бестолково провели в Витебске, где занимались маневрами на французский лад, пока не получили приказ к выступлению. Могущественный император вдруг изменил свои планы. Мы повернули на Смоленск, но и по дороге на него не было ни души, остались только польские евреи, эти отвратительные вонючие торгаши, и мы были вынуждены с ними дружить до самых Ляд (Liady), где начиналась древняя Россия — там заканчивалось их царство и мы видели только немногих из них.

Недостаток продуктов питания чувствовался все более, где можно было что грабить, все было уже разграблено. Продолжительная жара иссушила все, не хватало питьевой воды, мы были вынуждены использовать для питья воду из луж, так как не хотелось погибнуть от жажды. Это снова вызвало мародерство и повлекло за собой появление многих больных.

Порядку пришел конец. Никто не задумывался о своем ужасном поведении, все только спешили вперед, и никому не было дела до той мерзости, которая оставалась после армии.

[Потом последовали битвы под Смоленском, Бородино и занятие Москвы. 22 октября для бомбардира Вайнбергера началось отступление. Под Красным он был захвачен казаками в плен, но ему удалось бежать].

[49]

Нам хоть и посчастливилось убежать, но куда же было нам податься, чтобы нас снова не схватили? Повсюду, куда не глянь, на горизонте виднелись костры, которые мы должны были стараться обойти. Под муками ужасного страха, под пытками изнуряющего голода и жгучей жажды, уставшие и слабые, мы бежали в безумии целую ночь, каждый шаг приносил боль, так как с того дня, когда жестокий казак забрал мои сапоги, мне пришлось шагать на ужасном холоде босиком. Когда, наконец, наступило утро, то наше мучение достигло предела. Страх, голод, жажду, холод и усталость невозможно было больше терпеть — мы приняли в полном разочаровании

[50]

решение подойти к первому попавшему лагерю и сдаться на милость или немилость. Но кто бы мог описать словами наше удивление, наше восхищение, когда мы увидели сидящих у огня французов, и я узнал род войск, к которому сам принадлежал! Плюс ко всему этому нашлась одна сочувствующая душа, которая дала мне несколько портянок, чтобы я мог обмотать ими

мои стертые до крови ноги, чтобы хоть как-то защитить их от холода и дальнейших ран. Но не долго пришлось нам здесь отдыхать, так как вскоре после нашего прибытия французы снова отправились в путь, и я, совсем уставший и обессиленный, должен был идти вместе с ними. При всех этих напастях мне повезло, за что я Творцу бесконечно благодарен, — я себя хорошо чувствовал и все еще сохранял силы терпеть мучения, в то время как многие французы и некоторые мои товарищи падали от телесных мучений и их судьбы были обречены.

Так продолжался марш, скорее, бегство, безудержимо вперед — едва был разбит лагерь, как снова нужно было его покидать. Все эти убогие места передышек каждый раз были усеяны из-за холода и голода мертвыми и умирающими.

Но мало было того, что мы так ужасно страдали от голода и холода и что казаки постоянно нагоняли на нас страх, еще один враг — паразиты — мучил нас таким страшным образом, что некоторые были буквально ими съедены. Так, я видел одну такую жертву, образ которой все еще стоит перед моими глазами и вызывает дрожь. Унтер-офицер и каптенармус прусской 5-й артиллерийской роты Вегнер, у которого были обморожены руки и который поэтому не мог себя

[51]

чистить, вдруг умер вечером на биваке. Он часто жаловался, что его страшно мучают паразиты и что он это больше не может терпеть. Мы сняли с него одежду и обнаружили на теле множество ран, в которые вгрызлось это ужасное исчадие и поселилось там, возможно, это и была причина его смерти.

Одежда приходила в негодность, некоторые едва могли прикрыть свою наготу. Ситуация обострялась с каждым днем и дошла до того, что при той вседозволенности, которая и без того царила, каждый был вынужден заботиться лишь о себе самом — сильнейший со слабого, здоровый с больного беспощадно срывал одежду и одевал на себя. Мясо павших лошадей было нашей единственной повседневной пищей, с помощью которой мы могли продлевать нашу жизнь, но и его становилось все меньше. Но были среди нас и такие, которым легче было умереть, чем съесть вызывающее отвращение блюдо или накинуться с голодной яростью на тела умерших товарищей. Так, был среди нас один бомбардир, чье имя я забыл, у которого было такое отвращение к конине, что его ни при каких обстоятельствах нельзя было уговорить взять даже маленький кусочек этого мяса, и он был готов идти навстречу голодной смерти, не в силах побороть свое отвращение. К тому же его одежда была совсем разорвана, и он представлял самое жалкое зрелище среди нас, несчастных. От голода этот человек однажды вечером в лагере впал в безумие, бросился на труп одного француза, который лежал неподалеку, и начал его глодать — мы даже не успели заметить мяса на его ребрах. Наши упреки

и просьбы, чтобы он это прекратил, были напрасны, и только с большой силой нам удалось

[52]

оттащить его от мертвого тела, к которому он все равно, сам тому не веря, снова подполз и где мы его потом на следующее утро нашли мертвым.

С каждым днем становилось все холоднее, невыносимее, в лагерях не хватало дров. Мы сделали привал вблизи одной деревни и, так как дома русских деревень были построены только из лежащих одно на одном бревен, не прошло и часа, как деревня исчезла с лица земли. Бревна, длинные и громоздкие, да и все остальное от домов, что могло использоваться как горючий материал, пошло в лагере на костры. У одного такого костра мы увидели утром, когда отправились снова в бегство, многих солдат мертвыми, наполовину сгоревшими — холод пригнал их к костру и они из-за слабости там уснули.

Наши орудия мы потеряли еще под Красным, как было ранее сказано, так же не было никого, кто бы нами командовал. У каждого была полная свобода идти туда, куда ему захочется. Вечером, когда мы делали передышку, от главной группы сразу же отходили те, кто решался податься маленькими или побольше отрядами в деревни, чтобы искать продукты питания. И я часто отправлялся с моими товарищами. Среди нас каждый раз был тот капельмейстер, который так удачно освободился из церкви. Нам всегда удавалось вернуться. Однажды я решился пойти на такую вылазку с ним. В этом вояже рассказал он мне, что в его обуви спрятано несколько золотых монет, которые нам позже, когда мы подойдем поближе к прусской границе, возможно, окажутся очень полезны. Он пообещал по-братски поделиться ими со мной, и мы уже строили планы, для чего можно было бы это сокровище использовать. Так подошли мы к лежащей недалеко в стороне от главной дороги деревне, которую

[53]

не покинули ее жители. Здесь мы разделились, следуя мнению, что будет лучше, если каждый сам себе найдет дом, который, как мы надеялись, скорее примет и даст приют одному, чем двоим. Мы решили, что если нас примут, то останемся здесь на ночь. При расставании я дал ему обещание забрать его завтра утром как можно раньше, чтобы вместе с ним поспешить дальше по главной дороге. Я запомнил, к какому дому он направился, и вошел в близлежащий дом. Там я застал жильцов, стоящих у постели больного ребенка в полном отчаянии. Они меня даже поначалу, казалось, совсем не замечали. Я подошел поближе и попытался им объяснить мое намерение и мое состояние, на что после моих долгих просьб и уговоров мне дали разрешение оставаться. Мне дали немного капусты (Kapusti) и выделили место у печи. После того как я жадно проглотил эту вкусную пищу, мне захотелось прилечь и отдохнуть, но стоны ребенка и его постоянный крик «пить, пить» («pietc, pietc») да к тому еще причитания и стенания стоящих поначалу мне

мешали, но, наконец, от усталости я глубоко уснул. Я проспал несколько часов, пока меня не разбудили крики жильцов, и тогда увидел, что ребенок лежал в постели мертвым, а вокруг него плакали и кричали. Я подошел поближе, хотел их утешить, поблагодарил и собирался уйти, как вдруг отец ребенка — возможно, смерть сделала его сострадающим — подарил одну пару обуви из лыка, которую обычно носят поляки. Для меня это был неоценимый дар, который долгое время мне верно служил. Я с радостью вышел и поспешил к моему товарищу по несчастью, который стал мне очень дорог. Я открыл дверь его дома, вошел, но сразу же подался от ужаса назад, так как мой друг лежал там мертвый, истекая кровью, весь в ранах. Вокруг него было много крестьян, они обыскивали его и раздевали —

[54]

ужасное зрелище! Когда они меня заметили, дали понять, что меня ожидает не лучшая участь, если я сейчас же не уберусь. Это был не тот момент, чтобы терять время и раздумывать, я скорбно взглянул последний раз на тело моего несчастного товарища и побежал так быстро, как только мог, к главной дороге, где я вскоре соединился с моими оставшимися товарищами по несчастью и продолжил с ними бегство.

Несмотря на то что новые вылазки были такими же тяжелыми, как и предыдущие, нам очень часто становилось дурно от того неописуемого голода, который нам приходилось терпеть, и при недостатке конины нас нельзя было удержать совершать эти вылазки снова и снова. Так, вскоре после вышеописанного случая мы одним вечером снова отправились искать пристанище. Мы нашли его, и на этот раз все прошло благополучно. Я имел неосторожность раньше, чем остальные, податься в обратный путь. Когда я увидел на расстоянии в несколько сотен шагов отряд казаков на лошадях, сразу же повалился наземь, думая таким образом спрятаться от соколиных глаз. Но как раз это и выдало меня, так как один из зорких неистовых казаков заметил мое движение и поскакал с нацеленной пикой на меня. Мне оставался выбор — подняться и сдаться ему или позволить себя лежащего пронзить. Я выбрал, конечно, первый вариант и быстро вскочил. В этот момент он был так близок ко мне, что только с помощью случайного движения моего тела мне удалось уйти от его чертовского инструмента. Он проскочил совсем близко от меня, потом остановился, повернулся и поскакал, матерясь, ко мне. Я собрался с мужеством, постарался ему объяснить, что я пруссак, и попросил пощады. Он выслушал спокойно, слез с коня, обыскал меня и, так как ничего не нашел, чем можно было бы себя обогатить, то дал мне понять, что

[55]

сомневается, что я пруссак. Но когда я пытался его в этом убедить, он мне поверил, так как обнял, поцеловал и сказал: «Пошел, пруссак, пошел» («Poscholl, Prussak, poscholl») и позволил мне идти дальше. Будучи счастлив, соединился я снова с моими товарищами и поспешил с ними дальше. Мы при-

ближались к городу Борисов на Березине, от него мы были на расстоянии в несколько миль. Там Наполеон повелел сжечь ненужные повозки и транспортные средства всех корпусов, а также многих орлов, и запрячь лошадей сожженных повозок в орудия, чтобы их увезти. Из кавалеристов, которые лишились своих лошадей, были сформированы батальоны, вооруженные большей частью карабинами.

Почти все офицеры, даже многие штаб-офицеры были вынуждены продолжить марш пешком, никто не обращал на них внимания, каждый старался как можно быстрее убраться. Всякому порядку пришел конец — все находилось в беспорядочном состоянии. Подобно привидениям шли, шатаясь, ранее гордые воины, в большинстве своем без оружия, покрыты тряпками, закутанные во всевозможные одеяния, ноги обмотаны шкурами или тряпками разных цветов — колонна имела очень печальный, болезненный, а часто даже смешной вид.

Когда мы достигли Березины, мороз значительно отпустил, наступила оттепель. Из-за этого дороги стали очень плохими, а так как после оттепели снова ударил мороз, то настала гололедица. Холод стал еще более ощутим и усложнил дальнейшее движение. Люди и все стихии объединились, чтобы приумножить наши беды.

28 ноября утром мы дошли, наконец, до Березины. Здесь были сооружены через реку два моста. Все устремились к этим узким проходам. Образовалась широкая, длинная, дикая, сумбурная масса людей, лошадей и повозок, которая беспрестанно увеличивалась, давка становилась все большей.

[56]

Каждый хотел быть на другом берегу первым, каждый хотел спастись. За спиной и по обе стороны находился враг, который беспрерывно напирал и запугивал нас пулями и снарядами, превращая тем самым наше неописуемо ужасное состояние в еще более ужасное. Кто падал, тот проигрывал — его раздавливали ногами. Многие были затоптаны, раздавлены, многих столкнули в реку или они спрыгнули с моста сами и таким образом потеряли под ледяными глыбами свои жизни.

При каждом шаге наступали на труп, на раненого, и без пощады, без сострадания шли по ним дальше. Грохот орудий, свист пуль, взрывы разрывающихся снарядов, ругань, крики и жалобные стоны людей образовывали ужасающий, все больше угнетающий концерт. И около обеда, когда мост, по которому отступала артиллерия, рухнул, то все, что еще оставалось, начало напирать одно на одно, нужда и горе достигли самого высокого уровня, всеми овладели ярость, боль и отчаяние. Женщины искали своих мужей, матери — своих детей, они простирали руки вверх и звали напрасно душераздирающим голосом своих любимых. Все мучения и горе, все несчастья и нужды — все, с чем человек вынужден был бороться, казалось, объединилось, чтобы уничто-

жить несчастную армию. Никакая кисть не в состоянии изобразить сцены горя, никакое перо не способно их описать.

Было, наверное, 3 часа ночи, когда я с фельдфебелем Треспе, из той же роты, что и я, с большими усилиями добрался до моста, который был еще цел. По нему собирались пройти остатки саксонского пехотного полка. Мы присоединились к ним, один сочувствующий солдат взял нас в колонну, вот нам и повезло в целости и сохранности добраться до противоположного берега. Добрый саксонец, которому мы обязаны своим спасением.

[57]

Едва мы достигли противоположного берега, как мост, разбитый пушечными ядрами, на наших глазах рухнул.

29-го утром мост сожгли и все, что еще оставалось от французской армии по другую сторону реки, попало в руки русских. Среди всего этого находилась большая часть обозов, с ними, таким образом, были потеряны большие богатства.

Наполеон появлялся каждый день среди нас, часто мы видели его во время марша, когда он стоял и грелся у костра с некоторыми офицерами высшего ранга в окружении четырех часовых. Но вдруг он исчез, говорили, что в ночь с 5 на 6 декабря он покинул Сморгонь и уехал во Францию.

Через два дня после переправы через Березину военная касса, которую и так было не спасти, оказалась отчасти в руках казаков, которые беспрестанно вились вокруг нас, а отчасти была разграблена войсками, большая часть которых, измученных голодом, холодом и усталостью, хотела себя тем самым обогатить. Не обращая внимания на казаков, грабители стреляли и кололи друг друга, чтобы захватить богатство, некоторые при этом потеряли свою жизнь или были схвачены. Они не могли побороть свое корыстолюбие. Только некоторым повезло — если это так можно назвать — ухватить полный мешок денег, среди этих немногих был один прусский канонир по имени Гросс. Он схватил один большой и тяжелый мешок как вознаграждение за свои усилия, и ему посчастливилось с ним скрыться. При детальном осмотре оказалось, что в этом мешке 10 000 золотых талеров. И дальше ему сопутствовала удача вместе со своей добычей дойти до Пруссии, своей родины, живым и здоровым. Но здесь он начал пьянство, все промотал и настиг его ничтожный конец.

С каждым днем становилось все холоднее, и каждый день оставались лежать по пути, на биваках неисчислимые тела, до которых никому не было дела, так как казаки не давали время позаботиться о них.

[58]

На 5-й день после нашего перехода через названную реку утром с опозданием прибыл я с некоторыми пруссами и французами на бивак и сразу захотел его поскорее покинуть, так как бросился на нас большой отряд казаков с криками «ура». Те французы, у которых еще было оружие, сразу образо-

вали кольцо, взяли нас в центр и начали стрелять в скачущих вокруг нас казаков. Казаков становилось все больше, с каждым моментом их количество увеличивалось и достигло более чем 1000. Они окружили нас, успешно действуя своими пиками и пистолетами, и попытались прорваться в кольцо. При этом я получил пулевое ранение левой голени, но оно было, к счастью, не опасным, кость не была задета, однако ранение доставляло очень много боли и было помехой при ходьбе. Наша маленькая кучка все уменьшалась и уменьшалась, боеприпасы были уже расстреляны, зато количество казаков увеличивалось и при их способе атаки они несли незначительные потери. Только одним могло это все закончиться — всех нас при всем нашем мужестве уничтожат, поэтому мы посчитали лучшим, чтобы не раздражать врага, сдаться на милость и немилость. Так всех нас взяли в плен, и я попал в руки одного ужасного солдата. Я чувствовал себя очень несчастным, мною овладело отчаяние, и я молил Бога освободить меня от этой беды скорейшей смертью. Но добрый Творец решил насчет меня совсем по-другому, он послал павшему духом утешение и помощь, он дал мне силу и крепость. Мое предназначение еще не было достигнуто. Меня и многих других пленных вели под небольшим конвоем казаков, которые ехали верхом на лошадях за нами, обратно через большой лес, который мы прошли день тому назад. Здесь я видел, как время от времени некоторые французы, думая, что казаки их не замечают, бросались поодиночке влево или вправо с дороги в лес,

[59]

прыгали в снег и оставались там тихо лежать. У меня возникла мысль последовать их примеру, чтобы, возможно, таким образом спастись. Я постарался оказаться в середине колонны и, как только почувствовал безопасный момент и увидел подходящее место для моего намерения, отбежал в лес и быстро, как и другие, бросился в снег. Никто из конвоя этого не заметил, и колонна продолжила спокойно свой марш. Когда она отдалилась от меня на достаточное расстояние и я ничего больше не опасался, я встал и поспешил глубже в лес, где нашел многих моих товарищей по несчастью, которые таким же образом сбежали. Счастливые, мы догнали в тот же день спасающихся бегством французов. Мы были свободны — это превышало все наши мучения, которые нас все еще ожидали и с каждым днем приумножались, их едва можно было терпеть. Эти мучения и нужда были так велики, что чувства были ими сильно притуплены, человек совсем не замечал человека, твоему несчастью никто из приятелей не сочувствовал. Напрасно просили те, кто умирал от голода, о куске еды, их никто не слышал; напрасно молили те, кто из-за обмороженных рук был не в состоянии разжечь огонь, о месте у огня, чтобы погреть окоченевшие конечности, их бесчувственно отталкивали назад. И те, и другие погибали, они стали жертвами страшного холода или невыносимого голода. Некоторые, кто на биваке присаживался и засыпал, на следующее утро замерзал до смерти. Поэтому я сохранял постоянное движе-

ние, часто проводил целую ночь стоя у костра и сопротивлялся таким образом манящему сну, чтобы меня не поборол и не уничтожил наш самый злой враг — ужасный холод. Многие, кто заходил в пустые сараи или дома крестьян и отдавался сладкому сну, находили плачевный конец, так как часто здание оказывалось в огне и они погибали в нем. Так, одним вечером я увидел содрогающее зрелище. Я вошел с некоторыми товарищами в сарай, мы были счастливы, найдя такое убежище. Через сарай мы попали в дом, который был уже занят несколькими

[60]

итальянцами, которые погрузились в глубокий сон. Мы не стали спать, закрыли один-единственный вход во все здание и развели огонь, у которого сидели и разговаривали. Вдруг загорелся потолок, и быстрее, чем мы то заметили, дом оказался полностью охваченным огнем. После того, когда мы сообщили соседям об опасности, едва оставалось время спастись нам самим, но те, кто в испуге проснулся и, не найдя другого выхода кроме одного — в горящем сарае, должны были погибнуть в пламени. Мы еще видели, как они кидались в огонь, но никто не вышел из него.

Мы продолжили наше бегство по дороге на Вильно. Однажды, когда меня и еще некоторых других голод заставил снова сойти с главной дороги, чтобы искать продукты питания, я натолкнулся на еще жилую деревню, но в которой незадолго до этого был пожар. Некоторые дома превратились в головешки, и жар еще дымился. После того как я открыл двери нескольких домов и напрасно просил кусок хлеба, я решил зайти в еще один дом. Едва я переступил порог, как мне навстречу вышла крестьянка с метлой в руке, злобно, как фурия, бросилась на меня и указала на место в деревне, где был пожар. Ошеломленный от испуга, печально поплелся я к тому месту, не подозревая, что за счастье меня там поджидало. Там я нашел много мороженой картошки, которую собрал, обжарил на огне и приготовил из нее превосходную еду, которую, благодаря Богу за помощь, что он мне так неожиданно послал, я со слезами на глазах жадно съел. Наступил вечер, уставший и обессиленный, я тосковал по сну — но где было его найти? Я увидел недалеко от себя сарай, в который я забрался и лег в солому, которая там еще была. Я страшно мерз, но все же быстро погрузился в глубокий сон и проснулся только утром. Все мои конечности окоченели, как будто отмерли, я с трудом мог пошевелиться. Постепенно они снова ожили, и когда я встал на ноги, и кровь пришла в движение, я почувствовал в себе силу и бодрость. Я встретил моих товарищей, которые этой ночью нашли

[61]

похожую ночевку, и мы поспешно двинулись к дороге. Мы подходили все ближе к городу Вильно, в котором, как нам было обещано, мы найдем продовольствие и отдых, но нам предстояло еще несколько дней марша, что нам стоило больших усилий и стенаний. Конину мы видели все реже, холод

усиливался, голод становился с каждым днем все ощутимее. По этой причине мы не замечали опасности, которой подвергались, если отходили от главной дороги на поиск деревни, хоть часто и напрасно, в которой можно было воспользоваться мягкостью крестьянина. Так, два дня спустя после описанного приключения побрел я и некоторые мои товарищи с этой целью в сельскую местность и дошли до одной далекой от дороги деревни, смело вошли в нее и рассыпались по домам. Что за ужас овладел мною, когда я открыл дверь в выбранный мною дом и увидел шесть казаков — они сидели за столом и ели. Я остолбенел, а эти длиннобородые господа, долго не раздумывая, подались ко мне с привычным возгласом «Ха, француз! Ха, француз!» и сразу тщательно обыскали меня. При всех своих стараниях ни денег, ни драгоценностей, чего бы им хотелось, они не нашли, а я постарался уверить их в том, что я не француз, а прусс, который ужасно голодает, и они могли бы сжалиться над ним и дать ему кусок хлеба. Они, казалось, были тронуты, спросили меня, был ли я в Москве, и, после того как я благоразумно ответил на этот вопрос отрицательно — из опыта я знал, что русские тем, кто там был, не могли простить уничтожения столицы — они взяли меня к себе за стол и угостили картошкой и селедкой. Я не могу вспомнить, чтобы какая-либо другая еда была мне в жизни так вкусна и так желанна, как эта простая пища. После еды они встали и перекрестились, я, считая это необходимым, сделал то же самое. Они дали мне понять, что они собираются уходить, но скоро придут снова, и что мне не рекомендуется бежать. Потом они поговорили с присутствующим там крестьянином, который

[62]

не спускал с меня глаз, и ушли. Моя огнестрельная рана, на которую я ранее почти не обращал внимания, очень болела. Я воспользовался отсутствием моих повелителей — о побеге не было и мысли — и перевязал рану и отмороженные части ног. Едва я закончил эту работу, как в комнату вошел один из казаков, весь в поту, и приказал мне идти с ними. Полагая, что он хотел меня взять с собой, чтобы я следил за лошадьми, просил и умолял я его оставить меня здесь, но это было напрасно, я должен был следовать за ним. Но я ошибался. Он повел меня не к лошадям, а к одному поблизости находящемуся лесочку. Тут я подумал, что меня хотят здесь повесить, и стал просить сжалиться надо мной, но он не обращал на это внимания, смеялся и вел меня дальше. Наконец мы прибыли к одному домику, возле которого был достаточно большой пруд. Здесь он остановился, открыл дверь и толкнул меня внутрь. Я увидел остальных пять казаков голыми, невыносимая жара нахлынула на меня, а в одном углу я заметил большую раскаленную печь. Теперь я был уверен, что пришел мой последний час и меня зажарят здесь заживо, так как меня принудили снять одежду, что мой сопровождающий уже сделал. Причитания и мольбы были напрасны, смеясь, они схватили меня и положили на деревянную скамью. Я потерял сознание и очнулся лишь, когда меня

привели в чувство горячим веником. Только теперь я понял, где я находился. Хотя я уже слышал о банях, но никогда их не видел и, вообще, не имел о них представления. Мой страх перешел в радость. Казаки стояли вокруг меня, смеялись и, казалось, радовались моему страху, который я пережил. Один из них все время поливал печь водой, что вызывало чудовищный пар, и я ужасно потел. Они были, конечно, в том же состоянии и выбегали по очереди из дома к находящемуся рядом пруду, во льду которого была пробита дыра, и прыгали в воду. Они требовали

[63]

от меня, чтобы я делал то же самое, но я не мог на это решиться, так как для этого нужна была русская натура, которой у меня не было и следа. Я всеми силами старался им объяснить, что мне это будет стоить жизни, так что, наконец, они отстали от меня. Мы оделись, и я почувствовал, что они не только нагнали на меня страх, но и принесли мне много радости, так как мою одежду, которую они положили на балку недалеко от печи, не перенося жары, покинули назойливые паразиты, которые меня уже давно мучили. Казаки снова взяли меня в свою квартиру, я вынужден был там с ними спать на соломе, а на следующий день они, добродушные парни, разрешили мне уйти. Мне еще не приходилось пережить такого большого страха, пролить столько пота, как в тот день, но все же я не мог держать злобу на этих людей, а совсем наоборот — я покинул их с благодарным сердцем.

Вскоре я нашел своих товарищей, мы примкнули к спасающейся бегством массе, продолжили марш на Вильно и, наконец, достигли этого города 9 декабря.

[Далее следует текст в кавычках. Возможно, Вайнбергер использовал здесь данные из исторической литературы, так как этот текст отличается по стилю от воспоминаний]

«Из 400 насильственно взятых в Кенигсберге солдат прусской артиллерии осталось теперь только небольшое количество, как я потом позже узнал, возвратилось из этого разрушительного похода вообще всего лишь 12 солдат и 1 офицер, лейтенант Гоеч. Из тех 4 офицеров, которые командовали нами при выступлении, а позднее были вынуждены находиться в обозе и мы их очень редко видели, вернулись в Вильно совсем больными лейтенанты Фалькенберг и Биловиус, их доставили в лазарет, где они, должно быть, умерли. Капитана фон Шмидта настиг конец в биваке по другую сторону Березины, только лейтенант Гоеч увидел, как я уже сказал, свою родину. Из двух офицеров, которые были к нам позже присланы,

[64]

капитана Зоммера прислали позже, его, предположительно, схватили еще по пути к нам, скорее, чем он нас достиг — мы никогда их не видели, но они все же вернулись назад».

Все беспорядочно бросились в город, чтобы искать себе убежище и пищу. Большая часть жителей закрыла двери своих домов и никакие просьбы и угрозы не заставили их открыть двери. Но евреи были в этом отношении похвальным исключением, так как они не только не закрыли свои дома, но даже просили к ним зайти и соглашались взять больных, раненых и слабых, но не для того, чтобы их гостеприимно угощать, а только с той целью, чтобы с ними торговаться или же их ограбить, а потом бессердечно их выбросить. Я знал уже эту расу и остерегался идти на ее соблазн; я бродил по улицам вместо того, чтобы податься к ним. Но так как мне не удалось найти пристанище, мое отчаяние гнало меня в лазарет, я надеялся, что там меня примут и найдут лечебное средство для моих больных ног. Но там я попал из дождя в водосточный желоб, так как эти заведения находились в жалком и плачевном состоянии. Они были переполнены, там не было ни порядка, ни врачебного ухода, продовольствие было неописуемо плохим. Тот, в который я отправился, был полон больными и ранеными, они жаловались, стенали, стонали и кричали, везде лежали мертвые и распространяли ужасный запах — я убежал из этого дома с чумой и снова попытался найти где-нибудь в городе приют. Долго я бродил, в конце концов сжалился надо мной один столяр, впустил к себе в дом и на мои молящие просьбы дал немного еды. Я чувствовал себя очень счастливым и жил надеждой здесь отдохнуть и преодолеть самые большие опасности. Но эта радость длилась недолго, так как спустя несколько часов спокойствия, когда я услышал грохот пушек и шум на улице, я вышел из дома, услышал крик: «Казаки! Казаки! Враг у ворот!» и увидел, что все были в испуге, французы бежали. Так как я не видел никаких

[65]

казаков, а также заметил, что большая часть наших осталась, то рискнул и я вернуться назад в мою квартиру и проспал здесь до утра, когда меня снова разбудили ужасный шум на улице и крики: «Казаки! Казаки!». Я вскочил, подбежал к окну и убедился, что казаки действительно были в городе, я увидел их скачущими по улицам и крушащими все, что попадалось у них на пути. Я не мог здесь больше оставаться и постарался как можно быстрее выйти из дома и улизнуть от врагов. Мне удалось добежать до ворот, через которые все спасались бегством. Все давили друг на друга, спасающиеся бегством, остатки повозок, раненые и мертвые препятствовали проходу, я отчаялся пройти дальше, но, несмотря на все это, я собрался с мужеством и, к счастью, прошел. Обессиленный, я продолжил моими больными ногами путь, я скорее волочился, чем шел. Не пройдя и четверти мили, я увидел скачущего мимо меня казака, который, возможно, имел перед глазами другую цель, а не меня. Он повалил меня пикой на землю и поспешил дальше, меня не замечая. Довольно долго я отходил от удара, снова встал и смог потащиться вслед за другими бегущими.

[Способность Вейнбергера переносить страдания достигла предела, и он принял решение сдаться русским. Генерал Гогель взял его в свою казарму, которую он после тяжелой болезни покинул и отправился в Кенигсберг].

[76]

Вскоре я сидел с русским пехотным офицером, который передал мне этот приказ, в одной повозке и с нетерпением спешил на мою дорогую родину.

По дороге я думал только о моих родных, которые были моему сердцу так дороги. Я скоро их снова увижу, обниму, удивлю. Они, определенно, уже давно потеряли надежду увидеть меня снова, возможно, оплакивали меня как мертвого. Моя фантазия приобрела полную свободу полета, и лишь иногда прерывались мои сладкие и болезненные мечты, так как мой попутчик сидел возле меня в основном безмолвно. Он знал только немного слов по-немецки, а я так же немного по-русски, и, возможно, мы провели бы так возле друг друга всю дорогу, если бы меня не беспокоила мысль, что мое внезапное, неожиданное появление в родительском доме может негативно повлиять на мою дорогую, любимую мать, и чтобы этого избежать, хорошо было бы ее к этому подготовить. Мне пришла в голову мысль попробовать научить русского офицера выражениям: «Могу я поговорить с мадам Вайнбергер? Я принес весть о вашем сыне, он жив». И я постарался ему объяснить, что когда мы прибудем в Кенигсберг, он мог бы поехать со мной к дому моей матери, там сойти, один войти в дом и произнести эти слова. Вот и пришла немая сцена к концу, начался мой урок. После моих неимоверных усилий и с помощью его железного терпения дело, наконец, было увенчано успехом. С бьющимся сердцем и неописуемым чувством печали и радости 6 марта 1813 года, субботним вечером, я достиг ворот Кенигсберга, проехал по знакомым мне улицам, между Розовым садом и аптекой повозка остановилась у дома моей дорогой матери. Мой попутчик спрыгнул и вошел, как мы и договорились, первым в дом, я остался сидеть. Но я не мог сдержать мою невыразимую тоску

[77]

и пошел вслед за ним в надежде, что среди множества людей в аптеке меня не скоро заметят, тем более, что всем будет интересен вошедший русский офицер. Но едва он произнес выученные слова и я вошел, как взгляд одного работника, который мне всегда был предан, пал на меня, и он от радости выкрикнул мое имя. Случайно там находилась одна горничная, которая была в нашем доме еще во время до моего отправления в военный поход и поэтому знала меня, здесь она мыла пол. Она посмотрела на меня и, воскликнув: «Молодой господин здесь! Молодой господин здесь!», побежала в комнату моей матери, чтобы первой сообщить ей эту радостную весть. Моя предосторожность, мои старания были, таким образом, напрасны, и я больше не насиловал мое сердце и бросился в объятия моей дорогой, давно не виден-

ной матери. После первого объятия она посмотрела на меня пристально, не сказав ни слова. Она уже оплакивала мою смерть, так как всего лишь 12 человек из тех четырехсот, насильственно забранных из Кенигсберга, вернулись назад, да и те в очень плачевном состоянии. Никто из них не мог поведать о моей судьбе. Потом она меня ощупала, как будто сомневаясь, что я живой, и спросила робко: «Ты еще с руками и ногами?». И когда я ответил, что полностью здоров, что мне удалось с Божией всемилостивейшей помощью пережить эту ужасную войну, только после этого она пришла в полное сознание. Поток слез дал ее сжавшемуся сердцу продохнуть, она обняла меня много раз, потом металась и кричала: «Да, у меня снова есть сын, мой потерянный, оплаканный как мертвый сын!». Ее радость была велика и сердечна. И закончился для меня военный поход 1812 года, поход, который был полон

[78]

кровавых побед и ужасных поражений, полон горя, зверств, мучений и лишений, и я заканчиваю воспоминания о нем с возгласом: sic eunt fata hominum! (такова судьба человека!).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.05.2012

Я. К. Анішчанка,
дацэнт Інстытута парламентарызму і прадпрымальніцтва, кандыдат гістарычных навук

ДАКУМЕНТЫ ПРА ВЫСЯЛЕННЕ ЯЎРЭЯЎ БЕЛАРУСІ Ў ГАРАДЫ Ў 1823 г.

Дадзеная публікацыя з'яўляецца працягам азнаямлення чытачоў з архіўнымі матэрыяламі па так званым яўрэйскім пытанні ў XIX ст., якія сакрэтна збіраліся і рыхтаваліся ў вышэйшым кіраўніцтве Расійскай імперыі пры распрацоўцы заканадаўства адносна яўрэяў [1] (больш падрабязна гл.: [2]).

Сярод дадзеных матэрыялаў маюцца шматлікія праекты па выдаленні яўрэяў з вёсак у гарады і мястэчкі ў сувязі з абвінавачваннем іх у масавым голадзе сярод беларускіх сялян. Зачэпкай для гэтага паслужыў сапраўдны голад 1822 г., які ахапіў беларускія губерні і які паслужыў падставай для рэвізіі на месцах сенатара Д. В. Баранава [3]. Сярод іншага, гэты сенатар прапанаваў выселіць яўрэяў з сельскай мясцовасці і для распрацоўкі іншых эфектыўных мер — стварыць спецыяльны яўрэйскі камітэт. Цар падтрымаў гэту ідэю і сваім указам ад 11 красавіка 1823 г. даручыў віцебскаму і магілёўскаму губернатарам выселіць яўрэяў у гарады да 1 студзеня 1825 г., а да гэтага часу распрацаваць падрабязнае «Начертание к лучшему устройству сего народа» праз чарговы, чацвёрты па ліку, яўрэйскі камітэт [4].

Пагалоскі пра такі камітэт, з яго чарговымі рэпрэсіўнымі мерамі адносна яўрэяў, хутка распаўсюдзіліся сярод кагалаў, дзе ў поўнай меры выразна ўсведамлялі характар і напрамак урадавых намераў. Пра гэта сведчаць змешчаныя ніжэй два лісты, адзін на адрас цара, другі з перапіскі паміж старшынямі кагалаў беларускіх губерняў. Дакументы выяўлены ў копіях у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі і Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі. Лісты друкуюцца на мове арыгіналаў, без скарачэнняў і змен, з захаваннем лексікі і арфаграфіі.

№ 1. Прашэнне віцебскага кагала да цара. 1823 г.

Копия. На подлинном написано: генерал от инфантерии граф Аракчеев*, высочайше повелено внесть как-то просьбу, так и письмо гражданскаго губернатора Вельсовского** к барону Дибичу*** в Комитет гг. министров.

Всеавгустейший монарх! Всемилостивейший государь!

Высочайшим указом в 11-й день апреля текущего года изданным вашему императорскому величеству угодно было повелеть евреев в Белорусских губерниях обитающих из сел и деревень переселить в города и местечки и

* Аракчэеў А. А. (1769—1834) — граф, генерал ад артылерыі, член Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі ў якасці старшыні дэпартамента вайсковых спраў гэтага савета.
** Вяльсоўскі І. Д. — магілёўскі грамадзянскі губернатар у 1822—1825 гг.
*** Дзібіч І. І. (1785—1831) — граф, генерал-ад'ютант, бліжэйшы дарадчык імператара.

ограничить их в правах, торговле и промыслах, коими они доныне пользовались.

Из содержания сего высочайшего указа видно, что ваше императорское величество к таковой мере подвигнуты были представлениями местного начальства и белорусского дворянства, поставивших главною причиною разстройства здешних крестьян пребывание евреев в селениях и продажу вина ими, в оных производимую, и что евреи не только не обращались ни к каким занятиям или трудам, кои Положением 1804 года им предоставлены, но, напротив, усиливаясь водворяться в селениях, число их еще более в оных умножилось к сугубому разорению хлебопашцев.

Сколь не соответствует истине причина, взведенная на народ еврейский, которая главною, якобы, виною разстройства крестьян, о том витебский губернский кагал по изверению всех в здешней губернии обитающих евреев дерзает вашему императорскому величеству как человеколюбивому отцу в кратком изложении представить нижеследующее.

1. Еврейский многочисленный в России обитающий народ смиренный и большею частию бедный колико предан престолу вашего величества и сколько оный, как верноподданные сыны Отечества, для его усердны, то многими уже опытами доказано.

2. Что великое число евреев охотно переселилось в Новороссийский край для снискания себе там трудами пропитания и что бедные из них там, где жительствуют, и в других местах пребывающие, упражняются дозволенною промышленностию, ремеслами, хлебопашеством и прочими тяжелыми работами, то и сие также справедливо, но в последних им по некоторым местам начальство преграждает пути и отъемлет способы. Равно справедливо и то, что от продажи в сельских корчмах помещичьяго вина никак они почти не имеют выгоды кроме той, что живя не в городе, а в уезде, в готовых строениях достают себе пропитание от продажи проезжающим съестных и других припасов, также фуража и от оброчных мелочных статей и истину сию не отрекутся подтвердить многие из помещиков, так как и то, что многие из них не просили и не желают переселения евреев. Разстройство же крестьян произошло главнейше от неурожая сряду чрез несколько лет хлеба, от недостаточного оного посева и от других не менее возможных причин, которые при надлежащих со стороны правительства изыскании, открыться могут, но чтобы таковое крестьян разстройство прикрыть, то со стороны некоторых обращено оно на евреев по различеству религии их, от многих ненавидимых.

Всемилостивейший государь! В пространной Российской империи под благотворною сению скипетра твоего покоются и блаженствуют многие народа. Они все пользуются своими правами и преимуществами, но оных лишаются теперь. В одной Белоруссии верноподданный твой народ еврейский не смеет уже он просить монарха своего о позволении оставаться евреям в селах и деревнях, но со слезами умоляет ваше императорское величество

обратить на него благоутробное око и всемилостивейше повелеть, во-первых, под поселение бедных евреев отвести земли казенные или городские выгонные, где с излишеством их окажется, поелику таких евреев, кои в состоянии б были нанимать земли у помещиков, весьма немного окажется. При том же чаятельно и помещики отдавать будут в наем земли не другие, как только пустопорожния, никогда не обрабатываемые, не удобренные и, следовательно, не способные к первоначальному хлебопашеству, где должно при распашке с немалыми издержками употребить великое усилие. Во-вторых, отсрочить на дальнейшее время переселение евреев из сел и деревень в города и местечки, в которых не приготовлено им строений и куда бедным семействам с малыми и слабыми их детьми, с больными, дряхлыми и увечными переселение таковое крайне затруднительно будет. А чтоб не обременить одних городов Витебской губернии прибылью вдруг великого числа бедных евреев, то к облегчению несчастной еврейского народа участи позволить некоторой части евреям переселиться в города соседственных Смоленской, Псковской и других губерний. В вящее же облегчение евреев по сродному вашему императорскому величеству милосердию возобновить и сравнить белорусских евреев права с прочими гражданами, коим всемилостивейше же дозволено содержание в уездах на дорогах почт и постоялых дворов, равно и продажи в селениях товаров и другия промыслы, гражданам свойственные.

Всеавгустейший монарх! Всемилостивейший государь!

Члены подписали

Абель Шаевич Шалый.

Вульф Лейбович Мирсон.

Янкель Гиросович Канин.

На копии написано: верно, директор А…*.

С копиею верно: правитель канцелярии, надворный советник …**.

НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 422а. Арк. 12—14.

№ 2. Ліст аршанскага кагала да мінскага кагала. 16 лютага 1824 г.

Копия с перевода письма минскому кагалу от Оршанского кагала и подравина Абрама Шора с извещением о вероятии нещастий от мероприятий правительства. (С переводом при донесении минского губернатора цесаревичу Константину Павловичу***).

Гг. членам кагальным Минской губернии.

Мы ныне огорчены. Наши руки тяжелы от вздохов, наносимых гласом писем людей почетных наших единоземцев, пребывающих в Санктпетербурге, нами полученных о Положениях на наш род израильский, вновь делае-

---

* Подпіс неразборлівы.

** Подпіс неразборлівы.

*** Канстанцін Паўлавіч (1779—1831) — вялікі князь, генерал-інспектар кавалерыі, намеснік цара ў Царстве Польскім у 1816—1831 гг.

мых. Горе нам проговорит оныя в разсуждении свадеб и личнаго. Боже, избавь набора в солдаты, да еще несколько других, кроме общаго стеснения изгнанием всех по деревням, в здешнем краю живущих. Дрожь нас объемлела и все сердца растаивали, читая таковые письма. От господина же начальника Могилевской квартиры слыхали мы сами нехорошие слова касательно наших обществ, будучи он уверен, что все помысла вообще нашего народа (Боже, храни) непосволительны. Во время проезда нашего государя императора (да возвысится его слава) чрез наш город Оршу было большое собрание от живущих по деревням и некоторым городам — первые подавали ему прошение, стали на дороге просить от его императорского величества лично для себя милости. Но ответ мы еще не получили, а высокий начальник, едущий с ним, обнадежил нас в присылке онаго из Санктпетербурга. Видя мы себя требующими большей милости и наших в том на кого полагаться, как только на отца небеснаго, чтобы он, творя благознамение, наклонил сердце кесарево и начав о нас к благу дать нам на земле пристанище единогласно в собрании положено назначить здесь в нашей стороне в пост три дня: четверг, понедельник и четверг с 1-го ноября месяца и отправлять молитву в собрании подобно как во всеобщем посте.

Бог оными не презирает. С пояснением открывшагося произшествия, просим вас почтеннейше, именем целаго нашего собрания, чтобы и вы, возбуждая чистое сердце тогда, когда наша вся сила состоит в устах (молитвах), поспешили посылкою сведений во все места нашего уезда, чтобы приняли и исполняли означенное положение и они. Не посчитайте сего дела маловажным, ибо мы ближайшие к Санктпетербургу осведомлены, что оное наступлением (Боже, храни) близко. Надлежит сходить на гробы честивых и знаменитейших народа к увещению им скорбий наших тел и душ. Они по смерти более еще уважаемы, да испросят милости для всех обществ еврейских. Господи, да ублагополучит и ниспошлет помощь от святилищ к ублаженствованию на нас сердец императора и начальников.

Аминь.

Абрам Шор.

ДАРФ. Ф. 1165. Воп. 3. С. 34. Арк. 157—157адв.

Літаратура

1. Анішчанка, Я. К. Першая брэш у мяжы аселасці (праект Камітэта 1803 г. аб легалізацыі статусу яўрэяў у Расійскай імперыі) / Я. К. Анішчанка // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2009. — Вып. 10. — С. 250—257.
2. Голицын, Н. Н. История русского законодательства о евреях (1649—1825) / Н. Н. Голицын. — СПб., 1886. — Т. 1. — 1116 с.
3. Анішчанка, Я. Як сенатары дапамагалі «бедным» памешчыкам / Я. Анішчанка // Беларуская мінуўшчына. — 1995. — № 3. — С. 44—45.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. № 29420.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 11.01.2012

В. С. Пазднякоў,
загадчык аддзела археаграфіі
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы;
vpmiensk@gmail.com

ДАКУМЕНТЫ ПРА ДЗЕЙНАСЦЬ ПАПЯРОВАЙ «ФАБРЫКІ» ГРАФАЎ ЗАВІШАЎ У в. НІЗ ІГУМЕНСКАГА ПАВЕТА (ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIX ст.)

У ходзе распрацоўкі навуковай тэмы па гісторыі вытворчасці паперы ў Беларусі ў XVI — пачатку XX ст. намі збіраліся звесткі пра ўсе беларускія прамысловыя прадпрыемствы, якія ў гэты перыяд выпускалі паперу для пісьма. У полі зроку апынулася і паперня ў в. Ніз Ігуменскага павета (цяпер гэта в. Нізок Уздзенскага р-на), якая належала графу Тадэвушу (Фадзею) Іванавічу Завішу. Нельга сказаць, каб гэта прадпрыемства карысталася ўвагай даследчыкаў. Яно адсутнічае ў даведніку «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» [1], у выданні «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распаду феадалізму» [2; 3], у паказальніку М. Ф. Болбаса [4]. Упершыню пра існаванне папяровага прадпрыемства ў в. Ніз упамянуў літоўскі даследчык старой паперы Э. Лаўцявічус. Ён адзначыў, што ў 1828 г. граф Т. Завіша пабудаваў у в. Ніз на р. Уса папяровы млын, які вырабляў паперу з вадзяным знакам з надпісам **NIZ 1831** [5, p. 92; № 3246a; 6, с. 76]. Пры апісанні гэтага прадпрыемства Э. Лаўцявічус выкарыстаў дакументы цяперашняга Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі [7].

Папяровае прадпрыемства ў в. Ніз адзначыла расійскі гісторык паперы З. В. Участкіна [8, с. 156]. Акрамя вышэйназванай архіўнай справы яна скарысталася і іншымі дакументамі [9, арк. 161—167]. Апошнія знойдзеныя ёю звесткі пра прадпрыемства паходзяць з 1836 г.

Ніжэй друкуюцца найбольш цікавыя матэрыялы пра паперню ў в. Ніз у 1830-х гг. з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі [7]. Гэта чарнавікі справаздач, якія кіраўнік прадпрыемства Ф. Б. Шчуроўскі прадстаўляў уладам (канкрэтны адрасат не пазначаны), прычым у справе маюцца не толькі справаздачы пра дзейнасць паперні, але і «меднай фабрыкі», таксама ўласнасці графа Завішы, у суседнім двары Кухцічах. Адзін з чарнавікоў справаздачы пра дзейнасць медзеплавільні пазначаны 31 ліпеня 1836 г. Усе паперы робяць уражанне адначасовага комплексу, так што і чарнавікі справаздач пра дзейнасць паперні можна датаваць прыкладна гэтым часам. У справаздачы № 1 адзначана рэшта прадукцыі на 1 студзеня 1834 г., відаць, у гэтым годзе і пісаўся дакумент.

Справаздачы даволі падрабязныя. З іх можна даведацца, што паперня належала графу Фадзею Іванавічу Завішу і знаходзілася пад непасрэдным

кіраваннем аканома маёнтка Францішка Бенядзіктавіча Шчуроўскага. Яна дзейнічала на р. Уса (правы прыток Нёмана) пры млыне з двума коламі, якія прыводзілі ў дзеянне галендэры для расціранне шматоў, мела два чаны для гатавання папяровай масы і 12 драцяных форм для адліўкі аркушаў (што не так ужо і мала). На паперні працавалі 16 работнікаў, усе прыгонныя. Паперня працавала на мясцовай сыравіне, а прадукцыя збывалася ў Вільні, Мінску, Нясвіжы, Слуцку, Уздзе. Адзначана, што прадпрыемства заснавана ў 1828 г. Канец яго дзейнасці невядомы. У любым выпадку, паперня, відаць, не перажыла адмену прыгоннага права ў 1861 г., якая ўвогуле падкасіла дзейнасць усіх прадпрыемстваў, заснаваных на прыгоннай рабочай сіле.

Асобна трэба спыніцца на маркіровачных знаках нізаўскай паперы. Для іх выяўлення былі прагледжаны ўсе пяць аркушаў паперы са справы № 9743 (тут яны перагнуты ў дзве столкі). Увогуле гэта папера нізкай якасці, неаднародная, з «воблакамі». У ёй на прасвет праглядаюцца лічбы і літары, некаторыя з якіх складаюцца ў слова **NIZ**, што, безумоўна, абазначае месца вытворчасці. Лініі панцюзо няроўныя, адлегласці паміж імі вагаюцца. Агульная схема размяшчэння маркіровачных вадзяных знакаў на аркушы наступная: у верхняй палове па цэнтры размешчаны лічбы **1**, **8**, **2**, **3**, **1** (відаць, год адліўкі паперы, які не заўсёды прастаўлены), у ніжняй палове — літары **N**, **I**, **Z**, **I**, **Z**. Першыя тры літары абазначаюць месца знаходжання паперні — вёску Ніз, апошнія — хутчэй за ўсё, ініцыялы ўладальніка паперні (Tadeusz Zabiełło, ці, хутчэй, яго бацькі — Jan Zabiełło?). Агульная схема размяшчэння маркіровачных вадзяных знакаў бачна на фотаздымках аркушаў 3, 8, якія зроблены пры контравым асвятленні («на прасвет»). Усе маркіровачныя знакі асобна былі перазняты, апрацаваны на камп'ютары па распрацавай намі методыцы [10] і зведзены ў агульную табліцу. Аркушы 5—6 архіўнай справы (гэта адзін аркуш паперы) — вельмі дрэннай якасці, маркіровачныя знакі на іх праглядаюцца з цяжкасцю і не былі перазняты.

Параўнанне знакаў у табліцы паказвае, што мы маем справу з чатырма аркушамі паперы, адлітымі ў дзвюх формах. Першая форма мела дату 182 (лічба 2 перавернута, апошняя лічба — 8 або 9 — не прастаўлена), надпісы **NIZ** і **Z** (літара **Z** у люстраным адбітку). Другая форма мела дату **1831** і надпісы **NIZ** і **IZ** (літара **Z** у люстраным адбітку). Памылкі ў размяшчэнні лічбаў і літар сведчаць, што выгляду паперы не ўдзялялася дастатковай увагі.

Дакументы пра дзейнасць паперні публікуюцца на мове іх складання (рускай) з захаваннем усіх асаблівасцей аўтарскага правапісу. Літары, што выйшлі з ужытку, заменены на сучасныя, знакі пунктуацыі расстаўлены па сучасных нормах. Межы старонак пазначаны знакам ||, нумары аркушаў прыведзены ў квадратных дужках. Тэкст напісаны на разгорнутых аркушах паперы так, што пачатак радка знаходзіцца на адной старонцы (аркушы), а яго заканчэнне — на другой. Абодва дакументы напісаны на аркушах паперы з маркіровачнымі знакамі **1831**, **NIZ**, **IZ**.

Дакументы

№ 1

Справаздача пра дзейнасць паперні памешчыка Ф. І. Завішы ў в. Ніз Ігуменскага павета. 1834 г.

[4 адв., 7] Форма годовой ведомости бумажной фабрики от содержателя Фадея Ивановича Графа Завиши о состояний фабрики за прошедший год.

Фабрика состоит Минской губерни Игуменского уезда в собственном доме, построенным на собственной земле в деревни Низу, принадлежащей к имению Кухтичам, строение деревянное, на саженях длиною 15 ⅓, шырыниою 8 ¾, на реке Уссе.

Звание выделываемых товаров	Число колесь	Число чанов	В течении прошлаго года зделано		Продано товаров				Затем в остатке генваря к 1-му числу 1834-го года
					В своим собственным местечке Узде		В городах Минске и в Вильне		
			Стопы	10-ки	Стопы	Десятки	Стопы	Десятки	Стопы
Выделано бумаги к писанию	2	2	400 ~~500~~		70 ~~110~~		175 ~~175~~		155 ~~275~~
-»- к печатаню			310 ~~400~~				310 ~~350~~		310 ~~50~~
-»- обвертной			1600 ~~2000~~		1015 ~~2000~~				585
Итого	2	2	2900		2110		465		325

Звание употребляемых на фабрику материалов.

Употребляется шматов или онуч следиовок 1200 или пудов 2400. Покупаються по м[е]стечкам у деревням Минской губерний.

На выклейку бумаги к писанию галуну пудов 2. 2. Лазуровой краски или синей фарбы ~~фунтов 30~~ пудов 3. Покупаеться у купсов в городе Минске.

Тоже на выклейку бумаги овечых ножек ~~штук~~ коп 500. Покупаються от занимающихся резю овец по разным местечкам.

В прошедшым году меньше выделано с поводу большой жары, и от того менее было на реке Уссе воды.

Примечание.

В сей бумажной фабрике действующие инструменты находяться к перемолу шматов или онуч два колеса, называемых голендры, два чаны, с которых выбераюь материал на бумагу, 3 большые шрубы, в которых выжымають в бумаги воду и выпрастивают стопы, и форм дротяных 12. Притом 2 большые колеса водяные. Сия фабрика устроена в 1828-м году. Приобрата-

еться большая выгода для бедных жытелей местечка Узды, каторые доставляють матерыялы или онучы и получають в год значную сумму. ||

[4, 7 адв.] При фабрике вышеизъясненной находиться собственных крепосных крестьян графа Завишы мастеров 2-х, подмастеров 10, в простых работах 4.

Итого всякого звания: в мастерстве 12, в простых работах 4.

Всего 16 человек 16.

Примечание.

В течении года к сей фабрике ни одна не введена новая изобретения к поспешности в работах.

НГАБ. Ф. 694. Воп. 2. Спр. 9743. Арк. 4—4 адв., 7—7 адв. Чарнавік. Рукапіс.

№ 2.
Справаздача пра дзейнасць паперні памешчыка Ф. І. Завішы ў в. Ніз Ігуменскага павета. 1830-я гг.

Годовая ведомость фабрики бумажной помещика Минской губернии Игуменскаго уезда графа Ивановича Завишы.

Звания изделий и по каким ценамъ	Счет чанов	В году сработано		О мастеровых
		Количество изделий. Стопы	На сумму. Руб. сереб.	
	2			На фабрики имеються машыны к перемолу онуч два водяных колес называемых голендры, два чаны, тры большых шруб в которых выжымають воду из бумаги. Форм дротяных двенадцать. Мастеровых крепостных крестьян помещика графа Завишы — мастеров два, подмастеров 10, чернорабочых 4.
Бумага для письма серая. Стопа 1-й сорт 1 р. 50 ко.		37 ~~600~~	55 ½ ~~600~~	
2-й сорт 1 р. 20 ко.		50	60	
3-й сорт 1 р.		600 ~~37~~	600 ~~55 ½~~	
Для печатания серая. Стопа 75 ко.		200	150	
Оберточная. Стопа 27 ½ ко.		2500	687 ½	
Итого	2	3387	1553	

На фабрике употребляють матерялы: онуч 2400 пудов, на выклейку бумаги к писанию квасцов 2-ва пуда, лазуру или синки пудов 3, вместо клею на выклейку бумаги овечых ножок 500 коп. Все выше прописанные матерялы покупаються по местечкам, деревням Минской губернии и в сем губернском городе и продаються в городе Минске, в местечках Узде, Несвиже, г. Слуцке. Для улутшения в прошлом году по бумажной фабрике никаких способов и машын не было. Фабрика помещаеться на собственной земли помещика Завишы в деревни Низу. Строение деревянное, в одном доме, состоящем в длину 15 ⅓ сажаней, шыриною 8 ¾ сажен, на реке Усе.

Фабрика устроена 1828 года помещиком Завишею. Приобратаються большые выгоды для бедных жытелей местечка Узды, которые доставляють онучы и получають в год значную сумму.

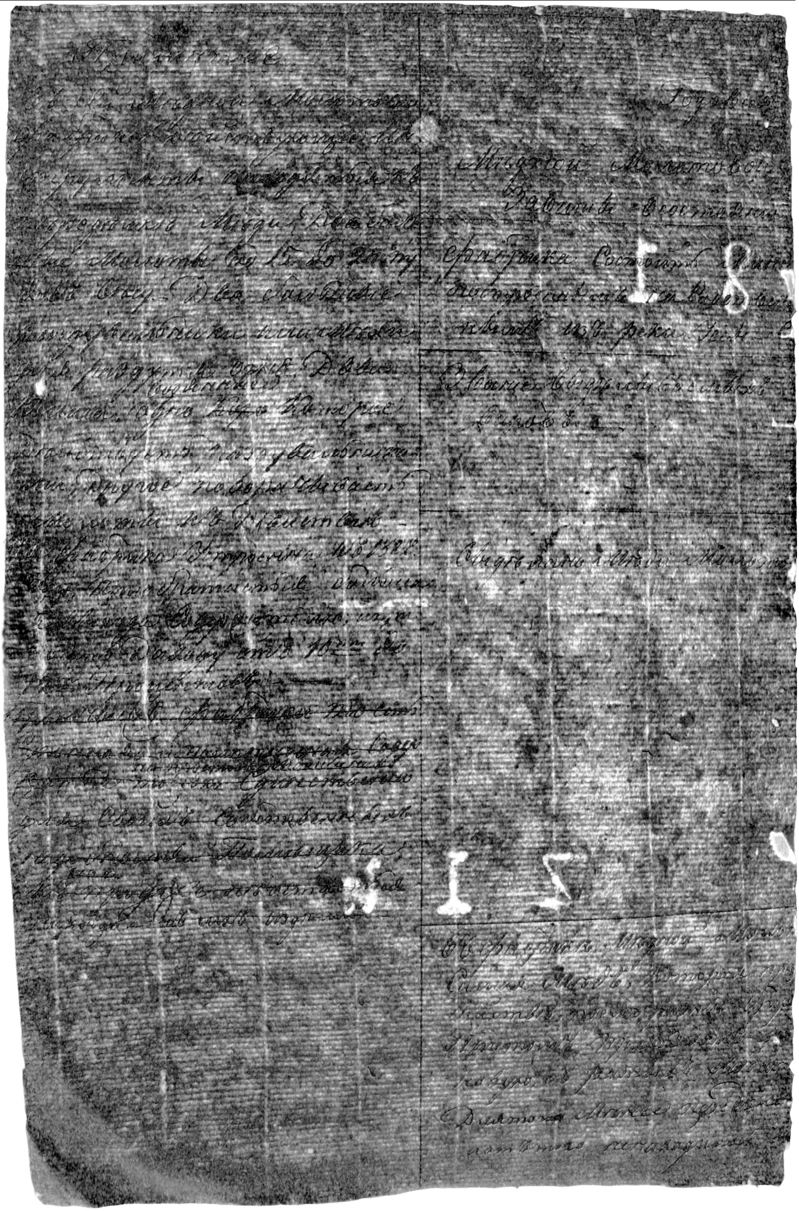
Машына действуеть посредством воды.

Управляющиий Франц Бенедиктович Щуровский.

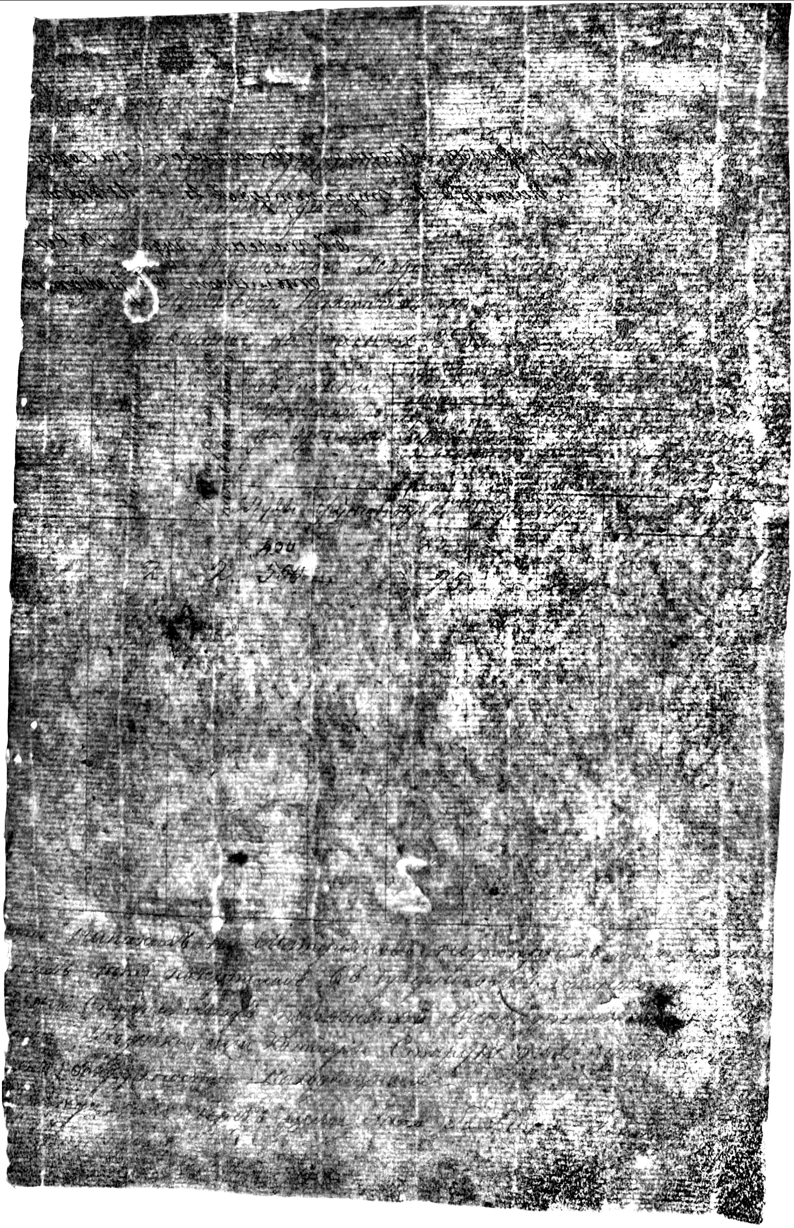
НГАБ. Ф. 694. Воп. 2. Спр. 9743. Арк. 2 адв., 9. Чарнавік. Рукапіс.

Літаратура

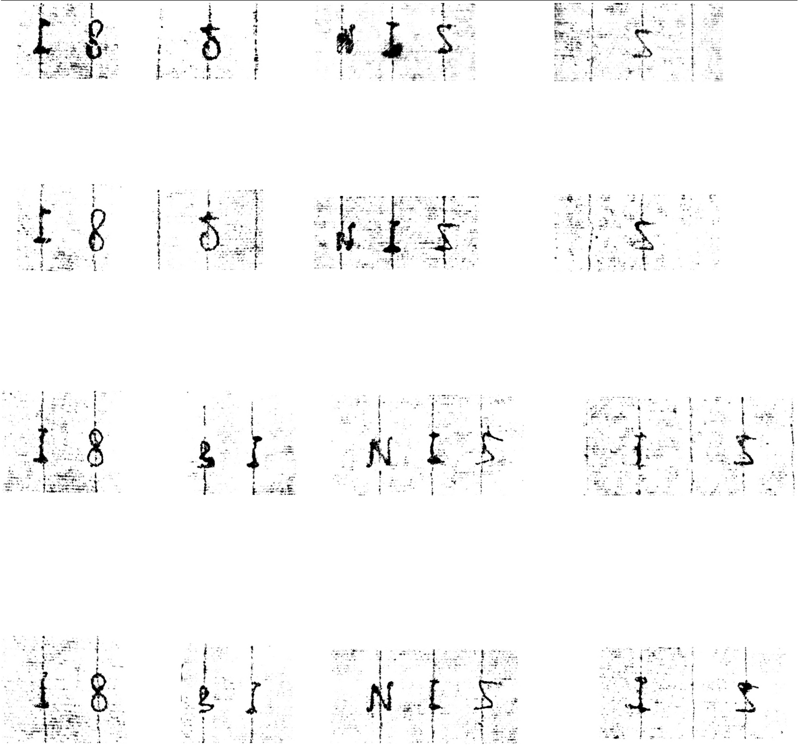
1. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года / Составленный в Департаменте Мануфактур и Внутренней Торговли из ведомостей, от Гг. Гражданских Губернаторов полученных. — СПб., 1833. — 846 с.
2. Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феадалізма. — Менск, 1934. — № 1. 1796—1840. — X, 300 с.
3. Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феадалізма.— Менск, 1935. — № 2. І. Статыстыка 1841—1864. ІІ. Урадавыя мерапрыемствы 1793—1861. — 380 с.
4. Прамысловасць дарэвалюцыйнай Беларусі / Аўтар-складальнік М. Ф. Болбас. — Мінск, 1988. — 321 с.
5. Laucevičius, E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. / E. Laucevičius. Vilnius: Mintis, 1967. — 287 p.
6. Лауцявичюс, Э. Бумага в Литве в XV—XVIII веках / Э. Лауцявичюс. Вильнюс: Минтис, 1979. — 186 с.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Ф. 694. — Воп. 2. — Спр. 9743.
8. Участкина, З. В. Развитие бумажного производства в России / З. В. Участкина. — М., 1972. — 256 с.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Ф. 295. — Воп. 1. — Спр. 476.
10. Пазднякоў, В. С. Праблемы выкарыстання лічбавай тэхнікі пры вывучэнні вадзяных знакаў архіўных дакументаў / В. С. Пазднякоў // Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі (Мінск, 20 мая 2009 года). — Мінск, 2010. — С. 356—363.



Мал. 1. Вадзяныя знакі арк. 3.



Мал. 2. Вадзяныя знакі арк. 8.



Мал. 3. Маркіровачныя знакі на арк. 1—4, 7—10 (зводная табліца).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.04.2012

ПОСТАЦІ

У. Г. Кулажанка

ДА 60-ГОДДЗЯ ВАЛЯНЦІНЫ ЯГОРАЎНЫ ДАНЕКІНАЙ

4 лютага 2012 г. споўнілася 60 год з дня нараджэння аднаго з самых заслужаных і вопытных супрацоўнікаў Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва — Валянціны Ягораўны Данекінай.

Нарадзілася Валянціна Ягораўна ў Мінску ў сям'і ваеннаслужачага. Пасля заканчэння школы паступіла на філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Атрымаўшы ў 1976 г. універсітэцкі дыплом, была прынята на працу ў Дзяржаўную бібліятэку БССР імя У. І. Леніна.

Паспрабаваць сябе ў архіўнай справе маладому спецыялісту параіў вядомы беларускі пісьменнік, чалавек вялікага літаратурнага таленту і цвёрдай грамадзянскай пазіцыі Алесь Адамовіч, з якім Валянціна Ягораўна была знаёма. Якраз у той час Адамовіч перадаваў свой асабісты архіў у Цэнтральны дзяржаўны архіў-музей літартатуры і мастацтва БССР і яму падалося, што гэта больш цікавае месца працы для здольнай выпускніцы філфака.

Такім чынам 35 гадоў таму, у маі 1977 г., Валянціна Ягораўна прыйшла ў архіў і была прынята на пасаду малодшага навуковага супрацоўніка ў аддзел ведамасных архіваў, камплектавання і экспертызы каштоўнасці дакументаў.

Работа па камплектаванні фондаў архіва-музея дакументамі вядомых дзеячаў беларускай літаратуры і мастацтва патрабавала адмысловых прафесійных навыкаў, звычкі да ўдумлівай працы з дакументамі, а яшчэ і ўмення наладжваць даверлівыя адносіны з фондаўтваральнікамі альбо іх сваякамі. Усімі гэтымі якасцямі авалодала Валянціна Ягораўна — глыбокія веды па літаратуры і мастацтве, эрудыцыя, разважлівасць, тактоўнасць, добразычлівасць — спрыялі павышэнню аўтарытэту аддзела і маладога супрацоўніка асабіста ў вачах дзеячаў беларускай культуры.

У сваю чаргу знаёмствы і сустрэчы з вядомымі пісьменнікамі, артыстамі і мастакамі давалі новыя веды, узбагачалі ўнутраны свет, матывавалі маладога архівіста да новых творчых пошукаў. Адным з першых, з кім пазнаёмілася В. Я. Данекіна, быў вядомы беларускі пісьменнік, літаратуразнавец і франтавік Мікола Лобан, які пазней перадаў у БДАМЛМ свой унікальны архіў. Потым былі знаёмствы і плённае супрацоўніцтва са знакамітымі пісьменнікамі М. Танкам, Я. Брылём, У. Калеснікам, В. Быкавым, тэленавітымі мастакамі Я. Красоўскім, А. Кашкурэвічам, А. Шаўчэнкам, Л. Шчамялёвым, А. Паслядовіч, выдатнымі акцёрамі І. Ліснеўскім, А. Клімавай, А. Душачкіным, С. Станютай, З. Браварскай і многімі іншымі. Нярэдка такія адносіны станавіліся пасапраўднаму сяброўскімі і доўжыліся многія гады.

За час работы ў аддзеле В. Я. Данекінай былі прыняты на дзяржаўнае захоўванне асабістыя архівы 25 вядомых дзеячаў беларускай літаратуры і

мастацтва, сярод якіх — А. Адамовіч, І. Ахрэмчык, А. Багатыроў, М. Танк, С. Селіханаў, А. Бембель, Д. Лукас і інш.

У 1981 г. Валянціна Ягораўна была пераведзена ў аддзел інфармацыйна-пошукавых сістэм, дзе плённа працавала па стварэнні навукова-даведачнага апарату архіва-музея. Дзякуючы арганізацыйным здольнасцям, высокай дысцыплінаванасці і лідэрскім якасцям у 1985 г. яна была прызначана загадчыкам гэтага аддзела.

З 1993 г. Валянціна Ягораўна ўзначальвае аддзел навуковага апісання дакументаў асабістага паходжання, і гэты час можна лічыць найбольш плённым у яе працоўнай біяграфіі. За гэты перыяд ажыццёўлена навуковая апрацоўка каля 40 фондаў і калекцый асабістага паходжання (А. Астаповіча, З. Астапенкі, А. Бачылы, К. Каганца, У. Корша-Сабліна, Е. Міровіча, П. Мядзелкі, А. Мальдзіса, С. Станюты і інш.). Адначасова праводзілася ўдасканаленне і пераапрацоўка вопісаў устаноў і асабістых фондаў, каталагізацыя дакументаў. Прымала ўдзел у падрыхтоўцы анатацый да двух выпускаў Даведніка па фондах БДАМЛМ, у распрацоўцы метадычных дапаможнікаў, а таксама ў навуковых канферэнцыях, публікавала навуковыя і навукова-папулярныя артыкулы па гісторыі беларускай літаратуры і мастацтва.

У выніку Валянцінай Ягораўнай быў назапашаны ўнікальны вопыт, яна дасканала авалодала методыкай архіўнай працы, атрымала выключныя веды па складзе і змесце фондаў архіва-музея. Усё гэта сёння яна шчодра перадае маладому пакаленню архівістаў, для якіх яе прафесіяналізм і творчыя адносіны да працы служаць наглядным прыкладам.

За асабісты ўклад у развіццё архіўнай справы Валянціна Ягораўна неаднаразова ўзнагароджвалася падзякамі і граматамі. У 1992 г. яна была ўзнагароджана знакам «Выдатнік архіўнай справы», а ў 2007 г. знакам «Ганаровы архівіст Беларусі».

Валянціна Ягораўна — чалавек высокай культуры, выдатны арганізатар, сапраўдны майстар сваёй прафесіі.

Віншуем Валянціну Ягораўну Данекіну з юбілеем, жадаем ёй моцнага здароў'я, натхнення і новых творчых поспехаў!

— ◊ —

З. А. Александрович

ЮБИЛЕЙ П. М. ЧЁРНОГО

19 июля 2012 г. исполнилось 60 лет директору Государственного архива Гомельской области Павлу Михайловичу Чёрному.

Павел Михайлович выходец из белорусской деревни Бабичи Речицкого района Гомельской области. Отец, Михаил Семенович, был мастером цеха на Бабичской мебельной фабрике. Мать, Ефросинья Павловна, портниха, рукодельница, по сей день занимается ткачеством. Родители Павла Михайловича, пережившие все тяготы военного и послевоенного времени, воспитали двух сыновей и дочь. Павел был старшим сыном. Это обстоятельство способство-

вало развитию у юноши таких качеств, как ответственность, самостоятельность, инициативность.

В школьные годы будущий руководитель занимался различными видами спорта, творчеством, но главным увлечением стала музыка. Первую гармошку Павлу родители подарили в 5 лет, а в школьном кружке занятия продолжились на баяне.

В 1969 г., после окончания Бабичской средней школы, Павел Михайлович решает связать свою жизнь с музыкой и поступает в Гомельское музыкально-педагогическое училище. В 1970—1972 гг. образовательный процесс был прерван в связи с исполнением воинского долга в рядах Вооруженных сил БССР.

В 1974 г., после окончания училища, Павел Михайлович был назначен директором Холочского сельского Дома культуры Чечерского района. На этой должности начали реализовываться его незаурядные организаторские способности: впервые в сельском Доме культуры стали проводиться театрализованные обряды бракосочетания, в «копилке» появились награды за первые места в конкурсах художественной самодеятельности. Талантливого молодого руководителя заметили и перевели на работу директором в Чечерский районный Дом культуры, затем было назначение на должность уполномоченного по организации концертов Гомельской областной филармонии. В 1976 г. Павел Михайлович был одним из организаторов концертов в дни проведения Декады Украинского искусства в БССР. Здесь он получает новое интересное приглашение на работу и переезжает в г. Ворошиловград (современный Луганск). Так, в 24 года Павел Михайлович становится заместителем директора Ворошиловградской областной филармонии. Именно директора Ворошиловградской филармонии Шистко Виктора Алексеевича Чёрный П. М. называет своим наставником, человеком, сыгравшим большую роль в становлении его как руководителя.

Работа в Ворошиловградской филармонии оставила незабываемые воспоминания о встречах с такими яркими артистами, как Л. В. Лещенко, М. С. Боярский, А. Д. Папанов, Л. П. Сенчина, М. М. Магомаев, М. А. Эсамбаев.

Полученный опыт Павел Михайлович мечтает применить на родине и в 1980 г. возвращается в Гомель. Здесь он включается в активную профессиональную жизнь. В разные годы с 1980 по 2004 работает: начальником концертного отдела Гомельской областной филармонии, старшим инспектором, заместителем заведующего отделом культуры Гомельского района, директором Гомельского районного Дома культуры, в 1994 г. оканчивает Минский институт культуры.

На каждой из своих должностей Павел Михайлович, как профессионал высокой пробы, проявлял блестящие способности руководителя. Так, при непосредственном руководстве и участии Павла Михайловича в Гомельском

районном Доме культуры была налажена работа по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи. Вклад Чёрного П. М. в развитие духовной жизни общества получил достойную оценку. В 2003 г. он был награжден орденом преподобного Сергия Радонежского 3-й степени.

Судьбоносным событием в жизни Павла Михайловича стало назначение в 2004 г. на должность директора учреждения «Государственный архив Гомельской области». Он всей душой отдался новому делу. Исключительное трудолюбие, доброжелательность к людям позволили Павлу Михайловичу очень быстро заслужить любовь коллектива. В архиве проявились лучшие организаторские качества Чёрного П. М., позволившие ему добиться решения многих задач, стоявших перед ведущим архивным учреждением Гомельской области. Проявляя твердый характер и профессионализм, он много работает, что позволяет быстро осваивать тонкости архивного дела.

Как директор, Павел Михайлович много времени уделяет административно-хозяйственной работе. С его приходом Государственный архив Гомельской области преобразился: был сделан текущий ремонт, приобретена новая мебель, оборудование, компьютерная, телевизионная оргтехника, проведена локальная сеть, налажена связь с районами, увеличились темпы научно-технической обработки документов благодаря приобретению автотранспорта.

П. М. Чёрный — активный пропагандист историко-архивного документального наследия Гомельщины. Он участник и составитель целого ряда опубликованных сборников документов. В их числе: «Чернобыльская катастрофа в документах и материалах (1986—2006 гг.)» (Гомель, 2006), «Чернобыль. 26 апреля 1986 — декабрь 1991» (НАРБ, 2006), «Гомельская губерния. 1919—1926 гг.: Документы и материалы» (НАРБ, 2009), «Гомельщина партизанская. Начало. Июнь 1941 г. — май 1942 г.: Сборник документов и материалов» (НАРБ, 2010), «Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны: Документы и материалы» (НАРБ, 2010), «Чернобыльская катастрофа. 1986—1991: Док. и материалы» (Минск, 2011). В настоящий момент под руководством директора в архиве идет работа над двумя сборниками документов, которые планируется издать в ближайшие два года. Много сил Павел Михайлович приложил для выхода в свет Путеводителя по фондам архива (1919—1991 гг.).

Павел Михайлович входит в состав Правления Общественного объединения «Белорусское общество архивистов», член Гомельского областного общественного объединения «Румянцевское общество», постоянный участник научных конференций, форумов, «круглых столов», идейный вдохновитель многих историко-документальных выставок, подготовленных архивом.

Отвечая на вопрос о том, как он оценивает свою работу в архивной отрасли, Павел Михайлович ответил: « Когда мне предложили работу в архивной отрасли, я не колебался. Ведь архивы всегда играли ключевую роль

в сохранении исторической памяти человечества. А современные архивы способствуют решению многих задач социального и экономического развития общества, эффективному государственному управлению, обеспечивают научное исследование исторического процесса. Работа архивиста — это непростая работа, она требует профессиональных навыков и знаний. Тем не менее, работа в архиве приносит мне радость и удовлетворение с первых дней назначения на должность. Я горжусь, что являюсь руководителем учреждения, которое вносит свой вклад в развитие архивного дела в Беларуси, в накопление, сохранение, изучение и публикацию документального наследия страны».

Чёрный Павел Михайлович пользуется большим уважением коллег не только как талантливый руководитель, но и как прекрасный человек — умный, тактичный, доброжелательный.

От всей души поздравляем Павла Михайловича с юбилеем, желаем крепкого здоровья, плодотворной деятельности, оптимизма и большого личного счастья!

— ◊ —

ПРОФЕССИОНАЛ: К 60-ЛЕТИЮ АРХИВИСТА, АРХЕОГРАФА, ПЕДАГОГА М. Ф. ШУМЕЙКО

Михаил Федорович Шумейко родился 20 августа 1952 г. в деревне Верхняя Злобинка Почепского района Брянской области в семье учителя. Сразу после окончания школы в 1969 г. поступил в Московский государственный историко-архивный институт на факультет архивного дела. В те годы в МГИАИ был исключительно сильный преподавательский состав, и М. Ф. Шумейко получил в alma mater хорошую общеисторическую и профессиональную подготовку.

В студенческие годы для Михаила Федоровича буквально судьбоносной стала встреча с Сигурдом Оттовичем Шмидтом. Он активно участвует в научном кружке источниковедения истории СССР, которым руководил Сигурд Оттович, готовит под его руководством дипломную работу. Спустя годы Михаил Федорович напишет, что С. О. Шмидт для него — «это прежде всего Учитель, прививший интерес к историческому исследованию и уважение к историческому источнику — его основе, знакомство с которым более 40 лет назад во многом определило его дальнейшую судьбу, и не только в профессиональном, но и в сугубо житейском отношении».

В 1980 г. Михаил Федорович закончил очную годичную аспирантуру МГИАИ и в том же году защитил и на Совете института кандидатскую диссертацию на тему «Из истории выявления и сбора документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX веков (по материалам архива В. Я. Богучарского)».

По окончании института Михаил Федорович был направлен на работу в Государственный архив Брянской области на должность старшего научного сотрудника.

С 1976 г. волею судьбы жизнь и научная деятельность Михаила Федоровича связаны с Беларусью. Здесь он начинал свою практическую деятельность в качестве старшего научного сотрудника Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР. Затем последовала работа в Главном архивном управлении при Совете Министров БССР (1977 г.), партархиве Института истории партии при ЦК КПБ (1977—1991 гг.), научно-исследовательском центре документоведения и ретроинформации (с 1994 г. — Белорусский научно-исследовательский центр документоведения, археографии и архивного дела, с 1996 г. — БелНИИДАД). С 1996 г. Михаил Федорович — доцент, заместитель заведующего кафедры источниковедения БГУ. Однако связей с БелНИИДАД он не порывает, оставаясь ведущим научным сотрудником отдела архивоведения.

Михаил Федорович проявил себя одним из наиболее авторитетных и плодотворно работающих специалистов в области архивоведения, археографии, источниковедения. Поистине поражает перечень опубликованных им лично и в соавторстве работ — более 500 наименований монографий, сборников документов, статей, рецензий, докладов на конференциях. Сделать столь многое в науке возможно лишь при трудоголическом фанатизме, преданности избранной специальности и, конечно же, таланте. Опубликованные труды показывают широкий диапазон тем, охваченных ученым, его исследовательское мастерство, глубокий профессионализм, вдумчивое, конкретное отношение к источнику и факту, новизна и основательность трудов.

Наиболее значимый вклад Михаил Федорович внес в развитие белорусской археографии. Им опубликован ряд статей, докладов, информаций по археографии, разработан профильный курс лекций для студентов («Археография». — Минск: БГУ, 2005. — 431 с.). А в 2007 г. вышел капитальный труд «Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики)». — Минск: БелНИИДАД. — 498 с.), получивший высокую оценку в нашей стране и за рубежом. В этой монографии охвачен широкий круг проблем по наиболее значимым направлениям развития археографии. Автор затронул теоретические проблемы современной археографии. Им предложено понимание археографии, точнее, белорусской археографии как науки, занимающейся комплексом проблем, связанных с введением письменных источников белорусского происхождения и о Беларуси в научный оборот на этапе их поиска и собирания, научного описания и издания. М. Ф. Шумейко обосновал собственное видение того, чем археографическая публикация отличается от других публикаций документов и исследовал проблемы модернизации текста документа при его передаче. В разделе, посвященном истории белорусской археографии, М. Ф. Шумейко наметил основные вехи ее развития, показал достижения и проблемы. С большим уважением, порой с пиететом, автор отметил труды ряда археографов и учреждений, которые работали на ниве археографии. М. Ф. Шумейко поднял целые пласты незаслуженно забы-

той информации, которая освещает становление и развитие белорусской археографии, — и архивной, и опубликованной в ныне редких печатных изданиях . Он сделал ее достоянием сегодняшнего дня, ввел в активный научный, педагогический и практический оборот. Наконец, в этой же монографии, в отдельном разделе, М. Ф. Шумейко изложил основные принципы публикации документов как исторических источников, выработанные им и как теоретиком археографии, и как исследователем-практиком на этой ниве.

Большое место в его печатных трудах занимают также две важные темы: история, практика и теория архивного дела и реституция белорусских архивов. Михаил Федорович один из авторов «Очерков истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.)» (совместно с С. В. Жумарем и Д. В. Каревым) (Минск: БелНИИДАД, 1999. — 294 с.), учебного пособия «Архивоведение Беларуси» (в соавторстве с К. И. Козаком и В. Д. Селеменевым) (ч. 1—2, Минск: Изд. центр РИВШ, 1998. — 216, 196 с.). Вышедшая в 1997 г. монография М. Ф. Шумейко «Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем» (Минск: БелНИИДАД, 155 с.) посвящена драматической судьбе документального наследия Беларуси, оказавшегося за ее пределами, и его частичному возвращению в республику в 20—60-е годы XX в.

Михаил Федорович также автор ценных трудов по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., национально-государственного строительства в Беларуси в 20-е годы XX в., центральных и местных архивов, ряда научных биографий XX столетия и др.

М. Ф. Шумейко никогда не был сухим «кабинетным» ученым. Занятия «чистой» наукой сочетаются у него с активной общественной деятельностью. Сотрудничая с различными изданиями, особенно плодотворно с журналом «Архивы и делопроизводство», он несет в массы новые архивные открытия, последние научные достижения, постоянно выступает с докладами на научных конференциях, в том числе международных, по проблемам архивоведения, источниковедения, археографии, истории. Он является членом Археографической комиссии Российской АН, членом редколлегии украинского археографического издания «Пам’ятки», белорусских изданий «Беларуская мінуўшчына», «Архіварыус», «Архівы і справаводства», «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны», был научным консультантом «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (т. 1—6, Мінск, 1999—2003), энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» (Мінск, 1990).

Он член ученых советов БелНИИДАД, БелНИЦЭД, НАРБ, НИАБ, заместитель председателя Археографической комиссии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. В 1999—2000 гг. являлся членом специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при БелНИИДАД.

Грандиозную исследовательскую работу, Михаил Федорович, опираясь на свою эрудицию, фундаментальные научные знания, сочетает с напряженной преподавательской деятельностью. Он готовит учебные пособия и программы, читает лекции, ведет семинары и спецкурсы («Археография», «Зарубежная археография», «Архивная реституция» и др.), руководит курсовыми и дипломными работами студентов и т. д. Особенно много сил и времени М. Ф. Шумейко отдает работе с аспирантами БелНИИДАД и БГУ. Им подготовлена целая плеяда молодых ученых, которые успешно продолжают дело своего научного руководителя.

Несмотря на очевидные научные заслуги, Михаил Федорович очень скромный, спокойный, тихий человек, не склонный к саморекламе. Это не значит, что он лишен честолюбия, но как настоящий интеллигент и истинный подвижник науки, он мудр и тактичен, и совершенно не склонен к выпячиванию собственного «я». Добрый, отзывчивый на любую просьбу, скрупулезный в работе он просто делает свое дело и исполняет свой долг истинного ученого. И долг этот—нести знания людям.

Мы горды тем, что Михаил Федорович является членом редколлегии и активным автором «Беларускага археаграфічнага штогодніка» с первого его выпуска в 2000 г. Желаем ему дальнейших творческих, научных успехов, залогом которых являются талант ученого и педагога, душевная энергия и неиссякаемая работоспособность.

Редколлегия «Беларускага археаграфічнага штогодніка»

—◊—

В. У. Бабкова

ЯЎГЕНІЯ ЛЕАНІДАЎНА БРАВЕР

Імя Яўгеніі Леанідаўны Бравер ведаюць усе тыя, хто займаецца старадаўняй гісторыяй Беларусі і даследуе архіўныя крыніцы. Большасць архіўных вопісаў фондаў старажытных актаў распачынаецца грунтоўнымі прадмовамі, якія былі напісаны менавіта ёй. На лістах выкарыстання дакументаў да шматлікіх актавых кніг і дакументаў з фонду «Радзівілы, князі» стаіць прозвішча Бравер за самыя розныя гады, пачынаючы з 60-х гг. мінулага стагоддзя. Яна была практычна адзіным спецыялістам на той час, хто чытаў старадаўні кірылічны хуткапіс, старапольскае пісьмо ўзору XVI—XVIII стст. Яўгенія Леанідаўна выдатна разумела каштоўнасць гэтых гістарычных пісьмовых крыніц і, што вельмі істотна, атрымлівала асалоду, разбіраючы пакручастыя почыркі ў старых судовых кнігах. Праца з дакументамі, высвятленне пэўных гістарычных акалічнасцей, паглыбленне ў атмасферу мінулых эпох праз вывучэнне пісьмовых крыніц прыносілі ёй сапраўднае задавальненне. Гісторыя Беларусі на доўгі час стала аб’ектам даследавання гісторыка-архівіста Яўгеніі Леанідаўны Бравер.

Нарадзілася Яўгенія Леанідаўна 14 ліпеня 1932 г. у мястэчку Гарадніца Жытомірскай вобласці ва Украіне. Пачатковую адукацыю атрымала падчас

эвакуацыі ў Варонежскай вобласці, дзе адвучылася 4 класы ў сяле Краснарэчанка. Сярэднюю школу скончыла ў 1950 г. у гарадскім пасёлку Міронаўка Кіеўскай вобласці, і ў гэтым жа годзе паступіла на гістарычны факультэт Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі, багатага сваімі даўнімі традыцыямі, дзе атрымала спецыяльнасць «гісторык-архівіст». Цікавы факт, што практычна ў той самы час у сценах гэтай славутай навучальнай установы на філалагічным факультэце вучыўся Уладзімір Караткевіч.

Уся наступная дзейнасць Я. Л. Бравер была цалкам звязана з архіўнай справай у Беларусі. З 1955 па 1992 г. Яўгенія Леанідаўна працавала на розных пасадах у архіўных установах рэспублікі. Першым месцам працы быў Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці, адкуль у 1963 г., пасля заснавання ў Мінску Цэнтральнага Дзяржаўнага гістарычнага архіва, малады спецыяліст Яўгенія Бравер была пераведзена ў новаствораны аддзел старажытных актаў на пасаду загадчыка. Аддзел у складзе двух супрацоўнікаў праіснаваў кароткі час. Аднак за год яго дзейнасці быў закладзены падмурак у працы са старажытнымі дакументамі: складзены пераводная табліца да фондаў старажытных актаў, гістарычныя даведкі на корпус фондаў судовых устаноў Беларусі перыяду Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, распачалася праца над зборнікам архіўных дакументаў «Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII стст.». У гістарычным архіве выдатна разумелі каштоўнасць дакументальных матэрыялаў такіх судовых устаноў, як земскія, павятовыя, гродскія, эксдывізарскія, падкаморскія, магістраты, ратушы і г. д., якія з’яўляліся практычна адзінымі крыніцамі па вывучэнні палітычнага і эканамічнага жыцця беларускіх зямель часоў позняга Сярэднявечча, пачатку Новага часу.

Далейшы працоўны шлях звязаў Яўгенію Леанідаўну з аддзелам выкарыстання і публікацыі, дзе яна працавала спачатку навуковым супрацоўнікам, а пасля загадчыкам аддзела на працягу 15 год. Аднак праца са старажытнымі дакументамі працягвалася і на новай пасадзе менавіта дзякуючы вопыту Бравер і разуменню ёй гістарычнай і культурнай каштоўнасці гэтага комплексу дакументаў. У 1967 г. Я. Л. Бравер быў складзены «Метадычны дапаможнік аб шляхах і метадыцы падакументальнага апісання актавых кніг», дзе ўжо тады адзначалася неабходнасць распрацоўкі кніг судовых устаноў і складання да іх унутраных вопісаў (гэтая праца была паслядоўна распачата толькі ў 1990 г., з моманту аднаўлення дзейнасці аддзела старажытных актаў). Апісанне актавых кніг Яўгеніяй Леанідаўнай працягвалася, але, улічваючы аб’ектыўную сітуацыю, толькі на тэматычных картках. Адначасова працягвалася праца па стварэнні памяткі аб падрыхтоўцы слоўніка рэдкаўжывальных спецыфічных тэрмінаў XV—XVIII стст., аналізе і ўдасканаленні навукова-даведачнага апарату да дакументаў комплексу старажытных актаў, а таксама падрыхтоўцы фонду 694 («Радзівілы, князі») да мікрафотакапіравання. Паводле разлікаў Я. Л. Бравер, з-за вялікага аб’ёму розных відаў працы па комплексе ста-

ражытных актаў намаганнямі аднаго супрацоўніка паактавае апісанне аднаго фонду «Брэсцкі земскі суд» магло быць завершана толькі ў XXI ст.

Менавіта ў гэты перыяд гістарычны архіў зрабіўся адным са значных навукова-даследчых цэнтраў. За парадай да Яўгеніі Леанідаўны звярталіся шмат навукоўцаў, якія плённа працавалі ў чытальнай зале архіва. У кабінеце загадчыцы аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання можна было сустрэць будучых кандыдатаў і дактароў гістарычных навук П. Р. Казлоўскага, З. Ю. Капыскага, Г. Я. Галенчанку, М. Ф. Спірыдонава, маладых тагачасных аспірантаў-гісторыкаў П. А. Лойку, В. Ф. Голубева ды іншых. Саму Бравер цікавіла гісторыя старажытнага Магілёва. Яна збіралася пісаць навуковую працу і назапасіла багата матэрыялу па тэме. Аднак абставіны не дазволілі ажыццявіцца гэтым планам.

У супрацоўніцтве з Інстытутам гісторыі АН БССР архіў падрыхтаваў першы том зборніка дакументаў «Социально-политическая борьба в Белоруссии в конце XV в. — 1648 г.» (Минск, 1988). На той час гэта была падзея ў навуковым свеце Беларусі. Пабачылі свет і два сумесныя з інстытутам зборнікі «Инвентари магнатских владений Белоруссии в XVII—XVIII вв. Владение Сморгонь» (Минск, 1977), «Инвентари магнатских владений Белоруссии в XVII—XVIII вв. Владение Тимковичи» (Минск, 1982). У падрыхтоўцы ўсіх выданняў брала непасрэдны ўдзел Я. Л. Бравер.

Працавала Бравер таксама і над зборнікамі «Подъем революционного движения в Белоруссии и Литве 1859—1862 гг.», «Восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве». Тэматыка яе артыкулаў і навукова-папулярных публікацый па архіўных матэрыялах была самай разнастайнай: па гісторыі розных мясцовасцей, пра старэйшую аптэку ў Мінску, пра вайну 1812 г., пра такіх асоб, як Я. Чачот, А. Пушкін, У. Караленка, І. Айвазоўскі, С. Манюшка, С. Кавалеўская, П. Шэйн, Я. Лучына, К. Лышчынскі, М. К. Агінскі, А. Багдановіч, дзекабрысты і шмат іншых.

1 сакавіка 1990 г. Бравер была звольнена з ЦДГА БССР у г. Мінску, дасягнуўшы пенсійнага ўзросту, насуперак разуменню таго факта, што архіўная справа, як ніякая іншая, патрабуе высокага прафесіяналізму і вопыту супрацоўнікаў, які назапашваецца гадамі працы са старажытнымі дакументамі. Аднак яшчэ пэўны час, з 1 студзеня 1991 г. па 6 ліпеня 1992 г., Яўгенія Леанідаўна заставалася ў архіўнай сістэме. Месцам яе новай працы стаў Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі, які месціўся ў будынку касцёла Св. Язэпа на плошчы Свабоды. Нязвыкла было бачыць Яўгенію Леанідаўну са стосам тонкіх архіўных спраў найноўшага часу. Звычайна на яе працоўным стале ляжалі фаліянты XVI—XVIII стст. памерам ў 500—1000 старонак.

На развітанне Яўгенія Леанідаўна пакінула на памяць некалькі кніг на ўкраінскай мове, якую яна добра ведала. Увогуле, будучы чалавекам, узгадаваным уплывамі некалькіх культур (яўрэйскай, украінскай, беларускай, расій-

скай), Бравер з цяжкасцю рыхтавалася да ад'езду за акіян у эміграцыю. Не бачыла сябе і свайго прымянення там, дзе няма пакручастых кірыліцы і лацінкі на пажаўцелых аркушах. Значна пазней прыйшлі звесткі пра яе жыццё ў Амерыцы, пра экскурсіі ў Бібліятэку Кангрэса ЗША, у мясцовы архіў. Пра яе ўражанні ад убачанага. А пасля кантакты перарваліся. І засталіся памяць і павага да чалавека, які столькі зрабіў для архіўнай службы незалежнай Беларусі.

— ◊ —

А. Г. Карапузова, Л. Г. Романович

АРХИВИСТ ПО ПРИЗВАНИЮ

(к 90-летию со дня рождения Тамары Дмитриевны Либеровской)

В истории любого учреждения есть работники, оставившие значительный след, благодаря сделанному за время работы. Одним из таких сотрудников государственного архива Брестской области была Тамара Дмитриевна Либеровская.

Тамара Дмитриевна родилась 11 апреля 1922 г. в г. Златоусте Челябинской области (Россия). В 1944 г. закончила Московский государственный историко-архивный институт. Свою трудовую деятельность начала в г. Калуга в архивном отделе УНКВД Калужской области. В сентябре 1947 г. Т. Д. Либеровская была переведена на работу в г. Брест, в государственный архив Брестской области. В архиве Тамара Дмитриевна проработала более 30 лет на должностях старшего научного сотрудника, начальника отдела общих фондов (позже — отдела использования и публикации документов). С июля 1976 г. по август 1977 г. занимала должность директора архива.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. Т. Д. Либеровская, хорошо владея польским языком, являлась методистом-консультантом по вопросам научно-технической обработки документов польских учреждений за 1919—1939 гг. Ею готовились рабочие инструкции, схемы систематизации дел, исторические справки к фондам. Она проводила тематическую разработку фондов польских учреждений и организаций, законодательных актов Польши. Массив составленных ею тематических карточек лег в основу систематического каталога архива к документам за 1919—1939 гг.

Т. Д. Либеровскую можно по праву считать первооткрывателем комплекса документов периода 1919—1939 гг. Заслуга состоит в том, что она ввела в научный оборот документы по истории полесского края межвоенного периода, составила к ним обширный научно-справочный аппарат, включая разнообразные справочники, тематические и пофондовые обзоры, а также подготовила различные методические разработки по вопросам работы с этим комплексом документов.

Среди всего многообразия созданных Т. Д. Либеровской архивных справочников следует отметить «Справочник учреждений и организаций, действовавших на территории Западной Белоруссии в 1919—1939 гг.». Несмотря

на то что он не был опубликован, известен далеко за пределами архива. Перу Тамары Дмитриевны принадлежат «Справочник административно-территориального деления Брестской области в границах 1921—1939 гг.», «Краткий справочник истории учреждений Полесского воеводства за 1919—1939 гг.», многочисленные тематические обзоры и перечни документов (о развитии сельского и лесного хозяйства, промышленности, налоговой политике в Полесском воеводстве, мелиорации Полесья и др.).

Т. Д. Либеровская была одним из составителей сборника документов «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР» (Т. 1. — Минск, 1962; Т. 2. — Минск, 1972), выявляла документы для публикации, принимала участие в первичной обработке и переводах, составлении примечаний по содержанию.

Тамара Дмитриевна являлась членом редакционной коллегии и ответственным составителем справочника по документальным материалам 1919—1939 гг. «Государственные архивы Брестской, Гродненской областей, филиал Государственного архива Минской области в Молодечно» (Минск, 1969).

Т. Д. Либеровская принимала активное участие в различных научно-практических республиканских и областных архивных конференциях с докладами и сообщениями об использовании архивных документов. Готовила статьи для местной печати и научных изданий.

За свою трудовую деятельность Т. М. Либеровская неоднократно удостаивалась различных наград. Среди них — Грамота Верховного Совета БССР, Грамота МВД БССР, Почетная грамота ЦК профсоюзов работников госучреждений и Главного Архивного Управления при Совете Министров СССР и др.

Но не только профессиональными качествами отличалась Тамара Дмитриевна. Она была очень ярким человеком. Интеллигентная, образованная, безумно любящая свою профессию, она была душой любой компании. Сотрудники архива с удовольствием вспоминают, как великолепно она пела. И не просто песни, а многие арии из знаменитых опер и оперетт. Она была очень увлекающейся натурой. Много читала и в молодости мечтала стать профессиональной актрисой. И хоть эта мечта ее не сбылась, она в свободное время играла в любительском театре. Как вспоминает одна из сотрудниц архива: «Она для меня — как яркое пятно. Не красавица, а глаз не отвести. Всегда великолепно одетая, следящая за своей внешностью, очень улыбчивая и приветливая».

Тамара Дмитриевна обладала еще одним даром — была великолепным оратором. Не секрет, что лекции в советское время были обязанностью. И зачастую они были скучными, неинтересными. Но не лекции Тамары Дмитриевны. На ее лекции слушатели шли не по принуждению, а по желанию. Самый обыденный материал она умела преподнести интересно и ярко.

Кроме того, Тамара Дмитриевна обладала также способностью тонко чувствовать человека, определять его способности. Почти все, кого она в свое время повысила в должности, оправдали ее доверие, так же, как и она, всю свою жизнь отдали архиву. Умудренная опытом, она всегда могла дать дельный совет, за что пользовалась уважением всего коллектива. И в тоже время была человеком с переменчивым настроением: строгость, требовательность могла тут же у нее сменяться шуткой.

Одно у нее было неизменным — любовь и уважение к людям, к коллегам по работе и желание передать им хоть часть своего огромного багажа знаний.

И уйдя из жизни, Тамара Дмитриевна незримо присутствует в коллективе архивистов, так как имя ее вспоминают и те, кто с ней работал, и те, кто ее не знал лично, но до сих пор пользуется составленными ею справочниками, обзорами, каталогами.

— ◊ —

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

К 80-летию со дня рождения К. Ф. Плахотниковой
(18.02.1932—14.01.2002)

18 февраля 2012 г. исполнилось бы 80 лет со дня рождения Плахотниковой Клавдии Федоровны, одному из высококлассных специалистов архивной отрасли, бывшему работнику Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (ЦГАОР БССР — ныне Национальный архив Республики Беларусь).

Клавдия Федоровна родилась в д. Кукановка Граждановского района Тамбовской области в семье военнослужащего. Свое детство она провела в Москве с матерью, затем переехала к отцу в Беларусь в г. Пружаны Брестской области, где успешно окончила русскую среднюю школу. В 1949 г. поступила в Минский юридический институт, после окончания которого в 1953 г. была направлена на работу в архивные органы МВД БССР. С этого момента и начался профессиональный путь Плахотниковой К. Ф. в архивной отрасли, которому она не изменила до выхода на заслуженный отдых. Клавдия Федоровна начала свою трудовую деятельность в архиве с должности научного сотрудника общих фондов, далее работала старшим научным сотрудником научно-публикаторской группы, а с июня 1961 г. — начальником отдела использования и публикации документальных материалов ЦГАОР БССР. С октября 1979 г. в связи с введением в центральные архивы новой штатной расстановки Плахотникова К. Ф. назначена заведующей отделом информации, публикации и научного использования документов ЦГАОР БССР.

Плахотникова Клавдия Федоровна была составителем сборников архивных документов: «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», «Индустриализация БССР», «Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 — июль 1920 гг.)», «Документы обличают», «Народное образование в БССР», «Завер-

шение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное управление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.)» и др. В 1984 г. на межотраслевой тематической выставке «Использование государственного архивного фонда СССР для дальнейшего развития советской культуры», которая проходила в Москве на ВДНХ СССР, за подготовку сборника «Народное образование в БССР» Плахотникова К. Ф. награждена серебряной медалью выставки. Клавдия Федоровна принимала активное участие в конференциях по вопросам архивного дела, археографии и архивоведения.

Руководство отрасли высоко оценило заслуги Клавдии Федоровны за личные успехи, успехи коллектива, который она возглавляла. Она была награждена медалью «За доблестный труд», Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров СССР и ЦК профсоюза, Почетной грамотой Верховного Совета БССР, знаком «Отличник архивного дела СССР».

Работая в архиве, Плахотникова К. Ф. пользовалась заслуженным уважением и авторитетом у своих коллег по работе. Последние годы своей трудовой деятельности Плахотникова К. Ф. исполняла обязанности заместителя директора архива.

Клавдия Федоровна — это один из немногих работников отрасли, имевших запись в трудовой книжке, где единственным местом работы значилась только одна организация — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР. 35 лет она отдала честному служению архивной отрасли и одному архиву. Она была простым и порядочным человеком, воспитала двоих сыновей, имела четверых внуков. Такой она и запомнилась работникам архива.

Источники и литература

1. НАРБ. — Ф. 250. — Оп. 4. — Д. 251.
2. Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. — Мінск: БелНДІДАС, 2006. — С. 181.
3. Наша история. Национальный архив Республики Беларусь. 1927—2007 гг. — Минск: НАРБ, 2007. — С. 110 .

Коллектив Национального архива Республики Беларусь

— ◊ —

О. В. Бирюкова

Т. А. ВОРОБЬЕВА

(к 80-летию со дня рождения)

Есть люди, встреча с которыми надолго остается в памяти. И хотя с Тамарой Анатольевной Воробьевой я проработала не очень долго, но в моей памяти она осталась как очень позитивный человек, грамотный, знающий и, главное, любящий свое дело. Всегда в хорошем настроении, с доброжелательной улыбкой, Тамара Анатольевна умела найти подход к любому человеку,

будь он коллега по работе или человек из мира науки, с которым ей приходилось решать возникающие вопросы.

Тамара Анатольевна Воробьева (урожденная Щукина) родилась 17 ноября 1932 г. в Азербайджане, в семье рабочих. После окончания Помашнянской железнодорожной СШ № 19 (Кировоградская область, Украина) в 1950 г. поступила в Московский государственный историко-архивный институт. На четвертом курсе Тамара Анатольевна вышла замуж за А. В. Воробьева и после окончания института вместе с мужем была направлена на работу в Минск.

С августа 1955 г. по апрель 1965 г. Т. А. Воробьева работает в Государственном архиве Минской области, где занимает должности научного сотрудника, с июля 1959 г. — старшего научного сотрудника, а с января 1964 г. Тамару Анатольевну назначают начальником отдела использования и публикации документов архива.

После перевода Центрального государственного исторического архива БССР из Могилева в Минск в апреле 1965 г. Т. А. Воробьеву направляют на работу в этот архив, где она возглавила отдел использования и публикации документов. Это время она вспоминала с особой теплотой, потому что работа была интересной, она увлекала и, как говорила Тамара Анатольевна, она иногда даже забывала про время. Благодаря ее поисковой работе в архиве в научный оборот было введено значительное количество ранее неизвестных документов по истории Минска, социально-экономическому положению населения Беларуси и т. д. На основе выявленных документов она подготовила и опубликовала в периодической печати сотни статей, провела десятки теле- и радиопередач.

С апреля 1975 г. Т. А. Воробьеву переводят на работу в Главное архивное управление при Совете Министров БССР на должность начальника научно-издательского отдела, а с 1981 по 1988 г. она — начальник отдела организационно-методического и научно-справочного аппарата. С 1988 г. — на пенсии.

Прекрасный организатор, профессионал своего дела, Тамара Анатольевна внесла весомый вклад в развитие архивного дела в Беларуси. Она являлась редактором издававшихся Главархивом сборников документов, путеводителей по архивам, справочников. Была членом коллегии, активно участвовала в работе Научного совета и методической комиссии Главархива. Особенно запомнились выступления Тамары Анатольевны на коллегиях, рабочих заседаниях, собраниях коллектива. Всегда четко, лаконично, со знанием дела, она могла убеждать, увлекать, помогать, даже критика с ее стороны не выглядела обидной.

За заслуги перед архивной отраслью Воробьева Т. А. награждена орденом «Знак почета» (1981 г.), медалями «За доблестный труд в ознаменование

100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1984 г.), грамотой Верховного Совета БССР (1972 г.), знаком «Отличник архивного дела СССР» (1986 г.).

Воробьева Т. А. была замечательной хозяйкой, любящей женой, мамой и бабушкой. Могла бесконечно долго рассказывать о внучке, которую безмерно любила. И еще запомнились знаменитые пироги Тамары Анатольевны, которыми она потчевала своих коллег по работе по поводу различных юбилеев и праздников. Даже уже находясь на заслуженном отдыхе, Тамара Анатольевна передавала нам свои пироги через мужа — Александра Васильевича Воробьева, работавшего после Тамары Анатольевны начальником отдела организационно-методического и научно-справочного аппарата.

Умерла Тамара Анатольевна Воробьева 26 января 1999 г. В тот день у нас проходила итоговая коллегия. И это в определенной степени символично, потому что Тамара Анатольевна за время работы в Главархиве подготовила и провела не одну итоговую коллегию. На той, «последней», о ней вспомнили и почтили ее память.

—◊—

ПАМЯЦІ ТАВАРЫША

28 лістапада 2011 г. пайшоў з жыцця Уладзімір Васільевіч Фядосаў — дырэктар (1997—2005), намеснік дырэктара (2005—2011) Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы.

Уладзімір Васільевіч нарадзіўся ў 1950 г. у в. Вялікая Выдрэя Ліёзненскага р-на Віцебскай вобл. у сям'і рабочых. Пасля заканчэння 8 класаў Выдрэйскай школы паступіў у прафесійна-тэхнічнае вучылішча № 37 г. Віцебска, пасля заканчэння якога працаваў слесарам-інструментальшчыкам на Віцебскім заводзе радыёдэталей і адначасова вучыўся ў школе працоўнай моладзі, пасля заканчэння якой у 1968 г. паступіў у Ленінградскае вышэйшае ваенна-палітычнае вучылішча войск проціпаветранай абароны. Пасля заканчэння вучылішча У. В. Фядосаў з 1972 г. служыў ва Узброеных Сілах СССР (з 1991 г. — Рэспублікі Беларусь). У 1982 г. ён скончыў Ваенна-палітычную акадэмію імя У. І. Леніна, у 1988 г. — аспірантуру пры Беларускім дзяржаўным інстытуце народнай гаспадаркі імя В. Куйбышава. Абараніў кандыдацкую дысертацыю па эканоміцы. Да 1997 г. У. В. Фядосаў працаваў выкладчыкам, намеснікам начальніка, прафесарам кафедры сацыяльных навук у Мінскім вышэйшым інжынерным зенітна-ракетным вучылішчы, у Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь. Быў звольнены ў запас у званні палкоўніка, але не пакінуў навукова-педагагічную дзейнасць, узначаліў ведамасную навуковую арганізацыю.

У. В. Фядосаў узначаліў БелНДІДАС, калі інстытут знаходзіўся на этапе станаўлення, пошуку свайго месца ў сістэме дзяржаўных архіўных устаноў, вырашэння вельмі актуальных для 1990-х гг. пытанняў фінансавання і матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння.

Увесь перыяд работы ў архіўнай галіне Уладзімір Васільевіч імкнуўся дасканала авалодаць тэарэтычнымі ведамі і спецыфікай практычнай дзейнасці

архіваў, распрацоўваў навуковую праблематыку, у якой мог быць максімальна карысным. Яго манаграфія «Эканоміка архіўнай справы», выдадзеная ў 2007 г., і да цяперашняга часу застаецца адзінай у адпаведнай галіне даследаванняў у Беларусі. Ён з'яўляецца аўтарам больш чым 60 навуковых, нарматыўна-метадычных прац па пытаннях выкладання грамадскіх навук, умоў працы, архівазнаўства.

Намаганні Уладзіміра Васільевіча не прайшлі безвынікова, менавіта ў час яго кіраўніцтва былі рэалізаваны шматлікія важныя праекты інстытута. Самы актыўны ўдзел ён прыняў у стварэнні і арганізацыі дзейнасці галіновай Археаграфічнай камісіі, стаяў ля вытокаў «Беларускага археаграфічнага штогодніка», з'яўляючыся нязменным членам яго рэдакцыйнай калегіі. У многім дзякуючы намаганням У. В. Фядосава пры БелНДІДАС у 1999 г. была адкрыта аспірантура для падрыхтоўкі навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі па спецыяльнасцях 05.25.02 — дакументалістыка, дакументазнаўства, архівазнаўства (гістарычныя навукі) і 07.00.09 — гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання (гістарычныя навукі).

Уладзімір Васільевіч быў чалавекам сапраўды адданым той справе, якой займаўся. БелНДІДАС стаў для яго, вобразна кажучы, «другім домам», «любімым дзіцём», ён да апошняга дня шчыра перажываў за лёс інстытута, за яго імідж.

За доблесную службу ва ўзброеных сілах У. В. Фядосаў адзначан шэрагам ваенных узнагарод. За работу ў архіўнай галіне ён узнагароджан Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь і нагрудным знакам «Ганаровы архівіст Беларусі».

У памяці ўсіх, хто ведаў Уладзіміра Васільевіча, назаўсёды застанецца яго вобраз, які ўвасобіў у сябе незвычайную чалавечую дабрыню, жыццярадаснасць, аптымізм, уменне трымаць слова, вобраз Прыстойнага чалавека з вялікай літары.

Калектыў БелНДІДАС і рэдакцыйнай калегіі БАШ

РЭЗЮМЭ

У. І. Адамушка, М. В. Бябенін. Аб Законе Рэспублікі Беларусь «Аб архіўнай справе і справаводстве ў Рэспубліцы Беларусь».

У аналізуемым у артыкуле Законе сістэматызаваны заканадаўчыя нормы па прававым рэгуляванні ў галіне архіўнай справы і справаводства і зняты ўсе існаваўшыя ў гэтым пытанні супярэчнасці. У Законе таксама ўлічаны сучасныя тэндэнцыі развіцця грамадства, і яго рэалізацыя будзе садзейнічаць удасканальванню архіўнай справы і справаводства і самае галоўнае — адпавядаць інтарэсам грамадзян нашай краіны, а таксама інтарэсам замежных грамадзян і асоб без грамадзянства, якія пастаянна пражываюць на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

Т. І. Седлярэвіч. 90 гадоў гісторыі архіўных органаў і ўстаноў Рэспублікі Беларусь.

У 2012 г. архіўныя органы і ўстановы Рэспублікі Беларусь адзначаюць сваё 90-годдзе. На працягу ўсяго гэтага часу яны няўхільна ажыццяўлялі палітыку дзяржавы ў галіне архіўнай справы і справаводства, якая накіравана на забеспячэнне карыстальнікаў рэтраспектыўнай інфармацыяй, неабходнай для вырашэння задач палітычнага, эканамічнага і культурнага развіцця краіны, стабільнага і ўстойлівага развіцця грамадства.

У артыкуле, прымеркаваным да юбілею архіўных органаў і ўстаноў краіны, робіцца экскурс у гісторыю архіўнай справы ў Рэспубліцы Беларусь. Разглядаюцца асноўныя этапы гісторыі архіўных органаў і ўстаноў Рэспублікі Беларусь з 1922 г. і да нашых дзён, навацыі, якія ўносіліся кожным з гэтых перыядаў у іх гісторыю. Даецца кароткая аналітычная інфармацыя аб сённяшнім стане архіўнай справы ў Рэспубліцы Беларусь.

Э. М. Савіцкі. Прававыя асновы дзейнасці органаў мясцовага кіравання і самакіравання ў Рэспубліцы Беларусь *(80-я гады XX — пачатак XXI ст.)*.

У артыкуле ў гісторыка-архівазнаўчым аспекце прасочваецца працэс станаўлення і развіцця прававой базы дзейнасці мясцовых прадстаўнічых і распарадчых органаў, інстытутаў непасрэднай дэмакратыі за 20 гадоў пасля здабыцця Рэспублікай Беларусь дзяржаўнага суверэнітэту. Аналізуюцца савецкія канстытуцыі і Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь, законы аб мясцовым кіраванні і самакіраванні, акты Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь, кодэксы Рэспублікі Беларусь і іншыя дакументы, асобнымі нормамі якіх рэгулююцца некаторыя пытанні мясцовых органаў улады.

Л. М. Захарава. Узаемадзеянне Камітэта дзяржаўнага кантролю Рэспублікі Беларусь з міжнароднымі арганізацыямі вышэйшых кантрольных органаў.

Раскрываецца значэнне фінансавага кантролю ў вырашэнні сацыяльна-эканамічных задач. Адлюстроўваецца дзейнасць Камітэта дзяржаўнага кантролю Рэспублікі Беларусь як паўнапраўнага члена міжнародных арганізацый фінансавага кантролю, такіх, як ІНТАСАІ, ЕЎРАСАІ, Савета кіраўнікоў вышэйшых органаў фінансавага кантролю дзяржаў — удзельніц СНД і іншых, іх роля ў выпрацоўцы міжнародных стандартаў кантрольнай дзейнасці, барацьбе з легалізацыяй даходаў, атрыманых злачынным шляхам, парушэннямі падатковага, бюджэтнага заканадаўства суб`ектамі гаспадарання.

А. А. Вайтовіч. Прававыя крыніцы па гісторыі развіцця сістэмы вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь.

Артыкул прысвечаны аналізу асноўных прававых актаў як крыніц па гісторыі развіцця сістэмы вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь. Разглядаюцца вядучыя тэн-

дэнцыі развіцця вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь за перыяд 1991—2010 гг. Абраная аўтарам тэма даследавання актуальная ў аспекце ажыццяўляемых пераўтварэнняў у сістэме менеджменту якасці адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь.

У. Н. Сідарцоў. Зараджэнне і станаўленне кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ (1992—2001 гг.).

У артыкуле разглядаюцца фактары, якія вызначылі стварэнне кафедры крыніцазнаўства. Канцэнтруецца ўвага на плённай творчай рабоце заснавальнікаў кафедры, на яе дасягненнях у фарміраванні новых напрамкаў у развіцці беларускай гістарычнай навукі і арганізацыі новых вучэбных дысцыплін у рэспубліцы. Робіцца выснова, што дасягненнямі кафедры ў першым дзесяцігоддзі закладзены моцны фундамент для яе паспяховай дзейнасці ў наступныя гады.

М. Ю. Герасімовіч. Фонд Брэсцкага абласнога камітэта былой КПБ як крыніца па гісторыі Брэстчыны (1939—1991 гг.).

У артыкуле аналізуюцца склад і змест дакументальных матэрыялаў фонду 1-п Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці за 1939—1991 гг., якія адкладаліся ў працэсе дзейнасці Брэсцкага абкама КПБ. Дадзены звесткі аб арганізацыі працы і структуры абкама, прыводзіцца класіфікацыя дакументаў, у якіх сканцэнтравана інфармацыя, што адлюстроўвае літаральна ўсе аспекты гісторыі Брэстчыны другой паловы XX ст.

С. В. Кулінок. Апытальныя лісты і пратаколы гутарак як крыніца па гісторыі партызанскай разведкі ў 1941—1943 гг. *(па матэрыялах фонду 1450 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь)*.

Артыкул прысвечаны малавывучаным дакументам па гісторыі партызанскага руху — апытальным лістам і пратаколам гутарак. Аўтар даследаваў прычыны ўзнікнення дадзенага віду дакументацыі, яго ўнутраную структуру і інфарматыўнасць, вызначыў станоўчыя бакі і недахопы адзначанай крыніцы па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, а таксама яе месца сярод іншых дакументаў па гісторыі партызанскай барацьбы на акупіраванай тэрыторыі БССР.

В. М. Матох. Фільтрацыйныя справы і трафейныя дакументы на былых ваеннапалонных і рэпатрыіраваных савецкіх грамадзян як гістарычная крыніца *(па матэрыялах фонду 1717 Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці)*.

Аўтар аналізуе склад і змест дакументаў фільтрацыйных спраў, перспектывы іх вывучэння, паказвае магчымыя метады іх выкарыстання ў гістарычных даследаваннях. Паказана каштоўнасць дакументаў фонду 1717 як крыніцы вялікага аб’ёму разнапланавай інфармацыі генеалагічнага, сацыяльна-эканамічнага і гістарычнага характару па перыядзе Другой сусветнай вайны і нацысцкай акупацыі Беларусі — аб становішчы на акупіраваных нацыстамі тэрыторыях СССР, сацыяльна-эканамічнай палітыцы нацысцкай Германіі, прымусовай дэпартацыі насельніцтва акупіраваных тэрыторый, выкарыстанні прымусовай працы ў Еўропе падчас Другой сусветнай вайны, аб лёсах ваеннапалонных, аб працы органаў дзяржбяспекі савецкай дзяржавы, аб пытаннях памяці пра Другую сусветную вайну ў Еўропе і Беларусі, уплыве наступстваў Другой сусветнай вайны на міжнародныя зносіны ў другой палове XX — пачатку XXI ст. Многія дакументы фонду маюць музейную і дэманстрацыйную каштоўнасць.

А. М. Таратута. Справаводства мясцовых судовых і пракурорскіх органаў, якія дзейнічалі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921—1939 гг.

Артыкул прысвечаны характарыстыцы асобных відаў дакументаў, якія ствараліся ў дзейнасці судовых органаў і пракуратуры, устанаўленню нормаў і патрабаванняў да іх

афармлення, а таксама аналізу спецыфікі працы канцылярскай службы судовых органаў і пракуратуры, найбольш значных напрамкаў яе дзейнасці.

Справы судовай вытворчасці прадстаўляюць сабой вельмі каштоўную інфармацыю з пункту погляду як дакументазнаўцаў, так і гісторыкаў. І калі для першых такія справы — гэта падрабязнейшая крыніца па вывучэнні парадку вядзення, фарміравання, выкарыстання і захоўвання інфармацыі ў судах, то для гісторыкаў справа судовай вытворчасці — гэта заўсёды скарб, які дазваляе прасачыць лёс асобнага чалавека праз прызму мінулых дзесяцігоддзяў.

С. С. Рудовіч. Мінскі Савет дэпутатаў: пачатак шляху (1917—1920 гг.).

У артыкуле, прымеркаваным да 95-й гадавіны з часу ўтварэння Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў, разглядаецца працэс яго ўтварэння і асноўныя напрамкі дзейнасці ў перыяд рэвалюцыі і грамадзянскай вайны. Акцэнтуецца ўвага на працэдуры выбрання Савета першых пяці скліканняў, яго партыйным складзе. Паказана трансфармацыя Мінскага Савета з грамадска-палітычнага фарміравання ў дзяржаўны орган. Закранаецца пытанне аб узаемаадносінах Савета з беларускім нацыянальным рухам. У дадатках да артыкула друкуюцца матэрыялы першага нумара «Известий [Минского] Совета рабочих депутатов» ад 5 сакавіка 1917 г. і іншыя малавядомыя крыніцы.

А. А. Лашкевіч. Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне напярэдадні і ў час рэвалюцыі 1905—1907 гг. *(па матэрыялах фонду Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)*.

У артыкуле разгледжаны асноўныя накірункі дзейнасці Віцебскага губернскага жандарскага ўпраўлення ў 1905—1907 гг. На канкрэтных прыкладах адлюстравана яго праца па нейтралізацыі рэвалюцыйнага падполля і сацыяльнага пратэсту. Асаблівая ўвага ўдзелена падзеям 1905—1907 гг.

А. М. Лукашэвіч. Расійскае аператыўнае планаванне (студзень—сакавік 1812 г.): па матэрыялах Расійскага дзяржаўнага ваенна-гістарычнага архіва.

У артыкуле аналізуюцца дакументы расійскага аператыўнага планавання канца 1811 — пачатку 1812 г. Адзначаецца, што ў адпаведнасці з планамі вясной 1812 г. расійскія войскі павінны былі ўступіць на тэрыторыю Прусіі і Княства Варшаўскага. Пры гэтым у плануемых варыянтах прадугледжвалася не простае разбурэнне тэрыторыі верагоднага праціўніка, а разгром яго арміі, захоп Варшавы і ўзяцце пад свой кантроль лініі Віслы. Непазбежным вынікам ажыццяўлення падобнага аператыўнага плана павінна было стаць абвяшчэнне «Польскага Каралеўства». У цэлым, змены ў раскладзе палітычных сіл у Еўропе да пачатку красавіка 1812 г. прадвызначылі адмову Расіі ад правядзення наступальнай аперацыі з мэтай «змены ўрадаў».

П. А. Некрашэвіч. Удзел генералаў Асобнага Літоўскага корпуса ў вайне 1812 г.: па даных пісьмовых крыніц.

Артыкул прысвечаны ўдзелу ў вайне 1812 г. генералаў Асобнага Літоўскага корпуса (1817—1831). Дадзеная вайсковая адзінка камплектавалася рэкрутамі з заходніх губерняў і была раскватаравана на тэрыторыі Валынскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў, а таксама Беластоцкай вобласці. Аналізуецца роля генералаў у перамозе расійскай арміі над Напалеонам, прафесійныя і асабістыя якасці, уплыў кампаній 1812—1814 гг. на іх далейшую вайсковую кар'еру. Вылучаюцца прынцыпы, якімі кіраваўся расійскі ўрад, фарміруючы вышэйшы афіцэрскі склад Асобнага Літоўскага корпуса. Нададзена ўвага ўзроўню адукацыі генералаў корпуса, а таксама іх сувязі з тайнымі таварыствамі Расійскай імперыі.

А. М. Латушкін. Дакументальныя страты Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў у пачатку XIX ст. (справа К. Квяткоўскага).

У артыкуле разглядаецца праблема дакументальных страт Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў і, у прыватнасці, выпадак незаконнага прысваення манускрыптаў і кніг з нясвіжскага замка бібліятэкарам Дамініка Радзівіла К. Квяткоўскім (1804—1810 гг.). Аўтарам устаноўлена месца сучаснага захоўвання асноўнага комплексу рукапісаў — Бібліятэка Польскай акадэміі навук у г. Курніку, выяўлены крыніцы, якія даюць магчымасць узнавіць гісторыю пераходу іх на захоўванне ў дадзеную ўстанову, вызначыць склад комплексу, высветліць прававыя аспекты справы. Прыводзіцца спіс выяўленых дакументаў.

Л. І. Масяйчук. Крыніцы па гісторыі семінарскай адукацыі ўніяцкага духавенства ў Беларусі (1743—1839 гг.).

Артыкул прысвечаны аналізу крыніц, якія закранаюць гісторыю эвалюцыі семінарскай духоўнай адукацыі ўніяцкага святарства ў Беларусі ў 1743—1839 гг. Вылучаюцца дзве асноўныя групы крыніц: апублікаваныя (заканадаўчыя і нарматыўныя акты, а таксама дакументы ўласнага паходжання) і архіўныя матэрыялы. Адзначаецца, што асноўная крыніцазнаўчая база па дадзенай тэме захоўваецца ў расійскіх гістарычных архівах і з'яўляецца дастаткова поўнай і рознабаковай. Падкрэсліваецца, што ўвядзенне ў навуковы абарот аналізуемых у артыкуле крыніц дасць магчымасць правесці не толькі рэканструкцыю асобных навучальных устаноў, але і прасачыць этапы станаўлення і развіцця семінарскай духоўнай уніяцкай адукацыі.

В. В. Урублеўскі. Візіты ўніяцкіх храмаў як крыніца для рэканструкцыі штодзённасці сялянства Беларусі другой паловы XVIII ст. *(па матэрыялах НГАБ)*.

Па матэрыялах НГАБ як крыніцы па гісторыі прыватнай, грамадскай і гаспадарчай штодзённасці сялянскага насельніцтва даследуюцца візіты (акты апісання) уніяцкіх храмаў другой паловы XVIII ст. Праводзіцца агляд гістарыяграфіі, адзначаецца крыніцазнаўчая каштоўнасць візітаў.

Г. М. Брэгер, Л. А. Лінская. Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (дакументы 436—532 за 1733—1746 гг.).

Чарговая публікацыя дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра за 1733—1746 гг. асвятляе гісторыю манастыроў і цэркваў Слуцкай праваслаўнай архімандрыі, складанасці існавання праваслаўнай царквы ў ВКЛ у гэты перыяд, узаемаадносіны святароў і іерархаў розных канфесій і свецкіх асоб, сацыяльна-эканамічную гісторыю паселішчаў рэгіёна.

Ю. М. Лаўрык. Кнігавыдавецкая дзейнасць Спірыдона Собаля ў Куцейне.

Даследуецца кнігавыдавецкая дзейнасць Спірыдона Собаля ў Куцейне і разглядаюцца пытанні, недастаткова распрацаваныя ў літаратуры. Асаблівая ўвага нададзена праблеме Собалевых выданняў з несапраўднымі выходнымі данымі, адносна паходжання якіх у літаратуры да апошняга моманту не было адназначнага меркавання. На падставе аналізу звестак, якія прысутнічаюць на тытульных аркушах гэтых выданняў, а таксама вывучэння паперы, аўтар робіць спробу высветліць іх сапраўднае месца выхаду. Даводзіцца, што выдадзены каля 1632 г. «Актоіх» з несапраўднымі выходнымі звесткамі быў выпушчаны Собалем менавіта ў Куцейне (а не ў Буйнічах, як дапускалася гісторыкамі), у той час як абодва выданні «Ліманара» ўбачылі свет яшчэ ў Кіеве ў 1628 і 1629 гг.

Я. С. Мальчэўскі. Экспертыза каштоўнасці патэнтавых дакументаў.

Артыкул прысвечаны даследаванню асаблівасцей экспертызы каштоўнасці патэнтавых дакументаў у Рэспубліцы Беларусь. Разглядаюцца магчымасці выкарыстання агульных і спецыфічных крытэрыяў ацэнкі дакументаў у адносінах да патэнтавых дакументаў. На аснове аналізу заканадаўства ў сферы прамысловай уласнасці аўтарам вызначаюцца крытэрыі і парадак экспертызы каштоўнасці розных катэгорый заявак на аб'екты прамысловай уласнасці. Вылучаюцца віды патэнтавых дакументаў, якія маюць навукова-гістарычную каштоўнасць і падлягаюць пастаяннаму захоўванню.

В. С. Іванова. Праблемы развіцця архіўнай тэрміналогіі ў Беларусі.

У артыкуле вылучаны асноўныя тэндэнцыі ў складванні архіўнай тэрміналогіі ў Беларусі на этапах фарміравання, нармалізацыі і стандартызацыі. На сучасным этапе развіцця архіўнай тэрміналогіі вызначаецца шэраг тэндэнцый і праблем да вырашэння: недастатковае выкарыстанне сучасных навуковых распрацовак пры правядзенні стандартызацыі, імкненне да жорсткага (стандартызаванага) ужывання тэрмінаў за межамі афіцыйнай дакументацыі і архіўнай практыкі, фактычная адсутнасць комплексных навуковых даследаванняў, якія б спрыялі асэнсаванню і карэкціроўцы існуючай архіўнай тэрмінасістэмы, моцны ўплыў дакументазнаўчых падыходаў на развіццё архіўнай тэрміналогіі.

Д. А. Сіняк. Падыходы да камплектавання архіваў каледжаў і ўніверсітэтаў у ЗША і Вялікабрытаніі.

У артыкуле на аснове аналізу амерыканскіх і брытанскіх крыніц па тэорыі і метадыцы камплектавання архіваў каледжаў і ўніверсітэтаў ЗША і Вялікабрытаніі вылучаюцца падыходы да ўстанаўлення палітыкі камплектавання архіваў дадзеных устаноў, вызначэння складу дакументаў, якія прымаюцца на захоўванне ў іх архівы, парадку доступу да архіўных дакументаў. Аналізуюцца агульныя пытанні тэорыі і практыкі экспертызы каштоўнасці дакументаў і камплектавання архіваў, якія знайшлі адлюстраванне ў англамоўных крыніцах.

У. М. Буцько. Вусная гісторыя і архівы: амерыканскі вопыт.

У артыкуле паказаны досвед працы архіваў і бібліятэк ЗША ў галіне вуснай гісторыі. Аўтар даследуе ўплыў архівістаў на працэс інстытуалізацыі вуснай гісторыі. Разглядаюцца першыя праекты па ёй, якія насілі ярка выражаны архіўны характар. Асаблівае месца ў артыкуле аўтар адводзіць характарыстыцы змен, якія адбыліся ў працэсе збору і прэзентацыі матэрыялаў вуснай гісторыі пад уплывам навукова-тэхнічнай рэвалюцыі канца XX — пачатку XXI ст.

Л. Л. Леўчанка. Фарміраванне сістэмы архіўнай адукацыі ў ЗША: навукоўцы, дыскусіі, вынікі.

Асветлены ідэі, меркаванні, дыскусіі амерыканскіх навукоўцаў-архівістаў па пытанні выкладання архіўных дысцыплін у вышэйшых навучальных установах ЗША, спробы стварэння архіўных курсаў і інстытутаў, змаганне амерыканскіх архівістаў за адкрыццё самастойных факультэтаў архіўнай справы ва ўніверсітэтах. Разгледжана дзейнасць камітэтаў па адукацыі Таварыства амерыканскіх архівістаў. Адлюстраваны розныя погляды амерыканскіх навукоўцаў на месца і метады выкладання архівазнаўчых дысцыплін: гістарычныя факультэты і метады выкладання гісторыі або бібліятэчныя школы і метады бібліятэказнаўства. Нададзена ўвага пытанню правядзення сертыфікацыі і дзейнасці Акадэміі сертыфікаваных архівістаў. Ахарактарызаваны мэты архіўнай адукацыі ў ЗША, устаноўленыя Таварыствам амерыканскіх архівістаў. Звернута

ўвага на міждысцыплінарны характар архіўнай адукацыі ў ЗША і яго неадрыўнасць ад практычнай базы — архіўных устаноў.

Т. Д. Гярновіч. ІўПератэн «Адміністрацыя і тры ўзросты архіваў».

Упершыню публікуецца пераклад на рускую мову артыкула ІваПератэна «Адміністрацыя і тры ўзросты архіваў», апублікаванага на французскай мове ў 1961 г. і стаўшага фундаментам для сучаснай тэорыі французскага архівазнаўства. У працы ІваПератэна абгрунтавана, што ўжыванне прынцыпу павагі фонду залежыць ад розных упраўленняў дакументам падчас трох «узростаў», перыядаў жыцця архіва.

А. І. Раздорскі. Матэрыялы па гісторыі Беларусі ў асноўным зборы рукапіснай кнігі Аддзела рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі.

У артыкуле прадстаўлены агляд дакументаў XVI—XIX стст. па гісторыі Беларусі, якія захоўваюцца ў складзе фонду «Асноўны збор рукапіснай кнігі» Аддзела рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. Сярод іх пісцовыя кнігі Полацкага павета, даклад генерала Ф. Боўра імператрыцы Кацярыне II аб аглядзе межаў беларускіх губерняў, нарыс з жыцця сялян Віцебскай губерні Альхімовіча, матэрыялы для справаздачы магілёўскага губернатара А. П. Беклямішава, Атлас Магілёўскай і Полацкай губерняў (1777 г.).

У. В. Мальцаў. Псеўданім як крытэрый ідэнтычнасці беларускай сцэны.

У навуковы ўжытак ўводзяцца раней невядомыя псеўданімы, якімі карысталіся дзеячы беларускай сцэны ў 1917—1920-х гг. Вызначэнне грамадзянскіх прозвішчаў носьбітаў псеўданімаў немагчыма без спасылкі на рукапісныя і друкаваныя крыніцы інфармацыі, якія складаюцца ў самастойныя для кожнай персаналіі групы дакументаў. Сукупнасць іх дазваляе праводзіць ідэнтыфікацыю з прымяненнем метадаў сумежных галіновых дысцыплін — гістарычнага дакументазнаўства, мастацтвазнаўства і лінгвістыкі. Сцэнічны псеўданім з’яўляецца спецыфічнай моўнай адзінкай, і ў мэтавым адборы слоў, лексіцы, якая выкарыстоўвалася артыстамі для стварэння «мастацкага імя», праяўляюцца характэрныя асаблівасці беларускага тэатра.

І. М. Шпілеўская. Штатны расклад Мінскай губерні 1796 г.

Публікуецца першы штатны расклад губернскіх і павятовых устаноў Мінскай губерні ў канцы XVIII ст.

П.-М. Бергер. Успаміны Фрыдрыха Людвіга Вайнбергера пра напалеонаўскі паход на Расію ў 1812 г.

Фрыдрых Людвіг Вайнбергер (1794—1869) быў маладым салдатам гарнізона Кёнігсберга, Усходняя Прусія. У чэрвені 1812 г. 400 прускіх артылерыстаў былі ўключаны Напалеонам у склад свайго Вялікага войска, прызначанага для ўварвання ў Расію. Адзін з 12 салдат з усяго атрада, якія выжылі, Вайнбергер вярнуўся дадому з рускага палону ў сакавіку 1813 г. У сваіх мемуарах ён апісаў ўражанні, вынесеныя падчас наступу, баёў, знаходжання на захопленай тэрыторыі, адступлення з Масквы, да якіх дадаў даты, імёны і ваенныя факты. Рукапіс памерам у 78 старонак, як можна меркаваць, быў завершаны каля 1849 г., яго мэта была ў тым, каб служыць асновай вусных аповедаў. Рукапіс захоўваўся ў сям’і на працягу шматлікіх пакаленняў. Гэта, верагодна, адзіная крыніца, якая захавалася і сведчыць пра тое, што ў рускай кампаніі Напалеона прускія салдаты дайшлі да Масквы.

Я. К. Анішчанка. Дакументы пра высяленне яўрэяў Беларусі ў гарады ў 1823 г.

Аўтар друкуе два арыгінальныя лісты беларускіх кагалаў адносна ўрадавых планаў па яўрэйскім пытанні на тэрыторыі Заходніх губерняў Расійскай імперыі ў 1823 г.

В. С. Пазднякоў. Дакументы пра дзейнасць папяровай «фабрыкі» графаў Завішаў у в. Ніз Ігуменскага павета (першая палова XIX ст.).

Публікуюцца два дакументы 1830-х гг. пра дзейнасць папяровай «фабрыкі» графаў Завішаў у в. Ніз Ігуменскага павета (першая палова XIX ст.).

РЕЗЮМЕ

В. И. Адамушко, Н. В. Бебенин. О Законе Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь».

В анализируемом в статье Законе систематизированы законодательные нормы по правовому регулированию в сфере архивного дела и делопроизводства и сняты имевшиеся в этом вопросе противоречия. В Законе также учтены современные тенденции развития общества, и его реализация будет содействовать совершенствованию архивного дела и делопроизводства и самое главное — отвечать интересам граждан нашей страны, а также интересам иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь.

Т. И. Седляревич. 90 лет истории архивных органов и учреждений Республики Беларусь.

В 2012 г. архивные органы и учреждения Республики Беларусь отмечают свое 90-летие. На протяжении всего этого времени они неукоснительно осуществляли политику государства в сфере архивного дела и делопроизводства, которая направлена на обеспечение потребителей ретроспективной информацией, необходимой для решения задач политического, экономического и культурного развития страны, стабильного и устойчивого развития общества.

В статье, приуроченной к юбилею архивных органов и учреждений страны, делается экскурс в историю архивного дела в Республике Беларусь. Рассматриваются основные этапы истории архивных органов и учреждений Республики Беларусь с 1922 г. и до наших дней, новации, вносимые каждым из этих периодов в их историю. Дается краткая аналитическая информация о сегодняшнем состоянии архивного дела в Республике Беларусь.

Э. М. Савицкий. Правовые основы деятельности органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь *(80-е годы XX — начало XXI в.)*.

В статье в историко-архивоведческом аспекте прослеживается процесс становления и развития правовой базы деятельности местных представительных и распорядительных органов, институтов непосредственной демократии за 20 лет после обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета. Анализируются советские конституции и Конституция Республики Беларусь, законы о местном управлении и самоуправлении, акты Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь, кодексы Республики Беларусь и другие документы, отдельными нормами которых регулируются некоторые вопросы местных органов власти.

Л. М. Захарова. Взаимодействие Комитета государственного контроля Республики Беларусь с международными организациями высших контрольных органов.

Раскрывается значение финансового контроля в решении социально-экономических задач. Отражается деятельность Комитета государственного контроля Республики Беларусь как полноправного члена международных организаций финансового контроля, таких, как ИНТОСАИ, ЕВРОСАИ, Совета руководителей высших органов финансового контроля государств — участников СНГ и других, их роль в выработке международных стандартов контрольной деятельности, борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, нарушениями налогового, бюджетного законодательства субъектами хозяйствования.

А. А. Войтович. Правовые источники по истории развития системы высшего образования в Республике Беларусь.

Статья посвящена анализу основных правовых актов как источников по истории развития системы высшего образования в Республике Беларусь. Рассматриваются ведущие тенденции развития вузовского образования в Республике Беларусь в период 1991—2010 гг. Избранная автором тема исследования актуальна в аспекте осуществляемых преобразований в системе менеджмента качества образования в Республике Беларусь.

В. Н. Сидорцов. Зарождение и становление кафедры источниковедения исторического факультета БГУ (1992—2001 гг.).

В статье рассматриваются факторы, определившие создание кафедры источниковедения. Концентрируется внимание на плодотворной творческой работе основателей кафедры, на ее достижениях в формировании новых направлений в развитии белорусской исторической науки и организации новых учебных дисциплин в республике. Делается вывод, что достижениями кафедры в первом десятилетии заложен прочный фундамент для ее успешной деятельности в последующие годы.

М. Ю. Герасимович. Фонд Брестского областного комитета бывшей КПБ как источник по истории Брестчины (1939—1991 гг.).

В статье анализируется состав и содержание документальных материалов фонда 1-п Государственного архива Брестской области за 1939—1991 гг., отложившихся в процессе деятельности Брестского обкома КПБ. Даны сведения об организации работы и структуре обкома, приводится классификация документов, в которых сосредоточена информация, отражающая буквально все аспекты истории Брестчины второй половины XX в.

С. В. Кулинок. Опросные листы и протоколы бесед как источник по истории партизанской разведки в 1941—1943 гг. *(по материалам фонда 1450 Национального архива Республики Беларусь)*.

Статья посвящена малоизученным документам по истории партизанского движения — опросным листам и протоколам бесед. Автор исследовал причины появления данного вида документации, его внутреннюю структуру и информативность, определил достоинства и недостатки указанного источника по истории Великой Отечественной войны, а также его место среди других документов по истории партизанской борьбы на оккупированной территории БССР.

В. М. Матох. Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан как исторический источник *(по материалам фонда 1717 Государственного архива Минской области)*.

Автор анализирует состав и содержание документов фильтрационных дел, перспективы их изучения, описывает возможные методы их использования в исторических исследованиях. Показана ценность документов фонда 1717 как источника большого объема разноплановой информации генеалогического, социально-экономического и исторического характера по периоду Второй мировой войны и нацистской оккупации Беларуси—о положении на оккупированных нацистами территориях СССР, социально-экономической политике нацистской Германии, принудительной депортации населения оккупированных территорий, использовании принудительного труда в Европе в годы Второй мировой войны, о судьбах военнопленных, о работе органов госбезопасности советского государства, о вопросах памяти о Второй мировой войне в Европе и Беларуси, влиянии последствий Второй мировой войны на международные отношения

во второй половине XX — начале XXI в. Многие документы фонда имеют музейную и демонстрационную ценность.

А. Н. Таратута. Делопроизводство местных судебных и прокурорских органов, действовавших на территории Западной Беларуси в 1921—1939 гг.

Статья посвящена характеристике отдельных видов документов, которые создавались в деятельности судебных органов и прокуратуры, установлению норм и требований к их оформлению, а также анализу специфики работы канцелярской службы судебных органов и прокуратуры, наиболее значительных направлений ее деятельности.

Дела судебного производства представляют собой очень ценную информацию с точки зрения как документоведов, так и историков. И если для первых такие дела — это подробнейший источник по изучению порядка ведения, формирования, использования и хранения информации в судах, то для историков дела судебного производства — это всегда клад, который позволяет проследить судьбу отдельного человека через призму прошедших десятилетий.

С. С. Рудович. Минский Совет депутатов: начало пути (1917—1920 гг.).

В статье, приуроченной к 95-й годовщине со времени образования Минского городского Совета депутатов, рассматривается процесс его создания и основные направления деятельности в период революции и гражданской войны. Акцентируется внимание на процедуре избрания Совета первых пяти созывов, его партийном составе. Показана трансформация Минского Совета из общественно-политического формирования в государственный орган. Затрагивается вопрос о взаимоотношениях Совета с белорусским национальным движением. В приложениях к статье печатаются материалы первого номера «Известий [Минского] Совета рабочих депутатов» от 5 марта 1917 г. и другие малоизвестные источники.

А. А. Лашкевич. Витебское губернское жандармское управление накануне и во время революции 1905—1907 гг. *(по материалам фонда Национального исторического архива Беларуси)*.

В статье рассмотрены основные направления деятельности Витебского губернского жандармского управления в 1905—1907 гг. На конкретных примерах отражена его работа по нейтрализации революционного подполья и социального протеста. Особое внимание уделено событиям 1905—1907 гг.

А. М. Лукашевич. Российское оперативное планирование (январь—март 1812 г.): по материалам Российского государственного военно-исторического архива.

В статье анализируются документы российского оперативного планирования конца 1811 — начала 1812 г. Отмечается, что согласно планам весной 1812 г. российские войска должны были вступить на территорию Пруссии и Княжества Варшавского. При этом в предлагаемых вариантах предусматривалось не простое разорение территории вероятного противника с последующим отступлением, а уничтожение его армии, захват Варшавы и взятие под свой контроль линии Вислы. Безусловно, неизбежным следствием осуществления подобного оперативного плана стало бы провозглашение «Польского Королевства». В целом, изменения в расстановке политических сил в Европе к апрелю 1812 г. предопределили отказ России от проведения наступательной операции с целью «смены правительств».

Ф. А. Некрашевич. Участие генералов Отдельного Литовского корпуса в войне 1812 г.: по данным письменных источников.

Статья посвящена участию в войне 1812 г. генералов Отдельного Литовского корпуса (1817—1831). Данное воинское формирование комплектовалось уроженцами западных губерний и было расквартировано на территории Волынской, Гродненской и Минской губерний, а также Белостокской области. Анализируются роль генералов в победе российской армии над Наполеоном, профессиональные и личные качества, влияние кампаний 1812—1814 гг. на их дальнейшую военную карьеру. Выделяются принципы, которыми руководствовалось российское правительство, формируя высший офицерский состав корпуса. Уделено внимание уровню образованности генералов корпуса, а также их связи с тайными обществами Российской империи.

А. Н. Латушкин. Документальные потери Несвижского архива князей Радзивиллов в начале XIX в. (дело К. Квятковского).

В статье рассматривается проблема документальных потерь Несвижского архива князей Радзивиллов и, в частности, случай незаконного присвоения манускриптов и книг из несвижского замка библиотекарем Доминика Радзивилла К. Квятковским (1804—1810 гг.). Автором установлено место современного хранения основного комплекса рукописей — Библиотека Польской академии наук в г. Курнике, выявлены источники, позволяющие воссоздать историю перехода их на хранение в данное учреждение, определить состав комплекса, выяснить правовые аспекты дела. Приводится список обнаруженных документов.

Л. И. Мосейчук. Источники по истории семинарского образования униатского духовенства в Беларуси (1743—1839 гг.).

В статье анализируются источники, касающиеся истории эволюции семинарского униатского духовного образования в Беларуси в 1743—1839 гг. Выделяются две основные группы источников: опубликованные (законодательные и нормативные акты, а также документы личного происхождения) и архивные материалы. Отмечается, что основная источниковедческая база по данной теме сосредоточена в российских исторических архивах и является довольно обширной и разноплановой. Подчеркивается, что введение в научный оборот анализируемых в статье источников позволит провести реконструкцию не только отдельно взятых учебных заведений, но и проследить этапы становления и развития семинарского духовного униатского образования.

В. В. Врублевский. Визиты униатских храмов как источник для реконструкции повседневности крестьянства Беларуси второй половины XVIII в. *(по материалам НИАБ)*.

По материалам Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) как источника по истории частной, общественной и хозяйственной повседневной жизни крестьянского населения исследуются визиты (акты описания) униатских храмов второй половины XVIII в. Проводится обзор историографии, отмечается источниковедческая ценность визитов.

Г. М. Брегер, Л. А. Линская. Архив Слуцкого Тройчанского Свято-Троицкого монастыря (документы 436—532 за 1733—1746 гг.).

Очередная публикация документов Архива Слуцкого Тройчанского Свято-Троицкого монастыря за 1733—1746 гг. освещает историю монастырей и церквей Слуцкой православной архимандрии, проблемы деятельности православной церкви в ВКЛ в данный период, взаимоотношения священников и иерархов разных конфессий и светских лиц, социально-экономическую историю поселений региона.

Ю. Н. Лаврик. Книгоиздательская деятельность Спиридона Соболя в Кутейно.

Исследуется книгоиздательская деятельность Спиридона Соболя в Кутейно и рассматриваются вопросы, недостаточно разработанные в литературе. Особое внимание уделено проблеме изданий Соболя с ложными выходными данными; относительно места публикации этих книг в литературе на данный момент не было однозначного мнения. На основании анализа издательских сведений, присутствующих на титульных листах этих книг, а также изучения бумаги, автор приходит к выводу, что изданный около 1632 г. «Октоих» с киевскими выходными данными был опубликован Соболем в Кутейно (а не в Буйничах, как допускалось ранее), в то время как оба издания «Лимонара» вышли в свет еще в Киеве в 1628 и 1629 гг.

Е. С. Мальчевский. Экспертиза ценности патентных документов.

Статья посвящена исследованию особенностей экспертизы ценности патентных документов в Республике Беларусь. Рассматриваются возможности использования общих и специфических критериев оценки документов в отношении патентных документов. На основе анализа законодательства в сфере промышленной собственности определяются критерии и порядок экспертизы ценности различных категорий заявок на объекты промышленной собственности. Выделяются виды патентных документов, имеющие научно-историческую ценность и подлежащие постоянному хранению.

О. С. Иванова. Проблемы развития архивной терминологии в Беларуси.

В статье выделены основные тенденции складывания архивной терминологии в Беларуси в периоды ее формирования, нормализации и стандартизации. На современном этапе развития архивной терминологии определяется ряд тенденций и проблем, требующих решения: недостаточное использование современных научных разработок при проведении стандартизации, стремление к жестокому (стандартизированному) употреблению терминов за границами официальной документации и архивной практики, фактическое отсутствие комплексных научных исследований, которые бы способствовали осмыслению и корректированию существующей архивной терминосистемы, сильное влияние документоведческих подходов на развитие архивной терминологии.

Д. А. Синяк. Подходы к комплектованию архивов колледжей и университетов в США и Великобритании.

В статье на основе анализа американских и британских источников по теории и методике комплектования архивов колледжей и университетов выявляются применяемые в архивах колледжей и университетов США и Великобритании подходы к установлению политики комплектования, определению состава документов, принимаемых на хранение в архивы колледжей и университетов, порядка доступа к ним. Анализируются общие вопросы теории и практики экспертизы ценности документов и комплектования архивов, нашедшие отражение в англоязычных источниках.

В. Н. Бутько. Устная история и архивы: американский опыт.

В статье показан опыт работы архивов и библиотек США в области устной истории. Автор исследует влияние архивистов на процесс институализации устной истории. Рассматриваются первые проекты по устной истории, которые носили ярко выраженный архивный характер. Особое место в статье автор отводит под характеристику изменений, наступивших в процессе сбора и презентации материалов устной истории под влиянием научно-технической революции конца XX – начала XXI в.

Л. Л. Левченко. Формирование системы архивного образования в США: ученые, дискуссии, результаты.

Освещены идеи, мнения, дискуссии американских ученых-архивистов по вопросу преподавания архивных дисциплин в высших учебных заведениях США, попытки создания архивных курсов и институтов, борьба американских архивистов за открытие самостоятельных факультетов архивного дела в университетах. Рассмотрена деятельность комитетов по образованию Общества американских архивистов. Отображены разные взгляды американских ученых на место и методы преподавания архивоведческих дисциплин: исторические факультеты и методы преподавания истории или библиотечные школы и методы библиотековедения. Уделено внимание вопросу проведения сертификации и деятельности Академии сертифицированных архивистов. Охарактеризованы цели архивного образования в США, установленные Обществом американских архивистов. Обращено внимание на междисциплинарный характер архивного образования в США и его неотрывность от практической базы — архивных учреждений.

Т. Д. Гернович. Ив Перотэн «Администрация и три возраста архивов».

Впервые публикуется перевод на русский язык статьи Ива Перотэна «Администрация и три возраста архивов», опубликованной на французском языке в 1961 г. и ставшей фундаментальной для современной теории французского архивоведения. В работе Ива Перотэна обосновано, что применение принципа уважения фонда зависит от различных управлений документом во время трех «возрастов», периодов жизни архива.

А. И. Раздорский. Материалы по истории Белоруссии в основном собрании рукописной книги Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

В статье представлен обзор документов XVI—XIX вв. по истории Белоруссии, хранящихся в составе фонда «Основное собрание рукописной книги» Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Среди них писцовые книги Полоцкого повета, доклад генерала Ф. Боура императрице Екатерине II об осмотре границ белорусских губерний, очерк из жизни крестьян Витебской губернии Альхимовича, материалы для отчета могилевского губернатора А. П. Беклемишева, Атлас Могилевской и Полоцкой губерний (1777 г.).

В. В. Мальцев. Псевдоним как критерий идентичности белорусской сцены.

В научный обиход вводятся ранее неизвестные псевдонимы, использовавшиеся деятелями белорусской сцены в 1917—1920-х гг. Установление гражданских фамилий носителей псевдонимов невозможно без ссылки на разрозненные рукописные и печатные источники информации, складывающиеся в самостоятельные для каждой персоналии группы документов. Совокупность их позволяет проводить идентификацию с применением методов смежных отраслевых дисциплин — исторического документоведения, искусствознания и лингвистики. Сценический псевдоним является специфической языковой единицей, и в целевом отборе слов, лексике, использовавшейся артистами для создания «художественного имени», проявляются характерные особенности белорусского театра.

И. Н. Шпилевская. Штатное расписание Минской губернии 1796 г.

Публикуется первое штатное расписание губернских и уездных учреждений Минской губернии в конце XVIII в.

П.-М. Бергер. Воспоминания Фридриха Людвига Вайнбергера о наполеоновском походе на Россию в 1812 году.

Фридрих Людвиг Вайнбергер (1794—1869) был молодым солдатом гарнизона Кенигсберга, Восточная Пруссия. В июне 1812 г. 400 прусских артиллеристов были включены Наполеоном в состав своей Великой армии, предназначенной для вторжения

в Россию. Один из 12 выживших из отряда, Вайнбергер вернулся домой из русского плена в марте 1813 г. В своих мемуарах он описал впечатления, вынесенные во время наступления, боев, нахождения на захваченной территории, отступления из Москвы, к которым добавил даты, имена и военные факты. Рукопись размером в 78 страниц, как можно предположить, была завершена около 1849 г., ее цель состояла в том, чтобы быть основой устных рассказов. Рукопись хранилась в семье на протяжении многих поколений. Это, вероятно, единственный сохранившийся источник, свидетельствующий о том, что в русской кампании Наполеона прусские солдаты дошли до Москвы.

Е. К. Онищенко. Документы о выселении евреев Беларуси в города в 1823 г.

Автор публикует два оригинальных письма белорусских кагалов относительно правительственных планов по еврейскому вопросу на территории Западных губерний Российской империи в 1823 г.

В. С. Поздняков. Документы о деятельности бумажной «фабрики» графов Завишей в д. Низ Игуменского уезда (первая половина XIX в.).

Публикуются два документа 1830-х гг., отражающие деятельность бумажной «фабрики» графов Завишей в д. Низ Игуменского уезда (первая половина XIX в.).

SUMMARY

Uladzimir Adamushka, Mikalay Byabenin. On the Law of the Republic of Belarus «On Archives and Records Keeping in the Republic of Belarus».

The article deals with the Law which systematized legislation on the legal regulation in the field of archives and records keeping, and removed all the existing conflicts in this matter. The Law also takes into account current trends of society, and its implementation will contribute to the improvement of archives and records keeping, and most importantly — in the interests of our citizens and the interests of foreign citizens and stateless persons permanently residing in the Republic of Belarus.

Tatstsyana Sedliarevich. 90 Years of History of Archival Bodies and Institutions of the Republic of Belarus.

In 2012 archival bodies and institutions of the Republic of Belarus mark their 90 anniversary. Throughout all this time they strictly carried out a policy of the state in sphere of archival affairs and office-work which is directed on maintenance of consumers with the retrospective information necessary for the decision of problems of political, economic and cultural development of the country, stable and a society sustainable development.

In article timed to anniversary of archival bodies and institutions of the country, excursus in history of archival business in the Republic of Belarus is made. The basic stages of history of archival bodies and institutions of the Republic of Belarus since 1922 and up to now, the innovations brought by each of these periods in their history are considered. The short analytical information on a today's condition of archival affairs in the Republic of Belarus is given.

Eduard Savitsky. Legal Framework for Local Government and Self-Government in the Republic of Belarus *(1980th — Early 21st Century)*.

The process of formation and development of the legal framework of the local representative and administrative bodies, institutions of direct democracy in 20 years after gaining Belarus sovereignty is traced in the article. The Soviet Constitutions and the Constitution of the Republic of Belarus, laws on local government and self-government, acts of the President of the Republic of Belarus, the decision of the Council of Ministers, codes of the Republic of Belarus and other documents, which govern some aspects of local administrative bodies are analyzed.

Liliya Zakharava. Cooperation of the State Control Committee of the Republic of Belarus with International Supreme Organizations of Finance Control.

The article emphasizes the significance of the finance control in the solution of social and economic tasks. The author considers the activities of the State Control Committee of the Republic of Belarus as a full member of the international finance control organizations, such as INTOSAI, EUROSAI, of the Board of the state control bodies of the member-states of the CIS, etc., their role in working out international standards of inspection activities, their fight against legalization of profits gained illegally, violation of the tax and budget legislation on the part of business units.

Alyaxandr Vajtovich. Legal Sources on Story of Development of Higher Education System in the Republic of Belarus.

Article is devoted to the analysis of the basic legal acts as sources on stories of development of system of higher education in the Republic of Belarus. The leading tendencies of development of high school education in the Republic of Belarus at 1991—2010 is considered. The theme that selected by the author is considered as actual in aspect of transformations in the system of quality management of education that carried out in Republic of Belarus.

Uladzimir Sidartsou. Source Studying Department of Historical Faculty of Belarusian State University: Origin and Formation (1992—2001).

The article examines the factors that influenced the formation of Source studying department of Historical Faculty of Belorussian State University. The Authors concentrate attention on fruitful creative work of its Founders and their achievements in formation of new directions in Belorussian historical science and organization of new educational disciplines in the Republic. Those achievements became a strong basis for successful work of the Department in future.

Maryja Herasimovich. Fund of Brest Regional Committee of The Communist Party of Belarus as a source on history of Brest Region.

The article analyzed structure and content of documentary materials of fund 1-p of the State archive of the Brest region for 1939—1991, that deposits in the process of activity of the Brest regional committee of CPB. Article gives information about organization of work and structure of regional committee, classification over of documents that concentrated information which reflect literally all aspects of history of Brest region of the second half of the 20th century/

Svyataslau Kulinok. Questionnaires and Protocols of Conversations as a Source of the History of the Partisan Intelligence in 1941—1943 *(on Materials of the Fund 1450 of the National Archive of the Republic of Belarus).*

This article is devoted to the insufficiently explored documents on the history of the partisan movement — in questionnaires and protocols of conversations. The author investigated the reasons of occurrence of this kind of documentation, its internal structure and the informativeness, identified the advantages and disadvantages of this source on the history of the Great Patriotic War, and also its place among the other documents on the history of the partisan struggle in the occupied territory of the BSSR.

Vasil Matokh. Filtrational Records and Trophy Documents on the Former Prisoners of War and the Repatriated Soviet Citizens as a Historical Source *(on Materials of the Fund 1717 of the State Archive of Minsk Region).*

The author analyses structure and contents of filtrational records documents, prospects of their studying, describes possible methods of their use in historical researches. The article describes the value of fund 1717 documents as source of large volume versatile information of genealogical, social and economic and historical character on the period of the Second World War and Nazi occupation of Belarus — about situation in the soviet occupied territories, social and economic policy of Nazi Germany, compulsory deportation of the occupied territories population, usage of forced labor in Europe in days of the Second World War, about destinies of prisoners of war, about soviet state security service activity, about questions of memory about Second World War in Europe and Belarus, influence of Second World War consequences on the international relations in the second half of 20th — the beginning of the 21st centuries. Many documents of fund have museum and demonstration value.

Alyaksey Taratuta. Records Management of Local Court of Justice and Prosecutor's Offices in Western Belarus in 1921—1939.

Article is devoted to the characteristic of separate kinds of documents which were created in activity of court of justice and Prosecutor's offices, for establishment of norms and requirements for their registration, and also to the analysis of specificity of writing service's work of court of justice and Prosecutor's offices, the most considerable directions of its activity.

Affairs of judicial inquiry represent very valuable information from the point of view for specialists in records management and historians. And if for the first such affairs is the most detailed source on studying of an order of conducting, formation, use and information storage in

courts, then for historians lawsuite is always a treasure which allows to track destiny of the separate person through a prism of the last sentury.

Stanislau Rudovich. Minsk Soviet of Deputies: Beginning of a Way (1917—1920).

In the article timed to the 95th anniversary of creation of Minsk town Soviet of Deputies, process of its creation and principal directions of activity in the period of Revolution and Civil War are considered. Attention is focused on the procedure of Soviet elections of the first five convocations and its party membership. Transformation of the Minsk Soviet from a social and political formation to the state body is shown. Question of relations between the Soviet and the Byelorussian national movement is examined. Materials of the 1st issue of «Izvestia of the [Minsk] Soviet Workers Deputies», 5 march 1917 and other little known sources are published in Appendix to the article.

Alyaksandr Lashkevitch. The Vitebsk Jendarme Agency in the Beginning of the 20th Century *(from the Fund of the NHAB)*.

The article opens the main directions of the activity of the agency during this period. The work of the agency is reflected by the specific examples of its struggle against revolutionary underground and social protest. Particularly attention is devoted to the events of years 1905—1907.

Andrey Lukaszevich. Russian Operational Planning (January—March 1812): Based on the Russian State Military History Archives.

The article analyzes the documents of the Russian operational planning end 1811 — early 1812. It is noted that according to the plans in the spring of 1812, Russian troops were to enter the territory of the Prussia and Duchy of Warsaw. In the proposed option was to not only ruin a potential enemy territory, and the destruction of his army, the capture of Warsaw and taking control of the line of the Vistula. The inevitable consequence of the implementation of this operational plan would be a proclamation of «The Kingdom of Poland». In general, changing alignment of political forces in Europe in April 1812 determined the refusal of Russia to conduct offensive operations to a «change of government.»

Philip Nekrashevich. Participation of the Generals of the Separate Lithuanian Corps in the War of 1812: Based on Written Sources.

This article devoted to participation of the generals of the Separate Lithuanian corps in the War of 1812. This military unit recruited soldiers of the western provinces and was stationed on the territory of Volynskaya, Grodenskaya, Minskaya provinces and Belastok region. The article examines the role of these generals in the victory of the Russian army over Napoleon, their professional and personal qualities, the impact of campaign 1812—1814 years to further their military career. The author highlighted the principles that guided the Russian government, forming the highest officers of the Lithuanian Separate Corps. Also the attention is paid to the level of their education and their relations with the secret societies of Russian empire.

Andrey Latushkin. Loss of Documents of Niasvizh Archives of Princes Radziwill in the Early 19th Century (the Case of K. Kwiatkowski).

The article devoted to the problem of loss of documentary Niasvizh archive Princes Radziwill, and in particular the case of misappropriation of manuscripts and books from the Niasvizh castle librarian Dominik Radziwill K. Kwiatkowski (1804—1810). The author has found a place of modern storage a core set of Manuscripts — Library of the Polish Academy of Sciences in Kurnik, identified sources, allowing them to reconstruct the history of the transition be deposited in the institution, to determine the composition of the complex, to determine the legal aspects of the case. A list of documents found.

Liudmila Masiaychuk. Sourses on the History of the Uniate Seminary Theological Education in Belarus in 1743—1839.

The sourses are analyzed in the article concerning the history of the evolution of the Uniate seminary theological education in Belarus in 1743—1839. There are two main groups of sources: published (which include laws and regulations, as well as private documents), and archival materials. It is noted , that the source of Vedic base, conserning to the said problems,is concentrated in the Russian historical archives and is fairly extensive and varied. It is emphasized that their introduction in a scientific turn will allow for the reconstruction of not only individual schools but also to trace the stages of formation and development of the Uniate seminary spiritual formation.

Vadzim Urubleuski. Visitations of Uniate Churches as Sources for Reconstruction of Everyday Life of Belarusian Peasants in the Second Half of the 18th century *(Based on Documents of the NHAB).*

Based on the documents of the National Historical Archives of Belarus the author examines visitations of Uniate churches as sources of the history of personal, community and economic everyday life of peasants in the second half of the eighteenth century. The author provides a survey of the historiography and indicates the value of visitations as historical sources.

Herman Breger, Larysa Linskaya. The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (documents Nr. 436—532, c. 1733—1746).

The current publication of the documents (1733—1746) of the archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk reveals the history of the monasteries of the churches of the Slutsk Orthodox Archimandrite, the problems of the activities of Orthodox Church in the Grand Duchy of Lithuania during this period, relations between priests and bishops of various confessions and secular people, socio-economic history of towns and villages in the region.

Jury Lauryk. Spirydon Sobal's Publishing Activity in Kuciejna.

The article is dedicated to publishing activity of Belarusian printer Spirydon Sobal in Kuciejna with special attention paid to the questions, which are not clearly understood by researchers now. The author gives a special emphasis to Sobal's issues with false data of publication, about which there is not consensus of opinion in literature of subject. Based on the analyses of information at the title pages as well on studying of watermarks of those issues the author comes to conclusions that the «Ochtoichos» c. 1632 with false data was published by Sobol in Kuciejna (not in Bujnichy) and that both editions of «Limanar» came out in Kiev: in 1628 and in 1629.

Yauhen Malcheuski. Appraisal of Value of the Patent Documentation.

The article is dedicated to the study of the appraisal of value of the patent documentation in the Republic of Belarus. Within the framework of the work common and specific criteria of estimation of patent documentation are considered. On the basis of the analysis of Belarusian legislation on industrial property criteria and order of the value appraisal of application files are determined. The author defines historically important categories of the patent documentation for permanent storage.

Volha Ivanova. The Problems of Development of Archival Terminology in Belarus.

The article highlights the major trends in the formation of archival terminology in Belarus, at the stages of formation, the normalization and standardization. At the present stage of development of archival terminology is determined by a number of trends and problems to solve: insufficient use of modern scientific investigations during the standardization, the aspiration for using standardized terminology outside of the archival practice, the actual lack of compre-

hensive research, which could contribute to understanding and correcting existing archival terminological system. The problems may be solved with the practical archival achievements and the contemporary theoretical approaches of terminological and archival studies.

Dar'ya Sinyak. The acquisition policy of the archives of colleges and universities in the US and UK.

The article is devoted to the analysis of American and British sources on the acquisition policy of the academic archives. The structure of the documents adopted for the storing in the archives of colleges and universities, some aspects of access to this documentation are defined in the article. Besides the author analyzes general aspects of theory and practice of appraisal and acquisition policy of the documents, which are reflected in the English-language sources.

Uladzimir Butsko. Oral History and Archives: the American Experience.

In this article the author wrote about the american experience of archives and libraries in the field of oral history. The author investigated the influence of archivists on process of institualisation of oral history. The first projects on oral history which had strongly pronounced archival character are considered. In the article the author assigned a special role for the characteristics of changes which came in the process of gathering and presentation of materials of oral history under the influence of scientific and technical revolution of the end of 20th — the beginnings of 21st centuries.

Larysa Leuchanka. The Development of Archival Education in the US: Scientists, Debates and Results.

In this article the ideas, opinions and discussions of American archivists on archival courses teaching at high education institutions in the US, attempts to create archival courses and institutions, struggle of American archivists for opening an independent archival faculties in universities are highlighted. The activities of the Society of American Archivists' Committees on Education are considered. Different views of American scientists on place and methods of archival disciplines teaching, historical faculties and methods of teaching history or library schools and library methods, are displayed. Attention is paid to issue of certification and activity of the Academy of Certified Archivists. The purposes of archival education in the United States, established by the Society of American Archivists, are characterized. Attention is drawn to the interdisciplinary nature of archival education in the United States and its intention on practical base — archival institutions.

Tatsyana Gyarnovich. «Administration and the «Three Ages» of Archives» by Ives Perotin.

For the first time published a Russian translation of article by Ives Perotin «Administration and the «Three Ages» of Archives», published in French in 1961 and create a foundation for the modern theory of the French archival. In Ives Perotin justified, that the principle of respect for the Fund depends on the various Records Management at the time of the three «ages,» periods of the life of the archive.

Alyaksey Razdorsky. Materials on the History of Belarus in the Main Collection of the Hand-Written Book Department of Manuscripts of National Library of Russia.

In article the review of documents of 16—19th centuries on history of Belarus which are stored in fund structure «Main collection of the hand-written book» of Department of manuscripts of the National Library of Russia. Among them cadastral books of the Polotsk region, the report of general Bour to empress Ekatherina II about survey of boundary of the Belarusian provinces, the Sketch from life of peasants of the Vitebsk province of Alkhimovich, materials for

the report of the Mogilyov governor A. Beklemishev, the Atlas of the Mogilyov and Polotsk provinces (1777).

Uladzimir Mal'tsau. Alias as the Criterion of Identity of the Belarusian Scene.

Previously unknown aliases used figures of the belarusian scene in 1917—1920's are introduced in scientific parlance. Establishing civilian surnames of personas with alias names can not be without a reference to manuscript and printed sources. Their aggregate allows identification using methods related disciplines – historical records keeping, art criticism and linguistics. Scenic name is a specific linguistic identity, and the target selection of the words, vocabulary, used by artists to create "artistic name" manifest the characteristic features of the belarusian theater.

Iryna Shpileuskaya. The Staff List of Minsk Province 1796.

The first staff list of provincial and district institutions of Minsk province at the end of 18th century is published.

Peter-M. Berger. Memoirs from the Campaign in Russia under Napoleon in the Year 1812, by Friedrich Ludwig Weinberger.

Friedrich Ludwig Weinberger (1794—1869), served as a young soldier in the garrison of Konigsberg, East Prussia. In June 1812, this unit of 400 Prussian artillerymen was forced by Napoleon to join his *Grande Armée* invading Russia. One of only 12 survivors of his unit, Weinberger returned home from Russian custody in March, 1813. Out of his experiences during the advance, in battle, during the occupation of and the retreat from Moscow, he formed a narrative to which dates, names and military facts were added. The fair copy of 78 pages can be assumed to have been finished around 1849, its purpose being to underlie oral lectures. The manuscript was handed down in family tradition. It is probably the only preserved source proving that in Napoleon's Russian campaign, Prussian soldiers, too, marched as far as Moscow.

Yauhen Anishchanka. Documents on Resettlement of Jews of Belarus to the Towns in 1823.

Author publishes two original letters from belarusian kagals as regards a government's plan on jews question jn the territory of the West gubernias of Russian empire in 1823.

Valery Pazdniakou. Documents on the Activities of the Paper «Factory» of Graphs Zavisha in the Village Niz of the Igumen District (First Half of the 19th Century).

Two documents of 1830th on activity of the paper «factory» of graphs Zavisha in the village Niz of the Igumen district are published.

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ «БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацыяй артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць Вучоныя рады БелНДІДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыяй на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главой 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidad.by

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

В. И. Адамушко, Н. В. Бебенин. О Законе Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» 5
Т. И. Седляревич. 90 лет истории архивных органов и учреждений Республики Беларусь.............10
Э. М. Савицкий. Правовые основы деятельности органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь *(80-е годы XX — начало XXI в.)*.............21
Л. М. Захарова. Взаимодействие Комитета государственного контроля Республики Беларусь с международными организациями высших контрольных органов.............38
А. А. Войтович. Правовые источники по истории развития системы высшего образования в Республике Беларусь.............47
В. Н. Сидорцов. Зарождение и становление кафедры источниковедения исторического факультета БГУ (1992—2001 гг.).............56
М. Ю. Герасимович. Фонд Брестского областного комитета бывшей КПБ как источник по истории Брестчины (1939—1991 гг.).............63
С. В. Кулинок. Опросные листы и протоколы бесед как источник по истории партизанской разведки в 1941—1943 гг. *(по материалам фонда 1450 Национального архива Республики Беларусь)*.............72
В. М. Матох. Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан как исторический источник *(по материалам фонда 1717 Государственного архива Минской области)*.............80
А. М. Таратута. Справаводства мясцовых судовых і пракурорскіх органаў, якія дзейнічалі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921—1939 гг.............87
С. С. Рудович. Минский Совет депутатов: начало пути (1917—1920 гг.)....98
А. А. Лашкевіч. Віцебскае губернскае жандарскае ўпраўленне напярэдадні і ў час рэвалюцыі 1905—1907 гг. *(па матэрыялах фонду Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)*.............120
А. М. Лукашевич. Российское оперативное планирование (январь—март 1812 г.): по материалам Российского государственного военно-исторического архива.............129
Ф. А. Некрашевич. Участие генералов Отдельного Литовского корпуса в войне 1812 г.: по данным письменных источников.............141
А. М. Латушкін. Дакументальныя страты Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў у пачатку XIX ст. (справа К. Кваткоўскага).............149
Л. И. Мосейчук. Источники по истории семинарского образования униатского духовенства в Беларуси (1743—1839 гг.).............161

В. В. Урублеўскі. Візіты ўніяцкіх храмаў як крыніца для рэканструкцыі штодзённасці сялянства Беларусі другой паловы XVIII ст. *(па матэрыялах НГАБ)* ... 170
Г. М. Брэгер, Л. А. Лінская. Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (дакументы 436—532 за 1733—1746 гг.) . 184
Ю. М. Лаўрык. Кнігавыдавецкая дзейнасць Спірыдона Собаля ў Куцейне ... 207
Е. С. Мальчевский. Экспертыза каштоўнасці патэнтавых дакументаў ... 217
В. С. Іванова. Праблемы развіцця архіўнай тэрміналогіі ў Беларусі ... 231
Д. А. Синяк. Подходы к комплектованию архивов колледжей и университетов в США и Великобритании ... 239
В. Н. Бутько. Устная история и архивы: американский опыт ... 248
Л. Л. Левченко. Формирование системы архивного образования в США: ученые, дискуссии, результаты ... 260
Т. Д. Гернович. Ив Перотэн «Администрация и три возраста архивов» ... 275
А. И. Раздорский. Материалы по истории Белоруссии в основном собрании рукописной книги Отдела рукописей Российской национальной библиотеки ... 286
В. В. Мальцев. Псевдоним как критерий идентичности белорусской сцены ... 291

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

И. Н. Шпилевская. Штатное расписание Минской губернии 1796 г. ... 302
П.-М. Бергер. Воспоминания Фридриха Людвига Вайнбергера о наполеоновском походе на Россию в 1812 году ... 322
Я. К. Анішчанка. Дакументы пра высяленне яўрэяў Беларусі ў гарады ў 1823 г. ... 344
В. С. Пазднякоў. Дакументы пра дзейнасць папяровай «фабрыкі» графаў Завішаў у в. Ніз Ігуменскага павета (першая палова XIX ст.) ... 348

ПОСТАЦІ

У. Г. Кулажанка. Да 60-годдзя Валянціны Ягораўны Данекінай ... 356
З. А. Александрович. Юбилей П. М. Чёрного ... 357
Профессионал: к 60-летию архивиста, археографа, педагога М. Ф. Шумейко ... 360
В. У. Бабкова. Яўгенія Леанідаўна Бравер ... 363
А. Г. Карапузова, Л. Г. Романович. Архивист по призванию *(к 90-летию со дня рождения Тамары Дмитриевны Либеровской)* ... 366
Чтобы помнили. *К 80-летию со дня рождения К. Ф. Плахотниковой (18.02.1932—14.01.2002)* ... 368
О. В. Бирюкова. Т. А. Воробьева *(к 80-летию со дня рождения)* ... 369
Памяці таварыша ... 371

РЭЗЮМЭ **373**

РЕЗЮМЕ **380**

SUMMARY **387**

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ «БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА» **393**

CONTENTS

ARTICLES

U. Adamushka, M. Byabenin. On the Law of the Republic of Belarus «On Archives and Records Keeping in the Republic of Belarus» ... 5
T. Sedliarevich. 90 Years of History of Archival Bodies and Institutions of the Republic of Belarus ... 10
E. Savitsky. Legal Framework for Local Government and Self-Government in the Republic of Belarus *(1980th — Early 21st Century)* ... 21
L. Zakharava. Cooperation of the State Control Committee of the Republic of Belarus with International Supreme Organizations of Finance Control ... 38
A. Vajtovich. Legal Sources on Story of Development of Higher Education System in the Republic of Belarus ... 47
U. Sidartsou. Source Studying Department of Historical Faculty of Belarusian State University: Origin and Formation (1992—2001) ... 56
M. Herasimovich. Fund of Brest Regional Committee of The Communist Party of Belarus as a source on history of Brest Region ... 63
S. Kulinok. Questionnaires and Protocols of Conversations as a Source of the History of the Partisan Intelligence in 1941—1943 *(on Materials of the Fund 1450 of the National Archive of the Republic of Belarus)* ... 72
V. Matokh. Filtrational Records and Trophy Documents on the Former Prisoners of War and the Repatriated Soviet Citizens as a Historical Source *(on Materials of the Fund 1717 of the State Archive of Minsk Region)* ... 80
A. Taratuta. Records Management of Local Court of Justice and Prosecutor's Offices in Western Belarus in 1921—1939 ... 87
S. Rudovich. Minsk Soviet of Deputies: Beginning of a Way (1917—1920) ... 98
A. Lashkevitch. The Vitebsk Jendarme Agency in the Beginning of the 20th Century *(from the Fund of the NHAB)* ... 120
A. Lukaszevich. Russian Operational Planning (January—March 1812): Based on the Russian State Military History Archives ... 129
Ph. Nekrashevich. Participation of the Generals of the Separate Lithuanian Corps in the War of 1812: Based on Written Sources ... 141
A. Latushkin. Loss of Documents of Niasvizh Archives of Princes Radziwill in the Early 19th Century (the Case of K. Kwiatkowski) ... 149
L. Masiaychuk. Sourses on the History of the Uniate Seminary Theological Education in Belarus in 1743—1839 ... 161
V. Urubleuski. Visitations of Uniate Churches as Sources for Reconstruction of Everyday Life of Belarusian Peasants in the Second Half of the 18th century *(Based on Documents of the NHAB)* ... 170
H. Breger, L. Linskaya. The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (documents Nr. 436—532, c. 1733—1746) ... 184
J. Lauryk. Spirydon Sobal's Publishing Activity in Kuciejna ... 207
Ya. Malcheuski. Appraisal of Value of the Patent Documentation ... 217

V. Ivanova. The Problems of Development of Archival Terminology in Belarus 231
D. Sinyak. The acquisition policy of the archives of colleges and universities in the US and UK 239
U. Butsko. Oral History and Archives: the American Experience 248
L. Levchenko. The Development of Archival Education in the US: Scientists, Debates and Results 260
T. Gyarnovich. «Administration and the «Three Ages» of Archives» by Ives Perotin 275
A. Razdorsky. Materials on the History of Belarus in the Main Collection of the Hand-Written Book Department of Manuscripts of National Library of Russia 286
U. Mal'tsau. Alias as the Criterion of Identity of the Belarusian Scene 291

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

I. Shpileuskaya. The Staff List of Minsk Province 1796 302
P.-M. Berger. Memoirs from the Campaign in Russia under Napoleon in the Year 1812, by Friedrich Ludwig Weinberger 322
Ya. Anishchanka. Documents on Resettlement of Jews of Belarus to the Towns in 1823 344
V. Pazdniakou. Documents on the Activities of the Paper «Factory» of Graphs Zavisha in the Village Niz of the Igumen District (First Half of the 19th Century) 348

PERSONALITIES

U. Kulazhanka. The 60th Anniversary of Valyancina Yagorauna Danekina 356
Z. Aleksandrovich. P. M. Chyornyi Jubilee 357
Professional: the 60th Anniversary of the Archivist, Archeographer, Teacher M. F. Shumeyka 360
V. Babkova. Yaugeniya Leanidauna Braver 363
G. Karapuzava, L. Ramanovich. Archivist by calling *(the 90th anniversary of Tamara Dmitrievna Liberovskaya)* 366
To be Remembered. On the 80th Anniversary of K. F. Plakhotnikova *(18.02.1932—14.01.2002)* 368
V. Birukova. T. A. Varab'yova *(the 80th Anniversary)* 369
Im Memory of Colleague 371

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 13

Рэдактары *Т. М. Мальцава*, *Т. С. Трыгубовіч,*
Т. В. Салавей, *А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванава*
Тэхнічны рэдактар *Л. Д. Ламзіна*

Падпісана да друку 30.11.2012. Фармат 60×84 $^{1}/_{16}$. Папера афс.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,00. Ул.-выд. арк. 24,00. Тыраж 100 экз. Заказ 9.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДІДАС).
ЛИ № 02330/0494378 ад 16.03.2009.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.